

Карл Август Виттфогель (Karl August Wittfogel)
Деспотизм Востока. Сравнительное
исследование тотальной власти (Oriental
Despotism. A comparative study of total power)

Аннотация:

Монография Виттфогеля входит в список "Сто самых влиятельных книг послевоенного периода", опубликованный в литературном приложении газеты "The Times".

[От переводчика](#)

[Предисловие](#)

[Введение](#)

[Глава 1. Природные условия гидравлического общества](#)

[1.А. Изменяющийся человек в изменяющихся природных условиях](#)

[1.В. Место гидравлического общества в истории](#)

[1.С. Природные условия](#)

[1.С.1. Исторические условия бывают одинаковы, важное природное отличие - возможная причина коренных институциональных отличий](#)

[1.С.2. Другие необходимые для возделывания земли природные факторы](#)

[1.С.3. Некоторые необходимые факторы не поддаются компенсирующим действиям человека, другие - поддаются](#)

[1.С.4. Особенности свойства водных ресурсов](#)

[1.Д. Обязательно ли применяется гидравлический потенциал?](#)

[1.Д.1. В имеющей открытый характер исторической ситуации могут, однако, быть узнаваемые примеры ответной реакции](#)

[1.Д.2. Очевидные преимущества ирригационного земледелия](#)

[1.Д.2.а. Если ... , то ...](#)

[1.Д.2.б. Засушливые, умеренно засушливые и влажные районы: гипотетические модели взаимодействия и роста](#)

[Глава 2. Гидравлическая экономика - управленческая и подлинно политическая экономика](#)

[2.А. Разделение труда в гидравлическом земледелии](#)

[2.А.1. Подготовительные и защитные операции отделены от непосредственного возделывания земли](#)

[2.А.1.а. Крупномасштабные подготовительные операции \(цель: ирригация\)](#)

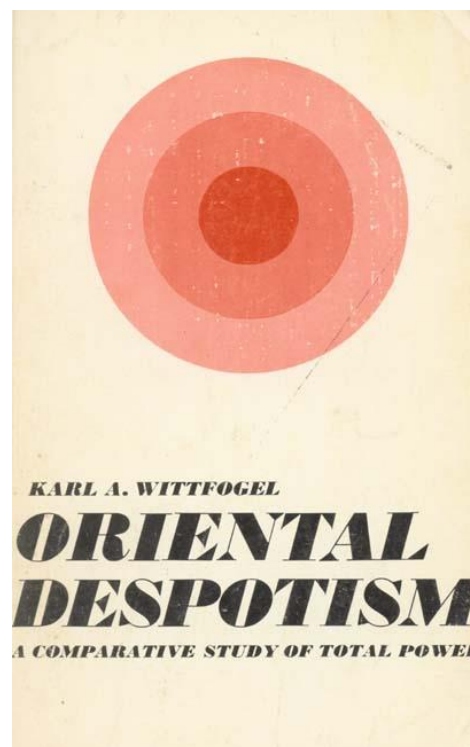
[2.А.1.б. Крупномасштабные защитные операции \(цель: защита от наводнений\)](#)

[2.А.2. Сотрудничество](#)

[2.А.2.а. Масштабность](#)

[2.А.2.б. Интеграция](#)

[2.А.2.с. Руководство](#)

- [2.A.2.d. Гидравлическое руководство есть руководство политическое](#)
- [2.B. Тяжёлые водные сооружения и тяжёлая промышленность](#)
- [2.C. Создание календаря и астрономии - важные функции гидравлического режима](#)
- [2.D. Дополнительная строительная деятельность, свойственная гидравлическим обществам](#)
  - [2.D.1. Неаграрные гидравлические сооружения](#)
    - [2.D.1.a. Акведуки и водохранилища для снабжения питьевой водой](#)
    - [2.D.1.b. Судоходные каналы](#)
  - [2.D.2. Большие негидравлические сооружения](#)
    - [2.D.2.a. Огромные оборонительные сооружения](#)
    - [2.D.2.b. Дороги](#)
    - [2.D.2.c. Дворцы, столицы и гробницы](#)
    - [2.D.2.d. Храмы](#)
- [2.E. Элита гидравлического общества - великие строители](#)
  - [2.E.1. Эстетический аспект](#)
    - [2.E.1.a. Избирательная видимость](#)
    - [2.E.1.b. Монументальный стиль](#)
    - [2.E.1.c. Институциональное значение](#)
- [2.F. Гидравлическое правительство также управляет основной частью всех крупных нестроительных промышленных предприятий](#)
  - [2.F.1. Сравнительный обзор](#)
  - [2.F.2. Власть гидравлического государства над рабочей силой значительней, чем власть капиталистических предприятий](#)
- [2.G. Подлинный и специфичный тип управленческого режима](#)

[Глава 3. Государство сильней общества](#)

- [3.A. Неправительственные силы, конкурирующие с государством за социальное лидерство](#)
- [3.B. Организационное могущество гидравлического государства](#)
  - [3.B.1. Великие строители гидравлического общества - великие организаторы](#)
  - [3.B.2. Основы эффективной организации: подсчёт и учёт](#)
  - [3.B.3. Организационное и гидравлическое управление](#)
    - [3.B.3.a. Организационная задача неотъемлема от больших сооружений, как гидравлических, так и остальных](#)
    - [3.B.3.b. Гидравлическое управление](#)
  - [3.B.4. Организация быстрого передвижения и тайных донесений](#)
  - [3.B.5. Организационные модели военного дела в гидравлическом обществе](#)
    - [3.B.5.a. Монополизация и координация](#)
    - [3.B.5.b. Обучение и мораль](#)
    - [3.B.5.c. Организация снабжения](#)
    - [3.B.5.d. Планирование в военном деле и военная теория](#)
    - [3.B.5.e. Численность войск](#)
    - [3.B.5.f. Процентное соотношение](#)
- [3.C. Накопительная сила гидравлического государства](#)
  - [3.C.1. Организационные и бюрократические предпосылки](#)

- [3.С.2. Работа на государственных землях и/или земельный налог](#)
  - [3.С.3. Всеобщность и обременительность гидравлических налоговых требований](#)
  - [3.С.4. Конфискация](#)
  - [3.Д. Гидравлическое право собственности - непрочное право собственности](#)
  - [3.Д.1. Четыре способа ослабления частной собственности](#)
  - [3.Д.2. Гидравлические законы наследования: принцип](#)
  - [3.Д.3. Применение](#)
  - [3.Д.4. Результат](#)
  - [3.Д.4.a. Для регулируемых деревень](#)
  - [3.Д.4.b. Для владельцев малой частной собственности](#)
  - [3.Д.4.c. Для владельцев крупной частной собственности](#)
  - [3.Д.5. Связанные с наследованием процессы, протекавшие на Западе](#)
  - [3.Д.5.a. Демократические города-государства Древней Греции](#)
  - [3.Д.5.b. Соединённые Штаты после Войны за независимость](#)
  - [3.Д.5.c. Впечатляющий контраст: прочность земельной собственности в позднефеодальной и постфеодальной Европе](#)
  - [3.Д.6. Различные социальные силы, выступающие против бессрочного владения собственностью](#)
  - [3.Д.6.a. Малое и движимое имущество](#)
  - [3.Д.6.b. Государства феодальной и постфеодальной Европы](#)
  - [3.Д.6.c. Гидравлический абсолютизм имел успех там, где потерпели неудачу государства западного \(Occidental\) феодализма и западного \(Occidental\) абсолютизма](#)
  - [3.Д.7. Организационное бессилие владельцев собственности в гидравлическом мире](#)
  - [3.Е. Гидравлический режим связывает себя с господствующей религией страны](#)
  - [3.Е.1. Единственная религия, господствующая религия и второстепенные религии](#)
  - [3.Е.2. Религиозная власть связана с гидравлическим государством](#)
  - [3.Е.2.a. Гидравлический режим иногда бывает \(квази-\) иерократическим](#)
  - [3.Е.2.b. Гидравлический режим часто бывает теократическим](#)
  - [3.Е.2.c. Аграрный деспотизм всегда сохраняет господствующую религию, интегрированную с его системой власти](#)
  - [3.Е.2.d. Изменяющееся положение господствующего сословия жрецов в гидравлическом обществе](#)
  - [3.Ф. Три функциональных аспекта, но единая система тотальной власти](#)
-
- [Глава 4. Деспотическая власть - тотальная и не благожелательная](#)
  - [4.А. Тотальная власть](#)
  - [4.А.1. Отсутствие эффективных конституционных ограничений](#)
  - [4.А.2. Отсутствие эффективных социальных ограничений](#)
  - [4.А.2.a. Нет независимых центров влияния, способных ограничить могущество гидравлического режима](#)
  - [4.А.2.b. Так называемое право восстания](#)
  - [4.А.2.c. Выборы деспотического правителя - не панацея](#)

[4.А.2.d. Внутриправительственные влияния: абсолютизм и самодержавие](#)

[4.А.3. Ни естественное право, ни модели культуры не осуществляют эффективный контроль](#)

[4.В. Демократия нищих](#)

[4.В.1. Управленческий вариант закона изменяющейся административной отдачи](#)

[4.В.1.a. Гидравлическое земледелие: закон возрастающей административной отдачи](#)

[4.В.1.b. Закон сбалансированной административной отдачи](#)

[4.В.1.c. Закон убывающей административной отдачи](#)

[4.В.1.d. Идеальная кривая и подлинность изменяющейся отдачи](#)

[4.В.1.e. Негидравлические сферы политической экономики](#)

[4.В.2. Силовой вариант закона изменяющейся административной отдачи](#)

[4.В.2.a. Обязательные усилия и усилия, дающие результат](#)

[4.В.2.b. Угрожающий уровень затрат на тотальный общественный контроль в полууправленческом обществе](#)

[4.В.2.c. Тотальный социальный контроль не является необходимым для сохранения агроуправленческого деспотизма](#)

[4.В.3. Области личной свободы в гидравлическом обществе](#)

[4.В.3.a. Ограничения управленческого контроля](#)

[4.В.3.b. Ограничения контроля мышления](#)

[4.В.4. Социальные группы обладают различными степенями автономии](#)

[4.В.4.a. Меньше независимости, чем часто предполагается](#)

[4.В.4.a.i. Семья](#)

[4.В.4.a.ii. Деревня](#)

[4.В.4.a.iii. Гильдии](#)

[4.В.4.a.iv. Второстепенные религии](#)

[4.В.4.b. Подлинные элементы свободы всё же присутствуют](#)

[4.В.5. Вывод](#)

[4.В.5.a. Политически несущественные формы свободы](#)

[4.В.5.b. Демократия нищих](#)

[4.С. Гидравлический деспотизм - благожелательный деспотизм?](#)

[4.С.1. Тотальная власть - для пользы народа?](#)

[4.С.2. Утверждения и реальность](#)

[4.С.2.a. Не следует смешивать практическую необходимость с благожелательностью](#)

[4.С.2.b. Коэффициент рациональности гидравлического общества](#)

[4.С.2.c. Чей коэффициент рациональности?](#)

[4.С.3. Господствуют оптимальные условия рациональности правителей](#)

[4.С.3.a. Необходимость и выбор в политике гидравлического режима](#)

[4.С.3.b. Оптимальные управленческие условия правителей](#)

[4.С.3.c. Оптимальные потребительские условия правителей](#)

[4.С.3.d. Оптимальные судебные условия правителей](#)

[4.С.4. 'Абсолютная власть абсолютно развращает'](#)

[4.С.5. Оптимальные условия гласности правителей](#)

[4.С.6. Двоякая функция мифа о благожелательности](#)

[4.С.6.a. Он подчёркивает долгосрочный интерес деспотического режима](#)

- [4.С.6.b. Он ослабляет потенциальную оппозицию](#)
- [4.С.6.c. Наличие хороших государей и справедливых чиновников не способно нарушить господствующую тенденцию](#)
- [4.С.7. Гидравлический деспотизм: благожелательный по форме, жестокий по содержанию](#)

[Глава 5. Тотальный террор - тотальное повиновение - тотальное одиночество](#)

- [5.А. Независимый человек при тотальной власти](#)
- [5.В. Необходимость террора для сохранения оптимальных условий рациональности правителей](#)
  - [5.В.1. Потребность](#)
  - [5.В.2. Официальное признание террора: 'Наказание - это царь!'](#)
  - [5.В.3. Морфология насилия](#)
    - [5.В.3.a. Сравнение интегрированных и фрагментированных моделей насилия](#)
    - [5.В.3.b. Сравнение управляемого и неуправляемого насилия](#)
- [5.С. Террор гидравлического деспотизма](#)
  - [5.С.1. Физический аспект террора](#)
  - [5.С.2. Психологический аспект террора](#)
    - [5.С.2.a. Непредсказуемость](#)
    - [5.С.2.b. Ленин: '... власть, не ограниченная никакими законами'](#)
    - [5.С.2.c. Беззаконный террор и законный террор](#)
  - [5.С.3. 'Правление посредством порки'](#)
    - [5.С.3.a. Террор в управленческих процедурах](#)
    - [5.С.3.b. Террор в финансовых процедурах](#)
    - [5.С.3.c. Террор в судебных процедурах](#)
    - [5.С.3.d. Аналогичные явления на Западе обращают на себя внимание своей временной интенсивностью и своими ограничениями](#)
  - [5.С.4. Меняющиеся формы террора в гидравлическом мире](#)
    - [5.С.4.a. Сравнительно мягкая форма террора](#)
    - [5.С.4.b. Средняя и крайняя формы террора](#)
- [5.Д. Тотальное повиновение](#)
  - [5.Д.1. Реакция человека на угрозу тотального террора](#)
    - [5.Д.1.a. Постулат здравого смысла и добродетель высокой гражданственности: послушание](#)
  - [5.Д.2. Подготовка к тотальному послушанию: дисциплинарное образование](#)
  - [5.Д.3. Великий символ тотального повиновения: падение ниц](#)
- [5.Е. Тотальное одиночество](#)
  - [5.Е.1. Одиночество, порождённое страхом](#)
    - [5.Е.1.a. Правитель: никому не доверять!](#)
    - [5.Е.1.b. Чиновник: вечное подозрение](#)
    - [5.Е.1.c. Простолюдин: страх оказаться в трудном положении](#)
  - [5.Е.2. Потенциал отчуждения тотальной власти](#)
  - [5.Е.3. Повседневная адаптация](#)
  - [5.Е.4. Тотальное одиночество в час гибели](#)

[Глава 6. Центр, периферия и околопериферийная зона гидравлических обществ](#)

6.А. Предварительный критический анализ в середине повествования

6.А.1. Некоторые основные результаты

6.А.2. Три проблемы, заслуживающие дальнейшего исследования

6.А.3. Проблемы гидравлической плотности

6.В. Центральные гидравлические районы

6.В.1. Насколько непрерывна гидравлическая система данного гидравлического района?

6.В.2. Насколько велик экономический и политический вес данной гидравлической экономики?

6.В.3. Насколько силён второй важнейший элемент гидравлической деятельности: борьба с наводнениями?

6.В.4. Плотные и неплотные гидравлические общества

6.В.5. Крупные агроуправленческие империи обычно являются неплотными гидравлическими обществами

6.В.6. Степени гидравлической плотности и степени бюрократической плотности

6.В.6.а. Принцип

6.В.6.б. Изменяющаяся бюрократическая плотность гидравлической территории

6.В.7. Гидравлически заинтересованная и гидравлически незаинтересованная элита гидравлического общества

6.В.8. Периоды агроуправленческой адаптации, упадка и восстановления

6.В.9. Живучесть деградировавших агроуправленческих гидравлических обществ

6.С. Периферия гидравлического мира

6.С.1. Различные рабочие и бюрократические модели плотности в периферийных районах гидравлического мира

6.С.2. Рост собственнических сил

6.С.3. Институциональная живучесть периферийного деспотизма Востока

6.С.3.а. Бюрократические интересы благоприятствуют воспроизведению деспотического строя

6.С.3.б. Поздняя Византия: истощение, а не творческое преобразование

6.С.3.с. Чрезвычайная живучесть царской бюрократии

6.С.3.д. Османская империя

6.С.3.е. Разнообразные заключительные стадии эволюции

6.С.4. Периферийные аграрные деспотии, содержащие значительные гидравлические компоненты

6.С.4.а. Империя Ляо

6.С.4.б. Общество майя

6.С.5. 'Неплотное L2' или 'периферийное M1'?

6.С.6. Фрагментирующие модели наследования и господствующая религия, зависящая от правительства

6.С.7. Расположение, возникновение и институциональная уязвимость периферийных аграрных деспотий

6.С.7.а. Расположение

6.С.7.б. Возникновение

6.С.7.с. Институциональная уязвимость

[6.D. Околопериферийная зона гидравлического мира](#)

[6.D.1. Феномен](#)

[6.D.2. Случаи](#)

[6.D.2.a. Протоисторическая Греция](#)

[6.D.2.b. Ранний Древний Рим](#)

[6.D.2.c. Япония](#)

[6.D.2.d. Домонгольская \(Киевская\) Русь](#)

[6.D.3. Комментарий](#)

[6.E. Общества, которые проходят через институциональный раскол](#)

[6.E.1. Не занимающийся земледелием народ перенимает и передаёт другому народу методы правления аграрного деспотизма](#)

[6.E.1.a. Такие методы не обязательны для кочевого скотоводства, но совместимы с ним](#)

[6.E.1.b. Хрупкость по-Восточному деспотической власти на скотоводческих окраинах гидравлического мира](#)

[6.E.2. Земледельческие цивилизации, проходящие через институциональный раскол](#)

[6.E.2.a. Древняя Греция](#)

[6.E.2.b. Древний Рим](#)

[6.E.2.b.i. Расцвет одного из эллинистических вариантов деспотизма Востока](#)

[6.E.2.b.ii. Закат агроуправленческого деспотизма в Западном Риме](#)

[6.E.2.c. Европа после 476 года](#)

[6.E.2.c.i. Неудачные попытки править по-абсолютистски](#)

[6.E.2.c.ii. Беспрецедентный случай 'Книги Страшного суда'](#)

[6.E.2.d. Испания](#)

[6.E.2.d.i. Завоевание Востоком](#)

[6.E.2.d.ii. Реконкиста](#)

[6.E.2.e. Внедрение деспотизма Востока на Руси](#)

[6.F. Структура и изменение моделей плотности мира Востока](#)

[6.F.1. Структура](#)

[6.F.1.a. Плотность подтипов гидравлического общества](#)

[6.F.1.b. Различная частота встречаемости](#)

[6.F.1.c. Снижение важности собственно гидравлической экономики](#)

[6.F.2. Способность к социальным изменениям](#)

[Глава 7. Модели сложности имущественных отношений в гидравлическом обществе](#)

[7.A. Отношение между людьми, называемое 'собственностью'](#)

[7.B. Объекты права собственности](#)

[7.C. Потенциальная область действия права собственности](#)

[7.D. Три главные модели сложности в гидравлических цивилизациях](#)

[7.D.1. Простая, полусложная и сложная модели собственности](#)

[7.D.2. Дополнительные замечания](#)

[7.D.2.a. 'Простое I' и 'простое II'](#)

[7.D.2.b. Сложность имущественных отношений и гидравлическая плотность](#)

[7.E. Неспецифические и специфические аспекты условий владения](#)

[собственностью племенных гидравлических обществ](#)

[7.E.1. Неспецифические аспекты](#)

[7.E.2. Специфические аспекты](#)

[7.E.3. 'Простое Г'...](#)

[7.F. Модели собственности в простом гидравлическом обществе с централизованной государственностью](#)

[7.F.1. Государственность по сравнению с примитивным правительством](#)

[7.F.2. Ступени профессионализации правительства](#)

[7.F.2.a. Власть вождей племени чагга и древнее государство Гавайских островов](#)

[7.F.2.b. Последствия, касающиеся собственности](#)

[7.F.3. Простые модели земельной, промышленной и торговой собственности](#)

[7.F.4. Разновидности простых моделей гидравлической собственности и гидравлического общества](#)

[7.F.4.a. Гавайи](#)

[7.F.4.b. Перу инков](#)

[7.F.4.c. Фараонский Египет](#)

[7.F.4.d. Древний Китай](#)

[7.F.4.e. Шумер](#)

[7.F.5. Истоки бюрократического капитализма](#)

[7.F.6. Гидравлическая 'губка'](#)

[7.G. Полусложные модели гидравлической собственности и гидравлического общества](#)

[7.G.1. Примеры](#)

[7.G.1.a. Месоамерика до её завоевания конкистадорами](#)

[7.G.1.b. Индия, Китай, Ближний Восток](#)

[7.G.1.c. Византия и Россия](#)

[7.G.2. Насколько могущественными могли стать владельцы движимой активной частной собственности в полусложных гидравлических обществах?](#)

[7.G.2.a. Различные варианты развития](#)

[7.G.2.b. Индуистская Индия](#)

[7.G.2.c. Древняя Месопотамия](#)

[7.G.2.d. Выводы](#)

[7.H. Сложные модели собственности в гидравлическом обществе](#)

[7.H.1. Крупное гидравлическое землевладение в прошлом и настоящем](#)

[7.H.2. Контролируемые правительством и частные земли в гидравлическом обществе](#)

[7.H.2.a. Типы контролируемой правительством земли](#)

[7.H.2.a.i. Управляемая правительством земля](#)

[7.H.2.a.ii. Регулируемая правительством земля](#)

[7.H.2.a.iii. Распределяемая правительством земля](#)

[7.H.2.b. Частная земля](#)

[7.H.2.b.i. Определения](#)

[7.H.2.b.ii. Истоки](#)

[7.H.2.c. Типы земельной собственности](#)

[7.H.2.c.i. Крестьянская земельная собственность](#)

[7.H.2.c.ii. Крупное бюрократическое землевладение](#)

[7.Н.2.с.iii. Другие социальные группы](#)

[7.Н.2.с.iv. Крупное заочное землевладение \(общая тенденция\)](#)

[7.Н.2.с.v. Крупное заочное землевладение \(традиционная Россия\)](#)

[7.Н.2.с.vi. Пограничные случаи регулируемого и частного землевладения](#)

[7.Н.2.d. Пределы частной земельной собственности в различных подтипах гидравлического общества](#)

[7.Н.2.d.i. Простые гидравлические общества](#)

[7.Н.2.d.ii. Полусложные гидравлические общества](#)

[7.Н.2.d.iii. Сложные модели гидравлической собственности и гидравлического общества](#)

[7.Н.3. Насколько свободной является частная земельная собственность в гидравлическом обществе?](#)

[7.Н.3.a. Сравнение деспотически налагаемых и демократически устанавливаемых ограничений частной собственности](#)

[7.Н.3.b. Ограничения, налагаемые на свободу наслаждаться, использовать, передавать и объединяться](#)

[7.I. Влияние частной собственности на гидравлическое общество](#)

[7.I.1. Сохранение гидравлического общества зависит от поддержания правительством своих имущественных отношений](#)

[7.I.2. Возрастающая сложность имущественных отношений и возрастающая сложность общества](#)

[7.I.3. Малая собственность является значительным экономическим стимулом при отсутствии политической власти](#)

[7.I.3.a. Стимулы, присущие частному владению и собственности](#)

[7.I.3.b. Собственность нищих](#)

[7.I.4. Даже когда владельцам частной торговой собственности позволено становиться богатыми, они политически несостоятельны](#)

[7.I.5. Проблемы богатства в рамках правящего класса](#)

[7.I.5.a. Бюрократический гедонизм](#)

[7.I.5.b. Крупное бюрократическое землевладение и бюрократический капитализм](#)

[7.I.6. Выводы, приводящие к новым вопросам](#)

[7.I.6.a. Гидравлическая собственность: собственность для дохода по сравнению с собственностью для власти](#)

[7.I.6.b. Важность - и границы - частной собственности для ключевых классовых различий внутри гидравлического общества](#)

[Глава 8. Классы в гидравлическом обществе](#)

[8.A. Необходимость в новой социологии классов](#)

[8.B. Классовая структура в гидравлическом обществе](#)

[8.B.1. Ключевой критерий: отношение к государственному аппарату](#)

[8.B.2. Разнородная обусловленность социальных групп](#)

[8.C. Правящие](#)

[8.C.1. Представители аппарата](#)

[8.C.1.a. Базовая вертикальная структура](#)

[8.C.1.a.i. Правитель и двор](#)

- [8.C.1.a.ii. Ранжированные чиновники](#)
- [8.C.1.a.iii. Мелкие чиновники](#)
- [8.C.1.b. Горизонтальный рост](#)
- [8.C.1.b.i. Сатрапы](#)
- [8.C.1.b.ii. Подчинённые князья, кураки, раджи](#)
- [8.C.1.b.iii. Градации власти в современных тоталитарных государствах](#)
- [8.C.2. Подклассы, связанные с представителями аппарата](#)
- [8.C.2.a. Связи, основанные на родстве](#)
- [8.C.2.a.i. Правящая фамилия](#)
- [8.C.2.a.ii. Бюрократическое дворянство](#)
- [8.C.2.a.iii. Родственники низших гражданских чиновников и рядовых солдат](#)
- [8.C.2.b. Связи, основанные на полу-, квази- или предчиновничьем статусе](#)
- [8.C.2.b.i. Светские полу чиновники \(торговые и финансовые агенты\)](#)
- [8.C.2.b.ii. Религиозные квазичиновники \(служители господствующей религии\)](#)
- [8.C.2.b.iii. Лица, имеющие предчиновничий статус \(проходящие обучение и кандидаты на служебные должности, имеющие аттестационные степени\)](#)
- [8.C.2.b.iv. Сравнительный комментарий \(профессиональные идеологи в СССР\)](#)
- [8.C.2.c. Разделённые на подклассы, но остающиеся целым](#)
- [8.D. Управляемые](#)
- [8.D.1. Группы простых людей, чьё социальное положение основано на право собственности](#)
- [8.D.2. Рабы](#)
- [8.E. Модификации классовой структуры, которые появляются в обществах завоевателей](#)
- [8.E.1. Завоевание, приводящее к формированию стратифицированных обществ \(первичное завоевание\)](#)
- [8.E.2. Завоевание, приводящее к дальнейшей дифференциации стратифицированных обществ \(вторичное завоевание\)](#)
- [8.E.3. Классовые изменения в династиях завоевателей гидравлических стран](#)
- [8.E.3.a. Китайцы не всегда ассимилировали своих завоевателей](#)
- [8.E.3.b. Способы сохранения гегемонии завоевателей](#)
- [8.E.3.c. Удвоение классов](#)
- [8.F. Множество социальных противоречий при слабой классовой борьбе](#)
- [8.F.1. Социальное противоречие и классовая борьба](#)
- [8.F.2. Тотальная власть парализует классовую борьбу](#)
- [8.G. Противоречие между представителями разных слоёв простых людей](#)
- [8.H. 'Народ' против представителей аппарата](#)
- [8.I. Социальные конфликты внутри правящего класса](#)
- [8.I.1. Ранжированные чиновники против мелких чиновников](#)
- [8.I.2. Бюрократическая конкуренция](#)
- [8.I.2.a. Модели конкуренции различны в различных обществах](#)
- [8.I.2.b. Бюрократическая конкуренция в гидравлическом обществе](#)
- [8.I.3. Гражданские чиновники против военных чиновников](#)
- [8.I.3.a. Самодержец и армия](#)
- [8.I.3.b. Гражданские чиновники против военных чиновников](#)
- [8.I.4. Бюрократические активисты против бюрократического дворянства](#)

8.I.5. Конфликты между самодержцем и другими представителями правящего класса

8.I.5.a. Самодержец против своих родственников

8.I.5.a.i. Родственники по крови

8.I.5.a.ii. Родственники по браку

8.I.5.b. Самодержец против ранжированных чиновников

8.I.5.b.i. Ещё одна проблема самодержавия

8.I.5.b.ii. Человеческие (социальные) отношения выражаются посредством институциональных мер

8.I.6. Самодержавные методы контроля бюрократического персонала

8.I.6.a. Осуществляемый правителем контроль над наследственным чиновничеством (бюрократической знатью)

8.I.6.b. Самодержавные методы ослабления или уничтожения способности ранжированного чиновничества к самовоспроизведению

8.I.6.b.i. Жрецы

8.I.6.b.ii. Простые люди (общие замечания)

8.I.6.b.iii. Простые люди: социальные последствия и ограничения китайской экзаменационной системы

8.I.6.b.iv. Евнухи: принцип

8.I.6.b.v. Евнухи: несколько исторических фактов

8.I.6.b.vi. Личные ведомства деспота не являются зарождающейся партией

8.I.6.b.vii. Племенная знать династий завоевателей

8.I.6.b.viii. Рабы

8.I.7. Регулярные чиновники, контролирующие группы и народ

8.J. Повышение социального статуса

8.J.1. Источники и движущие силы процесса повышения социального статуса

8.J.2. Критерии повышения социального статуса (соответствие со знаком 'плюс'...)

8.J.3. Повышение социального статуса на рабской плантации

8.K. Тотальный правящий класс - монополярная бюрократия

8.K.1. Правящий класс гидравлического общества и высшие классы других стратифицированных обществ

8.K.2. Авторитарные органы власти не обязательно используют тотальную власть

8.K.3. Монополия против конкуренции в социальном руководстве

8.K.4. Монополия социального руководства проявляется в деспотизме Востока как монополия бюрократической организации ('монополистическая бюрократия')

Глава 9. Расцвет и закат теории азиатского способа производства

9.A. Старые и новые теоретические построения идеи однонаправленного развития игнорируют гидравлическое общество

9.A.1. Жившие в XIX веке приверженцы идеи однонаправленного развития

9.A.2. Негативная критика

9.A.3. Теоретический вакуум

9.A.4. Распространение новой, марксистско-ленинской идеи однонаправленного

развития

9.А.5. Необходимость в перепроверке взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на азиатскую систему и деспотизм Востока

9.В. Маркс, Энгельс и Ленин принимают азиатскую концепцию

9.В.1. Маркс разделяет взгляды своих классических предшественников относительно институциональной структуры и эволюционного положения Востока

9.В.2. Азиатская интерпретация Марксом Индии, Китая и постмонгольской России

9.В.2.а. Индия ('азиатское общество'...)

9.В.2.б. Китай (... 'азиатское производство' и частное крестьянское землевладение)

9.В.2.с. Россия ('деспотизм Востока'... сохранён)

9.В.3. Маркс предупреждает о том, что нельзя путать контролируемый государством аграрный строй Азии с рабством или крепостничеством

9.В.4. 'Всеобщее рабство'

9.В.5. На протяжении многих лет Ленин также поддерживал азиатскую концепцию

9.В.5.а. 'Азиатский деспотизм', совокупность черт 'с особыми экономическими, политическими и социологическими признаками'

9.В.5.б. Ленин конкретизирует сделанную Марксом полуазиатскую интерпретацию царской России

9.В.5.с. Ленин считал термин 'феодальная' неподходящим для традиционной России

9.С. Отступление от истины

9.С.1. Маркс

9.С.1.а. Маркс 'мистифицирует' характер правящего класса

9.С.1.б. Дальнейший регресс

9.С.2. Энгельс

9.С.2.а. Азиатское общество - да! (Основная позиция Энгельса)

9.С.2.б. Азиатское общество - да и нет! ('Анти-Дюринг')

9.С.2.с. Азиатское общество - нет! ('Происхождение семьи, частной собственности и государства')

9.С.2.д. Регрессивные тенденции в якобы прогрессивных воззрениях

9.С.2.д.i. Маркс защищает научную объективность от всех чуждых рассуждений

9.С.2.д.ii. 'Грех против науки', совершённый Марксом и Энгельсом

9.С.2.д.iii. От прогрессивного утопизма к утопизму реакционному

9.С.3. Ленин

9.С.3.а. Ленин ещё больше исказил уже искажённую Марксом версию азиатской концепции

9.С.3.а.i. Последовательное игнорирование управленческого аспекта деспотизма Востока

9.С.3.а.ii. Путаное представление о правящем классе России

9.С.3.б. Трактовка истины, данная политическим стратегом

9.С.3.с. Угроза азиатской реставрации (1906-07 годы)

9.С.3.д. Дальнейшие колебания (1907-14 годы)

- [9.С.3.е. Полное отступление \(1916-19 годы\)](#)
- [9.С.3.е.i. 'Империализм как высшая стадия капитализма' Ленина \(1916 год\)](#)
- [9.С.3.е.ii. 'Государство и революция' \(1917 год\)](#)
- [9.С.3.е.iii. Лекция Ленина 'О государстве' \(1919 год\)](#)
- [9.С.3.ф. Последний период жизни Ленина: вновь возникает угроза азиатчины \(Aziatchina\)](#)
- [9.С.4. Сталин](#)
- [9.С.4.а. Возражения 'старой гвардии'](#)
- [9.С.4.б. Половинчатая критика теории общества Востока](#)
- [9.С.4.б.i. Ленинградская дискуссия \(1931 год\)](#)
- [9.С.4.б.ii. Важность дискуссии 1931 года](#)
- [9.С.4.с. Идеологические сумерки](#)
- [9.С.4.д. Сталин 'редактирует' Маркса](#)
- [9.С.4.е. Запоздалая реакция англо-саксонского мира](#)
- [9.С.4.ф. Разгром пресловутой теории азиатского способа производства](#)
- [9.D. Три формы запрета теории азиатского способа производства](#)

[Глава 10. Общество Востока в процессе изменения](#)

- [10.A. Основные концепции типов общества и социального развития](#)
- [10.A.1. Типы общества](#)
- [10.A.1.a. Существенные, специфические и неспецифические элементы общества](#)
- [10.A.1.b. Доиндустриальные стратифицированные общества](#)
- [10.A.1.b.i. Скотоводческое общество](#)
- [10.A.1.b.ii. Некоторые типы античных обществ](#)
- [10.A.1.b.iii. Феодалное общество](#)
- [10.A.1.b.iv. Громоздкое гидравлическое общество](#)
- [10.A.1.b.v. Остальные стратифицированные доиндустриальные общества](#)
- [10.A.2. Социальные изменения](#)
- [10.A.2.a. Формы](#)
- [10.A.2.b. Ценности](#)
- [10.B. Гидравлическое общество в процессе изменения](#)
- [10.B.1. Четыре аспекта самовоспроизведения гидравлического общества](#)
- [10.B.1.a. Потенциал для институционального и культурного роста](#)
- [10.B.1.b. Застой, подражательность и регресс](#)
- [10.B.1.c. Живучесть гидравлического общества](#)
- [10.B.1.d. Социальное изменение, зависящее от внешнего влияния](#)
- [10.B.2. Новейшие модели внешнего влияния](#)
- [10.B.2.a. Модели взаимоотношений](#)
- [10.B.2.b. Влияющая сторона](#)
- [10.B.2.c. Институциональные различия в целевых обществах](#)
- [10.B.3. Социальные итоги](#)
- [10.B.3.a. Россия](#)
- [10.B.3.b. Колонизированные гидравлические страны](#)
- [10.B.3.c. Полузависимые \(полуколониальные\) страны](#)
- [10.B.3.d. Возникает новая эволюционная сила: советский коммунизм](#)
- [10.B.4. Гидравлическое общество в переломный момент](#)

[10.В.4.а. Эволюционная проблема, лежащая в основе большевистской революции](#)

[10.В.4.б. СССР - азиатская реставрация России?](#)

[10.В.4.с. Коммунистический Китай - продукт подлинной азиатской реставрации?](#)

[10.С. Куда движется Азия?](#)

[10.Д. Куда движется западное общество, туда движется человечество?](#)

От переводчика

'Oriental despotism' - уже само название книги несёт для переводчика определённую сложность. Традиционно это словосочетание принято переводить как 'восточный деспотизм'. Однако для русской пары 'Запад-Восток' в английском языке есть две пары: 'West-East' и 'Occident-Orient'. Первая пара подчёркивает географическое положение стран Запада и Востока, вторая - традицию этих стран. Виттфогель же в своей книге для обозначения Запада и Востока почти всегда использует гибридную пару 'West-Orient'. Это можно объяснить тем, что понятие Востока для автора связано именно с традицией, а не с географическим положением. Обосновывая использование термина 'гидравлическая цивилизация', Виттфогель пишет: 'И это позволяет нам без обстоятельной аргументации включить в наше исследование высшие аграрные цивилизации доиспанской Америки, а также провести определённые гидравлические параллели в Восточной Африке и в областях Тихого океана, особенно на Гавайских островах'. То есть Виттфогель выделяет единство традиций, а не географического положения. Наоборот, при анализе Запада он, чётко отделяя античные европейские цивилизации от Европы феодальной и капиталистической, использует термин 'West', чтобы выделить единство географического положения, а не единство традиций. Однако слова 'Occident' и 'East' автором также используются. При переводе эта задача была решена следующим образом: 'West' и 'Orient' переведены как 'Запад' и 'Восток' соответственно. Слова 'Occident' и 'East' переведены как 'Запад (Occident)' и 'Восток (East)' соответственно, с указанием в скобках оригинального английского термина. Аналогично переведены производные от них слова, но для производных от 'Orient' сохранена первая прописная буква (иногда вопреки грамматике русского языка). Все географические названия, содержащие слова 'West' и 'East' и производные от них, переведены согласно правилам русского языка без указания оригинальных английских терминов.

В книге очень много цитат, а сопровождающий книгу справочный раздел, включающий библиографический список и ссылки на конкретные английские и немецкие издания, составляет 100 страниц - почти пятую часть общего объёма книги. Учитывая то, что подавляющее большинство изданий является

труднодоступным для рядового российского читателя, справочный раздел и ссылки в тексте книги полностью опущены (за исключением ссылок, жёстко связанных с основным текстом с помощью указаний типа 'см. '), а цитаты сохранены (и адаптированы к тексту) только в главе 9, где автор в основном разбирает работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Книга Виттфогеля была запрещена в СССР, главным образом - из-за главы 9. Но для современного российского читателя наиболее резкой может показаться не эта 'пресловутая' глава, а конец главы 10, где автор выступает уже не только как учёный, но и как агитатор. А так как ранее в своей книге Виттфогель критикует сторонников однонаправленной модели развития человечества в пользу многонаправленной модели, то здесь он вступает в противоречие сам с собой: если Виттфогель-учёный является сторонником многонаправленной модели, то Виттфогель-агитатор, высказываясь в поддержку диверсионных преобразований Запада в обществах Востока ('продуманное внедрение институциональных изменений'), неявно поддерживает однонаправленную модель развития.

Перевод осуществлён по изданию 'SIXTH PRINTING, MARCH 1967. PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA BY THE MURRAY PRINTING COMPANY, FORGE VILLAGE, MASSACHUSETTS'.

Анатолий Страхов

Предисловие

Два аспекта данного исследования деспотизма Востока сразу привлекли внимание публики: попытка установить особенность незападных полууправленческих систем деспотической власти и интерпретация коммунистического тоталитаризма как одного из тотальных управленческих и более деспотичных вариантов такой системы.

Третий аспект был менее обсуждаем, но он в значительной степени гарантирует любые достигнутые исследованием познания: использование важных структурных концепций с целью выявления важных моделей социальных структур и социальных изменений.

Надо сказать, что этот метод не новый. Он был использован Аристотелем, Макиавелли и физиократами. Этот метод дал впечатляющие результаты, когда Адам Смит и его последователи создали экономическую систему, которая рассматривала подробности производства и сбыта в контексте всего социально-экономического строя.

Затем в течение многих лет метод не привлекал особого внимания. Но сейчас он снова выходит на передний план. Для понимания нашей сложной национальной и интернациональной промышленной экономики нужны всесторонние аналитические средства. Они необходимы для реалистичных оценок сложной деятельности, происходящей в коммунистическом мире. Сегодня экономисты шумят о новой макроэкономике. И социологи, занимающиеся другими научными дисциплинами, также желают найти то, что можно назвать макроаналитической методикой исследования.

Макроаналитическая революция есть самый многообещающий путь развития в условиях современного интеллектуального кризиса. Но она станет успешной, только если мы будем рассматривать эмпирическую реальность в её геоисторической полноте и включим в наш арсенал проверенные важные концепции наших интеллектуальных предшественников. Попытки оценить феномен коммунистического тоталитаризма как коллективное руководство и автократию, экономику власти и экономику потребления, самовоспроизводящуюся и самоликвидирующуюся, принесут больше вреда, чем пользы, если мы полагаемся главным образом на опыт полицентричных обществ и пренебрегаем единственно важным прецедентом способной к успешному продолжительному существованию тотальной власти: деспотизмом Востока. Попытки объяснить аграрный кризис в СССР и в коммунистическом Китае принесут сомнительный результат, если мы будем рассматривать советское сельское хозяйство с точки зрения американского сельского хозяйства и китайское сельское хозяйство с точки зрения советского сельского хозяйства. Такие попытки являются макроаналитическими по замыслу, но полуаналитическими по существу. Они ошибочно обобщают ограниченную и неадекватную эмпирическую базу.

Настоящий макроаналитический исследователь будет бережно использовать теоретическое наследие в своей области, как это делает инженер, который намеревается использовать все творческие возможности своей профессии на земле, под водой и в космосе. Учёный, который думает, что он должен создавать все свои приборы заново, может прекрасно начинать исследование с пустой головой, но он также и закончит его с пустой головой. Будучи правильно применённым, развитый потенциал проверенных в реальности больших концепций огромен. Коренящийся в прошлом опыте и идеях, он использует каждую возможность для работы с новыми эмпирическими данными, которые годны к исследованию.

Я руководствовался макроаналитическими принципами, когда в начале тридцатых годов пытался определить своеобразие китайских экономических систем как часть своеобразного китайского (и азиатского) общества. Я руководствовался ими, когда в начале сороковых пытался определить различие между китайскими династиями завоевателей и обычными китайскими династиями. Я руководствовался ими, когда пытался определить различие между деспотизмом Востока, полицентричными обществами Запада (и

Японией) и коммунистическим (и фашистским) тоталитаризмом. Сегодня я руководствуюсь теми же принципами в моём сравнительном исследовании тотальной и тоталитарной власти.

Настоящее издание воспроизводит первоначальный текст 'Деспотизма Востока' с некоторыми дополнениями и исправлениями третьего американского издания и немецкой публикации. В связи с подготовкой немецкой публикации я хочу поблагодарить Фритца Кула (Амстердам), с которым я обсуждал многие проблемы в длительной переписке.

Первоначальное исследование получило дружескую поддержку многих институтов и частных лиц. Я глубоко признателен институту Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете за разрешение использовать различные исследования, которые составили основу данной книги. Являясь одним из соучредителей проекта истории Китая, Колумбийский университет (Нью-Йорк) предоставил рабочее помещение и библиотеку. В течение нескольких лет Фонд Рокфеллера полностью поддерживал проект, частью которого является данное исследование. Субсидии, предоставленные Американским философским обществом и Фондом Веннер-Грена для антропологических исследований, сделали возможным изучение особых аспектов деспотизма Востока.

Учёные разных научных областей поощряют мои достижения. Не имея возможности перечислить всех, я упоминаю с благодарностью Педро Армилласа, Педро Карраско, Чанг Чунг-Ли, Натана Глейзера, Вальдемара Гурьяна, Карла Менгеса, Франца Микаэля, Джорджа Мёрдока, Анхеля Палерма, Джулиана Стюарда, Дональда Тридгода, Гельмута Вильгельма и Ч. К. Яна. Мне довелось обсуждать ключевые проблемы с двумя выдающимися исследователями современного тоталитаризма: Бертрамом Вулфом и недавно скончавшимся Питером Мейером.

При изучении исламского и доисламского Востока (East) мне особенно помог в моих изысканиях Джерард Сэлинджер. В области исследования Китая я пользовался знаниями Фан Чао-ина, Линче Ту Фан, Леа Киссельгоффа и Тун-цу Чу, все они в момент написания книги были сотрудниками проекта по изучению истории Китая. Берта Грунер внимательно перепечатала и проверила первый черновик анализа российского общества и отношения марксизма-ленинизма к деспотизму Востока, изначально задуманного как отдельная публикация, но в итоге большей частью включённого в данное издание. Рут Рикар была неутомима при подготовке рукописи, вызвавшей много затруднений при работе с формой изложения, источниками материалов и библиографией.

Изучение природы бюрократического тоталитаризма осложняется возникающими серьёзными помехами. Среди тех, кто помогал в преодолении этого, двое должны быть упомянуты особенно. Джордж Тейлор, директор института Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете, не колебавшийся в своём понимании моих попыток и в своей поддержке того, что

порой казалось безнадежно незавершенным. Эстер Голдфранк, моя жена и ближайший соавтор, разделявшая каждый шаг в борьбе за прояснение фундаментальной научной истины и за человеческие ценности.

Моя вера в эти ценности бросила меня за колючую проволоку гитлеровских концентрационных лагерей. Мои заключительные слова обращены к тем, кто, как и я, прошли через этот ад тотального террора. Среди них некоторые надеялись на великую метаморфозу, которая сделала бы их защитниками и господами там, где ранее они были заключенными и жертвами. Они противились не тоталитарной сущности, а тому, что в конце концов с ними случилось.

Остальные читатели реагировали по-разному. Если предоставлялась возможность, они просили меня рассказать всем, кому следует это услышать, о негуманности тоталитарного правления в любой форме. На протяжении многих лет именно эти люди вдохновляли меня на поиски более глубокого понимания природы тотальной власти. Вдохновляли настолько сильно, что мне трудно это выразить.

Карл А. Виттфогель

Нью-Йорк, Сентябрь 1962

Введение

1

Когда в XVI и XVII веках в результате коммерческой и промышленной революции торговое и военное могущество Европы достигло самых отдаленных уголков земли, некоторые проникательные западные путешественники и учёные сделали интеллектуальное открытие, сравнимое с великими географическими открытиями того времени. Созерцая цивилизации Ближнего Востока, Индии и Китая, они нашли в них сочетание институциональных особенностей, которое не существовало ни в античной, ни в средневековой, ни в современной им Европе. В конечном счёте для данного открытия представители классической экономической теории разработали концепцию особенного, так называемого Восточного или азиатского общества.

Общая сущность различных обществ Востока предстала более отчетливо в деспотической силе их политического влияния. Конечно, тираническое правление было известно и в Европе: зарождение капиталистического строя совпало с зарождением абсолютистских государств. Но критические наблюдатели видели, что восточный (Eastern) абсолютизм был более

всеобъемлющим и тираническим, чем его западный двойник. Для наблюдателей Восточный деспотизм предстал жесточайшей формой тотальной власти.

Исследователи форм правления, такие как Монтескьё, были особенно озабочены плачевным состоянием личного имущества при деспотизме Востока, исследователи экономики - управленческим и собственническим размахом деспотизма. Представители классической экономической теории были особенно поражены огромными водными предприятиями, поддерживаемыми в целях ирригации и коммуникации. И они заметили, что фактически везде на Востоке государство было крупнейшим собственником земли.

Эти наблюдения были чрезвычайно важными. По сути, они оказались отправной точкой для систематического и сравнительного исследования тотальной власти. Но такое исследование не было предпринято. Почему? Рассматриваемое само по себе, отступление социологов от проблемы деспотизма Востока сбивает с толку. Но оно легко становится понятным, если мы рассмотрим изменения, которые происходили в XIX века в общих условиях жизни Запада. Абсолютизм торжествовал в Европе, когда Бернье описывал своё пребывание на Ближнем Востоке и в империи Великих Моголов, а Монтескьё писал 'О духе законов'. Но в середине XIX века выборные правительства были учреждены почти во всех промышленно развитых странах. Это способствовало тому, что социальная наука обратилась к проблемам, казавшимся наиболее насущными.

2

Счастливые времена. Счастливые, несмотря на страдания, которые развивавшийся промышленный строй причинял массам неимущих мужчин и женщин. Потрясённый их долей, Джон Стюарт Милль утверждал в 1852 году, что ограничения коммунизма были бы свободой в сравнении с текущим положением большинства человечества. Но он также заявил, что современная промышленная система, основанная на праве собственности, перерастая своё мрачное детство, сможет прекрасно удовлетворить потребности человека, не сводя его личность до податливого единообразия мыслей, чувств и действий.

Счастливые времена. Наиболее требовательная молодежь тех лет могла бороться с фрагментарным деспотизмом привилегий и власти, потому что не жила в системе 'всеобщего рабства'^a. Конечно, она была так далека от образа абсолютистской власти, что не чувствовала необходимости изучать её суть. Некоторые, как Макс Вебер, изучали хоть и не систематически, но обзорно некоторые аспекты бюрократии и государственного управления на Востоке. Но в общем и целом то, что Бьюри сказал о конце периода либерализма, оказалось правдой: были сделаны слабые попытки для того, чтобы определить особенности абсолютизма посредством детального сравнительного исследования.

Счастливые времена. Оптимистичные времена. Слишком уверенно ожидалось восхождение солнца цивилизации, которое сможет разогнать последние следы деспотизма, затемнявшего путь прогресса.

^a Маркс применил этот термин к деспотизму Востока без понимания того, что более полные формы государственного рабства могут возникать в условиях промышленного производства. [Назад](#)

3

Но полдень не выполнил обещания рассвета. Политические и социальные потрясения, более ужасающие, чем всё, что ранее испытали страны современной научной мысли, показывают с болезненной ясностью: то, что было достигнуто наукой до сих пор, не является ни надёжным, ни достоверным. Вместо покорного увядания тотальной власти - её распространение подобно опасной и всепроникающей болезни. Именно это состояние напоминает предшествующий опыт людей с экстремальными формами деспотического владычества. Именно это состояние наводит на мысль о новом, углублённом анализе общества Востока или, как я предпочитаю его сейчас называть, гидравлического общества.

4

В течение тридцати лет я изучал институциональные условия деспотизма Востока, и значительную часть этого времени я довольствовался тем, что называл его 'обществом Востока'. Но чем дальше продвигалось моё исследование, тем больше я чувствовал необходимость в новом наименовании. Различая земледельческое хозяйство, которое включает в себя маломасштабную ирригацию (гидроземледелие), и то, которое включает в себя крупномасштабные и управляемые правительством сооружения для ирригации и меры против наводнений (гидравлическое земледелие), я пришёл к убеждению, что наименования 'гидравлическое общество' и 'гидравлическая цивилизация' выражают особенности обсуждаемого строя более точно, чем традиционные термины. Новое определение, в котором подчёркиваются действия человека, а не географическая составляющая, облегчает сравнение с определениями 'промышленное общество' и 'феодалное общество'. И это позволяет нам без обстоятельной аргументации включить в наше исследование высшие аграрные цивилизации доиспанской Америки, а также провести определённые гидравлические параллели в Восточной Африке и в областях Тихого океана, особенно на Гавайских островах. Подчёркивая заметную роль правительства, термин 'гидравлический', как я определяю его, притягивает

внимание к агроуправленческому и агробюрократическому характеру этих цивилизаций.

5

Настоящее исследование выходит далеко за рамки выводов первых исследователей общества Востока. На последующих страницах мной предпринята попытка систематично описать гидравлическую деятельность человека в засушливом, умеренно засушливом и - в редких случаях - влажном климате. Я также показываю, как главные аспекты гидравлического общества смыкаются в хорошо функционирующем институциональном предприятии.

Это предприятие является основой геоинституциональных связей, которые напоминают промышленное общество тем, что ограниченная центральная область сильно влияет на положение в промежуточных и отдалённых областях. В большинстве случаев эти периферийные области политически подчинены центральным гидравлическим областям, но они также существуют независимо. Очевидно, что организационные и связанные с накопительством социальные институты агродеспотического государства могут развиваться без гидравлических социальных институтов, которые, судя по имеющимся данным, являются причиной возникновения всех исторически важных зон аграрного деспотизма. Понимание отношений между центром и периферией гидравлического общества - едва замеченный первыми аналитиками феномен - является наиважнейшим для понимания Западного Рима, поздней Византии, цивилизации майя и постмонгольской (царской) России.

В вопросе частной собственности первым институционалистам было достаточно показать, что государство Востока контролирует стратегические средства производства и - самое главное - обрабатываемые земли. Реальная ситуация гораздо сложнее и с точки зрения социального руководства гораздо тревожней. История показывает, что во многих гидравлических обществах существовала очень значительная активная (производственная) частная собственность, но она также показывает, что развитие этой собственности не угрожало деспотическому режиму, пока владельцы собственности в качестве именно владельцев собственности были дезорганизованы и политически бессильны.

Очевидно, что слишком много говорилось о частной собственности вообще и слишком мало - о прочной и непрочной собственности и об условиях, которые способствуют этим формам. Анализ разновидностей частной собственности в гидравлическом обществе определяет ограничения небюрократической (и бюрократической) частной собственности при деспотизме Востока. Результаты анализа противоречат убеждению, что практически любая форма откровенно благоприятного государственного планирования предпочтительнее господства

частной собственности, состояния, которое современное социологическое мнение считает наиболее отвратительным.

Наконец, есть проблема классов. Ричард Джонс и Джон Стюарт Милль показали, что в обществе Востока чиновники пользовались выгодами от доходов, которые на Западе доставались частным собственникам земли и капитала. Джонс и Милль высказали важную истину. Но они сделали это лишь мимоходом и не сформулировав чётко то, что при агродеспотических условиях управленческая бюрократия была правящим классом. Поэтому они не оспаривали широко признанную концепцию классов, которая принимается в качестве основного критерия различия по отношению к (активной) частной собственности.

Настоящее исследование анализирует модели классов в обществе, чьи лидеры являются обладателями деспотической государственной власти и не являются частными собственниками и предпринимателями. Эта научная методика дополнительно к модификации понятия о том, что представляет собой правящий класс, приводит к новой оценке таких явлений, как крупное землевладение, капитализм, дворянство и гильдии. Она объясняет, почему в гидравлическом обществе существует крупное *бюрократическое* землевладение, *бюрократический* капитализм и *бюрократическое* дворянство. Она объясняет, почему в таком обществе профессиональные организации хотя и имели некоторые сходства с гильдиями средневековой Европы, но в социальном отношении были полностью на них не похожи. Она также объясняет, почему в таком обществе верховное автократическое правление является нормой. Хотя закон убывающей административной отдачи определяет нижний предел бюрократической пирамиды, совокупная тенденция бесконтрольной власти определяет характер её вершины.

6

Сторонник новых научных идей неизбежно отбрасывает старые идеи. Почти неизбежно он будет подвергнут критике тех, кто защищает старую точку зрения. Нередко такая полемика представляет в новом свете весь предмет спора. Так, безусловно, было в случае с теорией Восточного (или гидравлического) общества.

Читатель не будет удивлён, узнав, что эта теория вызвала яростную враждебность новой тотальной управленческой бюрократии, которая во имя коммунизма контролирует сегодня значительную часть населения мира. Советские идеологи, которые в 1931 году объявили концепцию общества Востока и функционерской правящей бюрократии политически недопустимой независимо от того, что это могло быть чистой правдой, цинично признались, что их возражения были внушены политическими интересами, а не научными

соображениями. В 1950 году виднейшие советские востоковеды объявили своим наиболее важным достижением разгром пресловутой теории азиатского способа производства.

Ссылка на азиатский способ производства свидетельствует об определённых трудностях, с которыми сталкивается коммунистическая критика теории общества Востока. Чтобы понять эти трудности, нужно помнить, что Маркс принимал многие ценности западного мира, чьи современные институты, опирающиеся на право частной собственности, он хотел бы видеть уничтоженными. В отличие от советской концепции партийности в искусстве и науке, Маркс отвергал как убогий и как грешащий против науки любой метод, который подчинял научную объективность внешним интересам, включая интересы рабочих. И вслед за Ричардом Джонсом и Джоном Стюартом Миллем он с начала 1850 годов использовал концепцию особого азиатского или Восточного общества. Особенно выделяя азиатскую систему экономики, которую он называл азиатским способом производства, Маркс придерживался азиатской концепции вплоть до своей смерти, то есть почти всю жизнь. Энгельс также придерживался окончательной версии азиатской концепции Маркса, несмотря на некоторую временную непоследовательность. Ни Маркс, ни Энгельс чётко не определили феномен периферийного общества Востока, но начиная с 1853 года они оба подчёркивали полуазиатскую особенность российского царизма и по-Восточному деспотический характер его правительства.

Ленин одобрительно отзывался о предложенной Марксом концепции особенного азиатского способа производства сперва в 1894, а затем в 1914 годах. Вслед за Марксом и Энгельсом он признал значимость азиатских институтов для царской России, чьё общество рассматривал как полуазиатское, а правительство считал деспотическим.

7

Я не ведал о политических последствиях сравнительного исследования тотальной власти, когда зимой 1922-23 годов под влиянием Макса Вебера начал исследовать особенности гидравлического общества и государственного управления. Я не ведал об этом, когда в 1924 году, уже ссылаясь на Маркса, а также на Вебера, указал на азиатское общество как управляемое бюрократически деспотическим государством. Я не ведал об искажённых выводах из понимания Марксом азиатской концепции, от которой сам Маркс уклонялся, когда в 1926 году, используя социально-экономические критерии самого Маркса, я написал, что события в Китае во второй половине первого тысячелетия до нашей эры сделали правящим классом административное чиновничество, возглавляемое самодержавным императором, и что этот правящий класс в Китае, как в Египте и в Индии, был могущественной гидравлической бюрократией. Я развивал эту идею в 1926, 1927, 1929 и 1931

годах, убеждённый тезисом Маркса о беспристрастном поиске истины^b. В 1932 году советский критик, разбиравший мою работу 'Экономика и общество Китая', осудил мою веру в объективность науки. Именно в это время советские издания перестали печатать мои анализы азиатского общества в целом и китайского общества в частности^c.

В 1930-е годы я постепенно отказался от надежды, что в СССР национализация всех крупных средств производства может породить общественный контроль над правительством и создание бесклассового общества. Глубокое понимание характера советского общества способствовало дальнейшему изучению структуры и идеологии бюрократического деспотизма. Повторная проверка марксистско-ленинского взгляда на общество Востока сделало ясным то, что Маркс, далёкий от создания азиатской концепции, нашёл её в готовом виде в трудах классиков экономической теории. В дальнейшем я понял, что, хотя Маркс принимал взгляд этих классиков на многие важные вопросы, он не сделал вывод, который с точки зрения его собственной теории казался неизбежным, а именно: в условиях азиатского способа производства агроуправленческая бюрократия составляет правящий класс.

Неопределённость Ленина относительно азиатской системы является, пожалуй, ещё более показательной. В 1906-07 годах Ленин допускал, что следующая русская революция вместо того, чтобы положить начало социалистическому обществу, может привести к азиатской реставрации. Но когда Первая мировая война открыла новые возможности для революционного захвата власти, он полностью отбросил азиатскую концепцию, которую с некоторыми колебаниями поддерживал в течение двадцать лет. Обсуждая взгляды Маркса на государство без упоминания идей Маркса об азиатском государстве и деспотизме Востока царской России, Ленин написал, вероятно, самую мошеническую книгу в своей политической карьере: 'Государство и революция'. Постепенный отказ от азиатской концепции в СССР, который в 1938 году достиг высшей точки в связи с исправлением Сталиным знаменитого упоминания Марксом азиатского способа производства, логически вытекал из отказа Ленина от азиатской концепции накануне большевистской революции.

^b Я цитировал заявления Маркса по этому вопросу в 1927, а затем в 1929 годах. [Назад](#)

^c Моя статья 'Геополитика, географический материализм и марксизм', в которой утверждалась важность природного фактора для общественного роста в целом и для азиатского общества в частности, была опубликована в журнале 'Unter dem Banner des Marxismus' без комментария редактора, в то время как в русской версии этого же журнала ('Под знаменем марксизма') редактор выразил своё несогласие с некоторыми взглядами автора. В 1930 году журнал отказался публиковать продолжение моей статьи, которое содержало дальнейший анализ природных основ азиатского общества. Относительно поправки некоторых моих

ранних взглядов на отношения человека и природы см. ниже гл. 1, ср. гл. 9. Моя книга 'Экономика и общество Китая' была переведена на русский язык, машинописный перевод был распространён среди ряда советских специалистов, которым было предложено написать критическое введение. Насколько мне известно, такое введение не было написано. Перевод не был опубликован. [Назад](#)

8

Кампания против азиатской концепции показывает, что главные умы коммунистического лагеря не в состоянии поддержать свой отказ рациональными аргументами. Это, в свою очередь, объясняет косвенные и особенно негативные методы, с которыми сторонники коммунистического тоталитаризма, живущие в некоммунистическом мире, выступают против запрещённой концепции. Непосвящённых сбивают с толку эти методы, использующие искажения и исправления, а не открытое обсуждение. Для посвящённых они лишней раз показывают научную слабость самого мощного выступления против теории Восточного (гидравлического) общества.

9

Приведённая в данном исследовании картина гидравлического общества подразумевает определённые концепции типов общества и социального развития. Бесспорно, в истории каждого человека есть структура и единство. Все индивидуумы основывают своё поведение на убеждении, что вчерашние закономерности обязательно связаны с сегодняшними и завтрашними закономерностями. И есть структура и единство в истории человечества. Индивидуумы и группы индивидуумов любят говорить об институциональных единицах, которые они видят действующими в настоящее время и от которых ожидают того же или почти того же в будущем. Поэтому отказ от исследования проблемы развития по причине её непознаваемости перестаёт быть убедительным, как только проблема чётко определена.

Однако нелепые утверждения о непознаваемости законов развития не оправдывают такую схему исторических изменений, которая требует однонаправленного, непроверяемого и обязательно прогрессивного развития общества. Признание Марксом и Энгельсом азиатского общества в качестве отдельной стабильной структуры показывает доктринёрскую лживость тех, кто во имя Маркса распространяют идеи об однонаправленном развитии человечества. И сравнительное исследование социальных структур показывает эмпирическую несостоятельность их позиции. Такое исследование выявляет сложную социально-историческую модель, которая включает застой наряду с развитием и различными изменениями, а также регресс наряду с прогрессом. Обнаруживая на доступных исторических примерах благоприятные

возможности и скрытые опасности, эта концепция предписывает человеку глубокую моральную ответственность, при которой однолинейной схеме развития с её конечным фатализмом нет места.

10

Соответственно вышеизложенному, я начал своё исследование с изучения социального строя, частью которого является агроуправленческий деспотизм, и я подчёркиваю особенность этого строя, называя его 'гидравлическим обществом'. Но я без колебаний употребляю и традиционные названия 'Восточное общество' и 'азиатское общество' как синонимы определений 'гидравлическое общество' и 'агроуправленческое общество', и хотя термины 'гидравлический деспотизм', 'агробюрократический деспотизм' и 'деспотизм Востока' взаимозаменяемы, в заглавии книги я отдаю предпочтение старой формулировке, 'деспотизм Востока', отчасти для того, чтобы подчеркнуть историческую глубину моей основной концепции, отчасти потому, что все великие гидравлические цивилизации обычно существовали в той части мира, которую принято назвать Востоком. Первоначально я планировал опубликовать это исследование под названием 'общество Востока'.

Сохранение старых обозначений приносит пользу, когда мы рассматриваем недавние события. Хотя определённые следы гидравлических обществ остались в некоторых регионах Латинской Америки, наследие старого строя особенно сильно бросается в глаза именно во многих странах Востока. Поэтому проблема гидравлического общества в процессе его изменения является прежде всего проблемой этого региона.

Под влиянием чего и каким образом народы Востока (East) сейчас легко воссоздают условия гидравлического общества, которое они поддерживали тысячелетиями? Значимость этого вопроса становится полностью очевидной только тогда, когда мы понимаем, что деспотизм Востока разъединяет те небюрократические группы и слои населения, которые в феодальной Европе и Японии стимулировали рост коммерческого и промышленного общества. Похоже, ни одно гидравлическое общество не добилось такого роста без посторонней помощи. Именно по этой причине Маркс называл азиатское общество неизменным и ожидал, что британское правление в Индии совершит единственную когда-либо известную социальную революцию в Азии путём установления там основанного на праве собственности неазиатского общества.

Последующие события показали, что Маркс серьёзно переоценил преобразующую силу капиталистической экономики. Бесспорно, западное правление в Индии и других странах Востока обеспечило новые возможности для нетоталитарного развития, но в конце эпохи западного колониализма и несмотря на введение различных парламентских форм правления политические лидеры Востока по-прежнему в значительной степени зависят от

бюрократическо-управленческой политики, благодаря которой государство остаётся в высшей степени сильным, а небюрократический и частный сектор общества - в высшей степени слабым.

11

В этом контексте определённые аспекты недавнего развития России заслуживают самого внимательного изучения. Являющаяся периферийной цивилизацией Востока, царская Россия находилась под сильным влиянием Запада, хотя и не стала западной колонией или полукolonией. Вестернизация России радикально изменила политический и экономический климат в стране, а весной 1917 года её антитоталитарные силы получили реальную возможность совершить антиазиатскую социальную революцию, которую Маркс в 1853 году предвидел в Индии. Но в конце 1917 года антитоталитарные силы были разбиты большевистскими сторонниками нового тоталитарного строя. Эти силы были побеждены, потому что не смогли использовать демократический потенциал исторической ситуации, которая некоторое время имела открытый характер. С точки зрения индивидуальной свободы и социальной справедливости 1917 год, вероятно, есть наиболее роковой год в современной истории.

Интеллектуальные и политические лидеры некоммунистической Азии, которые исповедуют веру в демократию и в большинстве своём отзываются почтительно о Марксе, будут выполнять свои исторические обязательства, только если они увидят деспотическое наследие мира Востока не менее, а более чётко, чем Маркс. В свете российского опыта 1917 года они должны быть готовы рассмотреть вопрос об азиатской реставрации не только по отношению к России, но и к современной Азии.

12

Элита современной тоталитарной сверхдержавы создаёт крупные всесторонние социальные институты, с которыми, по их заявлениям, мы не можем конкурировать. И они хвастаются крупными всесторонними идеями, которым, по их заявлениям, мы не можем противопоставить ничего достойного. В одном отношении они правы. Мы не занимаемся поддержанием тоталитарных систем всесторонней власти и идеологии. Благоприятные стечения исторических обстоятельств позволили нам избежать этого чудовищного развития, которое парализуют поиск научной истины и социальные улучшения. Но наши оппоненты ошибаются, когда считают нас неспособными к добровольному объединению из-за того, что мы отвергаем дисциплину всеобщего (государственного) рабства. Они ошибаются, когда считают нас неспособными к созданию крупных систематизированных идей из-за того, что мы отвергаем навязываемую государством догму.

Политическая свобода не тождественна отсутствию организованных действий, хотя наши враги были бы счастливы, если бы это было так. А интеллектуальная свобода не тождественна отсутствию всестороннего мышления. И только в условиях свободного обсуждения полная совокупность идей может быть действительно проверена.

В недавнем прошлом учёные часто отдавали все силы изучению частных случаев, потому что они придерживались общих жизненных и интеллектуальных принципов как должного. Видя, как эти принципы находятся под угрозой, они сегодня начинают вспоминать, что новаторы современной научной мысли рассматривали природу и общество как единую систему, строение которой они исследовали. Ньютоны, Монтескьё, Адамы Смиты и Дарвины предоставили нам новые интерпретации мира, которые были настолько же спонтанными, насколько и гармоничными, и настолько же смелыми, насколько и вескими.

Невозможно получить нечто из ничего. В кризисной ситуации любой теоретический вакуум, как и любой вакуум власти, приводит к беде. Нет оправдания тому, что врагу позволено поступать по-своему, когда у нас есть огромный запас более совершенной силы. Нет оправдания тому, что тоталитарным стратегам позволено выставлять напоказ свои надуманные доктрины в научной области, которая законно принадлежит нам. Нет оправдания тому, что им позволено выиграть битву идей из-за нашего бездействия.

Научное исследование имеет свои внутренние законы. Но оно заслуживает право свободы только тогда, когда, уходя корнями в наследие прошлого, бдительно встречает угрозы раздираемого конфликтами настоящего и дерзко расходует возможности доступного будущего.

Глава 1. Природные условия гидравлического общества

1.А. Изменяющийся человек в изменяющихся природных условиях

Вопреки распространённому убеждению, что природа всегда остаётся неизменной - убеждению, которое приводит к статичным теориям об окружающей среде и их статичным опровержениям, - природа сильно изменяется всякий раз, когда человек, реагируя на простые или сложные исторические причины, существенно изменяет свои технические средства, свою социальную организацию и свой взгляд на мир. Человек постоянно влияет на окружающую его среду. Он постоянно *изменяет* её и *применяет*^а новые воздействия каждый раз, когда его усилия позволяют ему достичь нового

уровня в своей деятельности. Будет ли это полный переход на новый уровень или разовое достижение, а также к чему это приведёт, зависит, во-первых, от институционального строя^b и, во-вторых, от цели человеческой деятельности: его достижений в физической, химической и биологической областях. При одинаковых институциональных условиях различные природные условия наводят человека на мысли о новых видах технологии, быта и социального контроля, а также способствуют или препятствуют их развитию.

Водопад почти не привлекал первобытного человека, исключая использование его в качестве ориентира или объекта поклонения. Когда человек, который вёл оседлый образ жизни, развивал сложное механическое производство, он использовал энергию проточной воды; и новые предприятия (мельницы) возникали на берегах быстрых потоков. Открытие технического потенциала каменного угля привлекло, как никогда ранее, внимание человека к геологии, и водяная мельница стала восприниматься как романтический пережиток в сильно изменившемся промышленном ландшафте, где господствовал паровой двигатель.

В последнее время человек выявил производственные силы электричества. Он снова обратил своё внимание к падающей воде. Но даже когда инженер XX века возводит свою электростанцию на том самом месте, где ранее находилась ткацкая мануфактура, он использует новые производственные силы в старых условиях. Природа выполняет новую функцию и постепенно принимает новый облик.

^a Для понимания смысла используемых здесь терминов 'изменение' и 'применение' см. [Виттфогель]. [Назад](#)

^b Эта формулировка отличается от моей ранней концепции отношения между человеком и природой своим акцентом на первичное значение институциональных (и культурных) факторов. Из этой предпосылки следует признание свободы человека делать подлинный выбор в исторических ситуациях, которые имеют открытый характер, вопрос, рассмотренный далее в текущей главе. За исключением этих поправок, необходимых также для моей критики некоторых идей Маркса, которые я принимал ранее, я придерживаюсь моих прежних взглядов. [Назад](#)

1.В. Место гидравлического общества в истории

Всё, что верно для промышленных районов, равным образом верно и для аграрных областей. Использование гидравлического потенциала в тех регионах

суши, где есть недостаток водных ресурсов, осуществимо только при определённых исторических обстоятельствах. Первобытный человек обитал в таких регионах с давних времён, но, пока он занимался собирательством, охотой и рыболовством, у него не было большой необходимости планировать управление водными ресурсами. Только после того как он начал заниматься земледелием, он стал принимать во внимание земледельческие возможности в засушливых районах, где есть источники водоснабжения помимо дождевых осадков. Только тогда он начал применять по-новому раскрывшиеся особенности прежней окружающей среды, применять посредством маломасштабного ирригационного земледелия (гидроземледелия) и/или крупномасштабного, управляемого государством земледелия (гидравлического земледелия). Только тогда и появилась возможность возникновения деспотических моделей государства и общества.

Возможность, но не обязательная потребность. Крупные предприятия для управления водными ресурсами не порождают гидравлический государственный строй, если они являются частью более обширной негидравлической системы. Водные сооружения в Паданской равнине (бассейн реки По), в Венеции и в Нидерландах изменили жизненные условия этих регионов, но ни в Северной Италии, ни в Голландии не возникла гидравлическая система власти и собственности. Даже мормоны, которые успешно занимались гидравлическим земледелием в засушливой центральной области Северной Америки, не смогли полностью исключить политическое и культурное влияние их более обширного промышленного окружения. История мормонов показывает одновременно организационный потенциал крупномасштабной ирригации и ограничения, налагаемые на развитие гидравлических общественных институтов влиятельным западным обществом.

Таким образом, слишком малый или слишком большой объём водных ресурсов не обязательно приводит к установлению государственного контроля над ними, а государственный контроль водных ресурсов не обязательно подразумевает деспотические методы управления государством. Только в условиях, когда производственный уровень выше уровня потребительского хозяйства, на которое не оказывают влияние другие мощные центры дождевого земледелия, но ниже уровня промышленной цивилизации, основанной на праве собственности, только в таких условиях человек, по-особенному приспособившись к жизни в местах с недостатком водных ресурсов, приходит к особому, гидравлическому укладу жизни.

1.С. Природные условия

1.С.1. Исторические условия бывают одинаковы, важное природное отличие - возможная причина коренных институциональных отличий

Многие факторы вносили свои различия в жизнь земледельцев в допромышленную эпоху, но по степени институциональной важности ни один из них не может сравниться с возникновением конфликтов из-за владения в засушливых регионах доступными источниками водоснабжения помимо дождевых осадков. При условиях земледелия в допромышленную эпоху, которые были определены чуть ранее, эта природная составляющая оказывала решающее влияние на поведение человека как производителя продуктов питания и инициатора человеческих отношений. Если он хотел постоянно и плодотворно обрабатывать сухие, но потенциально плодородные земли, то должен был обеспечить надёжный приток воды. Из всех задач, возложенных на человека природной средой, эта была задачей, возложенной на него состоянием ненадёжных водных ресурсов, что побуждало человека разрабатывать гидравлические методы социального управления.

1.С.2. Другие необходимые для возделывания земли природные факторы

Водные ресурсы - не единственный природный фактор, важный для повышения урожайности. Желающий заниматься земледелием должен иметь в своём распоряжении пригодные растениеводческие культуры, пахотную землю, достаточные температурные климатические условия (количество солнечного тепла и длительность вегетационного периода) и подходящее расположение угодий (рельеф, земная поверхность)^a.

Все эти элементы одинаково важны. Отсутствие одного из них разрушает агрономическое значение всех остальных. Растениеводство становится невозможным, пока человек своими действиями не сможет компенсировать всю нехватку любого существенного фактора.

^a Схожие попытки определения природных факторов, являющихся основными для земледелия, даны в ['Climate and Man', 'Soils and Men', Уидтсое, Бак]. [Назад](#)

1.С.3. Некоторые необходимые факторы не поддаются компенсирующим действиям человека, другие - поддаются

Эффективность компенсирующих действий человека зависит от простоты, с которой недостающий природный фактор может быть возмещён. Некоторые факторы должны рассматриваться как постоянные, потому что при существующих технологических возможностях человек не может на них повлиять для своих практических целей. На другие же он может повлиять. Человек может манипулировать ими или изменять их при необходимости.

Климатическая температура и земная поверхность являются ключевыми постоянными факторами земледельческого ландшафта. Так обстояли дела в домашинную эпоху, так, по существу, обстоят дела и сейчас. По понятным причинам, предпринимавшиеся в допромышленную эпоху попытки изменить климатическую температуру в земледельческих районах не увенчались успехом; и даже такие достижения, как центральное отопление и кондиционирование воздуха, не привели ни к каким серьёзным изменениям. Ещё меньших успехов человек добился в изменении условий, связанных с космической средой, которая в конечном счёте определяют температуру планеты.

Расположение земель также не поддавалось воздействию человека. Он делал много незначительных улучшений, чаще всего - выравнивание или террасирование, как можно предположить, в связи с разработкой гидроземледелия. Но до изобретения мощных современных машин и взрывчатых веществ рельеф планеты оставался неизменным. Даже земледелие с применением машин, как и технически менее развитые способы возделывания земли, процветает на ровных поверхностях низин и высоких плато или на некрутых ступенчатых склонах и холмах, а не в неровной гористой местности.

Растительность и почва поддаются воздействиям человека до определённой степени. Земледелец умело воздействует на растения и почву. Он может пересаживать полезные растения в места, лишённые их, и он часто делает это. Однако такие действия носят случайный и временный характер; они прекращаются, когда достигается объективный предел. В любой земледельческой местности процесс селекции сельскохозяйственных культур повторяется вновь и вновь, но растения приживаются периодически, и хотя при определённых обстоятельствах земледельческий труд может выполняться рабочими группами, в свойствах отдельных растений или семейств растений нет ничего, что требует широкомасштабного сотрудничества в качестве предварительного условия для успешного растениеводства. До наступления эпохи машин чаще всего земледелие было наиболее эффективным, когда отдельные земледельцы или небольшие группы земледельцев выращивали сельскохозяйственные культуры.

То же касается и второго изменяемого фактора - почвы, которая, будучи измельчённым минеральным веществом, является относительно тяжёлой. Хотя семена и саженцы часто доставляют в районы, где имеется их дефицит, почву редко перевозят в бесплодные местности. Несомненно, бесплодные поля улучшаются при помощи лучшей почвы, привозимой из другой местности. Но

такие действия не имеют особого значения для крупной плантации. В основном человек прилагает усилия для поддержания плодородия имеющейся почвы, занимаясь рыхлением, копанием или вспашкой, а в отдельных случаях за счёт улучшения её химического состава, применяя удобрения.

Таким образом, почва восприимчива к воздействию человека, но к воздействию такого типа, которое не требует использования больших рабочих групп, по численности превосходящих группы, необходимые для выращивания растений. Даже когда в примитивных условиях очистка земли и сбор урожая проводятся крупными рабочими группами, фактической задачей возделывания полей обычно занимается один или несколько земледельцев.

1.С.4. Особенности свойства водных ресурсов.

По сравнению со всеми другими необходимыми для земледелия природными условиями водные ресурсы являются *особенными*. Температура и земная поверхность из-за их космического и геологического аспектов полностью исключали или жёстко ограничивали воздействие человека и в допромышленную эпоху, и после. В отличие от них, водные ресурсы не являются ни слишком отдалёнными, ни слишком массивными для того, чтобы человек не смог обращаться с ними. В связи с этим они имеют сходство с двумя другими изменяемыми факторами, растительными культурами и почвой. Но водные ресурсы сильно отличаются от последних как по возможности перемещения, так и по необходимым для этого техническим средствам.

Вода тяжелее, чем большинство растений. Но обращаться с ней можно гораздо удобнее. Не сохраняя форму, подобно твёрдому телу, и следуя закону гравитации, вода самопроизвольно течёт в самую нижнюю доступную ей точку. Для любой земледельческой местности вода является *характернейшим* переменным фактором.

И это не всё. Самопроизвольно перетекая, вода распределяется в природе неравномерно, скапливаясь или ниже земной поверхности в виде подземных вод, или выше земной поверхности в отдельных впадинах (ямы с водой, пруды, озера), или образует протяжённые русла (ручьи, реки). Такие компоненты ландшафта имеют второстепенное значение в земледельческом районе с достаточным количеством осадков, но становятся чрезвычайно важными в местах с недостатком водных ресурсов. Человек, которому приходится управляться с водными ресурсами, имеет дело с чем-то, что не только более подвижно, чем остальные агрономические изменяющиеся факторы, но и более объёмно.

Это последнее свойство представляет особые трудности, когда человек пытается использовать большие скопления воды, и он готов справляться с этими трудностями, если это позволяют природные и технологические условия. Не практическая необходимость вынуждает его обрабатывать почву или растения в сотрудничестве с другими, а громоздкость всех источников водоснабжения, кроме самых маленьких, ставит перед ним техническую задачу, которая решается либо путём массового труда, либо не решается вообще.

1.D. Обязательно ли применяется гидравлический потенциал?

1.D.1. В имеющей открытый характер исторической ситуации могут, однако, быть узнаваемые примеры ответной реакции

Противоречие, стимулирующее деятельность человека в местности, где есть гидравлический потенциал, является очевидным. Для такой местности характерно или недостаточное количество осадков, или их отсутствие, зато там присутствуют другие доступные источники водоснабжения. Если человек примет решение использовать их, то может превратить засушливые земли в плодородные поля и сады. Может, но станет ли? Что заставляет его участвовать в рискованном предприятии, требующем огромных усилий и чреватом весьма проблемными институциональными последствиями?

Исторические свидетельства показывают, что такое решение принимали многочисленные группы людей. Но они также показывают, что многие противились этому решению. На протяжении тысячелетий племена собирателей, охотников, рыбаков и скотоводов населяли регионы с гидравлическим потенциалом, часто в непосредственной близости от занимавшихся ирригацией земледельцев, но редко отказывались от своих традиционных занятий для гидроземледельческого образа жизни.

Ясно, что никакая непреодолимая сила не заставляла человека использовать новые природные возможности. Ситуация имела открытый характер, и выбор гидроземледелия являлся только одним из нескольких возможных вариантов. Тем не менее человек делал именно такой выбор столь часто и в столь многих обособленных регионах, что мы можем рассматривать эту систематичность как закономерность.

Человек стремится к очевидной выгоде. Всякий раз, когда внутренние или внешние причины побуждают его к изменению технологии, материального производства или социальных отношений, он сравнивает достоинства существующего положения с преимуществами и недостатками того, что может

быть получено от предполагаемых изменений. Для достижения новой цели необходимы особые усилия, и эти усилия могут включать не только увеличение объёма работ и переход от занятий приятных к неприятным, но также социальные и культурные коррективы, в том числе более или менее серьёзную потерю личной и политической независимости.

Когда общий итог приобретаемых преимуществ очевидно и убедительно превышает требуемые жертвы, человек готов совершить изменения, но сомнительные преимущества обычно оставляют его равнодушным. Здесь, как и везде, его расчёт складывается из материальных и нематериальных элементов; любые попытки сформулировать этот расчёт исключительно в терминах меньшего или большего количества вещей (товаров) окажутся неудовлетворительными. Действительно, материальный фактор имеет большое значение, но его относительная значимость может быть обоснованно определена только тогда, когда имеется полное представление о таких ценностях, как личная безопасность, отсутствие угнетения и освящённые веками примеры мышления и поведения.

Историки культуры придают большое значение тому обстоятельству, что во время последней геозоологической эпохи группы людей осваивали земледелие либо в качестве дополнительного занятия, либо - и чаще всего - в качестве основного натурального производства. Без сомнения, такой переход к новому виду деятельности глубоко повлиял на судьбу человечества, но при любой ссылке на закон очевидной выгоды следует принимать во внимание множество первобытных групп, которые не стремились к увеличению урожайности либо в период зарождения земледелия, либо после возникновения мощных стратифицированных аграрных цивилизаций.

Аграрный путь развития имел ограниченную и совершенно иную привлекательность для неземледельческих социальных групп, когда земледелие было примитивным, а для руководства не было необходимости в излишней требовательности. После появления стратифицированных земледельческих обществ выбор стал ещё более серьёзным. Примеры влияния, которым в близлежащих аграрных государствах обладали правительства и богатые собственники земли, действовали в качестве сдерживающего фактора в таких условиях, когда какой-либо социальный сдвиг мог привести к тому, что подчинение людей переросло бы в нежелательные методы политического и собственнического контроля. Часто женщины, дети и военнопленные возделывали небольшие поля, расположенные недалеко от поселений, но доминировавшие в племени взрослые мужчины упорно отказывались бросать охоту, рыбалку или скотоводство. Примеры многих первобытных народов, переживших голодные годы и даже длительные периоды голода, но не сделавших решающего перехода к земледелию, показывают огромную силу нематериальных ценностей, в то время как повышенная материальная безопасность может быть достигнута только ценой политического, экономического и культурного подчинения.

1.D.2. Очевидные преимущества ирригационного земледелия

Переход к ирригационному земледелию ставит проблему выбора в ещё более сложной форме. Первичный выбор - стоит ли начинать гидроземледелие там, где им ранее не занимались, - обычно совершали общинные группы, обладавшие техникой примитивного дождевого земледелия, хотя возможно, что и не только они.

Вторичный (производный от первого) выбор - стоит ли подражать какой-либо уже созданной ирригационной экономике - возникал перед земледельцем, занимавшимся традиционным дождевым земледелием, так же, как и перед тем, кто не занимался земледелием. Но последний был гораздо менее подготовлен технически и культурно к тому, чтобы перейти к новой форме земледелия; и в обоих случаях решение становилось более сомнительным, если принятие привлекательной в материальном плане ирригационной экономики предполагало снижение социального и политического статуса.

Поэтому ясно, что ряд общин, занимавшихся дождевым земледелием в Юго-Западном Китае, Индии и Месоамерике, а также многие племена охотников, рыбаков и скотоводов, жившие на окраине гидроземледельческого мира, оказались не способны что-либо изменить. Судьба тех, кто отверг эту противоречивую перспективу, сильно менялась, но каким бы ни было их дальнейшее благополучие, ход исторического процесса предлагал большинству из них совершить подлинный выбор, и люди поступали не как пассивный инструмент непреодолимой и однонаправленной эволюционной силы, а как разборчивые индивиды, активно участвуя в формировании своего будущего.

1.D.2.a. Если ... , то ...

Ирригационное земледелие всегда требует больших физических усилий, чем используемое в подобных же условиях дождевое земледелие. Но оно требовало радикальной социально-политической корректировки только в определённой геоисторической ситуации. Исключительно локальные задачи вскапывания земли, построения плотины и распределения воды могут быть выполнены одним земледельцем, одной семьёй или небольшой группой соседей, и в этом случае не нужны далекоидущие организационные действия. Гидроземледелие, то есть возделывание земли с применением маломасштабной ирригации, увеличивает урожайность, но не порождает модели организации и социального

контроля, которые характеризуют гидравлическое земледелие и деспотизм Востока.

Эти модели появляются тогда, когда экспериментирующее земледельческое или протоземледельческое сообщество находит крупный источник воды в сухой, но потенциально плодородной области. Если ирригационное земледелие зависит от эффективной обработки крупного источника водоснабжения, отличительное качество воды - её тенденция скапливаться в большом объёме - становится решающим в институциональном плане. Большое количество водных ресурсов может направляться по каналу и сохраняться в некоторых пределах только путём использования массового труда, и этот массовый труд должен быть согласованным, дисциплинированным и кем-то руководимым. Таким образом, земледельцы, желающие покорить засушливые низменности и равнины, вынуждены прибегать к организационным методам, которые, основываясь на домашних технологиях, имеют мало шансов на успех: земледельцы должны работать в сотрудничестве со своими товарищами и подчиняться руководящему влиянию.

И снова исторический процесс не следовал в одном направлении, диктуемом неизбежной необходимостью. Имелись очевидные альтернативы, и те, кто столкнулись с ними, были в состоянии сделать подлинный выбор. Но какое бы решение ни было принято, оно было сделано в рамках ограниченного количества осуществимых возможностей.

Таким образом, переход к гидравлическому земледелию или отказ от него не были беспорядочными и бесцельными. Различные решения показывали закономерность мотивации и создания необходимых условий. Но относительное равенство исходных вариантов не предполагало какое-либо относительное равенство конечных результатов. Большинство сохранивших свой традиционный образ жизни охотников, рыбаков, а также земледельцев, продолжавших использовать дождевые осадки в качестве основного источника водоснабжения, было если не полностью уничтожено, то сведено к незначительному меньшинству. Некоторые группы, применявшие смешанное ведение хозяйства с незначительным использованием гидроземледелия или без него, были достаточно сильны, чтобы навязать свою волю соседним гидравлическим цивилизациям.

Скотоводство распространилось относительно поздно и в особой геоисторической ситуации. Часто скотоводы защищались от всякого рода земледельцев, а в ряде случаев переходили в стремительное наступление, совершая завоевания, которые глубоко изменяли политическую и социальную структуру покорённых аграрных цивилизаций.

Те, кто занимались дождевым земледелием, определяли ход исторического процесса в определённых районах Запада, которые однозначно подходили для ведения хозяйства такого типа. Но те, кто занимались гидравлическим земледелием, опережали большинство соседних народов в экономическом и

военном росте, поэтому при любых обстоятельствах локальные условия и отношения с другими странами односторонне благоприятствовали агроуправленческой экономике и агроуправленческому руководству государством.

Зачинатели гидравлического земледелия, как и зачинатели дождевого земледелия, не знали о бесповоротности своего выбора. Преследуя очевидные выгоды, они породили институциональное развитие, которое привело их к состоянию, сильно отличавшемуся от начального. Их наследники и преемники создали колоссальные политические и социальные структуры, но заплатили за это лишением многих привилегий свободной жизни, которые консервативно настроенные люди стремились и смогли частично сохранить.

1.D.2.b. Засушливые, умеренно засушливые и влажные районы: гипотетические модели взаимодействия и роста

В своём стремлении к очевидным выгодам те, кто занимались дождевым земледелием, экспериментировали с гидроземледелием не только в засушливых пустынных и умеренно засушливых степных районах, но также во влажных районах, пригодных для выращивания полезных водных растений, прежде всего риса.

Вместе взятые первый и второй типы ландшафта охватывают почти три пятых, а все три типа - почти две трети поверхности суши. В данных областях каждый из трёх типов ландшафта с гидравлическим потенциалом мог сыграть определённую роль, особенно в период формирования гидравлической экономики. В большей части суши, включающей все три типа, умеренно засушливые регионы отлично подходят для малых и постепенно растущих земледельческих предприятий с управлением водными ресурсами. Засушливые регионы являются областью окончательного испытания новых технологий. А умеренно засушливые и влажные регионы получают дальнейшую выгоду от технического и организационного опыта, приобретённого человеком в результате победы над пустыней.

Подобная последовательность распространения гидравлического земледелия могла иметь место в таких удалённых друг от друга областях, как древняя Месопотамия, Индия и запад Южной Америки. Для однородно засушливой местности более вероятен другой порядок развития, для местности с преобладанием умеренно засушливых зон - третий.

В каждом случае наличие или отсутствие прилегающих влажных регионов делало модель цивилизационного роста более запутанной. В Египте собиратели, охотники и рыбаки, скорее всего, использовали земледелие на затопляемых

естественным образом берегах Нила в качестве второстепенного рода занятий задолго до того, как возделывание земли стало основным занятием. Нельзя исключать влияние Южной Америки на Месоамерику^a, а Внутренней или Южной Азии - на Китай. Но такая внешняя стимуляция не обязательно имела место, а если и случалась, то была эффективной только потому, что сторонники дождевого земледелия в подвергшихся влиянию районах были готовы признать преимущества новой технологии.

В Древнем Китае Север с умеренно засушливым климатом и Юг, где занимались выращиванием риса, установили примечательные формы взаимодействия. Вероятно, выращивание риса в Юго-Восточной Азии повлияло на раннее развитие древних государств на берегах Янцзы, но также был Север с умеренно засушливым климатом, являвшийся в течение длительного периода времени основным центром власти и культурного прогресса в Восточной Азии. В Индии историческая роль засушливых, умеренно засушливых и влажных регионов Севера проявилась раньше, чем роль чрезмерно влажной области Бенгалии.

Эти последовательности развития представлены как гипотезы. Их действительность или недействительность не имеет никакого значения для нашего анализа социальной структуры. Они ничего не стоят, в основном потому что на основе наших нынешних археологических и доисторических знаний они предполагают весьма динамичное взаимодействие между различными типами ландшафта, которые в совокупности образуют более крупные области гидравлической цивилизации.

^a Около двадцати лет назад я считал Мексику эпохи ацтеков, как и Японию до установления сёгуната Токугава, феодальным обществом, использующим маломасштабную ирригацию. На основании более тщательного изучения моих ранних источников я пришёл к мнению о гидравлическом характере центральных областей доиспанской Мексики, и недавняя работа мексиканских археологов и историков убеждает меня в правильности этого заключения. Я привожу подробную цитату из исследования Палерма, которая содержит подробные исторические сведения об ирригации в Месоамерике до и в начале испанских завоеваний:

'4. Большинство ирригационных систем, скорее всего, имели только местное значение и не требовали больших гидравлических начинаний. Однако были построены важные сооружения в долине Мехико, началось повсеместное использование ирригации в верховьях рек Тула, Лерма и Атлиско и в прилегающей к ним зоне Колима-Халиско.

5. Как правило, места наибольшего сосредоточения ирригационных систем и связанных с ними наиболее важных сооружений совпадали с местами

наибольшей плотности населения, с распределением важнейших городов и с положением центров политической власти и военной экспансии'.

С каких времён мы можем проследить гидравлическую деятельность в Месоамерике? Армиллас считает, что большой культурный прогресс цивилизации Хохокам (на территории современной Аризоны) в период с 500 по 900 годы нашей эры оказался возможен благодаря строительству ирригационных каналов, последнее является археологически установленным фактом. А так как археологические находки указывают на связи между Хохокам и Месоамерикой, он считает, что тот же фактор может лежать в основе культурного развития определённых областей западной Месоамерики в этот период. Сведения о Хохокам связаны с классическим периодом истории Месоамерики, который в районе мексиканских озёр начался, предположительно, в первые века первого тысячелетия нашей эры. Предположение Армилласа подкрепляется недавно произведённым анализом пыльцы, который наводит на мысль, что в течение позднего архаического периода возросла засушливость. Палерм утверждает, что такие изменения климата могли стать причиной появления или распространения ирригации в Месоамерике.

Возрастанием засушливости можно объяснить появление мест с большой плотностью населения и распространение монументального строительства в Месоамерике. Но всё, что мы знаем о климатических условиях в послеледниковый период, предостерегает от завышения значимости полезных открытий Сирса. Распространение монументального строительства в Месоамерике в начале первого тысячелетия нашей эры вполне могло быть связано с уменьшением количества дождевых осадков и возросшей ролью ирригации, но это не значит, что до классического периода выпадение осадков было достаточно регулярным для того, чтобы сделать ненужным использование ирригации. В самом деле, недавние раскопки А. Палерма и Э. Вульфа указывают на существование гидравлической деятельности в области мексиканских озёр в середине первого тысячелетия до нашей эры.

Другие исследования, выполненные этими двумя антропологами, свидетельствуют о сравнительно позднем времени строительства комплексных водных сооружений городом-государством Тескоко, который к моменту появления испанских завоевателей был вторым по величине в Мексике. Конечно, признание того, что сами работы производились достаточно поздно, не предполагает отказа от предшествовавшей им гидравлической деятельности в других районах области мексиканских озёр. Скорее всего, данные показывают, что гидравлическое положение Тескоко медленно изменялось от периферийного к более централизованному. (О проблемах изменения гидравлической плотности см. ниже гл. 6.)[Назад](#)

Глава 2. Гидравлическая экономика - управленческая и подлинно политическая экономика

Характеристик гидравлической экономики много, но основными являются следующие три. Гидравлическое земледелие включает в себя особый тип разделения труда. Это улучшает возделывание земли. И это требует крупномасштабного сотрудничества. Третья характеристика была описана рядом исследователей земледелия Востока. Вторая неоднократно отмечалась, но редко анализировалась. Первой не было уделено практически никакого внимания. Это пренебрежение особенно печально, поскольку гидравлические модели организации и функционирования оказывают решительное воздействие на управленческую роль гидравлического государства.

Обычно экономисты считают разделение труда и сотрудничество ключевыми предпосылками современной промышленности, но полагают, что они почти полностью отсутствуют в сельском хозяйстве^a. Этим требованиям удовлетворяют условия дождевого земледелия Запада. Для такого типа земледелия это в общем и целом правильно.

Однако экономисты не считают за правило себя ограничивать. Говоря о сельском хозяйстве без уточнения географических и институциональных особенностей, они создают впечатление, что их тезис, будучи общезначимым, относится к гидравлическому земледелию так же, как и к дождевому или к гидроземледелию. Сравнительное исследование фактов быстро раскрывает ошибочность этого утверждения.

^a Первые формулировки этой точки зрения см. в [Смит, Милль, Маркс]. Современные экономисты сохранили и даже углубили их. Селигмен пишет: 'В обширной области сельскохозяйственного производства почти полностью устранены возможности объединения'. Маршалл пишет: 'В сельском хозяйстве разделение труда встречается нечасто, а крупномасштабное производство отсутствует'. [Назад](#)

2.А. Разделение труда в гидравлическом земледелии

2.А.1. Подготовительные и защитные операции отделены от непосредственного возделывания земли

Верное для современной промышленности утверждение, что собственно производство зависит от целого ряда подготовительных и защитных операций^b, с самого начала было верным и для гидравлического земледелия. Особенность подготовительных и защитных гидравлических работ является важным аспектом особенности гидравлического земледелия.

^b О концепции предшествующих или подготовительных работ см. [Милль]. Общий принцип был обозначен уже Смитом, который при обсуждении разделения операций в промышленности указал на производителей льна и шерсти и на шахтеров как на поставщиков сырья, на прядильщиков и ткачей как на занятых в специальных операциях обработки, на создателей орудий труда как на объединяющих обе процедуры. Милль также включает в категории предшествующих работ мероприятия, направленные на защиту собственно промышленного производства. [Назад](#)

2.А.1.а. Крупномасштабные подготовительные операции (цель: ирригация)

Совокупный объём работ того, кто занимается ирригационным земледелием, сопоставим с совокупным объёмом работ того, кто занимается дождевым земледелием. Но деятельность первого включают такие виды труда (рытьё канав на местности, строительство плотин и полив), которые отсутствуют в деятельности второго. О важности этого специального вида труда можно судить по тому, что в китайской деревне крестьянин может потратить от 20 до более чем 50 процентов своего рабочего времени на полив, а во многих индийских деревнях ирригация отнимает у земледельца больше всего времени.

Гидроземледелие (земледелие с использованием маломасштабной ирригации) приводит к высокой интенсивности возделывания почвы орошаемых, а часто и не орошаемых полей. Но оно не приводит к разделению труда на общинном, территориальном или национальном уровне. Такая рабочая модель встречается только тогда, когда необходимо манипулировать большим количеством воды. В любой доиндустриальной цивилизации, где человек накапливал и хранил водные ресурсы в большом объёме, а также управлял их доставкой, мы находим видимое разделение между подготовительным (водоснабжение) и завершающим видами труда для всего гидравлического земледелия.

2.А.1.б. Крупномасштабные защитные операции (цель: защита от наводнений)

Но борьба с пагубными последствиями недостатка водных ресурсов может повлечь за собой борьбу с пагубными последствиями избытка водных ресурсов. Районы, потенциально наиболее подходящие для гидравлического земледелия, являются засушливыми и умеренно засушливыми равнинами и регионами с влажным климатом, пригодными для водных культур, таких как рис, так что достаточно низкого расположения земельных участков, чтобы осуществлять ирригацию из близлежащих рек. Обычно эти реки имеют свои истоки в отдалённых горах, и уровень воды в них поднимается, когда от летнего солнца тает часть горного снега.

Такие процессы в верховьях рек вызывают ежегодные паводки в Египте, Месопотамии, Туркестане, Индии, Китае, Андах и Мексике. В умеренно засушливых районах местные дожди создают дополнительные опасности, когда они либо носят конвекционный характер (конвекционные дожди), либо являются нерегулярными. Такие природные условия преобладают в Северном Китае, на севере Месопотамии (Ассирия) и в районе мексиканских озёр. Таким образом, гидравлическому сообществу, которое вынуждено прибегать к подготовительным работам для гарантии продуктивного использования водных ресурсов, возможно, придётся прибегнуть к защитным работам для охраны своих посевов от периодических чрезмерных затоплений.

Когда в протоисторическую эпоху китайцы начали возделывать большие равнины Северного Китая, они быстро поняли, что центры наиболее потенциального плодородия были и центрами наиболее потенциального разрушения. Цитата из работы Джона Лузинга Бака: 'С геологической точки зрения человек обосновался на этих равнинах за тысячи лет до того, как они стали пригодны для заселения...' Китайцы построили огромные дамбы, которые, хотя и не были в состоянии полностью устранить опасность, свойственную такой противоречивой ситуации, по своему объёму соответствовали и даже превосходили подготовительные сооружения (водоснабжение) в данной области.

В Индии огромные проблемы борьбы с наводнениями вызваны Индом на западе и Гангом и Брахмапутрой на востоке, последние в Бенгалии создают оптимальные условия для выращивания риса и наибольшую опасность наводнений. В 1900 году Бенгалия могла похвастаться крупными ирригационными каналами протяжённостью в 97 миль и дамбами протяжённостью в 1298 миль.

В древней Месопотамии даже бдительные правители не могли полностью предотвратить вред от наводнений на плотно заселённых равнинах. В Туркестане чрезмерные наводнения периодически угрожали долине реки Зарафшан. Во время очень высокой паводка в Верхнем Египте уровень воды в Ниле на один метр выше уровня населённой местности, в Среднем Египте - на два метра, а в районе дельты - на три с половиной метра. Жители района мексиканских озёр могли извлечь выгоду из плодородия этих земель, только

если они мирились с периодическим разливом коротких, неравномерных, узких потоков этой местности, который они стремились контролировать с помощью различных защитных сооружений. Таким образом, практически во всех крупных гидравлических цивилизациях подготовительные сооружения (водоснабжение) для ирригации дополнены и связаны с защитными сооружениями для борьбы с наводнениями.

2.А.2. Сотрудничество

Поэтому исследование гидравлических моделей Китая (особенно Северного Китая), Индии, Туркестана, Месопотамии (особенно Ассирии), Египта или Месоамерики (особенно района мексиканских озёр) должно учитывать оба вида агрогидравлической деятельности. Только в таком случае у нас есть надежда реалистично определить масштабы использования и характерную особенность ключевой организационной методики этих моделей: сотрудничества.

2.А.2.а. Масштабность

Когда гидравлическое общество охватывает только одну местность, все взрослые мужчины могут быть организованы в одну или несколько общинных рабочих групп. Различные потребности и обстоятельства изменяют размер привлекаемой рабочей силы. В гидравлических странах, имеющих несколько независимых источников водоснабжения, задача управления водными ресурсами осуществляется рядом изолированных рабочих групп.

У горного племени сук (Восточная Африка) каждый мужчина должен участвовать в копании каналов. Практически у всех народов пуэбло ирригация или весенняя очистка каналов - работа для всех. У племени чагга поддержание относительно сложной ирригационной системы обеспечивается участием всего населения. На Бали крестьяне обязаны выполнять трудовую повинность в региональной гидравлической общине, субаке, к которой они принадлежат. Главы шумерских храмовых хозяйств считали, что каждый взрослый мужчина, подчинявшийся их юрисдикции, должен участвовать в копании и очистке каналов. Большинство надписей, сделанных в фараонском Египте, описывают подобные работы как должное. Лишь изредка в тексте даются указания на характер всюду востребованных видов работ, среди которых подъём уровня земли и копание не оплачиваются.

В имперском Китае считалось, что каждая незнатная семья должна была предоставить рабочую силу по требованию для гидравлических и других общественных работ. Политические и правовые документы Индии указывают на аналогичное требование для барщинных работ. Законы Перу при инках обязывали всех трудоспособных мужчин работать на барщине. В древней Мексике и знатные, и незнатные юноши были обучены технике копания каналов и создания дамб. Порой элита этого гидравлического района мобилизовывала человеческие ресурсы нескольких удельных государств для своих гигантских гидравлических предприятий.

В Египте в XIX веке всё годное для барщины население работало в четыре огромные смены на гидравлических сооружениях Мехмеда Али. Каждая группа трудилась на каналах в течение 45 дней, пока после 180 дней работа не завершалась. С 1881 года, в период упадка и распада Османской империи, *всё* бремя барщины упало на беднейшие классы, меньшее число рабочих компенсировалось за счёт увеличения рабочего времени до 90 дней. В некоторых регионах рекруты работали в течение 180 дней.

2.A.2.b. Интеграция

Правильное сотрудничество включает в себя плановую интеграцию. Такая интеграция особенно необходима, когда цели являются сложными, а сотрудничающие команды - большими.

Превышая возможности племенного уровня развития, гидравлическая деятельность обычно имеет комплексный характер. Большинство авторов, которые упоминают сотрудничество как важный аспект гидравлического земледелия, подразумевают главным образом копание каналов, углубление дна и возведение дамб; разумеется, с этими работами связаны значительные организационные задачи. Но планировщики крупного гидравлического предприятия сталкиваются с гораздо более сложными проблемами. Сколько людей необходимо? И где найти столько людей? На основании сделанных ранее записей планировщики должны определить квоту и критерии отбора. За отбором следует оповещение, за оповещением - мобилизация. Собранные группы часто собираются в псевдвоенные колонны. Добравшиеся до места назначения рядовые туземцы гидравлической армии должны быть распределены в надлежащих пропорциях и в соответствии с тем, какая именно работа (копание, вынос ила и т.д.) для них привычна. Если необходимо доставлять сырьё (солома, хворост, пиломатериалы или камень), организуются вспомогательные работы; если рабочие команды - полностью или частично - нужно обеспечить едой и питьём, должны быть разработаны ещё и способы приобретения, транспортировки и распределения продуктов. Даже в своей простейшей форме агрогидравлические операции требуют существенной

интегративной деятельности. В своих более сложных вариациях они связаны с обширным и комплексным организационным планированием.

2.А.2.с. Руководство

Для всех групповых работ требуются руководители групп, работа крупных интегрированных групп требует руководителей на местах и надсмотрщиков, а также организаторов и планировщиков всего процесса. Огромные предприятия гидравлического земледелия включают в себя оба типа руководства. Начальник обычно вовсе не выполняет чёрную работу, и, за исключением небольшого числа технических специалистов, люди, занимающие младшие и средние должности, являются главным образом и организаторами.

Безусловно, физический фактор, включающий угрозы наказания и реальное применение силы, всегда присутствует. Но здесь, как нигде, опыт ведения учёта и расчётливое предвидение имеют ключевое значение. Осмотрительность, находчивость и интегративное мастерство верховного руководителя и его помощников играют решающую роль в начинании, выполнении и сохранении главных результатов труда в гидравлическом хозяйстве.

2.А.2.d. Гидравлическое руководство есть руководство политическое

Эффективное управление такими работами включает в себя организационную сеть, которая охватывает либо всё население страны, либо по крайней мере его динамичное ядро. В итоге те, кто контролируют эту сеть, однозначно подготовлены к тому, чтобы обладать высшей политической властью.

С точки зрения исторического результата нет никакой разницы, являлись ли главы гидравлического правительства изначально вождями в мирное время, военными лидерами, жрецами, жрецами-вождями или непосредственными гидравлическими чиновниками. У племени чагга к гидравлической барщине созывают тем же рогом, которым традиционно созывали соплеменников для войны. У индейцев пуэбло военные вожди (или жрецы), хотя и подчинённые касику (высшему вождю), руководят общественной деятельностью и контролируют её. Скорее всего, большинством первых гидравлических городов-государств в Месопотамии правили жрецы-цари. Считается, что в Китае легендарный новатор правительственного контроля водных ресурсов Юй Великий возвысился от ранга верховного гидравлического чиновника до

императора, став, согласно протоисторическим грамотам, основателем первой наследственной династии - Ся.

Независимо от того, создавали ли традиционные негидравлические вожди гидравлический аппарат сами, захватывали ли они уже зародившийся аппарат, становилась ли элита этого аппарата движущей силой всех важнейших государственных функций^с, не может быть никаких сомнений в том, что на получившиеся во всех этих случаях режимы решительное влияние оказали те формы руководства и социального контроля, которые требовались гидравлическому земледелию.

^с Рюстов, в общем принимающий мнение Керна относительно взаимосвязи между крупномасштабным и руководимым правительством контролем водных ресурсов и централизованным и деспотическим характером государственного устройства в Древнем Египте и древней Месопотамии, предполагает, что в этих областях кочевые завоеватели приступали к гидравлическим работам *после* того, как основывали империи завоевателей.

Принципы руководства и дисциплины, традиционные для завоевателей, могли и, вероятно, повлияли на установление определённых гидравлических форм правления, но общества пуэбло, чагга и гавайцев показывают, что такие же формирующие принципы могут быть и эндогенными. В любом случае этнографические и исторические факты указывают на несколько источников происхождения гидравлических обществ, а не на один. [Назад](#)

2.В. Тяжёлые водные сооружения и тяжёлая промышленность

Что касается эксплуатационного аспекта, гидравлическое земледелие имеет важные сходства с тяжёлой промышленностью. Оба типа хозяйственной деятельности являются подготовительными по отношению к конечным процессам производства. Оба обеспечивают работников необходимым материалом для этих конечных процессов. И оба имеют тенденцию к тому, чтобы быть комплексными, 'тяжёлыми'. По этим причинам крупные предприятия гидравлического земледелия могут быть обозначены как 'тяжёлые водные сооружения'.

Но различия этих типов хозяйственной деятельности так же наглядны, как и их сходства. Тяжёлые водные сооружения гидравлического земледелия и тяжёлая промышленность современной экономики отличаются по ряду основных признаков, которые, будучи правильно определёнными, могут помочь нам более чётко различить особенности гидравлического общества.

Тяжёлые водные сооружения обеспечивают конечного аграрного производителя одним важнейшим дополнительным сырьём: водой; тяжёлая промышленность производит самые различные виды вспомогательных материалов и сырья, включая инструментарий для обрабатывающей и тяжёлой промышленности. Тяжёлые водные сооружения выполняют важные защитные функции для страны в целом; защитные сооружения промышленности (здания и т.д.) - нет. Тяжёлые водные сооружения уже на начальном этапе занимают относительно большие площади, а с развитием гидравлического строя обычно охватывают ещё большие территории. Функционирование тяжёлой промышленности гораздо более ограничено в пространственном отношении. На первой стадии или в зависимости от подготовительных процессов это функционирование может зависеть от мелких рассредоточенных цехов, с ростом промышленного строя оно приводит к объединению мелких цехов в одно или несколько крупных предприятий.

Характер рабочей силы различен для таких пространственных и функциональных отличий. Тяжёлые водные сооружения лучше всего обслуживает пространственно рассредоточенный персонал, в то время как тяжёлая промышленность требует работников, проживающих рядом с локально ограниченными большими предприятиями, на которых они трудятся. Потребность гидравлического производства в рабочей силе удовлетворяется взрослыми мужчинами из крестьян, которые продолжают проживать в своих собственных деревнях; аналогичная потребность промышленного производства удовлетворяется географически сконцентрированной рабочей силой.

Основная часть работников гидравлического производства чаще всего остаётся крестьянами, которые в большинстве случаев мобилизуются только на сравнительно короткий период: в лучшем случае на несколько дней, в худшем - на то время, которое не повредит их земледельческим работам. Таким образом, разделение агрогидравлического труда не сопровождается соответствующим выделением трудящихся в отдельный класс.

Контраст в трудовой политике тяжёлой промышленности очевиден. В отличие от тяжёлых водных сооружений, которые могут создаваться и функционировать в течение части года, тяжёлая промышленность работает наиболее эффективно тогда, когда работает непрерывно. Работодатели-промышленники предпочитают нанимать свой персонал бессрочно; и с ростом промышленности полная занятость стала правилом. Таким образом, разделение промышленного труда приводит к более или менее полному выделению трудящихся в отдельный класс.

Управление в этих двух отраслях также производится по-разному. Современной тяжёлой промышленностью руководят в основном частные владельцы или менеджеры. Тяжёлыми водными сооружениями гидравлического земледелия руководит главным образом правительство. Оно также занимается некоторыми

другими крупными предприятиями, которые в различных сочетаниях дополняют собственно агрогидравлическую экономику.

2.С. Создание календаря и астрономии - важные функции гидравлического режима

Среди интеллектуальных функций, выполнявшихся теми, кто руководили агрогидравлической деятельностью, некоторые лишь косвенно связаны с организацией человеческих и материальных ресурсов; тем не менее эти связи имеют очень важное значение. Учёт времени и создание календаря необходимы для успешной работы всех гидравлических хозяйств, и при особых условиях особые операции измерения и вычисления могут быть крайне необходимы. Способ, которым эти задачи выполняются, влияет и на политическое, и на культурное развитие гидравлического общества.

Действительно, смена времён года сильно затрагивает человека при любых формах добывающей экономики и во всём аграрном мире. Но в большинстве случаев он довольствуется общим определением, когда начинаются весна или лето, когда станет холодно, когда пойдёт дождь или снег. В гидравлических цивилизациях таких общих знаний недостаточно. В полностью засушливых районах важно быть готовым к выходу из берегов рек, чьи разливы при умелом использовании являются источником плодородия и жизни, а не сдержанные потоки оставляют после себя смерть и опустошение. Дамбы должны быть отремонтированы к надлежащему времени, чтобы их не смыло во время наводнения; каналы должны быть очищены, чтобы вода правильно распределилась по ним. В умеренно засушливых районах, где выпадает ограниченное или неравномерное количество осадков, точный календарь также важен. Только тогда, когда дамбы, каналы и водохранилища готовы и находятся в хорошем состоянии, скудные осадки могут быть использованы в полной мере.

Необходимость перераспределения периодически затопляемых полей и определения размера и объёма гидравлических и других конструкций постоянно стимулирует развитие геометрии и арифметики. Геродот приписывает создание геометрии в Египте необходимости ежегодной переоценки площади затопляемых земель.

Не важно, в долине Нила или в Месопотамии были сделаны первые научные шаги в этом направлении, - основная зависимость выглядит чрезвычайно правдоподобно. Очевидно, что основоположники и элита гидравлической цивилизации были очень хорошо оснащены технически для того, чтобы заложить основы двух важных взаимосвязанных наук: астрономии и математики.

Как правило, операции учёта времени и научного измерения и подсчёта проводились официальными сановниками или религиозными (или светскими) специалистами, связанными с гидравлическим режимом. Облачённые в покров магии и астрологии и хранимые в глубокой тайне, эти математические и астрономические операции стали средством и для улучшения гидравлического производства, и для укрепления высшей власти гидравлических правителей.

2.D. Дополнительная строительная деятельность, свойственная гидравлическим обществам

Элита гидравлического государства не ограничивала свою деятельность делами, непосредственно связанными с земледелием. Способы сотрудничества, которые оказались настолько эффективными в области растениеводства, были легко применены к различным другим крупным задачам.

Вполне ожидаемо, что одни типы сооружений предшествуют другим. Вообще говоря, ирригационные каналы появились раньше судоходных каналов; и гидравлические работы (копание каналов и возведение дамб) возникли раньше строительства крупных дорог. Но часто последующие шаги предпринимались прежде, чем предшествовавшие им мероприятия значительно продвигались вперёд, и различные региональные условия способствовали различным последовательностям развития. Таким образом, расхождения между взаимосвязью различных работ и их развитием очень велики. Они включают многие строительные мероприятия, не входящие в сферу гидравлического земледелия^a.

^a Заинтересованные изучением технических и организационных деталей крупного гидравлического государства могут обратиться к сделанному Уилкоксом замечательному описанию ирригации и борьбы с наводнениями в XIX веке в Египте. Комплексный осмотр состояния гидравлических систем в Индии в конце XIX века был сделан Индийской ирригационной комиссией (RRCAI). В моём исследовании китайской экономики и общества я систематически анализирую экологический базис и различные аспекты традиционного гидравлического строя Китая. Теперь у нас также есть археологическая оценка роста гидравлических и других сооружений с течением времени в ограниченной, но, несомненно, характерной области: долине Виру в Перу. [Назад](#)

2.D.1. Неаграрные гидравлические сооружения

2.D.1.a. Акведуки и водохранилища для снабжения питьевой водой

Население, способное перемещать водные ресурсы для ирригации, легко применяет гидравлическое ноу-хау для обеспечения себя питьевой водой. Необходимость в этом была незначительной для большей части средневековой Европе, где годовое количество осадков обеспечивало достаточный уровень грунтовых вод в скважинах, от которых зависело водоснабжение большинства городов.

Даже в гидравлическом обществе наличие питьевой воды не обязательно является проблемой. Где реки, ручьи или родники приносят достаточное количество воды, чтобы удовлетворить питьевые потребности населения в течение года, никаких серьёзных проблем не возникает. Жители долин Нила и Ганга и многих подобных мест не должны были строить сложные акведуки для снабжения питьевой водой.

Нерегулярные потоки рек и ручьёв, а также относительно лёгкий доступ к свежей и чистой горной воде стимулировали во многих гидравлических местностях строительство комплексных сооружений для хранения и распределения питьевой воды. В Америке большие акведуки были построены гидравлическими цивилизациями в зоне Анд и в Месоамерике. Многие водохранилища (искусственные водоёмы) в Южной Индии часто служат нескольким целям, но вблизи крупных населённых центров обеспечение питьевой водой обычно имеет первостепенное значение. В некоторых районах Ближнего Востока, таких как Сирия и Ассирия, блестяще разработанные акведуки удовлетворяли потребности в питьевой воде многих известных городов, включая Тир, Антиохию и Ниневию. На Западе, где использовалось дождевое земледелие, акведуки строились в первую очередь такими средиземноморскими народами, как греки и римляне, которые с давних времён поддерживали контакты с технически развитыми странами Западной Азии и Северной Африки, у которых многому научились. Несомненно, греки и римляне были в состоянии решить свои проблемы снабжения питьевой водой без каких-либо технических заимствований, но внешне их решение наводит на мысль о влиянии техники Востока.

2.D.1.b. Судходные каналы

Среди значительных аграрных социальных структур, встречающихся в истории, только гидравлическое общество строило судходные каналы сколь угодно

большой протяжённости. Мореплаватели греки, сделавшие Средиземное море своим главным водным путём, избежали проблемы, к которой древние города-государства были плохо подготовлены. Все не слишком многочисленные римские каналы, скорее всего, были вырыты в то время, когда растущее увлечение государственного аппарата Востоком стимулировало, среди прочего, растущий интерес ко всем видам общественных работ.

Те, кто занимались дождевым земледелием как в средневековой Европе, так и повсюду в мире, сторонились болотистых речных низин и не стремились к ним. И их господа-феодалы уделяли мало внимания состоянию водных путей, которые для них не имели никакой пользы. Ещё меньше они заботились о строительстве вспомогательных и искусственных рек - каналов. Почти никакие важные каналы не были построены в эпоху Средневековья, и состояние судоходных рек серьёзно сдерживало средневековые торговлю и транспорт.

Только в связи с ростом поддерживаемого правительством торгового и промышленного капитализма на Западе началось масштабное строительство каналов. Канал-пионер современной Европы, французский Южный (Лангедокский) канал был завершён только во второй половине XVII века, в 1681 году, чуть раньше, чем за столетие до падения абсолютистского режима. А в традиционной стране внутреннего судоходства, Англии, для создания каналов мало что делалось до середины XVIII века, то есть до времени, когда период абсолютизма в Англии уже закончился, в самом начале эпохи машин.

Как писалось выше, население гидравлических государств совершенно иначе относилось к управлению природными и искусственными водными путями. Они селились как можно ближе к рекам, имевшим большое значение для плодородия, поэтому они должны были найти способы осушения низинных болот и укрепления и восстановления речных берегов. Естественно, вопрос внутреннего судоходства возникал не везде. Существующие реки и ручьи могут быть пригодны для ирригации, но не для судоходства (места проживания народов пуэбло, племени чагга, высокогорье Перу), или океан может оказаться идеальным средством для транспортировки (Гавайи, побережье Перу). В некоторых местностях внутреннее судоходство удовлетворительно обеспечивалось реками, находившимися под контролем людей (Египет, Индия), и озерами (Мексика), также ирригационные каналы бывали достаточно вместительными для лодок (Месопотамия).

Но когда дополнительные водные пути были не только возможны, но и желательны, организаторы агрогидравлических работ не испытывали трудностей в использовании своего скоординированного аппарата для того, чтобы сделать эти водные пути доступными. Новые каналы могли быть лишь незначительными дополнениями к существующим водным путям. Древние египтяне построили каналы для того, чтобы обогнуть непроходимые пороги Нила, и они временно соединили Нил и Красное море, но эти сооружения имели мало влияния на всеохватную модель гидравлической экономики страны. В

других случаях судоходные каналы приобретали большое значение. Они удовлетворяли потребности элиты гидравлического государства: обеспечивали доставку части излишков урожая в административные центры и транспортировку посыльных и войск.

В Таиланде (Сиаме) различные гидравлические задачи частично совпадали. В дополнение к различным типам производственных и защитных гидравлических сооружений правительство построило несколько каналов в центрах государственной власти и производства риса, которые по существу служили водной дорогой, то есть путём транспортировки излишков урожая риса в столицу.

Особенно хорошо задокументированы соответствующие работы в Китае. На территории обширных равнин Северного Китая появление судоходных каналов относится ко времени удельных царств, то есть к периоду до 221 года до нашей эры, когда различные региональные правительства все ещё находились в ведении чиновников, которым давались должностные земли в награду за их службу. Разницу между централизованной государственной системой дарения земель, которая преобладала в раннем Китае, и рыцарским феодализмом средневековой Европы наглядно демонстрирует почти полное отсутствие общественных работ в феодальной Европе и огромное развитие таких работ - гидравлических и не только - в удельных царствах Китая^b.

Географическое и административное объединение Китая, которое значительно усилило политическую необходимость судоходных каналов, также усилило организационную мощь государства, требовавшуюся для того, чтобы построить эти каналы. В первые века империи был виден большой прогресс не только в строительстве ирригационных каналов, водохранилищ и защитных речных дамб, но и в копании длинных каналов для административных и финансовых целей.

Когда после нескольких столетий политической раздробленности, правители династии Суй в конце VI века вновь объединили Поднебесную, они укрепили новую политическую структуру, создав из ранее построенных важных участков гигантский имперский канал, более известный в Китае как Юн Хо, транспортный канал. Протяжённость канала сегодня составляет около 800 миль, это равняется расстоянию от американо-канадских Великих озёр до Мексиканского залива или - в европейских терминах - расстоянию от Берлина до Бордо или от Гамбурга до Рима. Для работ над частью этого гигантского водного сооружения правительство Суй мобилизовало только в регионах к северу от Хуанхэ более миллиона мужчин и женщин, то есть почти половину общей численности населения, которое проживало в Англии с XIV по XVI века.

Гигантские усилия, затраченные на возведение речных дамб и построение каналов в Китае, отмечены американским агрономом Кингом, который по скромным подсчётам оценивает совокупную длину находящихся под контролем людей водных путей Китая, Кореи и Японии в почти 200 000 миль: 'Совокупная

длина сорока каналов на всей территории Соединенных Штатов, пролегающих с востока на запад, и шестидесяти каналов, пролегающих с севера на юг, не сравнилась бы с совокупной длиной всех каналов в этих трёх странах сегодня. Более того, вполне вероятно, что эта оценка является не слишком большой для одного Китая в отдельности¹.

^b Ранее я рассматривал Китай эпохи правления династии Чжоу как феодальное общество, обнаруживавшее присущие Востоку особенности, которые появились в начале эпохи и становились всё более заметны, пока в конце этой эпохи не стали господствующими. Идея общества, которое преодолевает институциональный разрыв, полностью совместима с выводами данного исследования (см. ниже, гл. 6), и, рассматривая общество эпохи правления династии Чжоу в этом аспекте, мне бы не пришлось менять давнюю позицию. Но углублённые сравнительные исследования заставляют меня изменить её. Засушливые и умеренно засушливые природные условия Северного Китая (годовое количество осадков было 17 дюймов на территории старого княжества Чжоу и 24 дюйма на территории государства Шан, захваченного княжеством Чжоу) наводят на мысль о гидравлическом земледелии в этих центральных областях в древности. Расположение земель, летние наводнения и периодическое заиливание рек делали необходимыми комплексные меры борьбы с наводнениями, особенно в центре государства Шан. Реалистичное толкование легенд и протоисторических источников указывает на развитие гидравлического образа жизни задолго до воцарения династии Шан, чьи изделия (бронза) и надписи отражают высокоразвитую аграрную цивилизацию с совершенными методами ведения учёта, вычислений и астрономии. Доступные исследованию социальные институты раннего периода правления династии Чжоу присущи гидравлическому обществу, которое постепенно усиливало свою управленческую и бюрократическую плотность (подробней об этом см. ниже, гл. 6). Правители династии Чжоу вели себя по отношению к удельным правителям не как первые среди равных, а как высшие господа, ответственные только перед Небом. Не их вина, что их деспотические претензии, которые они могли перенять у правителей Шан, были реализованы недостаточно и с меньшим эффектом. Напротив, правители удельных царств были достаточно сильны для того, чтобы продолжать линию абсолютной власти в рамках своих государств. Земли, которыми их наделяли, давались не на договорных условиях и не самостоятельно организованным (объединённым в орден) рыцарям и баронам, а владельцам должностей и лицам, допущенным наслаждаться синекурами. Эти земли были не феодальными владениями, а должностной землёй (см. ниже, гл. 6-8). [Назад](#)

2.D.2. Большие негидравлические сооружения

2.D.2.a. Огромные оборонительные сооружения

Потребность в обширных оборонительных сооружениях возникает почти сразу, как только начинает применяться гидравлическое земледелие. В отличие от тех, кто занимается дождевым земледелием и могут относительно легко менять свои поля, те, кто занимаются ирригационным земледелием, оказываются в зависимости от неподвижного источника плодородия, если тот очень полезен. На раннем этапе гидравлического растениеводства уверенность в постоянной системе водоснабжения во многих случаях должна была побуждать аграрное сообщество возводить сильную оборону вокруг их домов и полей.

Для достижения этих целей гидравлическое земледелие способствовало двум аспектам: оно научило человека тому, как работать со всеми видами строительных материалов, с землёй, камнем, древесиной и т.д., а также приучило его использовать эти материалы организованно. Строители каналов и дамб легко становились строителями траншей, башен, частоколов и протяжённых оборонительных стен.

В этом, как и во всех соответствующих случаях, характер и масштаб операций определялись внутренними и внешними обстоятельствами. Окружённые агрессивными соседями, индейцы пуэбло гениально использовали все строительные материалы, которые были под рукой, для защиты своих поселений, которые редко состояли более чем из нескольких сотен жителей^c. Их деревни были подобны крепостям, что очевидно для современных антропологов; они поражали испанских конкистадоров, которые были вынуждены порой осаждать один посёлок несколько дней или недель, прежде чем могли взять его^d. Строгое сотрудничество гарантировало безопасность проживания так же, как гарантировало успешное возделывание земли. Один из первых наблюдателей подчёркивал этот аспект жизни пуэбло: 'Все они работают вместе, чтобы построить деревни'^e.

Племя чагга также эффективно применяло свои гидравлические достижения для создания военных сооружений. Их великий вождь Хоромбо (ок. 1830) использовал тысячи людей, чтобы построить большие укрепления, которые частично всё ещё стоят и сегодня. Стены этих укреплений имеют высоту около шести футов и длину 305 ярдов на южной стороне, 443 ярда на северной, 277 ярдов на восточной и 137 ярдов на западной. К обороне обнесённых стенами поселений, которые и раньше были у племени чагга, добавлены туннели, протяжённые траншеи и землянки. Глубокие землянки, выкопанные под хижинами и часто ведущие в подземные проходы с выходами на некотором расстоянии, использовались для спасения. Почти каждая местность была защищена большими военными траншеями, которые повсюду можно увидеть и сегодня и которые по-прежнему часто имеют большую глубину.

Эти примеры показывают, чего даже первобытные гидравлические общества смогли достичь в области оборонного строительства, когда в полной мере использовали свои совместные ресурсы. Более развитые гидравлические общества применяли и варьировали этот основной принцип в соответствии с техническими и институциональными обстоятельствами.

В доколумбовской Мексике отсутствие пригодных для труда животных налагало ограничение на транспорт, и хотя это сдерживало развитие осадного дела, но не исключало штурмы городов и их оборону. В чрезвычайных ситуациях многие построенные государством гидравлические сооружения в районе главных озёр выполняли военные функции, так же как гигантские дворцы и храмы служили бастионами против вторгшегося врага. Недавнее исследование обращает внимание на различные типы мексиканских фортов и оборонительных стен. Из-за их размера и важности такое строительство вполне можно рассматривать как управляемое государством предприятие. Как известно, колоссальные крепости и стены в Перу, воздвигнутые до появления испанцев, поразившие и первых наблюдателей, и тех, кто видел их недавно, были построены по приказу правительства невероятно большими группами барщинных рабочих.

Многие тексты и графические изображения рисуют стены, ворота и башни Древнего Египта, Шумера, Вавилонии, Ассирии и Сирии. В 'Артхашастре' упомянут систематический метод, которым правители первой великой индийской империи решали проблемы укрепления и обороны. На заре китайской истории новые столицы создавались по приказу правителя, и в течение последних столетий эпохи правления династии Чжоу удельные царства использовали свою пригодную к барщине рабочую силу для обнесения стенами границ целых регионов для защиты не только от племён варваров, но и друг от друга. В III веке до нашей эры Цинь Шихуанди, объединивший Китай, связал вместе и преобразовал старые стены удельных царств, создав длинейшее непрерывное оборонительное сооружение, когда-либо сделанное человеком. Периодическая реконструкция Великой Китайской стены символизирует непрерывную эффективность гидравлической экономики и руководимого правительством массового труда.

^c Бандельер поддерживает количественные данные Кастанеды, расходящиеся с заявленными в других ранних испанских источниках. [Назал](#)

^d Кастанеда, бывший официальным летописцем первой испанской экспедиции Коронадо, отмечает, что оборонительные башни большого поселения племени зуни были оснащены бойницами и лазейками для защиты крыш различных ярусов. Он добавляет, что сперва атакуют крыши, поэтому эти верхние надстройки являются средствами защиты для них. Опыт второй экспедиции подтвердил и дополнил первоначальные наблюдения. Гальегос завершает свои наблюдения, касающиеся строений индейцев пуэбло, ссылкой на подвижные

деревянные лестницы, по которым люди взбирались в свои жилища. Ночью они поднимали их вверх, так как вели войну друг с другом. Обрегон также подчёркивает военное значение лестниц, кроме того, он объясняет, как сами сооружения служили для защиты общины: 'Эти дома имеют стены и лазейки, из которых они защищают себя и атакуют своих врагов в сражениях'.

Командир одного из отрядов экспедиции Коронадо, приблизившись к поселениям племени тигуа, нашёл обнесённые частоколом деревни. Все индейцы пуэбло, ранее подчинявшиеся различным формам вымогательства и оскорбления, теперь были готовы к борьбе. С этим ничего нельзя было сделать, потому что они не спускались на равнины, а деревни были настолько сильны, что испанцы не могли выбить их оттуда. Атакуя одну такую вражескую деревню, испанские солдаты достигли верхнего яруса благодаря неожиданной тактике. Они оставались в этом опасном положении в течение всего дня, не в состоянии одержать победу, пока мексиканские индейцы, которые сопровождали их, не подобралась к индейцам пуэбло снизу, выкапывая себе путь и выкуривая защитников [Кастанеда, для обсуждения отчёта Кастанеды см. Бандельер].

Осаждая большое поселение племени тигуа, участники экспедиции Коронадо имели возможность тщательно проверить оборонительный потенциал индейцев пуэбло, которые не были застигнуты врасплох. Так как индейцы имели несколько дней, чтобы обеспечить себя запасами, они бросали на врагов такое количество камней, что многие из осаждавших были погребены под ними, и почти сотню они ранили стрелами. Осада продолжалась семь недель. В течение этого времени испанцы совершили несколько нападений, но не смогли победить индейцев пуэбло. Жители в конечном итоге оставили свою подобную крепости деревню, но не из-за того, что нападавшие сломали оборону, а из-за отсутствия воды. Бандельер дополняет доклад Кастанеды об этом важном событии сообщением жившего в XVIII веке Мота Падильи, который утверждал, что имел доступ к подлинным трудам ещё одного участника экспедиции Коронадо. Версия Мота Падильи содержит ряд деталей, которые раскрывают методы атаки, а также силу и изобретательность оборонявшихся. Некоторые испанцы достигли вершины стены, но обнаружили, что туземцы сняли крыши многих (верхних) помещений, так что не было никакой связи между помещениями, а так как на коротких расстояниях друг от друга находились маленькие башни, из которых противники сыпали сверху камни на испанцев, более шестидесяти человек были ранены, трое из них умерли от ран. [Назад](#)

^e Кастанеда уточняет это общее высказывание, упоминая, что женщины занимались приготовлением самана и стен, в то время как мужчины приносили древесину и закрепляли её. Современные исследования приписывают эти обязанности мужчинам, добавляя к этому ещё и возведение стен, а строительные работы женщин ограничивая обмазыванием стен. Расхождение между ранним и современным описаниями могут отражать действительные институциональные изменения или просто разницу в точности наблюдений.

Хотя это интересно антропологам, подобное расхождение не влияет на наши основные выводы относительно общинного характера крупномасштабного строительства у индейцев пуэбло. [Назад](#)

2.D.2.b. Дороги

Предполагается, что построенные государством большие дороги существовали в эпоху Вавилонии; есть документальные подтверждения наличия таких дорог в Ассирии. И их влияние на строительство дорог в Персии, эллинских государствах и Риме не вызывает сомнений^f. Великая персидская 'царская дорога' произвела сильное впечатление на древних греков и послужила моделью для эллинских правителей, чьи усилия, в свою очередь, вдохновили чиновников дорожного строительства Римской империи. Согласно исследованиям Меца, арабы переняли образец 'правительственной дороги', как и её название, у персидской 'Царской дороги'. Однако помимо этого они не проявили большого интереса к поддержанию дорог в хорошем состоянии, вероятно, потому что в основном продолжали полагаться на верблюжьи караваны для обеспечения перевозок. Более поздние мусульманские государства Ближнего Востока использовали большие дороги, но они никогда не восстанавливали их до состояния технического совершенства, характерного для доарабского периода.

Дороги имели важное значение для энергичных королей династии Маурьев в Индии. У одной такой 'царской дороги' длиной 10 000 стадий, которая, предположительно, пролегла от столицы к северо-западной границе, имелся способ обозначения расстояний, который в изменённом виде потом использовался могольскими императорами. В Южной Индии, где индуистская цивилизация существовала на протяжении многих веков после того, как северная территория была завоёвана, построенные государством дороги упоминаются в надписях и некоторые из них называются 'большими королевскими дорогами'. Мусульманские правители Индии подражали индийскому, а не западноазиатскому образцу в своём стремлении сохранить сеть государственных дорог. Шер-шах (ум. в 1545 году) построил четыре крупные дороги, одна из которых пролегла из Бенгалии в Агру, Дели и Лахор. Считается, что Акбар был вдохновлён достижениями Шер-шаха, когда построил новую 'большую королевскую дорогу' под названием 'Долгий путь', которая на протяжении четырёх сотен миль была обсажена с обеих сторон дававшими тень огромными деревьями.

В Китае гигантская сеть больших дорог была построена сразу после установления империи в 221 году до нашей эры. Но в этом случае, как и в случаях ирригационных и судоходных каналов или длинных оборонительных стен, имперские специалисты привели в порядок и разработали только то, что уже начали их предшественники, специалисты эпохи удельных царств. Задолго

до III века до нашей эры в одном удельном царстве задумали иметь хорошо содержащиеся сухопутные большие дороги, находящиеся под наблюдением центральных и местных чиновников, обсаженные деревьями, обеспеченные станциями и гостевыми домами. В имперский период крупные государственные дороги соединили все важные центры ключевого северного района со столицей. Согласно официальной 'Истории династии Хань', первый император построил имперскую дорогу через всю страну. На востоке она простиралась до Йен и Ци, а на юге достигала Ву и Ху. Стали доступными берега Янцзы, озёра и морское побережье. Ширина дороги была пятьдесят шагов. Полоса шириной в три чанга (примерно двадцать два фута) в центре была выделена для деревьев. Она была надёжно сооружена с обеих сторон, для укрепления использовались металлические прутья. На этой полосе были посажены зелёные сосны. Император построил имперскую дорогу с такой расчётливостью, что более поздние поколения оказались не в состоянии найти какой-нибудь другой извилистый путь, по которому можно было бы перемещаться. При последующих династиях строительство и содержание больших магистральных дорог и их многочисленных региональных ответвлений оставалось обычной задачей центральной и местной администрации Китая.

Пересеченная местность Месоамерики и отсутствие империй, полностью координирующих между собой свои действия, выглядит как препятствие для строительства больших дорог в доколумбовский период, по крайней мере на высокогорных плато. Но район Анд был ареной удивительного дорожного строительства. Испанские завоеватели подробно описали превосходные большие дороги, которые пересекали прибрежную равнину и высокогорье и осуществляли связь между ними. Описывая дороги в Андах, Эрнандо Писарро писал, что он никогда не видел подобных им в схожей местности во всём христианском мире. На самом деле он мог бы сравнить их только с системой больших дорог, построенных римлянами. Сходство говорит само за себя. Как будет показано ниже, обширная римская система дорог была плодом роковой трансформации, которая сделала из Римской империи по-эллински (по-Восточному) деспотическое государство.

Усилия, необходимые для построения всех этих крупных дорог, привлекали гораздо меньше внимания, чем конечный результат. И те факты, которые нам известны, указывают, что, как и большинство других крупных государственных предприятий, дороги в основном строились совместными усилиями рабочих, которых привлекали к государственной барщине. В империи Инков чиновники-надзиратели разграничивали земли и сообщали местным жителям, что они должны построить на них дороги. И это выполнялось с малыми затратами для правительства. Мобилизованные мужчины приходили со своей пищей и инструментами, чтобы выполнять работу^g.

Большие дороги Китайской империи требовали огромной рабочей силы для их строительства и очень значительной рабочей силы для их обслуживания. Надпись, сделанная в эпоху правления династии Хань, отмечает, что

строительство некой большой дороги в 63-66 годах нашей эры потребовало труда 766 800 человек. Из этого большого числа только 2 690 были каторжниками.

^f Термин 'царская дорога' был использован в одной ассирийской надписи. Действующую модель римской государственной почты, *cursus publicus*, можно найти ранее в эпоху эллинов, а ещё раньше в Персии и возможно даже в Вавилонии. [Назад](#)

^g Местная организация и ремонтные работы на дорогах были отмечены ещё участником армии завоевателей. Отсутствие оплаты за труд, выполненный для дорожной барщины, также отмечает Биас Валера, который заявляет, что подобные условия преобладали и в отношении работ, связанных с мостами и ирригационными каналами. [Назад](#)

2.D.2.c. Дворцы, столицы и гробницы

Правительственный аппарат, способный построить все перечисленные гидравлические и негидравлические сооружения, мог быть легко использован для строительства дворцов и садов правителя и его двора, больших, подобных дворцам государственных зданий для помощников правителя, а также памятников и гробниц для выдающихся покойников. Этот аппарат мог быть использован везде, где уравнивательные условия жизни первобытного племенного общества уступили своё место племенным или неплеменным формам автократии.

Верховный вождь общины пуэбло имел свои поля, которые для него обрабатывали деревенские жители. Но его жилище, по всей видимости, не отличалось от домов других соплеменников, за исключением, возможно, того, что оно было лучше и расположено в более безопасном месте. Вожди племени чагга имели настоящие дворцы, возведённые для личного пользования, и барщинный труд, использованный для этого строительства, был существенным.

Колоссальные дворцы правителей древнего Перу были возведены благодаря объединённому труду многих рабочих. В доколумбовской Мексике у Несауалькотля, повелителя Тескоко, второго по величине города-государства в Ацтекском союзе, предположительно, ежедневно трудилось более 200 000 рабочих на строительстве его великолепного дворца и парка.

Неограниченный контроль над трудовыми ресурсами своих подданных позволял правителям Шумера, Вавилонна и Египта строить свои впечатляющие

дворцы, сады и гробницы. Такой же характер работ преобладал в многих небольших странах, чьё государственное устройство имело ту же форму, что и в Египте или в государствах Месопотамии. По библейским сведениям, прекрасный храм царя Соломона построили трудовые бригады, которые, подобно таким же бригадам в Вавилонии, призывались на работу на четыре месяца в году.

Крупные здания, построенные в Индии во времена империи Великих Моголов, очень известны. Менее известны, но не менее достойны упоминания сооружения, относящиеся к более раннему времени. При третьем правителе династии Туглакидов, Фируз-Шахе (ок. 1308-1388 годы), вырыли несколько важных ирригационных каналов, среди них знаменитый 'Старый канал Джамны'. При нём строили крепости, дворцы и города-дворцы, мечети и гробницы. Дворец-крепость Фируз-Шаха Котла, возведённый в его новой столице Фирузабаде (Дели), точно передаёт возвышенный стиль доисламской индийской и восточной (Eastern) архитектуры.

Общая тенденция агроуправленческого строительства, присущая Китаю, раскрывается во многих сложных сооружениях. Первый император Китая, Цинь Шихуанди, начал строить крупные гидравлические сооружения сразу после прихода к власти и в ходе своего правления завершил строительство колоссальных негидравлических сооружений общественного и участного типов. Уничтожив всех своих удельных соперников, он построил ранее упомянутую сеть больших дорог, которая позволила его чиновникам, посланникам и войскам получить лёгкий доступ во все регионы его обширной империи. Позже он защитил себя от северных кочевников скотоводов, объединив отдельные существовавшие стены в Великую Китайскую стену. Дворцы для его личного пользования были построены в первые дни его правления, но только в 213 году до нашей эры была начата работа над его супердворцом. На этот чудовищный проект вместе со строительством его огромной гробницы, предположительно, потребовались рабочие группы численностью более 700 000 человек.

Восемьсот лет спустя второй монарх объединённого Китая, император Ян (604 - 617 годы) из династии Суй, мобилизовал ещё большую рабочую силу для выполнения аналогичных чудовищных предприятий. Дополнительно к более чем одному миллиону человек (мужчин и женщин), занятых на постройке Великого канала, он направил огромные группы барщинных рабочих для расширения имперской дороги и для работ на Великой Китайской стене. Согласно 'Истории династии Суй', более миллиона человек усиленно трудились на Великой Китайской стене^h. Согласно тому же официальному источнику, на строительство новой восточной (eastern) столицы, которое включало строительство нового гигантского императорского дворца, привлекалось не менее двух миллионов человек каждый месяц.

^h Больше миллиона в 607 году, дополнительно 200 000 человек были привлечены к работам в 608 году. [Назад](#)

2.D.2.d. Храмы

Положение, судьба и престиж светской элиты гидравлического общества были тесно взаимосвязаны с положением, судьбой и престижем их божественных защитников. Все без исключения политические правители стремились подтвердить и укрепить свою собственную легитимность и величие, подчёркивая высокое положение своих сверхъестественных покровителей. Возглавлялось ли правительство светским монархом или жрецом-царём, центральная власть делала всё возможное, чтобы окружить высших богов соответствующим окружением для поклонения, а их земных служителей - соответствующими резиденциями.

Руководимые правительством группы рабочих, которые возводили гигантские дворцы, в равной степени годились и для возведения гигантских храмов. Древние надписи сообщают о многих храмах, построенных правителями Месопотамии. Обычно от лица государя сообщалось об этом так, словно эти достижения стали возможны благодаря исключительно его личным усилиям. Но редкие замечания указывают на наличие людей, которые усиленно трудились в соответствии с установленным планомⁱ. Аналогичным образом, большинство текстов, повествующих о фараонах, сообщают о конечном успехеⁱ или величии руководящего государя, но некоторые тексты сообщают о руководимой правительством рабочей силе, народе^k.

Особенно выделялись здания для религиозных целей в агроуправленческих культурах доколумбовской Америки. Местная традиция, а также ранние испанские отчёты придают особое значение огромному труду, требовавшемуся для построения и поддержания священных домов и пирамид. Мексиканцы скоординировали свои совместные силы, чтобы возвести первый храм для нового островного города, позднее ставшего ацтекской столицей, а их потомки, обладавшие ещё большей властью, мобилизовали трудовые ресурсы многих покорённых земель для строительства ещё более гигантских храмов^l. Подобный городу дворец знаменитого правителя Тескоко Несауалькойотля содержит не менее сорока храмов. Выше приводилась количественная характеристика огромной рабочей силы, занятой в строительстве этого города-дворца, города-храма. Как и во все гигантские рабочие группы в Мексике, в рабочие группы Тескоко могло привлекаться всё барщинное население^m. В другом городе-государстве в районе главных озёр, Куаутитлане, за строительством крупных гидравлических сооружений последовало строительство большого храма. Для завершения второго строительства потребовалось тринадцать лет.

Не вызывает сомнений, что тесная связь жречества с правительством имела и в зоне Анд, как и в большинстве других областей гидравлического мира. Инки облагали свою империю обременительным оброком для того, чтобы украсить свои храмы и пирамиды. Они использовали любые трудовые ресурсы, когда возникала необходимость сбора сырья, его транспортировки и выполнения фактических строительных работ.

ⁱ Шнейдер и Деймель сожалеют о недостатке конкретных данных, относящихся к шумерской строительной отрасли. [Назад](#)

^j Эти сведения содержит одна из старейших сохранившихся надписей Древнего Египта, Палермский камень. [Назад](#)

^k 'Я повелел тем, кто работает, сделать так, как ты пожелал'. Народ добывал камень для храма Амона - и народ же строил это здание. Среди рабочих были ремесленники разных профессий. [Назад](#)

^l 79 земель для постройки храма Уицилопочтли и 157 для великого храма Ку того же бога, Уицилопочтли. [Назад](#)

^m 'Анналы Куаутитлана' также сообщают об этом сооружении, однако без обсуждения той стороны дела, которая касалась организации труда. [Назад](#)

2.Е. Элита гидравлического общества - великие строители

Несомненно, элитой гидравлического общества были великие строители, где бы они ни правили: на Ближнем Востоке, в Индии, в Китае или в Америке до её завоевания конкистадорами. Это определение обычно используется, чтобы выразить эстетический и технический аспекты, и эти два аспекта действительно тесно взаимосвязаны. Мы кратко обсудим оба с учётом следующих типов гидравлического и негидравлического строительства.

I. Гидравлическое строительство

I.A. Производственные сооружения (каналы, акведуки, водохранилища, шлюзы и дамбы для ирригационных целей)

I.B. Защитные сооружения (дренажные каналы и дамбы для борьбы с наводнениями)

I.C. Акведуки для обеспечения питьевой водой

I.D. Судходные каналы

II. Негидравлическое строительство

II.A. Сооружения для обеспечения обороны и коммуникации

II.A.1. Стены и другие оборонительные сооружения

II.A.2. Большие дороги

II.B. Большие здания, служащие общественным и личным потребностям светской и религиозной элиты гидравлического общества

II.B.1. Дворцы и столицы

II.B.2. Гробницы

II.B.3. Храмы

2.E.1. Эстетический аспект

2.E.1.a. Избирательная видимость

Большинство людей, высказывающихся по поводу великих строителей Азии и древней Америки, гораздо более сосредоточивают внимание на негидравлических, чем на гидравлических достижениях. Даже в гидравлической сфере больше внимания уделяется акведукам для питьевой воды и судходным каналам, чем производительным и защитным сооружениям гидравлического земледелия. По сути, эти последние часто вообще упускается из виду. Среди негидравлических сооружений большие здания, предназначенные для представителей власти и для поклонения божествам, а также гробницы великих людей гораздо более тщательно исследованы, чем крупные сооружения коммуникаций и обороны.

Такое избирательное толкование гигантских конструкций гидравлического общества не случайно. Обычно по функциональным, эстетическим и социальным причинам гидравлические сооружения являются менее впечатляющими, чем негидравлические. Подобные причины и стимулируют избирательное толкование для каждой из двух основных категорий.

С функциональной точки зрения ирригационные каналы и защитные дамбы протяжённо и однообразно тянутся по всей местности, в то время как дворцы,

гробницы и храмы являются пространственно сконцентрированными. С эстетической точки зрения большинство гидравлических сооружений возводятся в первую очередь для утилитарных целей, в то время как резиденции правителей и жрецов, здания для поклонения божествам и гробницы великих людей должны быть красивыми. С социальной точки зрения те, кто организуют распределение рабочей силы и материала, непосредственно пользуются плодами функционирования многих негидравлических сооружений. В результате они стремятся вкладывать максимум усилий в создание эстетического эффекта такими сооружениями, как дворцы, храмы и столицы, и минимум усилий в создание эстетического эффекта всеми другими сооружениями.

Конечно, различия не являются абсолютными. Некоторые ирригационные сооружения, дамбы, акведуки, судоходные каналы, большие дороги и оборонительные стены должны обладать значительной функциональной красотой. И близость к центрам власти может заставить несущих ответственность за определённые сооружения чиновников строить земляные валы, акведуки, большие дороги, мосты, стены, ворота и башни с таким же вниманием к эстетическим деталям, как и к качеству материала и эффективности используемой трудовой силы.

Но эти второстепенные тенденции не изменяют два основных факта: большинство всех общественных гидравлических и негидравлических сооружений эстетически менее заметны, чем дворцы правителей и чиновников, храмы и гробницы; с точки зрения художественного исполнения наиболее важные гидравлические сооружения - каналы и дамбы - являются менее впечатляющими из всех.

2.Е.1.б. Монументальный стиль

Несмотря на такое несходство, дворцы, правительственные здания, храмы и гробницы обладают одной особенностью, присущей и общественным сооружениям: они тоже имеют крупные размеры. Архитектурный стиль гидравлического общества монументален.

Этот стиль проявляется в подобных крепостям поселениях индейцев пуэбло. Этот стиль заметен у дворцов, храмовых городов и крепостей древних цивилизаций Центральной и Южной Америки. Этот стиль характерен для гробниц, городов-дворцов, храмов и царских монументов фараонского Египта и древней Месопотамии. Кто когда-либо наблюдал городские ворота и стены любой китайской столицы, такой как Пекин, или кто прошёл через огромные ворота дворца и пересёк площади Запретного города, чтобы войти в его столь

же огромные внутренние покои, фамильные храмы и частные особняки, тот не мог не испытать восторг от этих монументальных творений.

Пирамиды и куполообразные гробницы наиболее последовательно обнаруживают монументальный стиль гидравлических строений. Они достигают своего эстетического эффекта при минимуме идей и максимуме материала. Пирамида не сильно отличается от огромной кучи симметрично расположенных камней.

Основанное на праве собственности и более индивидуалистическое общество Древней Греции отошло от массивной архитектуры, которая возникла в квазигидравлический микенскую эпоху. В поздний период первого тысячелетия до нашей эры, когда Александр Македонский и его преемники правили всем Ближним Востоком, архитектурные концепции Эллады трансформировались и очистились от влияния гидравлического стиля, не нарушив, однако, своей монументальной особенности.

В исламской архитектуре смешение двух стилей породило третий. Результаты этой эволюции были впечатляющими как на западном аванпосте исламской культуры - в мавританской Испании, так и в великих восточных (eastern) культурных центрах: Каире, Багдаде, Бухаре, Самарканде и Стамбуле. Тадж-Махал в Агре и родственные ему здания показывают работу тех же движущих сил в Индии, субконтиненте, который до исламского нашествия имел собственную богатую монументальную архитектуру.

2.Е.1.с. Институциональное значение

Вряд ли нужно говорить, что другие аграрные цивилизации также сочетали архитектурную красоту со значительными размерами. Но гидравлические правители отличались от светской и духовной элиты древнего и средневекового Запада, во-первых, тем, что их строительные операции пронизывали большее число сфер жизни, а во-вторых, тем, что контроль над трудовыми и материальными ресурсами всей страны позволял им достичь гораздо более монументальных результатов.

Разрозненная деятельность тех, кто занимался дождевым земледелием, не приводила к созданию общенациональных моделей сотрудничества, как при гидравлическом земледелии. Многочисленные поместные центры европейского рыцарства породили столько же укрепленных резиденций (замков), и их размеры были ограничены числом связанных с ними крепостных крестьян. Королю, который был лишь немного более значимым, чем самый важный феодал, приходилось строить свои замки, используя лишь ту рабочую силу, которую могли предоставить его личные владения.

Концентрация доходов в региональных и территориальных центрах церковного влияния позволила создавать крупнейшие средневековые здания частного характера: церкви, монастыри и соборы. Следует отметить, что эти здания были возведены организацией, которая, в отличие от всех других известных западных сообществ, объединяла феодальную и квазигидравлическую модели внутреннего устройства и накопления средств.

Однако, когда дело касалось социального контроля и природных ресурсов, властительные строители гидравлического государства не имели равных себе в негидравлическом мире. Скромный лондонский Тауэр и разбросанные замки средневековой Европы так же ясно отражают сбалансированное баронское общество времён Великой хартии вольностей, как огромные административные города и колоссальные дворцы, храмы и гробницы Азии, Египта и древней Америки отражают организационную координацию и мобилизационный потенциал гидравлической экономики и государственного управления^a.

^a О другой особенности гидравлической архитектуры, интровертном характере большинства жилых зданий, за исключением дворцов правителя, см. примечание b к 3.D.7. [Назад](#)

2.F. Гидравлическое правительство также управляет основной частью всех крупных нестроительных промышленных предприятий

2.F.1. Сравнительный обзор

При необходимости способность правительства управлять всеми основными видами гидравлического и негидравлического строительства может играть ведущую роль и в нестроительных отраслях промышленности. Это добывающие сырьё отрасли, такие как горное дело, карьерные работы, добыча соли и т.д., а также отрасли производства конечных продуктов, таких как оружие, текстиль, колесницы, мебель и т.д. Поскольку деятельность в этих двух сферах была крупномасштабной, они по большей части либо непосредственно управлялись гидравлическим правительством, либо находились под его монопольным контролем. В фараонском Египте и империи Инков преобладало прямое управление. При дифференцированных социальных условиях правительство стремилось выделять часть добывающей отрасли (горное дело, добыча соли и т.д.) предпринимателям, которых облагало высоким налогом и тщательно контролировало, в то же время продолжая непосредственно управлять большинством крупных производственных цехов.

Объединив эти факты с тем, что мы знаем о гидравлической и негидравлической строительной деятельности государства, мы можем в следующей таблице указать на руководящую роль гидравлического государства в земледелии и в промышленности. Для сравнения мы включаем соответствующие данные о двух других аграрных обществах и о Европе эпохи меркантилизма.

Таблица 1. Государственное управление в сферах земледелия и промышленности

Институциональное устройство	Земледелие		Промышленность			
	Тяжёлые водные сооружения	Возделывание земли	Горное дело и прочее	Строительная промышленность	Производство	
					Крупные цеха	Мелкие цеха
Гидравлическое общество	++	-	(+) ¹	++ ²	+	-
Города-государства классической Древней Греции	-	-	-	-	-	-
средневековая Европа	-	(+) ³	-	(+) ³	(+) ³	-
Европа эпохи меркантилизма	-	-	(-)	-	-	-

Значения:

+ преобладает

++ очень важное

обычное состояние

- несущественно или отсутствует на национальном масштабе

() тенденция ограничена или ослаблена факторами, указанными в тексте в масштабе поместья

1 -

2 - в

3 - в

В Древней Греции горное дело в основном находилось в руках предпринимателей, имевших разрешение им заниматься. Пока такой концессионер платил фиксированную часть своего дохода государству, он пользовался весьма обширными правами; считалось, что он как бы купил шахту; он организовывал работы по собственному желанию; руда принадлежала ему; он мог уступить свою концессию третьему лицу. В средневековой Европе

горное дело также в основном находилось в руках частных предпринимателей, которые, получив концессию от королевской или местной власти, налаживали добычу самостоятельно, в основном используя труд ремесленных артелей. Европейские правительства эпохи меркантилизма сами разрабатывали некоторые шахты, но большинство шахт находилось под управлением строго контролируемых частных владельцев.

Все эти меры сильно отличались от государственной системы горного дела, распространённой в фараонском Египте и империи Инков. Европейская практика эпохи меркантилизма напоминает по форме, но отличается по институциональной сути от принципов, которым следовали некоторые более дифференцированные гидравлические общества, где государственная разработка некоторых шахт сочеталась с частными разработками других шахт, требовавшими разрешения правительства.

За исключением горного дела, формы абсолютизма Востока и Запада (Occident) менее схожи в промышленной сфере, чем ожидалось, в то время как существует сходство в рассматриваемых отраслях между гидравлическим обществом и феодальной Европой. В гидравлическом обществе правительство управляло большинством не слишком крупных промышленных цехов. На Западе (Occident) в эпоху меркантилизма такие цеха при различных формах государственного надзора преимущественно являлись собственностью частных предпринимателей и функционировали под их управлением. Правительства прибрежных городов-государств классической Древней Греции не имели никакого интереса к промышленной деятельности. Правители средневековой Европы, оказавшись в другой ситуации, поступили иначе. В своих поместных службах они использовали ряд крепостных ремесленников, которые были заняты удовлетворением потребностей своих господ. Крупные феодалы также привлекали крепостных к строительству 'больших зданий' - замков. Сходство между такой поместной системой совместной работы и гидравлической моделью очевидна. Но функциональное подобие снова ограничивается различиями социальных условий. Средневековые короли и бароны могли распоряжаться только рабочей силой своих владений и поместий, в то время как гидравлические правители могли опираться на неквалифицированные и квалифицированные трудовые ресурсы больших территорий, в конечном счёте - целой страны.

Однако решающее различие между гидравлическим обществом и тремя цивилизациями, с которыми мы его сравниваем, лежит в сфере строительства, причём это затрагивает даже промышленность. Именно эта сфера демонстрирует организационную мощь гидравлического общества больше, чем любой другой сектор промышленности. И именно в этой сфере были достигнуты результаты, которых не смогли бы достигнуть любые другие аграрные или меркантилистические общества.

Всеобщая институциональная значимость этого факта становится очевидной, как только мы соединим его с соответствующим развитием в аграрной сфере. Управляемые государством тяжёлые водные сооружения сосредоточивают в руках государства крупномасштабный аппарат снабжения земледелия необходимыми водными ресурсами. Управляемые государством строительные работы делают государство бесспорным хозяином в наиболее обширном секторе крупномасштабной промышленности. В двух основных сферах производства государство занимало исключительное положение в оперативном руководстве и организационном контроле.

2.F.2. Власть гидравлического государства над рабочей силой значительной, чем власть капиталистических предприятий

В обеих сферах гидравлическое государство привлекало к работам и контролировало необходимую рабочую силу методами принуждения, которые были доступны феодалам лишь в ограниченном виде и которые совершенно отличаются от методов, привычных в условиях капитализма. Гидравлические правители были достаточно сильными, чтобы совершать в национальном масштабе то, что феодальные правители и крупные феодалы могли совершить только в пределах своих владений. Они принуждали трудоспособных простых людей работать на них посредством барщины.

Барщинный труд - это труд принудительный. Но в отличие от рабского труда, который требовался постоянно, барщина была трудом временным, хотя и периодически повторяющимся. После завершения барщины работника предполагалось отправлять домой для продолжения его собственных дел.

Таким образом, барщинный работник свободнее раба. Но он менее свободен, чем наёмный работник. Он не пользуется преимуществами торга на рынке труда, даже если государство даёт ему пищу (на древнем Ближнем Востоке часто давали хлеб и пиво) или наличные деньги. В районах с развитой денежной экономикой гидравлическое правительство могло использовать барщину как налог и нанимать, а не мобилизовывать необходимую рабочую силу. Так в основном делалось в Китае в конце правления династии Мин и в течение большей части эпохи правления династии Цин.

Но в таком случае, как и во всех других, правительство произвольно устанавливало заработную плату. И всегда держало рабочих в рамках почти военной дисциплины. За исключением времён явных политических кризисов, гидравлическое государство всегда могло набирать такую рабочую силу, какая была необходима, нанимая или мобилизуя работников. Известно, что могольский правитель Акбар своим фирманом (указом) мог собрать столько людей, какое хотел. Лишь общая численность населения его империи являлась

количественным пределом доступной ему массы рабочих. С соответствующими изменениями это утверждение справедливо для всех гидравлических цивилизаций.

2.G. Подлинный и специфичный тип управленческого режима

Таким образом, гидравлическое государство выполняло ряд важных управленческих функций^a. В большинстве случаев оно содержало важные гидравлические сооружения, выступая в аграрной сфере в роли единственного владельца больших предприятий, выполнявших подготовительные и защитные задачи. Обычно оно также контролировало основные негидравлические промышленные предприятия, особенно - крупные сооружения. Это происходило даже в некоторых периферийных областях, где гидравлические работы были незначительными.

Гидравлическое государство отличается от современных тотальных управленческих государств тем, что оно основано на земледелии и занимается только частью экономики страны. От декларирующих принцип невмешательства в дела экономики государств, основу которых составляет опирающееся на право частной собственности индустриальное общество, гидравлическое государство отличается тем, что в своей основной форме выполняет важные экономические функции с помощью принудительного (насильственного) труда.

^a Социальная наука обязана Джеймсу Бернхему указанием на мощный потенциал, заложенный в управленческом контроле. Настоящее исследование подчеркивает важность универсального (политического) организатора по сравнению не только с техническим специалистом, но и с экономическим менеджером. Однако это не умаляет признание автором вклада, сделанного Бернхемом благодаря его концепции управленческого лидерства. [Назад](#)

Глава 3. Государство сильней общества

3.A. Неправительственные силы, конкурирующие с государством за социальное лидерство

Гидравлическое государство является подлинно управленческим государством. Этот факт имеет далеко идущие социальные последствия. Управляя гидравлическими и другими гигантскими сооружениями, гидравлическое государство предотвращает кристаллизацию неправительственных сил общества в независимые органы, достаточно сильные, чтобы уравновесить и контролировать политический механизм.

Отношения между правительственными и неправительственными силами общества настолько же разнообразны, насколько разнообразны модели самого общества. Все правительства заинтересованы в защите государства от внешних врагов (благодаря организации военного дела) и в поддержании внутреннего порядка (благодаря правосудию и тем или иным методам охраны порядка). Степень выполнения правительством этих и других задач зависит, с одной стороны, от того, каким образом социальный строй способствует правительственным мероприятиям или ограничивает их, и, с другой стороны, от развития конкурирующих неправительственных сил.

Неправительственные силы, направленные на социальное и политическое руководство, включают родовые группы (особенно в первобытных условиях), представителей автономных религиозных организаций (обычно в определённых первобытных цивилизациях, но отнюдь не ограничиваясь ими, как показывает история христианской церкви), полностью или частично независимых лидеров военных групп (таких как племенные отряды, армии феодалов) и владельцев различных форм собственности (таких как деньги, земля, промышленное оборудование и производственные силы).

В некоторых случаях установление гидравлического деспотизма, вероятно, встречало сопротивление со стороны глав могущественных кланов или религиозных групп, желавших сохранить свою традиционную автономию. В других случаях частично независимые военные лидеры, возможно, пытались помешать элите гидравлического аппарата в достижении тотального контроля. Но конкурирующим силам не хватало прочного имущественного и организационного базиса, который в Древней Греции, Древнем Риме и средневековой Европе служил оплотом неправительственным силам общества. В гидравлических цивилизациях сторонники правительства предотвращали организационную консолидацию всех неправительственных групп. Их государство оказалось сильнее общества. Любая организация, которая даёт своим представителям неограниченную власть над подчинёнными, может быть рассмотрена как аппарат. В отличие от государства, контролируемого полицентричным обществом, государство с моноцентричным гидравлическим обществом было подлинно аппаратным государством.

3.В. Организационное могущество гидравлического государства

3.В.1. Великие строители гидравлического общества - великие организаторы

Исключительное организационное могущество может иметь разные корни. Необходимость комплексной организации при гидравлических условиях неотъемлема от комплексных сооружений, необходимых или возможных из-за особенностей аграрного строя.

Эти сооружения порождают многочисленные технические проблемы и всегда требуют наличия крупномасштабной организации. Говоря, что элита гидравлического общества - великие строители, мы лишь говорим другими словами, что элита гидравлического общества - великие организаторы.

3.В.2. Основы эффективной организации: подсчёт и учёт

Организатор соединяет разрозненные элементы в единое целое. Он может делать это без предварительной подготовки, если его цель проста или не долгосрочна. Но он должен сделать более сложные приготовления, если сталкивается с долговременной и сложной задачей. Имея дело с людьми, с их рабочей силой, военным потенциалом и способностью платить налоги, он должен знать количество и состояние людей. Для этого ему необходимо подсчитывать их количество. И всякий раз, когда он планирует часто и регулярно привлекать их к работам, он должен сохранять результаты своих подсчётов, запоминая их или, поднявшись над самым примитивным уровнем, используя доязыковые или языковые символы.

Не случайно среди всех осёдлых народов основоположники гидравлического земледелия и государственного управления были первыми разработчиками рациональных системы подсчёта и записи. Не случайно оставленные гидравлическими обществами документальные свидетельства содержат сведения не только об ограниченных районах отдельных крупных городов или городов-государств, королевских владениях или феодальных поместьях, но и о городах и деревнях целых народов и империй. Представители элиты гидравлического общества были великими строителями, потому что были великими организаторами, а великими организаторами они были, потому что были великими счетоводами.

Цветные нити с узлами (кипу), с помощью которых инки сохраняли результаты своих частых подсчётов, показывают, что отсутствие письменности не является непреодолимым препятствием для подсчёта и регистрации населения. В Мексике до её завоевания конкистадорами различные виды земли и связанных с нею обязательств были тщательно изображены в рукописях, и работа локальных

администраторов, по-видимому, основывалась на этих крайне важных документах.

В Китае сложная система письма и счёта существовала ещё в эпоху правления династии Инь (Шан), то есть во втором тысячелетии до нашей эры. В эпоху правления следующей династии, Чжоу, списки с переписью населения использовались для определения потенциальных бойцов и работников и для оценки доходов и расходов. Характерные признаки свидетельствуют о проработанной системе подсчёта и регистрации во времена могущества государства Чжоу, и мы знаем, что в конце правления династии Чжоу регистрация людей проводилась в крупном северо-западном царстве Цинь, а также в Ци. Считается, что в Ци перепись проводилась каждую осень. Именно в это время года проводилась перепись населения императорской династией Хань, первой династией, правившей длительное время. Сохранившиеся записи на бамбуке показывают, что в эпоху правления династии Хань перепись проводилась регулярно. Два набора таких записей, содержащиеся в официальных исторических документах этого времени, являются наиболее полными данными о населении из всех данных, что дошли до нас от крупных цивилизаций того времени, включая Римскую империю.

Последующие исторические документы китайской переписи населения представляют много проблем, которые далеко не решены. Методы и точность процедур со временем значительно изменились, но роль правительства в отношении этих вопросов не вызывает сомнений. Так или иначе, имперской бюрократии удавалось отслеживать человеческие и материальные ресурсы.

То же самое верно и для Индии. 'Артхашастра' и исламские источники отражают тот интерес, с которым местные и иноземные правители принимались за подсчёт своих подданных и оценку их доходов. И этот интерес не был чисто научным. Мегасфен обнаружил различные группы должностных лиц в империи Маурьев, обременённых такими задачами, как измерение полей и подсчёт населения. Многочисленные надписи проливают свет на исследования, проводившиеся в поздний период индуистской Индии.

После Китая мы, вероятно, лучше всего информированы о развитии государственного подсчёта и регистрации на Ближнем Востоке. Древнейшие расшифрованные надписи, относящиеся к экономике месопотамского храмового города, содержат много численных данных о земле, людях, земледелии и государственной службе. В фараонском Египте вели регулярный учёт населения ещё со времён Древнего царства. Документальные подтверждения связи между переписью и налоговыми и личными обязанностями существуют только для времён Среднего и Нового царств, но отсутствие ещё более ранних данных по этому вопросу, конечно же, случайно. Очень вероятно, что накануне эллинистической эпохи люди и имущество регистрировались ежегодно, а династия Птолемеев просто сохранила древнюю систему учёта. Папирусы показывают, что существовали два кадастра,

использовавшиеся для совместных проверок, один для отдельных деревень и другой для метрополии.

При последующих государственных режимах методы подсчёта людей и имущества, особенно земли, претерпели много изменений, но, как в Индии и Китае, основной принцип по-прежнему оставался востребованным. Римляне унаследовали эллинистическую модель, а арабы основывали свою систему подсчёта на той, что была в Восточной Римской империи. Мамлюки сохранили освящённую веками систему учёта, как это делали османские турки, которые в период расцвета своей власти считали необходимым проводить перепись каждые тридцать лет, причём отдельно учитывались мёртвые и больные, а те, кто не состояли в списках, заносились в них заново.

3.В.3. Организационное и гидравлическое управление

Беглый взгляд на столичные и местные центры гидравлического учёта воскрешает в памяти первоначальный смысл термина 'бюрократия': 'править посредством отделов (бюро)'. Власть агроуправленческого режима действительно тесно связана с 'бюрократическим' контролем, которым правительство влияло на своих подданных.

3.В.3.а. Организационная задача неотъемлема от больших сооружений, как гидравлических, так и остальных

Как сказано выше, обширные организационные задачи неотъемлемы от больших сооружений, которыми аграрное аппаратное государство доводит до совершенства и которые, особенно в своей гидравлической форме, играют решающую роль в кристаллизации всего социального устройства. Уделив в предыдущей главе достаточно внимания строительным разработкам гидравлического общества, мы ограничимся здесь лишь тем, что вновь подчеркнём кардинальную важность организационной структуры в этой области.

3.В.3.б. Гидравлическое управление

Выдающимися образцами гидравлического управления, смежными со строительством, являются распределение воды для полива и наблюдение за наводнениями. В общем, эти два вида деятельности требуют гораздо меньше человеческой энергии, чем работы по строительству и ремонту, но те, кто ими занимаются, должны очень слаженно сотрудничать.

Мегасфен описывает тщательность, с которой чиновники империи Маурьев открывали и закрывали каналы и акведуки, чтобы регулировать распределение воды для полива^a. 'Чжоу Ли', китайское руководство по управлению государством, отличающееся высоким уровнем систематизации, упоминает о специальных чиновниках, ведавших поступлением воды для полива из водохранилищ и крупных каналов в небольшие каналы и канавы. Геродот в одном часто цитируемом отрывке рассказывает, как в ахеменидской Персии правитель сам руководил главными гидравлическими операциями: 'Царь приказывает открыть шлюзы для той местности, которая имеет наибольшую потребность в воде, и позволяет поить землю до тех пор, пока не будет достаточно, после чего эти шлюзы закрываются, открываются шлюзы для той местности, которая среди оставшихся имеет наибольшую потребность в воде'.

Мегасфен и Геродот наглядно показывают, что правительство было главным распределителем воды для полива, но они не описывают организационные подробности. Такие данные хранятся в административных инструкциях и правилах, которым из-за их преимущественно технического характера исследователи уделяют мало внимания. Исключение составляют некоторые отчёты, сделанные в Персии в X и XVI (или XVII) веках, и несколько законов об ирригации, обнаруженные на острове Бали.

Документы, касающиеся условий ирригации в Персии, показывают заботу, с которой распределялись доступные водные ресурсы. Также они упоминают о точном как часы сотрудничестве между 'хозяином воды' (мирабом), подчинёнными ему чиновниками и помощниками, а также главами деревень^b. Данные с Бали знакомят нас с работой хорошо интегрированной гидравлической системы. Там правитель и ведающий государственными доходами высший чиновник (sedahan agong) принимают ключевые решения относительно того, когда и как подавать воду в различные местные гидравлические общины, субаки. Официальный глава группы таких общин контролирует подачу воды для каждого субака, а начальник местной общины (klian subak) руководит отдельными крестьянами, которые торжественно клянутся подчиняться его распоряжениям, пока рисовые поля (савахы, sawah) пребывают затопленными. Таким образом, упорядоченное распределение воды среди нескольких владельцев савахов осуществляется с особой осторожностью и очень продуманно. Владелец савахы не может в любое время получить больше своей доли там, где не хватает водных ресурсов. Несколько владельцев савахов, даже если они принадлежат к одному субаку, должны распределять имеющуюся воду и затоплять свои савахы последовательно.

Организационная деятельность, касающаяся распределения воды для полива, отличается своей тонкостью и централизацией руководства. Часто случаются конфликты как на уровне земледельцев, так и на уровне субаков. Если бы каждый владелец саваха поступал как ему заблагорассудится, сразу возник бы большой беспорядок, нижние субаки не получили бы свой объём воды. Все эти проблемы успешно решаются, потому что фактически управление распределением воды и правила пользования водой сосредоточены в руках одного человека.

Контроль паводковых вод требует больших организационных усилий только при особых обстоятельствах. Функциональная проблема возникает прежде всего там, где сезонное переполнение протяжённого источника воды угрожает ирригационной системе и безопасности тех, кто от неё зависит. На Бали необходимо наблюдение за верхним течением реки, и специально назначенные люди выполняют эту функцию как обычную часть своей гидравлической барщины. В имперском Китае даже во времена упадка правительство размещало тысячи человек вдоль протяжённых дамб для борьбы с потенциальными наводнениями. В период с 1883 по 1888 годы египетское правительство ежегодно мобилизовывало около ста тысяч обязанных исполнять барщину человек для наблюдения за наводнениями и борьбы с ними.

^a По преданию, Будда сам разрешил возникший между двумя городами-государствами конфликт из-за права пользования водами протекавшей поблизости реки. [Назад](#)

^b Организация ирригационной системы Восточной Персии во времена Аббасидского (Багдадского) халифата описана в арабских источниках. Глава водной службы в Мерве имел в своем распоряжении десять тысяч рук и обладал большей властью, чем местный начальник службы охраны порядка. На плотине водохранилища, расположенной ниже города, работало четыреста охранников, использовалась точная методика измерения и распределения водных ресурсов. О социальном институте 'хозяин воды' в древней и современной Южной Аравии см. [Грохман]. [Назад](#)

3.В.4. Организация быстрого передвижения и тайных донесений

При гидравлических условиях земледелия должны быть организованы определённая крупная строительная деятельность и управление. Другие организационные мероприятия не являются обязательными, но становятся возможными благодаря политической экономике, которая заставляет правительство поддерживать центры управления и координации во всех

основных районах производства. Будучи в состоянии установить своё влияние не только в пределах ограниченных царских владений и в ряде подчинённых царю городов, как это происходит в типичном феодальном государстве, гидравлический режим назначает своих администраторов и чиновников во всех крупных населённых пунктах, которые практически везде приобретают характер контролируемых государством административных и гарнизонных городов.

Эффективный государственный контроль включает в себя, во-первых, политическое и финансовое превосходство руководящего органа и, во-вторых, средства доставки отрядов и командиров в подчинённые вспомогательные центры. Стремление оказывать силовое давление посредством контроля средств связи характеризует все политические иерархические структуры, но обстоятельства определяют, до какой степени это стремление будет удовлетворено. Повелитель феодального общества ценил быструю связь, как и любой деспот Востока, но неоднородное распределение его административных центров и обусловленное политическими причинами отсутствие хороших дорог не позволяли доставлять его сообщения так же быстро и безопасно, как это было доступно гидравлическому правителю.

Создание протяжённых больших дорог и судоходных каналов является лишь ещё одним проявлением необыкновенного строительного потенциала гидравлического общества. Точно так же разработка эффективных систем связи является лишь ещё одним проявлением его необычайного организационного потенциала. Почти все гидравлические государства укрепляли свою власть созданием сложных систем почтовой связи и тайных донесений.

Термины 'почта' и 'почтовая служба' символизируют то, что люди 'поставлены' вдоль дороги на определённом расстоянии друг от друга, термин 'эстафетная система' указывает на систематическое взаимодействие между расставленными таким образом людьми. Термины будут использоваться как синонимы и с пониманием того, что в нашем контексте они относятся к организации, содержащейся государством для своих, государственных целей. Иногда почта доставляла редкие и скоропортящиеся товары (фрукты и рыбу для правительственного двора и т.д.). Но её главное назначение заключалось в передвижении привилегированных лиц (посланников, чиновников, иностранных дипломатов), посыльных и в передаче донесений - эти последние включали секретные сведения наиболее личного, важного и деликатного характера.

В децентрализованном обществе средневековой Европы отдельные лица или группы лиц (купцы, мясники, городские общины) применяли способы наземной связи задолго до того, как правительство предпринимало организацию систематичной почтовой службы. В гидравлическом мире хоть и имелись частные способы связи, но они никогда не могли соперничать с обширной и эффективной эстафетной системой связи государства. Используя почту как

политическое учреждение, представители правительств Востока поддерживали монополию на быстрое передвижение, которое вместе с развитой системой тайных донесений стало грозным оружием социального контроля.

Гидравлические страны древней Америки имели простую, но очень эффективную эстафетную систему связи. При отсутствии животных, пригодных для транспортных перевозок, сообщения доставлялись бегунами, которые на территории Мексики двигались по более или менее свободным маршрутам, а в районе Анд - вдоль превосходных государственных больших дорог. В Мексике станции передачи эстафеты находились на расстоянии около двух лиг (примерно 6 миль) друг от друга, и, согласно историку Торквемаде, скорость, с которой сообщение могло быть доставлено, превышала сто лиг (300 миль) в день. На дорогах инков станции располагались ближе друг к другу, иногда расстояние между ними не превышало трёх четвертей мили. Скорость перемещения донесений бегунами могла составлять сто пятьдесят миль в день. По данным Кобо, около трёх дней было потрачено на доставку одного сообщения из прибрежного города Лима в Куско, главный город в Альтиплано, города разделяют почти четыреста миль труднопроходимой местности с частыми крутыми склонами. Через сто лет после испанского завоевания почтовой службе испанцев, использовавшей лошадей, требовалось от двенадцати до тринадцати дней, чтобы доставить донесение по тому же маршруту^с. Находившихся на службе бегунов нужно было кормить, это являлось обязанностью поселений, через которые пролегали эстафетные маршруты. В самом деле, во всех областях гидравлического мира те, кто проживали вдоль почтовых дорог, обычно были вынуждены обеспечивать станции провизией, выполнять вспомогательные работы, вербовать стационарных служителей и поставлять пригодных для транспортных перевозок животных, повозки, носилки или лодки, которые требовались проезжавшим по маршруту чиновникам.

Есть основания полагать, что инки были очень хорошо информированы о делах в самых отдалённых регионах своей империи. Обширная организация почтовой системы в ахеменидской Персии сильно впечатлила Геродота. Частные письма также могли быть доставлены, но по соображениям безопасности их читали почтовые чиновники. Ксенофонт обращал внимание на то, что касалось тайных донесений. Благодаря царской почте цари династии Ахеменидов могли очень быстро изучить состояние дел в сколь угодно отдалённой местности.

Технические особенности римской государственной почты описывались многократно. Расположение больших и малых станций (постоялых дворов, *mansiones*, и мест смены лошадей, *mutationes*) и организационная модель самого учреждения действительно замечательны. Но важно помнить, что с самого начала государственная почта (*cursus publicus*) предназначалась преимущественно для обеспечения имперского центра необходимыми сведениями. Учреждая почту, Август заложил основы комплексной системы тайных донесений. Специальные чиновники, сперва называвшиеся

фрументариями (frumentarii), а после реформ Диоклетиана ставшие римской тайной полицией и курьерской службой (agentes in rebus), работали вместе с техническим персоналом. Их деятельность чрезвычайно укрепила положение самодержавия по отношению к подданным.

Очевидно, в начале византийского периода почтовая система была превосходной. По свидетельству Прокопия, она позволяла курьерам покрывать за один день расстояние, на которое в ином случае требовалось десять дней. Правители династии Сасанидов в Персии продолжали традицию династии Ахеменидов и в поддержании эффективной почтовой службы, и в её использовании главным образом для целей государства.

Обычно утверждают, что халифы создали свою почтовую систему уже после персидской. Скорее всего, так и есть, но с одной важной оговоркой. Арабы, традиционно жившие в степях и пустынях, перемещались на лошадях или с помощью верблюжьих караванов. Следовательно, они обращали мало внимания на содержащиеся в порядке большие дороги, которыми славилась почтовая служба Ближнего Востока даже до прихода к власти Сасанидов. Тем не менее арабы стремились сохранять государственную почту в хорошем состоянии. Предположительно, в IX веке халифат содержал более 900 станций передачи эстафеты.

При халифах чиновник, исполнявший обязанности генерал-почтмейстера, часто бывал ещё и главой службы тайных донесений. В декрете от 315 года хиджры (927-28 годы нашей эры) о назначении на эту должность чётко говорится, что халиф ожидает от главы почтовой службы внимательного наблюдения за состоянием сельского хозяйства, условиями жизни населения, поведением судебных чиновников, работой монетного двора и другими важными вопросами. Секретные доклады рассматривались отдельно для различных классов должностных лиц, судей, чиновников, ответственных за охрану порядка, лиц, ответственных за сбор налогов, и т.д. Директивы заключали в себе продуманные методы сбора и табулирования информации.

Династия Фатимидов сохранила почтовые традиции своих арабских предшественников, мамлюки также стремились поддерживать государственную почту, которая в период расцвета их государства связывала египетскую метрополию с различными регионами Сирии. Аль-Калкашанди отмечает связь между регулярной почтовой системой и организацией тайных донесений и шпионажа. Правительственные учреждения, занимавшиеся этими делами, относились к тому же ведомству, что и диван переписки. Дипломатические курьеры османского правительства доставляли политическую и административную корреспонденцию в любое место Османской империи.

Мегасфен упоминает деятельность тайных чиновников в империи Маурьев (Индия), в 'Артхашастре' и 'Ману-смрити' обсуждаются с некоторыми подробностями приёмы, используемые шпионами. Связи между находившейся на государственном содержании курьерской системой и службой тайной

разведки явно отражены в текстах, относящихся к правлению династии Гупта (III-VIII века нашей эры), а также могут быть документально подтверждены для эпохи мусульманского господства в Индии. В эпоху правления Великих Моголов местная тайная служба была бюрократически организована под началом чиновника, называвшегося 'котвалом'. Кажется допустимым предположить, что национальная служба тайных донесений была взаимосвязана с дорожной системой, чьи общественные постоянные дворы (сарай) и другие удобства были организованы в соответствии с обычаями лучших индусских царей в древние времена.

В Китае эстафетная система передачи сообщений была разработана совместно с государственными дорогами и искусственными водными путями. Сохраняя и дополняя то, что было разработано ранее, правители империи учредили почтовую службу, которая с многочисленными нарушениями работоспособности и модификациями существовала более двух тысяч лет. Имперская почта снабжала правительство срочной и конфиденциальной информацией со всех концов страны. В эпоху правления династии Хань мятежные варвары нередко сжигали почтовые станции. Один высокий сановник, именованный королём Йен, тайно замышлявший стать императором, учредил свою собственную эстафетную систему для скорейшей передачи сообщений. Один бывший чиновник, разыскивавшийся правительством, констатировал в горестных заметках, что правительство начало его поиски с того, что с помощью почтовой службы и почтовых лошадей разослало сообщения, чтобы всюду объявить о розыске. Его преследователи проверили каждый человеческий след и проследили направление каждой колесницы, оставленной повозкой. В конце концов раскинутая над всей империей сеть накрыла беглеца, он был пойман и доставлен для казни.

В эстафетной системе правительства династии Тан (618-907 годы нашей эры) работало более 1500 станций, из которых почти 1300 обслуживали сухопутную связь, 260 функционировали как водная почта, а 86 были сухопутными и водными одновременно. Почта в эпоху правления династии Ляо также использовалась исключительно государством, а содержалась за счёт народа. Каждый округ имел свои собственные эстафетные станции, которые местное население должно было обеспечивать необходимыми лошадьми и волами.

После ознакомления с такими историческими прецедентами отчёт Марко Поло о почтовой системе монгольского Китая не выглядит необоснованным, особенно если вспомнить, что в империи Великого хана было много бездорожных трактов. Монгольские правители Китая содержали необычно большое количество лошадей. Но заслуживает внимания то, что даже эти привычные к верховой езде завоеватели имели множество мелких станций для использования бегунов-скороходов, дополнительно к содержанию многочисленных крупных почтовых станций с лошадьми. Благодаря бегунам, число которых было огромно, в Монгольской империи депеши с новостями из

мест, находившихся на расстоянии десятидневного путешествия, доставлялись за сутки.

Использование бегунов-сороходов в качестве дополнения к лодочной почте и почте с лошадьми продолжалось до воцарения последней императорской династии Цин (1616-1912 годы). В 1825 году почтовая служба управляла сложной сетью магистральных и вспомогательных дорог с более чем 2000 курьерских станций и почти 15 000 станций для посланников-сороходов. Для первых администрация содержала 30 526 лошадей и 71 279 служителей, для последних - 47 435 сороходов. Эти цифры охватывают только технический персонал. Официальная информация и тайные донесения обрабатывались региональными и местными чиновниками, чья бдительность обострялась угрозами сурового наказания.

Очевидно наличие организационных усилий, необходимых для поддержания этой гигантской сети. Также поражают исключительные возможности передачи срочной и конфиденциальной информации. Одна только близкая к метрополии провинция Чжили имела 185 курьерских станций и 923 почтовых отделения для пешей доставки. Соответствующие показатели для провинции Шаньдун - 139 и 1062, для провинции Шаньси - 127 и 988, для провинции Шэньси - 148 и 534, для провинции Сычуань - 66 и 1409, для провинции Юньнань - 76 и 425. В XVII и XVIII веках расходы на содержание почтовой системы составляли целых 10 процентов от общего объёма расходов цинского правительства.

^c По данным Съесы де Леона, сообщение было доставлено за восемь дней. [Назад](#)

3.В.5. Организационные модели военного дела в гидравлическом обществе

Организационный контроль над основной массой населения в мирное время даёт государству исключительные возможности для скоординированных массовых действий также во время войны. Это становится очевидным, как только мы рассматриваем такие важные аспекты обороны, как монополизация и координация военных операций, организация поставок, военная теория и потенциальная численность вооружённых сил. Сравнительный обзор этих и связанных с ними возможностей показывает институциональные особенности гидравлического общества в этой области, как и в других.

3.В.5.а. Монополизация и координация

Правитель феодальной страны не обладал монополией на ведение военных действий. Как правило, он мог мобилизовывать своих вассалов в течение ограниченного периода, сперва на три месяца, а затем на сорок дней, владельцы мелких феодальных поместий часто служили только двадцать или десять дней, иногда даже меньше. Такой временный призыв затрагивал только часть военной силы вассалов, может быть, треть или четверть, иногда даже меньше. И нередко даже эта часть воинов не обязана была служить ему, если он воевал за границей.

Правитель государства имел полный контроль только над своими войсками, которые в соответствии с децентрализованным характером общества составляли только часть - и нередко не очень большую часть - временно созданных армий государства. В Англии Нормандское завоевание ускорило рост государственной власти, но даже здесь королевский центр медленно достигал господства. В 1300 году во время кампании против замка Керлаверок король достиг того, что Таут считает максимальной мобилизацией королевской конной гвардии. В это время личные войска короля составляли примерно четверть или - в лучшем случае - почти треть от общего числа вооружённых людей. В 1467 году германский император пытался собрать армию численностью 5217 всадников и 13 285 пехотинцев для борьбы с турками. Собственный контингент императора в этой войне должен был составить 300 всадников и 700 пехотинцев, в то время как шесть князей, имевших право избрания и смещения императора, предоставили 320 всадников и 740 пехотинцев, сорок семь архиепископов и епископов - 721 и 1813, двадцать один князь - 735 и 1730, различные графы и сеньоры - 679 и 1383, семьдесят девять городов - 1059 и 2926.

Армии гидравлических государств во всех отношениях развивались на совершенно другом уровне. Солдаты не были защищены демократическими сдерживающими факторами или феодальными договорами. Независимо от того, владели ли они должностной землёй или нет, они являлись, когда их вызвали, они выступали в поход, куда им указывали, они сражались до тех пор, пока того требовал от них правитель; и не бывало никаких возражений относительно того, кто отдаёт приказы, а кто подчиняется.

Постоянная ротация основного вооружённого контингента, который в соответствии с феодальным договором служил только в течение короткого периода, составляла основную причину беспокойства, характерную практически для всех неоднородных феодальных армий. Другой причиной было отсутствие чёткой власти. Где правитель значил немного более, чем первый среди равных, а многие крупные феодалы заносчиво настаивали на привилегиях своего положения, послушание легко сменялось спором. Следовательно, военные действия были отмечены как отсутствием дисциплины, так и индивидуальной доблестью.

3.В.5.в. Обучение и мораль

Среди тех, кого призывали в армию гидравлического государства, бывало много плохого обученных людей с низким боевым духом. Что касается умения, эти люди не шли ни в какое сравнение с феодальным войском, воины которого были тщательно подготовлены, а их моральное состояние можно поставить ниже, чем у воинов Древней Греции и феодальной Европы. Но по уровню продуманной координации они могли соперничать с древними греками и далеко превосходили европейских шевалье.

Таблица 2. Типы обществ и типы воинов

Квалификация	Армии			
	Гидравлическое общество		Классическая Древняя Греция	Феодальная Европа
	Профессиональные войска	Призывники, милиция		
Обучение	+	-	+	+
Боевой дух	+	-	+	+
Координация	+	+	+	-

Значения:

+ особенность хорошо развита

- особенность развита слабо или отсутствует

Древние греки, которые ценили высокое качество элитных воинов Востока^d, презрительно отзывались о плохо обученной массе вспомогательных солдат, которые, очевидно, были призывниками. Большинству из них действительно не хватало духовной сплочённости, которая была гордостью греческих армий, состоявших из свободных граждан. Но хорошо согласованные войска восточных (Eastern) монархий были грозными врагами, в отличие от беспорядочных войск средневековой Европы. Около 900 года нашей эры византийский император Лев VIe, автор 'Тактики', советовал своим полководцам пользоваться недисциплинированностью и беспорядком в войсках франков и лангобардов, которые не имели ни организации, ни строевой подготовки, поэтому их пехотинцы и всадники сбивались в плотные, неповоротливые массы, которые не могли маневрировать. В организации армий тогдашнего Запада не было ничего, что сравнилось бы с правильным разделением византийской армии на полки и отряды. Их биваки были бедными, так что на них можно было легко нападать ночью. Они не заботились о снабжении продовольствием. В

случае лишений их ряды имели тенденцию распадаться, ибо воины были лишены уважения к своим командирам, потому что каждый знатный воин считал, что он не хуже другого, и они сознательно не подчинялись приказам, когда в них росло недовольство.

Эта картина армий Запада в IX и X веках, в период развития феодальной кавалерии, с некоторыми изменениями оставалась такой же на протяжении всей эпохи европейского феодализма. Омэн описывает войска крестоносцев как сброд, почти или вовсе не организованный. Недостаток дисциплины у них был так же показателен, как их склонность грабить, преднамеренное неповиновение со стороны командиров было так же часто, как беспечность и безрассудство рядовых воинов. Это всегда имело место в феодальных армиях.

Современный египетский историк Атияа приписывает причину победы турок в последнем крупном крестовом походе отсутствию у христиан общей тактики и единства армий. Наоборот, турецкая армия являла прекрасный пример наиболее строгой дисциплины, сурового и даже фанатичного единства целей, концентрации верховной тактической власти в лице единственного человека - султана.

^d См. сообщение Геродота о разговоре между изгнанным спартанским царём Демаратом и Ксерксом. [Назад](#)

^e По причинам, указанным ранее во введении, наша работа содержит ссылки на Византию после арабских завоеваний, на империю Ляо, общество майя и другие периферийные случаи гидравлических цивилизаций. Периферийные области гидравлического мира более подробно обсуждается в ниже гл. 6. [Назад](#)

3.В.5.с. Организация снабжения

Элита гидравлического общества применяла те же организационные приёмы в военной сфере, которые с таким успехом использовала в строительстве и организации связи. Во многих случаях мобилизация рекрутов для войны могла быть такой же обширной, как мобилизация рекрутов для тяжёлого труда. Собранные армии приводились в должное состояние, биваки и разведка часто оказывались хорошо продуманными. Всякий раз, когда это было возможно, армия жила за счёт конкретной местности, но для того, чтобы справиться с возможной нехваткой, использовались многочисленные средства.

Инки имели превосходную систему питания. Персидский царь Ксеркс для подготовки к своему вторжению в Грецию сделал запасы провизии во многих

местах. Он тщательно осведомился обо всех местах и в самых подходящих сделал запасы так, чтобы они были доступны из различных частей Азии и различными путями, одни - для сухопутного транспорта, другие - для торговых судов. Византийские полководцы всегда беспокоились о снабжении своих войск. Арабы и турки, находясь на пике своего могущества, уделяли значительное внимание проблеме снабжения, которая решалась методами, подходящими для их особого военного дела. История китайского военного дела имеет много упоминаний о точно такой же проблеме.

3.В.5.d. Планирование в военном деле и военная теория

Феодальные методы военного дела, будучи неблагоприятными для развития тактики и стратегии в собственном смысле этих терминов, также не способствовали разработке военной теории. Средневековые хроники содержат бесчисленные упоминания битв, а рыцарский эпос без устали описывает военные приключения. Но эти упоминания имеют отношение главным образом к героизму отдельных воинов. Тактические соображения оказались неуместными как в литературе, так и в реальности.

В гидравлическом мире организация военного дела была досконально проработана. Военные эксперты любили давать оценку своему опыту в трактатах о тактике и стратегии^f. В 'Артхашастре' показано, как в Индии в эпоху правления династии Маурьев были хорошо осведомлены о проблемах нападения и защиты. Обширная византийская литература о военном деле затрагивает много проблем, связанных с оборонительной стратегией империи.

Организационные тенденции исламского военного дела были предсказаны в отрывке Корана, где сказано, что любовь Аллаха гарантирована борющимся за него в строю так, как если бы они были подобны прочным зданиям. Позже многие мусульманские писатели обсуждали военные вопросы.

Вероятно, ни одна другая великая гидравлическая цивилизация не породила более обширную военную литературу, чем Китай. Вопреки сложившимся представлениям, китайские государственные деятели уделяли большое внимание военным проблемам, причём делали это уже в эпоху удельных царств, которые в этом отношении, как и во многих других, следовали гидравлической, а не феодальной модели общества. Каким бы блестящим специалистом ни был автор 'Искусства войны' Сунь Цзы, он являлся не единственным крупным военным теоретиком этого периода - Сунь Пинг и Ву Ци также очень известны; признано, что многие идеи, выдвинутые Сунь Цзы, базируются на более ранних работах.

Почти каждое крупное удельное царство имело свою собственную школу военной мысли. Но независимо от того, как давно различные концепции были сформулированы впервые, в эпоху удельных царств они обрели свою классическую форму. По очень прагматичным соображениям империя сохраняла живой интерес к проблемам военного дела. Упомянем всего один факт: все основные официальные исторические хроники, начиная со времён правления династии Тан (618-907 годы), содержали специальные и нередко объёмные разделы, посвящённые военным вопросам.

^f Военные произведения Древней Греции отражают аналогичный, хотя и имеющий другие причины, интерес к организационным методам военного дела. [Назад](#)

3.В.5.е. Численность войск

Элита гидравлического государства, монополизировавшая в своих руках координацию военных действий, могла собирать большие армии, если того желала. Её мобилизационный потенциал совершенно отличался от потенциала феодальной Европы и значительно превосходил его.

В средневековой Англии норманны унаследовали военную систему, которая в дополнение к феодальной элите содержала элементы старинного родового призыва рекрутов. Завоевателям удалось сохранить и развить эти зачатки национальной армии, но даже в Англии феодальное государство могло призывать только часть населения.

Армии гидравлических цивилизаций не имели таких ограничений. Их численность варьировалась в зависимости от таких факторов, как военнотехническое оснащение (пехота, колесницы, лёгкая или тяжёлая кавалерия), экономические условия (натуральная или денежная экономика) и национальный состав (обычай коренного населения или подчинение народу-завоевателю). Но потенциально эти армии были большими.

Если все солдаты были пехотинцами - потому что отсутствовали пригодные для военных действий животные или езда верхом и на колесницах не была известна, - численность войск обычно становилась важной, даже когда разные части армии были по-разному вооружены и обучены. В древней Мексике, а также в Перу инков правительство мобилизовывало большие пехотные войска. Если практиковалась езда верхом или на колесницах, пехотинцев могло быть меньше и их численность могла существенно снижаться. Рост денежной экономики способствовал вербовке наёмников, которые могли представлять собой

единственную крупную регулярную (кадровую) армию или нести службу наряду с аристократической элитой.

Наконец, завоевания. Часто, особенно в начале правления династии завоевателей, чужеземный правитель зависел от собственного населения, чтобы сохранить свою власть в безопасности, поэтому он уделял мало внимания специальной военной подготовке недавно завоёванного народа.

Но независимо от того, как были подготовлены войска аграрного деспотического режима, преимущество в численности армии редко нивелировалось в целом. Лучшие армии наступательного типа обычно имеют составную структуру.

Как отмечалось выше, феодальные армии средневековой Европы были небольшими подразделениями элитных конных воинов. Одна из армий, разбитых Карлом Лысым, состояла из менее чем пяти тысяч воинов, а описывая несколько более поздних случаев, хроники упоминают только о нескольких сотнях всадников. Интернациональные армии крестовых походов обычно насчитывали от нескольких тысяч до десяти тысяч человек^g. Арабы имели блестящую кадровую кавалерию, которая дополнялась значительными подразделениями вспомогательных войск. Считается, что регулярные армии первых халифов династии Омейядов насчитывали около 60 000 человек, а последнему правителю этой династии Ибн аль-Асиру приписывают войско в 120 000 солдат. Гарун аль-Рашид однажды предпринял летнюю военную кампанию со 135 000 солдат регулярной армии и неопределённым количеством добровольцев.

В том же свете предстаёт сравнение армий феодальной Европы с армией Кордовского халифата. Согласно исламским источникам, в X веке мавританская Испания направила 20 000 всадников для северной военной кампании. Лот сомневается в этой цифре, которая в контексте тогдашней Европы кажется невероятно большой. Он утверждает: 'Вся Европа была не в состоянии мобилизовать в эту эпоху столько людей'. Его комментарий является настолько же правильным, насколько и неубедительным. Сам же выдающийся историк отмечает огромные доходы Кордовского халифата: 'Какой контраст по сравнению с империей Каролингов или Османской империей, государствами без финансов! Возможно, только император Восточной Римской империи, византийский василевс, обладал такими же средствами'. В другой части своего исследования он приписывает ранней Византийской империи две армии по 18 000 человек в каждой, плюс неизвестное количество оккупационных войск в Африке и Италии, то есть силы, превышающие (возможно, значительно превышающие) 40 000 человек. В свете этих фактов нет оснований сомневаться в том, что мавританская Испания, гидравлическая страна с очень высокой плотностью населения и доходами, которые намного превышали соответствующие показатели любой тогдашней европейской страны, могла собрать войско, по численности составлявшее половину армии Византийской

империи, чьи доходы, в соответствии с собственным заявлением Лота, легко оценить.

В Персии в эпоху правления династии Ахеменидов пехотинцы всё ещё составляли большую часть всех воинов. По оценкам Геродота, Великий царь Персии мобилизовал против греков около двух миллионов человек, в том числе своих элитных воинов, 10 000 'бессмертных'. Дельбрюк, конечно, оправдано сомневается в том, что такая большая сила действительно была отправлена в Европу, но его аргумент становится проблематичным до крайности, когда он предполагает, что вторгшаяся армия насчитывала только около пяти или шести тысяч вооружённых людей. Не существует никаких оснований отрицать возможность того, что в пределах Персидской империи можно было собрать войско в несколько сотен тысяч человек. Манро полагает, что Геродот неверно истолковал официальный персидский источник, когда оценивал общие вооружённые силы Персии в 1 800 000 человек. Сам Манро предполагает, что Ксеркс мог собрать 360 000 человек, а экспедиционные силы против Греции, возможно, составляли 180 000 человек^h.

Численность первых индийских армий, которая кажется невероятной на первый взгляд, становится вполне убедительной благодаря сравнению с имеющимися у нас показателями более поздней, мусульманской Индии. Согласно греческим источникам, незадолго до завоевания империи Нанда империей Маурьев у короля Махападама Нанда было 80 000 всадников, 200 000 пехотинцев, 8000 колесниц и 6000 боевых слонов; и цифры, приведённые для войска Чандрагупты Маурья, являются, за исключением кавалерии, гораздо большими, общее число воинов - 690 000, исключая сопутствующий персонал и слуг. Данные для более поздних периодов свидетельствуют об армиях в 100 000 пехотинцев в царстве Андхра и об армиях численностью от сотен тысяч до нескольких миллионов солдат при правлении последних индусских царей в Южной Индии и великих мусульманских правителей.

В Древнем Китае элитные отряды колесниц сражались вместе с большими отрядами пехотинцев. Во время позднего периода эпохи правления династии Чжоу колесницы стали дополнять кавалерию, но, видимо, новые составные армии были более предпочтительными, но не менее многочисленными. Предположительно, накануне имперского периода главные удельные царства мобилизовали три с половиной миллиона пехотинцев, а также неопределённое число колесниц и более тридцати тысяч всадников.

Орда империи Ляо имела кадровую кавалерию численностью от пятидесяти до шестидесяти тысяч воинов, и в документах того периода с гордостью упоминается народное ополчение численностью миллион человек. Предположительно, в эпоху правления династии Сун (960-1279 годы) китайское правительство обучало - плохо, но тем не менее обучало - постоянную армию численностью более миллиона солдат. Знамена маньчжурской династии были постоянной армией, которая, по крайней мере в первое время, составляла

высококвалифицированную кавалерийскую элиту. В конце XIX века эти войска, включавшие маньчжурских, монгольских и китайских воинов, составляли 120 000 солдат. Кроме того, правительство также имело китайскую 'зелёную' армию численностью от пятисот до шестисот тысяч человек.

^g Даже в конце крестовых походов интернациональная европейская армия, которая сражалась в 1396 году у Никополя против нападавших турок, не имела национального контингента, включавшего более десяти тысяч воинов, кроме находившихся под непосредственной угрозой венгров. Предположительно, венгры мобилизовали около 60 000 мужчин, которые действительно были чем-то вроде народного ополчения. [Назад](#)

^h Эдуард Мейер утверждает, что сделанное Геродотом описание армии Ксеркса, как и перечень даров Дария и другие необычные сведения, основаны на подлинных персидских источниках. Манро уверен, что перечень армии Ксеркса, сделанный Геродотом, в значительной степени воспроизводил некий официальный документ. [Назад](#)

3.В.5.f. Процентное соотношение

Отмечая это, мы должны помнить, что гидравлические цивилизации, поддерживавшие большие армии, обычно также имели многочисленное население. Кроме того, различные внешние и внутренние условия способствовали широкому диапазону процентного соотношения общей численности населения, имевшего отношение к боевым силам.

Армия в конце правления династии Цин, вероятно, составляла менее 0,2 процента от общей численности населения. В империи династии Хань каждый трудоспособный крестьянин был обязан нести как трудовую, так и военную службу. Теоретически это затрагивало 40 процентов сельского населения или около 32 процентов всего населения. Кадровая армия династии Ляо составляла около одного процента населения. Крестьянское народное ополчение составляло на бумаге около 20 процентов. Данные Геродота в интерпретации Манро предполагают, что в Персии при правлении династии Ахеменидов при численности населения менее двадцати миллионов около 1,8 процента могли быть мобилизованы. Если предположить, что население Китая в конце правления династии Чжоу было таким же большим, как и население империи династии Хань в её самый удачный период, то есть около шестидесяти миллионов (хотя, возможно, этого и не было), средний мобилизационный потенциал великих абсолютистских удельных царств составлял почти 6 процентов.

Конечно, нет никаких доказательств того, что в любом из этих случаев была сделана попытка реализовать полный мобилизационный потенциал. Правительство династии Сун, которое в XI веке мобилизовало миллион солдат из почти двадцати миллионов семей, то есть из почти ста миллионов человек, на самом деле призвало чуть более одного процента населения.

Сравнение с Древней Грецией и феодальной Европой является поучительным. Все трудоспособные свободные мужчины греческого города-государства могли быть мобилизованы в чрезвычайной ситуации. В V веке до нашей эры Афины могли временно иметь вооружёнными более 12 процентов от общей численности населения, что составляло около 20 процентов всех свободных лиц.

Армия, которую германский император собрал в 1467 году, составляла 0,15 процента от общей численности населения в двенадцать миллионов, а вышеупомянутая армия Карла Лысого - 0,05 процентов от предположительного населения Франции. Таким образом, крайне низкое процентное соотношение, характерное для конца правления династии Цин, было всё же больше, чем показатель для Германии в 1467 году, и почти в четыре раза больше, чем показатель для Франции в IX веке. Разница процентных соотношений между феодальной Европой и гидравлическими государствами огромна.

Надо сказать, что в средневековой Европе феодалы, монастыри и бюргерские города имели значительно больше солдат, но эти солдаты, численностью превышая оговоренную служебную квоту, не были обязаны воевать в армиях своего верховного сюзерена. Феодальное правительство было слишком слабым, чтобы мобилизовать более некоторой части трудоспособных мужчин в стране; агродеспотические режимы, как и античные города-государства, не имели таких помех. Технические и политические соображения могли побудить их использовать только небольшой процент своих подданных в военных целях. Но, по сравнению с феодальными, даже относительно небольшие армии гидравлических государств количественно впечатляют, и массовые армии агроуправленческих режимов полностью превышали как в абсолютных, так и в относительных величинах армии сравниваемых с ними феодальных правительств.

3.С. Накопительная сила гидравлического государства

3.С.1. Организационные и бюрократические предпосылки

Люди, которые руководят строительными и организационными предприятиями гидравлического общества, могут делать это только на основании надлежащим образом регулируемого дохода. Поэтому вместе со специальными способами строительства и организации появляются специальные способы накопления.

Как только гидравлическое сообщество перерастает локальную стадию, накопление постоянного и достаточного правительственного дохода начинает затрагивать различные организационные и бюрократические операции, и потребность в этом становится особенно велика, когда административные и управленческие функции выполняются многочисленными чиновниками, занятыми исключительно бюрократической работой. Постепенно элита гидравлического государства становится озабоченной накопительной деятельностью так же, как и своими гидравлическими, коммуникационными и оборонными задачами. Как будет показано ниже, при определённых условиях налогообложение и связанные с ним методы имущественного контроля могут процветать вместе с объединённой армией и государственной почтой без каких-либо значимых гидравлических предприятий.

3.С.2. Работа на государственных землях и/или земельный налог

Зарождающееся гидравлическое сообщество может не принимать никаких специальных мер для поддержки своего руководства. Однако усиление гидравлических условий существования обычно сопровождается тенденцией освобождать вождя от земледельческих работ для того, чтобы он мог полностью посвятить себя своим общественным светским или религиозным функциям. С этой целью соплеменники сообща работают на земле вождя, как и на ирригационных каналах, оборонительных сооружениях и других общественных предприятиях.

Племя сук, которое использует лишь часть своих хозяйственных работ для гидравлического земледелия, не имеет государственных земель, но у индейцев пуэбло простые люди объединяются для работы на полях касика. Это делается в основном посредством убеждения, но используется и принуждение, когда ситуация того требует^а. В крупных общинах племени чагга правитель наделён большей властью и распоряжается более крупными участками земли. Общественная работа, заключающаяся в обработке этой земли, ни в коем случае не является лёгкой, но за неё соплеменники получают лишь малую компенсацию или не получают никакой, самое большее - немного мяса и несколько глотков пива по результатам своей работы. Таким образом, простолудин чагга, который как-то сказал своему белому другу: 'Для вас мы работаем не как на барщине, а как на наших собственных полях', явно выполнял свою земледельческую барщину без энтузиазма.

Содержание элиты развитого гидравлического государства зависит от прибавочного труда или прибавочного продукта населения, от денежного эквивалента этого продукта или от комбинации всех или некоторых из этих источников. Работа на государственных (и храмовых) полях была обычной практикой в Перу инков, у ацтеков в Мексике^b и в Китае в течение большей части правления династии Чжоу. Обширные храмовые земли шумерских храмовых городов в основном обрабатывались солдатами-крестьянами, которые составляли основную часть храмового персонала, а общинные земледельцы, по-видимому, поставляли только фиксированную часть своего урожая в хранилища, и они делали это лично и непосредственно. Шумерские мероприятия резко контрастируют со слаженной групповой работой в деревнях инков и с работой 'тысяч пар', которые, согласно древней китайской оде, совместно вспахивали государственные поля в ранний период правления династии Чжоу. Предположительно, в фараонском Египте основная часть всех пахотных земель была передана отдельным крестьянам, которые после сбора урожая доставляли часть его соответствующим чиновникам.

Государственные хозяйства (поместья)^c, на которых были заняты специальные группы работающих людей, встречаются в ряде гидравлических цивилизаций, но, исключая Америку до её завоевания конкистадорами и Китай в эпоху правления династии Чжоу, в большинстве гидравлических государств^d, похоже, предпочитали земельный налог барщине на крупных правительственных полях. Почему?

Нет постоянной взаимосвязи между преобладанием натурального хозяйства и преобладанием государственной системы землепользования. Международная торговля и денежные средства обмена были более развиты в ацтекской Мексике, чем в Древнем и Среднем царствах Древнего Египта. Возможно, очень существенное влияние оказало отсутствие - или наличие - животных, пригодных для сельскохозяйственного труда. Крестьяне, лишённые преимуществ от использования таких животных, возделывали землю палкой-копалкой (как это делали в древнем Перу и древней Месоамерике) или мотыгой (как это делали в Китае в течение большей части правления династии Чжоу) и могли быть эффективно организованы в полувойсковые бригады даже тогда, когда работали на ирригационных полях, в то время как бригады, занимавшиеся пахотой, работали более эффективно, когда им разрешалось работать как отдельным рабочим единицам на отдельных полях.

Примечательно, что пахота на волах была распространена в Китае на заключительном этапе правления династии Чжоу, что свидетельствовало о постепенном упразднении системы государственного землепользования. Крестьянам Лагаша, которые, предположительно, по большей части работали на храмовых землях поодиночке, было вполне знакомо использование животных, пригодных для сельскохозяйственного труда. Так же обстояли дела у крестьян фараонского Египта и Индии при индусских и мусульманских правителях. Таким образом, большинство гидравлических государств, в которых для

земледелия использовался труд животных, существовали за счёт продукции, производившейся отдельными земледельцами, а не совместным усилиями работавших на земледельческой барщине.

Следующая таблица показывает различные способы, которыми представленные гидравлические правительства получали свои доходы с сельского населения.

Таблица 3. Доходы гидравлических правительств с сельского населения

Гидравлические правительства	Источник дохода		
	Общественные земли	Налоги	
		Главным образом натуральный	Частично натуральный, частично денежный
Племенные общества			
Сук	-		
Пуэбло	+		
Чагга	+		
Гавайи	(+) ¹	+	
Древняя Америка			
Перу инков	+		
Мексика	+	(+) ¹	
Ближний Восток			
Шумерские храмовые города (Лагаш)	+ ²		
Вавилония		+	
Древний Египет		+	
Эллинистический и Римский периоды			+
Ранняя Византия			+
Арабские халифаты			+
Османская империя			+
Индия	прослеживаются	+	
Китай			
Раннее Чжоу	+		

Позднее Чжоу	Документально подтверждённый переход		
Имперский период (грубо)			+

Значения:

+ способ хорошо развит

1 - в некоторой степени

- способ развит слабо или отсутствует

2 - индивидуальная ответственность

^a Айткен сопоставляет 'весёлые рабочие отряды' индейцев хопи с обязательной работой на жреца-вождя и на общинных ирригационных каналах индейцев пуэбло, селившихся у Рио-Гранде. Примечательно, что работами на земле вождя руководил военный вождь, главное дисциплинарное должностное лицо у индейцев пуэбло, и это было не только у восточных пуэбло, чья гидравлическая система была более компактной, но и у западных пуэбло. [Назад](#)

^b Рядовые индейцы майя, как и члены мексиканских кальпулли, обрабатывали особую землю элиты, представителей местной и центральной власти. [Назад](#)

^c Государственные хозяйства (sita) процветали в Индии ближе к концу первого тысячелетия до нашей эры. Эти хозяйства, однако, следует отличать от могольских хальс, которые часто упоминаются как владения раджи. К сожалению, термин 'владение' применяется и к крупным участкам государственных земель ('земли царя'), и к ограниченным имениям, подобным фермам. Могольская хальса, конечно, относится к первой категории. Согласно Баден-Пауэллу, могольские правители использовали термин 'хальса' для обозначения всех земель, доход с которых поступал прямо в казначейство. [Назад](#)

^d Признаки государственного землепользования обнаружены в некоторых регионах Индии. Отражают ли они примитивные племенные институты, возможно, дравидийского или додравидийского происхождения, остаётся открытым вопросом. [Назад](#)

3.С.3. Всеобщность и обременительность гидравлических налоговых требований

Тот факт, что работа на государственных полях обычно разделялась между всеми взрослыми мужчинами, пригодными к барщине, указывает на могущество гидравлического руководства в том, чтобы заставить каждого вносить свой вклад для поддержания государства. Установление денежной экономики идёт рука об руку со значительно большей дифференциацией

собственности, классовой структуры и национального дохода. Но гидравлическое государство как хозяин огромного организационного аппарата продолжает навязывать свои налоговые требования массе простых людей. Сравнение показывает, что в этом отношении гидравлическое государство было гораздо сильнее, чем правительства других аграрных обществ.

В Афинах классического периода Древней Греции положение гражданина не могло быть подчинено личным налогам. Когда знаменитый город уже установил гегемонию в Греции, у него не было ни регулярных налогов, ни казны, и государственная поддержка осуществлялась в основном за счёт таможенных и иноземных доходов. В республиканском Риме свободные граждане также стремились сохранять государственные издержки на низком уровне. Единственный крупный прямой налог (*tributum*) составлял 0,1-0,3 процента от имущества лица, облагавшегося налогом^e. В обоих случаях неправительственные силы общества сохранили административный аппарат небольшим по численности персонала и по объёму бюджета, высокопоставленные чиновники получали незначительную плату или не получали никакой платы.

Правители средневековой Европы существовали в основном на средства, получаемые из своих личных владений, которые являлись только частью территории страны. Случайные или регулярные взносы, которые они собрали на остальных, более обширных территориях, были настолько ограничены, что демонстрировали слабость, а не силу финансового могущества правителей. Нормандские завоеватели были зачинателями в том, что создали более сильное государство, но, по обсуждаемым ниже причинам, даже они могли собирать налоги со всех своих подданных только периодически. После столетней борьбы могучее рыцарство ограничило право короля взимать налоги без согласия общего совета, исключая три случая, как это было принято почти в каждой феодальной стране на континенте.

Именно с этими аграрными обществами, а не с протоиндустриальным и индустриальным Западом необходимо сравнивать великие общества Востока (East). Господствующий при гидравлическом земледелии класс распространил свою службу сбора налогов так же широко, как и органы регистрации и мобилизации. От всех взрослых мужчин ожидали усиленного труда, борьбы с врагами и уплаты налогов каждый раз, когда государство того желало. Это было правилом. Право на освобождение предоставлялось особо, но даже когда освобождение было предоставлено, его действие часто отменялось либо по окончании предписанного периода, либо по окончании правления дарителя.

Доход с сельского населения рассчитывался различными способами. Иногда за основу бралось число взрослых мужчин, иногда - число 'голов' в семье, а иногда - земельные наделы. В Вавилонии земельный налог собирался даже с солдат, которые владели полученными за службу полями. Правительство могло потребовать в качестве общего земельного налога 20 процентов годового

урожая. Для Нового царства Древнего Египта предполагается такой же официальный показатель. В Индии ближе к концу первого тысячелетия до нашей эры этот показатель составлял одну двенадцатую, одну шестую или одну четвёртую часть урожая. 'Артхашастра' разрешала царю в чрезвычайной ситуации взимать до одной трети (вместо одной четверти) урожая с земледельца, обрабатывавшего хорошо орошаемые земли. Много различных оценочных уровней зарегистрированы для конца эпохи правления династии Чжоу и имперского Китая. Первоначальные исламские налоговые предписания делали различия главным образом в соответствии с вероисповеданием, но постепенно различные обстоятельства, отличавшиеся в зависимости от времени и места, стали оказывать сильное влияние. Многие аргументы, касающиеся тяжёлого налогообложения, показывают, что под властью исламских правителей земельный налог не только был обременительным, но и имел тенденцию стать всеобщим, как и в других странах гидравлического мира.

Мы обсудили правительства, которые сохраняли неизменными официальные показатели, но большинство правительств предпочитало материальное удовлетворение моральному. Многие правители выходили за пределы буквы закона. Глиняные таблички Вавилонии указывают, что государство, которому теоретически было достаточно около 10 процентов, иногда поднимало налог до 1/5, 1/4, 1/3 и даже до половины урожая.

И это не всё. Платежи, которые фигурируют в официальных списках, являются в большинстве случаев ниже - и зачастую намного ниже - платежей, которые фактически получали сборщики налогов. Даже в наиболее рациональных из всех гидравлических государств высшим эшелонам бюрократии было трудно осуществлять полный контроль над своими подчинёнными. Часто не хватало подлинного усилия для завершения полной реализации.

Распределение совокупных налоговых поступлений между различными слоями и категориями чиновничества значительно варьировалось. Такие расхождения являются очень важными для распределения власти внутри бюрократии, но они не имеют существенного значения с точки зрения государства в целом. Финансовая мощь гидравлического аппаратного государства должна измеряться общей суммой налога, который вся бюрократия могла извлечь из всего неправительственного населения. Поражают масштаб и прочность гидравлической системы налогообложения, её отличие от систем Древнего Рима и городов-государств Древней Греции, где почти полностью отсутствовало всеобщее и прямое налогообложение, и её сравнение с откровенно слабой налоговой политикой феодальной Европы.

^e Первоначально облагаемое налогом имущество было ограничено землями, рабами и животными, позже оно включало имущество всех видов. [Назад](#)

3.С.4. Конфискация

Гидравлическое государство, которое так эффективно утверждает своё финансовое могущество в сельской местности, проводит подобную политику также среди ремесленников, купцов и других владельцев движимого имущества, не защищённых специальными привилегиями. Этот факт настолько очевиден, что в данном контексте мы воздержимся от обсуждения методов, используемых для налогообложения ремесленного производства и торговли. Однако другая накопительная особенность гидравлического управления государством действительно заслуживает упоминания: захват значительного имущества путём открытой конфискации.

В союзе свободных людей возможно осведомиться о любых жертвах, которые необходимо совершаются для общего блага, и иногда можно использовать конфискацию как средство борьбы против преступников или людей, обладающих чрезмерной властью^f. Но произвольная конфискация в качестве общепринятой нормы является особенностью подлинно абсолютистского режима. Обладая общепризнанными неограниченными финансовыми претензиями, такой режим может изменять их по своему желанию. Кроме того, он может посягать на частную собственность даже после того, как все регулярные и нерегулярные налоги были оплачены.

На более простой стадии государственного и классового развития независимое имущество, приносящее доход, наличествует в малом или не очень большом объёме, и всё, что попадает под конфискацию, обычно затрагивает представителей господствующей социальной группы. На более дифференцированной стадии приносящее доход богатство становится излюбленной целью для конфискации, но не прекращаются посягательства и на имущество чиновников.

Крупная земельная собственность никоим образом не защищена от конфискации. Но она более доступна для налогообложения, чем драгоценные металлы, драгоценные камни или деньги, которые могут быть скрыты с относительной лёгкостью и, конечно, тщательно скрываются всеми, кроме самых влиятельных представителей аппарата правительства. Поэтому конфискационные меры гидравлического государства с особой жестокостью направлены против владельцев движимого - и скрываемого - имущества.

Декларируемые причины конфискации имущества чиновников и других представителей правящего класса почти неизменно являются политическими или административными. Политические причины включают дипломатические промахи, заговор и измену, административные - бесхозяйственность и финансовые нарушения. Тяжкие преступления часто приводят к полному политическому и экономическому краху правонарушителя, менее тяжкие - к временному или постоянному понижению в должности и полной или частичной

конфискации. Предприниматели в первую очередь привлекаются к ответственности за уклонение от уплаты налогов, но также могут привлекаться за участие в политических интригах. В первом случае их имущество может быть подвержено частичной экспроприации, во втором случае они могут заплатить всеми своими богатствами или своими жизнями.

Внутри правящего класса заговоры с целью смены правителя или важного сановника происходят периодически, особенно в периоды нестабильности и кризиса. В равной степени частым бывает беспричинное преследование. Центр власти, который является одновременно обвинителем и судьёй, может объявить преступным любое действие, какими бы ни были факты. Сфабрикованные доказательства появляются с большой регулярностью, и юридически замаскированные политические репрессии проводятся всякий раз, когда элита государственного аппарата считает их целесообразными.

Опасность стать жертвой преследований усиливается тем, что в условиях самодержавной власти большинство чиновников и основная масса всех богатых предпринимателей имеют склонность совершать действия, которые с юридической точки зрения являются преступлениями или могут быть истолкованы как преступления. При дворе и/или в административных органах всегда есть отдельные лица или группы лиц, которые пытаются отстаивать свои собственные интересы, добиваясь благосклонности правителя или других лиц высокого ранга. Монарх и его близкие родственники или друзья, канцлер (визирь) или другие видные представители бюрократии - все являются потенциальными мишенями политических интриг. И в атмосфере абсолютистской власти секретность и квазизаговорщические методы кажутся совершенно нормальными. В таком случае господствующий центр не испытывает значительных трудностей в том, чтобы навесить ярлык заговорщика на любого, кого он хочет уничтожить.

Бесспорно, многие люди, которые участвуют в таких интригах, никогда не привлекаются к ответу, а многие другие отделываются незначительными телесными наказаниями. В периоды покоя и процветания подобное ни в коем случае не является редкостью. Но политические формулировки обвинения являются неотъемлемой чертой абсолютистского строя, и любая неожиданная напряжённая обстановка может повлечь за собой гибель многих лиц или групп лиц.

В административной сфере граница равно изменчива, а возможности катастрофы равно велики. Многие чиновники должны принимать решения в отношении товаров и денег, и, при отсутствии рациональных методов деятельности и надзора, отклонения от предписанных норм обычны, так как заманчивы попытки увеличить личный доход. Классический труд индуистского государственного управления описывает практически неограниченные возможности для хищения, возникающие в таких условиях. 'Артхашастра' упоминает около сорока способов, которыми государственные средства могут

быть похищены, что составляет настоящий каталог. Автор 'Артхашастры' сомневается, может ли какой-нибудь человек противостоять такому числу заманчивых возможностей: 'Как невозможно не попробовать мёд или яд, который оказался на кончике языка, так же невозможно для правительственных служащих не съесть хотя бы немного доходов царя'.

Богатый предприниматель равно уязвим. Раз налогообложение является прерогативой правительства, чьи декларируемые требования тяжелы и чьи представители склонны выходить за рамки официальных требований, то владельцы частной собственности стремятся защитить себя как можно лучше. Они зарывают свои сокровища в землю. Они доверяют их друзьям. Они отсылают их за границу^g. Вкратце, они вынуждены совершать поступки, которые делают большинство из них потенциальными финансовыми преступниками.

Во многих случаях их усилия оказываются успешными, особенно когда они подкрепляются хорошо продуманными взятками. Но какая-нибудь техническая оплошность или изменение в бюрократических кадрах могут подорвать это ненадёжное равновесие, и обоснованное обвинение в сочетании со сфабрикованным оговором положит начало действиям, которые могут уничтожить обвиняемого предпринимателя экономически и, возможно, физически.

В фараонском Египте чиновники являлись основными объектами конфискационных действий. Представители бюрократии, признанные виновными в крупных преступлениях, сурово наказывались. Понижение в должности обычно влекло за собой потерю доходов и собственности, включая любые поля, которыми виновник владел либо как должностной землёй, либо как льготной. В начале правления новой династии новый правитель прибегал к таким мерам, чтобы укрепить своё положение.

За неповиновение фараону, даже если оно не было заговором, могли сурово наказать. Любому приближённому к фараону сановнику или члену семьи фараона, а также любому сельскохозяйственному чиновнику в случае пренебрежения точным приказом фараона указ, принятый во времена пятой династии, грозил конфискацией дома, полей, людей и всего, чем он владел. Сам виновник низводился до статуса барщинного работника.

История китайской бюрократии изобилует случаями понижения в должности и конфискации. Когда император Гао-цзун из династии Цин (правивший под девизом 'Цяньлун') умер, его всемогущий сановник Хэшэнь был немедленно арестован, и хотя из уважения к памяти господина ему было разрешено совершить самоубийство, его огромные накопления (серебро, золото, драгоценные камни и прочее) были конфискованы.

Экспроприация имущества чиновников за административные и финансовые преступления демонстрирует уязвимость почти всех чиновников. Опять

обратимся к 'Артхашастре', где искусно сформулирована суть вопроса. Так как каждый чиновник, который имеет дело с доходами царя, подвергается неизбежному искушению присвоить что-нибудь себе, правительство должно использовать квалифицированных шпионов и информаторов, чтобы способствовать восстановлению государственной собственности. Для определения того, виновен чиновник или нет, используются довольно грубые критерии. Кто вызывает уменьшение доходов, 'съедает' богатства царя. Кто был замечен в том, что пользовался царским имуществом, виновен. Кто живёт скупой, накапливая и тайно сберегая богатства, виновен. Царь может 'поприжать их после того, как они нагуляли жирок, может отправить их с одной работы на другую, чтобы они не проглотили своё имущество, или их вырвало тем, что они проглотили'.

Конечно, во всех этих вопросах дискриминация имеет существенное значение. Царь должен относиться снисходительно к мелким преступлениям. И должен быть мягок, когда позволяют обстоятельства. Не преследовать даже за совершение тяжкого преступления, если правонарушитель имеет поддержку сильной стороны; но того, кто не имеет такой поддержки, следует схватить и (добавлено в комментарии) лишить его имущества. В этих неприкрашенных максимах нет даже заботы о проявлении видимости правосудия.

Конфискация может быть частичной или полной, может быть осуществлена в течение жизни или после смерти жертвы. Посмертная экспроприация часто облегчается тем, что семья покойного уже более не обладает влиянием. В 934 году халиф из династии Аббасидов захватил всё имущество своего покойного визиря аль-Мухаллаби, лишив денег даже его слуг, конюхов и матросов. После смерти могущественного визиря Северной Персии, прозванного ас-Сахибом, его дом сразу был окружён, правитель обыскал его, нашёл мешок с чеками на сумму более 150 000 динаров, полученными из городской казны. Они были без промедления обналичены, и всё содержащееся в доме и в сокровищнице было доставлено во дворец. После смерти великого полководца Бейкема в 941 году халиф немедленно отправил слуг в его дом, где перекопали всё вокруг и собрали два миллиона золотом и серебром. В конце концов халиф приказал промыть землю в доме, и это дало дополнительно 35 000 дирхем, но сомнительно, нашёл ли он сундуки с деньгами, которые Бейкем зарыл в пустыне.

Лица, подозревавшиеся в обмане правительства, претерпевали всевозможное жестокое обращение. Халиф аль-Кадир (991-1031 годы) жестоко пытал мать своего предшественника. После того как её сопротивление было сломлено, она отдала свои наличные деньги, а также выручку от продажи своих земель.

Конфискация богатства предпринимателей происходила по аналогичной схеме. Как указано выше, любое судебное преследование могло быть оправдано политически, а международные связи крупных купцов делали политическое обвинение нетрудным. Но в большинстве случаев объявлялось, что

преступление имеет финансовый характер. Часто провести грань между специальным налогом (для военной кампании или других чрезвычайных ситуаций) и частичной конфискацией затруднительно, но при любом поводе последствия для жертвы могли быть страшными. 'Артхашастра' призывала царя увеличивать его сокровища, требуя денег от богатых лиц в соответствии с объёмом их собственности. Царь мог решительно принуждать к этому подобных лиц, не давая им шанса ускользнуть. Ибо они могли заполучить имущество, которое для них хранили другие, и продать его.

В случае политического обвинения от шпионов и агентов зависело предоставление необходимых доказательств. 'Предатели', имевшие средний достаток, могли быть обвинены несколькими способами. Агент мог совершить убийство на пороге дома предпринимателя. Владелец дома мог быть арестован, а его вещи и деньги экспроприированы. Или агент мог подбросить фальшивые деньги, инструменты для их подделки или яд в дом потенциальной жертвы, или запечатлеть на его имуществе знак верности какому-то другому царю, или сострять 'письмо' от врага государства. Теоретически к таким мерам могли прибегать только в случаях, когда жертва была хорошо известна своей нечестивостью; но вместе с другими приёмами они рекомендуются в главе, где обсуждаются способы пополнения казны. История показывает, насколько готов обычный деспот к использованию таких мер именно для этой цели.

'Артхашастра': 'Подобно плодам, собираемым в саду так часто, как они созревают, доходы должны собираться так же часто, как созревают они. Не следует собирать доход или фрукты, когда они незрелые, чтобы не повредить их источник, тем самым вызвав огромные проблемы'.

В исламском мире смерть богатого человека давала правительству бесчисленные возможности для опустошения или ликвидации его сбережений. 'Горе ему, - гласит арабский текст IX века, - чей отец умер богатым. Долгое время он был пленником в доме несчастья, и несправедливый чиновник сказал сыну: 'Кто знает, что ты его сын?' И если он говорил: 'Мой сосед и любой другой знает, кто я', то они рвали его усы, пока он не терял силы. И они щедро били и пинали его. И он оставался в плену, пока не бросил кошель перед ними'. В определённые периоды в Аббасидском (Багдадском) халифате смерть богатого частного лица была катастрофой для всего его окружения, его казначей и друзья скрывались в подполье, высказывались возражения в отношении проверки завещания правительством, и в конце концов семья откупалась крупной суммой.

Разумеется, насилие и грабежи не являются монополией какого-нибудь одного общества. Но гидравлическая форма конфискации отличается по качеству и размерам от актов произвольного насилия, совершавшихся в других высокоорганизованных аграрных цивилизациях. В Древней Греции классического периода чрезмерно сильное правительство отсутствовало, но было сообщество имущих и (позже) неимущих граждан, которые препятствовали потенциально всемогущему лидеру, отправляя его в изгнание и

захватывая его богатство. В средневековой Европе правители имели только небольшой штат чиновников, настолько малый, что внутрибюрократическая борьба, присущая Востоку, имела мало шансов для развития. Многочисленные конфликты между феодальными центрами власти нередко бывали насильственными, но соперничавшие силы чаще доводили борьбу до конца на поле боя, а не при закрытых дверях. А те, кто хотели уничтожить своих врагов с помощью обмана, предпочитали засады юридическим подлогам. Возможности для использования первого способа были столь же многочисленными, сколь редкими были возможности для использования второго.

Что касается судьбы предпринимателей, то владельцы недвижимости в Древней Греции классического периода не страдали от тяжёлых прямых налогов; а люди, занимавшие такое же положение в средневековой Европе, были очень хорошо защищены от финансовых претензий местных или национальных правителей. Как и граждане Древней Греции, бюргеры городов с полунезависимыми гильдиями не находились в постоянной опасности подвергнуться аресту, допросу, пыткам или экспроприации со стороны чиновников централизованного самодержавия. Правда, средневековые торговые караваны останавливали и грабили при их передвижении из города в город. Но в пределах своих городов-крепостей ремесленники и купцы наслаждались разумной безопасностью имущества и человеческой жизни.

При европейском абсолютизме правители так же безжалостно интриговали и беспощадно убивали, как и восточные (Eastern) монархи. Однако их возможность преследовать и присваивать имущество стесняли владевшие землями дворяне, церковь и города, чью автономию самодержавные повелители смогли ограничить, но не смогли уничтожить. В дополнение к этому представители новых центральных правительств видели определённые преимущества в развитии нарождающихся капиталистических форм движимого имущества. Западное самодержавие возникло при таком аграрном строе, при котором невозможно было контролировать или эксплуатировать народ по гидравлическому образцу, и западные самодержцы охотно защищали зарождающийся класс коммерческих и промышленных капиталистов, чьё растущее благосостояние приносило выгоду их покровителям.

В отличие от них, элита гидравлического общества плела свою финансовую сеть, надёжно опираясь на аграрную экономику своей страны. И у неё не было необходимости благоволить городским капиталистам, как это делали постфеодальные западные правители. В лучшем случае эта элита считала, что капиталистическое предприятие подобно полезному саду. В худшем случае она так обрезала и обдирала кусты основанного на капитале предпринимательства, что оставались только стебли.

^f О конфискации в Древней Греции см. [Бусольт]. Конфискации в конце эпохи республиканского Рима отражают рост неконтролируемой, по-Восточному деспотической власти (см. ниже гл. 6). [Назад](#)

^g В Индии в классический период основное богатство хранили тайно либо в домах - в больших особняках над входными коридорами, либо под землёй, в медных кувшинах, зарытых на берегу реки, либо отдавали на хранение другу. [Назад](#)

3.D. Гидравлическое право собственности - непрочное право собственности

3.D.1. Четыре способа ослабления частной собственности

В ряде стратифицированных цивилизаций представители частной собственности и предпринимательства были достаточно сильны, чтобы сдерживать мощь государства. При гидравлических условиях государство ограничило развитие частной собственности с помощью налоговых, судебных, юридических и политических мер.

На предыдущих страницах мы обсудили соответствующие финансовые и судебные методы (налоги, подлоги и конфискации). Прежде чем перейти к политической стороне вопроса, мы должны сначала заняться правовым институтом, который, возможно, больше, чем любой другой, вызывал периодическую фрагментацию частной собственности: гидравлические (Восточные) законы наследования.

3.D.2. Гидравлические законы наследования: принцип

Повсюду в гидравлическом мире основная часть имущества умершего человека передаётся не в соответствии с его волей, а в соответствии с общепринятыми или предписанными законами. Эти законы устанавливают равный или примерно равный раздел имущества между наследниками, чаще всего между сыновьями и другими близкими родственниками мужчинами. Среди сыновей старший часто должен исполнять специальные обязанности. Он должен заботиться о своей матери и о своих младших братьях и сёстрах, и в первую очередь именно он становится ответственным за религиозные обязанности в семье. Законы

принимают всё это во внимание. Но их видоизменение не нарушает основной результат: раздел имущества умершего человека среди его наследников.

3.D.3. Применение

В фараонском Египте старший сын, который имел важные церемониальные задачи, получал большую долю имущества отца. Но остальные дети также могли претендовать на установленную законом долю общего наследства.

Принцип более или менее равного раздела имущества чётко указан в вавилонском своде законов. Подарок, сделанный отцом при жизни своему первенцу, не включался в окончательное соглашение, в остальном сыновья в равной мере делили между собой имущество отца. Ассирийский закон являлся более сложным. Но и здесь старший сын имел преимущество, а все другие братья имели право на свою долю.

В Индии первоначально привилегированное положение старшего сына постепенно ослаблялось, пока разница между ним и другими наследниками практически не исчезла. В исламском мире наследование осложнялось рядом факторов, среди которых была свобода распоряжаться одной третью имущества^a. Но система 'Коранических наследников' определённо имеет фрагментирующий характер: она строго предписывает раздел имущества между несколькими лицами. Последний имперский свод законов Китая подтвердил то, что, вероятно, было обычной практикой в течение всего периода 'развитой' частной собственности. Имущество семьи должно было делиться поровну между всеми сыновьями. Несоблюдение этого каралось наказанием: до ста ударов тяжёлой палкой.

В Перу инков основная часть всех земель регулировалась государством и его местными органами управления. Некоторые дары, сделанные родственникам правителя или достойным военным и гражданским чиновникам, могли быть переданы по наследству, но узурфрукт от унаследованной земли следовало делить поровну. В ацтекской Мексике большая часть всех земель была занята сельскими общинами, это препятствовало её полной передаче согласно воле того, кто ею владел. Некоторые земли, которыми в частном порядке владели представители правящих кругов, после смерти владельца делились между его наследниками.

^a Коран предписывает очень запутанный раздел наследственного имущества. [Назад](#)

3.D.4. Результат

3.D.4.a. Для регулируемых деревень

Закон о наследовании, который предписывает периодический раздел частной собственности, по-разному влияет на различные группы в гидравлическом обществе. Крестьяне, которые живут в регулируемых сельских общинах, могут поделить движимое имущество умершего главы семьи, но не его поля. Земли должны сохраняться нетронутыми или время от времени перераспределяться в соответствии с общепризнанными привилегиями или потребностями членов сообщества.

3.D.4.b. Для владельцев малой частной собственности

Совершенно иные проблемы возникают, когда крестьяне владеют землёй свободно и в частном порядке. Недостаток продовольствия может снизить число потенциальных наследников, и это является важным демографическим фактором во всех гидравлических обществах. Однако желание жить часто 'обманывает' нужду, и, несмотря на периодическое или бесконечное отсутствие продовольствия, население имеет тенденцию к увеличению. Это неизбежно предвещает наличие малых хозяйств, больше несчастий, больше трудностей, а нередко и побег, бандитизм и восстания.

Конечно, и в регулируемых деревнях нет недостатка в демографических проблемах. Но они особенно серьёзны там, где частная собственность на землю является нормой. Для таких областей обнищание экономически слабых хозяйств не уравновешивается и не замедляется влиянием совместного хозяйства деревни, которое предотвращает и индивидуальный экономический прогресс, и индивидуальный экономический крах.

3.D.4.c. Для владельцев крупной частной собственности

Для богатых собственников важен другой фактор гидравлической демографии: полигамия. В гидравлических цивилизациях богатые люди обычно имеют несколько жён; и чем больше богатство, тем более многочисленным является гарем. Пропорционально этому увеличивается возможность иметь несколько сыновей. Но несколько сыновей - это несколько наследников, а несколько наследников - это более быстрое сокращение первоначального имущества через равные периоды наследования.

Комментируя динамику китайского традиционного общества, современные социологи Фэй и Чанг считают абсолютно верным то, что в этом обществе 'земля не порождает землю'. Почему? Основную причину они находят в том, что обогащение посредством эксплуатации земли с использованием традиционных технологий не является практическим методом накопления богатства. Земельные богатства имеют тенденцию к сокращению, а не к росту, и это происходит главным образом из-за закона о наследовании; поскольку существует традиционный принцип равного наследования между братьями и сёстрами, время является сильной дезинтеграционной силой для землевладения.

Исламский закон наследования имеет аналогичный дезинтеграционный эффект. Его преобладание в долгосрочной перспективе везде приводит к неизбежному разделу даже наиболее крупной собственности. В империи Инков дарение земли, по-видимому, не приводило к чему-то лучшему. Через несколько поколений доходы, которые получали отдельные наследники, могли сократиться до ничтожных размеров.

3.D.5. Связанные с наследованием процессы, протекавшие на Западе

3.D.5.a. Демократические города-государства Древней Греции

Фрагментация земельной собственности посредством более или менее равного наследования является, конечно, важным общественным институтом. Но вправе ли мы рассматривать эту характерную черту главным образом применительно к гидравлическим цивилизациям? Принцип раздела имущества при наследовании также действовал в городах-государствах Древней Греции классического периода. Его последовательное применение приводило к безостановочному разделу земли. В IV веке до нашей эры крупнейший частный земельный надел, которым могла похвастать Аттика, составлял 300 плефров или 64 акра, не считая одного исключительного случая. Глотц указывает, что такое состояние дел было обычным для демократических городов.

3.D.5.b. Соединённые Штаты после Войны за независимость

Также имела место борьба против права майоратного наследования и первородства на начальном этапе существования Соединённых Штатов. Во время Американской революции и сразу после её окончания выразители интересов молодой республики активно нападали на право бессрочного владения, которое безошибочно изображалось как остаток феодальной традиции Европы. Как только закон о майорате был отменён, колоссальные аристократические земельные владения стали быстро сокращаться. Примерно к 1830 году большинство крупных поместий в Америке исчезли.

3.D.5.c. Впечатляющий контраст: прочность земельной собственности в позднефеодальной и постфеодальной Европе

Похожие попытки сломить могущество крупной земельной собственности предпринимались в Европе после окончания периода феодализма. Правительства новых удельных и национальных государств боролись с правом майоратного наследования и первородства при помощи различных мер, нормативных актов, действовавших на континенте, и судебных реформ в Англии. Находчивые сторонники абсолютизма придавали этой борьбе стремительность и разнообразие. Но в ведущих странах Западной и Центральной Европы правительства в течение длительного времени не могли упразднить сохранение крупной собственности. Во Франции этот институт без изменений существовал до Великой французской революции, а в изменённом виде - до 1849 года. В Англии и Германии от этого отказались лишь в XX веке.

3.D.6. Различные социальные силы, выступающие против бессрочного владения собственностью

3.D.6.a. Малое и движимое имущество

Очевидно, против сохранения крупной земельной собственности могут выступать различные социальные силы. Вполне возможно, что греческие законодатели, которые, согласно Аристотелю, признавали влияние уравнительного распределения собственности на политическое общество, не

идентифицировали себя с одной определённой социальной группой или классом. Но их усилия принесли меньше пользы сельской собственности, как и новым формам движимой (городской) собственности и предпринимательству. Понятно, что социальные группы, которые получали выгоду от ослабления крупной земельной собственности, достигали этого результата с помощью методов, которые стали более эффективными, поскольку города-государства стали более демократичными.

На начальном этапе становления Соединённых Штатов Джефферсон боролся за отмену права майората и первородства как за необходимый шаг для ликвидации неестественных феодальных различий. И он основывал свою политику на философской доктрине, в которой заключалось столько же недоверия по отношению к торговле и промышленности, сколько было доверия по отношению к независимым фермерам, имевшим земельную собственность. Те, кто писали Конституцию США, не владели средней и малой сельской собственностью, но влияние такой формы собственности всё-таки было большим. Американская революция, начало которой положили протестовавшие купцы и восставшие ремесленники, фактически была доведена до самого конца штыками борющихся фермеров.

И не только это. Через несколько десятилетий после революции земледельческие окраины так эффективно господствовали над прибрежными городами с их коммерческими и банковскими интересами, что это вызвало декларацию о военных действиях против Англии в 1812 году. Поэтому представляется правомерным утверждать, что союз независимой сельской (земледельческой) и движимой городской форм собственности привёл к падению феодальной системы права майората и первородства в Соединённых Штатах.

3.D.6.b. Государства феодальной и постфеодальной Европы

Укреплению феодальной и постфеодальной земельной собственности в Европе противостояла совершенно другая сила. В разгар конфликта представители абсолютистского государства перешли в наступление, и внешнее сходство с характерным для Востока способом борьбы делает ещё более необходимым понимание истинной природы того, что произошло на Западе.

Почему крупные феодалы Европы оказались способными чрезвычайно укрепить свою земельную собственность? Потому что, как указано выше, во фрагментированном обществе средневековой Европе национальным и удельным правителям не хватало средств, чтобы предотвратить это усиление. Конечно, государь, владевший самыми большими землями и самым большим числом людей, имел определённое государственное влияние. Он требовал

выполнения определённых военных обязанностей от своих сеньоров, вассалов и лордов; он исполнял определённые высшие судебные функции; он должен был заниматься международными отношениями своей страны; его влияние усиливалось тем, что основная часть его вассалов имела свои феодальные владения лишь постольку, поскольку они выполняли обязательства, указанные в инвеституре. Таким образом, лорды первоначально были обладателями, а не собственниками своих земель и оставались таковыми, по крайней мере теоретически, даже после того, как землевладение стало наследственным.

Такое положение дел описывается часто. С определёнными различиями - что стало особенно актуальным в таких странах, как Англия после нормандского завоевания, - оно преобладало в большей части Западной и Центральной Европы в период формирования феодализма. Однако общепринятая картина того времени подчёркивает гораздо более прочную связь между крупным феодалом и его правителем, чем между различными крупными феодалами. С точки зрения развития собственности основной является вторая форма отношений.

Независимо от того, временно или наследственно владел барон своим поместьем, его жизнь была сосредоточена в его собственном замке, а не при королевском дворе; таково было его обособленное положение, которое определяло его личные и социальные контакты. Король мог потребовать от своего вассала несения военной службы сроком до нескольких недель, но сверх этого ограниченного контрактом периода, который мог быть продлён за дополнительную плату, король не мог сдерживать свободу передвижения вассала. Барон или рыцарь был волен использовать своих солдат в частных расправах. Он был волен участвовать в охоте, в турнирах и в различных военных походах. А самое главное, он был волен встречаться с богатыми соседями, которые, как и он сам, были готовы содействовать их общим интересам.

Разобщённый характер политического строя стимулировал объединение местных и региональных вассалов, которые по отдельности не были равны государю, но вместе могли успешно противостоять ему. В состязании между усиливавшейся дворянской (и бюргерской) властью с одной стороны и королевской властью с другой приобретающие влияние центральные органы власти противостояли не рассеянным феодальным и городским силам периода раннего Средневековья, а организованным сословиям, способным защитить и свои экономические, и свои социальные права.

В Англии в начале XI века те, кто получали земли непосредственно от короля (*tenants-in-chief*), были известны как бароны; первоначально термин подразумевал группу, а не физическое лицо, поэтому слово не имело единственного числа. Но только когда правительство попыталось ограничить независимость баронов, они почувствовали необходимость в объединённых действиях. Заключительный раздел Великой хартии вольностей правильно назван 'первым королевским признанием баронского права коллективно

принуждать короля к чему-либо насильно'. Вскоре после этого все английские дворяне приняли присягу друг перед другом, что не станут давать королю никаких ответов, кроме тех, которые дадут сообща. Это случилось в тот самый век, когда английские лорды сформировались как сословие, которое стало основой для увековечения землевладения на праве майората и первородства.

Ход событий и многие другие подробности на континенте были иными. Но всеобщая тенденция была одинаковой. Подчинив свои феодальные поместья принципу неделимости, который с отказом от феодальной формы несения военной службы потерял своё первоначальное значение, знатные землевладельцы укрепили своё право собственности в Испании, Италии, Франции и Германии.

Стоит отметить, что дворяне, которые удерживали позднефеодальное и постфеодальное общество в равновесии, своим успехом в сохранении права собственности частично обязаны положению абсолютистской бюрократии. Среди аристократических представителей этой бюрократии было немало тех, кто чувствовали глубокую близость к мелкопоместному дворянству, с которым они были связаны многими узами. Разрываясь между несовместимыми правом собственности и бюрократическими интересами, представители западного абсолютизма не доводили до крайностей своё организованное противодействие крупным привилегированным собственникам земли. В результате из чрева феодального общества возникла одна из самых сильных форм частной собственности, известная человечеству.

3.D.6.c. Гидравлический абсолютизм имел успех там, где потерпели неудачу государства западного (Occidental) феодализма и западного (Occidental) абсолютизма

В позднефеодальной и постфеодальной Европе государством признавалась такая система наследования у дворян-землевладельцев, которая благоприятствовала одному сыну за счёт всех остальных. И в современном западном мире государство в общем позволяет отдельной личности распоряжаться своей собственностью по своему желанию. Гидравлическое государство не давало никакой равнозначной свободы принятия решений ни владельцам движимого имущества, ни собственникам земли. Его законы наследования требовали более или менее равного раздела имущества покойного и, таким образом, периодической фрагментации собственности.

Несомненно, среди первобытных народов, занимавшихся охотой и собирательством или земледелием, находившимся на начальной стадии, модели наследования сильно варьировались; таким образом, маловероятно, что общественные формации, предшествовавшие гидравлическому обществу, в

большинстве своём поддерживали единонаследную систему, которую гидравлическое развитие должно было уничтожить. Возможно, в некоторых случаях зародыши единонаследной системы полностью истреблялись. Где не существовало таких зародышей, гидравлические правители заботились о том, чтобы не возникли попытки подорвать традиционную распределительную модель наследования. Они добивались этого с помощью множества методов, среди которых введение единого закона о разделе наследства было только самым заметным.

В позднефеодальном и постфеодальном обществе Запада дворяне-землевладельцы смогли создать одностороннюю систему наследования, названную правом майората и первородства, прежде всего потому, что являлись вооружённой силой и были политически организованы в национальном масштабе. В гидравлическом обществе представителям частной собственности не хватало сил, чтобы сплочённо установить подобные прочные формы собственности, во-первых, потому что правительственная монополия военных действий мешала владельцам собственности поддерживать независимые вооружённые силы, во-вторых, потому что правительственная сеть организационных структур (барщина, государственная почта и служба тайных донесений, единая армия и всеобщее налогообложение) мешали владельцам собственности защищать свои интересы посредством эффективной национальной организации.

В таких условиях борьба за или против раздела собственности не стала отчётливой политической проблемой, как это было в Древней Греции, абсолютистской Европе или Соединённых Штатах. И в отличие от районов открытых конфликтов, в гидравлическом мире не одобрялись политические аргументы, которые оправдывали - или оспаривали - закон о разделе наследства.

3.D.7. Организационное бессилие владельцев собственности в гидравлическом мире

Как вооружённая и широко организованная сила, гидравлический режим господствовал в стратегически важных местах сосредоточения движимого имущества - в городах, а также в главной области сосредоточения недвижимого имущества - в сельской местности. Эти города были административными и военными точками опоры правительства; ремесленники и купцы не имели возможности стать серьёзными политическими противниками. Их профессиональные ассоциации не были обязаны непосредственно подчиняться государству, но им, конечно, не удалось создать сильные и независимые центры корпоративной бюргерской власти, какие возникли во многих частях средневековой Европы.

В сельской местности дела обстояли не лучше. Собственники земли были либо состоятельными предпринимателями, так же ограниченными в рамках своей организации, как владельцы движимого имущества, либо - и значительно чаще - они были чиновниками или жрецами, являясь частью организованной в национальном масштабе бюрократии или будучи связанными с ней. Своим представителям и сторонникам, владевшим собственностью, эта бюрократия могла позволить учреждать местные организации, такие как китайские 'носители пояса (sash-bearers)' (неправильно переводится как 'дворянство'), а также сообщества жрецов различных храмов или вероисповеданий. Но любая попытка осуществлять согласованное землевладение в национальном масштабе и в форме самостоятельных корпораций или сословий не находила одобрения.

На исламском Ближнем Востоке владельцы пожертвований (вакуфов) для семей сохраняли свои земли нераздельными, потому что в конечном счёте эти земли служили религиозным и благотворительным целям. Но хотя семейный вакуф временно приносил прибыль своему обладателю и его потомкам, он не представлял собой ни надёжную, ни свободную и прочную форму собственности. Хотя семейные вакуфы реже подвергались конфискации, их, как и другие вакуфы, могли отобрать, если государство того желало. Они облагались налогом, и получившие их бенефициары не укрепили свои полномочия посредством общенациональной политической организации.

По своему изначальному замыслу семейный вакуф напоминает земли, которыми владеют храмы и священники, хотя часто его непосредственное назначение является иным. Но, в отличие от служителей культа, владельцы этих пожертвований занимают видное положение не для какого-нибудь активного участия в общественной жизни, а для собственного существования в роли рантье. Храмовые земли, подобно нецерковным должностным землям, были неделимы; но сам факт того, что землевладение священников или храмов не привело к какой-либо эффективной форме борьбы с целью ограничить абсолютистское государство конституционными рамками, свидетельствует о связи между гидравлическим государством и господствовавшими религиями.

Также представители землевладельческой бюрократии - служившее и не служившее мелкопоместное дворянство - не объединились в национальный орган, способный отстаивать их имущественные права вопреки юридическому и связанному с накоплением давлению государственного аппарата. Они были довольны тем, что пользовались своей землёй как средством для комфортного проживания, предоставив несшим службу дворянам возможность организовывать и управлять объединённой национальной системой политической власти. Пример китайского генерала, который продемонстрировал свою политическую безвредность тем, что притворился исключительно заинтересованным в приобретении земли, наглядно показывает политическое бессилие права собственности на Востоке, даже если собственностью владели сами представители аппарата^b.

^b Эти условия способствовали тому, что можно обозначить как интровертный характер большинства жилых зданий в агробюрократическом обществе, сопоставляемый с экстравертным характером зданий соответствующего типа на Западе. Тенденция скрывать роскошные дворы и жилища за неопределённым фасадом не была ограничена кругом обычных богатых людей. Она также преобладала в среде представителей аппарата, но, конечно, не у их верховного правителя. [Назад](#)

3.Е. Гидравлический режим связывает себя с господствующей религией страны

Схожие причины привели к схожим результатам и в области религии. Гидравлическое государство, не допускающее существенного независимого военного или имущественного руководства, также не способствует возникновению независимой религиозной власти. Ни в одном гидравлическом обществе господствующая религия не находилась вне влияния государства как национальная (или международная) объединённая автономная церковь.

3.Е.1. Единственная религия, господствующая религия и второстепенные религии

Видимых конкурентов у господствующей религии может и не быть. Это часто имеет место в примитивных культурах, где единственными важными представителями еретических идей и обычаев являются колдуны и ведьмы. Там отсутствует сама проблема выбора, и гидравлические лидеры легко отождествляют себя с господствующей религией.

Второстепенные религии обычно возникают и распространяются в относительно дифференцированных институциональных условиях. Там, где такие верования имеют шанс сохраниться (неиндуистские вероисповедания в Индии, даосизм и буддизм в конфуцианском Китае, христианство и иудаизм под властью ислама), правители стремятся постепенно отождествить себя с господствующей доктриной. Едва ли нужно доказывать, что в данном контексте слово 'господствующая' относится лишь к социальным и политическим аспектам вопроса. Это не подразумевает никаких религиозных оценочных суждений. Является ли социально господствующая религия также наиболее совершенной по своим религиозным догматам - это совершенно другой (и вполне разумный) вопрос, но он не входит в рамки данного исследования.

3.Е.2. Религиозная власть связана с гидравлическим государством

3.Е.2.а. Гидравлический режим иногда бывает (квази-) иерократическим

Стремясь определить отношение между гидравлической властью и господствующей религией, мы должны сначала отбросить одно распространённое заблуждение. В гидравлическом мире, как и в других аграрных обществах, религия играет огромную роль, и представители религии, как правило, многочисленны. Однако важность какого-либо социального института не обязательно подразумевает его автономию. Как указывалось выше, находящиеся на правительственном содержании армии гидравлических цивилизаций обычно многочисленны, но те же самые факторы, которые делают их многочисленными, вынуждают их быть зависимыми от правительства.

Конечно, модели религиозных отношений не могут быть приравнены к моделям организации обороны. Но в обоих случаях их масштабность является результатом чрезвычайной близости к правительственной машине, которая способна использовать огромные ресурсы доходов.

Большинство всех гидравлических цивилизаций характеризуются многочисленным и влиятельным жреческим сословием. Но было бы неверно обозначить эти цивилизации как иерократические, управляемые жрецами. Чтобы определить значение слова 'жрец', предпринимались многочисленные попытки, и выдающиеся социологи, занимавшиеся сравнительными исследованиями (например, Макс Вебер), предоставили нам широкий выбор определений для феномена, чьи институциональные границы установить нелегко.

Очевидно, жрец должен обладать квалификацией для выполнения своих религиозных задач, которые обычно включают в себя жертвоприношения, а также молитвы. Квалифицированный жрец может посвятить религиозным обязанностям лишь часть своего времени, тогда как большую часть его времени он потратит на то, чтобы обеспечить себя средствами к существованию; или он может служить 'профессионально', то есть посвятить службе всё своё время.

Если мы определим жреческое господство как правительственное господство профессиональных жрецов, то почти никакие значительные гидравлические государства нельзя будет охарактеризовать таким образом. В ряде случаев чиновничество включало многих лиц, которые воспитывались как жрецы и, прежде чем занять государственную должность, служили жрецами. Такую подоплёку важно отметить, потому что она освещает роль храмов в сложной

правлящей системе. Но также важно отметить, что когда люди из жреческой среды становятся заметными фигурами в правительстве, то они, как правило, прекращают тратить большую часть своего времени на исполнение религиозных обязанностей. Таким образом, их власть является не иерократической в узком смысле этого термина, а квазиерократической. Немногие гидравлические правительства, возглавляемые квалифицированными жрецами, почти все относятся к последнему типу.

Гидравлическими племенами индейцев пуэбло правят вожди, которые играют ведущую роль во многих религиозных церемониях. Однако кроме одного или нескольких из них - часто только касика, - эти жрецы-вожди проводят большую часть своего времени, занимаясь сельским хозяйством. Поэтому правительство пуэбло представляет собой иерархию людей, которые, хотя и имеют квалификацию для проведения церемониальных обязанностей, в большинстве своём не являются жрецами, посвятившими религиозной службе всё своё время.

Вероятно, городами-государствами Древнего Шумера обычно управляли главные жрецы передовых городских храмов, а также видные придворные и правительственные чиновники, которые, играя важную роль в управлении храмовыми имениями, возможно, были также и квалифицированными жрецами⁴. Но разве эти люди, которые были обучены богословию, имели ещё время на то, чтобы выполнить многие религиозные функции профессионального жреца? Даймель предполагает, что жрецы-цари совершали богослужения в храмах только в особенно торжественных случаях. Их подданные были в равной степени заняты их светскими обязанностями и религиозной деятельностью посвящали лишь ограниченное время.

Высокопоставленные помощники правителя, а также, несомненно, многие из его низших чиновников оказывались на политической арене потому, что были представителями наиболее влиятельной экономической и военной составляющей государства - храмов. Поэтому правительства шумерских храмовых городов были квазиерократическими. Но даже в Шумере власть храмов постепенно ослабевала. Реформа жреца-царя Урукагины в Лагаше показывает, что в начале третьего тысячелетия до нашей эры передовые жреческие семьи пытались секуляризовать храмовые земли, а вскоре после правления Урукагины великим царям Аккада и Ура удалось сделать из некоторых храмовых земель царские владения. Во время последующего вавилонского периода храмовые хозяйства перестали быть значительным экономическим сектором общества, и основная часть высокопоставленных чиновников уже не была обязательно связана со жречеством.

Вавилонская модель встречается гораздо чаще, чем шумерская. Как правило, гидравлические правительства управлялись профессиональными чиновниками, которых, возможно, и обучали жрецы, но которые не готовились стать жрецами. Большинство всех квалифицированных и профессиональных жрецов по-прежнему занималось своими религиозными задачами, а то, что отдельные

жрецы занимались государственной службой, не делало правительство иерократическим.

Среди нескольких примеров установления жреческого правления в гидравлической стране^b особо достойной внимания представляется двадцать первая династия фараонов Египта. Но узурпатор-основатель этой династии Херихор, который начал своё восхождение как жрец, занимал светскую государственную должность прежде, чем фараон сделал его верховным жрецом, и ему дали эту должность не для укрепления, а для ослабления власти главных жрецов - жрецов Амона^c. Как и жрецы-цари Шумера, фараоны Древнего Египта, включая Херихора, очевидно, большую часть своего времени тратили на выполнение своих государственных задач. С точки зрения истории Древнего Египта важно то, что из двадцати шести династий эпохи правления фараонов в лучшем только одна может быть классифицирована как квазиерократическая.

^a Профессиональные жрецы появились в Шумере рано. Древние надписи упоминают жрецов, а также представителей светских профессий. [Назад](#)

^b Тибет обсуждается как одно из периферийных гидравлических обществ в гл. 6 ниже. [Назад](#)

^c Даже Мейер, который решительно - и, вероятно, излишне решительно - подчёркивает жреческую подоплёку восхождения Херихора к власти, считает, что двадцать первой династии не удалось установить подлинную теократию. [Назад](#)

3.Е.2.в. Гидравлический режим часто бывает теократическим

Строительная, организационная и накопительная деятельность гидравлического общества приводит к концентрации всей власти в руководящем центре: в центральном правительстве и в конце концов в руках главы этого правительства, государя. С момента зарождения гидравлической цивилизации на этот центр возлагается задача осуществить слияние магических настроений народа воедино. Основная часть всех религиозных церемоний может быть выполнена специально подготовленными жрецами, которые часто пользуются значительной свободой. Но во многих гидравлических обществах высший представитель светской власти также воплощает собой высшую религиозную власть.

Выступая в качестве либо бога, либо потомка бога, либо высшего жреца, такой человек действительно является теократическим (обожествлённым) или квазитеократическим (пontiфикальным) правителем. Очевидно, что

теократический режим не должен быть ни иерократическим, ни квазиерократическим. Даже если обожествлённый или понтификальный государь воспитывался как жрец, большинство его чиновников не обязательно должны иметь такую же квалификацию.

Вожди индейцев пуэбло и племени чагга, которые являются высшими жрецами своих общин, занимают теократическую позицию, а наделение гавайских королей божественным качеством не вызывает сомнений. Однако в первобытных аграрных условиях религиозное и светское влияния часто тесно сочетаются независимо от того, используется ли ирригационное земледелие или нет.

В отличие от широкого распространения теократических институтов среди первобытных аграрных народов, теократия развивалась неравномерно в высших аграрных цивилизациях. Теократические или квазитеократические тенденции преобладали во многих гидравлических обществах с централизованной государственностью, в то время как эти же тенденции в Древней Греции и в средневековой Европе не привели ни к чему.

В Древней Греции времён Гомера считалось, что царь имеет божественное происхождение, и его превосходство в религиозных вопросах было настолько сильным, что его считали главным жрецом. Последующее демократическое развитие не разрушило отношения между государством и религией, но передало контроль над религиозной и государственной деятельностью в руки граждан. Строго контролируемая городской общиной, государственная религия Древней Греции не переросла ни в церковную иерархию, ни в закрытый жреческий строй. Как правило, те, кому было предназначено исполнять обязанности жрецов, выбирались либо по жребию, либо голосованием. Следовательно, им не хватало обучения, которое играет столь большую роль в самовоспроизводящейся среде профессиональных жрецов. Доходы храмов строго контролировались политическими властями, которые в большинстве своём избирались схожим образом. Кроме того, правительственных лидеров не наделяли божественной ипостасью, исполняли ли они обязанности высших жрецов или глав каких-либо религиозных организаций, осуществлявших согласованные действия. Поэтому обозначение 'теократия', которое может быть применено к первобытным условиям раннего периода Древней Греции, вряд ли подходит к государству демократического периода, основным населением которого были состоявшие на службе граждане.

Крупные аграрные цивилизации средневековой Европы пошли ещё дальше в своём нетеократическом развитии. Попытки Пипина и Карла Великого установить теократическую власть не смогли сломить тенденцию к феодальной децентрализации. Среди многих второстепенных центров имущественной, военной и политической власти, которые ограничивали влияние национальных и удельных правителей, церковь оказалась в высшей степени эффективной, так как единая доктрина и возрастающая унификация руководства обеспечивали её

квазифеодальные местные органы квази-Восточной организационной прочностью. После длительного периода напряжённой борьбы церковь получила полную автономию. В XI веке французская корона покорилась папскому престолу, а германский император Генрих IV унизился перед папой Григорием VII. В течение некоторого времени борьба между светской и церковной властью продолжалась безрезультатно, пока Иннокентий III (1198-1216 годы) не поднял папскую власть на такую высоту, что смог попытаться, хотя и безуспешно, подчинить государство руководству церкви.

Среди многих проявлений церковной автономии пример Англии является особенно поучительным. В 1215 году английские епископы вместе с феодалами вынудили короля Иоанна признать в Великой хартии вольностей законность сбалансированного конституционного правительства. Хартия была прежде всего уступкой 'Богу' в пользу англиканской церкви. Согласно первой статье хартии, король жаловал английской церкви независимость, возможность пользоваться её полными правами и неприкосновенными видами свободы, в частности, свободой, которая считается самой важной и самой необходимой для английской церкви - свободой выборов. Статья 42, касавшаяся свободы покидать королевство, затрагивала крайне важное для духовенства право ездить в Рим без разрешения короля.

Церковь во времена Великой хартии вольностей была не просто одной из нескольких групп эффективно организованных феодальных собственников земли. В своём национальном, а также международном устройстве она отличалась от союзов светской знати, таким образом превосходя их. Кроме того, она боролась за автономию как религиозная организация с конкретными религиозными целями и требованиями. Но хотя эти особенности были ключевыми, церковь не могла ограничивать власть политического режима, если одновременно не укрепляла имущественную и организационную силу светской знати. Как религиозная часть этих сил церковь в аграрном обществе средневековой Европы стала, по существу, независимой организацией. Для достижения этой цели она роковым образом поддерживала рост сбалансированного позднефеодального строя, который в конечном итоге породил современное западное общество.

Таким образом, в высших аграрных цивилизациях Запада не развивались крупные теократические структуры власти независимо от того, имелась ли изначально в этих цивилизациях теократическая форма правления или нет. Города-государства Древней Греции классического периода представляли собой нетеократическое сочетание власти и религии, а в средневековой Европе светская и религиозная формы влияния, далекие от создания единой системы цезаропапизма, оформились в две сильно различающиеся организации.

Гидравлическая цивилизация двигалась в совершенно ином направлении. Где племенные гидравлические правительства имели теократическую форму, исходная модель обычно сохранялась даже при более сложных

институциональных условиях. А где теократия отсутствовала в догидравлический период, она часто возникала как часть гидравлического развития.

В обществе, обеспеченном уникальными возможностями роста государственной машины, не оставалось места для роста политически и экономически независимой господствующей религии. Государь-агроправитель укреплял свою светскую позицию путём наделения себя в той или иной форме символами высшего религиозного влияния. В некоторых случаях его позиция не была полностью теократической, но это скорее исключение, чем правило. В большинстве случаев гидравлические режимы были либо теократическими, либо квазитеократическими.

Институциональное разнообразие гидравлического мира исключает жёсткую взаимозависимость. Но выглядит так, что наделённые божественной ипостасью государи появлялись в первую очередь при менее дифференцированных социальных условиях. Имея технологии уровня неолита, инки по-теократически правили простым гидравлическим обществом. Высший (Единственный, Сапа) Инка был потомком Солнца и поэтому божественным, и его родственники наделялись этим статусом в разной степени. Сапа Инка осуществлял наиболее торжественные жертвоприношения, его официальный ранг был выше ранга профессиональных жрецов, которые обычно выбирались из числа его дядей или братьев. Его чиновники руководили распределением и возделыванием храмовой земли и вели дела храмовых хранилищ так же, как чиновники светского правительства. Таким образом, правительство, возглавляемое обожеествлённым государем, контролировало и светские дела страны, и жреческое сословие своей господствующей религии.

О развитии теократии на Ближнем Востоке говорят многие литературные и художественные исторические свидетельства. Возникнув без заметной институциональной привязанности к Месопотамии^d, хотя и не без культурных связей с ней, государство Древнего Египта демонстрирует мощный потенциал сильно сконцентрированного и относительно простого гидравлического строя. Фараон является богом или сыном бога, великого и благого бога. Он бог Хор, потомок бога солнца Ра. Он происходит телесно от своего божественного родителя. Имея такие отличия, он является посредником между богами и человечеством. Недостаток времени не позволяет ему лично исполнять большинство своих религиозных обязанностей, но он является высшим жрецом и жрецом всех богов. Относительно его высокого положения не может быть никаких сомнений.

Первоначально обслуживание храмов в значительной мере выполнялось царскими чиновниками, а администрацией храма руководили ставленники царя. Но даже после того, как сформировалось прочное профессиональное жреческое сословие, доходы храмов продолжали находиться под юрисдикцией государства, а фараоны назначали отдельных жрецов. Эта система контроля

преобладала на протяжении Древнего и Среднего царств и даже в начале Нового царства. Она распалась в период кризиса и беспорядков, которые в конце правления двадцатой династии^e позволили взойти на трон одному из верховных жрецов. В период с двадцать второй по двадцать пятую династию Египет находился под властью ливийских и нубийских завоевателей, но обожествлённое положение фараонов сохранялось вопреки всем политическим изменениям вплоть до времён двадцать шестой и последней династий.

В древней Месопотамии общество, начиная с возникновения письменной истории, было более дифференцированным, чем в раннем Древнем Египте. Это могло быть причиной или одной из причин того, что божественное происхождение шумерских царей формулировалось относительно сложно. В отличие от фараона, который был рождён богом, воплотившимся в царе, и царицей, шумерский царь получал божественные качества, прежде всего силу и мудрость, когда находился в утробе своей матери. После своего рождения он воспитывался богами, восшествие на трон и коронация подтверждали его обожествление. Если, как предполагает Лаба, боги признавали божественность царя только после его рождения, он не являлся божественным потомком божественных родителей, а их приёмным сыном.

Спор относительно точных причин обожествления царя в древней Месопотамии показывает сложность её организационной модели на раннем этапе, но не может скрыть тот факт, что шумерский царь в той или иной форме представлял высшую божественную власть на земле. Он занимал должность высшего жреца. В принципе, он был единственным исполнителем высших жреческих обязанностей. Он легко выполнял административный контроль над храмами, так как в шумерских городах-государствах все главные храмы возглавлялись жрецом-царём, его женой или кем-либо из его семьи.

Начиная с конца шумерского периода отношения между правительствами Месопотамии и храмами становились менее тесными, но храмы были не в состоянии освободиться от контроля светского правителя. Положение царя по-прежнему было квазибожественным, аналогично тому, какое было у его шумерских предшественников. Он по-прежнему имел право исполнять высшие религиозные функции. В Ассирии он делал это лично, в то время как в Вавилонии эти задачи обычно передавались его представителю. Обычно, но не всегда. При проведении великих обрядов 'творения' при наступлении нового года царь играл столь важную религиозную роль, что во время этих церемоний был для своего народа действительно подлинным воплощением богов.

В Ассирии правительство поддерживало строгий административный и судебный контроль над господствующей религией, в Вавилонии контроль был гораздо менее жёстким. Но и там цари успешно сохраняли своё право назначать высокопоставленных жрецов, и жрец, будучи назначен государем, должен был давать клятву верности, как и все другие чиновники.

Предположительно, царям из династии Ахеменидов, которые путём завоевания сделались хозяевами всего Ближнего Востока, не хватало божественного ореола. Сохранили ли они в своей родной Персии некоторые из своих ранних нетеократических принципов? Или их персидские подданные поклонялись им как божественным существам, якобы проникнутым божественной субстанцией? Каким бы ни был ответ на эти вопросы, победоносный Кир перенял из Вавилонии все составляющие халдейской монархии, в том числе царскую божественность, а его преемники поступили так же в Египте. Как и всех известных нам ранних египетских правителей, Дария называли божественным: Хором и добрым богом.

Эллинистические государи, правившие империями Птолемеев и Селевкидов, быстро научились совмещать религиозное и светское влияние. Определённо, поклонение царю было менее полно развито на институциональной границе гидравлического мира - в Анатолии. Но и там эллинистические правители тоже вполне определённо, хотя и осторожно, стремились получить теократический статус.

Римляне переняли многие общественные институты, существовавшие в их новых владениях на Востоке. Принятие божественности императора было постепенным, но начало поклонения императору восходит к раннему периоду империи. Культ, уже предложенный Цезарем, был официально учреждён Августом, первым императором.

В ранней Византии христианство приспособилось к самодержавному режиму, представители которого чувствовали себя полностью компетентными законодателями как во всех религиозных, так и во всех светских делах, но это оказалось несовместимым с понятием божественного правителя. Несмотря на значительные усилия, предпринятые для утверждения квазибожественного статуса императора, византийское правительство было в лучшем случае косвенно теократическим по нашим критериям.

Ислам не одобрял обожествления правителя по особым причинам: Магомет был пророком Аллаха, а не его сыном, и халиф, который наследовал власть пророка, не имел божественного статуса. Хотя он заведовал важными религиозными вопросами, но не мог быть назван также и верховным жрецом. Оценивая положение халифа по нашим критериям, мы, в соответствии с экспертным мнением, считаем его не теократическим и не иерократическим^f.

В Китае правитель возник на исторической сцене как высший авторитет и в светских, и в религиозных вопросах. Мы не знаем, отражает ли традиционное имя 'Сын Неба' более раннюю веру в божественность государя. Правители империи Чжоу и последующих имперских династий, все носившие это имя, считались людьми, но занимали квазитеократическую позицию. Наделённые полномочиями Небесного мандата, они управляли магическими отношениями с силами природы посредством сложных жертвоприношений. В крупных религиозных церемониях правитель и его центральные и местные чиновники

брали на себя ведущие роли, оставляя лишь второстепенные функции профессиональным жрецам, наделённым божественным статусом, и их помощникам. Император был главным исполнителем самого священного из всех ритуалов - жертвоприношения Небу, и он был главным исполнителем жертвоприношения Земле, совершавшегося для созревания урожая, для ранних летних дождей и для всенародных божеств почвы и сорго. Некоторые из этих обрядов совершались лишь в столице. Другие (жертвоприношение обильному дождю, ритуальная пахота, жертвоприношение Конфуцию, покровителю земледелия и т.д.^g) также совершались высокопоставленными провинциальными, районными или общинными чиновниками во многих региональных и местных центрах государственной власти.

Подведём итог: в китайской государственной религии правитель и иерархия высших чиновников выполняли важные жреческие функции, хотя подавляющее большинство этих чиновников и сам император были в основном заняты светскими делами. Поэтому правительство традиционного Китая представляет собой целостный - и необычный - вариант теократии.

^d Контакт между двумя цивилизациями, вероятно, начался задолго до возникновения письменной истории. [Назад](#)

^e Об установлении независимой храмовой экономики в эпоху правления двадцатой династии см. [Брэстед, Ростовцев]. [Назад](#)

^f Всё это верно по существу для суннитского сектора исламского мира. В шиитском секторе теократические тенденции иногда становились очень сильными. Например, шах Исмаил из династии Сефевидов, по-видимому, считал себя воплощением Бога. [Назад](#)

^g Таким образом, в политическом строе традиционного Китая религиозные идеи и обычаи играли значительную роль, и некоторые из более поздних идей и обычаев были столь же всесторонними, сколь и впечатляющими. Де Гроот, выдающийся европейский эксперт по китайской религии, называет великое жертвоприношение Небу, возможно, самой впечатляющей церемонией из когда-либо совершавшихся на земле человеком. [Назад](#)

3.Е.2.с. Аграрный деспотизм всегда сохраняет господствующую религию, интегрированную с его системой власти

Итак, в гидравлическом мире некоторыми странами правили в квазиерократической форме квалифицированные жрецы, которые, однако, уже

не занимались своей жреческой деятельностью профессионально; а многими странами правили в теократической или квазитеократической форме обожествлённые или понтификальные государи. Из оставшихся стран некоторые являли собой пограничные случаи; в других, вероятно, правление не было ни иерократическим, ни теократическим. Но даже среди последних господствующая религия была не в состоянии утвердиться в качестве независимой церкви по отношению к правительству. В той или иной форме она становилась интегрированной в систему власти гидравлического режима.

В некоторых регионах Мексики до завоевания её конкистадорами политический правитель был изначально и верховным жрецом, и в местности Мичоакан эта картина сохранялась вплоть до прихода испанцев. В удельных царствах в районе мексиканских озёр две функции были явно разделены задолго до завоевания, но правитель продолжал выполнять определённые религиозные задачи, храмы и их персонал находились под его влиянием. При случае он один или вместе со своими высокопоставленными помощниками мог носить жреческое облачение и лично исполнял определённые жертвоприношения. Видимо, самое главное заключалось ещё в том, что правитель и его высокопоставленные помощники назначали великих жрецов, а управление храмовыми землями, видимо, осуществлялось совместно с управлением правительственными землями.

Должны ли мы по этой причине считать правление в Мексике до её завоевания конкистадорами квазитеократическим? Возможно. Совокупность мексиканских государств поддаётся простой классификации, но несомненно то, что жрецы различных храмов, собираясь для церемониальных целей, не имели собственной независимой общенациональной организации. Тесно сотрудничая со светскими лидерами, чьих потомков они обучали и в чьих армиях они служили, жрецы были не противовесом, а неотъемлемой частью деспотического режима.

Выше рассмотрены пограничные случаи раннего периода правления Ахеменидов в Персии и византийского и исламского обществ. Но даже в этих случаях, когда правительства были только частично теократическими, господствующие религии везде были крепко опутаны светскими системами власти. Царь из династии Ахеменидов, обладавший абсолютной властью в светских делах, теоретически также имел последнее слово в религиозных вопросах. И не только теоретически. Пример Артаксеркса II показывает, что царь мог внести в религиозный культ важные изменения. Господствовавшие жрецы, маги, составляли привилегированную группу, но они не создали национальную и автономную церковь.

Ранняя Византия является одной из очень немногих гидравлических цивилизаций, где господствующей религии было разрешено функционировать как церкви. Но хотя эта церковь была хорошо организована, она не превратилась в самостоятельного субъекта, как это сделала римская ветвь после распада западной половины империи. На начальном этапе византийской

истории, то есть с IV по VII века нашей эры, император, имевший статус святого, если не божественного, следовал римской традиции, которая заключалась в том, что религия подданных императора была частью публичного права (*jus publicum*), следовательно, он получал почти неограниченный контроль над жизнью церкви.

Под властью ислама политическое и религиозное руководство было изначально единым, и признаки такого порядка видны на протяжении всей истории этой религии. Положение исламских правителей (халифов и султанов) подвергалось многим изменениям, но никогда не теряло своего религиозного свойства. Первоначально халифы руководили большой совместной молитвой. Под их юрисдикцией управляющие провинций проводили ритуальную молитву, особенно по пятницам, и также они читали проповедь, хутбу. Халифы назначали официального толкователя Священного Писания, муфтия. Центры мусульманского поклонения, мечети, находились преимущественно в ведении лиц, непосредственно зависевших от государя, таких как кадисы (*kadis*); религиозные пожертвования, вакуфы, которые обеспечивали основную поддержку мечетей, часто, хотя и не всегда, управлялись правительством. На протяжении всей истории ислама правитель оставался высокопоставленным представителем власти по делам мечетей. Он вмешивался в дела управления, причём делал это так, как того желал, и также мог через свои официальные учреждения вмешиваться во внутренние дела мечетей. Всё это не делало правление халифата теократическим, но указывало на государственное влияние, достаточно сильное, чтобы предотвратить создание исламской церкви, независимой от государства.

В Индии отношения между светской и религиозной властью подвергались значительным изменениям, но некоторые основные черты сохранялись на протяжении всего индуистского периода и даже после его окончания. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что на начальном этапе индуистской истории правительство меньше зависело от жрецов, чем это было в более поздний период первого тысячелетия до нашей эры. Но каковы бы ни были изменения, произошедшие в этом отношении, светская и религиозная власти оставались тесно интегрированными.

У брахманов не было желания занять автономную позицию, аналогичную позиции церкви в феодальной Европе? Или они были не способны сделать это? Они жили за счет даров и государственных субсидий, потому что хотели того или потому что не имели выбора? Всё, что мы знаем о позиции брахманов, показывает, что они, как и другие жреческие группы, предпочитали сильное и надёжное положение слабому и ненадёжному. Однако индусские государи желали иного. Как и другие гидравлические монархи, они поддерживали регулируемые и слабые формы собственности среди своих подданных. Они платили свои светским помощникам деньгами, потребительскими товарами и узурпаторством от пользования землёй (деревнями) и вознаграждали представителей господствовавшей религии точно таким же образом. В Индии

эта политика сохранялась и в конце индуистского периода, когда увеличение частного владения земельной собственностью не привело к консолидации собственнической власти, каким-либо образом сопоставимой с той, что была в позднефеодальной или постфеодальной Европе.

Сказать это - не значит отрицать исключительную роль брахманизма и брахманов в правительствах индуистской и мусульманской Индии. Считается, что все четыре касты произошли от частей тела Брахмы, и каста брахманов - от рта, особенно благородной части. Но великая Книга законов, приписываемая Ману ('Ману-смрити'), особенно подчёркивает божественность царя. Таким образом, она наделяет его власть явным теократическим свойством.

Индуистское правительство также имело значительные квазиерократические особенности. С ведических времён царь имел жреца, с которым был непосредственно связан, пурохиту, и этот сановник вскоре стал царским советником по всем имеющим важное значение вопросам. Книги законов, написанные брахманами и принятые правительством в качестве руководства к действию, требовали от царя иметь пурохиту, которому надлежало главенствовать во всех делах. Царю же следовало действовать в соответствии с указаниями пурохиты.

Жрец был советником царя, и жрец же помогал ему применять законы, сформулированные жрецами. В 'Ману-смрити' утверждается, что учёный брахман должен тщательно изучить их и надлежащим образом обучить им своих учеников, и никто другой не должен делать это за него. В сомнительных случаях хорошо обученные брахманы решали, что правильно, а в судах жрецы действовали в качестве судей вместе с царём и его помощниками или одни.

Хорошо образованные и обладавшие политическим влиянием жрецы имели уникальные возможности для выполнения административных задач. Пурохита мог стать высокопоставленным царским сановником. Аналогичным образом, жрецу могли поручить всякого рода финансовые задачи. Таково было положение во время классического периода индуистской культуры, и оно оставалось главной тенденцией до конца мусульманского периода. Дюбуа утверждает, что брахманы были необходимы даже самим мусульманским князьям, которые не могли управлять без их помощи. Магометанские правители обычно делали брахманов своими государственными секретарями, через чьи руки должна была проходить вся государственная корреспонденция. Также брахманы часто занимали должности секретарей и писцов при наместниках провинций и округов.

Англичане мало изменили эту вековую модель. Брахманы занимали самые высокие и выгодные должности в различных административных советах и правительственных учреждениях, а также в судебных инстанциях различных округов. На самом деле нет ни одной отрасли государственного управления, в которой они не сделали себя незаменимыми. Таким образом, должности помощников при сборщиках налогов, писцов, переписчиков, переводчиков,

казначеев, счетоводов и т.д. занимали почти всегда брахманы. Особенно трудно было обходиться без их помощи во всех делах, связанных со счетами, так как они имели замечательный талант к арифметике. Сам Дюбуа видел некоторых людей, которые в течение нескольких минут выполняли до последних долей длинные и сложные расчёты, с которыми лучшим бухгалтерам Европы пришлось бы возиться часами.

В индуистский период Индии и после него многие обученные и квалифицированные жрецы действительно выполняли важные государственные функции. Однако, исключая пурохиту и, возможно, некоторых других, которые временно исполняли обязанности судей, жрецы стали чиновниками, посвящавшими этой работе всё своё время. Как и в других гидравлических цивилизациях, они сохранили свою религиозную особенность, но перестали быть профессиональными жрецами. По всей вероятности, они не составляли большинство всех чиновников из-за уже существовавшей многочисленной правящей касты кшатриев, которые были специалистами в административных и особенно в военных вопросах.

3.Е.2.d. Изменяющееся положение господствующего сословия жрецов в гидравлическом обществе

Эти наблюдения избавят нас от предположения, что на ранней стадии развития гидравлической цивилизацией правили жрецы, а позднее в ней господствовали светские группы, предпочтительно - воины.

Повторим: иерократия, то есть правление жрецов, которые продолжали исполнять жреческие обязанности даже тогда, когда правили страной, случалась редко, а правление обученных жрецов далеко не является общей чертой ранних гидравлических цивилизаций. Теократия была характерна для многих гидравлических цивилизаций, поздних и ранних, но она не обязательно включала в себя жреческое правление.

Правда, на раннем этапе истории Месопотамии и многих (или большинства?) гидравлических областей западного полушария храмы, по-видимому, играли господствующую роль в выборе правителей и чиновников, но это не относится к нескольким крупным гидравлическим центрам Старого Света. В Китае господствующая религия не была представлена значительной массой профессиональных жрецов. В фараонском Египте не было недостатка в сословии профессиональных жрецов, но в Древнем царстве многие важные религиозные функции выполняли правители и некоторые ранжированные чиновники. На раннем этапе развития арийской Индии правительством управляли светские воины (кшатриев). Только позже и постепенно жрецы, прямо или косвенно, стали участвовать в правлении страной.

Нельзя также сказать, что возникавшими позже крупными гидравлическими обществами обычно управляли военные. Как будет объяснено более подробно в последующих главах, военные чиновники и армия действительно могли господствовать над гражданской бюрократией. Но такое развитие никоим образом не ограничивалось более поздними и более сложными гидравлическими обществами. Кроме того, по понятным причинам, это было скорее исключением, чем правилом, так как в агроуправленческом государстве политический организатор ('пишущее перо') стремится быть более могущественным, чем полководец ('меч').

3.F. Три функциональных аспекта, но единая система тотальной власти

Но каковы бы ни были недостатки этого предположения об эволюции правления жрецов в правление воинов, оно имеет то преимущество, что обращает внимание на многочисленные функции гидравлического режима. В отличие от общества феодальной Европы, в котором большинство всех военачальников (феодалных баронов) были всё же слабо и очень условно связаны со своим государем и в котором господствующая религия была независимой от светской власти, армия гидравлического общества была неотъемлемой частью агроуправленческой бюрократии, а господствующая религия была сильно привязана к государству. Именно в этом проявлялась огромная концентрация жизненно важных функций, которая наделяла гидравлическое правительство подлинно деспотической (тотальной) властью.

Глава 4. Деспотическая власть - тотальная и не благожелательная

Деспотический характер гидравлического правительства всерьёз не оспаривается. Термин 'деспотизм Востока', который обычно используется для разновидностей этого явления в Старом Свете, подразумевает исключительно суровую форму абсолютистской власти.

Но те, кто признают жестокость деспотизма Востока, часто настаивают на том, что режимы этого типа были стеснены институциональными и моральными ограничениями, которые делали их терпимыми и порой даже благожелательными. Насколько терпимым и насколько благожелательным был гидравлический деспотизм? Очевидно, этот вопрос может быть решён только путём сравнительного и обоснованного изучения соответствующих фактов.

4.А. Тотальная власть

4.А.1. Отсутствие эффективных конституционных ограничений

Существование конституционных норм не обязательно предполагает существование конституционно ограниченного правительства. Все правительства, которые существуют в течение долгого времени, а также и многие другие, имеют определённые принципы (конституцию). Эти принципы могут быть выражены в письменной форме. При развитых культурных условиях обычно так и делается, и обычно - в некой упорядоченной совокупности, своде законов.

Развитие письменной конституции отнюдь не идентично развитию конституционально ограниченного правительства. Как закон может быть принят правительством (*lex data*, закон, принятый наместником или полководцем) или согласован и правительственной властью, и независимыми неправительственными силами (*lex rogata*, закон, принятый народным собранием), так же может быть принята и согласована и конституция. Термин 'конституции' изначально относился к указам, рескриптам и мандатам, которые носили односторонний характер и самолично издавались римскими императорами.

Даже очень систематизированный свод законов не связывает самодержавных законодателей ограничениями, отличными от тех, которые присущи всем нормам, возлагаемым на самих законодателей. Правитель, который обладает всеми административными, управленческими, судебными, военными и финансовыми полномочиями, может использовать свою власть, издать любой закон, который он и его помощники считают нужным. Рациональность и инертность благоприятствуют увековечению большинства из этих законов, но абсолютистский режим волен изменять свои нормы в любое время, и история гидравлических цивилизаций свидетельствует о периодическом обнародовании новых законов и новых кодексов. К этим случаям относятся 'Свод законов династии Мин' (*huì yào*) имперского Китая, Книги законов ('Дхармашастры') Индии и административные и судебные сочинения византийского и исламского Востока (East).

Будучи введены в одностороннем порядке, конституционные положения также изменяются в одностороннем порядке. В Китае вся законодательная, исполнительная и судебная власть принадлежала императору. В индуистской Индии царь мог на законных основаниях принять или отвергнуть законы, установленные его предшественником. В Византии не было ни одного органа в государстве, который имел право контролировать императора. Или более

конкретно: 'За свои законодательные и административные акты монарх не нёс ответственности ни перед кем, кроме Неба'.

В исламском обществе предполагалось, что халиф, как и все другие верующие, подчиняется Священному Писанию, и обычно он был вполне готов поддерживать его как часть господствующего религиозного порядка. Но он отстаивал свою власть всякий раз, когда считал это желательным для учреждения (административных) светских судов и для управления ими через специальные указы (канун или сияса). И религиозные судьи, кадисы, были готовы поддерживать правительство, которое их назначало и снимало с должностей по собственному усмотрению^a. Таким образом, теоретическое отсутствие законодательной власти изменяло внешний вид, но не суть исламского абсолютизма. Халифат был деспотизмом, при котором неограниченная власть вкладывалась в руки правителя.

В этих и других сопоставимых примерах режим символизирует определённые структурные и операционные принципы, конституцию. Но эти принципы не являются согласованными. Она назначается сверху, и правители гидравлического общества создают, поддерживают и изменяют его не как контролируемые представители общества, а как хозяева общества.

^a Священное Писание, подлинный исламский закон, был со временем ограничен в основном личными вопросами, такими как брак, семья и наследование, в то время как светский закон занимался в первую очередь уголовными делами, налогообложением и земельными проблемами. Так было не только при арабских халифах, но и при турецких султанах. [Назад](#)

4.А.2. Отсутствие эффективных социальных ограничений

4.А.2.а. Нет независимых центров влияния, способных ограничить могущество гидравлического режима

Конечно, отсутствие формальных конституционных ограничений не обязательно подразумевает отсутствие социальных сил, чьи интересы и намерения правительство должно уважать. В большинстве стран постфеодальной Европы абсолютистские режимы были ограничены не столько официальными конституциями, сколько реальной силой дворянства, церкви и городов. В абсолютистской Европе все эти неправительственные силы были политически организованными и чёткими. Таким образом, они сильно

отличались от представителей земельной собственности, религии или городских профессий в гидравлическом обществе.

Некоторые из этих групп были слабо развиты на Востоке, и ни одна из них не оформилась в политические органы, способные ограничить гидравлический режим. Индийский учёный К. В. Рангасвами правильно описывает ситуацию, когда в своём обсуждении индуистского абсолютизма определяет подлинный абсолютизм как форму правления, при которой вся власть *должна* быть передана в руки Правителя, так как нет *никакой другой конкурирующей и независимой власти*, повинующейся народу настолько, настолько он сам повинуется ей, и которая законно противостоит правителю или может призвать его к ответу.

4.А.2.в. Так называемое право восстания

Отсутствие законных средств сопротивления правительству действительно является значимым признаком деспотизма. Когда такие средства не доступны, недовольные и отчаявшиеся люди снова и снова поднимают оружие против своего правительства, и в экстремальных условиях им удаётся свергнуть его полностью. Впоследствии новые правители оправдывают свои действия путём сопоставления достоинств своего дела и недостатков прежнего режима, а историки и философы таким же образом объясняют периодические династические изменения. Именно из событий и идей такого рода было выведено так называемое право восстания.

Термин 'право восстания' является неудачным потому, что в нём смешаны юридический и моральный вопросы. Официальные обсуждения взлёта и падения династической власти представлялись как предупреждения против мятежных действий, а не как руководство к ним, и, конечно, не включались в какие-либо официальные конституционные нормы или законы. Право восстания могло осуществляться только тогда, когда существующие законы были нарушены, и только с риском полного уничтожения тех, кто отстаивал это право.

Следы так называемого права восстания можно найти практически во всех гидравлических обществах. Фольклор индейцев пуэбло с гордостью рассказывает об успешной борьбе с недостойными касиками, и революции в Бали также находят оправдания. Таким же образом народ предупреждал индусских и мусульманских правителей и бросал им вызов. Тот факт, что в Китае право восстания было сформулировано в конфуцианских классических трудах, так же мало влиял на ограничение тотальной власти, как мало влияет на это наличие в СССР трудов Маркса и Ленина, в которых постулируются революционные действия против угнетения.

4.А.2.с. Выборы деспотического правителя - не панацея

Режим не становится менее деспотическим и в случае, когда правитель добивается своего положения путём выборов, а не путём наследования. Передача звания и власти близкому родственнику умершего государя (желательно, старшему сыну) способствует политической стабильности, в то время как выборы способствуют продвижению одарённых лидеров. Первый принцип преобладает среди коренных правителей гидравлических обществ, второй - среди скотоводческих или других народов, которые как завоеватели таких обществ часто утверждают присущие себе формы наследования.

Византийский обычай определения императора посредством выборов восходит к республиканскому Риму. Он удовлетворял условиям ранней империи, которая, будучи в значительной степени контролируемой военными чиновниками, при выборе своих государей чаще отдавала предпочтение армии, а не высшим органам гражданских чиновников. Когда, начиная с эпохи правления Диоклетиана, сенат стал играть более видную роль в избрании императора, политический центр тяжести переместился из военной в гражданскую сферу чиновничьего корпуса^b. Выборы не были наилучшим способом, с помощью которого утверждался новый император, но, окутанные плащом традиции и законности, они оказались безусловно совместимыми с требованиями бюрократического абсолютизма^c. И частые смены верховного лидера не лишали ни его положение, ни бюрократическую иерархию, которую он возглавлял, их деспотического характера.

В древней Мексике и при большинстве основанных завоевателями династий в Китае новый правитель избирался из числа представителей правящей родовой группы. Сама процедура сочетала принцип наследования с принципом ограниченного выбора, и, как в случае Византии, те, кто делали выбор, были высокопоставленными представителями политической иерархии. Эта договорённость увеличивала политические возможности среди элиты аппарата, но не повышала влияние неправительственных сил общества.

Две негидравлические аналогии помогут рассеять неправильное представление о том, что деспотическая власть является демократизированной посредством выборной системы наследования. Режим Чингисхана, который сохранялся благодаря системе ограниченных выборов, остаётся одним из самых ужасающих примеров тотальной власти. И передача руководства от одного члена большевистского Политбюро другому делает Советское правительство временно менее стабильным, но, конечно, не делает его более демократичным.

Моммзен назвал состояние Восточной Римской империи самодержавием, закалённым революцией, которая законно признавалась постоянной. Бьори

переводит громоздкую формулировку Моммзена как самодержавие, закалённое законным правом революции. Оба формулировки являются сомнительными, поскольку подразумевают, что подданным давалось законное право заменить одного императора другим. На самом деле такого права не существовало. Диль признаёт это, говоря о самодержавии, закалённом революцией и убийством, и Бьюри соглашается, что не было никакого официального процесса свержения монарха. Но он добавляет, что члены общества имели возможность свергнуть императора, если правительство их не удовлетворяло, путём провозглашения нового императора.

Это действительно было примером, созданным военными руководителями Восточной Римской империи, и узурпация, соответствующая этому примеру, считалась законной, если она была успешной. То есть восстание становилось легальным задним числом. Бьюри пишет, что, если претендент на трон не имел достаточно сторонников для того, чтобы провозгласить себя императором, и его выступление было подавлено, *он рассматривался как бунтарь*.

Таким образом, в Византии, как и в других государствах гидравлического мира, любой может попытаться узурпировать власть, и выборная природа верховной власти, сочетаясь с временным господством военного руководства, способствует частым попыткам такого рода. Но ни один закон не защищает такие действия, пока они не совершатся. В Византии лица, покушавшиеся на правительство, наказывались с варварской жестокостью. В Китае лиц, пойманных при попытке осуществить своё право восстания, казнили. Во времена правления трёх последних династий их разрезали на куски.

Если вооружённые конфликты, восстания и убийства слабых правителей не сделали деспотизм Востока более демократичным, не принесли ли они населению хотя бы некоторое облегчение от притеснений? Аргумент менее веский, чем может показаться на первый взгляд. Такие отклонения редко уменьшают традиционное административное и судебное давление насколько-либо серьёзно, и склонность утверждать высшее руководство посредством открытого насилия ещё более укрепляет тенденцию к жестокости среди власть имущих. Кроме того, опустошения любой крупной гражданской войны в целом ложатся возросшим экономическим бременем на простой народ. Частое проявление насилия в правящих кругах, далёкое от смягчения деспотизма, имеет тенденцию сделать деспотизм более гнетущим.

^b Византийский сенат был ничем иным, как местом сбора административной аристократии. [Назад](#)

^c Династические формы правления оформились только после того, как Византийское государство потеряло свои гидравлические провинции. [Назад](#)

4.А.2.d. Внутриправительственные влияния: абсолютизм и самодержавие

Но, возможно, есть силы внутри правительства, которые смягчают жестокость агроуправленческого деспотизма? Этот вопрос фокусирует внимание на отношении между абсолютизмом и самодержавием. Абсолютизм и самодержавие не идентичны, но очень похожи. Правительство является абсолютистским тогда, когда его правление не имеет действенного ограничения со стороны неправительственных сил. Правитель абсолютистского режима является самодержцем, когда его решения не имеют действенного ограничения со стороны внутриправительственных сил.

Абсолютистские режимы гидравлического общества обычно^d возглавляются одним человеком, в чьих руках сосредоточена вся власть для принятия важнейших решений. Почему это так? Приводят ли крупные водные сооружения, которые характеризуют основные области гидравлического мира и действительно требуют централизованного управления, к необходимости самодержавного руководства? Ведь контролируемые (демократические или аристократические) правительства также создают и поддерживают огромные государственные предприятия. Они содержат большие дисциплинированные армии и/или флотилии, содержат в течение длительных периодов времени без развития самодержавной модели правления.

Очевидно, рост самодержавной власти зависит от чего-то большего, чем существование крупных государственных предприятий. Во всех типичных гидравлических обществах такие предприятия играют значительную роль, и здесь, как и в предельных институциональных случаях, мы всегда находим дисциплинированные армии, а также почти всегда находим обширные организации коммуникаций и тайных донесений. Но нет никаких технических причин, почему эти различные предприятия не могли бы возглавлять несколько ведущих чиновников. Это действительно так при контролируемых правительствах, чьи главы департаментов тщательно отделены друг от друга и сбалансированы один относительно другого.

Однако в деспотических государствах отсутствует соответствующий механизм внешнего контроля и внутреннего равновесия. И при таких условиях развивается то, что можно назвать *накапливаемой тенденцией неограниченной власти*. Этой тенденции можно было бы противостоять, если бы все главные группы представителей власти были более или менее одинаково могущественными. Ей можно было бы противостоять, если бы начальники общественных работ, армии, службы тайных донесений и ведомства доходов были более или менее одинаково сильны относительно организационной, коммуникационной и принудительной возможностей власти. В таком случае абсолютистский режим мог бы быть возглавлен сбалансированной олигархией, неким 'политбюро', члены которого фактически - и в более или менее равной мере - обладали бы верховной властью. Однако организационная,

коммуникационная и принудительная возможности власти в основных секторах любого правительства редко бывают настолько сбалансированными, если бывают сбалансированными вообще; и в условиях абсолютизма тот, кто занимает самую сильную позицию, приносящую выгоду от накапливаемой тенденции неограниченной власти, стремится к расширению своего влияния посредством альянсов, манёвров и безжалостных интриг до тех пор, пока он один не восторжествует, покорив все другие центры, влияющие на принятие высшего решения.

Точка, в которой рост государственных функций препятствует эффективному внешнему контролю, различна для разных институциональных форм. Но можно с уверенностью сказать, что всякий раз, когда эта критическая точка пройдена, накапливаемое могущество высшей власти приводит в результате к одному самодержавному центру организации и принятия решений.

Ключевое значение этого центра не отрицается тем фактом, что носитель верховной власти может делегировать ведение своих дел высокопоставленному помощнику, визирю, канцлеру или премьер-министру. Это также не отрицается тем фактом, что он и/или его помощник для получения совета и выполнения скорейших действий могут в значительной степени опираться на отдельные группы назначенных на стратегические должности и тщательно проверенных чиновников. Правительственный аппарат в целом не перестаёт быть абсолютистским, потому что фактический центр принятия решений временно, а часто и в завуалированной форме, переходит к лицам или группам, находящимся в государственной иерархии ниже правителя.

Правитель агробюрократического государства может полностью находиться под влиянием своих придворных или управляющих, но такое влияние качественно отличается от институциональных ограничений сбалансированной власти. В долгосрочной перспективе глава контролируемого правительства должен приспособиться к действенным неправительственным силам общества, в то время как глава абсолютистского режима не ограничен подобным образом. Простое своекорыстие призывает любого умного деспота прислушиваться к опытным людям. Советники существовали и существуют в большинстве агроуправленческих цивилизаций, и нередко совещания бывали обычной функцией правительства. Но правитель не был обязан принимать их предложения.

От личности правителя и его помощников - в дополнение к обычаям и обстоятельствам - зависело, был ли у правителя его собственный глава исполнительной власти, делегировал ли он большинство своих должностных обязанностей визирю, следовал ли он сам или его визирь в основном советам официальных и неофициальных советников. Но, несмотря на значительные бюрократические попытки подчинить абсолютистского государя контролю со стороны его чиновничества, правитель всегда мог *править*, если он был полон

решимости сделать это. Великие монархи мира Востока были почти без исключения само-правителями - самодержцами.

^d О некоторых временных исключениях, подобных ранней Индии, см. ниже гл. 8. [Назад](#)

4.А.3. Ни естественное право, ни модели культуры не осуществляют эффективный контроль

Внимательные наблюдатели вообще не оспаривают эти факты. Однако среди них есть немало тех, кто стремятся свести к минимуму значимость этих фактов по отношению к нравам и верованиям, которые рассматриваются как способные ограничить даже самый тиранический режим.

Нравы и верования действительно играют некую роль, и так, если на то пошло, осуществляется естественное право. Однако потенциальные жертвы деспотической власти найдут слабое утешение в этом. Они знают, что поведение их господ, как и их собственное, зависит от естественного права и более или менее твёрдо закреплено культурными условиями. Но они также знают, что всё же их судьба в конечном счёте будет определяться волей тех, кто обладает тотальной властью.

Механизмы администрации и принуждения зависят от понимания человеком естественного права и его способностей использовать это право. Развитие деспотического режима шло одним путём в эпоху неолита, другим путём в эпоху железного века и идёт третьим путём в наше время. Но в каждом случае правящая группа утверждала или утверждает своё тотальное превосходство при тех реальных природных условиях и с помощью тех доступных технологий, которые соответствуют данной эпохе. Жертва грубой формы деспотизма не считает своих преследователей менее могущественными потому, что при более развитых технических возможностях они смогли бы поймать и уничтожить его при помощи других методов или намного быстрее.

Жертва также не сомневается в их абсолютном превосходстве, потому что они действуют в соответствии с распространёнными культурными шаблонами. Такие шаблоны всегда формируют стиль поведения, в соответствии с которым действует правитель (и его подданные), и иногда смягчают или продлевают правительственные процедуры на определённых этапах. Но эти шаблоны не мешают правительству достигнуть в конечном счёте своей цели. Тот факт, что во многих странах лиц, приговорённых к смерти, обычно не казнят в определённые сезоны или в определённые дни, вовсе не означает, что они

смогут избежать своей гибели. И тот факт, что господствующая религия восхваляет акты милосердия, не означает, что она воздерживается от требований применения крайне жестоких мер.

Потенциальная жертва деспотического преследования хорошо знает, что природные и культурные условия, независимо от временной отсрочки, которую они могут обеспечить, не предотвратят его окончательной гибели. Власть деспотического правителя над подданными не является менее тотальной лишь потому, что она ограничена факторами, которые формируют жизнь людей в каждом типе общества.

4.В. Демократия нищих

Власть гидравлического деспотизма является неограниченной (тотальной), но она не действует всюду. Жизнь большинства людей далеко не полностью контролируется государством, и есть много деревень и других совместных поселений, которые также не контролируются полностью.

Что сдерживает деспотическую власть от утверждения своего влияния во всех сферах жизни? Изменяя ключевую формулу классической экономики, мы можем сказать, что представители гидравлического режима действуют (или воздерживаются от действия) в соответствии с *законом убывающей административной отдачи*.

4.В.1. Управленческий вариант закона изменяющейся административной отдачи

Закон убывающей административной отдачи является одним из аспектов того, что можно назвать *законом изменяющейся административной отдачи*. Различные усилия приносят различные результаты не только в экономике, основанной на частном бизнесе^а, но и на правительственных предприятиях. Этот факт оказывает решительное влияние и на политическую экономику, и на диапазон государственного контроля в гидравлическом обществе.

^а Примечательно, что закон убывающей отдачи до сих пор изучался в основном в связи с частной экономикой. [Назад](#)

4.В.1.а. Гидравлическое земледелие: закон возрастающей административной отдачи

В местности, характеризующейся сильной засушливостью, постоянное земледелие становится возможным только тогда, когда с помощью согласованных действий человека обильный и доступный запас воды поступает из исходного местоположения в район с потенциально плодородной почвой. Когда это сделано, руководимое правительством гидравлическое предприятие идентично созиданию земледельческой жизни. Поэтому этот первый и решающий момент может быть обозначен как 'точка административного созидания'.

Имея доступ к достаточному объёму пахотной земли и ирригационных водных ресурсов, общество гидравлических новаторов стремится установить формы общественного контроля, подобные государственным. Теперь экономическое планирование становится односторонним и чётким. Новые проекты осуществляются в более крупном масштабе, и, если необходимо, без уступок простым людям. Мужское население, которое правительство мобилизовало для барщинного труда, может не видеть никаких оснований для дальнейшего расширения гидравлической системы, но руководящая группа, уверенная в дальнейших преимуществах, всё-таки продолжает начатое. Разумно выполненные новые предприятия могут повлечь относительно небольшие дополнительные расходы, но принести ощутимую отдачу. Очевидно, такое ободряющее различие обеспечивает большой стимул для дальнейших действий правительства.

4.В.1.б. Закон сбалансированной административной отдачи

Расширение руководимого государством гидравлического предприятия обычно замедляется, когда административные расходы приближаются к административным преимуществам. Тогда восхождение достигает 'точки насыщения А (Ascent)'. За этой точкой дальнейшее расширение может принести дополнительные выгоды, более или менее пропорциональные дополнительным административным усилиям, но, когда основной потенциал водоснабжения, почвы и местоположения исчерпан, кривая достигает 'точки насыщения D (Descent)'. Зона между точками 'А' и 'D' характеризуется тем, что можно назвать *законом сбалансированной административной отдачи*.

4.В.1.с. Закон убывающей административной отдачи

Расположены ли точки насыщения 'A' и 'D' близко или далеко друг от друга, совпадают ли они, но любой шаг за пределы этой зоны сбалансированной отдачи переносит действия человека в область удручающего несоответствия. В ней такие же и даже возросшие административные усилия обходятся дороже, чем приносимый ими результат. В этих условиях мы наблюдаем, как работает *закон убывающей административной отдачи*. Нисхождение будет полным, когда дополнительный расход вообще не будет приносить дополнительного результата. Тогда мы достигаем точки абсолютного административного крушения.

4.В.1.d. Идеальная кривая и подлинность изменяющейся отдачи

Эта идеальная кривая не описывает развитие какой-либо конкретной руководимой правительством системы водных сооружений в каком-либо конкретном гидравлическом обществе. Она схематически показывает критические точки, через которые проходит любое гидравлическое предприятие, если оно неуклонно движется через все зоны наращивания и сокращения отдачи.

Реальные и идеальные кривые совпадают редко, если совпадают вообще. Геология, метеорология, потамология и исторические условия способствуют бесчисленному числу вариаций. Прогрессивное движение к насыщению и после него может быть прервано более или менее продолжительным движением в противоположном направлении. Но каждый участок кривой отражает подлинную тенденцию, и вся кривая объединяет эти тенденции, чтобы указать все возможные основные этапы создания и крушения гидравлического предприятия.

4.В.1.e. Негидравлические сферы политической экономики

В самой сфере земледельческого производства согласованные и руководимые правительством действия приводят к увеличению административной отдачи только в примитивных и особых условиях. Только в технологически незрелых гидравлических обществах преобладает массовый труд на государственных полях. И даже в таких обществах правительство не пытается возлагать на себя управление полями, которые были отведены для поддержки индивидуальных земледельцев. В технически более передовых условиях точка

административного созидания и точка административного крушения имеют тенденцию совпадать. Ибо гидравлический режим предпочитает полностью воздерживаться от земледельческого производства, которым с точки зрения административной отдачи более разумно заниматься многочисленным малым индивидуальным хозяйствам.

Конечно, политические потребности имеют приоритет над экономическими соображениями. Такими примерами являются крупные агроуправленческие предприятия коммуникаций и обороны, а также некоторые работающие на правительство предприятия (арсеналы, верфи). Однако нежелание гидравлического режима возлагать на себя прямой контроль над отраслями производства конечных продуктов происходит от осознания того, что в этой области государственное управление привело бы к возникновению дефицита, а не прибыли. Поэтому в гидравлических, а также в других аграрных обществах правительство довольствуется тем, что оставляет большую часть всего ремесленного производства отдельным малым изготовителям.

4.В.2. Силовой вариант закона изменяющейся административной отдачи

4.В.2.а. Обязательные усилия и усилия, дающие результат

Легко понять действие закона изменяющейся административной отдачи также в сфере политической власти. Усилия гидравлического режима для поддержания бесспорного военного и полицейского контроля над населением подтверждают свою возрастающую полезность, пока все независимые от него центры принуждения населения не будут уничтожены. Расходы, понесённые на поддержание служб быстрой коммуникации и тайных донесений, имеют аналогичную схему, и расширение финансовой и судебной деятельности представляется разумным, пока оно удовлетворяет желание правителей обладать бесспорной политической и социальной гегемонией.

Некоторые из этих действий являются обязательными, другие - по крайней мере дающими результат. Но все они становятся проблематичными за точкой насыщения D. Удручающее несоответствие между продолжением деятельности и снижением политической выгоды вынуждает правительство неохотно использовать свой чиновничий аппарат гораздо ниже этой точки.

4.В.2.б. Угрожающий уровень затрат на тотальный общественный контроль в полууправленческом обществе

Развитое промышленное аппаратное государство СССР разгромило все независимые общенациональные организации (военные, политические, частные, религиозные), а его тотальная управленческая экономика допускает создание бесчисленных бюрократических оснований для контроля всех второстепенных (местных) профессиональных групп и даже мыслей и поведения индивидов. Гидравлическое аппаратное государство не имеет подобных благоприятных условий. Оно достаточно сильно, чтобы предотвратить рост эффективных первичных организаций, и при этом оно осуществляет такую одностороннюю концентрацию власти, которая отличает его от древних и средневековых аграрных обществ Запада. Но, будучи только полууправленческим, оно имеет недостаток в повсеместных основаниях, которые позволяют представителям аппарата расширить свой тотальный контроль над второстепенными организациями и отдельными субъектами. В СССР такой тотальный контроль был порождён благодаря национализации сельского хозяйства (коллективизации деревень), а это было достигнуто благодаря нивелированию всех неправительственных отношений между людьми. Гидравлическое общество никогда не делало первый шаг, и поэтому никогда не закладывало основу для второго.

Бесспорно, идея повсеместного контроля также привлекала умы элиты гидравлического деспотизма. Инка Гарсиласо де ла Вега, отпрыск исконно царского рода, утверждал, что при правлении инков специальные чиновники ходили от дома к дому, чтобы убедиться, что все были заняты делом. Бездельников наказывали ударами по рукам и ногам, а также подвергали штрафам, предусмотренным законом. 'Чжоу Ли', великая китайская 'Утопия' бюрократического правительства, перечисляет некоторых чиновников, которые в хорошо управляемом государстве должны регулировать жизнь людей в деревне и городе.

Нет причин сомневаться в том, что инки хотели, чтобы их подданные работали столько, сколько возможно, но для любого эффективного инспектирования семейной жизни простых людей потребовалась бы армия чиновников, которая съела бы большую часть государственных доходов, не возместив её компенсирующим увеличением прибыли. Поэтому трудно поверить, что законы, упомянутые Гарсиласо, выходили далеко за рамки общего - и поэтому не слишком дорогостоящего - надзора. То же самое можно сказать и о классической книге китайской бюрократии. Все образованные китайские чиновники изучали 'Чжоу Ли', но, как только оказывались на службе, быстро постигали различие между сладкими грёзами тотального социального контроля и трезвой административной реальностью. Исключая некоторые кратковременные попытки чрезмерного вмешательства, они были довольны тем, что сохраняли жёсткий контроль над стратегически важными сферами общества.

4.В.2.с. Тотальный социальный контроль не является необходимым для сохранения агроуправленческого деспотизма

Сказать, что закон убывающей административной отдачи препятствует попыткам гидравлического государства тотально контролировать людей и второстепенные организации, - это только ещё один способ сказать, что правительство не чувствует фундаментальной потребности поступать именно так. Если бы было иначе, то есть если бы тотальный контроль был необходимым для сохранения деспотического режима, правителям пришлось бы тратить все свои доходы на то, чтобы быть в безопасности. Очевидно, что такая система власти была бы неосуществимой.

Исторический опыт показывает, что в течение длительных периодов мира и порядка гидравлические правители могли защищать себя, не прибегая к чрезмерно дорогостоящим мерам. Это также показывает, что в нормальных условиях они не должны были идти на серьёзные материальные жертвы. За исключением периодов беспорядков, они были надлежащим образом защищены своей широко раскинутой сетью службы тайных донесений и принуждениями, которые успешно блокировали возрастание роли независимых общенациональных первичных организаций и не позволяли недовольным личностям или второстепенным организациям приобретать популярность.

Периодически возникавшие политические кризисы могли быть частично вызваны недовольством таких лиц и организаций. Но серьёзные волнения, независимо от их причин, вскоре принимали военную форму, и с ними боролись с применением открытых военных мер. В соответствии с законом убывающей административной отдачи элита аграрного аппаратного государства имела риск случайных восстаний и делала то, чего её современные промышленные последователи делать не должны: эта элита предоставляла определённую свободу большинству людей и некоторым второстепенным организациям.

4.В.3. Области личной свободы в гидравлическом обществе

4.В.3.а. Ограничения управленческого контроля

Продолжительность государственной барщины определяет период, в течение которого представитель гидравлического общества лишён свободы действий. У

барщины может быть много целей, но она не должна лишать массу трудящихся крестьян того времени, которое необходимо для выполнения их хозяйственных дел. Конечно, даже в деревнях крестьян возможно подчинить политике экономического планирования, но эта политика включает в себя самое большое только некоторые крупные задачи, такие как вспашка, посев, уборка и, возможно, сбор основной части урожая. Часто дальше этих задач дело не идёт, а порой планирование может вообще отсутствовать.

В условиях развитой технологии барщина также имеет тенденцию к изменению и сокращению. Работа на государственных полях может быть заменена налогом, так же может быть компенсирован больший или меньший объём работ несельскохозяйственной барщины.

Но какими бы ни были характер сельских общин и продолжительность государственной трудовой повинности, есть определённые и порой значительные периоды в жизни крестьянина, во время которых он действует по своему усмотрению. Это ещё более верно для неаграрного населения. Ремесленники и торговцы, которые в дифференцированной социальной обстановке занимаются своими делами профессионально и частным образом, могут стать более ценными в качестве налогоплательщиков, чем в качестве барщинных рабочих. Их свобода передвижения увеличится соответственным образом.

Маркс говорит о всеобщем рабстве на Востоке. По его словам, это тип рабства, который является неотъемлемой чертой принадлежности человека к гидравлическому сообществу и государству, существенно отличается от западного рабства и крепостничества^b. Заслуга формулировки Маркса заключается в проблеме, которую она поднимает, а не в ответе, который она даёт. Человек, мобилизуемый для тяжёлого труда в азиатском государстве, является рабом государства, пока он занят этим трудом. Он прекрасно осознаёт отсутствие свободы, к которому приводит это положение, и он также осознаёт удовольствие от работы на себя. По сравнению с тотальным государственным рабством тотально управляемого промышленного общества частичное государственное рабство частично управляемого гидравлического общества делает действительно значительные уступки свободе человека.

^b Маркс предполагал, что с европейской точки зрения в этом повсеместном азиатском рабстве трудящийся представляется одним из естественных условий производства для независимого лица или сообщества, как при рабстве, основанном на праве частной собственности, и крепостничестве, но на самом деле это не тот случай. [Назад](#)

Аналогичная тенденция идти на уступки возникает также в сфере контроля мышления. Чтобы в полной мере оценить, что это означает, мы должны представить огромное усилие, с которым элита гидравлического государства внедряет в общество господствующие идеи. Хорошая согласованность светской и религиозной властей делает лёгким применение этого усилия и к высшим, и к низшим слоям общества. Сыновья господствующей элиты обычно являются образованными представителями господствующей веры, и всё население находится в непрерывном и поддерживаемом правительством контакте с храмами, связанными с государством, и их жрецами.

Обычно образование представляет собой длительный процесс, и его влияние является глубоким. В Индии молодой брахман, который готовил себя к жрецескому служению, должен был изучить одну, две или все три Веды, занимаясь каждой из них в течение двенадцати долгих лет. Представителям военной касты кшатриев и даже представителям следующей, более низкой по значимости касты вайшья также рекомендовали изучать священные книги. В Китае обучение - изучение канонических (классических) сочинений - считалось основным предварительным условием для административной службы уже во времена Конфуция. Повышение систематизации привело к закреплению детально разработанной ступенчатой системы экзаменов, что стимулировало постоянную идеологическую бдительность представителей правящего класса: и у всей энергичной и амбициозной молодёжи, и у многих людей среднего возраста, и даже у пожилых.

Но те же самые социальные силы, которые привели к систематическому сохранению господствующих идей, также поддерживали различные второстепенные религии. Многие простые гидравлические цивилизации мирились с независимыми гадалками и колдунами, чья мелкомасштабная, как у ремесленников, деятельность скромно дополняла согласованное воздействие главного племенного или национального вероисповедания. При более сложных условиях идеологическое расхождение имело тенденцию к нарастанию. Часто подданный гидравлического государства мог придерживаться второстепенной религии, не подвергая опасности свою жизнь. Небрахманские вероучения, такие как джайнизм или буддизм, известны в Индии с первого тысячелетия до нашей эры. Буддизм сохранялся в традиционном Китае, несмотря на временные гонения, в течение почти двух тысяч лет. И исламский Ближний Восток, Индия и Центральная Азия также отличались веротерпимостью.

В идеологической, как и в управленческой сфере политика аграрного аппаратного государства поразительно отличалась от политики современных промышленных аппаратных государств, которые, симулируя уважение к традиционной (национальной) культуре и религии, распространяют марксистско-ленинское учение с открыто признанной целью уничтожить в конечном итоге все другие идеологии. Опять же, разница между их

политическими линиями происходит не из-за какой-либо врожденной толерантности части агробюрократических правителей, чья настойчивость в отношении исключительного положения господствующей религии была всегда бескомпромиссна и часто безжалостна. Но закон убывающей административной отдачи налагает непомерную цену на попытку сохранить тотальный идеологический контроль в дифференцированном полууправленческом обществе. И здесь, как и в эксплуатационной области, опыт показывает, что абсолютистский режим может сохраняться, не делая слишком дорогостоящих усилий.

4.В.4. Социальные группы обладают различными степенями автономии

Опыт показывает большее. Он гарантирует гидравлическим правителям, что по тем же причинам они могут позволить некоторую автономию не только отдельным своим подданным, но также некоторым второстепенным группам. Для неортодоксальных вероисповеданий известно, что их приверженцам обычно разрешалось создавать общины, которые поддерживали либо индивидуальных священников, либо более или менее обширное духовенство. Со времён возникновения письменной истории ремесленники и торговцы гидравлических цивилизаций создавали профессиональные организации (гильдии). Ещё более древними являются сельские общины, которые, вероятно, существовали с тех же пор, что и сами гидравлические цивилизации. Родовые группы институционально старше сельского хозяйства, и, подобно деревенским общинам, они присутствуют везде в гидравлическом мире.

Эти типы сообществ значительно отличаются по своему распространению, составу, качеству и целям. Но у них есть одна общая черта. Деспотический режим мирится со всеми ними. Вопреки многочисленным мерам надзора, они не подвергаются тотальному контролю.

4.В.4.а. Меньше независимости, чем часто предполагается

Романтические наблюдатели принимают отсутствие такого контроля за доказательство существования подлинных демократических институтов в нижних эшелонах гидравлического общества. В таком виде это утверждение не может быть принято. Повсюду в гидравлическом мире правительственное влияние и семейное влияние были взаимосвязаны, и меры политического контроля влияли на большинство деревень, гильдий и второстепенных религиозных организаций.

Для большинства этих сдерживающих тенденций можно найти параллели в других аграрных обществах. (Свободные гильдии феодальной Европы были столь же исключительными, сколь и существенными.) Однако это не является проблемой в данном случае. То, что нас интересует, это были ли второстепенные организации гидравлического общества подлинно автономными, отличаясь от тех, которые возникли в результате соответствующего развития в других деспотических государствах, а также от тех, которые возникли в результате сдерживающих процессов в других аграрных цивилизациях. Ответ на этот вопрос: 'Нет'.

4.В.4.а.і. Семья

Семья в традиционном Китае часто рассматривается как социальный институт, который дал китайскому обществу его своеобразный характер и прочность. Этот тезис является верным в той мере, в какой подчёркивает значение семьи как основной составляющей общества, но вводит в заблуждение в той мере, в какой позволяет предположить, что семья определяла особенность и влияние институциональных условий, частью которых она была.

Влияние главы семьи (*pater familias*) в Китае было гораздо сильнее, чем требовалось для внутрисемейного руководства^c, и своим необыкновенным могуществом он был обязан главным образом поддержке деспотического государства. Неповиновение его приказам каралось правительством. С другой стороны, местные чиновники могли его избить и посадить в тюрьму, если он был не в состоянии удержать членов своей семьи от нарушения закона. Выступая в роли литургического (полуофициального) полицейского своей родни, он едва ли мог считаться автономным лидером автономной группы.

В Вавилонии глава семьи, который мог послать свою жену, сына или дочь на службу к постороннему человеку на несколько лет, также был обязан своей властью правительству, которое поддерживало его в принятии такого решения. Нёс ли он юридическую ответственность за поведение членов семьи, не ясно.

Влияние главы семьи (*patria potestas*) в Древнем Египте сравнивали с аналогичным влиянием главы семьи в Древнем Риме. Сильно военизированное общество республиканского Рима действительно поощряло развитие весьма авторитарных семейных отношений, но вероятно, что глава семьи в Древнем Египте имел ещё большую власть, чем глава семьи в Древнем Риме^d.

В исламском мире уважение к родителям предписывается Священным Писанием, о степени действенности отцовской власти, особенно в сёлах, можно судить по тому, что в таких странах, как Сирия, глава семьи обычно являлся господином своей семьи до своей смерти.

Книги законов Индии наделяют главу семьи почти королевской властью над членами его родовой группы. Несмотря на некоторые ограничения, его влияние над женой и детей выглядит чрезвычайно сильным^e.

Очевидно, власть главы семьи заметно отличалась в различных гидравлических цивилизациях. Но почти везде правительства склонялись к тому, чтобы поднять эту власть на более высокий уровень, чем тот, который предполагала руководящая деятельность главы в семье.

^c О неправительственных корнях патриархального влияния в китайской семье см. [Виттфогель]. [Назад](#)

^d Утверждение доктора Таубеншлага, что право главы семьи в Древнем Египте продавать своего ребенка имел и глава семьи в Древнем Риме, документально подтверждается только для IV века до нашей эры. [Назад](#)

^e В начале XIX века Дюбуа находил влияние брахманов огромным, в то время как влияние главы семьи было слабым. Автор жил в Индии с 1792 по 1823 годы. Предполагая, что он описал явление правильно, мы не можем объяснить это. Была ли, по крайней мере частичной, причиной этого беспорядочность того времени? [Назад](#)

4.В.4.а.ii. Деревня

Обычно деревни гидравлических цивилизаций находятся под юрисдикцией старост, которые либо назначаются правительством, либо избираются своими односельчанами. Назначение на эту должность чаще встречается в регулируемых сельских общинах плотных гидравлических цивилизаций, в то время как разрешение свободного выбора более соответствует менее плотным гидравлическим обществам. В Перу инков местные чиновники вплоть до самого низшего служащего - главы десяти семей - назначались на должности. Также в Мексике до её завоевания конкистадорами деревенская земля была общественно регулируемой. Но аграрная экономика Мексики была намного менее бюрократизированной, чем экономика империи Инков. Главы мексиканских местных административных единиц, кальпулли, избирались на должность.

Однако эта взаимосвязь не преобладает в целом, возможно, потому что назначение является лишь одним из нескольких способов управления местным служащим. Почти повсюду гидравлические правительства утверждают старосту ответственным за обязанности его односельчан. Именно таким образом он находится в состоянии зависимости от государства. Где община содержит

землю и выплачивает налоги, староста деревни, вероятно, обладает значительной властью. С помощью писца и одного или нескольких людей, выполняющих функции полицейских, он может стать чем-то вроде местного деспота.

Надписи, относящиеся к начальному периоду истории Ближнего Востока, показывают, что региональные чиновники принимали активное участие в пахоте и сборе доходов, но мы не можем получить ясную картину того, каким образом деревенские служащие входили в административное ядро. Как и в других сферах жизни, персы и их эллинские и римские преемники смогли как следует сохранить ранние модели деревенских отношений. В Древнем Египте под властью Птолемеев и Рима главный деревенский чиновник, писарь, с помощью старейшин выполнял возложенные на него правительством задачи. Эти люди, независимо от того, были они назначены или избраны как старейшины, все напрямую зависели от центрального правительства, все повиновались стратегу округа.

Данные о находившейся под властью Рима Сирии предполагают значительное участие населения в сельских делах, в то время как египетские деревенские чиновники, вероятно, действовали в очень авторитарной манере. Но это расхождение не должно заставить нас игнорировать основные схожие черты, которые повсюду в древности на Ближнем Востоке имели деревенская жизнь и правительственная зависимость. В эпоху эллинизма, как и ранее, 'царские' крестьяне были прикреплены к земле, которую они обрабатывали. Поэтому можно с уверенностью заключить, что и до римских завоеваний, и в период римского владычества крестьяне Сирии и Малой Азии не управляли своими деревнями автономно.

В Египте как при арабах, так и под властью Византии деревенское управление находилось в руках старосты и старейшин. При арабах староста, кандидатура которого могла быть предложена крестьянами и утверждена правительством, скорее всего, занимался распределением и собирал налоги. Он назначал барщинных работников и осуществлял полицейские и судебные функции.

В арабских провинциях Ближнего Востока при турках староста деревни (шейх, sheikh) помогал официальным и полуофициальным представителям правительства при распределении налогов. Он поддерживал порядок среди феллахов, которые возделывали земли под его руководством, а главный сейх (seyh) выступал должностным лицом и арбитром, имея власть не только над земледельцами, но и над всеми жителями. Управляя своими крестьянами по своему усмотрению и находясь в свою очередь под столь же суровым контролем государственной бюрократии, он, конечно, не был представителем свободной сельской общины.

Вероятно, в Индии деревенский староста изначально избрался, но со времён последней Книги законов, то есть с конца первого тысячелетия до нашей эры, документально подтверждается то, что его назначали на эту должность. Как

представитель царя в деревнях, который собирал налоги для него и который также исполнял полицейские и судебные обязанности, староста занимал положение в иерархии власти, не отличавшееся от того, которым обладал староста на Ближнем Востоке. Мусульманское владычество принципиально не изменило это административно удобное устройство, которое на самом деле сохранилось в большинстве индийских деревень до наших дней.

В Китае управление регулируемой деревней более двух тысяч лет назад свелось к модели, основанной на праве собственности. Обязанности деревенских чиновников соответственно сократились, но не исчезли совсем. В конце имперского периода наиболее значительные деревни имели по крайней мере двоих служащих: старосту (chuang chang) и местного блюстителя порядка (ti fang или ti rao). Староста, которого обычно выбирали жители деревни, исполнял руководящие функции, а блюститель порядка, которого обычно назначало правительство^f, исполнял карательные функции деревенского правительства. Они сотрудничали при выполнении своих официальных задач: при сборе налогов и заготовке материалов для государственных сооружений, при организации барщинных работ и руководстве ими (правительственными перевозками, работами на берегах рек, патрулированием императорских дорог и другими), а также при написании тайных отчётов.

Вся эта деятельность связывала старосту с центральным правительством, хотя он не был частью его бюрократического аппарата^g. Деревенским жителям было трудно подать против него жалобу, даже если их дело было выигрышным, потому что он монополизировал связь с судом округа. Блюститель порядка находился под контролем чиновников округа. Они могли избивать его до потери сознания за пренебрежение его долгом в качестве местного агента службы тайных донесений.

Деревни имперского Китая контролировались менее строго, чем деревни Перу до его завоевания конкистадорами, Индии и большинства цивилизаций Ближнего Востока, но даже в них не было самоуправления. Их основные служащие, которые либо назначались, либо утверждались правительством, были неизбежно связаны с действующей системой, которая больше служила интересам правительства, а не интересам жителей.

^f Согласно Смиту, кандидаты на эту должность не были ни формально избираемыми, ни формально низлагаемыми. Вместо этого им случалось попадать в свои родные места, как результат того, что Смит называет видом естественного отбора.

Вероятно, будет точнее говорить о неформальном выборе, основанном на соглашении между всеми главами семей, имевших положение в обществе. Доктор Хсяо, который почти завершил своё всестороннее исследование 'Сельский Китай, имперское управление в XIX веке', приписывает

определённую степень неформального местного влияния деревенскому руководству, особенно богатым семьям или дворянству. Но он считает невозможным предоставить количественные данные о доле назначенных правительством деревенских старост (pao-chang, chia-chang, и т.д.; и позже chuang-chang, ti-pao, ti-fang и т.д.). Он добавляет: 'Служебная схема требовала универсального социального института таких старост, где бы ни существовали деревенские общины'. [Назад](#)

§ Обычно деревня платила ему жалование. Кроме того, имелись обычные материальные преимущества, свойственные обращению с государственными деньгами. [Назад](#)

4.В.4.а.iii. Гильдии

Профессиональные корпорации ремесленников и торговцев в гидравлических цивилизациях находились в таких же условиях. Назначение руководящего чиновника тоже было важным, но это был тоже только один из нескольких способов, которым деспотическое государство обеспечивало своё неограниченное превосходство и слабость разрешённой организации.

Предположительно, в эллинистическом Египте следовали древнему обычаю в том, что лица, работавшие на государство в таких отраслях, как промышленность, транспорт, горное дело, строительство, охота и т.д., объединялись в профессиональные группы, которые были *организованы и находились под тщательным наблюдением* экономической и финансовой администрации царя.

В поздний период Римской империи и в Византии правительство бдительно регулировало деятельность гильдий^h. До III века члены гильдий избирали своих старост, но потом правительство приняло окончательное решение о номинированных гильдиями старостах, которые после утверждения находились под наблюдением и дисциплинарным контролем государства.

В Османской империи чиновники осматривали рынки и контролировали цены, вес товаров и средства измеренияⁱ, таким образом выполняя функции, за которые в городах средневековой Европы, находившихся под управлением бюргеров, обычно несли ответственность городские власти. Кроме того, государство, которое в большинстве стран феодальной Европы почти не собирало регулярные налоги с городских центров, где была хорошо развита политическая власть гильдий, в Турции могло облагать налогом гильдии и, как и везде на Востоке, держать на службе в качестве своих финансовых посредников старост этих корпораций, которые распределяли налоговые квоты среди членов гильдий и несли личную ответственность за их уплату.

В индуистской Индии сеттхи, глава купеческой гильдии, был получиновником, тесно связанным с финансовой администрацией правителя. Купцы олицетворяли значительные богатства, и их корпорации, вероятно, пользовались большим уважением, чем корпорации ремесленников. Но это не делало купеческие гильдии значительной политической сущностью.

Как уже было сказано, индийские гильдии получили известность в начальный период буддизма. Однако, согласившись с этим замечанием, мы должны быть осторожны, чтобы не преувеличить их политическое значение. Согласно Фику, корпорации владельцев мануфактур (во всяком случае, некоторые из них) несомненно попадают под категорию презируемых каст; и доктор К. А. Ф. Рис-Дэвидс настаивала, что в документах, начиная с периода раннего буддизма, пока что не обнаружено ни одного случая, указывающего на какую-либо корпоративную организацию, по существу подобную гильдии или союзу Ганзы. Относящаяся к III или IV веку легенда, которая должна была показать, что городом Тханыⁱ правила сильная купеческая гильдия, фактически описывает неудачную попытку группы купцов бороться с конкурентом посредством монополизации рынка^k.

В Китае существование гильдий достоверно задокументировано только начиная со второй половины первого тысячелетия нашей эры. При правлении династий Тан и Сун главы гильдий могли нести ответственность за неподобающее профессиональное поведение членов гильдий, например, за нарушения денежных обязательств, кражи и другие преступления. И во многих случаях членство в гильдии было обязательным. Гильдии в качестве организационной единицы также должны были оказывать специальные услуги государству. В последующие века правительство, похоже, в основном предоставило менее значимые ремесленные и торговые гильдии самим себе^l, но корпорации таких важных коммерческих групп, как продавцы соли^m, и ряд кантонских фирм, занимавшихся внешней торговлейⁿ, строго контролировались.

^h О главах гильдий как сборщиках налогов в византийском и арабском Египете см. [Грохман]. Об обстоятельствах в начале арабского владычества см. [Грохман] и [Крам]. [Назад](#)

ⁱ В частности, это делали представители кади. [Назад](#)

^j Пуна, к югу от современного Бомбея. [Назад](#)

^k Ошибочный тезис Хопкинса был принят Максом Вебером в качестве аргумента, подчёркивавшего временное политическое возвышение индусских гильдий. [Назад](#)

^l В моём анализе, проведённом в 1931 году, упущены из виду контролируемые государством гильдии важных торговых отраслей, таких как продажа соли. [Назад](#)

^m Главы гильдий собирали налог с мелких торговцев. [Назад](#)

ⁿ Старосты назначались правительством. [Назад](#)

4.В.4.а.ив. Второстепенные религии

Мы обладаем особенно богатой информацией о второстепенных религиях в исламском обществе и традиционном Китае. Мусульманские правители терпели христианство, иудаизм и зороастризм^o. Но последователи этих вероисповеданий должны были мириться с более низким политическим и социальным статусом и были лишены возможности распространять свои идеи. Законы запрещали переход из христианства в иудаизм или наоборот, и наказания за отступничество от ислама были суровыми. Христианам не разрешалось звучно бить в свои деревянные доски^p, громко петь в своих церквях, устраивать собрания в присутствии мусульман, показывать своё 'идолопоклонство', зазывать в церкви или воздвигать кресты на своих церквях. Не удивительно, что религиозные меньшинства, которые во время турецкого владычества были разделены на организации, называемые 'миллетами', прозябали, а не процветали. Глава миллета избирался миллетом^q, но утверждался султаном, находясь же на службе, он наделялся исполнительной властью, достаточной только для того, чтобы иметь возможность собирать налоги, налагаемые на его общину государством.

В традиционном Китае буддизм был самой важной второстепенной религией. Он достиг своего наилучшего положения при проникших в Китай и завоевавших Китай династиях варваров, которые правили старыми северными центрами китайской культуры в течение среднего периода первого тысячелетия нашей эры. Суровые гонения 845 года положили начало политике, которая в течение долгого времени снижала статус буддизма до тщательно ограниченной второстепенной религии.

Специально назначенные чиновники наблюдали за буддизмом и другими сомнительными вероисповеданиями. Правительство ограничило возведение монастырей и храмов, давало разрешение на количество священников и монахов, запретило определённые религиозные мероприятия, которые в других странах не ограничивались, и установило, что буддийское и даосское духовенство не должно ни заниматься чтением сутр на рыночных площадях, ни ходить с чашами для милостыни, ни объяснять, что такое плоды спасения, ни собирать деньги. Завершая своё классическое исследование того, что другие приветствовали как элементы религиозной свободы, Де Гроот спрашивает: 'Что хорошего в этой свободе, когда государство разработало свою систему аттестации духовенства в таких строгих рамках и сделало приём последователей мужчин чрезвычайно трудным, а женщин практически невозможным, так что

число тех, кто могли воспользоваться такой свободой, сократилось до ужасно малого процента населения? Это превращало такую хваленую свободу в фарс'.

° Первоначально к зороастрийцам относились терпимо, позже с ними стали обращаться более жестоко. [Назад](#)

° Эти доски использовались как колокола. [Назад](#)

° Или его духовенством? [Назад](#)

4.В.4.в. Подлинные элементы свободы всё же присутствуют

Таким образом, гидравлическое государство ограничивает практически все второстепенные группы и организации, но не включает их полностью в свою систему власти.

Семья традиционного Китая, глава которой занимал особенно почётное место на законных основаниях, не испытывала политического и полицейского давления, целью которого было бы настроить одного члена семьи против другого, как это имеет место в современных аппаратных государствах. В Китае и Индии правительство разрешало группе родственников решать свои внутренние дела в соответствии с их собственными семейными законами. В других гидравлических цивилизациях семьи пользовались менее формальной, но столь же эффективной квазиавтономией.

Правительственный контроль над деревнями, хотя и очень специфический, вполне определённо является ограниченным. Даже там, где деревенские чиновники обладают большой властью, крестьяне, которые живут рядом с ними, имеют много возможностей повлиять на их мнение о ежедневных делах общины. И как только требования правительства удовлетворены, староста и его помощники обычно решают дела своей деревни при незначительном вмешательстве свыше или вообще без него.

Некоторые возможности самоуправления, возможно, существовали в деревнях Сирии во времена Римской империи и в египетских деревнях во времена Римской империи и Византии. Главы деревень Османской империи, как и главы деревень других цивилизаций Востока, действовали с большой независимостью, поскольку это затрагивало внутренние дела деревенской общины.

Староста индийской деревни мог успешно выполнять свои функции, только делая попытки умиротворить жителей деревни. Он не мог быть гордым,

нетерпимым и надменным, как брахманы, вместо этого ему следовало быть вежливым и покладистым с равными себе, приветливым и снисходительным со своими подчинёнными. Полноценные попечительские организации скорее всего были ограничены небольшим меньшинством сельских поселений, где преобладали группы землевладельцев, в первую очередь брахманов. А неформальный сбор (панчаят) деревенских старейшин или всех жителей, вероятно, был повсеместной практикой, и его заседания, очевидно, ослабляли влияние старосты. Так как деревни, исключая официальные требования, оставались в большей или меньшей степени под надзором старост и их помощников, они действительно были сельскими 'островами', пользовавшимися частичной автономией.

В деревне традиционного Китая местные чиновники по-прежнему были сильно связаны с не служившими односельчанами, которые, особенно когда они принадлежали к богатым семьям или дворянству, могли иметь большое влияние в местных делах. Критика со стороны односельчан, принадлежавших к оппозиционной группе, могла вынудить старосту и его сторонников уйти в отставку. Под таким давлением группа людей, находившихся у власти в течение длительного времени, могла уйти со своих мест, оставляя их тем, кто выступил с критикой.

Такое поведение не включает в себе формальную демократическую модель, но имеет демократический 'привкус'. Конечно, существовали различные виды официальных запросов, всегда имелся блюститель порядка, часто имелся сборщик налогов, оба назначенные правительством и оба эффективно представлявшие интересы бюрократического аппарата. Но на этом внешний контроль обычно заканчивался. Правительство не накладывало практических ограничений на право свободного собрания людей для рассмотрения их собственных дел. Жители любой деревни могли, если желали, встречаться ежедневно. Правительственный цензор при этом не присутствовал, и не было никаких ограничений на свободу обсуждения. Люди могли говорить то, что им нравилось, и местные должностные лица не знали того, что говорилось, и не заботились об этом.

Во многих гидравлических цивилизациях правительство также мало интересовалось внутренними делами гильдий. В Книгах законов Индии царю советовалось признавать уставы (законы) гильдий. И подобные уставы существовали повсюду. Гильдии в Турции были зависимы от доминировавшего влияния светской и духовной власти, представленной наместниками, блюстителями порядка и кадисами, а старосты гильдий несли ответственность перед правительством за выполнение его финансовых задач. Однако во всём остальном и в пределах, установленных религией, традицией и обычаями, корпорации были относительно свободными и автономными. Поэтому Гибб и Боуэн относят их к категории *почтисамоуправляемых* групп.

Формула Гибба и Боуэна справедлива и для второстепенных религий. Несмотря на все внешние ограничения, сторонники этих религий обладали некоторой религиозной свободой. В традиционном Китае священникам второстепенных религий, стремившимся к собственному спасению и спасению остальных людей, не запрещалось проповедовать, читать сутры и выполнять обряды за закрытыми дверями. А под властью ислама каждая немусульманская община вела свои дела под управлением ответственного руководителя, раввина, епископа и т.д. Пока их богослужения не причиняли беспокойства 'истинным верующим' и пока их организации не представляли никакой угрозы для безопасности, правительство обычно разрешало религиозным меньшинствам жить внутри своих общин более или менее автономной жизнью.

4.В.5. Вывод

4.В.5.а. Политически несущественные формы свободы

Это действительно скромные формы свободы! Они встречаются в различных комбинациях в некоторых сферах жизни. И теперь нам следует понять, почему они обязательно встречаются и почему они так ограничены.

Конечно, гидравлическое общество не защищено от мятежных выступлений, но родовые организации даже в их расширенных формах не являются политической угрозой для нормально функционирующего агробюрократического деспотизма. Не представляют серьезной угрозы и деревни. Относительно широкая автономия деревни в традиционном Китае в случае восстания могла быть моментально ликвидирована, все прекрасно понимали это. Второстепенные религиозные группы могли представлять опасность во времена крупных волнений. Вероятно, поэтому правительство имперского Китая никогда не ослабляло контроль над разрешёнными вероисповеданиями и было готово подавлять деятельность определённых сект. Мятежный потенциал, присущий гильдиям, возможно, никогда полностью не устранялся, но гидравлическое правительство было способно парализовать его без истощения своих доходов.

Грюнебаум находит поразительным для наблюдения то, как на самом деле мало мусульманское государство было стеснено в своих действиях 'мёртвым грузом' этих полуиностранных организаций внутри своей структуры. В том же ключе комментируют политический эффект гильдий в гидравлических цивилизациях и другие исследователи. Византийскому государству на раннем этапе не было необходимости ликвидировать ещё существовавшие римские гильдии, так как они вообще не были политически опасными и не могли оказывать никакого

давления на правительство и администрацию, как это делали, например, немецкие гильдии в Средние века. Массиньон, больше других своих коллег считающий мусульманские гильдии по меньшей мере временным политическим фактором, всё же сознаёт, что они никогда не достигали политического влияния, сравнимого с влиянием средневековых европейских гильдий. Гибб и Боуэн рассматривают власть средневековых гильдий в Европе настолько шире по сравнению с властью исламских корпораций, что сомневаются в пригодности самого термина 'гильдия' по отношению к последним. Приравнение к гильдиям средневекового Запада гильдий Индии или Китая было отклонено по тем же причинам.

Бесспорно, между этими двумя типами корпораций было много сходства, порождённого особенностями и потребностями требующих организованности профессий, но сильно различные социальные условия, в которых они функционировали, придали им сильно различные политические и социальные качества. Представители гильдий позднего европейского Средневековья часто становились элитой своих городов и таким образом могли играть активную роль в борьбе за власть в те времена. Представителям гильдий гидравлического мира была разрешена определённая автономия не потому, что с политической точки зрения они были настолько сильными, а потому, что были настолько несущественными.

4.В.5.в. Демократия нищих

В современных тоталитарных государствах заключённым концентрационных и трудовых лагерей разрешается на время собираться группами и говорить по желанию, и нередко некоторым из них доверяется незначительная надзирательская работа. С точки зрения закона убывающей административной отдачи такие 'формы свободы' окупаются хорошо. При сохранении персонала они ни в коей мере не угрожают власти коменданта и его охранников.

Деревни, гильдии и второстепенные религиозные организации агроуправленческого общества не были лагерями террора. Но, подобно им, они пользовались определёнными политически несущественными формами свободы. Эти формы свободы, бывшие в некоторых случаях были значительными, не приводили к полной автономии. В лучшем случае они упрочивали разновидность демократии нищих.

4.С. Гидравлический деспотизм - благожелательный деспотизм?

4.С.1. Тотальная власть - для пользы народа?

Гидравлическое государство не сдерживается демократией нищих. Оно также не сдерживается любым другим эффективным конституционным, социальным или культурным противовесом. Ясно, что это государство - деспотическое. Но не приносит ли оно в то же время пользу людям?

4.С.2. Утверждения и реальность

4.С.2.а. Не следует смешивать практическую необходимость с благожелательностью

Гидравлическое государство является управленческим государством, и некоторые из его видов деятельности действительно приносят пользу людям. Но так как правители зависят от этих видов деятельности для своего собственного существования и процветания, их политику вряд ли можно считать благожелательной. Пират не поступает благожелательно, когда держит 'на плаву' свой корабль или кормит рабов, которых он планирует продать. Способный предугадывать своё будущее, а также свои нынешние преимущества, он рационален, но не благожелателен. Его поведение может временно принести пользу лицам, находящимся в его власти, но это не является его основной целью. Имея выбор, он будет способствовать своим собственным интересам, а не интересам других.

4.С.2.в. Коэффициент рациональности гидравлического общества

В сфере тотальной власти представители гидравлических режимов поступают аналогичным образом. Их поведение может до некоторой степени идти на пользу лицам, находящимся в их власти, и дальновидные советники и государственные деятели могут сделать акцент на важности удовлетворения потребностей народа^a, но, взятые в качестве одной из социальных групп, они рассматривают потребности своих подчинённых в свете собственных нужд и преимуществ. Для этого они должны: (1) сохранять процветающую аграрную экономику; (2) не увеличивать барщинные работы и налоги до уровня, на

котором удручённые крестьяне перестанут производить продукцию; (3) не позволять внутренним и внешним раздорам подрывать жизнь населения.

С третьей задачей - поддержание мира и порядка - сталкиваются правительства всех обществ. Первая и вторая задачи отличают гидравлическую цивилизацию от других аграрных цивилизаций. Дальнейшее существование аграрного деспотизма зависит от удовлетворительного выполнения этих трёх функций. Они представляют собой то, что можно назвать минимумом рациональности режима.

Общества завоевателей, чьи правители воспитывались на негидравлических традициях, часто развиваются на самом низком уровне гидравлической рациональности или вблизи него. И эндогенная (взращённая гидравлическим режимом) элита часто опускается до этого уровня во времена распада и дезинтеграции. Уверенное движение с более высоким коэффициентом рациональности происходит, в частности, на более ранних фазах эндогенного правления, но оно также может возникать в более поздние периоды роста или консолидации.

Фаза формирования общества завоевателей во многом определяется способностью завоевателей отождествлять себя с их новой институциональной средой. Монголы были совершенно чужды традициям и нравам тех гидравлических цивилизаций, которые они захватили. Считается, что сын Чингисхана Угэдэй планировал преобразовать возделанные поля Китая в пастбища и воздержался от этого только потому, что Елюй Чуцай убедительно объяснил ему исключительный налоговый потенциал аграрного строя. Но хотя монголы поддерживали гидравлическую экономику своего нового государства, они оставались равнодушными к его особым потребностям. Практически всюду их общество находилось близко к минимуму рациональности гидравлического общества.

Магомет, который жил в засушливой Аравии, конечно, понимал важность ирригации для успешного повышения урожайности, хотя в своих официальных высказываниях он редко обращался к этой проблеме, и то главным образом говорил о маломасштабной (колодезной) ирригации. Его последователи сохраняли, восстанавливали и даже создавали мощные гидравлические хозяйства в Сирии, Египте, Ираке, Северо-Западной Африке, Испании, а также ненадолго в Сицилии. Маньчжуры были знакомы с ирригационным земледелием прежде, чем двинулись на юг и пересекли Великую стену, чтобы завоевать Китай. В этом отношении они не отличались от инков, которые практиковали ирригацию в высокогорье Анд, прежде чем создали свою гидравлическую империю. Вероятно, их общество находилось близко к максимуму рациональности, когда было завоёвано испанцами.

^a Относительно Индии см. ['Бхагавадгита'] и ['Ману-смрити']. Относительно Китая см. высказывания Конфуция и ещё более важные высказывания Мэн-цзы. [Назад](#)

4.С.2.с. Чей коэффициент рациональности?

Но независимо от того, является ли функционирование гидравлического общества непродуманным или искусно спланированным, утверждение о благожелательности гидравлического деспотизма заставляет нас спросить: кому выгодно? Очевидно, практические задачи могут быть проработаны таким образом, чтобы удовлетворить интересы правителей за счёт неправительственных сил общества. Или же они могут быть проработаны таким образом, чтобы удовлетворить потребности народа и дать незначительные преимущества правительству или не дать ему никаких преимуществ. Промежуточные решения являются компромиссами между двумя крайностями.

Как правило, эти три альтернативы всерьёз рассматриваются только в том случае, если фактические обстоятельства позволяют сделать реальный выбор. В управленческой, потребительской и судебных сферах гидравлической жизни это действительно так. Но во всех этих сферах мы находим, что интересы людей приносятся в жертву наиболее оптимальным условиям рациональности правителей.

4.С.3. Господствуют оптимальные условия рациональности правителей

4.С.3.а. Необходимость и выбор в политике гидравлического режима

В удельных царствах Древнего Китая, как и в других гидравлических цивилизациях, философы обсуждали альтернативы альтруистического, сбалансированного и резко эгоистического правления перед представителями абсолютистской власти. Конфуций отметил, что Юй, легендарный основатель протоисторической династии Ся, ел грубую пищу, одевался бедно, жил в скромном доме и сосредоточил свои усилия на ирригационных каналах. Эта великая культурная личность, которого Конфуций считал безупречным, сочетал минимум личного спроса с максимумом общественного самопожертвования.

В более поздний период ранней истории Китая цари жили очень комфортно, но считается, что лучшие из них искали баланс между собственными интересами и интересами своих подданных. Философ Мэн-цзы, обсуждавший этот вопрос, не оспаривал привилегию правителей строить высокие здания, парки и пруды за счёт барщинного труда, но считал, что людям должно разрешить пользоваться плодами этого труда вместе со своим царём.

Таким образом, философы Древнего Китая допускали, что в рамках государственных нужд существуют подлинные альтернативы для действий. Однако вся без исключения элита аграрных аппаратных государств удовлетворяла строительные, организационные и накопительные нужды своего царства с максимальным акцентом на своей собственной выгоде и с минимальным акцентом на потребностях своих подданных.

4.С.3.в. Оптимальные управленческие условия правителей

В своей ранней фазе гидравлический режим становится сильнее и богаче с ростом своей гидравлической экономики. Но с определённого момента правительство может получать дополнительный доход за счёт усиления своей накопительной, а не производительной деятельности. Именно в этот момент различные комбинации видов власти могут привести к различным оптимальным управленческим условиям.

Оптимальные управленческие условия правителей сохраняются всякий раз, когда правительство получает максимальный доход с минимальным гидравлическим усилением. Оптимальные управленческие условия народа сохраняются всякий раз, когда максимум гидравлических достижений осуществляется с минимальными административными расходами. Промежуточные стадии предусматривают сбор большого, но не максимального дохода, значительная часть которого используется для производства крупных, но не максимальных по своему объёму гидравлических работ.

Реакция правителей на эти альтернативы ясно показывает влияние тотальной власти на тех, кто ей обладает. Вне зоны стимулирующего отклонения они обычно покровительствуют только тем гидравлическим предприятиям, которые улучшают их собственное благополучие, и являются наиболее изобретательными в разработке новых методов финансовой эксплуатации. Короче говоря, они стремятся к оптимальным управленческим условиям правителей, а не народа.

4.С.3.с. Оптимальные потребительские условия правителей

Три основные альтернативы также можно различить и в сфере потребления. Оптимальные потребительские условия правителей сохраняются всякий раз, когда элита гидравлического государства присваивает себе максимум товаров, которые она может потреблять с максимальной видимостью ('великолепием'). Оптимальные потребительские условия народа сохраняются всякий раз, когда неправительственные члены общества получают максимум товаров, которые они могут потреблять настолько заметно, насколько им нравится. Промежуточные стадии в некоторой степени благоприятствуют представителям правительства, однако без серьезного ограничения качества или видимости народного потребления.

Опять же реакция на эти альтернативы показывает влияние тотальной власти на тех, кто ей обладает. Пресловутое великолепие деспотизма Востока, также как пресловутые страдания его подданных, имеет свои корни в политике, направленной в сторону оптимальных потребительских условий правителей, а не народа.

Эти оптимальные условия имеют экономический и правовой аспекты. Концентрируя национальный профицит в своих руках, правители ограничивают количество товаров, физически доступных для неправительственных потребителей. Юридически запрещая всеобщее использование престижных вещей, они оставляют за собой право показного потребления. В простых гидравлических цивилизациях обе цели могут быть достигнуты без особых затруднений. Повышение социальной дифференциации усложняет дело, но не исключает ситуацию, когда для всех практических целей реализуются оптимальные потребительские условия правителей.

В империи Инков простые люди ели плохо и почти не имели возможности сильно пить. Их правители ели очень хорошо и превосходно напивались. Кроме того, разрыв между двумя социальными группами усиливался законами, которое закрепляли за правителями право использования золота, серебра, драгоценных камней, цветных перьев и шерсти викуны. Простым людям были разрешены некоторые скромные украшения, но даже их можно было носить только в особых случаях.

Мероприятия такого рода наиболее легко осуществляются, когда подавляющее большинство простых людей являются крестьянами, живущими в контролируемых правительством и более или менее эгалитарных деревнях. Появление большого числа предприятий, опирающихся на частную собственность, приводит к росту небюрократических форм богатства, движимого и недвижимого, и такое развитие неизбежно влияет на систему потребления.

Но даже в таких условиях основная часть городского и сельского населения продолжает жить плохо, а небольшой слой небюрократических собственников

видит постоянную угрозу своему состоянию со стороны налогообложения и конфискации (и со стороны неизбежного разделения имущества на части благодаря законам наследования). Но где крупный бизнес, опирающийся на частную собственность, становится существенным, частное богатство не может быть истреблено, поэтому невозможно препятствовать его обладателям пользоваться по крайней мере некоторой его частью.

Таким образом, законы, которые закрепляли право ношения определённых типов одежды или других привлекающих внимание вещей за правящим классом, стали важнейшим средством для того, чтобы служители государственной машины и священники господствующей религии могли выделиться над массой простых людей. В традиционном Китае чиновников и их не служивших родственников различали по их домам, мебели, одежде и транспортным средствам. Индийские Книги законов очень точно предписывали, какую одежду, пояса, жезлы и т.д. использовали брахманы, кшатрии и вайшьи. На Ближнем Востоке особые бюрократические свойства одежды задокументированы для фараонского Египта, Ассирии, Византии, Арабского халифата, Мамлюкского султаната и Османской империи.

Рассуждая теоретически, в рамках этих правил простые люди могли наслаждаться своим богатством. Но они всегда прятали своё самое драгоценное имущество, и часто их страх перед конфискацией был настолько велик, что они избегали любого выставления ценностей напоказ. Масштабное преследование купцов во времена ранней империи Хань было спровоцировано вульгарной демонстрацией богатыми дельцами своего богатства. При правительстве, которое не делает никаких усилий, чтобы приблизиться к максимуму рациональности, потенциальные жертвы конфискации могут действовать с особой осторожностью. Французский врач Бернье, который с 1655 по 1658 годы жил на Ближнем Востоке, а потом провёл почти десять лет в могольской Индии, был поражён атмосферой разочарования, в которой действовали предприниматели Азии. Коммерческая инициатива находила мало поддержки, потому что жадные тираны обладали властью и были наделены склонностью лишать любого человека плодов его усердия. И когда богатство приобреталось, как и должно иногда случаться, его обладатель, столь далёкий от жизни с большим комфортом и надежд на атмосферу независимости, обдумывал способы, с помощью которых он мог казаться неимущим: его одежда, жильё и мебель по-прежнему были убогими, и он прежде всего был осторожен в том, чтобы никогда не предаваться пиршеству.

Наблюдения Бернье нельзя игнорировать. При более дальновидных правителях богатые купцы Азии жили роскошно, пока своим поведением не накликавали беду. Бернье говорит нам, что даже в Индии при Аурангзебе незначительная группа находившихся под защитой правительства богачей не пыталась показать поддельную бедность, а пользовалась удобствами и вела роскошную жизнь.

Но такие исключения не опровергают основную тенденцию. В гидравлических цивилизациях богатые незнатные люди не могли защитить частную собственность, как это делали бюргеры позднего Средневековья; они не смели заниматься потреблением напоказ, которое практиковали средневековые дельцы, несмотря на многие законы, регулирующие потребление предметов роскоши, которым они тоже должны были подчиняться. Чрезмерная демонстрация богатства представителями государства с одной стороны и преобладание натуральной и притворной бедности с другой стороны впечатляюще показывают эффект влияния тотальной власти на оптимальные потребительские условия гидравлического общества.

4.С.3.d. Оптимальные судебные условия правителей

Таким же образом односторонние решения характеризуют и судебную область. Как указывалось выше, ни одно общество невозможно без стандартизированных норм, и лишь немногие передовые аграрные цивилизации не имели письменных кодифицированных законов. Таким образом, есть особая необходимость и смысл в том, чтобы отделить законы гидравлического деспотизма от законов государств, контролируемых плюралистическими средствами.

Оптимальные судебные условия правителей сохраняются всякий раз, когда представители правительства оказывают максимальное влияние на формулирование и применение законов своей страны. Оптимальные судебные условия народа сохраняются всякий раз, когда влияние неправительственных элементов общества имеет решающее значение. В демократических содружествах сведущий в конституции гражданин может участвовать в формулировании законов. Он может выполнять функции судьи, как это делалось в демократических Афинах, или как непрофессиональный присяжный действовать заодно с профессионально подготовленными, но выбранными судьями. В обоих случаях за применение закона ответственны неправительственные силы общества, а не деспотическое государство. Промежуточные варианты характеризуются повышенной, но не абсолютной государственной властью и пропорционально уменьшающимся массовым контролем над законодательной и судебной властью.

Очевидно, что первый тип судебных оптимальных условий преобладает в гидравлическом обществе. И столь же очевидно, что в судебной сфере, как и в остальных, элита гидравлического государства стремится к максимальному результату (внутреннему порядку) с минимальными правительственными усилиями и затратами. Они достигают этого, не уступая важные судебные функции квазинезависимым второстепенным центрам власти, как поступали государи феодальной Европы^b, но либо позволяя политически несущественным социальным группам заниматься некоторыми их (групп) правовыми делами,

либо позволяя судьям заниматься юридическими вопросами вместе с их другими обязанностями, либо имея настолько мало штатных судей, насколько это возможно там, где наличие профессиональных судей является нормой.

Такие условия исключают развитие практики независимых присяжных. Они препятствуют разработке судебных процедур. И они оставляют мало возможностей для функционирования независимых профессиональных юристов. При таких ограничениях судьи гидравлического общества разрешают судебные дела, большинство из которых возникают из-за столкновений имущественных интересов, а в странах с сильно коммерциализированной городской жизнью эта область деятельности в самом деле может стать очень важной.

Однако даже при наилучшем рациональном варианте законы таких стран отображают принципиально несбалансированную социальную ситуацию. Даже если они защищают одного простого человека от другого, они не защищают простых людей - как личностей или как социальную группу - от абсолютистского государства. Вскоре после того, как Бернье прокомментировал это явление, Джон Локк сделал то же самое, и его ссылки на Османскую империю, Цейлон и царскую Россию показывают его осведомлённость в том, что тиранический вариант судебной процедуры, который английское самодержавие не развило в полной мере, беспрепятственно процветал при деспотизме Востока.

Локк утверждает, что наличие законов при деспотическом режиме ничего не доказывает в отношении их справедливости: '... если спросить, какая безопасность, какая защита есть в подобном государстве против насилия и угнетения со стороны абсолютного правителя, сам вопрос уже вряд ли является допустимым. Они готовы ответить вам, что за самую просьбу о безопасности полагается смерть. Между подданным и подданным, согласятся они, должны существовать правила, законы и судьи ради их взаимного мира и безопасности. Но во всём, что касается правителя, он должен быть абсолютным, и он выше всех подобных обстоятельств; поскольку он обладает властью причинять больший ущерб и творить больше зла, то, когда он это делает, это справедливо. Если спросить, как можно защититься от вреда или ущерба с той стороны, откуда творит их эта самая сильная десница, то это сочтут голосом крамолы и мятежа. Как будто бы люди, оставив естественное состояние, вступив в общество, согласились, что все, кроме одного, должны сдерживаться законами, но этот единственный должен по-прежнему сохранять всю свободу естественного состояния, усиленную властью и превратившуюся в распущенность из-за безнаказанности. Это всё равно что думать, будто люди настолько глупы, что стараются избежать вреда от хорьков или лис, но довольны и даже считают себя в безопасности, когда их пожирают львы'.

^b Владельцы должностных земель и сборщики налогов, которые иногда действовали как судьи, либо полностью, либо частично были интегрированы в бюрократический аппарат. См. ниже, гл. 8. [Назад](#)

4.С.4. 'Абсолютная власть абсолютно развращает'

Это горькое обвинительное заключение. Высказав мнение, противоположное мнениям современных апологетов тоталитарных законов и конституций, Локк отказался выразить какое-либо доверие потенциальной доброжелательности самодержца: 'Тому, кто думает, что абсолютная власть очищает людскую кровь и исправляет низость человеческой природы, нужно изучить историю нашей или любой другой эпохи, чтобы убедиться в обратном'. Хорошо известна утвердительная интерпретация лордом Актоном тезиса Локка: 'Власть склонна развращать, а абсолютная власть абсолютно развращает'.

Признание этой идеи не обязательно включает в себя признание пессимистических взглядов Локка на низость человеческой природы. Человек действует, исходя из многих мотивов, которые при разных обстоятельствах воздействуют с различной силой. И эгоцентризм, и социцентризм ищут выражения, и от культурного наследия и всеобщих условий зависит, будет преобладать первый или второй. Правительственный или собственнический строй, приводя к появлению абсолютной власти, поощряет обладателей этой власти и позволяет им абсолютно удовлетворить свои собственные интересы. Именно по этой причине аграрный деспотизм, как и промышленный деспотизм, абсолютно развращает тех, кто пригрелся под солнцем тотальной власти.

4.С.5. Оптимальные условия гласности правителей

Развращающее влияние в дальнейшем усиливается односторонним манипулированием общественным мнением. Общественное мнение может формироваться различными способами, и здесь, как и везде, интересы правителей и народа резко расходятся. Это становится ясно, как только очерчены основные альтернативы.

Оптимальные условия гласности правителей сохраняются всякий раз, когда реальные или предполагаемые достижения правительства дают максимальный уровень некритической гласности, в то время как переживания, страдания и взгляды народа получают минимальный уровень внимания. Оптимальные условия гласности народа сочетают в себе полное представление о достижениях

и недостатках правительства. Промежуточные стадии благоприятствуют правительству в том, чтобы не утаивать от неправительственных сил общества констатацию их собственного положения.

Независимая популярная критика отличается по качеству и намерениям от многочисленных и непрерывных критических замечаний, которые делают ведущие представители чиновничества. Бюрократическая критика является жизненно важной для должного функционирования комплексной администрации, но она звучит либо за закрытыми дверями, либо в публикациях, доступных только ограниченному числу образованных людей, которые обычно являются членами правящей группы. В обоих случаях проблемы народа рассматриваются главным образом с позиции более или менее рационально понимаемого правительственного интереса^c.

Обладая тотальной властью, элита гидравлического государства может легко сохранять оптимальные условия гласности правителей. При социально недифференцированных условиях голос правительства (часто - государя) заглушает всю критику, исключая те случаи, когда она может появляться в таких несущественных формах, как народные сказки и песни. Более дифференцированные социальные условия обеспечивают дополнительные способы проявления критики во второстепенных религиях и философских доктринах, в популярных рассказах, романах и пьесах. Но даже эти средства остаются значительно слабыми. В отличие от независимых писателей, которые при западном абсолютизме оспаривали не только чрезмерные проявления, но и основы деспотического строя, критики гидравлического общества почти в каждом случае жалуются только на проступки отдельных чиновников или на вред конкретных государственных актов^d. Не считая мистиков, которые учат тотальному уходу от мира, эти критики в конечном счёте стремятся к регенерации системы тотальной власти, в чьей принципиальной желательности они не сомневаются.

^c В современных тотальных управленческих обществах направляемая государством народная критика используется для того, чтобы дополнить и драматизировать критику правительством проблемных факторов, в частности, в средних и низших эшелонах бюрократии. Критика такого рода поощрялась во многих гидравлических обществах. Письма Сталину отличаются по форме, но не по существу от писем и жалоб, в прошлом обращённых к деспотам Востока. [Назад](#)

^d Часто правительственные чиновники обличают других неумелых чиновников или вредные административные процедуры более резко, чем это делают лица, которые не являются представителями режима. [Назад](#)

4.С.6. Двоякая функция мифа о благожелательности

4.С.6.а. Он подчёркивает долгосрочный интерес деспотического режима

Преимущества мифа о благожелательности для деспотизма, который этот миф прославляет, двояки. Представляя правителя и его помощников как тех, кто жаждет достижения оптимальных условий рациональности народа, эти преимущества позволяют официальным делегатам обучать и дисциплинировать представителей их собственной социальной группы. Тот наделённый властью чиновник, чьи результаты работы находятся ниже минимума рациональности правителей, ставит под угрозу безопасность правительственного аппарата, в то время как тот, чьи результаты работы находятся выше этого уровня, улучшает стабильность режима. Он использует свой фруктовый сад так, как следует умному садовнику. Кроме того, правитель и его люди не должны ослаблять свои позиции из-за грубой управленческой небрежности, чрезмерного налогообложения или провокационной несправедливости. Миф о бескорыстном (благожелательном) деспотизме драматизирует эти чаяния, которые, сознательно или бессознательно, гарантируются всеми вдумчивыми представителями правящего класса.

4.С.6.в. Он ослабляет потенциальную оппозицию

Ещё более важным, чем влияние мифа о благожелательности на носителей власти, является его влияние на неправительственные силы общества. Миф допускает, что отдельные государи и чиновники могут быть недостойными, но изображает деспотический строй как принципиально хорошую, а по сути - как единственно разумную и достойную систему правления.

Таким образом, озлобленный подданный, который постоянно подвергается такой пропаганде, не может основательно стремиться к созданию нового и менее деспотичного строя. Он и другие, кто чувствуют то же, что и он, могут уйти в горы. Они могут убить некоторых местных чиновников. Они могут победить вооружённый правительственный отряд. Они могут даже свергнуть шаткую династию. Но в конце концов они только возродят и омолодят агроуправленческий деспотизм, чьих неумелых представителей они устранили. Герои известного китайского романа о бандитах 'Речные заводи' не могли думать ни о чём лучшем, как установление на их повстанческом острове миниатюрной версии той самой бюрократической иерархии, с которой они так яростно боролись.

4.С.6.с. Наличие хороших государей и справедливых чиновников не способно нарушить господствующую тенденцию

Если бы человек был исключительно эгоцентричным, результат всего этого был бы на самом деле очень простым. И очень печальным. Но человек также является социоцентричным. И эта сторона его характера также находит выражение в гидравлическом обществе. Конечно, в условиях аграрного деспотизма трудно быть хорошим государем или справедливым чиновником. Но это не является невозможным. Повсюду в гидравлическом мире серьёзно настроенные правители добросовестно заботились о своём управленческом и судебном долге, и честные чиновники стремились предотвратить финансовые и судебные притеснения. Смелые должностные лица настаивали на том, что считали правильной политикой, хотя, поступая так, шли наперекор желаниям могущественного начальства, а иногда даже самого государя.

Но те, кто следуют таким курсом, сталкиваются с интересами обширной правящей группы, потакающей своим желаниям и ведущей интриги, и история показывает, что только горстка необыкновенно настроенных в интересах общества лиц (нравственно 'одержимых') была к этому расположена. Кроме того, даже это трогательно мизерная группа 'хороших' людей не была полностью в курсе того, к каким отклонениям от оптимальных условий правителей приводили их рекомендации. Чиновник-дворянин Конфуция, идеальный правитель 'Бхагавадгиты' и 'справедливый' государственный деятель древнеримского или исламского Ближнего Востока - все старались быть порядочными в рамках общества, которое как должное воспринимало модели деспотической власти, доходов и престижа.

4.С.7. Гидравлический деспотизм: благожелательный по форме, жестокий по содержанию

Итак, агроуправленческие деспоты могут представлять свои режимы как благожелательные, хотя фактически даже при самых благоприятных обстоятельствах они стремятся к их собственным оптимальным условиям рациональности, а не оптимальным условиям рациональности народа. Они планируют свои гидравлические предприятия согласно тому, что приносит пользу их могуществу и богатству. И они выписывают свои собственные квитанции как финансовые хозяева излишка национальной продукции и как выдающиеся потребители.

Сталин заявляет, что в современном промышленном аппаратном государстве культура национальных меньшинства является национальной по форме и социалистической по содержанию. Опыт показывает, что реальные действия 'социалиста' (читай: аппаратчика, apparatchik) быстро искореняют все национальные элементы, кроме самых незначительных. Аналогичный механизм действует в аграрном аппаратном государстве. Перефразируя формулу Сталина и заменяя миф реальностью, мы можем с уверенностью сказать, что гидравлический деспотизм является благожелательным по форме и жестоким по содержанию.

Глава 5. Тотальный террор - тотальное повиновение - тотальное одиночество

5.А. Независимый человек при тотальной власти

Человек не муравей. Его попытки бежать от свободы показывают ему двойственность того, к чему он стремится и от чего отказывается. Желание действовать независимо является неотъемлемым и весьма сложным признаком 'человека разумного'. Не все его составляющие оказываются социально значимыми, но среди них самой ценной движущей силой человека является стремление подчиняться своей совести вопреки всем внешним неудобствам.

Что происходит с присущим человеку желанием независимости в условиях тотальной власти? Один из типов тотальной власти, гидравлический деспотизм, не терпит существенных политических сил помимо себя. В этом отношении он добивается успеха на институциональном уровне, потому что блокирует развитие таких сил, и на психологическом уровне, потому что лишает человека присущего ему желания независимой политической деятельности. В конечном счёте гидравлическое правление является правлением посредством запугивания.

5.В. Необходимость террора для сохранения оптимальных условий рациональности правителей

5.В.1. Потребность

Человек не муравей. Но и не камень. Политика, поддерживающая оптимальные условия гласности правителей, сбивает народ с толку, но не устраняет чувства разочарования и несчастья. Став необузданными, эти чувства могут привести к мятежным действиям. Чтобы противостоять этой опасной тенденции, гидравлический режим прибегает к запугиванию. Террор является неизбежным следствием решения правителей поддерживать их собственные оптимальные условия рациональности, а не оптимальные условия рациональности народа.

5.В.2. Официальное признание террора: 'Наказание - это царь!'

Многие сторонники гидравлического деспотизма подчёркивают необходимость правления с помощью наказания. Такая политика может быть оправдана тем аргументом, что невинных людей мало. Конфуций же предпочитал образование наказанию, кроме того, он также верил, что достаточно сотни лет хорошего правления, чтобы преобразилось всё самое худшее и можно было обходиться без смертной казни.

Таким образом, с различными доводами наказание рассматривается в качестве важнейшего инструмента успешного управления государством. Индуистская 'Ману-смрити' определяет наводящее ужас наказание как основу внутреннего мира и порядка. Наказание, которое, конечно, обязано быть справедливым, заставляет каждого вести себя должным образом. Без него кастовые барьеры были бы нарушены, а все люди стали бы врагами друг другу. 'Где наказание с чёрным ликом и красными глазами бродит неподалёку', подданные живут в мире. *'Порядок всюду держится на наказании'*.

С помощью наказания правитель защищает слабых от сильных, жертв от зверского насилия, имущество от (неправительственных) врагов и социальное превосходство от нападков снизу. 'Если бы царь не наказывал без устали тех, кто достоин наказания, сильные жарили бы слабых, как рыбу на вертеле, ворона съела бы жертвенный пирог, собака облизала бы жертвенные яства, собственность стала бы ничьей, низшие узурпировали бы места высших'. Таким образом, 'только наказание сдерживает всё сущее, только наказание защищает всех, наказание следит за всеми, пока они спят'. В самом деле, 'наказание - это царь'.

Правители древней Месопотамии претендовали на то, что получили свою власть от великого Энлиля. Этот устрашающий бог символизировал власть силы, принуждения. Противостоявшие ему силы подавлялись и принуждались к повиновению. Хотя предполагалось, что он использует своё беспощадное могущество разумно, человек не мог быть полностью спокойным относительно Энлиля, но испытывал тайный страх. Вот почему желание государей отождествить себя с Энлилем или с божествами, происходившими от него, было

очень сильным. Обычно шумерские цари открыто отождествляли себя с Энлилем. Вавилоняне сохранили основную идею, но видоизменили её. Хаммурапи представлял себя принявшим титул от Энлиля и избрал сына Энлиля Сина своим божественным отцом. В обоих случаях правители Месопотамии подчёркивали вселявшую ужас особенность своего положения.

Присущий деспотизму фараонов террор символизирует ядовитая змея урея, которая лежала, свернувшись кольцами, на лбу правителя и угрожала уничтожением его врагам. Действия государя также сравнивались с действиями наводившей ужас львицеголовой богини Сехмет^а.

Китайское искусство управления государством научилось выражать свою потребность в устрашающем наказании в рациональной и поучительной форме конфуцианства. Но наказание было основным оружием так называемых легистов и такого находившегося под влиянием легистов конфуцианца, как Сюнь-цзы. И оно оставалось краеугольным камнем официальной политики на протяжении имперского периода. То, что мы назвали бы министерством юстиции, было известно в традиционном Китае как министерство наказаний.

Исламский правитель заботился о том, чтобы его уважали и боялись. Сказки 'Тысячи и одной ночи', в которых Гарун аль-Рашид обычно изображается в сопровождении своего палача, представляют в вымышленном виде историческую правду. Палач был обычным лицом при дворе Аббасидов.

^а По одной из версий, Сехмет возникла как подавительница заговора. Когда верховный бог Ра осознал то, что было задумано против него людьми, он вызвал некую силу, чтобы сокрушить злых заговорщиков. Тогда Сехмет появилась на свет. Она быстро одержала победу над людьми и, желая напиться человеческой крови или того, что посчитала человеческой кровью, напилась, и её сердцу стало хорошо. [Назад](#)

5.В.3. Морфология насилия

Несомненно, все правительства, достойные того, чтобы так именоваться, имеют способы навязывания своей воли своим подданным, и применение насилия всегда является одним из них. Но различные общества развивают различные модели интеграции (или фрагментации) насилия и управления (или отсутствия управления) им.

5.В.3.а. Сравнение интегрированных и фрагментированных моделей насилия

В Древней Греции свободные люди обычно носили оружие, потому что, согласно Фукидиду, их дома были незащищёнными. Другими словами, правительство не монополизировало применение силы. С ростом общественной безопасности этот старинный обычай исчез в большинстве городов-государств, но гражданам, которые считались потенциальными воинами, по-прежнему было разрешено держать орудия насилия в своих домах. Иллюстративное свидетельство, изображающее начало кампании, показывает, что обыкновенно женщина приносила оружие из дома уходящему в поход мужчине.

В средневековой Европе полунезависимые крупные феодалы с самого начала представляли важные второстепенные центры военных действий, и со временем многие города развили свои собственные вооруженные силы. Эти феодальные и городские средоточия политической и военной жизни были свободны в использовании насилия и внутри своих юрисдикций, и друг против друга. Вассал, который предстал перед своим сувереном с мечом сбоку, выражал поразительно фрагментированную и сбалансированную модель насилия, которая характеризовала феодальное общество.

Концентрация законного применения силы в руках государства происходит не только в условиях тотальной власти. Современное конституционное правительство всё больше и больше ограничивает частное насилие. Но оно отличается от аграрных и промышленных аппаратных государств в том, что степень, характер и применимость принуждения (армия и полиция) определяются неправительственными силами общества. Опыт Древней Греции классического периода и современного Запада показывает, что страна может сплотить мощные армии без потери своими гражданами контроля над ними.

5.В.3.б. Сравнение управляемого и неуправляемого насилия

Армейская дисциплина требует беспрекословного подчинения, и главнокомандующий хорошо слаженной армии - каковой феодальное воинство не было - наделён абсолютной властью в пределах своей юрисдикции. Однако в демократической стране он остаётся ответственным перед гражданами, которые контролируют правительство. Комментарии генерала Эйзенхауэра по поводу советского метода атаки через минные поля показывают институциональную альтернативу. В основанном на фактах заявлении маршал Жуков дал объяснения американскому генералу: 'Когда мы подходим к минному полю, наша пехота атакует точно так, как если бы его не было. Потери личного состава, которые мы получаем от мин, мы просто рассматриваем

тождественными потерям, которые мы получили бы от пулемётов и артиллерии, если бы немцы решили защищать этот участок сильными войсками вместо минных полей'. Эйзенхауэр сухо добавляет: 'У меня имелось яркое представление о том, что произошло бы с любым американским или британским командующим, если бы он следовал подобной тактике, и у меня имелось ещё более яркое представление о том, что люди в любой из наших дивизий сказали бы в случае, если бы мы попытались сделать такую практику частью нашей тактической доктрины'.

Советский способ экономит боевую технику и время, что соответствует оптимальным тактическим условиям правителей. Очевидно, что эти оптимальные условия могут быть реализованы только тогда, когда организованным насилием обладает элита неконтролируемого государства. Социальная особенность организованного насилия, как и других правительственных функций, меняется с той общей обстановкой, в которой оно развивается.

5.С. Террор гидравлического деспотизма

Подданные аграрного аппаратного государства имеют мало возможностей обсуждать проблему неконтролируемого насилия. Им может быть разрешено владение мелким и простым оружием, особенно в деревнях, которое должно отпугивать бандитов. Но организованное и военное использование насилия в высшей степени сосредоточено в руках абсолютистских правителей, которые обычно дают аудиенции только безоружным. В гидравлическом обществе монстр 'с чёрным ликом и красными глазами' является не сторожевым псом на привязи у людей, а свободно шатающимся тигром.

5.С.1. Физический аспект террора

Подобно тигру, инженер власти должен иметь физические средства, с помощью которых он сможет подавлять свои жертвы. И занимающийся агроуправлением деспот действительно обладает такими средствами. Он осуществляет беспрепятственный контроль над армией, службой охраны порядка, службой тайных донесений и имеет в своём распоряжении тюремщиков, палачей и все орудия, которые необходимы, чтобы поймать, обезвредить и уничтожить подозреваемого.

5.С.2. Психологический аспект террора

5.С.2.а. Непредсказуемость

Более того, он может использовать эти средства с максимальным психологическим эффектом. Везде особы, владеющие огромной правительственной или имущественной властью, любят окутывать покровом тайны определённые свои деяния; но мероприятия деспотического правительства являются загадочными из-за самой природы режима. Ответственные только перед собой, представители аппарата стремятся придерживаться секретности даже в незначительных вопросах и возводят мистификацию в ранг искусства, когда хотят запугать и удивить. Непредсказуемость является важным оружием абсолютного террора.

5.С.2.б. Ленин: '... власть, не ограниченная никакими законами'

Ленин определил диктатуру пролетариата, которую он официально считал сердцем советского режима, как 'власть, не ограниченную никакими законами'. Как и другие высказывания Ленина, эта формула сочетает в себе впечатляющую полуправду с важными хитростями. Во-первых, русские рабочие никогда не контролировали советскую диктатуру, и есть достаточно доказательств того, что Ленин знал об этом. Во-вторых, ни один режим, даже диктаторский, не действует без каких-либо нормативных актов или законов, и это тоже было хорошо известно Ленину. Прежде чем было сделано только что процитированное заявление, его диктаторское правительство уже издало много революционных постановлений и декретов. Право деспота интерпретировать, изменять и отменять ранее установленные законы является основополагающим конституционным и правовым принципом абсолютистской власти. Определение Ленина с жестокой откровенностью подчёркивает неограниченную власть диктатора в том, чтобы использовать законы по собственному желанию. В сфере террора он может пойти так далеко, что станет трудно отличить незаконный террор от законного террора.

5.С.2.с. Незаконный террор и законный террор

Вождь или правитель не обязательно отменяет законы своего гидравлического сообщества, когда совершает сам или даёт приказы совершить акты устрашающей жестокости.

В небольших гидравлических племенах самодержавная жестокость не является проблемой, потому что вождь, будучи близок к своим соплеменникам, не в состоянии использовать власть сверх своих руководящих функций и вне их. Так обстоят дела у племени сук и их гидравлических соседей, а также повсюду у американских индейцев пуэбло.

В более крупных гидравлических племенах вождь может стремиться поддерживать своё зарождающееся самодержавие, применяя показательный террор. Например, вождь племени чагга может совершать всевозможные жестокости против своих подданных. Утверждают, что Ндесерно вырывал сердца из тел своих жертв, пока те были ещё живы, и жарил их для своих детей. Вождь, который решался на такие крайности, испытывал серьёзные опасения, но, по словам Гутмана, такие жестокости в отношении отдельных лиц не вредили его престижу. Напротив, страх, который они внушали, укреплял стабильность режима.

Вероятно, показательный террор, которым руководили правители Гавайских островов в древности, хорошо служил той же цели, и так называемые каннибальские тексты Древнего царства намекают на подобную ситуацию в доисторическом Египте. Один из этих текстов, найденный в пирамиде, повествует о том, как мёртвый правитель убивает и расчленяет людей, чтобы приготовить из них пищу, люди пребывают в преисподней для удовлетворения его гурманских удовольствий; другой текст повествует о нём же, принимающем жён от мужей, когда он того хочет и согласно желаниям его сердца^a.

В более дифференцированных гидравлических цивилизациях существует меньшая необходимость укреплять возвышенное положение правителя показательными актами самодержавной жестокости. Хотя такие акты не исчезают полностью, в настоящее время они иницируются в основном чрезмерно жестокими (и/или ненадёжными) государями и главами династий, чьи действия находятся ниже максимума рациональности правителей. Годфруа-Демонбин описывал нерационально террористическую особенность халифата Аббасидов следующим образом: 'Импровизированные казни и показ отрубленных голов являются частью обычной практики двора Аббасидов. Со времён царствования аль-Мансура человек, которого срочно вызывают во дворец от имени охраны халифа, понимает, что имеет хорошие шансы не вернуться живым. Он составляет завещание, прощается с семьёй и несёт под мышкой свой саван'^b.

В этих и других случаях террористическое поведение правителя находилось скорее выше закона, чем противоречило ему. С другой стороны, чиновники, которые прибегали к крайней жестокости, часто выходили за рамки даже самого широко допустимого толкования закона. Порой их привлекали к

ответственности. Но многие 'беззаконные' бюрократические террористы были подвергнуты критике только после своей смерти.

Чрезмерность самодержавного и бюрократического террора является крайним проявлением человеческого поведения при тотальной власти. Однако с институциональной точки зрения эта чрезмерность, вероятно, важна менее, чем бесчисленные акты террора, которые совершались как рутинные дела в гибких рамках деспотического закона. Именно эта рутинность террора в управленческих, финансовых и судебных процедурах заставила некоторых наблюдателей назвать правление гидравлического деспотизма 'правлением посредством порки'.

^a Вероятно, вожди племени чагга требовали подобным же образом всех девушек и женщин в своих владениях. [Назад](#)

^b Друг одного халифа из династии Аббасидов, который являлся ко двору каждую пятницу, была охвачен сильным страхом, когда его вызвали в другой день. Был ли он оклеветан? Был ли он объявлен в розыск? Его тоска и страх усиливались до тех пор, пока он не обнаружил к своему огромному облегчению, что государь хотел лишь разделить с ним час праздности и удовольствий. [Назад](#)

5.С.3. 'Правление посредством порки'

5.С.3.а. Террор в управленческих процедурах

Считается, что 'язык кнута' регулярно применялся на государственной барщине Древнего Шумера. При власти фараонов каждый правительственный управляющий мог прибегнуть к телесным наказаниям. Графические записи Древнего Египта показывают мужчин с палками в руках, управляющих всевозможными государственными предприятиями. Во второй половине XIX века, когда англичане начали отказываться от 'правления посредством порки', кнут ещё был обычным инструментом, гарантировавшим успех гидравлической барщины. Современным писателям, находящимся под большим впечатлением от плановой экономики инков, было бы неплохо помнить о том, что принц инка Гарсиласо де ла Вега, хвалясь достижениями своих предков, принимал как должное, что единственный верный способ сделать людей трудолюбивыми - угрожать им побоями.

5.С.3.б. Террор в финансовых процедурах

Ещё со времён фараонов нежелание платить налоги побеждали силой. Известная сатира Нового царства повествует о том, как египетский крестьянин, который оказался не в состоянии сдать свою долю зерна, был избит, связан и брошен в канаву. За незаконные деяния в обращении с государственной и храмовой собственностью также применялись телесные наказания.

Священным законом ислама запрещено применение пыток, но налоговые чиновники халифов, несомненно, считали невозможным выполнять свою задачу, не прибегая к насилию. При династии Аббасидов пытка сопровождала налоговым сборам до 800 года, и после короткого перерыва, составившего около двенадцати лет, её стали применять снова, да так жестоко, как никогда ранее. Правительственные агенты били людей, сажали их в тюрьмы и подвешивали тяжёлых мужчин за одну руку, так что те едва не умирали.

'Артхашастре' предписывала блюстителям порядка и придворным судьям следить за тем, чтобы сельские налоги уплачивались должным образом, и применять силу при необходимости. Кодекс законов имперского Китая устанавливал избиеание в качестве обычного наказания для лиц, которые не смогли выполнить свои налоговые обязательства.

5.С.3.с. Террор в судебных процедурах

Китайский свод законов выносит вопрос о насилии за рамки сферы финансовых действий. В случае непрерывного сопротивления и/или невозможности выплаты налогов неплательщик может предстать перед судьёй, и при необходимости финансовый террор может быть заменён судебным террором. Судебная пытка для получения доказательств, а часто и для наказания, применялась почти во всех гидравлических цивилизациях.

В фараонском Египте избиеание было постоянным дополнением судебных процедур. Выражение 'его допросили с розгой' было обычным в эпоху Нового царства.

Индийские, китайские и исламские источники описывают судебный террор довольно подробно. В 'Артхашастре' утверждается, что те, чья вина *кажется подлинной*, должны быть подвергнуты пыткам. За исключением брахманов^с, их можно было подвергнуть шести наказаниям, семи видам порки, двум видам подвешивания сверху и кипячению. Что касается лиц, совершивших тяжкие преступления, то о них в знаменитой книге написано ещё более конкретно. Они

могут быть подвергнуты девяти видам ударов стеблем тростника: 12 ударов по каждому из бёдер; 28 ударам деревянной палкой (дерево нактамала); 32 ударам по каждой ладони и по каждой ступне; двум по костяшкам пальцев, руки соединяются так, чтобы были похожи на скорпиона; двум видам подвешивания лицом вниз (ullambane chale); прижиганию одного из суставов пальца после того, как обвиняемого поили жидкой рисовой кашей; нагреванию его тела в течение дня после того, как его поили маслом; лежанию на жёсткой траве целую ночь зимой. Это 18 видов пыток. Каждый день мог быть использован новый вид пытки. В особо серьёзных случаях, таких как попытки захватить царские сокровища, обвиняемый мог быть подвергнут один или несколько раз одному или всем перечисленным выше видам пыток.

Китайский кодекс законов описывает ряд инструментов, используемых для получения доказательств, и в сочинениях искренних управляющих детально разработаны правильные и неправильные методы пыток.

Несмотря на канонические запреты, светские суды халифов получали доказательства, используя удары кнутом, концом верёвки, палкой или ремнём по спине и животу, по затылку, нижним частям тела, ногам, суставам и мышцам.

Считается, что подобные методы сохранялись на Ближнем Востоке до недавнего времени. В XIX веке в Египте справедливость, какой бы она ни была, являлась почти настолько же ужасной для невинного свидетеля, насколько и для обвиняемого, против которого имелись свидетельские показания.

^c Их не могли подвергнуть пыткам с целью получения доказательств, но если их признавали виновными в очень тяжких преступлениях, то могли заклеить. [Назад](#)

5.С.3.d. Аналогичные явления на Западе обращают на себя внимание своей временной интенсивностью и своими ограничениями

Несомненно, судебные пытки широко распространены в гидравлическом мире. Но специфично ли это? В конце концов, пытки занимали определённое место в римском праве. В значительной мере они фигурировали в позднефеодальных и постфеодальных западных правовых процедурах и в инквизиции. И сегодня они продолжают существовать в виде допроса 'третьей степени'.

Все эти явления действительно должны быть признаны тем, чем они являются. Они неумолимо напоминают нам, что человеческая натура везде одинакова, а человек поддаётся тлетворному влиянию власти всегда, когда позволяют

обстоятельства. К счастью, форма западных институтов сдерживала эти тенденции от того, чтобы они утвердились надолго. Но импульс, который они получали в определённые времена и в определённых местностях, исключает самодовольное предположение о том, что всё происходившее при гидравлических правительствах - и всё происходящее сейчас в тоталитарных государствах - не может произойти в западном мире.

Коренные свободные жители Древней Греции и республиканского Рима не использовали управленческий или финансовый террор против своих сограждан (граждане не выполняли барщинных работ и не платили значительные налоги) и обычно не подвергались судебным пыткам. Для этого их социальный строй был слишком сбалансированным, но всё же он не был достаточно сбалансированным для того, чтобы предотвратить использование управленческого и судебного террора против некоторых чужеземцев и несвободных людей. В Древней Греции положение большинства рабов сильно отличалось от положения домашних животных. Их хозяева были вольны физически наказывать их, а не слишком многочисленными государственными рабами, занятыми на общественных работах, управляли старшие рабочие, которые часто сами были рабами и славилась строгостью. В Древней Греции рабы и свободные чужеземцы бывали жертвами судебной пытки. В республиканском Риме только рабы подвергались такому обхождению.

Кристаллизация абсолютистской власти во времена империи лишила римских граждан защиты, которой их предки пользовались против судебной и других форм правительственного террора. Римское право в позднеримскую и византийскую эпохи распространило применение судебной пытки на большую часть всех свободных людей.

Аналогичное изменение произошло в период позднего Средневековья. Салический закон древних франков разрешал подвергать пыткам лишь лиц, находившихся в подневольном состоянии. Конфликты между свободными людьми разбирались судами, состоявшими из таких же свободных людей. Серьёзные правовые вопросы урегулировались испытаниями или судебными поединками, и в средневековых городах бюргеры, которые первоначально следовали этим процедурам, скоро предпочли более гуманные и рациональные методы определения виновности или невиновности.

Введение судебной пытки, значительно подкреплённое ссылками на римское право, совпадает с подъёмом централизованной и деспотической власти в местном и национальном масштабах. Большинство историков указывают на то, что процедуры абсолютистских судов вытеснили феодальные методы испытания и поединка^d. Реже они упоминают столь же важный факт, что новая судебная пытка также заменила важные зачатки рациональной судебной процедуры, разработанной в городах с бюргерским управлением^e.

Конечно, изменения в судебных процедурах усиливались инквизицией, и любого, кто изучает этот период, поражают продуманные и жестокие пытки,

применявшиеся при допросе еретиков. Однако три момента заслуживают внимания: во-первых, церковь, которая опиралась на средневековое каноническое право, изначально не рекомендовала использовать крайние меры против еретиков. Во-вторых, вероятно, начало применению судебной пытки положили светские органы^f. В-третьих, террористические процедуры были в равной степени суровыми и при тех абсолютистских правительствах Европы, которые в ходе Реформации уже отмежевались от Рима. Нет сомнения, что распад средневекового общества стимулировал и еретические тенденции, и фанатичное желание их искоренить, но только в рамках восходящей абсолютистской государственной власти это желание принимало форму инквизиции.

Ограничения западного абсолютизма также определили точку, за которой представители деспотической власти уже не могли подчинять себе своих собственных подданных. Какое-то время они были способны использовать судебный террор в светских и религиозных делах, но управленческий и финансовый террор не применялся к основной массе населения. С ростом современного индустриального общества судебная пытка была ликвидирована в главных странах европейского абсолютизма, а в конечном итоге также в движимой террором рабовладельческой экономике наших южных штатов. В настоящее время общественное мнение ведёт крестовый поход против таких действий полиции, как допрос 'третьей степени'. Эти методы никогда не были законными, их незаконное использование отступает перед растущей бдительностью и силой общественно настроенных гражданских организаций.

Домонгольская (Киевская) Русь приняла многие элементы византийского права, но не переняла использование телесных наказаний. Эта методика, а также судебная пытка, по-видимому, появились на Руси только тогда, когда Восточный тип деспотизма развивался во время татарского периода и после него. Методы 'третьей степени' продолжали использоваться до последних десятилетий царского режима, но от пыток как средства получения доказательств отказались в начале XIX века, когда рост промышленного образа жизни, основанного на праве собственности, способствовал ограничению многих абсолютистских черт российского законодательства и общества^g. Эта практика была отброшена элитой коммунистического аппаратного государства для того, чтобы повернуть вспять тенденцию гуманизации и вернуть систематическое причинение физической боли для получения 'признаний'^h.

^d Ли описывает с некоторыми подробностями то, что он называет 'сопротивлением феодализма' развитию судебной пыток. [Назад](#)

^e В XIV веке итальянские общины продолжали бороться с возрастающим использованием пыток, а в Любеке, самом передовом городе Германии по части бюргерской независимости, правопорядок, препятствуя испытаниям, судебным

дуэлям и пыткам, уступал, хоть и медленно, новому абсолютистскому праву. [Назад](#)

^f В XII веке, задолго до наделения судебной пытки статусом законности, еретиков мучили до смерти. [Назад](#)

^g Об отдельных поздних случаях см. [Уильямс], [Скотт]. Джордж Кеннан, в конце XIX века изучавший жизнь политических заключённых и ссыльных в Сибири, обращает внимание на деспотические методы, применявшиеся царской полицией: несправедливые аресты и тюремные заключения, избиения и пытки. Конечно, эти методы были жестокими, но возростающая сила общественного мнения ограничивала их всё больше и больше, и сравнение положения, описанного Кеннаном, с тем, в котором оказываются сегодня советские заключённые, показывает крайний упадок процедуры судопроизводства. [Назад](#)

^h Коммунистические методы судебного террора меняются в зависимости от времени, места, обстоятельств и цели, но, несмотря на определённую изобретательность в применении психологических приёмов, основные способы вряд ли можно назвать открытиями. Пытка бессонницей, на вид мягкий, но на самом деле непреодолимый метод сломить волю человека на допросе, появился в римском арсенале планомерных жестокостей под названием 'tormentum vigiliae'. Она была повторно 'изобретена' в 1532 году Ипполитом Марсельским. Пытка голодом была известна как 'tormentum famis'. Некоторые коммунистические методы соответствуют процедурам, которые использовала инквизиция. Сравните резкие изменения обращения с подсудственным от плохого к хорошему и от хорошего к плохому, а также представление заключённому признаний или предполагаемых признаний других заключённых. Более грубые методы пыток, начиная с простого избиения - римский прототип: 'verbera', - достигают своей цели быстрее, чем более 'культурная' 'tormentum vigiliae'. Считается, что они особенно широко применялись в периоды кризиса, например, во время Великой чистки, Второй мировой войны и в период продолжительного стресса, который последовал за этой войной. Несомненно, предвестием многих советских видов пыток было то, что применялось Иваном IV и его преемниками. [Назад](#)

5.С.4. Меняющиеся формы террора в гидравлическом мире

5.С.4.а. Сравнительно мягкая форма террора

В гидравлическом мире методы террора были различными в разных областях и на разных фазах. Например, действия местного вавилонского правительства

были близки к максимуму рациональности правителей, и вавилонские законы, известные нам, упоминают как средства установления вины или невинности испытание, клятву и свидетелей, но не пытку. Бесспорно, судебная пытка также могла быть использована в случаях, касавшихся безопасности режима (свод законов не обсуждает эти вопросы), даже за незначительные преступления против интересов правительства наказание было устрашающе суровымⁱ, и нет никаких оснований считать, что 'язык кнута', которым сопровождалась шумерская барщина, не использовался главными вавилонскими строителями и ирригаторами. Но пока в вавилонском государстве, несмотря на местные административные советы, сохранялся абсолютистский режим, оно действовало настолько рационально в судебных и многих других вопросах, насколько можно было бы ожидать в условиях агроуправленческой системы тотальной власти.

ⁱ Кража правительственного или храмового имущества каралась смертью. См. также примечание переводчика Мика. [Назад](#)

5.С.4.в. Средняя и крайняя формы террора

В большинстве гидравлических цивилизаций правители в полной мере использовали все основные виды террора: управленческий, финансовый и судебный. Поступая так, они устанавливали средние процессуальные нормы, которые иногда кодифицировались. Этих средних норм обычно хватало для того, чтобы удовлетворить потребности режима, но нередко те, кто применяли эти виды террора, прибегали к особо жестоким методам, которые давали дополнительную выгоду чиновникам, ответственным за эти методы, к тому же принося более быстрые результаты.

Как было показано выше, не все чиновники шли на это, и по разным причинам крайнее злоупотребление могло быть наказано. Но 'умеренные' эксцессы обычно не вызывали возражений. А с точки зрения простых людей, деспотический аппарат оставался иррационально грозным, даже если применял только стандартные методы террора. И становился страшным, когда использовал свой террористический потенциал полностью.

5.D. Тотальное повиновение

5.D.1. Реакция человека на угрозу тотального террора

5.D.1.a. Постулат здравого смысла и добродетель высокой гражданственности: послушание

Живя под угрозой тотального террора, представители гидравлического сообщества должны соответствующим образом формировать своё поведение. Если они хотят выжить, они не должны провоцировать неконтролируемого монстра. На требования тотальной власти здравый смысл предлагает один ответ: послушание. И идеология придаёт стереотипность тому, что предлагает здравый смысл. При деспотическом режиме послушание становится основой высокой гражданственности.

Конечно, жизнь в любом сообществе требует некоторой степени согласованности и подчинения, и необходимость в послушании никогда не отсутствует полностью. Но в крупных аграрных обществах Запада послушание далеко не является добродетелью первостепенной важности.

В демократических городах-государствах Древней Греции хороший гражданин должен был обладать четырьмя основными качествами: военным мужеством, религиозной преданностью, гражданской ответственностью и уравновешенными суждениями. До наступления демократического периода особенно ценились физическая сила и мужество. Но ни во времена Гомера, ни в классический период беспрекословное повиновение не считалось добродетелью свободного человека, за исключением случая, когда он служил в армии. Тотальное повиновение было обязанностью и горьким жребием раба. Хороший гражданин действовал в соответствии с законами своего сообщества, но никакое абсолютное политическое влияние не контролировало его абсолютно.

Преданность средневекового рыцаря своему сюзеру также не была результатом тотального повиновения. Феодалное соглашение обязывало его подчиняться своему государю только в конкретных ограниченных случаях. Среди достоинств хорошего рыцаря высоко ценились умелая верховая езда, ловкие руки и мужество. Очевидно, что беспрекословного послушания здесь нет.

В гидравлическом обществе отношения между рядовыми членами общины и их лидерами регулировались по-разному. Стремление к всеобщему подчинению проявляется даже на племенном уровне. У американских индейцев пуэбло систематически развиваются повиновение и покладистый нрав. Среди племени чагга уважение к вождю является первым понятием, которое родители внушают своим детям.

В гидравлических цивилизациях с централизованной государственностью носители высшей власти не так близки к народу, как у индейцев пуэбло, равно

как и не сдерживаются клановым влиянием, как у тех же пуэбло, а также у племени чагга. Элита аграрного аппаратного государства предъявляет более высокие требования, чем вожди индейцев пуэбло, и её средства для осуществления её желаний значительно превосходят скромные политические механизмы власти вождя племени чагга.

Торкилд Якобсен, обсуждая общество и религию древней Месопотамии, перечисляет послушание как главную добродетель. По существу, в Месопотамии хорошая жизнь была жизнью в покорности. В отличие от воинов средневековой Европы, которые часто воевали небольшими группами и почти без участия в деле вышестоящего командира, жители Месопотамии считали, что солдаты без царя подобны овцам без пастуха, крестьяне без управляющего подобны полю без пахаря, а рабочие без начальника подобны воде без смотрителя канала. Таким образом, от подданных ожидалось выполнение приказов их начальника, их управляющего и, конечно, их царя. Всё это требовало абсолютного послушания. Повиновению, от которого невозможно уклониться, удобно придать рациональную форму: жители Месопотамии считали, что носители власти всегда правы.

Похожие идеи можно найти в фараонском Египте. Корабль должен иметь своего командира, бригада - своего лидера; и тот, кто хочет выжить и добиться успеха, должен подчиняться тем, кто стоит выше, и подчинять тех, кто стоит ниже: гнуть спину перед своим начальником, своим надзирателем от дворца (правительства). Сопrotивление начальнику тягостно, потому что человек живёт до тех пор, пока он тихий.

Закон индуистской Индии предписывал подчинение светской и духовной власти. Те, кто сопротивлялись приказам царя, подвергались различным видам смертной казни.

Коран призывает верующие повиноваться не только Аллаху и его пророку, но также тем, кто имеет власть среди верующих. В абсолютистских государствах, созданных последователями Магомета, на этот отрывок ссылались, чтобы подчеркнуть фундаментальную важность послушания для поддержания правительственного влияния.

Конфуций воображал власть, которая реализовала бы максимум рациональности правителя. Поэтому он настаивал на том, что каждый чиновник должен оценивать правильность действий правителя, и когда конфликт становится серьёзным, высокопоставленный сановник может уйти в отставку. Но обычно идеальный чиновник слушался своего правителя, и почтительность по отношению к начальнику была основным долгом. А простому человеку вообще не давали выбора. Так как он не разбирался в сложных вопросах, то должен был следовать тому, что диктовали высшая власть и высшие умы. В обществе, которое виделось хорошим Конфуцию, как и в обществах Индии и Ближнего Востока, хороший подданный был послушным подданным.

5.D.2. Подготовка к тотальному послушанию: дисциплинарное образование

Хороший подданный был также послушным сыном. Для Конфуция образование, которое требует абсолютного послушания родителям и учителям, формирует идеальную основу, на которой строится абсолютное послушание элите общества.

Никакого подобного соответствия нельзя установить для средневековой Европы. Дисциплинированность сына феодального рыцаря достигалась безжалостными методами. В раннем возрасте он был вынужден ездить на высокой лошади, привязанный к седлу, а для большего ужесточения его закапывали в конском навозе. Проклятия и побои были обычной составляющей его взросления. Раннее воспитание молодого феодального рыцаря во всём выглядело суровей, чем воспитание молодого сына чиновника на Востоке. И ученичество молодого европейского ремесленника также не было ложем из роз.

Но поведение молодых бюргеров на праздниках показывало, что учебные дисциплины, с которыми их знакомили, не являлись серьёзным сдерживающим фактором, и поведение молодых рыцарей оставалось столь же беззаботным. Юноши обеих групп выросли в условиях, которые были построены на договорных отношениях, а не на абсолютной власти, и воспринимали свои ранние разочарования как сиюминутный опыт, чем они и были на самом деле.

Наоборот, подобная или даже менее жёсткая выработка дисциплины может быть чрезвычайно эффективной для обеспечения тотального повиновения. В древней Месопотамии отдельный человек находился в центре всё более широких кругов влияния, которые разграничивали его свободу действий. Ближайший и самый маленький из этих кругов был образован влиянием его собственной семьи: отца и матери, старшего брата и старшей сестры. И послушание старшим членам своей семьи являлось лишь началом. За семейным кругом простиралась другие круги, другие сферы влияния: государство и общество. Каждая из них требовала абсолютного послушания.

Мудрость Древнего Египта умышленно связывала послушание в домашней среде с послушанием чиновнику. Послушный сын найдёт своё место в сердце чиновника, его речью руководствует то, что было сказано ему родителем. В индуистской Индии требование подчинения светской и духовной власти усиливалось требованием подчинения в личных сферах жизни. Обязательным было послушание перед учителем, отцом, матерью и старшим братом.

Конфуцианство описывает сыновнюю почтительность как исключительную подготовку к гражданскому послушанию: 'Лишь немногие, кто, поступая правильно по отношению к своим родителям и старшим братьям, склонны

противостоять своему начальству. И нет никого, кто, питая неприязнь к противодействию своему начальнику, склонен к мятежу'.

5.D.3. Великий символ тотального повиновения: падение ниц

Образование учит человека повиноваться без всякого сомнения, когда деспотическая власть того требует. Оно также учит совершать жесты почитания, когда требуется наличие символа, а не покорного действия. Правда, во всех культурах есть способы демонстрации уважения, и многие жесты выражают подчинение. Но никакой символ не выражал тотальное повиновение так замечательно и ничто не сопровождало распространение аграрного деспотизма так единообразно, как падение ниц.

Официальная демонстрация тотального повиновения происходит всякий раз, когда подданный гидравлического государства приближается к своему правителю или какому-либо другому представителю власти. Подчинённый, зная, что из-за гнева господина его могут уничтожить, желает добиться благой воли господина, унижая себя, а носитель власти более чем готов придать законную силу символам унижения и сделать их нормой.

Подчинённый может показать своё смирение, положив одну руку на другую, как если бы они были связаны вместе. Он может поднять свободные руки как жест саморазоружения^а. Или, доходя до крайности, он может упасть вперёд на четыре конечности, как животное, удариться головой о землю и целовать пыль. Под сенью деспотизма Востока падение ниц является знаменательной формой приветствия государя или других лиц, наделённых явной властью. Частности различаются, а иногда используются и символы со схожим смыслом. Однако, вообще говоря, падение ниц настолько же характерно для гидравлического общества, насколько нехарактерно для высших аграрных цивилизаций классической Античности и европейского Средневековья.

Отсутствие ритуала падения ниц в примитивных гидравлических обществах указывает главным образом на ограничения власти при племенных условиях. Индейцы пуэбло проявляют к своему касику наивысшее уважение, но нет никаких доказательств демонстративного повиновения, которое нашло открытое выражение в более высокоразвитых гидравлических цивилизациях ацтеков Мексики или инков Перу. Туземцы чагга приветствуют своего вождя и почтительно говорят шёпотом, когда он приближается или поднимается. Но дальше этого, по-видимому, их демонстрация уважения не идёт.

В гидравлических цивилизациях с централизованной государственностью ритуал падения ниц встречается почти всюду. В древности на Гавайских островах политическая власть была достаточно устрашающей, чтобы заставить

простых людей ползать перед своими правителями^b. В Перу инков даже самый высокий сановник приближался к государю как несущий дань, чья спина согнута под тяжестью. В Мексике до её завоевания конкистадорами высшее почтение выражалось падением ниц. Этому обучали в специальном учебном заведении; падали ниц перед членами царской семьи, выдающимися людьми и лицами, считавшимися божественными.

В Китае падение ниц практиковалось с начала правления династии Чжоу, то есть с доимперского периода удельных царств, и получило распространение на всех последующих этапах истории Китая. Опыт европейских посланников, от которых требовали низко кланяться маньчжурским императорам, показывает как важность обычая, так и замешательство, которое он вызывал у западных гостей.

В классическую эпоху индуистской Индии высшее уважение проявляли, обнимая ноги человека, а к царю приближались в молитвенной позе. Падение ниц совершали перед божествами и молодой женой учителя^c. Однако в более позднее время индуистского периода главный жест тотального повиновения также совершали перед государем. При власти мусульман такую честь оказывали и государю, и уважаемым индусам.

Важность ритуала падения ниц на Ближнем Востоке может быть подробно подтверждена документами. Надписи фараонского Египта описывают всю страну как лежащую на животе перед представителем фараона. Верные подчинённые показаны ползающими и целующими (или нюхающими) следы монарха. Графические свидетельства наводят на мысль о том, что в эпоху Нового царства высокопоставленные сановники использовали другие жесты почтения, но источники того времени не утверждают, что сановники вообще перестали падать ниц. Источники чётко указывают, что падать ниц продолжали занимавшие низкое положение лица и представители покорённых народов.

В древней Месопотамии падение ниц совершалось перед богами, правителем и другими выдающимися личностями, таким же образом оно совершалось и в ахеменидской Персии. Оно сохранилось в эллинистических империях Селевкидов и Птолемеев, а также в сасанидской Персии. Оно стало обычным жестом почтения в Восточной Римской империи накануне византийского периода. Излишне говорить, что оно идеально соответствовало социальному климату Византии.

Последователи Магомета изначально повергались ниц только в молитве. Однако в конце концов испытавшие влияние Востока арабы, как и греки до них, стали повергаться ниц и в светской жизни. В Османской империи эта практика сохранялась почти до конца султаната^d.

Таким образом, в гидравлическом мире падение ниц было знаменательной формой выражения повиновения и почтения. Иногда для той же цели использовались равнозначные жесты, а в ряде случаев ритуал падения ниц

распространился в странах, которые не находились под властью по-Восточному деспотических правительств. Однако судьба поклона (proskynesis) в средневековой Европе показывает, насколько трудно было заставить представителей политически сбалансированного общества исполнять это унижительное приветствие. Некоторые остаточные явления византийской церемонии существовали в церемониале Западной Церкви, но попытка некоторых правителей династии Каролингов сохранить это в качестве светского ритуала не удалась. На Сицилии при Роджере II и Фридрихе II падение ниц временно практиковалось, вероятно, под влиянием Византии или арабов, чьё господство непосредственно предшествовало господству норманнских правителей.

Бесспорно, обычай притуплял чувствительность человека к унижительному смыслу падения ниц, а эстетическое исполнение подслащивало процедуру. Но независимо от того, насколько разумными были объяснения падения ниц, оно на протяжении веков оставалось символом смиренного повиновения. Вместе с управленческим, финансовым и судебным террором оно эффектно отмечало размах и тотальную власть аграрного деспотизма.

^a Ср. современное 'руки вверх'. [Назад](#)

^b [Форнандер] - о религиозном ритуале падения ниц и падении ниц перед идолом монарха. О падении ниц перед правителем: [Кепелино], [Александр], [Блэкмен]. [Назад](#)

^c Во втором случае падение ниц, очевидно, совершалось для того, чтобы предотвратить телесный контакт. О религиозном ритуале падения ниц см. ['Джатаки']. [Назад](#)

^d [Оструп], [Лейн]: целование ступни как символ смиренного повиновения. [Назад](#)

5.Е. Тотальное одиночество

5.Е.1. Одиночество, порождённое страхом

Демонстративное и тотальное повиновение является единственной разумной реакцией на тотальную власть. Очевидно, что таким поведением не достигается уважение начальника, но другое поведение приводит к беде. Где власть поляризована, как в гидравлическом обществе, в равной степени поляризованы

и человеческие отношения. Те, кто не имеют никакого контроля над своим правительством, вполне обоснованно опасаются, что будут уничтожены при любом конфликте со своей элитой.

И грозная мощь государственного аппарата может разрушить не только нежелательные неправительственные силы, но с той же обоснованностью может поразить отдельных представителей правящей группы, включая самого правителя. Многочисленные страхи омрачают жизненный путь, но, возможно, ничто не является столь разрушительным, как ненадёжность, порождённая поляризованной тотальной властью.

5.Е.1.а. Правитель: никому не доверять!

Правитель, будучи самой заметной фигурой, также является и самым главным объектом зависти. Среди тех, кто его окружают, всегда есть тот, кто стремится занять его место. А так как конституционные и мирные перемены совершенно исключены, смена обычно означает одно и только одно: физическое уничтожение. Следовательно, мудрый правитель никому не доверяет.

По понятным причинам сокровенные мысли деспотов получают малую огласку. Но наблюдаемое поведение и высказывания подтверждают наше предположение. В египетских папирусах сохранилось то, что можно считать советом фараона своему сыну. Сообщение гласит: 'Держись в стороне от своих подданных, чтобы то, что следует совершать для их устрашения, не заботило тебя. Не сближайся с ними в своём одиночестве. Не наполняй своё сердце любовью к брату, не знайся с другом. (ДАЖЕ) КОГДА ТЫ СПИШЬ, БЕРЕГИ СВОЁ СЕРДЦЕ, потому что ни у одного человека нет сторонников в дни несчастий'.

В 'Артхашастре' определены опасности, которые окружают правителя, и рассмотрены многочисленные средства, с помощью которых опасности могут быть предотвращены. Резиденция правителя должна быть защищённой. Следует принять меры против отравления. Всё окружение правителя должно находиться под наблюдением и контролем. Царь должен шпионить за главой правительства. Он должен остерегаться своих близких друзей, своих жён, своих братьев и особенно своего престолонаследника. Согласно одному авторитетному источнику, часто цитируемому в классических трудах об индийском деспотизме, принцам, как крабам, свойственно печально известное стремление пожирать своих родителей. Для предотвращения этого источник перечисляет множество способов, с помощью которых правитель может защитить себя от своего сына.

5.Е.1.в. Чиновник: вечное подозрение

Чиновники также не живут в безопасности. Самозащита должна быть первой и постоянной мыслью мудрого человека, ибо жизнь на службе у царя метко сравнивали с жизнью в огне; тогда как огонь сжигает часть тела или всё тело, царь, если имеет власть, может уничтожить или возвысить всю семью.

Персидская мудрость особенно подчёркивает опасность того, что скрывается за кажущейся бюрократической безопасностью и успехом: 'Если однажды перед тобой правитель сделает вид, что с ним ты находишься в полной безопасности, начиная с этого момента чувствуй себя неуверенно; если сейчас кто-то тебя откармливает, в скором времени он может тебя забить'.

И потребность в вечном подозрении отнюдь не исчезает для чиновников после того, как они заберутся на вершину бюрократической пирамиды. В традиционном Китае, как и в других гидравлических цивилизациях, высокопоставленные чиновники не могли не быть бдительными по отношению к тем, кто были ниже их, ибо именно там находились их страшные соперники. С другой стороны, нижестоящие чиновники были не менее подозрительны по отношению к тем, кто был выше их, ибо именно там находились лица, способные в любой момент их устранить.

5.Е.1.с. Простолюдин: страх оказаться в трудном положении

Простолюдин сталкивается с проблемами совсем иного рода. Его беспокоят не ловушки самодержавной или бюрократической власти, а угрозы, которые эта власть представляет для подданных. Режим, который беспрепятственно действует в области налогообложения, барщины и юриспруденции, способен втягивать простых людей в бесконечные затруднения. И осторожность учит этих людей избегать любых ненужных контактов со своим правительством.

Смит описывает взаимное недоверие в традиционном Китае, которое, по его словам, доходило до страха людей быть вовлечёнными во что-либо. В сказке из 'Тысячи и одной ночи' труп перетаскивали от двери к двери, потому что каждый владелец дома был убеждён, что власти посчитают его ответственным за смерть неизвестного мужчины. Часто отмечавшееся нежелание помочь тонувшему незнакомцу вызывалось схожими рассуждениями: если я не спасу беднягу, как я докажу властям, что я не собирался его утопить?

Те, кто уходят прочь, когда могут быть полезны, не отличаются от других людей и не хуже, чем они. Но их поведение делает ясным то, что добровольное

участие в общественных делах, которое поощряется в открытом обществе, крайне рискованно в условиях тотальной власти. Страх быть вовлечённым во что-либо при неконтролируемом и непредсказуемом правительстве сдерживает благоразумного подданного в узкой сфере его личных и профессиональных дел. Этот страх эффективно отделяет его от других представителей обширного сообщества, к которому он также принадлежит.

5.Е.2. Потенциал отчуждения тотальной власти

Конечно, разобщение не обязательно является отчуждением: ремесленник, чьи предки покинули свою деревенскую общину, может отделять себя от жителей своей родной деревни. Или интеллектуал может чувствовать себя не в ладу со своими соотечественниками, а во время кризиса полностью отказаться от социального строя, который очевидно неприемлем для него. В таких ситуациях он может познать одиночество. Но до тех пор, пока он может объединяться с другими единомышленниками, его отчуждение от общества будет лишь частичным.

И это частичное отчуждение глубоко отличается от тотального отчуждения. Только когда человек считает, что он покинут всеми своими товарищами, и не в состоянии видеть себя в качестве автономного и замкнутого в себе индивида, только тогда он может сказать, что испытывает тотальную отчуждённость. Под действием террора полууправленческого аграрного аппаратного государства он может познать тотальное одиночество без тотального отчуждения. Под действием террора современного тотального управленческого аппаратного государства он может испытать тотальное отчуждение. Постоянная изоляция и 'промывание мозгов' могут довести его до состояния, когда он больше не будет понимать, что становится бесчеловечным.

5.Е.3. Повседневная адаптация

В Древней Греции в классический период было много одиноких среди свободных людей⁴, и сегодня есть много одиноких в демократических странах. Но эти свободные индивиды одиноки в основном потому, что ими пренебрегают, а не потому, что им угрожает власть, которая может превратить человеческое достоинство в ничто, когда того пожелает. Человек, которым пренебрегают, может поддерживать некоторые виды общения с малочисленными родственниками или друзьями и способен преодолеть своё

пассивное и частичное отчуждение путём расширения своего круга общения или путём установления новых форм отношений.

Человек, который живёт в условиях тотальной власти, не имеет таких привилегий. Неспособный противодействовать этим условиям, он может искать утешение только в тревожном смирении. Стремясь избежать худшего, он всегда должен быть готов к нему. Смирение было состоянием многих свободных индивидов в разные времена и в разных сегментах открытых и полуоткрытых обществ. Но ещё до возникновения промышленного аппаратного государства оно было господствующим состоянием преимущественно в областях деспотизма Востока. Примечательно, что стоицизм возник в античности, когда сбалансированное общество Древней Греции классического периода сменилось эллинистической системой тотальной власти, начало которой положил Александр Македонский.

^a Трагическое и неизменное отчуждение раба слишком очевидно, чтобы нуждаться в уточнении. [Назад](#)

5.Е.4. Тотальное одиночество в час гибели

Час гибели делает реальным то, что предвещает повседневная жизнь. Методы окончательного уничтожения действуют по-разному в демократически сбалансированном мире и при господстве тотальной власти.

Свободный гражданин открытого общества может бояться сурового наказания от руки государства, чьи законы он нарушил. Но после ареста он надеется на посещение и на помощь своих друзей и адвоката. Он надеется на то, что его будет судить суд, который не является инструментом правительства. Кроме того, он может настаивать на том, что не виновен, и суд не помешает ему поступать так даже после того, как его приговорят к смерти. Казнь уничтожит его физически, но правительство, которое таким образом покажет свою власть, не будет сдерживать его друзей от превознесения его достоинств или подтверждения их веры в его невиновность.

Конец Сократа был уникален по нескольким причинам, но он был типичным из-за одного аспекта насильственной смерти в открытом обществе.

Приговорённого к смерти за политическое разращение молодёжи Афин, Сократа не принуждали к публичному осуждению его же деяний. Также он не был лишён общества и восхищения своих друзей. Испытание, далеко не отчуждавшее Сократа от его последователей и его идей, укрепило союз Сократа с последователями и уверенность в идеях^b.

В открытом обществе правительственное неодобрение может оставить осуждаемого гражданина равнодушным, но в условиях тотальной власти официальное недовольство может привести к катастрофе. Китайский чиновник и историк Сыма Цянь не был обвинён в государственной измене. Он всего лишь осмелился не согласиться с той оценкой, которую дал побеждённому генералу император, и был приговорён всего лишь к кастрации. Продолжая жить, он описал в замечательном послании ужасное одиночество, которое претерпел во время своего испытания.

Согласно закону правившей в то время династии Хань, наказание Сыма Цянь могло быть отменено при уплате некоторой суммы денег, и это можно было бы сделать, потому что у него были состоятельные друзья, занимавшие высокие посты. Но никто не осмелился помочь ему. Никто не осмелился показать сочувствие к человеку, который разгневал императора. Сыма Цянь писал: 'Мои друзья не пришли мне на помощь. Те, кто были рядом и являлись моими близкими друзьями, не сказали ни единого слова в мою поддержку'^c. Таким образом, его препроводили в тёмную комнату и изувечили, как если бы он был животным.

Трагедия бюрократа Тимона Афинского пока ещё не была написана. Но судьба Сыма Цянь показывает, что может произойти с человеком, который, избегая основного принципа бюрократического благоразумия^d, противоречит носителю тотальной власти. Она показывает, как то, что является ожидаемым поведением в открытом обществе, граничит с безумием под сенью тотального террора. Окружение Сыма Цянь было таким, каким было, вмешательство Сыма Цянь в дело одного из своих друзей явилось выдающимся исключением, отказ же друзей Сыма Цянь вмешиваться в его дела было печальной нормой.

Если оценивать это по меркам открытого общества, китайский историк чудовищно пострадал. Если оценивать это по меркам мира, в котором он жил, ему даже повезло. Хотя он был кастрирован, но остался жив, и, не имея политической значимости, смог продолжить работу над своими историческими исследованиями. Он даже критически прокомментировал обращение с ним в послании, которое, однако, осмотрительно хранил от чужих глаз, пока не умер.

Когда преследование является тотальным, жертва гидравлического террора может лишиться не только своих друзей, но и своего доброго имени. Великий персидский визирь и писатель Рашид ад-Дин был обвинён завистливыми и враждебными чиновниками в том, что отравил отца молодого султана. Преступление, в совершении которого был обвинён Рашид, не соответствовало его личности и противоречило его самым элементарным интересам. Рашид ад-Дин был выдающимся азиатским историком своего времени, автором знаменитого свода законов Газана (канона), величайшим визирем династии ильханов и одним из величайших людей, родившихся на Востоке (East). Государь, в убийстве которого он был обвинён, почитал его так высоко, что, как полагают, подарил ему больше золота, чем Александр Македонский даровал

Аристотелю. В самом деле, считается, что таланты Рашид ад-Дина были необходимы государству, как соль мясу.

Трудно понять, почему человеку следует убивает своего щедрого обожателя. И выходит за пределы понимания, почему ему следует умышленно уничтожить источник своего могущества, безопасности и благосостояния. Но такие соображения не остановили врагов Рашида. Они объявили его виновным. Они казнили его сына на его глазах. Они разрубили его собственное тело надвое, конечно же, не позволив ему никакого последнего утешения от друзей или родственников. Так умер Рашид, одинокий человек, лишённый мирской и духовной чести. В итоге он был осуждён и как религиозный самозванец.

Неважно, насколько цинично поступили обвинители Рашида, они не заставляли его публично признаться в преступлениях, в совершении которых его подозревали. Напротив, считается, что он до конца настаивал на своей невинности. Но даже такая снисходительность не наблюдается на крупных политических процессах в современных тотальных управленческих государствах.

Разница возникает не из-за отсутствия какой-либо террористической эффективности со стороны гидравлического деспотизма. Те, кто пытались по приказу гидравлических правителей, могли бы сломить любого и, конечно, добились бы публичных признаний, если бы захотели. Но элита гидравлического режима не видела причин предавать огласке свои конфликты в деревнях или кварталах гильдий, где в субполитической атмосфере произрастали полуавтономные формы демократии нищих. Таким образом, не было никакой необходимости добиваться впечатляющего, ярко выраженного самоотчуждения, в чём тоталитарные 'народные' суды специализируются в настоящее время.

Последние дни советского коммуниста Бухарина показывают, как в современных условиях жертву можно заставить публично сотрудничать для собственного унижения. Ленин в своём 'Завещании' писал, что Бухарин - самый ценный и самый крупный теоретик партии, что его обоснованно можно считать любимцем всей партии. Но фаворит сегодня - монстр завтра. Ложно обвинённый и приговорённый к смерти во время Великой чистки 1930-х годов, Бухарин мгновенно потерял популярность и известность. Вышинский, тогдашний Генеральный прокурор СССР, высказал мнение партийных лидеров, когда назвал Бухарина 'теоретиком в кавычках', 'отвратительной помесью лисы и свиньи', причислил его к шпионам и изменникам, которых 'нужно отстреливать, как грязных собак'. И психологические инженеры Советского правительства обработали подсудимого так искусно, что тот публично и с всеми подробностями признался в предательских деяниях, которых никогда не совершал.

Очевидно, что тотальное одиночество, как и тотальный террор, также имеет свои разновидности.

^b Описание Платоном смерти Сократа могло быть приукрашено трогательными свидетельствами очевидцев. Всё же оно признаётся в основном верным и безусловно показывает, что даже те, кто были опечалены приговором, считали его юридически правильным. Тюремщик принёс чашу с цикутой, и Сократ, выслушав его указания, поднёс сосуд к губам и довольно легко и весело выпил яд. Рассказчик Платона продолжает: 'И до сих пор большинство из нас было в состоянии сдерживать свою скорбь, но теперь, когда мы видели его пьющим и также видели, что он закончил пить, мы больше не могли удержаться, и, несмотря на мои старания, у меня быстро потекли слёзы, так что я закрыл лицо и заплакал над собой; конечно, я плакал не над ним, а от мысли о моём собственном несчастье из-за потери такого товарища. Я был не первым, Критон, когда оказался не в состоянии сдерживать свои слёзы, встал и отошёл, и я последовал за ним, и в этот момент Аполлодор, всё время плакавший, разразился громким криком, который напугал всех нас.

Один Сократ сохранял своё спокойствие. 'Что это за странный крик? - сказал он. - Я отпустил женщин, главным образом для того, чтобы они не могли оскорбить нас таким образом, потому что я слышал, что мужчина должен умирать в покое. Поэтому молчите и имейте терпение'. Когда мы услышали это, то устыдились и сдержали наши слёзы; и он ходил вокруг, пока не сказал, что его ноги стали тяжелеть, а потом лёг на спину, следуя указаниям, и человек, который дал ему яд, то и дело смотрел на его ноги и ступни, и через некоторое время он сильно сжал ступню и спросил его, ощущает ли он это, и Сократ сказал: 'Нет', а затем человек сжал ногу, и так выше и выше, и показывал нам, что тело было холодным и жёстким. Тогда он сам почувствовал это и сказал: 'Когда яд достигнет сердца, настанет конец'. Холод усиливался в паху, когда он открыл своё лицо, потому что был закутан, и сказал (это были его последние слова): 'Критон, я должен петуха Асклепию, ты не забудешь уплатить долг?' - 'Долг будет выплачен, - сказал Критон. - Ещё что-нибудь?' Ответа на вопрос не было, но ещё минуту или две было слышно движение, и служители раскрыли его; взгляд Сократа остановился, и Критон закрыл ему глаза и рот.

Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, которого я искренне могу называть мудрейшим, справедливейшим и лучшим из всех людей, которых когда-либо знал'. [Назад](#)

^c Наш перевод этого отрывка несколько отличается от сделанного Шаванном, который перевёл письмо полностью. [Назад](#)

^d Согласно 'Артхашастре', благоразумный чиновник избегает тех, кто лишился должности и покровительства. [Назад](#)

6.А. Предварительный критический анализ в середине повествования

6.А.1. Некоторые основные результаты

Наше исследование привело нас к нескольким основным выводам. Во-первых, институциональный строй (гидравлическое общество) не может быть объяснён ссылкой на географические, технологические и экономические факторы по отдельности. Хотя реакция на природную среду является ключевой особенностью, она играет формирующую гидравлическую роль только при очень специфических культурных условиях. И это более затрагивает организационные, а не технологические изменения. Во-вторых, некоторые особенности гидравлического общества проявляются и в других аграрных цивилизациях. Но гидравлическое общество является специфичным из-за качества и значимости двух своих особенностей (гидравлическая организация и агрогидравлический деспотизм). И их эффективное сочетание создаёт некое операционное целое, функционирующее предприятие, которое способно поддерживать себя на протяжении тысячелетий. Историк человеческой свободы должен взглянуть в лицо этому фундаментальному эмпирическому факту: среди высших мировых доиндустриальных цивилизаций гидравлическое общество, самое деспотическое из них, пережило все остальные.

6.А.2. Три проблемы, заслуживающие дальнейшего исследования

Почему гидравлическое общество демонстрирует такую стойкость? Из-за его государственно-управляемой системы гидравлического земледелия? Этому поверят сторонники экономической интерпретации истории: действительно, так утверждал сам Маркс.

Но важно то, что Маркс и Энгельс рассматривали царское правительство постмонгольской России как по-Восточному деспотическое, хотя оба, конечно, знали, что земледелие России не было гидравлическим. Трудность с точки зрения экономического детерминиста очевидна, и она возрастает, когда мы понимаем, что, кроме царской России, некоторые другие агродеспотические государства осуществляли важные организационные и накопительные функции гидравлического общества без поддержания характерной гидравлической экономики. Способность этих режимов успешно сохраняться в течение длительного времени наводит на мысль о решающей эволюционной роли

организационных и связанных с властью особенностей агроуправленческого строя.

Очевидно, что вопрос является очень важным не только с теоретической точки зрения для прошлого, но и с политической точки зрения для настоящего времени. Именно по этой причине в данной главе мы рассмотрим особенности и взаимосвязь центра и периферии гидравлического общества. В последующих главах мы рассмотрим две другие стороны этого вопроса: определяемый властью характер частной собственности и классовое господство в гидравлическом мире.

6.А.3. Проблемы гидравлической плотности

Насколько 'гидравлическим' являлось гидравлическое общество? Очевидно, есть районы с максимальной гидравлической плотностью, а также другие цивилизации, которые, хотя и являясь гидравлически менее плотными, всё ещё могут считаться характерными гидравлическими обществами. Что является институциональной моделью периферии гидравлического общества? И в какой момент эта периферия теряет своё социальное своеобразие? Есть ли институциональная граница, за которой особенности гидравлического общества встречаются лишь случайно в виде околопериферийной форм?

Если предположить, что такие промежуточные состояния институциональной плотности существуют, являются ли они статичными и постоянными? Или гидравлические цивилизации перемещаются от периферии к околопериферийным зонам и наоборот? Задав эти вопросы, мы будем детально анализировать центральные районы (core), периферию (margin) и околопериферийные (submarginal) зоны гидравлического мира.

6.В. Центральные гидравлические районы

Институциональная особенность гидравлического района изменяется в соответствии с его пространственной связностью и экономическим и политическим весом его гидравлической системы. В дальнейшем она может измениться из-за относительной значимости второй важнейшей составляющей гидравлической деятельности: борьбы с наводнениями.

6.В.1. Насколько непрерывна гидравлическая система данного гидравлического района?

Пространственная (и организационная) связность данной гидравлической экономики в первую очередь определяется непрерывной или прерывистой формой её системы подачи воды. Гидравлическое сообщество склонно создавать единую более или менее непрерывную систему ирригации и борьбы с наводнениями на местности, которая содержит только один доступный крупный источник воды. Такая ситуация часто встречается в подобных оазисах регионах, через которые протекает река, собирающая большую часть своей воды в более влажном холмистом или горном удалённом районе. Располагавшиеся в долинах рек древние государства прибрежного Перу поддерживали непрерывные гидравлические системы. В Старом Свете классические варианты той же модели имелись в Синде и в располагавшейся в долине Нила египетской цивилизации.

Если засушливая местность содержит несколько рек, протекающих не слишком далеко друг от друга, отведённые от них каналы могут образовать относительно непрерывную гидравлическую сеть. Однако немногие засушливые регионы получали свои преимущества именно таким образом. Нижняя Месопотамия является скорее исключением, чем правилом.

В большинстве случаев реки местности, имеющей гидравлический потенциал, протекают слишком далеко друг от друга, чтобы соединить их внутренними каналами. Поэтому гидравлическое сообщество, проживая в районах, где протекают несколько рек, обычно поддерживает прерывистую систему дамб и каналов. В отдельных случаях в зависимости от ограниченного и единственного водного ресурса ограниченная племенная или национальная культура может воспроизводиться в течение длительного периода времени. Так было в районе Рио-Гранде и - в гораздо более впечатляющем масштабе - в фараонском Египте. Но самовоспроизводящиеся гидравлические племена играли незначительную роль в человеческой истории, и даже такой национальный комплекс, какой был в Древнем Египте, в итоге перерос свою раннюю политическую изоляцию. Подавляющее большинство всех исторически значимых гидравлических народов и империй включало в себя регионы, которые зависели от непрерывного гидравлического источника; тем не менее в общем и целом гидравлическая система этих крупных политических образований, безусловно, имела прерывистую форму.

6.В.2. Насколько велик экономический и политический вес данной гидравлической экономики?

Так как большинство крупных гидравлических цивилизаций поддерживает прерывистые гидравлические системы, отсутствие связности, очевидно, не является верным показателем для установления гидравлической плотности. Экономические и политические весовые доли прерывистой гидравлической системы должны быть установлены с помощью других показателей.

В засушливых районах прерывистые гидравлические системы встречаются редко, в умеренно засушливых районах они практически являются нормой, по крайней мере для обществ, которые переросли свою самую примитивную начальную стадию. Как указано выше, умеренно засушливые районы, которые дают начало гидравлическому развитию, многочисленны и обширны, и соотношение между гидравлическим земледелием и негидравлическим (с применением маломасштабной ирригации и использованием дождевых осадков) возделыванием земли в этих районах весьма различно.

Можно выделить три основные формы этой зависимости:

1. Гидравлически обрабатываемые земли могут составлять более половины всех пахотных земель. Так как гидравлическому земледелию свойственна урожайность, уровень которой в общем высок настолько, насколько высок уровень урожайности при маломасштабной ирригации, и безусловно выше среднего уровня урожайности при дождевом земледелии, то о гидравлическом земледелии, которое охватывает более чем 50 процентов всех пахотных земель, можно сказать, что оно находится в положении *абсолютного экономического превосходства*.

Это условие встречается наиболее часто в засушливых регионах и часто, хотя и не обязательно, вместе с непрерывной гидравлической системой. В большинстве поселений индейцев пуэбло на Рио-Гранде для основной части всех земель использовалась ирригация, и большая часть ирригационной воды бралась из совместно эксплуатируемых ирригационных каналов. В Древнем Египте с самых ранних времён для подавляющего большинства всех полей использовалась ирригация либо посредством затопления, либо с использованием каналов. В дельте скудные посевы можно было выращивать методами дождевого земледелия^a, по всей стране можно было использовать колодцы для полива растений, парков и фруктовых садов. Но, как и в случае с поселениями пуэбло на Рио-Гранде, эти дополнительные способы выращивания не могут конкурировать с гидравлическим хозяйством, имеющим подавляющее экономическое превосходство.

2. Гидравлически обрабатываемые земли, даже если они составляют меньше половины пахотных площадей страны, могут тем не менее давать больший урожай, чем все остальные пахотные земли. В этом случае о гидравлическом земледелии можно сказать, что оно находится в положении *относительного экономического превосходства*. Накануне объединения Китая государство Цинь чрезвычайно укрепило свои основные аграрные районы (в настоящее время - Шэньси) благодаря построенным Чжэн Гуо ирригационным предприятиям, и

это позволило Цинь стать богаче и мощнее, чем все остальные удельные царства. В последующий период вся площадь государства Цинь^b составляло около одной трети площади империи, но, по словам Пан Ку, на её долю приходилось 60 процентов богатства империи. Сыма Цянь считал, что прежняя территория Цинь в десять раз богаче остальной империи. Ни одно из этих утверждений не может быть проверено, и на этом, конечно, не следует настаивать. Однако они иллюстрируют то, что мы подразумеваем под относительным экономическим превосходством сильной гидравлической системы земледелия.

3. Гидравлически обрабатываемые земли, даже если они уступают по площади и урожайности остальным пахотным землям, могут тем не менее быть достаточным стимулом для деспотической модели правления и барщинного труда. В этом случае более обширные негидравлические площади в основном производят продовольствие, тогда как менее обширные гидравлические площади в дополнение к производству продовольствия 'производят' власть, которая является достаточно сильной и достаточно деспотичной, чтобы контролировать оба сектора аграрного общества.

Так несомненно было во многих умеренно засушливых регионах, которые были пригодны для гидравлических операций в своих главных областях. Скорее всего, в периоды становления многих крупных гидравлических цивилизаций деспотическая власть возникала в точно таких условиях, и эта модель является постоянной для разных исторических эпох. В Ассирии и Мексике применялись методы массового контроля, которые были обязательными только в гидравлических регионах, относительно небольших по сравнению с обширными областями маломасштабной ирригации и дождевого земледелия. В этих условиях гидравлическая экономика хотя и не имела превосходства ни по посевным площадям, ни по урожайности, тем не менее оказывалась в положении *организационного и политического превосходства*.

^a После упоминания выращивания ячменя в дельте Нила в качестве одного из примеров дождевого земледелия при уровне урожайности, близком к минимальному пределу, 'Сельскохозяйственный Ежегодник' за 1941 год заключает: 'Ежегодное производство с таким небольшим количеством водных ресурсов возможно только там, где распределение осадков в течение года и другие климатические условия являются благоприятными и где осадки, выпадающие за два года или более длительный срок, запасаются для одного урожая'. [Назад](#)

^b Дополнительно к комплексу Чжэн Гуо оно включало в себя среди других регионов классическую ирригационную равнину Сычуани. [Назад](#)

6.В.3. Насколько силён второй важнейший элемент гидравлической деятельности: борьба с наводнениями?

Если гидравлическая система преобладает экономически, относительная мощность защитных (по сравнению с производительными) водных работ вызывает малый интерес. Сложное гидравлическое земледелие приводит к сложному бюрократическому развитию, и таким образом деспотический режим без труда укрепляется.

Ситуация отличается, когда гидравлическая система, хотя и достаточная для установления политического превосходства, приводит только к умеренному бюрократическому развитию. Бесспорно, поддержание крупных сооружений для борьбы с наводнениями всегда требует комплексных операций мобилизации и управления на местах, и это также усиливает квазивоенное влияние управленческой власти в ситуациях абсолютной или относительной экономической гегемонии. Но защитный фактор становится особенно важным, когда экономической гегемонии недостаточно. Борьба с масштабными губительными наводнениями способствует увеличению руководимой правительством массовой мобилизации больше, чем одна только производственная гидравлическая деятельность. И дисциплинарные меры, используемые на защитных предприятиях, делают многое для укрепления власти правительства, которое имеет лишь ограниченное управленческое влияние благодаря своим агроуправленческим достижениям. В древней Мексике в районе озёр борьба с периодическими разрушительными наводнениями, вероятно, требовала гораздо большее число барщинных бригад, чем региональные ирригационные работы. Можно легко представить влияние этого явления на усиление государственной власти.

6.В.4. Плотные и неплотные гидравлические общества

Наш довод не исчерпывает всех морфологических возможностей. Но он бесспорно доказывает один момент: центральные области гидравлического мира обнаруживают по крайней мере два основных типа гидравлической плотности. Некоторые области гидравлически плотные, в то время как другие гидравлически неплотные. Гидравлическое общество можно считать 'плотным' (compact), когда его гидравлическое земледелие занимает положение абсолютной или относительной экономической гегемонии. Гидравлическое общество можно считать 'неплотным' (loose), когда его гидравлическое земледелие при имеющейся нехватке экономического превосходства является достаточным для того, чтобы обеспечить его лидеров абсолютной организационной и политической гегемонией.

Такое первичное разделение может быть дополнено некоторыми важными вторичными разделениями. Гидравлическое общество, чьё гидравлическое земледелие является экономически господствующим и пространственно непрерывным, есть предельный вариант плотной модели (C1). Гидравлическое общество, чьё гидравлическое земледелие является экономически господствующим, но прерывистым, есть в меньшей степени предельный вариант той же модели (C2). Различие между абсолютной (a, absolute) и относительной (r, relative) формами экономической гегемонии позволяет установить ещё большие различия (Ca1 и Cr1, Ca2 и Cr2).

Неплотное гидравлическое общество может помимо своих сооружений включать в себя ещё и крупные элементы, которые являются плотными в пределах их непосредственного расположения или выходят за границы одного региона. Относительно большой гидравлический вес этой модели может быть обозначен символом 'L1'. Неплотное гидравлическое общество, чьих наиболее крупных гидравлических элементов недостаточно для того, чтобы достичь даже региональной экономической гегемонии, представляет собой вариант самой низкой гидравлической плотности (L2). Другой дифференцирующий фактор, относительно сильное развитие *защитных (protective)* гидравлических работ, может быть указан, когда это представляется желательным, обозначением '+prot'.

Несколько примеров, которые показывают на племенной и национальной шкале четыре основные категории гидравлической плотности:

Плотное C1: большинство племён индейцев пуэбло на Рио-Гранде; небольшие береговые города-государства древнего Перу; фараонский Египт.

Плотное C2: Города-государства древней Нижней Месопотамии; вероятно, государство Цинь накануне создания Китайской империи.

Неплотное L1: Племена чагга; Древняя Ассирия; древнекитайские государства Ци (L1+prot) и, возможно, Чу.

Неплотное L2: Племенные цивилизации: племя сук в Восточной Африке; племя зуни в Нью-Мексико. Цивилизации с централизованной государственностью: традиционные государства на Гавайских островах; многие удельные царства древней Мексики (L2+prot).

6.В.5. Крупные агроуправленческие империи обычно являются неплотными гидравлическими обществами

Господство одного города-государства над несколькими другими городами-государствами приводит к созданию простейших империй. Политические структуры такого типа возникали в древней Нижней Месопотамии, на побережье древнего Перу, в Китае в эпоху правления династии Чжоу и в буддистской Индии.

В первых двух случаях составные части государства были плотного гидравлического типа, и квазиимперские элементы также были гидравлически плотными. Однако обычно военная и политическая экспансия приводила к созданию более крупных и менее однородных политических структур. Крупные гидравлические империи имели тенденцию включать в себя территориальные и национальные элементы с различными показателями гидравлической плотности. Они формировали неплотные гидравлические общества, которые часто включали в себя плотные гидравлические подрайоны. Вавилонские и ассирийские империи, Китай в периоды объединения, великие империи Индии, ахеменидская Персия на пике своей экспансии, Арабский халифат, Османская империя, империя Инков и федерация ацтеков Мексики - все были гидравлическими обществами и принадлежали к категории L1, за исключением, пожалуй, Мексики.

Гидравлическим 'железам' больших агроуправленческих империй уделялось мало систематического внимания. Морфологическое исследование гидравлического строя в традиционном Китае раскрывает многие модели такой плотности и связанные с ними значительные сверхрегиональные мероприятия^с. Вдумчивый анализ аббасидской власти, выполненный Мецем, указывает на наличие и разнообразие крупных гидравлических районов, которые в течение более или менее длительных периодов находились в пределах юрисдикции Багдадского халифата: Египет, Южная Аравия, Вавилония, Персия (северо-восточная и южная Трансоксания и Афганистан). Все эти области порождали большие ирригационные проблемы, и арабские источники содержат сведения о технологических средствах и о многочисленном персонале, необходимом для решения этих проблем.

^с Изучение различных территориальных масштабов и характера моделей, а также межрайонных связей при 'неплотном' гидравлическом строе традиционного Китая см. в [Виттфогель]. [Назад](#)

6.В.6. Степени гидравлической плотности и степени бюрократической плотности

6.В.6.а. Принцип

Бюрократическая плотность агроуправленческого общества изменяется с его гидравлической плотностью. Эта взаимосвязь зависит от таких факторов, как институциональный вес крупных негидравлических сооружений (индейцы зуни пуэбло, удельные царства Китая во времена правления династии Чжоу, Римская империя) и масштабы коммуникационных и/или военных организаций (Ассирия, государство Цинь, ацтекская Мексика). Но такие факторы более видоизменяют, чем сводят на нет основную гидравлическо-бюрократическую связь. Фараонский Египет был сильно бюрократизированным задолго до того, как развилось обширное военное чиновничество. И вряд ли можно сомневаться в том, что, пока инки и ацтеки поддерживали сильные военные организации, у них была более обширная управленческая бюрократия, чем впоследствии.

На накопительном уровне взаимосвязи также отличаются. Конечно, аграрный деспотизм, независимо от того, какова модель его гидравлической плотности, утверждает своё право налогообложения повсюду. Тем не менее способы, которыми реализуется это право, существенно различаются. Хотя неплотное гидравлическое общество с сильным правительством может быть способно собирать налог, больший в процентном отношении к ожидаемому доходу, чем налог, который способно собирать плотное гидравлическое общество со слабым правительством при прочих равных условиях, но более обширная бюрократия интенсивного в управленческом отношении государства со временем становится лучше подготовленной к тому, чтобы справляться с налогообложением, чем менее обширная бюрократия менее интенсивного в управленческом отношении государства.

Сбор излишков сельскохозяйственной продукции был более централизованным в Перу инков, чем в ацтекской Мексике, где местными вопросами занимались не представители правительства, а главы местных кальпулли. В плотных гидравлических обществах древнего Ближнего Востока основная часть доходов, предположительно, собирались правительственными чиновниками, хотя известно, что в определённые периоды в фараонском Египте использовались посредники. Под влиянием греков и римлян откуп налогов возникал на Ближнем Востоке в эллинистическую и римскую эпоху соответственно, но абсолютистские режимы вскоре утверждали свою власть, сперва путём изменения системы откупа налогов, а позже путём снижения её важности. Назначаемые государством (литургические) сборщики налогов, в основном богатые горожане, дополняли финансовую бюрократию, и крупные (бюрократические) собственники земли выполняли аналогичную функцию с большей выгодой и с меньшей опасностью для себя. Таким образом, в гидравлически неплотной Римской империи отказались от независимых откупщиков налогов времён Древней Греции и республиканского Рима без возвращения к старым египетским и вавилонским способам непосредственного бюрократического сбора доходов.

Этот шаг был предпринят на Ближнем Востоке и арабскими правителями, чья власть укоренилась в таких гидравлических центрах, как Дамаск, Каир и Багдад. При династии Омейядов преобладала бюрократическая финансовая система, и откупщики налогов, которых начало использовать правительство Аббасидов, были по-прежнему тесно связаны с бюрократическим строем. В Месопотамии они являлись частью чиновничества. В Китае некоторые местные сборщики налогов не являлись представителями регулярного чиновничества, но бюрократические методы сбора налогов, предположительно, преобладали на протяжении многих веков.

6.В.6.b. Изменяющаяся бюрократическая плотность гидравлической территории

Включение изначально гидравлических или негидравлических территорий в неплотное гидравлическое общество обычно сопровождается развитием сети бюрократических организаций на этих территориях. Подобное произошло, когда древние центры китайской культуры завоевали некоторые 'варварские' регионы Центрального и Южного Китая.

Включение плотной гидравлической территории в гидравлически неплотную империю, как правило, приводит к противоположному эффекту. Правители, которые привыкли работать с менее плотным чиновничьим корпусом, могут также сократить бюрократический аппарат гидравлически плотной области. Подобное произошло, когда долина Нила стала частью Римской империи.

6.В.7. Гидравлически заинтересованная и гидравлически незаинтересованная элита гидравлического общества

Вторым фактором, который может изменить бюрократическую плотность гидравлического общества, является заинтересованность правителей (или отсутствие заинтересованности) в гидравлическом управлении. Как уже говорилось ранее, гидравлическое общество может опуститься до низкого уровня рациональности, если им управляют завоеватели, которые испытывают малый интерес к управленческому земледелию, или если коренная элита этого общества снижает свои производственные усилия. Отсутствие у завоевателей гидравлической заинтересованности обычно является следствием их негидравлического образа жизни. Внутренний упадок может быть связан с сокращением государственных доходов в результате чрезмерного роста собственнических сил или вырождения правящей группы, погрязшей в роскоши тотальной власти.

Пространственное отношение между основными районами политической власти и гидравлической экономики также играет свою роль. Правители могут построить свою столицу близко к главным регионам земледельческого богатства, производящим излишек сельскохозяйственной продукции, или на значительном расстоянии от этих регионов. Причиной решений последнего типа часто может выступать организация обороны, а порой она может быть единственной причиной. Однако нередко правители - особенно правители-завоеватели - предпочитали воздвигать свои столицы в негидравлических пограничных районах, потому что имели более сильное влечение к периферии, чем к центральным областям гидравлического мира.

В Китае центры политического управления и гидравлической экономики более или менее совпадали до первого тысячелетия нашей эры, когда возникло противоречие между растущим плодородием районов Янцзы и нуждами обороны жизненно важной северной пограничной зоны. С тех пор местопребывание центрального правительства менялось снова и снова, но северный регион не прекращал быть в определённой степени гидравлическим, а северные столицы были гидравлическим образом искусно связаны с основными рисовыми районами Центрального Китая через Великий канал.

В Индии большая северная равнина, которая была основным районом гидравлического земледелия, также была местом, где логично размещалась политическая метрополия, и мусульманские правители Индии, как и их индусские предшественники, воздвигали свои столицы именно там. Но они проявляли меньшую гидравлическую заинтересованность, чем предшествующие коренные правители. Хотя они не были лишены управленческого интереса, хотя они создавали и поддерживали крупные ирригационные сооружения, но никогда полностью не восстановили грандиозную гидравлическую экономику, которая возникла и процветала в империи Маурьев. Роль, которую они отводили местным вождям и откупщикам налогов, отражает относительно низкую бюрократическую плотность мусульманской Индии.

Приманкой Востока (East) соблазнили поздние римские императоры. Однако они возвели свою новую столицу не в одном из крупных классических районов гидравлического земледелия (Египте, Сирии или Месопотамии), а на Геллеспонте, классической границе между Востоком и негидравлическим Западом. И несмотря на то, что продолжительное знакомство с управленческим деспотизмом побуждало их планировать и строить в больших масштабах, они довольствовались тем, что руководили своими гидравлическими владениями издали. Очень смелые в том, что касалось создания негидравлических сооружений (больших дорог и пограничных стен), они проявляли гораздо меньшую инициативу в агроуправленческой сфере. Нисколько не испытывая недостатка в гидравлической заинтересованности, они стремились к сбору как можно большего дохода с сельского населения, используя как можно меньший бюрократический штат. Хотя они и были рациональными правителями, но не

реализовали максимум рациональности того гидравлического мира, которым управляли.

Римляне, сделавшие Константинополь столицей своей империи, обладали пятисотлетним практическим опытом эллинистических методов гидравлического управления государством. Турки, покорившие Адрианополь в 1361 году, Константинополь в 1453 году, Египет в 1517 году и Месопотамию в 1534 году, тоже были знакомы с высшими аграрными цивилизациями гидравлического типа; по сути, они жили на окраине гидравлического мира с древних времён. Но возможно, что из-за своего пастушеского образа жизни они были менее заинтересованы в развитии земледелия, чем в военных предприятиях, и предпочли расширение негидравлической периферии усилению гидравлического центра. Правда, крупные ирригационные сооружения Месопотамии лежали в руинах, когда пришли турки, но история Китая и Индии показывает, что с помощью гидравлических усилий можно быстро восстановить то, что уничтожила антигидравлическая деятельность. Турки не порвали с агроуправленческой традицией в Египте или Сирии, но не способствовали важной восстановительной работе в Ираке. Если говорить в целом, они не проявили фактического интереса к гидравлическому развитию. Они достигли чрезвычайного успеха как по-Восточному деспотичные организаторы войны, мира и финансовой эксплуатации, а в немногочисленных крупных административных центрах использовали множество чиновников. Однако, не имея управленческой (гидравлической) заинтересованности, они правили своей обширной империей с помощью относительно небольшого штата профессиональной бюрократии.

6.В.8. Периоды агроуправленческой адаптации, упадка и восстановления

Конечно, экономический менталитет (*Wirtschaftsgesinnung*) правящей группы не является неизменным. Вопреки большим различиям в культурной и социальной ассимиляции, это верно также для ведущих пастушеский образ жизни захватчиков.

Племена завоевателей Китая обычно стремились придерживаться родовых традиций в определённых сферах негидравлического строительства и управления, но многие из них становились по крайней мере поверхностно осведомлёнными о важности ирригационного земледелия. Возможно, никто из северных завоевателей не могли сравниться в активной гидравлической заинтересованности с маньчжурами, которые практиковали ирригацию на родине до того, как завоевали Китай. На Ближнем Востоке династия Омейядов, которая укрепила завоевательную форму правления, созданную первыми последователями Магомета, также проявляла необычайную гидравлическую заинтересованность.

Те завоеватели, которые вели пастушеский и полупастушеский образ жизни, но проявляли интерес к гидравлическим вопросам, делали это, как правило, не на начальном этапе своего владычества, а позже, и часто становились ленивыми и небрежными в управлении прежде, чем их потенциал рациональности бывал исчерпан. С другой стороны, коренные правители часто показывали наибольшую гидравлическую заинтересованность на ранних этапах своего правления, менее настойчиво стремясь к управленческому росту в периоды, когда их власть уже была прочной. В любом случае процесс упадка может быть замедлен благодаря стимулирующим внешним обстоятельствам или ускорен благодаря расширению крупных собственных сил, представители которых присваивают себе всё большую часть излишка национальной продукции^d. Когда один сегмент деспотической элиты (прежде всего двор государя и близкие ко двору группы чиновников) поддаются разлагающему влиянию тотальной власти, другой сегмент (остальные представители чиновничества и их родственники и друзья среди бюрократического дворянства) может захватить власть. В результате этого процесса чрезмерно неразумные особенности элиты могут быть устранены в результате 'очистительной' и 'восстановительной' революции.

События такого рода не изменяют традиционный гидравлический и деспотический строй: они просто восстанавливают его жизнеспособность. Первые правители множества египетских, вавилонских, китайских, индийских, персидских, исламских и мексиканских династий превозносились за свою энергичность и действенность. Восстановительный подъём может также произойти на более поздней стадии династического правления, и тогда, как и в период формирования, серьёзные изменения могут быть сделаны в эффективном гидравлическом управлении и рациональном финансовом администрировании. В обоих случаях наиболее дальновидные и наименее склонные к уступкам силы внутри правящей бюрократии показывают, что могут управлять страной более эффективным способом, чем их порочные, потакающие своим желаниям соперники.

^d Попытку объяснить крупные аграрные и политические кризисы в китайском обществе посредством этого и других социальных факторов см. в [Виттфогель, Фэн]. Анализ аграрных кризисов как общего признака общества Востока см. в [Виттфогель]. [Назад](#)

6.В.9. Живучесть деградировавших агроуправленческих гидравлических обществ

Господствующие мифы деспотизма Востока приписывают успехи, связанные с возрождением, почти каждому основателю новой династии, но объективная оценка фактов приводит к менее лестным выводам. В условиях, не допускающих независимой критики или допускающих политическое давление, непосредственные преимущества тотальной власти имеют гораздо большую привлекательность для элиты абсолютистского аппарата, чем возможные плоды рациональных - хотя и эгоистично рациональных - управленческих усилий. Поэтому потворство своим желаниям является более характерным мотивом поведения, чем желание сохранить оптимальные условия рациональности правителей.

И это справедливо не только для большинства государей, правивших в более поздние периоды, но и для многих родоначальников династий. Такие лица, несмотря на свою энергичность, часто бывают более чувствительны к политическим недостаткам старого режима, чем к управленческим возможностям нового. Получив поддержку основной массы военных и гражданских чиновников, они с готовностью исправляют вопиющие злоупотребления, связанные с налогообложением, принудительным трудом или правосудием, и производят самые неотложные строительные и агроуправленческие улучшения, но не имеют ни дальновидности, ни кадров для того, чтобы поднять гидравлическое правление на значительно более высокий уровень гидравлического и финансового руководства. При многочисленных сменах династий, которые характеризуют историю агроуправленческих цивилизаций, полное возрождение являлся скорее исключением, чем правилом.

Конечно, прекращение всех гидравлических операций парализовало бы земледельческую жизнь, и не только в полностью засушливых областях, но также во многих умеренно засушливых регионах. Следовательно, даже гидравлически незаинтересованное правительство Востока будет прилагать некоторые усилия для исполнения своих управленческих обязанностей. Оно должно будет как-то продолжать гидравлическую деятельность, даже если это потребует значительной зависимости от местных групп населения и будет не слишком рациональным. Во время последней фазы византийского владычества в Египте дамбы и каналы во многих местностях, вероятно, содержались крупными влиятельными землевладельцами, большинство которых имели бюрократические связи. Трудно решить, до какой степени правительственная гидравлическая деятельность была ослаблена этими мероприятиями. Однако даже в этот критический период ирригационная экономика Египта была достаточно непрерывной и достаточно эффективной для того, чтобы прокормить людей и обеспечить огромный доход. Каким-то образом ей удалось сохранить себя. Когда в 639 году появились арабы, численность населения в долине Нила была около семи миллионов человек^e, то есть почти столько же, сколько жило там в эпоху правления династии Птолемеев.

° О начале арабской эпохи см. [Джонсон, Уэст] - 6 000 000 плюс дети и старики. О Египте в эпоху правления династии Птолемеев см. [Диодор] - 7 000 000, ср. [Иосиф Флавий] - 7 500 000. [Назад](#)

6.С. Периферия гидравлического мира

В засушливых или умеренно засушливых местностях оседлые аграрные цивилизации могут долго существовать и процветать только на базе гидравлической экономики. Но на умеренно влажной периферии засушливых и умеренно засушливых стран аграрная жизнь не определяется теми же условиями. Здесь деспотизм Востока может господствовать при малой зависимости от гидравлической деятельности или вне этой зависимости.

6.С.1. Различные рабочие и бюрократические модели плотности в периферийных районах гидравлического мира

В районах гидравлических центров уровни гидравлической плотности предоставляют важнейшие средства для различения уровней институциональной плотности. Однако на периферии этот критерий теряет свою значимость. Вместо этого уровни бюрократической плотности лучше всего определяются подходом, который оценивает относительный рост абсолютистских методов в сферах строительства (в основном негидравлического), организации и накопления.

Сравнение Византии среднего периода и постмонгольской России выявляет важные различия. В Византии поддерживались значительные гидравлические сооружения, в основном для обеспечения питьевой водой^a, которые не имели аналогов в Московской Руси. Также жители Московской Руси не занимались созданием комплексных негидравлических сооружений, как это делали византийцы. Основатели Восточного Рима восстановили имевшуюся ранее сеть дорог, и их большие дороги были основой византийской системы коммуникаций, которая в ограниченной форме продолжала использоваться даже при турках.

Византийцы также выделяли огромные строительные ресурсы на оборонные цели. Они защищали свои границы с помощью большой цепи укреплений, и здесь, как и в области связи, для решения задачи использовался барщинный труд. После победы турок-сельджуков при Манцикерте (в 1071 году) абсолютистское государство ещё продолжало выполнять свои функции, в XII

веке ещё призывали население для работ на дорожной барщине, но мощь прежних времён иссякла. Большая военная дорога, которая в предыдущие годы имела свои периоды упадка и реконструкции, содержалась надлежащим образом только до XI века.

Когда монголы установили свое господство над Русью, они не строили массивных дорог и не возводили пограничных стен или цепей пограничных крепостей. Они удовлетворились тем, что учредили организационные и накопительные методы тотального контроля. Именно в этих двух сферах Византия и абсолютистская Россия были похожими, хотя и не идентичными.

Византийцы хранили отчётность о богатствах своей страны в сложных кадастрах. Они монополизировали быструю связь и систему тайных донесений благодаря государственной почте. Они тщательно контролировали основные ремесленные отрасли и коммерцию, опять же до XI века. И они содержали армию, чьё организованное единство поразительно контрастировало с аморфными воинствами феодальной Европы.

Все эти особенности имеют аналоги в Московской Руси. Сформировавшееся Московское государство регистрировало своё население для финансовых и военных целей, содержало сложную почтовую (эстафетную) систему связи, занимало ключевую позицию в торговле страны, деспотически рекрутировало воинов и деспотически распоряжалось ими^b.

На ранних этапах обоих абсолютистских режимов должностные земли распределялись между лицами, занимавшими государственные должности. В Византии эта система возникла накануне арабского завоевания, во времена беспорядков и военных вторжений, возникла как средство укрепления обороны против персидского нападения. Уходящая корнями в раннюю римскую практику и восстановленная в её классическом виде Ираклием I (610-641 годы), она являлась продолжением образцов, которые существовали на древнем Востоке со времён Шумера и Вавилона, а один из них преобладал в те времена также и в Персии. При системе фем, каждый византийский солдат получал крестьянское хозяйство, которое являлось наследственным, как и его служба, и неделимым.

Этот плебейский вариант абсолютистской системы должностного землевладения продолжался до XI века. Затем, после катастрофического поражения при Манцикерте, государство поместило в центр своей реорганизованной военной системы (и системы должностного землевладения) крупных собственников земли, которые с развитием тяжёлой кавалерии были более полезны в военном деле, чем крестьяне фем^c.

Вместе с этим преобразованием происходило преобразование системы накопления. С VII по XI века правительство собирало большую часть своих доходов посредством своих чиновников. Солдаты фем, которые жили главным образом за счёт своих земель, полученных за службу, не представляли большой

финансовой проблемы^d. Владельцы проной, крупных земельных единиц, которые составляли ядро поздней системы должностного землевладения, предоставляли определённое количество тяжеловооружённых солдат и собирали налоги с крестьян проной. Вместе с вновь появившимися откупщиками налогов владельцы проной (pronoetes) сформировали группу полуофициальных сборщиков налогов, которые были не столько лицами, непосредственно контролируруемыми государством, сколько представителями регулярной финансовой бюрократии.

Протекание аналогичных процессов в России имело индивидуальные особенности. В Московской Руси владельцы должностной земли, помещики (pomeshchiki), поскольку они несли военную службу, изначально были в основном тяжеловооружёнными всадниками, и по причине больших расходов на амуницию им обычно выделялись имения более крупные, чем крестьянские хозяйства. В своих поместьях (pomestye) они собирали налоги со своих крестьян. Следовательно, правительство Московской Руси, как и правительство поздней Византии, собрало только часть своих доходов с помощью профессиональных финансовых чиновников.

Оба режима использовали деспотические методы правления в организационной и накопительной сферах. В строительной сфере такие методы использовались в значительной степени только в Византии, главным образом во время среднего периода империи (до XI века). Сокращавшиеся объёмы строительных работ в Византии после поражения при Манцикерте имели интересную параллель с сокращавшейся численностью финансовой бюрократии. В Московской Руси с самого начала строительная деятельность была несущественной, а финансовая система характеризовалась крупным небюрократическим сектором.

Таким образом, можно констатировать положительную взаимосвязь между рабочей и бюрократической плотностью для периферии так же, как для центральных районов гидравлического общества. Такая взаимосвязь может зависеть от других факторов, причём очень сильно. Но опыт подтверждает то, на что указывают теоретические соображения: при прочих равных условиях плотность деспотической бюрократии стремится к увеличению или уменьшению с увеличением или уменьшением функций бюрократии.

^a Описание некоторых из этих сооружений см. в [Риттер]. Большинство местных и региональных гидравлических сооружений, которые существовали при турках, вероятно, воздвигались византийцами. [Назад](#)

^b В качестве первоисточника см. [Герберштейн], полное описание см. в [Штаден]. Как будет показано ниже, все эти социальные институты существовали до Ивана III (1462-1505 годы), в эпоху правления которого потерпело крах татарское иго. [Назад](#)

^c Острогорский описывает различие в военной сфере между этими двумя группами, которые я сопоставляю здесь с двумя типами должностного землевладения. [Назад](#)

^d Согласно 'Тактике Льва' они, вероятно, платили незначительный налог. [Назад](#)

6.С.2. Рост собственнических сил

В Византии и постмонгольской России государство финансовыми или административными способами контролировало большую часть земель, основная доля которых выделялась как должностная земля воинам, владевшим федами, владельцам проной или помещикам (pomeshchiki). В социальном и экономическом отношении владельцы проной были более могущественными, чем плебейские крестьянские воины, владевшие федами, но они имели большее сходство с российскими помещиками (pomeshchiki), чем с крупными феодалами Западной Европы. Владельцы проной и помещики (pomeshchiki) отдавали часть своего сельского дохода государству, были обязаны абсолютно подчиняться своему правительству и не имели ключевой возможности крупных феодальных и постфеодальных землевладельцев: возможности организовывать независимые общенациональные политические корпорации (генеральные штаты, ландтаги).

Однако такие условия не оставались неизменными. Они существовали в поздней Византии до 1204 года, когда вместо полностью разгромленной империи возникла Латинская империя, и подверглись значительному изменению в последний период существования Византии, который закончился в 1453 году. В России они существовали до 1762 года, когда бывшие земли поместий стала частной собственностью их владельцев.

В поздней Византии и постмосковской России частная собственность и предпринимательство приобрели значительную прочность. Ввиду этого факта можно спросить, во-первых, является ли такое развитие типичным для аграрных деспотий, во-вторых, в какой степени рост собственнических сил являлся ответственным за социальные изменения, которые произошли в Византии с 1261 по 1453 годы, а в России с 1861 по 1917 годы?

В Византии крупная земельная собственность была важным фактором еще до 1071 года, но её значимость сильно возросла, когда в конце XI - начале XII веков землевладельцев, владевших крупными пронойями, наделили дополнительной экономической и судебной властью. После падения Латинской империи владельцы проной, которые ранее обладали своими правами только в течение ограниченного времени, добились права неограниченной наследственной собственности для своих земель. Они также получили гораздо больше налоговых льгот, чем это обычно бывало. Соответствующее

уменьшение правительственных доходов было решающим фактором ослабления Византийской империи, которая в конечном итоге не смогла противостоять туркам.

В царской России события развивались иначе. Здесь индустриализация привела к существенным достижениям в XVIII и особенно в XIX веках, и это развитие было тесно связано с ростом частной собственности, сперва недвижимой (земля), а в конечном счёте и движимой (капитал).

6.С.3. Институциональная живучесть периферийного деспотизма Востока

Но рост собственнических сил не привёл к преобразованию византийского общества, как это произошло в Западной Европе. Также до 1917 года такой рост не позволял российским собственникам возобладать над представителями государственного аппарата. Почему? Осознавали ли полностью данную проблему те, кто пользовались привилегиями тотальной власти? И стремились ли они к тому, чтобы изолировать и парализовать представителей частной собственности?

Легко сопоставить чётко разделённые противоборствующие стороны. Однако реальные условия были гораздо сложнее. В Византии, в царской России и в большинстве других по-Восточному деспотических стран представители аппарата часто были также и собственниками. Следовательно, конфликт между интересами абсолютистского режима и интересами частных собственников и предпринимателей проявляется также - и часто в первую очередь - как конфликт различных представителей одного правящего класса или даже как конфликт разных интересов отдельных представителей этого класса. Почему эти лица как социальная группа в течение длительного времени ставят свои бюрократические интересы выше своих собственнических интересов?

6.С.3.а. Бюрократические интересы благоприятствуют воспроизведению деспотического строя

Гражданский или военный чиновник аграрного деспотизма является частью бюрократической иерархии, которая, взятая в целом, владеет большей властью, большим доходом и большим престижем, чем любая другая группа общества. Конечно, должность, которую он занимает сегодня, и должность, которую он надеется занять завтра, приносят вместе с преимуществами риск полного уничтожения, поэтому его положение небезопасно. Однако под сенью

тотальной власти положение собственника тоже небезопасно, и угрозы его положению не перевешиваются удовлетворением, получаемым от активного участия в авантюрах и в борьбе за привилегии тотальной власти. Таким образом, даже представители бюрократического класса, которые не имеют должностей, не станут оспаривать принципы абсолютистского режима, с которым они могут воссоединиться завтра. И занимающие должности представители этого класса, столкнувшись с крупным конфликтом, агрессивно защищают привилегии, которые дают бюрократическая власть, бюрократические доходы и бюрократический престиж, которыми эти чиновники пользуются в данный момент.

Узкое и упрощённое толкование делает вопрос неясным, сформулировав его только с точки зрения интересов одного человека, самодержавного правителя. Действительно, деспот стремится увековечить свою абсолютную власть, но он не сможет достичь этой цели, не имея эффективного правительственного аппарата. Короли средневековой Европы находили абсолютную власть столь же приятной, сколь приятной находили её и византийские правители. Но последним удавалось то, что не удавалось первым, потому что объединённая византийская бюрократия поддерживала систему тотальной власти, которая благоприятствовала и государю, и представителям аппарата, в то время как наделённые феодами вассалы западных королей защищали и восстанавливали свои привилегии, сохраняя власть короля фрагментированной и ограниченной.

До какой степени возвышение армии в некоторых агроуправленческих странах может быть воспринято как признак феодальной децентрализации? Военные чиновники являются людьми государственного аппарата в той же степени, что и чиновники гражданские, и если первые века Римской империи что-либо и продемонстрировали, то именно это. Ибо как раз тогда, когда военное руководство стало значительным, римский абсолютизм достиг своей зрелости. Кристаллизация деспотической власти в Московской Руси вызвала значительную бюрократическую деятельность, но подавляющее большинство новых служилых людей владели мечом, а не пером. Тот факт, что в поздней Византии главы военного сектора государственного аппарата в значительной степени выступали также в качестве политических лидеров, отражает растущее давление внешней агрессии. Но это не значит, что эти люди служили своему правительству с какими-либо ограничениями и условиями, как бароны и феодалы.

6.С.3.в. Поздняя Византия: истощение, а не творческое преобразование

Мы должны помнить всё это, когда пытаемся оценить влияние крупной собственности на общество поздней Византии. Объём земельной собственности возрастал в течение первых веков среднего периода империи, однако защита

государством крестьянских владений и периодические конфискации крупных имений сильно замедляли такое развитие. После 1071 года контроль стал слабее, но государство по-прежнему держало в своих руках сельскую экономику. Вопреки соответствующим событиям в феодальной Европе, на Востоке (East) никогда не переходило преобразование кадастра из государственной формы в частную. И хотя владельцы проной извлекали личную выгоду, они должны были отдавать правительству значительную часть собранных ими налогов.

После перерыва, связанного с созданием и падением Латинской империи, византийское государство уже не восстановило своё прежнее влияние. Собственники земли были теперь достаточно сильны для того, чтобы удерживать гораздо большую долю излишка национальной продукции, чем могли ранее, но они не сплотили свои ряды. Ни крупные собственники земли, ни представители городского капитала не учредили общенациональных корпораций: штатов. Объём частной собственности возрастал, но собственники оставались политически неорганизованными. Вопреки соответствующим событиям на Западе, рост крупной частной собственности в Византии не породил нового общества. Ему удалось только ослабить и парализовать старое.

6.С.3.с. Чрезвычайная живучесть царской бюрократии

После 1204 года Латинская империя временно заменила традиционный деспотический режим. Могли ли квазифеодальные социальные институты этой империи (и западных врагов Константинополя в целом) повлиять на бюрократический абсолютизм Византии настолько серьёзно, чтобы он никогда не был способен вернуть себе былое превосходство? Другими словами, добились ли сельские и городские собственники успеха в том, чтобы парализовать византийское правительство в последние века, только потому, что внешние силы сломали деспотическую власть?

С фундаментальной точки зрения опыт царской России является в высшей степени поучительным. Постмонгольская Россия была оккупирована несколько раз, но до демократической революции 1917 года абсолютистское правление не было полностью разрушено. Западное развитие сильно стимулировало индустриализацию России. Иностранные деньги текли в частные (капиталистические) предприятия, увеличивая вес собственнического сектора. А западные методы и идеи сильно воздействовали на мысли и поведение русских. Но все эти внешние влияния не разрушили абсолютистский характер государства. Отношение царской бюрократии к собственническим силам - а в конечном итоге также и к труду - по-прежнему определялось условиями, которые долгое время были действенными в традиционном российском

обществе. И это отношение было и оставалось отношением абсолютного бюрократического превосходства.

Элита деспотического государственного аппарата адаптировалась к изменявшейся исторической ситуации с изменявшимися историческими отношениями, но до 1917 года не отказывалась от своей тотальной власти. Когда в начале XVIII века стало очевидно, что индустриализация имела жизненно важное значение для обороны страны, царское правительство не удовлетворилось наблюдением за новыми отраслями промышленности и их регулированием, как делали абсолютистские правительства Западной Европы. Вместо этого оно непосредственно руководило основными предприятиями тяжёлой промышленности и, кроме того, частью предприятий лёгкой промышленности^e, скорее всего, используя для этих целей большинство промышленных рабочих в виде приписной трудовой силы^f.

Век машин создал много новых проблем и в аграрной, и в промышленной сферах жизни. Правящая бюрократия решала их, без сомнения, неуклюже, но успешно в той мере, в какой это касалось сохранения её гегемонии. Царская власть освободила крепостных, но сохранила жёсткий контроль над деревнями, которыми управляла квази-Восточным образом. За последние десятилетия XIX века правительство России посредством прямых и косвенных налогов получило от крестьян, предположительно, почти всю их собственно земледельческую продукцию - почти 50 процентов всего крестьянского дохода. И та же самая бюрократия, которая настолько эффективно поддерживала свои накопительные интересы, была в полной мере готова допустить потерю земельной аристократией значительной части её имений. Между 1861 и 1914 годами площадь земель, принадлежавших этой группе, сократилась более чем на 40 процентов. И программа столыпинской реформы 1906 года показала, что абсолютистское чиновничество было значительно более заинтересовано в создании класса сильных собственников из крестьян, чем в защите земельных привилегий своих собственников-чиновников.

В неаграрном секторе экономики адаптация была столь же искусной. Правительство поощряло частные капиталистические предприятия в промышленности и торговле, а также - в меньшей степени - в сфере коммуникаций и банковском деле. Но в начале XX века оно управляло большей частью железных дорог страны, поддерживало финансовый контроль над обширными монопольными отраслями промышленности и занимало ключевую позицию в сфере иностранных инвестиций. Посредством государственных гарантий это влияло почти на треть немонополизированной лёгкой промышленности, а в 1914 году - не менее чем на 90 процентов горнодобывающей промышленности, ядра тяжёлой промышленности.

Эти данные показывают стратегическое положение, которое царский режим занимал в экономике России в начале XX века. В соответствии с мнением большинства других аналитиков, выдающийся советский экономист Лященко

отмечает, что банковская система России до революции существенно отличалась от банковской системы капиталистических стран Запада. Государственный банк был центральным банком всей русской кредитной системы, а директор отдела кредитования казначейства контролировал весь финансовый аппарат страны.

При оценке общественного строя России не следует опираться на одиночный критерий финансового контроля, но стоит отметить, что один отдел царского государственного аппарата осуществлял контроль всей финансовой системы страны. Учитывая роль царской бюрократии в сельском и городском обществе, трудно избежать вывода, что даже в начале XX века представители государственного аппарата были сильнее общества.

^e В 1743 году государство имело около 63 000 'душ' мужского населения, приписанных к своим уральским горным заводам, и 87 000 'душ' - к поташным заводам, плюс неизвестное число лиц, которые трудились вне этих главных сфер государственного производства, тогда как частные мастерские и фабрики имели около 30 000 (приписанных) 'душ' мужского населения. Сектор управляемой государством промышленности временно сократился при Елизавете (1741-62 годы), но снова значительно вырос за последнюю треть века. По данным четвёртой переписи населения, в 1781-83 годах имелось около 210 000 'душ', приписанных к государственным горным заводам, и 54 000 'душ', приписанных к частным предприятиям. В несколько менее полном отчёте Мануфактур-коллегии сообщалось, что в 1780 году 51 000 'душ' были приписаны к частным горным заводам и около 24 000 'душ' - к предприятиям, находившимся вне главного региона (Урала) российской горной промышленности. [Назад](#)

^f Предприятия тяжёлой промышленности составляли ядро государственных заводов, и до начала XIX века на железных рудниках и в плавильных цехах работали те, кого привлекали к принудительному труду. [Назад](#)

6.С.3.d. Османская империя

Поздний период развития Османской империи сочетает в себе черты византийской и русской моделей. Турецкая империя напоминала Византию, территория которой значительно совпадала с её собственной, тем, что также изначально контролировала классические области гидравлической экономики, и напоминала царскую Россию тем, что также испытывала сильное влияние индустриального общества современной Европы. Она отличалась от Византии тем, что потеря её гидравлических провинций практически совпала с падением

её политической значимости, и отличалась от России тем, что растущее экономическое и культурное влияние индустриального Запада сопровождалось успешным покушением на суверенитет Турции и отчасти предшествовало ему.

6.С.3.е. Разнообразные заключительные стадии эволюции

Во всех трёх странах внешняя агрессия явилась решающим фактором в ослаблении деспотического режима, и это косвенно подтверждает живучесть по-Восточному деспотического строя.

В случае Византии не совсем ясно, было ли заключительное истощение деспотического режима вызвано в первую очередь внешними или внутренними факторами, то есть завоеванием Константинополя в 1204 году или чрезмерным ростом крупного землевладения. Однако ясно, что резкого созидательного отделения растущих собственнических сил от распадавшегося государства не было. Влияние Запада оказалось достаточно сильным для того, чтобы парализовать традиционное деспотическое правительство, но недостаточно сильным для того, чтобы очистить пространство для роста нового сбалансированного и опиравшегося на собственность (капиталистического) общества.

В случае России бюрократический абсолютизм получил смертельный удар извне только в 1917 году. До этого периферийный деспотизм Востока успешно приспособлялся к условиям наступавшей индустриализации. Царское правительство делало всё большие и большие уступки представителям движимой и недвижимой собственности, а на последнем этапе своего существования даже разрешило ряду политических организаций действовать в национальном масштабе. Но несмотря на эти события, бюрократический режим сохранялся только до начала 1917 года.

В случае Турции иностранные державы положили конец независимости Османской империи в серии войн, и хотя в военном разгроме Турции участвовала Россия, влияние Западной Европы преобладало в последовавших после этого преобразованиях. Именно под влиянием Западной Европы в Турции произошли важные конституционные реформы. Из-за меньшей значительности роста независимой собственности в сферах землевладения и капитала турецкие реформы поначалу были даже более поверхностными, чем реформы, совершённые в Российской империи, и это несмотря на то, что первый парламент в Турции был учреждён в 1876/7 годах. Но слабость независимых внутренних сил в некоторой степени компенсировало усиление распада традиционного государственного аппарата, который окончательно рухнул после поражений во Второй балканской и Первой мировой войнах.

6.С.4. Периферийные аграрные деспотии, содержащие значительные гидравлические компоненты

Среди периферийных аграрных деспотий Московская Русь и Византия среднего периода, обнаруживая многочисленные культурные сходства, имеют одну общую черту, которая особенно важна для нашего исследования: ни в одной из этих цивилизаций агрогидравлическая деятельность не играла значительной роли. С другой стороны, Ляо и общество майя, которые в культурном отношении имели мало общего, схожи в том, что гидравлические особенности были несомненно очевидными в обоих случаях.

6.С.4.а. Империя Ляо

Империя Ляо заслуживает особого внимания по ряду причин. Это один из немногих случаев среди дальневосточных обществ завоевателей, когда завоеватели-'варвары' (скотоводы), в данном случае - кидани, правили частью Китая без смещения своего политического центра из Внутренней Азии, где находились их пастбища, в подчинённые (северные) китайские территории. Ляо является первой из четырёх великих династий завоевателей в китайской истории, три другие были Цзинь (правили чжурчжэни), Юань (правили монголы) и Цин (правили маньчжуры). Поэтому социальные институты Ляо имеют важные параллели с институтами династий Цинь, Юань и Цин, а также других династий завоевателей, проникавших в Китай и другие страны⁶.

За двести лет своего правления кидани не приобрели никакого реального понимания возможностей гидравлического земледелия. Вместо этого, ничем не отличаясь от других привычных к верховой езде 'варваров', они смотрели с подозрением на ирригационные поля, которые мешали свободным манёврам их кавалерии. Однако большая часть их аграрных территорий имела длительную гидравлическую традицию. Каналы вырыли и реки обнесли дамбами до установления власти Ляо в Северном Китае и Маньчжурии, и завоеватели кидани, скорее всего, в полной мере желали сохранить это гидравлическое наследие. Когда наводнение в провинции Хэбэй затопило тридцать деревень, имперским указом было предписано углубить старые каналы, а когда в 1074 году обильные дожди угрожали населению бассейна реки Ляохэ, управитель северных земель издал указ о крупномасштабной мобилизации трудоспособных мужчин, проживавших близ реки, чтобы достроить речные дамбы. Один опытный чиновник предупредил, что такие крупномасштабные работы в то время не были выгодными, и просил, чтобы барщинный труд прекратили.

Императорский двор одобрил это и прекратил работы. Последующие события показали и обоснованность предупреждений чиновника (река больше не вызывала бедствий), и масштаб и бремя гидравлической барщины (по берегам реки на тысячу ли не было человека, который не оказался бы очень доволен).

Правительство Ляо было настолько же хорошо подготовлено к использованию своей рабочей силы на негидравлических сооружениях, и делало это значительно охотней. Большие дороги содержались и ремонтировались, однажды - с привлечением огромной барщинной рабочей силы численностью двести тысяч человек; были возведены цепи укреплений вдоль границы; две новые столицы, множество дворцов, храмов и гробниц построили северней от прежних мест средоточия китайской культуры. Литературные описания и археологические находки дают понять, что трудовая повинность в Ляо была столь же эффективной с точки зрения правителей, сколь и обременительной с точки зрения народа.

Будучи великими строителями, правители Ляо также были великими организаторами. Их чиновники регистрировали население в целях налогообложения, трудовой повинности и несения военной службы. Их почтовая система была сложной и быстрой. А их армия была слаженной боевой машиной. У нас есть основания полагать, что Чингисхан сформировал свою собственное ужасающее воинство по образцу армии Ляо.

Это строительное и организационное развитие было дополнено подлинно гидравлическими методами накопления. Правда, некоторые пользовавшиеся доверием территории платили только свой винный налог центральному правительству, но эти регионы составляли лишь незначительную часть государства, и в конце концов большинство из них оказалось под полным контролем правительства. В подавляющем большинстве всех административных единиц государство требовало от своих подданных уплаты налогов, также как требовало от них исполнения трудовых обязанностей и несения военной службы. Влиятельные семьи и монастыри стремились к тому, чтобы домочадцы и члены общины проживали на своей земле, исключённой из государственных реестров, но несомненно то, что государство не делало уступок в своих притязаниях на уплату ими налогов.

Окончательный кризис власти Ляо имел все признаки династического кризиса в условиях типичного аграрного деспотизма. Здесь, как и в аналогичных обстоятельствах, собственники земли увеличили свои накопления, но не свою организационную мощь. Распад династии не привёл к появлению основанного на праве собственности промышленного строя. Вместо этого он привёл к восстановлению и омоложению старого агроуправленческого общества.

§ Такое исследование стало возможным благодаря тому, что китайские подданные Ляо, обучаясь историографии, записывали сведения о социальных

институтах общества Ляо более полно, чем писцы большинства других обществ завоевателей Азии, в которых господствовали правители, ведущие скотоводческий образ жизни. Причины этого явления обсуждаются в [Виттфогель]. [Назад](#)

6.С.4.в. Общество майя

Цивилизация майя имеет экологические и культурные особенности, которые по некоторым причинам являются уникальными. Но эти уникальные особенности накладываются на строительные, организационные и накопительные условия, поразительно схожие с теми же условиями других периферийных агроуправленческих обществ.

Древние майя жили на обширной территории, которая включала большую часть современной Гватемалы, западную часть республики Гондурас, весь Британский Гондурас и Юкатан. Как в большинстве областей Центральной Америки, там имеется резкое разделение количества дождей в течение года. С мая по октябрь их выпадает много, в то время как на оставшийся период приходится мало дождей. Эта дихотомия стимулировала сложное гидравлическое развитие на территориях, которые граничат с областью мексиканских озёр, а также в некоторых горных районах дальше к югу, в зонах проживания майя в Гватемале и Гондурасе. Однако на обширных участках территории проживания майя геологические особенности оказали решающее влияние и ограничили гидравлическую деятельность. Почти вся низменная равнина Юкатана и большая часть зоны холмов между этой равниной и высокогорьем состоят из чрезвычайно пористого минерала: известняка; следовательно, осадки быстро впитываются и оказываются глубже легкодоступного уровня.

Конечно, ландшафт, который исключает образование рек и озёр, совершенно непригоден для ирригационного земледелия. Хуже. Отсутствие естественных мест скопления питьевой воды, кроме некоторых подобных скважинам бочагов, представляет собой серьёзную помеху для любых постоянных многолюдных поселений. Поэтому люди, стремящиеся создать подобные поселения, должны предпринимать согласованные действия не для ирригации, а для сбора и хранения питьевой воды. Мы вправе ожидать, что результатом таких действий окажутся гидравлические сооружения, которые играют незначительную роль в других аграрных обществах.

Когда Кортес в 1519 году ненадолго посетил Юкатан, он отметил скважины (pozos) и водные резервуары (albercas) в жилищах знати. А в 1566 году Ланда в первом систематическом описании цивилизации майя подчеркнул уникальные трудности местности, связанные с водой, и то, как люди обеспечивали себя водой отчасти благодаря собственным усилиям, отчасти благодаря природным

условиям. Показательно, что Ланда, как и авторы 'Сообщений о делах на Юкатане'^h, в первую очередь выделяет приспособления для обеспечения водой, сделанные людьми.

Сооружениями для обеспечения питьевой водой были (1) искусственные скважины (pozos или cenotes в первоначальном смысле этого слова майя), (2) чултуны (chultuns) и (3) сделанные людьми крупные резервуары (aguadas). В 'Сообщениях' описано, что искусственные скважины (pozos) есть повсюду в низине, и первые наблюдатели вполне понимали трудности выкапывания и содержания хороших скважин без использования металлических инструментов. Даже с применением металлических орудий содержание и использование сделанных людьми скважин часто требовало слаженных совместных действий. В некоторых случаях использовавшиеся методы основывались на замысловатых ритуалах древней веры, предусматривавших активное участие населения города.

Но сколь бы важными ни были сеноты (cenotes), они, как правило, не обеспечивали водой многочисленное население. По словам Касареса, современного инженера с Юкатана, если бы для подачи воды пришлось зависеть только от скважин, большая часть полуострова не была бы заселена. Если это так, то цистерны и агуады (aguadas) Юкатана становятся принципиально важными.

Чултуны, бутылевидные подземные сооружения с круглыми отверстиями, были обнаружены в нескольких местах. Стивенс писал, что их много в Ушмале, они расположены в таких местах, где их меньше всего ожидаешь, они хаотично и рискованно расположены вне очевидных маршрутов, и даже в последний день своего визита Стивенс и его спутники постоянно находили новые чултуны. Вероятно, эти сооружения обеспечивали водой огромные резервуары для снабжения города.

В некоторой степени. Помимо сенотов и цистернⁱ, древние майя строили большие бассейны или озёра, агуады. Даже для холмистых районов, где рельеф имел естественные бочаги или впадины (sartenejos), Касарес считает агуады, естественные или искусственные, более важными. Те, что были сделаны людьми, сильно отличались по форме и качеству, имели самые разные размеры, у некоторых было дно, выложенное камнями, у некоторых каменного дна не было. Истинные произведения искусства, они демонстрировали изобретательность и квалификацию своих строителей.

Немногие учёные искали эти агуады с таким интересом, как исследователь-пионер Стивенс. На первый взгляд, многие агуады выглядели естественными, и информаторы Стивенса были уверены - и недавние исследования доказали их правоту, - что сотни агуад, возможно, были в то время зарыты в лесах, откуда некогда поставлялась вода плодovitому населению Юкатана.

С точки зрения гидравлической организации важность этого факта едва ли возможно переоценить. Сеноты обычно требовали совместных усилий лишь небольших общин, а городские цистерны, вероятно, создавались и содержались бригадами рабочих, которые строили за свой счёт господские дома. Но в случае агуад широкомасштабное сотрудничество было необходимо. В середине XIX века одному хозяину ранчо, который хотел очистить агуаду возле своего поместья, пришлось обеспечить сотрудничество всех ранчо и гасиенд на много миль вокруг. Когда наконец он должным образом заручился их поддержкой в этом деле, на него одновременно работали полторы тысячи индейцев и восемьдесят управляющих. Такая рабочая сила, требующая большой степени согласованности, понадобилась для того, чтобы очистить одну агуаду с использованием металлических инструментов. Бесспорно, в условиях каменного века древних майя в очистке и тем более постройке цепи агуад участвовали огромные рабочие бригады.

Прежде чем институциональный вес сделанных людьми сенотов, цистерн и агуад может быть полностью определён, должны быть проведены дальнейшие исследования. Но даже наше нынешние ограниченные знания дают нам право утверждать, что строительная деятельность майя включала в себя немаловажную гидравлическую отрасль. Агуады использовались не только в низинах, но и в зоне холмов, где были расположены некоторые из самых древних центров цивилизации майя. И ирригационные каналы, искусственные озёра и другие известные типы гидравлических сооружений были обнаружены в высокогорном секторе области проживания майяⁱ и, конечно, также в зоне холмов^k.

О негидравлических сооружениях древних майя писали часто. В ранних испанских записях подчёркиваются размеры домов и величественных зданий, которые народ строил для своей светской элиты и жрецов, и грандиозные руины подтверждают ранние письменные свидетельства. Массивные каменные дороги соединяли ряд городов и, как и пирамиды, дворцы и храмы, требовали множества рекрутируемых барщинных рабочих.

За определённые типы строительной барщины не предоставлялась никакая компенсация, и подобная политика была распространена также и в отношении других видов барщинного труда, включая земледельческие работы на господ. Но независимо от того, были ли соглашения об оплате трудовых услуг одинаковыми или нет, вряд ли могут быть сомнения в том, что простые люди работали на своих господ дисциплинированно. Знатные люди (очевидно, чиновники), которым беспрекословно повиновались, действовали от имени правителя. О власти государя, который управлял либо одним городом-государством, либо группой таких городов, можно судить по тому, что местные чиновники не получали никакой доли налога, который они собирали для центральной власти^l. Так называемые 'городские советники', помогавшие местным высшим чиновникам, возглавляли некоторые районы города, собирали дань и принимали участие в других городских делах. Согласно одному

местному описанию, чиновники административных районов города должны были в надлежащее время следить за сбором дани и работой (общественным трудом?) и собирать людей своих районов для проведения торжественных обедов и праздников, а также в случае войны. Дополнительно к различным гражданским чиновникам, которые пользовались иероглифами и, среди прочего, хранили записи о земельных участках, имелись военные чиновники, назначавшиеся на свои посты пожизненно или сроком на три года. Кадровые войска состояли из лучших мужчин, которые участвовали в большинстве сражений и получали специальную компенсацию, но другие мужчины также могли быть призваны. Правители определяли (и ограничивали) продолжительность кампании в соответствии с прагматическими соображениями, период земледельческого затишья, с октября до конца января, рассматривался как наиболее подходящее время для ведения войны.

В сфере накопления власть режима над его подчинёнными была такой же неограниченной, и нет никаких оснований сомневаться в том, что правители использовали свои возможности в полной мере. Считается, что дань была необременительной, и суммы, запрашиваемые у отдельных семейств, возможно, действительно были скромными. Но следует помнить, что при мексиканском и инкском господстве подданные, которые обрабатывали поля для государства и храмов, налогов не платили. В отличие от них простые люди майя, которые работали на полях своих господ, дополнительно поставляли кукурузу, бобы, перец, домашних птиц, мёд, хлопчатобумажную ткань и мясо диких животных. В одном местном отчёте подразумевается, что такая дань носила добровольный характер, а в другом, сделанном в той же местности, отмечено, что любого, кто не заплатил бы дань, принесли бы в жертву богам.

^h Иногда основное внимание уделялось размещению естественных скважин (pozos). [Назад](#)

ⁱ Стивенс предполагает, что чултуны Ушмаля обеспечивали водой жителей разрушенного города, по крайней мере, частично. Касарес также упоминает об ограниченной пригодности этих цистерн для удовлетворения потребностей в воде большинства древних городов. [Назад](#)

^j В старом городе майя Паленке Стивенс обнаружил остатки водного канала, выложенного крупными камнями. Блом обнаружил сложную дренажную систему в другом месте руин. Он также обратил внимание на довольно сложную ирригационную систему в Аматенанго в штате Чьяпас, области, которая раньше была частью древней империи Майя. Далее на восток, в Гватемале, Стивенс нашёл большое искусственное озеро, сделанное для сдерживания нескольких потоков. Канал в Гондурасе, вероятно, доисторический, мог служить для ирригации большей части нижней равнины в районе озера Лаго-де-Йохоа. [Назад](#)

^k Зона холмов, расположенная между горной областью и Северным Юкатаном, содержит похожие на желоба и корыта впадины, их глинистая почва служила дном для озёр, заболоченных низин и потоков, но даже здесь большая часть местности состоит из настолько пористого известняка, что естественные осадки быстро оказываются глубже легкодоступного уровня, создавая опасный дефицит воды в течение трёх или четырех месяцев ежегодно. Бутылеобразные чултуны, вырытые в твёрдом известняке повсюду в регионе, могли использоваться для хранения воды, если их стены обрабатывались водонепроницаемой штукатуркой. Одна из агуад вблизи Уашактуна, несомненно, являлась остатком древнего резервуара, и при раскопках её дна мог быть обнажён каменный пол, которым она первоначально была вымощена. [Назад](#)

^l Местных чиновников обеспечивали люди, которые работали на их полях, содержали их дома и служили им лично. [Назад](#)

6.С.5. 'Неплотное L2' или 'периферийное M1'?

Наше исследование Византии, России, империи Ляо и цивилизации майя приводит к некоторым выводам. Гидравлическая плотность этих четырёх институциональных комплексов в каждом случае сильно варьируется: очень низкая или нулевая в первых двух случаях и относительно высокая в двух последних. Фактически, разумно классифицировать Ляо и майя как пограничные случаи неплотных гидравлических обществ: варианты L2, пользуясь нашими обозначениями. На данный момент мы будем рассматривать их традиционно в качестве периферийных M1 (Marginal 1) обществ Востока с существенными гидравлическими компонентами, смежных с периферийными M2 (Marginal 2), то есть обществами Востока с малой гидравлической составляющей или без неё.

Близость M1 к L2 и разрыв между M1 и M2 являются столь существенными, как и тот факт, что все варианты периферийного типа используют организационные и накопительные методы деспотического управления государством. Таким образом, какими бы периферийными они не были в гидравлическом плане, все они по их методам социального контроля, безусловно, относятся к миру Востока.

6.С.6. Фрагментирующие модели наследования и господствующая религия, зависящая от правительства

Можно привести множество дополнительных данных для подкрепления нашей основной классификации. Но здесь мы должны ссылаться только на два особо важные критерия: фрагментирующая система наследования и подчинение религиозного влияния.

'Свод Юстиниана' (новелла 118) предписывает равное разделение имущества между детьми умершего человека. Это положение, независимо от его происхождения, полностью подходит для нужд аграрного деспотизма.

В России условия владения собственностью изменились настолько сильно, насколько сильно изменились и институциональные модели, частью которых были эти условия. Вотчинная (*votchina*) земля, форма прочной собственности знати в домонгольский период, не подвергалась фрагментации, и этот обычай сохранялся до тех пор, пока спустя длительное время знатные владельцы этой земли не стали вынуждены служить государству. Поместная (*поместье*) земля была землёй должностной. Первоначально она передавалась от отца к одному сыну, но так как все взрослые мужчины были обязаны нести гражданскую или военную службу, то поместье в конце концов стало считаться семейным владением, которое делилось между несколькими наследниками отца. Когда возросшая важность огнестрельного оружия привела к замене кавалерии, состоявшей из аристократов, пехотой, состоявшей из простых людей, потребовалось меньшее количество знатных служилых людей, и Пётр I, объединивший поместные и вотчинные земли, учредил новый тип наследования служебной (государственной) земли. Указ 1731 года являлся важным этапом в процессе превращения поместной земли в частную. С этого года поместная земля делилась между детьми, причём поровну между всеми, в соответствии со сводом законов.

В Западной Европе знать сформировалась в период договорной и ограниченной (феодальной) государственной службы, сформировалась со своей земельной собственностью, усиленной благодаря праву первородства и майоратного наследования. В противоположность этому, а также в противоположность коренной традиции вотчинного землевладения, знать царской России сформировалась в период обязательной и неограниченной государственной службы, сформировалась со своей земельной собственностью, ослабленной благодаря закону наследования, который предписывал фрагментацию имущества.

В обществе Ляо правящий родовой слой, предположительно, отверг право первородства, за исключением вопроса имперского наследования, сохранив тем самым свои скотоводческие *обычаи*, что позволило всем сыновьям иметь долю семейной собственности. В своём китайском секторе правители Ляо осмотрительно поддерживали традиционные китайские законы. Многие указы восхваляли китайских подданных, которые следовали тому, что считалось идеальным образцом китайских семейных отношений. Таким образом, у нас нет

никаких оснований сомневаться в том, что правительство также оставило в силе китайский закон фрагментирующего наследования.

Безусловно, фрагментирующая модель наследования преобладала у майя. Ланда писал, что эти индейцы не разрешали своим дочерям наследовать имущество наряду с их братьями, за исключением случаев, когда это делалось как одолжение или из-за доброжелательности, и тогда они давали им некоторую часть накопленных средств, а братья делили остальное поровну, за исключением того, кто более всех способствовал увеличению имущества: ему давали долю, равноценную его усилиям.

В Византии церковь, будучи с самого начала организованной в национальном масштабе, была хорошо подготовлена к тому, чтобы стремиться к независимости. Но правители Восточного Рима и ранней Византии рассматривали религию как часть публичного права (*jus publicum*), и даже после катастрофы VII века византийское правительство было в состоянии бороться со стремлением церкви к автономии. В X веке император по-прежнему играл решающую роль в выборе патриарха. И он также мог вмешиваться в церковное управление благодаря своему судейскому положению.

Важно отметить, что церковь стала более независимой на последнем этапе среднего периода истории империи, но даже тогда император ещё мог заставить неугодного патриарха отречься от престола¹⁴. Только после периода Латинской империи полностью разрушенное самодержавие было вынуждено терпеть почти автономную церковь.

В царской России бюрократический режим показал свою огромную жизнеспособность, победив Восточную Церковь, которая после падения Византии сместила свой центр в Москву, 'Третий Рим'. В конце монгольского периода становившееся всё более могущественным русское государство оказывало постоянно возрастающее влияние на церковь. Иван III захватил половину монастырской земли в Новгороде, Иван IV Грозный потребовал увеличения налогов с церковных земель, а в 1649 году новый Монастырский приказ ещё более ужесточил государственный контроль над церковью. В 1721 году Петр I упразднил патриаршество и учредил государственный орган для контроля над церковью: Священный Синод. А спустя несколько десятилетий, в 1764 году, государство захватило без компенсации большую часть церковных земель, назначив только одну восьмую часть доходов с земель в пользу духовенства. В результате сочетания этих политических, религиозных и экономических мер церковь всё больше и больше становилась частью административной машины государства.

В обществе Ляо проблема независимой церкви никогда не возникала. Правительственные чиновники во главе с императором разделяли руководство религиозными церемониями с различными шаманами, которые, подобно жрецам буддистских храмов, явно не были объединены в какую-либо общенациональную и независимую организацию ('церковь').

Уже упоминалась тесная связь между светской и религиозной властью у майя. Правитель удельного царства, халач виник (*halach uinic*), скорее всего, выполнял определённые религиозные функции, а некоторые жрецы также могли быть военными вождями. Но ничто не указывает на то, что жрецы великих храмов были связаны друг с другом в какую-либо единую организацию, за исключением тех случаев, когда они участвовали в работе правительства. Скоулз писал, что во многих случаях жреческие и политические функции были объединены таким образом, что было трудно или вообще невозможно разделить их.

^m Один серьёзный конфликт был окончательно решён в пользу церкви не потому, что церковь была такой сильной и независимой, а потому, что высшая бюрократия выступила против государя. [Назад](#)

6.С.7. Расположение, возникновение и институциональная уязвимость периферийных аграрных деспотий

Средняя и поздняя Византия, империя Ляо и общество майя заостряют внимание на некоторых институциональных различиях периферийных аграрных деспотий. Обсуждение других соответствующих цивилизаций внесло бы дальнейшую дифференциацию в картину, которую мы имеем для этого важного подтипа. Например, живущие в Аризоне индейцы хопи довольно мало занимались гидравлическими предприятиями (в основном - чисткой родников), но их строительная деятельность впечатляет.

Жители Тибета столкнулись с определёнными задачами ирригации в долинах рек высокого плато, но гидравлическая значимость этих задач, вероятно, была не велика. Тем не менее 'монахи-чиновники' создали хорошо функционирующую службу труда, а также сложную и быструю почтовую систему. Обладатели пожалованной в дар земли безоговорочно служили правительству как обычные чиновники, а финансовый аппарат требовал налогообложения основной массы населения.

Цари древней Малой Азии и некоторые удельные правители в Древнем Китае были в большей степени выдающимися строителями и организаторами, чем гидравлическими инженерами. Но как только общий институциональный знаменатель становится ясным, легко понять, что все эти цивилизации представляют собой варианты периферийного типа гидравлического общества.

Как же возникали эти периферийные формы? И насколько открытыми для изменений они были? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, мы

должны рассмотреть их относительное расположение, то есть их пространственную связь с основными гидравлическими областями мира.

6.С.7.а. Расположение

Взяв основные гидравлические зоны Старого и Нового Света в качестве координат, мы находим места периферийного развития, такие как, например, негидравлические удельные царства Древнего Китая, разбросанными между определёнными гидравлическими областями. Многие другие примеры такого развития (племя хопи пуэбло, царства древней Малой Азии, Византия среднего периода, Тибет, Ляо и майя) возникают на географической периферии какой-либо гидравлической зоны.

Однако Россия не относится к этим случаям. Русь не имела близких гидравлических соседей, когда в XIII веке монголы начали вводить по-Восточному деспотические методы правления. Случаи, подобные России, являются скорее исключением, чем правилом, но они служат тому, чтобы продемонстрировать, как периферийные аграрные деспотии могут возникать на большом расстоянии от ближайшего значительного центра гидравлической жизни.

6.С.7.б. Возникновение

Относительное расположение большинства периферийных агроуправленческих государств с большой вероятностью свидетельствует об их происхождении. Очевидно, что основная часть таких режимов возникла не ранее -(и часто явно позже), чем старейшая гидравлическая цивилизация данного региона. В некоторых случаях, таких как Византия, периферийная территория отделилась от старого (неплотного) гидравлического комплекса. В других случаях периферийная территория прилежала к области собственно гидравлического общества, и хотя их взаимоотношения не всегда можно проследить по документальным источникам, представляется вероятным, что второй тип стимулировал первый.

Строительные, организационные и накопительные модели гидравлического центра могли быть непосредственно перенесены в негидравлические регионы в периоды временного контроля над ними. Или местные лидеры могли перенять способы властвования своих гидравлических соседей, которые, с точки зрения правящей группы, имели многое, чему следовало поучиться и что можно было

легко применить к обществу, которому не хватало крепких, хорошо организованных и независимых собственнических, военных и идеологических сил. Или специалисты в сфере управленческого и деспотического контроля могли переселиться со своей гидравлической родины на прилегающие негидравлические территории в результате бегства или по приглашению стать учителями или соправителями в новой среде.

Вероятно, знакомства с гидравлическими методами организации и накопления было достаточно на институциональном уровне для того, чтобы стимулировать переход от неплотно согласованного негидравлического племени к негидравлическому управленческому сообществу. Таким образом, легко понять, почему индейцы хопи строили похожие на крепости деревни, аналогичные деревням индейцев пуэбло, которые вели более характерный гидравлический образ жизни; почему, как и жители других племён пуэбло, они объединяли свои рабочие бригады под руководством общинных лидеров; почему они обрабатывали поля своего верховного вождя.

Сочетание государственно-централизованных гидравлических и периферийных агроуправленческих обществ может возникнуть на сложной племенной основе. В доисторическом и протоисторическом Китае такое развитие, возможно, стимулировалось разнообразными длительными культурными контактами: визитами, союзами, торговыми отношениями и завоеваниями.

Внедрение периферийных агроуправленческих социальных институтов племенем неаграрных завоевателей представляет собой ещё одну генетическую модель. В этом случае завоеватели применяют и переносят организационные и накопительные методы гидравлического управления государством, хотя сами серьёзно не занимаются земледелием даже в его негидравлической форме. И, будучи кочевниками, они могут переносить эти методы управления далеко за пределы политического и культурного влияния любой крупной гидравлической области. Монгольское завоевание Руси демонстрирует обе особенности¹.

Власть киданей отличалась от власти Золотой Орды как по характеру, так и по происхождению. Основная часть земледельческих регионов империи Ляо ранее была частью старого, неплотного гидравлического мира Китая, и элита киданей легко сохранила традиционно абсолютистское управление китайских чиновников, которые были готовы выступать в качестве младших партнёров в несколько непростом, но работоспособном альянсе. Подобно монголам Золотой Орды, соплеменники кидани в подавляющем большинстве оставались скотоводами, но их правящая группа объединилась в тесном сотрудничестве с по-Восточному деспотичными чиновниками, которые руководили огромными негидравлическими сооружениями и даже значительной гидравлической деятельностью.

Периферийные агроуправленческие общества, рассмотренные в нашем исследовании, зарождались различными путями, но все они, скорее всего, произошли от плотных или неплотных гидравлических обществ. Во многих

случаях такое происхождение является несомненным, в других случаях - вероятным. Но действительно ли это необходимый и единственный путь?

Ни в коем случае. Вполне возможно, что некоторые агродеспотические общества возникли независимо друг от друга. Но очевидно, что мы можем предположить такое развитие событий только тогда, когда вызывающий сомнение деспотический строй выполняет организационные и накопительные функции гидравлического правительства и, по географическим и историческим причинам, институциональное взаимовлияние может быть исключено как вообще маловероятное. Признав возможность независимого зарождения, я должен добавить, что случаи, когда агродеспотические режимы (в терминах нашего исследования) безусловно или возможно имеют гидравлическое происхождение, столь многочисленны, что случаи, когда может быть установлено независимое зарождение, существенно не изменяют наше основное утверждение. Практически все исторически значимые агродеспотии, которые не выполняли гидравлических функций, скорее всего, произошли от гидравлических обществ.

ⁿ Попытка объяснить возникновение московского деспотизма как следствие внешнего военного давления обычно приводит к мнению, что это давление в основном оказывали восточные (Eastern) кочевые агрессоры. Имитация методов деспотической власти не-'Восточным' правительством, конечно, возможна, особенно если в неправительственном секторе общества не хватает крепких, хорошо организованных и независимых собственнических, военных и идеологических сил. Однако знатные владельцы вотчинной земли не были лишены силы, хотя и не организовывали корпорации, и фактические события монгольского периода показывают, что Великие князья Московские, которые начали подчинять себе владельцев вотчин, сами в течение длительного периода времени непосредственно подчинялись татарам. [Назад](#)

6.С.7.с. Институциональная уязвимость

Прямая или косвенная связь с агрогидравлическим центром выглядит необходимой для возвышения практически всех периферийных аграрных деспотий. Но непрерывная связь не является обязательной для их сохранения. Эти периферийные аграрные деспотии стремились выживать даже при серьёзных внутренних кризисах без поддержки со стороны любой центральной гидравлической области. Однако они в большей степени, чем центральные области, были подвержены потере своей институциональной идентичности под воздействием внешних негидравлических сил.

Очевидно, что чрезвычайно трудно создать эффективный противовес аппаратному правительству, которому удалось подавить, нанести ущерб и разбить на части те собственнические, военные и идеологические силы, которые позволили средневековой (феодальной) Европе превратиться в индустриальное общество. Серьёзные политические кризисы происходили во всех гидравлических обществах. Но способ, которым представители аппарата преодолевали кризисы, демонстрирует живучесть их методов организации и эксплуатации. Целеустремлённые политические активисты стремились восстановить только тщательно испытанный тип правительства, который в то же время гарантировал им тотальную власть и тотальное превосходство. И их усилиям по восстановлению значительно способствовала политическая и организационная бездарность их неправительственных соперников. Среди крупных собственников земли, даже если их было много, те, что являлись политически честолюбивыми, гораздо больше стремились захватить тотальную власть, чем ограничить её. А представителям движимой (капиталистической) собственности, даже если их оказывалось много, было настолько непривычно рассуждать в терминах государственной власти, основанной на праве собственности, что они довольствовались преуспеванием в своей предпринимательской деятельности, не делая ставку на политическое руководство, которое было столь характерным для буржуазии Запада, мыслившей иначе.

Подвергаясь воздействию сильных внешних негидравлических сил, гидравлическая периферия является определённо более непрочной, чем центральная гидравлическая область. Захваченный кочевыми племенами гидравлический Северный Китай временами бывал разделён на несколько территориальных единиц, но даже тогда, когда завоеватели-'варвары' становились правителями, эти регионы сохраняли свою традиционную агродеспотическую структуру власти. Напротив, периферийное гидравлическое общество Западного Рима рухнуло под натиском племён варваров, и выявились не-Восточные формы правления и общества. Кроме того, рассматривая судьбу поздней Византии, кажется правомерным предположить, что более сильный управленческий (гидравлический) строй перенёс бы латинское завоевание, не уступая собственническим силам в пределах своих границ до момента полного краха. Недавние события в России являются особенно ярким примером. Потрясённая, но не покорённая агрессией извне, царская бюрократия допустила распространение западных идей, рост частных предприятий, а также учреждение антисамодержавных групп и партий, которые в 1917 году временно превратили общество России из моноцентричного в полицентричное^о.

^о Более подробное обсуждение этого явления см. ниже, гл. 10. [Назад](#)

6.D.1. Феномен

Эффективная согласованность абсолютистских методов организации и накопления является минимальным требованием для поддержания подлинного аграрного деспотизма. За пределами его периферии мы находим цивилизации, которые проявляли отдельные особенности гидравлического управления государством, хотя и не имели подобного сочетания методов. Области, в которых такие отдельные признаки встречаются при другом общественном строе, составляют околопериферийную зону гидравлического мира.

6.D.2. Случаи

6.D.2.a. Протоисторическая Греция

Тот, кто занимается институциональным анализом протоисторической Греции, не может не удивиться гидравлической особенности минойского Крита. Безусловно, эта цивилизация обязана всемирной известностью своим морским связям, но, признавая это, мы не должны забывать, что одна только близость к морю мало что объясняет. Древние критяне, как и другие народы-мореплаватели, создали свою талассократию на основе конкретных внутренних условий.

Не ясно, в какой степени эгейские методы доставки воды искусственным путём и использования каналов и рвов для улучшения земледелия придали минойскому обществу гидравлический характер. Однако ясно, что островитяне творили чудеса в том, что касалось дренажа и, вероятно, водоснабжения. Мы должны учитывать, что Крит покрывала сеть превосходных дорог. И у нас есть основание полагать, что руководитель общественных работ занимал высокое положение в сложной и централизованной системе управления страной. Минойская письменность до сих пор не расшифрована, но правительство, безусловно, использовало её повсюду для бюрократических методов регистрации и учёта, которые передавались и совершенствовались из века в век.

Эти и другие факты подтверждают мнение о том, что минойская цивилизация была по существу неевропейской. И хотя у минойцев было слишком много культурных особенностей, чтобы считать их общество частью Востока (East), они имели некоторые очевидные, даже близкие связи с Малой Азией, Сирией и

Египтом. Эренберг считает, что жизнь царей Кносса и Феста, подобная жизни султана, их суды, их чиновники, их экономика особенно обнаруживали признаки, схожие с теми, которые были у царей на Ближнем Востоке; минойские цари в равной степени отличались от всего западного.

Протогреческая микенская цивилизация, которая возвысилась, когда минойская власть пришла в упадок, явилась причиной значительного квазигидравлического развития в Арголиде и Беотии, а возможно, и в других частях восточной (eastern) Греции. Между серединой и концом второго тысячелетия до нашей эры микенские специалисты провели крупные дренажные работы вокруг озера Копайда в Беотии, и они покрыли Арголиду сложной сетью дорог. Их правители жили в огромных зданиях, подобных замкам, и воздвигали монументальные гробницы. Бенгтсон сравнивает их строительные достижения с великими творениями древнего Востока, пирамидами и зиккуратами. Правда, мы ничего не знаем о бюрократии, также ограниченным видится использование ранней письменности. Но, несмотря на такие ограничения, Бенгтсон считает, что только сильная центральная власть могла планировать и выполнять такие работы, которые, учитывая их масштаб, требовали, по всей вероятности, занятости и местных барщинных рабочих, и захваченных рабов^a.

Кроме того, поклонение богам земли и звёздам, которое исторические греки унаследовали от своих микенских предков, наводят на мысль о своём Восточном происхождении, и несомненно, что в связи с такими религиозными обрядами у греков был обычай падать ниц. Но когда греки классического периода истории Древней Греции отказались исполнять перед одним деспотом Востока акт подчинения, они посчитали, что это соответствует поклонению богам, и показали, что даже если микенская Греция была периферийно гидравлической, постмикенская Греция относилась к околупериферийной зоне гидравлического мира. Также в классический период монументальные сооружения Арголиды давно утратили своё значение, и грандиозный храмовый город Афин, Акрополь, заложенный в микенские времена, управлялся правительством, которое даже руководство общественными работами поручало частным предпринимателям.

^a Бенгтсон упоминает сперва рабов, а потом местных барщинных рабочих, но считает последних настолько же многочисленными, насколько и первых. [Назад](#)

6.D.2.b. Ранний Древний Рим

Известно, что в доримские времена этруски, которые, по всей видимости, пришли из периферийной гидравлической зоны Малой Азии, занимались колоссальной строительной деятельностью. Впечатляют их водные работы на равнине реки По, и другие, выполненные в центральной Италии, равно заслуживают внимания. Находясь под этрусским господством, римляне научились строить монументальные сооружения. Позже римляне начали строить надёжные сухопутные дороги, но это было прежде, чем они основали свою первую колонию на земле эллинов. И хотя такое развитие более характерно для гидравлического, чем для относительно простого аграрного строя, основанного на дождевом земледелии, Древний Рим в этот период определённо представлял собой аристократический вариант полицентричного не-Восточного общества.

6.D.2.c. Япония

Признаки Востока в Древней Греции и Древнем Риме часто не замечают. В Японии их часто переоценивают, и для это есть достаточное основание. Япония является частью азиатского континента, и японской цивилизации присущи важные особенности Китая и Индии. Кроме того, японцы разработали одну из самых искусных систем ирригационного земледелия, какие только известны человеку. Тем не менее японское общество никогда не было гидравлическим в терминах нашего исследования.

Почему производящая рис экономика Японии не зависит от крупных и управляемых правительством водных сооружений? Любой грамотный географ-экономист может ответить на этот вопрос. Особенности водоснабжения страны не требовали значительных работ, управляемых государством, и не благоприятствовали им. Бесчисленные горные цепи разделили на части крупные острова Дальнего Востока, и их прерывистый рельеф способствовал фрагментированной (гидроземледельческой), а не согласованной (гидравлической) модели ирригационного земледелия и борьбы с наводнениями. Согласно историку-институционалисту Асакаве, японский ландшафт не допускает обширное развитие ирригации (*Bewässerungskultur*), как в Египте и в некоторых районах Западной Азии и Китая. Ирригационное земледелие Японии управлялось местными, а не региональными или национальными лидерами, и гидравлические тенденции были заметны только в местном масштабе и во время первой фазы документально зафиксированной истории страны.

Правители господствующего политического центра осуществили неплотную политическую унификацию на довольно раннем этапе развития страны, но они не сталкивались с гидравлическими задачами, которые требовали согласованной работы больших барщинных бригад. И они не были побеждены

войсками по-Восточному деспотического государства. Поэтому они не смогли создать обширную управленческую и накопительную бюрократию, способную контролировать неправительственные силы общества, как это делали представители аппарата в континентальном Китае.

Попытка установить централизованную бюрократическую деспотию в Японии достигла своей первой впечатляющей кульминации в реформах Тайка в 646 году. С точки зрения наших ключевых критериев её цели могут быть перечислены следующим образом:

I. Строительство

А. Гидравлическое. Указ 646 года требовал унификации мероприятий, связанных с дамбами и каналами.

В. Негидравлическое. Основной указ реформы предписывал создание системы дорог для имперской почты.

II. Организация

А. Должен был проводиться периодический учёт населения, и результаты переписи должны были сохраняться.

В. Правительственная барщина заменила старые местные (и квазифеодальные) обязанности.

С. Должна была действовать государственная почта.

III. Накопление

А. Основой налогообложения крестьян была та земля, которой их наделяло правительство.

В. Служба на государственной барщине могла быть заменена уплатой налога.

С. Ряд чиновников, особенно местных и высокопоставленных сановников, должны были содержаться за счёт земельных владений, которые часто заранее отдавали новым назначенцам и освобождали от налогов.

По сравнению с попытками Меровингов и Каролингов установить абсолютную власть, японская программа 646 года гораздо более соответствовала Востоку. Этот факт не может быть объяснён только контактами японцев с Китаем в эпоху правления династии Тан. В течение многих веков японцы занимались ирригационным земледелием, а их правителей интересовали строительные работы негидравлического типа. Таким образом, стремление элиты реформистского правительства действовать в стиле китайских императоров

коренилось в местных тенденциях, которые определённо были гидравлическими, пусть и в зачаточной форме.

Но этих квази-Восточных тенденций оказалось недостаточно, чтобы изменить японское общество. Гидравлическим новшествам, предложенным реформой, не хватало динамизма, который характерен для аналогичных попыток в гидравлических обществах на раннем этапе их становления. Реформа способствовала исполнению государственных работ, но хотя три из шести министерств династии Тан (налоговое, военное и юридическое) японцы переняли с незначительными изменениями, а два других (управления административным персоналом и обрядами) были успешно модифицированы, шестое (министерство общественных работ) не имело аналога в японском начинании.

Этот пробел не был случайным. Канал, который вырыли в 656 году, поразил народ, словно нечто безумное, и критики сравнивали его с бесполезным громадным холмом, который возвели в то же время. Кроме того, указы, в которых провозглашалась всеобщая государственная трудовая служба, требовали значительно меньшего количества дней для барщины, чем предписания династии Тан. И условия замены барщины уплатой налога показали, что японское правительство было больше заинтересовано в доходах, чем в труде.

Распределение (и/или перераспределение) не облагаемой налогом земли между важными чиновниками было, пожалуй, самой большой уступкой реформистского правительства феодальным силам японского общества. За новым бюрократическим фасадом велась яростная борьба за расширение и объединение не облагаемой налогом земли. И представители центробежных сил добились такого успеха, что те, кому была пожалована казённая собственность, в конце концов утвердились как наследственные собственники земли, которые, подобно собственникам земли в Европе, ввели единонаследную систему наследования.

Поскольку система землевладения изменилась, всеобщая перепись населения рухнула, и попытки восстановить её ни к чему не привели. Всеобщее налогообложение постигла та же участь. Несмотря на наличие многих элементов китайской культуры, децентрализованное и основанное на праве собственности общество японского средневековья гораздо более походило на феодальный строй далёкого европейского мира, чем на гидравлическую модель соседнего Китая. Поэты феодальной Японии, как и поэты феодальной Европы, прославляли подвиги отдельных воинов или групп воинов. Но плохо объединённые войска средневековой Японии не способствовали развитию тактического или стратегического мышления. Японские писатели того периода цитировали китайских военных специалистов, таких как Сунь Цзы, но феодальная Япония, как и феодальная Европа, не смогла развить искусство ведения военных действий^b. До 1543 года японские войска состояли из

небольших независимых групп солдат, которые в большей степени воевали по отдельности, чем как части тактической боевой структуры^с.

Абсолютистская концентрация государственной власти, которая характеризует период Токугава (1603-1867 годы), опять-таки более напоминает западные абсолютистские тенденции как в экономическом аспекте (медленный подъём основанного на праве собственности торгового и промышленного капитализма), так и в своих политических ограничениях. Именно в этот период (на самом деле в 1726 году) была проведена первая довольно точная перепись населения. Именно тогда сильно разрослась система дорог, а правительство, подобно некоторым видным феодалам, вырыло ряд важных местных каналов.

Но несмотря на эти и другие виды деятельности, которые, за исключением ирригационных работ, находят яркие параллели в абсолютистской Европе, абсолютистский режим Японии не был достаточно прочен для того, чтобы установить свою накопительную власть над всей империей. Из национального дохода в двадцать восемь или двадцать девять миллионов коку представители высшей власти, сёгуны Токугава и двор, присваивали себе лишь около восьми миллионов коку, в то время как гораздо большая часть доходов оставалась в руках крупных феодальных вассалов. Японский абсолютизм резко ограничил власть крупных феодалов. Но до 1867 года он не смог их устранить.

Подчёркивая сходство между традиционным японским обществом и феодальным и постфеодальным обществом Запада, мы должны быть осторожны, чтобы не упростить ситуацию. Не вызывает сомнений Восточная особенность многих японских социальных институтов и идей. На нижнем и локальном уровне японское ирригационное земледелие требовало квазигидравлической согласованности и подчинения, и упорство крупных феодалов в том, что касалось абсолютного повиновения, может хотя бы частично свидетельствовать о таких же квазигидравлических отношениях. Почтовая система в зачаточной форме существовала, скорее всего, до периода Токугава, а падение ниц, символ тотальной покорности, сохранился до наших дней^д. Представители правящей группы, пусть и сильно пронизанные воинским духом, продолжали мыслить категориями несколько скорректированного конфуцианства, и хотя они изобрели упрощённые фонетические символы, но с подлинной гордостью использовали китайскую письменность, которая, как и концепция Конфуция о джентльмене-бюрократе, более соответствовала сведущим гражданским чиновникам, чем по-военному мыслящим рыцарям.

Подведём итог: в традиционной Японии имелось больше гидравлических начинаний, чем при западном феодализме. Хотя это дальневосточное островное общество породило подлинно феодальный строй, основанный на праве собственности, присущие ему многочисленные и заботливо хранимые признаки китайской политики и китайского мышления показывают, что некоторым околопериферийным образом оно было связано с институциональными моделями гидравлического мира.

^b Напомним читателю, что термин 'искусство войны' подразумевает практику и теорию стратегии и тактики. Один недавний обзор древней и средневековой военной организации приписывает возникновение общепризнанного искусства войны в постфеодальной Европе Морицу Нассаускому, который сыграл решающую роль на последнем этапе войны за независимость Голландии. [Назад](#)

^c Коллекция ранних японских текстов 'Gunsho Ruijū' содержит много ссылок на Сунь Цзы и других военных теоретиков его времени. Но японская трактовка военного дела представляет собой '...весьма разнородную смесь, мало похожую на учение Сунь Цзы. Первое целостное рассмотрение данного предмета появилось в работе Такэды Сингэна (1521-1573 годы)' (из письма от 16 февраля 1954 года д-ра Мариуса Янсена, университет штата Вашингтон, Сиэтл, который установил это в сотрудничестве со своим коллегой, доктором Ричардом Маккинноном). [Назад](#)

^d Во время моего пребывания в Японии в 1935 году ряд университетских профессоров приветствовали друг друга в моем присутствии - и до официального банкета - падением ниц. [Назад](#)

6.D.2.d. Домонгольская (Киевская) Русь

Общество Руси до монгольского завоевания 1237-1240 годов представляет собой ещё один столь же яркий аспект гидравлической околопериферийной зоны. В докиевский и киевский периоды потребительская экономика Руси включала животноводство^e, но основой экономики было земледелие, дождевое земледелие. В условиях преимущественно натуральной экономики это земледелие способствовало повсеместному распространению земельной знати, которая была слабо подчинена удельным князьям^f. Ниже этого социального слоя, но выше подобных рабам холопов (*kholori*), находился класс свободных земледельцев, сравнительно легко менявших место проживания, а городские жители были ограничены в этом ещё меньше. Их совет, вече (*veche*), мог принимать независимые политические решения не только в крупной северной Новгородской республике, но и в таких столичных городах, как Владимир, и даже в Киеве. До создания Киевского государства (около 880 года)^g юридические соглашения могли вступать в силу - причём без вмешательства со стороны какой-либо княжеской власти - по решению глав сельских или городских общин, которые в самом древнем из сохранившихся русском своде законов называются 'миром' (*mir*)^h. И даже в киевский период (около 880-1169 годы) правительство, хотя и значительно более сильное, чем ранее, было далеко от абсолютизма, так же далеко, как правительство любого феодального государства на Западе в те времена. С институциональной точки

зрения киевское общество явно соответствовало протофеодальному и феодальному миру Европы.

Оно соответствовало этому миру, но отчасти, что требует специального исследования. Как и гидравлическое общество, феодальное общество тоже имеет институциональную периферию, и племенная русская цивилизация, которая возникла на восточной (eastern) периферии феодального мира, находилась на протяжении многих веков, особенно после 880 года, под господством варягов, выходцев из крайней северной области - Скандинавии, где те находили постоянную поддержку. Но хотя Рюрик однажды получил феодальное владение от франкского императора, он не навязывал западноевропейскую систему землевладения восточным славянам. Не навязывали и его преемники. Местная знать и представители княжеской свиты, дружины (druzhina), действовали не по правилам феодального договора. Их право 'уезжать' указывает на форму независимости, которая для западного феодализма была скорее исключением, чем правилом. С другой стороны, княжеские правители различных удельных государств содержали себя не за счёт княжеских владений, как это было принято в большинстве феодальных стран, а за счёт общего налога, таможенных сборов и законных штрафов.

Таким образом, киевское общество имело сходство с феодальным строем Запада в том, что правители разделяли право принятия политических решений с народным собранием (вече) и советом (боярской думой, boyarskaya дума), а знать смогла установить такую форму абсолютной земельной собственности, какой крупные феодалы Западной Европы добились только в конце Средневековья. Как и на феодальном Западе, города (по крайней мере, крупные) и знать не платили налогов. Но это очень свободное соглашение противоречило финансовой системе, которая позволяла государю собирать налог со всего сельского населения. В Византии применялся принцип взимания налога с каждого очага, и хазары с их полускотоводческим образом жизни применяли его к тем восточным славянам, которые находились под их властью до победы варягов. Варяги переняли финансовые методы хазар и использовали их с некоторыми изменениями в течение всего киевского периода. Они также заимствовали другие азиатские особенности хазар и родственных им племён. Какое-то время их правители называли себя 'каганами'ⁱ, а до принятия христианства они, по всей видимости, содержали своих многочисленных наложниц в изоляции, напоминая гаремⁱ.

Прямое влияние Византии дало о себе знать относительно рано. Помимо многочисленных литературных и художественных заимствований, русские приняли восточное христианство и византийское право, повлиявшие на политический климат в Киеве. Византийские (греческие) священники, прибывшие на Русь, принесли с собой важные идеи теократического правления и повиновения. Привыкшие действовать как соратники светской власти, а не как её конкуренты, они, безусловно, усилили княжескую власть^k. Введение византийского права ещё больше укрепило киевских государей. Во второй

версии русского права, на которое оказал влияние Константинополь, правитель и его чиновники чётко представлены обладателями высшей судебной власти.

Но киевское общество в целом не переняло правовые понятия великой восточной (Eastern) империи. Византийский свод законов предписывал телесные наказания за конокрадство, но по изменённому русскому праву по-прежнему требовалась уплата штрафа за это деяние. Несмотря на свой большой авторитет, византийское право не изменило мнение киевлян о том, что свободного человека нельзя бить.

^e Самая старая из известных версий российского права, 'Русская правда', упоминает преступления, касающиеся волов, овец, коз, лошадей, телят и ягнят. [Назад](#)

^f Этот факт был установлен в новаторском исследовании Павлова-Сильванского. Обзор его основных выводов см. в [Бороздин]. Независимое исследование, приводящее к аналогичным выводам о раннем русском обществе, см. в [Хотж]. [Назад](#)

^g Вернадский относит завоевание Олегом Киева к периоду между 878 и 880 годами (ориентировочно - 878 год). [Назад](#)

^h В третьей версии закона прежний термин 'мир' заменён термином 'город' (gorod). [Назад](#)

ⁱ Вернадский предполагает, что это было заимствовано у хазар. Титул 'каган' появился у первых киевских князей. Помимо использования этого титула Владимиром, известно также, что к его сыну Ярославу так обращался митрополит Иларион. [Назад](#)

^j До обращения Владимира в христианство у него было, предположительно, около 800 наложниц. [Назад](#)

^k Этот факт подчёркивается рядом историков. Платонов отмечает, что христианское и византийское представление о князе как о носителе божественного права противоречило языческой точке зрения, согласно которой князь был просто вождём дружины и мог быть изгнан и убит. Советский академик Греков полностью цитирует относящееся к делу утверждение из летописи Нестора: 'Бог даёт власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать'. Каждое государство должен возглавлять кесарь или князь, и государственная власть имеет божественное происхождение - это действительно легко узнаваемые признаки византийской концепции государственной власти. Греков подчёркивает авторитарный дух знаменитой христианской хроники: 'Кто пошёл против власти, тот - в соответствии с этой

теорией - восстал против Бога'. И: 'Заслуга Ярослава заключалась в восстановлении единой власти в государстве'. [Назад](#)

6.D.3. Комментарий

Очевидно, что цивилизации в околопериферийной зоне гидравлического общества выявляют широкий институциональный спектр, и их основные структуры могут быть поняты, только если они рассматриваются прежде всего в их первоначальном институциональном контексте. Однако некоторые вторичные свойства, которые связывают их с гидравлическим миром, нельзя упускать из виду.

1) Цивилизация, которая когда-то была частью этого мира, может на более позднем негидравлическом этапе по-прежнему сохранять определённые следы своего прежнего состояния, которые, хотя и не обязательно, совместимы с новой формой. Вероятно, к этой категории принадлежит постмикенская Древняя Греция.

2) Добровольное заимствование желательных особенностей Востока объясняет такие явления, как Япония времён реформ Тайка и Киевская Русь.

Ещё одно утверждение, которое справедливо для периферийных гидравлических обществ, справедливо также для околопериферийных зон. Было бы неправильно рассматривать как околопериферийное гидравлическое общество такое аграрное общество, у которого есть определённые деспотические особенности в сферах организации и накопления, но нет известной связи с гидравлическим миром. Индивидуальные особенности гидравлического управления государством, такие как взимание всеобщего налога или сбор всеобщей дани, конечно, возникали в цивилизациях, которые имели ограниченный контакт с этим миром или не имели никакого контакта. Очевидно, это произошло в ряде племенных обществ, и, если бы мы не знали об азиатском происхождении хазар, у нас был бы соблазн отнести их систему сбора дани к этой независимой остаточной категории. В каждом случае необходимо посредством сравнительного анализа решать, имеем ли мы дело с околопериферийными гидравлическими тенденциями или с независимыми тенденциями.

6.E. Общества, которые проходят через институциональный раскол

Околопериферийную зону гидравлического мира нельзя объяснить простой формулой. И самовоспроизведение не является для неё обязательным. Ряд видных исторических цивилизаций, находившихся в околопериферийных зонах, прошли через институциональный раскол и стали либо периферийными гидравлическими обществами, либо подлинно гидравлическими обществами. Другие общества двигались в противоположном направлении.

Рассматривавшиеся до сих пор цивилизации были в основном аграрными. Само понятие гидравлической экономики подразумевает земледелие. Но история монголов-киданей и других племён завоевателей показывает, что деспотизм Востока не ограничен аграрными обществами. Не занимающийся земледелием народ тоже может перенять методы деспотического правления и передать их другому народу, наделив чертами Востока как не занимающуюся, так и занимающуюся земледелием социальную группу. Важность этого факта очевидна для понимания многих деспотических обществ завоевателей и динамики институционального раскола.

6.Е.1. Не занимающийся земледелием народ перенимает и передаёт другому народу методы правления аграрного деспотизма

Многие общества, занимавшиеся собирательством, охотой и рыболовством, жили на окраине гидравлического мира. В связи с этим полезны сведения о периферии общества пуэбло и ранних этапах истории ацтеков. Но ни одна примитивная социальная группа, не занимавшаяся земледелием, не играла такой важной роли, как скотоводы. В Новом Свете не было животных, пригодных для перевозки телег и людей. В Старом Свете имелось несколько видов, которые можно было использовать для этих целей. Их одомашнивание принесло большую пользу селекционерам-земледельцам, но в первую очередь оно принесло пользу скотоводам, которые после 'открытия' верховой езды стали военной силой, сравнимой с воинствами крупных и богатых аграрных сообществ, а порой и их покорителями.

6.Е.1.а. Такие методы не обязательны для кочевого скотоводства, но совместимы с ним

Скотоводы-кочевники часто дополняют земледелием свою пастушескую экономику. Но необходимость перегонять свои стада не позволяет им уделять слишком большое внимание какой-либо культуре, которую они сажают возле своих кочевий. Однако их хорошо упорядоченный переселенческий образ

жизни исключает строительство сложных постоянных сооружений для контроля воды, которые составляют основу гидравлического земледелия.

Но этот образ жизни не мешает им перенимать по-Восточному деспотические методы организации и накопления. Конечно, применение таких методов не выходит за рамки потребностей скотоводческой жизни. Хотя некоторая согласованность и подчинение обязательны для эффективной организации кочевий и переселения, а дисциплинированность очень полезна для охоты и военного дела, эта практика не обязательно приводит к установлению политического аппарата, более сильного, чем все неправительственные силы общества. Технические факторы (постоянно повторяющаяся потребность в рассеивании стад и людей) и социальные факторы (сопротивление свободных соплеменников требованию тотального повиновения) действуют в противоположном направлении. Даже подчинение сильному военному лидеру является по существу добровольным. Ограниченное во времени и не защищённое необратимыми организационными мерами, оно если и разрушает неплотную и подвижную основу племенного общества, то очень редко.

Вождь и приближённые к нему особенно стремятся к постоянной тотальной власти, но, как правило, достигают этой цели только после подчинения гидравлической стране или её завоевания. В первом случае повелители аграрного государства могут применять свои собственные модели политического контроля (регистрация населения, барщина, налогообложение) к подчинённым кочевникам, чей вождь обычно выступает в качестве абсолютного и неизменного главы своего племени. Во втором случае верховный вождь (хан, каган и т.д.) перенимает методы правления той аграрной цивилизации, которую он завоевал. Опираясь на местных чиновников, которые поддерживают традиционное управление, и группу последователей из своего племени, число которых растёт вместе с его успехами, он если не уничтожает своих знатных соперников полностью, то низводит их положение до слабого подобия прежней значимости.

В обоих случаях соплеменники могут потерять свою культурную, а в конечном итоге также и социально-политическую самобытность. Это произошло со многими группами арабов в Аббасидском халифате. В такой ситуации сама проблема перестаёт существовать. Однако обычно ни подданные соплеменники не хотят отказаться от своего старого образа жизни, ни племена завоевателей не растворяются в новом обществе так легко, как об этом гласят легенды. С надлежащими изменениями племенная элита составной гидравлической империи может сохранить свою социальную и культурную самобытность, при этом она может навязывать свои недавно приобретённые методы правления удалённым негидравлическим странам. Это произошло, когда монголы после завоевания Северного Китая покорили Русь.

Распад составной гидравлической империи снова может сделать автономными все или некоторые из составляющих её племён, и именно в этот момент

сохранение деспотической власти подвергается испытанию в условиях племенного скотоводства. Иногда деспотический режим исчезает полностью, как и империя, частью которой он был. Но исторический опыт показывает, что лица, пользовавшиеся выгодами абсолютистского правительства, оставались в привилегированном положении, по крайней мере до некоторой степени и в течение некоторого времени. В таком случае очевидно, что деспотические методы организации и накопления хотя и не являются необходимой принадлежностью кочевого скотоводства, определённо совместимы с ним.

6.Е.1.в. Хрупкость по-Восточному деспотической власти на скотоводческих окраинах гидравлического мира

Недавние исследования предоставили обширные данные, касающиеся всех этих процессов для племён киданей, которые, будучи правителями Ляо, временно господствовали на северо-восточной окраине Китая. Многие монографии уточнили соответствующие аспекты монгольской истории, и будущие исследования племенных обществ завоевателей Ближнего Востока, Персии, Индии и доиспанской Америки, несомненно, выявят много других разновидностей этой важной институциональной структуры.

Даже наши нынешние знания дают нам возможность сопоставить скотоводческую и аграрную формы периферийного гидравлического общества. Без сомнения, живучесть подлинного деспотизма намного больше в условиях земледелия, чем в племенных, скотоводческих или кочевых условиях. Подвижность степной экономики способствует рассеянию, разделению и, как следствие, росту независимых центров животноводческого изобилия и военной мощи. Природные бедствия или серьёзные военные неудачи ослабляют и разрушают скотоводческий деспотизм так же быстро, как удачные войны и завоевания воссоздают его. Стремительный расцвет и закат многих степных империй во Внутренней и Западной Азии и Юго-Восточной Европе показывают хрупкость скотоводческого деспотизма.

Племена кара-киданей, которые пасли стада в Северной Монголии спустя сто лет после падения Ляо, обнаруживали некоторые признаки согласованного политического строя, поддерживавшегося их предками на Дальнем Востоке или в Туркестане. После распада империи Великого хана (Монгольской империи) монгольское могущество сократилось до тени былого величия, но не исчезло совсем. В 1640 году монголы-ойраты все ещё подчинялись законам, которые, хотя и значительно более мягкие, чем Яса Чингисхана, принуждали соплеменников принимать участие в относительно тяжёлой транспортной барщине. Очевидно, постимперское монгольское общество не испытывало недостатка во внутренней связности, когда верность восходящей маньчжурской звезде дала их светской и религиозной элите возможность поддержать с

некоторыми привилегиями, хотя и на второстепенных ролях, ещё одну амбициозную попытку установления деспотического режима, сначала на периферии, а затем и в крупной центральной области гидравлического мира.

6.Е.2. Земледельческие цивилизации, проходящие через институциональный раскол

Переход обществ скотоводов от негидравлического строя к гидравлическому протекает, как правило, на географическом, а также на институциональном уровнях. В отличие от этого, перемены в аграрных обществах не изменяют их местоположения. Они переходят от одного строя к другому исключительно на институциональном уровне.

Второе отличие касается потенциального диапазона перехода. Общества скотоводов, которые сохраняют свою экономическую своеобразность, могут переместиться от околопериферийной к периферийной зоне гидравлического мира и наоборот. Аграрные общества, которые изначально были околопериферийными, могут стать периферийными гидравлическими обществами или полностью гидравлическими обществами и наоборот.

Подобно обществам скотоводов, аграрные общества наиболее часто изменяют свои институциональные свойства на географической периферии агроуправленческих районов, ибо именно здесь силы гидравлического и негидравлического мира борются друг с другом на протяжении тысячелетий. Социальные преобразования Греции, Рима, Испании и России являются частью этого гигантского взаимодействия.

6.Е.2.а. Древняя Греция

Находясь в периферийном или околопериферийном гидравлическом положении, микенская Греция превратилась в цивилизацию, где усилия аристократических и демократических кругов уберегали государство от проявления безграничного контроля над неправительственными силами общества. Греки времён Гомера, Гесиода и Софокла падали ниц перед некоторыми своими богами, но отказались признать верховного представителя государственной власти своим господином (деспотом).

Несмотря на близость к гидравлическому миру, на протяжении многих веков греческие города в Западной Азии сохраняли в своих пределах принципы

полицентричного общества. Только на волне завоеваний Александра Македонского старые конституционные формы свободы начали исчезать. Эллинистические государи Востока сократили политическую независимость своих собственных соотечественников в Азии и Греции. Вместе со своими помощниками из греков-македонцев они с готовностью надевали мантию деспотической власти Востока.

Ранняя Римская империя и Византия завершили то, чему положили начало эллинистические династии. Греки Ближнего Востока и те, что жили в Греции, стали частью гидравлической империи, которая включала внушительные районы неплотной (Сирия) и плотной (Египет) гидравлической экономики. В VII веке эта империя сдвинулась на периферию гидравлического мира. Позже завоеватели турки ещё раз восстановили её до неплотного гидравлического состояния.

Византийские и турецкие греки больше не были эллинами времён Гесиода, Перикла и Аристотеля. Это с определённой долей вероятности справедливо в этническом плане и безусловно справедливо в институциональном плане. Потомки Микен, которые во время классического периода Древней Греции, будучи свободными членами своей общины, создали образцовую модель демократических гражданских отношений, были предками византийских греков, чей сложный придворный церемониал сделал слово 'византизм' символом тотального, пусть и превращённого в ритуал, повиновения человека тотальной власти.

6.Е.2.в. Древний Рим

6.Е.2.в.и. Расцвет одного из эллинистических вариантов деспотизма Востока

Завоевания Александра Македонского положили начало переходу к гидравлическим формам государства и общества в Древней Греции. В Древнем Риме установление абсолютного монархического правления Августом сигнализировало не о начальной, а об относительно углублённой стадии процесса, который продолжался уже в течение почти двухсот лет.

В институциональной истории Рима 211 год до нашей эры является роковой датой. Именно в этот год в подчинённом Сиракузском царстве на Сицилии римляне впервые столкнулись с искусно проработанной правовой системой первичного аграрного государства, созданной по образцу египетской и базовой эллинистической моделей. Победоносная Итальянская республика сделала эту систему, так называемый закон Гиерона, основой для организации своей первой

провинциальной экономики. Поступив так, римляне переняли основной принцип эллинистической государственности, который провозглашал государство обладателем абсолютной власти и собственником всей земли.

В качестве преемников Гиерона римские завоеватели сделали своё государство (народ Рима, *populus Romanus*) верховным властителем аграрной экономики Сицилии. И они действовали аналогичным образом на других территориях своей расширявшейся империи. В регионах Восточного Средиземноморья это повлекло за собой незначительные изменения. Но в западных областях римской экспансии преобладали негидравлические условия жизни. Поэтому чрезвычайно важно то, что итальянские завоеватели перенесли эллинистическую систему с соответствующими изменениями также на Запад.

С римской точки зрения эллинистический принцип всеобщего налогообложения был совершенно новым. И это новшество имело успех, потому что было дополнено периодической повсеместной переписью. Согласно плану Гиерона, который переняли римляне, обязанностью городских чиновников были ежегодное проведение переписи всех земледельцев округа, регистрация всей посевной площади и посевной площади, фактически выделенной для выращивания каждой сельскохозяйственной культуры.

На родине римлян эти внешние события не создали автоматически государство, более сильное, чем общество, но метрополия претерпела внутренние изменения, которые невероятно ослабили традиционную аристократическую республику. С одной стороны, бесконечные захватнические войны обогащали крупных землевладельцев-сенаторов, которые использовали всё большее число рабов; с другой стороны, эти войны истощили крестьянство. Вместе с малоземельными ветеранами обедневшие крестьяне оказались идеальной массовой средой для политики популяров и победоносных полководцев, которые не стеснялись изымать и перераспределять имения своих бывших противников. Гражданские войны также повысили уязвимость богатых предпринимателей, эквитов, некоторые из которых в качестве откупщиков налогов, публиканов, получали крупную выгоду от роста Римской империи. Во время наступившего кризиса эквиты продолжали пользоваться такой же личной и имущественной безопасностью, как и представители сената.

Очевидно, что внутренние изменения были настолько тесно связаны с территориальной экспансией страны, что любая попытка объяснить падение республики, опираясь только на внутренние или только на внешние факторы, оказывается неполноценной. Полководцы, которые господствовали на политической арене, особенно в I веке до нашей эры, восходили к вершинам власти благодаря масштабам и особенностям территорий, которые они оккупировали. Именно в этих областях они обеспечивали себе материальную поддержку, именно в этих областях они проверяли эффективность эллинистических методов управления.

Насколько значительный вклад вносил отдельный человек в изменения, которые происходили в римском обществе? Для целей нашего исследования достаточно отметить, что во времена Цезаря сенат уже потерял и свою социальную однородность, и свою неоспоримую политическую гегемонию, а Цезарь, как и другие великие политики-полководцы того времени, давал землю ветеранам, требуя крупной земельной собственности от представителей сената на основании того, что считался 'человеком из народа', популяром. Здесь, как и повсюду, абсолютная власть была установлена благодаря поддержке людей, которые использовали распространённую причину для достижения своих политических целей.

Когда Цезарь был убит, представители сильнейшей собственнической силы в Риме, группа сенаторов, были настолько потрясены, что Август, который официально контролировал ряд имперских провинций (среди них были старые гидравлические районы Египта и Сирии), оказался в состоянии контролировать также и сенаторские провинции. С 29 года до нашей эры сенаторы, которые ранее являлись решающей силой в делах управления, должны были получать разрешение Августа для того, чтобы покинуть Италию, и если целью их поездки был визит в Египет, запрос принципиально отклонялся. В последующий период некогда господствовавшая аристократия, владевшие земельной собственностью сенаторы, всё больше и больше заменялись лицами, которые становились членами сената потому, что находились на службе у императора. А обладатели движимого богатства и представители капиталистического предпринимательства, которые в качестве публиканов собирали налоги и таможенные сборы для правительства и в качестве подрядчиков выполняли некоторые государственные работы, были разорены Помпеем, ослаблены Цезарем и подчинены Августом. В конце концов они совершенно потеряли свою значимость. Таким образом, римская метрополия, которая временно управляла огромной по-эллинистически гидравлической империей без того, чтобы самой стать гидравлической^a, со временем рухнула под ударами сил, которые лишили эту самую империю её предельной прочности.

В этом гигантском процессе трансформации Август был не только могильщиком старых социальных сил, но и пионером в области административных и управленческих изменений. Несмотря на большую лояльность по отношению к культурным ценностям Рима, первый император (принцепс) создавал своё абсолютистское государство не по образцу раннего Древнего Рима или Древней Греции классического периода, которая, конечно, его бы мало воодушевила, а по образцу эллинистического Востока^b. Закладывая основы для деятельности наёмного чиновничества, он положил начало бюрократическому развитию, которое быстро набрало силу в I веке нашей эры.

Агроуправленческие методы накопления и организации уже использовались в провинциях во времена республики, теперь они были разработаны и систематизированы. Конфискации стали обычными в экономической и политической жизни империи. Всеобщее налогообложение было подкреплено

периодической регистрацией населения, которая стала регулярной административной процедурой при Августе. Положив начало большому негидравлическому строительству, которое до сих пор ассоциируется с Римом, при Августе начали прокладывать по-настоящему агроуправленческую систему дорог. Август учредил государственную почту (*cursus publicus*) и вполне логично объединил её со службой тайных донесений.

Эти действия были дополнены такими мероприятиями, как занятость бывших рабов, вольноотпущенников, на службе государства, использование евнухов в политических целях, культ императора и постепенное угасание независимого торгового и промышленного предпринимательства. Старое общество потеряло своё своеобразие ещё задолго до конца II века нашей эры, когда Септимий Север благодаря оптовой торговле и конфискации сделал деспотический центр собственником большей части хорошей пахотной земли по всей империи. Было вполне логично, что 'семитский император', презиравший Италию и говоривший по-латински с пуническим акцентом, хотел называться 'господином' (*dominus*)⁵.

Таким образом, когда Диоклетиан показательно утвердил восточный (*Eastern*) двор, фактическое приобретение империей черт Востока было уже достигнуто. Известный историк экономики подводит итог великому преобразованию следующим образом: 'Во II и III веках государство (или император) было не только самым крупным землевладельцем, но также самым крупным собственником рудников и каменоломен, а со временем стало и крупнейшим промышленником'. Кроме того, торговля - оптом и в розницу - всё более становилась объектом правительственного контроля, и транспорт также был в значительной степени национализирован. В этой моноцентричной экономической обстановке легко развивалась идея всемогущества государства. Она, по существу, складывалась под влиянием Восточно-эллинистической и других теорий государства. Для полного замещения одной экономической системы другой и замены старой цивилизации и старого уклада жизни новыми образцами потребовалось более полутора веков. Этот процесс завершился к концу III века.

Сравнительный анализ приобретения Римской империей черт Востока приводит к определённым базовым выводам.

- 1) Институциональный смысл этого процесса явно проявляется только тогда, когда его исследование основано на понимании гидравлического общества и агроуправленческого (Восточного) деспотизма.
- 2) Эллинизация означает приобретение черт Востока. Эллинизация Рима началась почти за двести лет до установления принципата.
- 3) Имперский Рим как тип общества должен быть сопоставлен не с протоиндустриальным абсолютизмом Запада, а с великими агроуправленческими абсолютистскими режимами Востока (*East*).

^a Конечно же, римская метрополия не была совершенно изолирована от своего Восточного окружения. Рост влияния эллинистической государственности сопровождался значительным ростом влияния восточной (Eastern) религии, искусства, технологии и обычаев. Успех эллинистической культуры Востока и жалкие попытки противостоять этому являются одним из самых наглядных процессов во II и I веках до нашей эры. [Назад](#)

^b В это время римские государственные мужи начали ориентироваться не на Афины или Спарту, а на Персидскую империю и эллинистические монархии, которым удалось установить подобные режимы. [Назад](#)

^c "Это было подобно тому, как будто дух Древней Ассирии овладел дворцом, чтобы сделать сущностью империи бюрократизм, который должен быть исполнителем божественной власти, передаваемой посредством династического наследования. В такой системе не было никакого места сенату и принципу передачи полномочий государством, и это означало, что подобное представление о правительстве привело к торжеству того, что титул 'господин' (dominus) стал в общем смысле применяться к императору". [Назад](#)

6.E.2.b.ii. Закат агроуправленческого деспотизма в Западном Риме

В отличие от абсолютистских правителей постсредневековой Европы, римляне, управлявшие Испанией, Галлией, Западной Германией и Англией, не были ограничены корпорациями (штатами), организованными на национальном уровне и основанными на праве собственности. И хотя они сохранили, насколько это было возможно, местное политическое руководство и культуру, их политический аппарат функционировал в соответствии с великими традициями агроуправленческой государственности. Как и всюду, они создали огромные негидравлические сооружения, в первую очередь государственные дороги и пограничные стены. С помощью своей государственной почты они монополизировали быструю связь. И они вводили перепись и облагали налогом жителей западных провинций в основном так же, как делали это на Востоке (East).

Не свойственное иберийцам, кельтам и германцам стремление к свободе сдерживало предков современных народов Западной Европы от принятия - сначала по принуждению, а позже как нечто само собой разумеющееся - гнёта государства, который давал неправительственным силам общества мало шансов на участие в выборе их политического и экономического жребия. На протяжении нескольких столетий деспотизм Востока в его эллинистическо-

римской форме распространился в лесных массивах Германии, до Атлантического побережья Испании и Галлии и до южных границ Шотландии.

Эти восточные (Eastern) социальные институты не исчезли, когда в IV веке Западный Рим практически стал независимым от гидравлического Востока (East). Деспотическое государство, которое не терпело сильных и организованных классов собственников, хотя допускало существование всех видов крупной собственности, продолжало репродуцировать себя даже после того, как сократился его управленческий и бюрократический аппарат. Действительно, до самого конца правительство Западного Рима утверждало свою абсолютистскую позицию. Его последний известный политический деятель, Ираклий, был типичным представителем гидравлической государственности: евнухом.

Как и кризис поздней Византии, упадок Западного Рима был в значительной степени вызван внешними факторами. Потеря доходов от богатых восточных (eastern) провинций серьёзно ослабила итальянскую метрополию, которая также испытывала большие трудности, приспосабливаясь к разрушению своей рабовладельческой экономики. На Востоке (East), где земледелие было более интенсивным, никогда не полагались на рабский труд, как это было на Западе. И поэтому Запад сильно пострадал, когда истощились источники дешёвого рабского труда.

Политическое бессилие Рима стало совершенно очевидным в начале V века: Рим потерял Галлию в 406 году, Англию в 407 году, Испанию в 415 году и Африку в 429 году. Внутри сокращённой метрополии всё большее значение приобретали крупные земельные собственники в лице новой сенаторской группы. Однако новым лидерам-собственникам не хватило сил, чтобы создать не-Восточный тип правления. Эта цель была достигнута только тогда, когда они присоединились к германскому королю Одоакру, который в 476 году официально положил конец изношенному абсолютизму Западного Рима.

6.Е.2.с. Европа после 476 года

6.Е.2.с.і. Неудачные попытки править по-абсолютистски

Некоторые символы гидравлической государственности, такие как обязанность вассалов целовать ногу государя, сохранились в течение длительного времени даже после периода Меровингов, но, не имея существенных социальных основ, они в конце концов исчезли. И политическое развитие, вместо того чтобы следовать римской модели, породило децентрализованную протофеодальную

систему правления, которая была характерна для первого периода Средневековья.

6.Е.2.с.ii. Беспрецедентный случай 'Книги Страшного суда'

В этот период, который, предположительно, длился до конца XII века, в 1086 году появилась 'Книга Страшного суда', реестр земель Англии, который был затребован в 1085 году королём норманнов Вильгельмом Завоевателем. Европейские историки выявили институциональные первопричины 'Книги Страшного суда' и в Англии, и в Нормандии. Но хотя эти первопричины полностью достоверны, они не позволяют адекватно объяснить великий англо-норманнский земельный реестр. Этот тип общественного кадастра не только не известен в регионе, откуда пришли Вильгельм Завоеватель и его люди ('Нормандия не знала ни 'Книги Страшного суда', ни статуты'), но также не известен в других частях не-Восточной Европы. Согласно Мейтленду, книга представляет собой деяние, которое не имеет аналогов в истории Европы.

Что же вдохновило людей на это беспрецедентное достижение? Завоевание, как предполагает Мейтленд, не даёт убедительного объяснения, так как в средневековой Европе было много завоеваний, но появилась только одна 'Книга Страшного суда'. Примером являются норманны Нормандии. Они, несомненно, поселились на севере Франции благодаря завоеванию, но не стали, по известным нам сведениям, вводить 'Книгу Страшного суда'. Могло ли быть, что к 1085 году норманны ознакомились с административными методами, которые не были известны им в X или даже в начале XI века?

Когда в 1066 году норманны завоевали Англию, некоторые из их соотечественников уже являлись покорителями Южной Италии, области, которая с перерывами находилась под византийским управлением до 1066 года, и некоторые из норманнов создали плацдарм в Сицилии, области, которой в течение трёхсот лет правила Византия, а после - сарацины, которые соединили арабские и византийские приёмы абсолютистского правления.

У нас нет убедительных доказательств влияния этого византийско-сарацинского опыта на Вильгельма Завоевателя и его советников. Но мы знаем, что в 1072 году, то есть за 13 лет до того, как Вильгельм Завоеватель затребовал реестр Англии, норманны завоевали столицу Сицилии Палермо и северную половину острова. И мы также знаем, что существовала значительная миграция между итальяно-сицилийскими норманнами и их собратьями в Нормандии и Англии, особенно среди знати и духовенства. Последним также приходилось активно заниматься административной работой. Не удивительно, что на основе своих знаний об этом периоде Хаскинс, ведущий английский эксперт по англо-сицилийским отношениям в средние века, предполагает возможность

установления связи между 'Книгой Страшного суда' и финансовыми реестрами, которые юг унаследовал от своих византийских и сарацинских правителей.

Гипотеза Хаскинса отлично объясняет, почему типовая гидравлическая методика финансового управления появилась в феодальной Европе. Это также объясняет, почему в течение сотен лет после этого внушительного деяния не было аналогов в подобной области. По-видимому, систематическая и общенациональная регистрация, обычная в сфере деспотизма Востока, была неуместна в феодальном обществе.

6.E.2.d. Испания

6.E.2.d.i. Завоевание Востоком

Но ни провал франкских попыток, ни своеобразие английской 'Книги Страшного суда' не означают, что после 476 года институциональный раскол между гидравлическими и негидравлическими частями Европы оставался неизменным. История Южной Италии и Сицилии до норманнов показывает две основные силы восточной (Eastern) экспансии: византийцы, которые пытались сохранить свой способ правления в некоторых бывших провинциях Римской империи, и, в гораздо более значительной степени, арабы, которые, вдохновлённые динамичной новой верой и обладавшие новыми приёмами военного дела, распространили свою власть от центров гидравлического общества на Ближнем Востоке по всей Северо-Западной Африке, в Испанию и временно на Сицилию.

Этот колоссальный всплеск напоминал расширение Римской империи на запад тем, что она тоже распространила по-Восточному деспотические методы правления. Но по целому ряду причин институциональные воздействия исламского завоевания имели гораздо более далекоидущие последствия. Под римским влиянием Западная Европа стала частью неплотного гидравлического общества Востока, однако не переняла гидравлическое земледелие и в конце концов вернулась к гидравлическому околопериферийному или вовсе негидравлическому состоянию. Под влиянием арабов перепад был значительно больше. До исламского вторжения Пиренейский полуостров был родиной протофеодальной цивилизации, которая имела мелкомасштабное ирригационное земледелие, но, возможно, и малочисленные гидравлические сооружения^d. Сильно отличаясь от римлян, которые захватили Западную Европу, арабские завоеватели Испании были вполне знакомы с гидравлическим земледелием, и на своём новом месте проживания охотно использовали методы, которые приносили огромную прибыль на их родине. Под властью мусульман

искусственная ирригация была улучшена и расширена по моделям Востока, и это затронуло государственное управление: надзор за ней являлся делом государства.

Таким образом, мавританская Испания стала чем-то большим, чем периферией Востока. Она стала подлинно гидравлическим обществом, деспотично управляемым назначенными на должности чиновниками и облагаемым налогами с применением агроуправленческих методов накопления. Мавританская армия, которая быстро превратилась из племенной в наёмную, несомненно, была инструментом государства, как и армии халифатов Омейядов и Аббасидов. Протонаучная система ирригации и озеленения была дополнена замечательным прогрессом типично гидравлических наук: астрономии и математики. Феодалная Европа того времени не могла похвастаться подобными достижениями. Воссоздавая впечатления великого арабского географа Ибн Хаукаля, который посетил Испанию в X веке, Дози так комментирует организационную власть мусульманского государства, чья политика, как и его гидравлическое земледелие, проникала в самые отдалённые части страны: 'Чужеземец повсюду с восхищением отмечал хорошо возделанные поля и гидравлическую систему, которая была скоординирована таким глубоко научным образом, что делала плодородной вроде бы наименее полезную почву. Он дивился идеальному порядку, который царил даже в наименее доступных районах благодаря бдительной службе охраны порядка'.

Во второй половине XIV века в ведущем городе Ганзы Любеке насчитывалось 22 000 жителей, а в Лондоне - около 35 000. На высшей ступени развития Западного халифата в мавританской столице Кордове, предположительно, проживали миллион человек, а в Севилье в 1248 году - больше 300 000. В конце мусульманского периода Гранада была, вероятно, столь же густонаселённой. 'Энциклопедия ислама' оценивает численность населения этой прекрасной последней исламской столицы в Испании в полмиллиона.

Не удивительно, что абсолютистское государство на пике своего расцвета собирало колоссальный доход. И также не удивительно, что это государство, которое, как и другие гидравлические режимы, широко использовало евнухов, беспощадно избавлялось от сановников, впавших в немилость. Когда этих несчастных уничтожали, государство быстро конфисковывало всё имущество, которым они владели.

^d В мемуарах Лабурда содержится утверждение о полном отсутствии интереса к земледелию у готических покорителей Испании. [Назад](#)

Реконкиста, которая в XIII веке восстановила контроль христианства над большей частью Испании, превратила крупную гидравлическую цивилизацию в позднефеодальное общество. Российским учёным, которые видят подъём по-Восточному деспотического государства в Московии как следствие вооружённой борьбы против могущественных восточных (Eastern) врагов, будет полезно сравнить русскую историю с тем, что произошло в Испании, а также и в Австрии.

Начнём с последней из этих стран. На протяжении нескольких столетий Австрии угрожала империя Востока, одна из величайших среди известных истории: Османская империя; и обширные области Венгрии более ста пятидесяти лет были заняты турками. Но Австрия, главная политическая и военная база контрнаступления, оставались свободной, и затянувшаяся борьба против могущественного восточного (Eastern) врага не превратила австрийское государство в деспотию Востока. Как и другие страны Европы, Австрия развивалась в направлении определённо западного типа абсолютизма: до середины XVIII века австрийские органы законодательной власти (ландтаги) имели решающий голос по вопросам налогообложения и призыва солдат, и даже после 1740 года эти органы играли существенную роль в финансовом управлении. Венгрия упорно сохраняла полуавтономное правительство, чей ландтаг, состоявший из верхней палаты (клерикальные и светские магнаты) и нижней палаты (мелкие дворяне и городские депутаты), оказывал большое влияние на управление страной.

В Испании также на сущность Реконкисты никогда не оказывал влияние Восток. Военная сила правителей маленьких северных государств, которые противостояли арабскому натиску, зависела от поддержки знати, духовенства и городов, и в конце основной фазы Реконкисты эти группы, далёкие от политической раздробленности, были способны вследствие своих привилегий поддерживать полуавтономное существование. Подобно развитию позднефеодальных и постфеодальных Франции, Англии, Германии, Италии и Скандинавии, в Испании также сформировалось абсолютистское правительство. Это правительство было достаточно сильным, чтобы одержать верх над знатью, церковью и городами, но оно не смогло уничтожить майоратное наследование земельных владений среди аристократов и полуавтономию церкви, а также сломить гордость и достоинство испанского народа. Штаты Арагона, которые объявили признание своих привилегий условием своей присяги королю ('если нет, то нет'), снова повторили эту дерзкую формулу в 1462 году, то есть более чем через сто лет после того, как большая часть Пиренейского полуострова была отвоёвана. И хотя ассамблеи (кортесы, cortes), которые в Кастилии в основном представляли свободное городское самоуправление, прекратили своё существование в 1665 году, абсолютистский режим не смог привить своим подданным покорность, свойственную подданным гидравлических режимов.

Утверждать это - не значит отрицать необыкновенную силу испанского абсолютизма. Это явление можно по крайней мере частично объяснить острой необходимостью в пограничных силах Реконкисты, которые усилили рост королевской власти в Каталонии, Наварре и Арагоне. Однако экономический менталитет (*Wirtschaftsgesinnung*) христианских королей мог иметь ещё более решающее значение. Северная база Реконкисты очень благоприятствовала скотоводству, и европейский спрос на шерсть, который увеличивался с продвижением Реконкисты, однозначно привёл испанских королей к поощрению овцеводства также и в освобождённых районах центральной части Испании и даже в некоторых районах на юге Испании. Хотя короли давали всевозможные привилегии городам и знати, они установили жёсткий финансовый и юридический контроль над овцеводами, которые начиная с XIII века были объединены в специальную организацию, Месту.

В Испании, как и в Англии, овцы 'съели' людей. Но Испания отличалась от Англии в том, что почти с самого начала государи получали огромную прибыль от быстро расширявшейся скотоводческой экономики. Государственные доходы от этого источника были большими. В итоге монархи считали эксплуатацию и сохранение скотоводства основным средством существования своих королевств.

Огромные доходы, которые испанская корона получала от своей колониальной империи, часто рассматриваются как причина снижения численности испанского населения в XVI веке^e. Однако депопуляция деревень, которая, конечно, была одной из главных причин депопуляции городов, не может быть полностью объяснена подобным образом, так как приток золота и серебра позволил бы обогатившимся горожанам покупать большее, а не меньшее количество сельскохозяйственной продукции.

По всей вероятности, эта распространявшаяся с севера на юг тенденция была в первую очередь вызвана заменой интенсивного ирригационного земледелия экстенсивным разведением крупного рогатого скота. Такая эволюция, усиленная стремительным ростом экспорта шерсти^f, привела к обнародованию 'Законов Торо', которыми завершилось подчинение земледелия крупномасштабному выпасу за 14 лет до завоевания Кортесом Мексики и за 28 лет до завоевания Писарро Куско. И это также объясняет большое сокращение индейского сельского населения Мексики, Юкатана и Перу после их завоевания конкистадорами^g.

В сельской местности Испании стада и пастухи одиноко бродили по обширным пастбищам. Именно по такой местности гнал Дон Кихот свою спотыкавшуюся клячу. А в городах ни одно зрелище не было так популярно, как коррида. В Вальядолиде в 1527 году Карл V, празднуя рождение своего сына Филиппа II, сам вышел на арену, чтобы бросить вызов быку.

^e Севилья, в которой в 1247 году проживали больше 300 000 жителей, насчитывала в XVI веке 200 000. Кордова, в которой при халифах проживали, возможно, миллион человек, тогда насчитывала 60 000. Население Гранады, вероятно, сократилось с 500 000 до 80 000. Такое сокращение населения частично было результатом военного истребления, но частично отражает и преобразование сельского строя. Некоторые сельские местности так никогда и не восстановились после мора и Реконкисты. Другие оставались невозделанными в течение XVI и XVII веков, пока ранее плодородные поля не стали бесплодными, так как овцеводство повсюду привело к беспорядкам и уничтожило едва не последние следы земледелия, которые тогда оставались.

Известны руины более 1141 прежних поселений в Каталонии, Арагоне, Леоне, Валенсии, Манче, Кастилии и т.д. Область Гвадалквивира при халифах Кордовы могла похвастаться 1200 деревень. В 1800 году существовали только 200. Из 50 деревень Малаги остались только 16. Один из районов епархии Саламанки насчитывал только 333 деревни из прежних 748, в то время как из 127 деревень, существовавших около Лос-Баньос-де-ла-Рейна, остались только 13. На территории королевства Гранады до 1492 года проживали три миллиона человек, а в 1800 году насчитывалось только 661 000. [Назад](#)

^f Подъём продолжался до конца XVI века. [Назад](#)

^g Корабли были небольшими, перевозка грузов - дорогой, и экспорт зерна в Европу не приносил никакой особой пользы. Серебро было наиболее ценным объектом экспорта, но также большую прибыль приносили сахар и какао, красильное дерево, красители и шкуры. В течение нескольких десятилетий поголовье овец, лошадей, свиней поразительно возросло во всех частях Новой Испании. К 1570 году, когда Акоста прибыл в Америку, некоторые собственники имели по 70 000 и даже по 100 000 овец. Там, где не препятствовали увеличению поголовья крупного рогатого скота, стада росли быстро, не только в Центральной Америке, но и на юго-западе Северной Америки, в Перу, на Юкатане. Когда Кортес воздвиг роскошное имение в Оахаке, он сразу же закупил большое количество мериносов и другого рогатого скота, которому отвели богатые пастбища на территории около Теуантепека. Конечно, это был тот же Кортес, который организовал в Новом Свете Месту по образцу Месты Кастильской. [Назад](#)

6.Е.2.е. Внедрение деспотизма Востока на Руси

Татары не имели ничего общего с маврами. Когда они завоевали Русь, то не дали ей ни алгебры, ни Аристотеля. Пушкин был, несомненно, прав, сетуя на негативные культурные последствия татарского ^h завоевания. Он мог бы пойти ещё дальше и отметить разрушительные политические последствия их

сказочного военного успеха. Татары, которые к 1240 году нанесли сокрушительное поражение восточным славянам, так эффективно контролировали своих новых подданных, что на Руси не оказалось никаких независимых сил, способных этих подданных освободить.

Также никакие внутренние силы Руси не участвовали в систематической и открытой борьбе с Ордой. Отдельная военная победа на Дону, когда великий князь Московский Дмитрий победил татарскую армию в 1380 году, имела печальный обратный эффект: последующие репрессии препятствовали вооружённому сопротивлению ещё 100 лет¹. Даже когда в 1480 году Иван III отказался признать себя подданным ослабевших татар, он избегал сражения с ними. Татары, в то время ещё способные повести свою армию против воинства Московии, проявили такую же неохоту. Нерешительность обеих сторон привела к невероятному зрелищу: две армии бежали друг от друга, не преследуемые никем. По словам Карамзина, так закончилось это последнее вторжение татар¹.

И так в действительности закончилось татарское владычество на Руси. Оно продолжалось в течение почти 250 лет, и Великое княжество Московское, которое занимало видное положение в течение этого периода, занимало его не как независимая сила, а как инструмент хана.

Этот факт не оспаривается. Также не отрицается, что Московия XVI века не может быть приравнена к западному абсолютизму. Однако мнения серьёзно расходятся в вопросе о происхождении деспотизма Московии. Был ли самодержавный контроль Ивана III над землёй и людьми обусловлен внешними обстоятельствами, то есть постоянными сражениями на границах? Или он был обусловлен главным образом влиянием монголов, которые применяли на Руси деспотические методы управления государством, которым они научились в некоторых гидравлических странах Азии, особенно в Китае^{i-bis}?

Историки, отстаивающие 'внешнюю' интерпретацию, в основном опираются на авторитет передового современного российского историка Ключевского. Я отдаю должное тому, как он рассматривает самые различные мнения учёных, но нахожу его взгляды на появление деспотизма Московии менее односторонними, чем принято считать.

Правда, Ключевский обратил мало внимания на татарское иго^k, и его понимание деспотизма Востока было ограниченным¹. Но он был слишком крупным учёным, чтобы упустить из виду важнейшие институциональные изменения, которые имели место в государстве и обществе Руси во время татарского правления и вследствие него. По его собственным словам, эти изменения безусловно предшествовали подъёму окраин, чьей созидательной ролью он был настолько впечатлён.

Действительно, Ключевский в своём утверждении о роли окраин в основном рассматривает посттатарский период. Он характеризует изменения, затронувшие рекрутирование многочисленного военно-чиновничьего класса,

как тесно связанные с территориальной экспансией империи, чьи новые границы приводили к непосредственному контакту государства с такими внешними чужеземными врагами России, как шведы, литовцы, поляки и татары. Этот непосредственный контакт поставил государство в такое положение, что оно стало походить на вооружённый лагерь, окружённый врагами с трёх сторон. Очевидно, что татары, о которых говорит Ключевский, это те, кто противостояли Московии в XVI веке, и окраина, часть которой прилегалась к их владениям, и являлась границей в XVI веке. Ключевский говорит об этом определённо и несколько раз ссылается именно на период с 1492 по 1595 годы.

С учётом этих фактов мы не можем избавиться от ощущения, что утверждение Ключевского о роли окраин вызывает больше вопросов, чем ответов. Почему не-Восточная Россия должна была превратиться в деспотию, основанную на принудительной службе, хотя Россия воевала с такими западными странами, как Швеция, Литва и Польша? Многие европейские правительства противостояли подобным врагам без установления по-Восточному деспотических моделей контроля над землёй и людьми. И почему не-Восточная Россия должна была стать по-Восточному деспотической, когда силы Востока, с которыми она вела борьбу, были, условно говоря, не сильнее турок, с которым воевали австрийцы и венгры, или мавров, с которым испанские завоеватели вступили в бой не на жизнь, а на смерть? Ни Венгрия и Австрия, ни Испания не стали по-Восточному деспотическими из-за их Восточных окраин. Поэтому мы вполне можем спросить: могло ли развитие Московии в XVI веке быть вызвано тем, что на Руси до этого периода в результате долгого подчинения Восточному господству уже были предприняты решающие шаги в сторону деспотического 'служебного' государства в организационной и накопительной сферах?

Точка зрения Ключевского не позволяет ему дать последовательный ответ на эти вопросы. Но поразительно, насколько его оценка Руси в XIII, XIV и XV веках подтверждает социально-историческое значение татарского периода.

Согласно Ключевскому, именно в этот период города, которые играли важную роль в Киевской Руси, утратили, за некоторыми исключениями (Новгород, Псков), своё политическое значение, и именно в этот период удельные князья и независимые бояре, после временного улучшения своего положения, были жестко усмирены Великими князьями Московскими. Многие князья стали служить Московии, чьи новые князья-чиновники около 1500 года если не задавили, то закрыли старый слой московского нетитулованного боярства.

Почему это случилось? В вопросе политического ослабления городов Ключевский закрывает глаза на воздействие татарского правления^m, на которое указывалось ранее Карамзинымⁿ. В вопросе о судьбе боярства и удельных князей он признаёт, что татарская власть позволила Московии подчинить их себе.

Ключевскому было известно, что в течение более чем двух поколений татары управляли финансовым устройством, которое установили на Руси: 'Татары по

завоевании Руси на первых порах сами собирали наложенную ими на Русь дань'. Ему также было известно, что Москва стала накапливать политическую и юридическую власть, когда в 1328 году хан передал эту функцию своему московскому посланнику: 'Простой ответственный приказчик хана по сбору и доставке дани, московский князь сделан был потом полномочным руководителем и судьёю русских князей'. Впоследствии это полученное от хана полномочие по сбору и доставке дани стало мощным орудием для политического объединения удельной Руси.

Влияние татар во всех этих случаях очевидно. Оно покажется ещё более впечатляющим, если мы увидим бюрократические новшества, сопровождавшие политические изменения. Ключевскому известно, что методы регистрации земель и налогоплательщиков, которые использовались на протяжении XVI и XVII веков, существовали в конце XV века и даже задолго до этого⁹. Ему известно, что после завоевания Руси татары в течение первых тридцати пяти лет ига три раза проводили перепись ('число', chislo) всего народа Руси, за исключением духовенства, с помощью 'численников' (переписчиков, chislenniki), посылавшихся Ордой. Последующее изучение проливает дополнительный свет на подлинно татарские методы организации, которые могли служить как военным, так и финансовым целям. Вернадский правдоподобно предположил, что *на основе монгольских моделей развивалась великокняжеская система налогообложения и военной организации с конца XIV по XVI века*. Его вывод уточняет то, о чём Ключевский вскользь упоминал за пятьдесят лет до этого.

Описывая государственную почту Москвы XVI века, Ключевский прямо не связывает её с более ранней эволюцией. Но его замечание об известном с начала XVI века Ямском приказе (Jamskoj prikaz) - министерстве почт, по всей вероятности, указывает на времена Ивана III, то есть на конец татарского периода. Другие учёные связывают почтовую систему, ям (yam), которую татары поддерживали на Руси, с московским ведомством, носившим то же название⁹.

Подъём деспотизма Московии совпадает с возникновением нового типа гражданских и военных служилых людей, которые в качестве временных владельцев государственной земли (поместий, romestyje) были безоговорочно и безгранично подчинены своему верховному повелителю. С конца XIV века Великие князья Московские начали низводить удельных князей до положения служилых людей, а в XV веке назначали должностные земли, которые ранее давались только несвободным подданным, свободным служилым людям, в основном военным, но также и гражданским (придворным) чиновникам. Ключевский прекрасно понимает, что этот тип обязательной службы отличается от службы, которую несли в Западной Европе, и поэтому неудивительно, что при обсуждении им правовых принципов, касавшихся социального института поместий, он рассматривал только два источника, оба относящиеся к Востоку: Византию и Золотую Орду. Отвергнув первый, он остался с версией татарского

влияния, предложенной Градовским. Согласно этой точке зрения, понятие о князе как верховном землевладельце возникло только в монгольский период. Русские князья как представители власти хана пользовались в своих уделах правами, какие имел хан на всей подвластной ему территории. Потом русские князья полностью унаследовали от хана эти государственные права, и это подорвало зарождавшую частную земельную собственность.

Для такого двойственного подхода Ключевского к татарской проблеме характерно, что историк не смог выразить то, что, исходя из его собственных предположений, является единственным логическим выводом. Но он без колебаний подчеркнул быстрый рост социального института поместий в конце татарского периода. Очевидно, что следы усиленной и систематической раздачи казённых земель в поместное владение появились уже во второй половине XV века. Московские князья учреждали поместные земли в больших масштабах сперва на недавно завоёванных территориях, таких как Новгород, а в начале XVI века крупное развитие поместных владений также имело место в окрестностях Москвы.

Столь же известный историк экономики Ковалевский прямо заявлял о татарском происхождении этого рокового социального института: 'Факт тот, что до XV столетия нет и речи о русских князьях, оплачивающих военную службу иначе, чем раздачей денег или вещей, взятых в качестве добычи на войне, между тем как распределение военных поместий под названием икта (iktaa) было хорошо известно во всём магометанском мире, и, особенно, у татар, за целые века до появления подобной практики в Москве. Эти соображения приводят к выводу, что такого рода практика установилась в Москве и других русских княжествах в подражание татарским ханствам'. Вернадский не заявляет о наличии прямой связи, но тоже называет монгольскую эпоху инкубационным периодом поместной системы.

С учётом этих фактов трудно отвергнуть заключение Вернадского, что во времена татар старое свободное общество Киевской Руси настойчиво разрушалось, не задевая поначалу внешней стороны, и когда Иван III порвал отношения с Ордой, основа новой структуры была готова, и новый порядок, порядок прикреплённого к службе общества, стал ясно просматриваться.

Он действительно стал ясно просматриваться. А через несколько десятилетий после смерти Ивана III деспотические силы получили достаточную прочность для того, чтобы безжалостно разрушить устаревшую внешнюю сторону. Временной интервал между инкубационным периодом и периодом созревания отражает противоречивые интересы татар, которые хотели, чтобы их московская организация была достаточно сильной для выполнения воли хана, но недостаточно сильной для того, чтобы возобладать над ними. Не предполагая критических последствий своих действий, они создали институциональную бомбу замедленного действия⁴, которая оставалась под контролем во время их правления, но начала срабатывать, когда рухнуло иго.

Влияние Византии на Киевскую Русь было велико, но оно являлось в первую очередь культурным влиянием. Подобно влиянию Китая на Японию, оно не смогло серьезно изменить положение власти, классов и права собственности. Влияние Османской империи на Россию в XVI веке стимулировало режим, который уже был по-Восточному деспотическим, но оно не породило его. Одно только татарское правление среди трёх основных влияний Востока, которым подверглась Россия, было решающим как в разрушении не-Восточного киевского общества, так и в создании основ деспотического государства московской и постмосковской России.

^h Слово 'татарин' первоначально относилось к народам, жившим в восточной (eastern) части Внутренней Азии. После великой экспансии монгольской власти в течение XIII века слово в Восточной Европе стало обозначать тех монголов и тюрков, которые вместе образовали ядро Золотой Орды. Слившись с более древними тюркскими и финскими группами, эти 'татары' говорили на турецком языке, который к тому времени стал самой важной этнической и культурной чертой самого западного сектора монгольского мира. В настоящем обсуждении термины 'татары' и 'монголы' используются как синонимы для обозначения народа Золотой Орды. [Назад](#)

ⁱ После 1380 года в ведущем княжестве, Московии, некоторое время не помышляли о борьбе с татарами. [Назад](#)

^j [Карамзин]. [Назад](#)

^{j-bis} (Добавлено к третьему изданию). Когда монголы покорили Русь (1237-40 годы), они были знакомы с организационными и накопительными методами китайской государственности. Чингисхан покорил Китай северней Хуанхэ (1211-22 годы) и Туркестан (1219-20 годы). С 1215 года его высокопоставленным советником был ляо-китаец Елюй Чуцай, который позже служил также его сыну Угэдэю (1228-41 годы). Угэдэй завершил завоевание Северного Китая в 1234 году. К 1240 году монголы научились управлять государственной почтой и руководили переписью населения, сбором налогов и барщиной в Северном Китае. В 1240 году Карпини наблюдал государственную почту и проведение предварительной переписи на захваченной монголами Руси. В 1253 году Великий хан Мунке потребовал от некоего Пи-эр-ке (Берке?) провести перепись в России. Российские источники сообщают, что это было сделано в 1257 году, и есть относящееся к 1259 году упоминание о монгольском переписчике 'Беркае'. Юрисдикция Великого хана над Золотой Ордой продолжалась до 1259 года, то есть во время становления татарского ига. [Назад](#)

^k Флоринский критиковал его за предположение, что при изучении политической организации северо-восточной России следует на какое-то время забыть, что Русь была захвачена татарами, а Вернадский отмечает, что, за

исключением небольших общих замечаний о важности политики ханов для объединения Руси, Ключевский уделит монголам мало внимания. [Назад](#)

¹ Ключевский был не слишком хорошо знаком с социальными институтами общества Востока и с такими его разновидностями, как традиционный Китай. В противном случае он не противопоставлял бы основанную на службе классовую систему Московской Руси и условия деспотизма Востока. Однако в другом контексте он отмечает сходство московских методов ликвидации потенциально опасных родственников с методами деспотизма Востока в аналогичных ситуациях. А его описание государственной службы и землепользования в постмонгольской России чётко указывает на институциональные сходства с Османской империей и мусульманской Индией. Его обсуждение попыток Петра I развивать промышленность является важным вкладом в наше понимание русской версии агробюрократического деспотизма. Всемогущее государство, основанное на принудительной службе и утверждавшее полный контроль над всей землёй, также рассматривается как ключевой элемент царского общества Самнером, считавшим, что царизм укоренился в идеях и ритуалах Византии и в практике татарских ханов. Развивая эту мысль, Самнер отмечает, что на возникновение московского правительства и московской военной системы большее влияние оказала Золотая Орда, а не ведение дел в далёкой Византии. [Назад](#)

^m Ключевский рассматривает такое развитие как результат колонизации северной Руси. Русь действительно расширилась на север, но это только половина дела. В Западной Европе многие города, которые были основаны князьями или крупными феодалами, освобождались от их власти. Почему в XIII и XIV веках русская княжеская власть выросла за счёт городов? И почему вече прекратило действовать даже там, где ранее господствовало? [Назад](#)

ⁿ Карамзин приписывает это изменение усилению власти, которой князья были наделены татарами. Недавно Вернадский отметил, что за разрушением в монгольский период большинства крупных городов Восточной Руси последовало столь же потрясающая и даже более успешная политическая кампания против городов, и в этой кампании русские князья и бояре поддерживали своих монгольских господ. В середине XIV века вече прекратило нормальную деятельность в большинстве городов Восточной Руси и не могло рассматриваться как элемент правления. [Назад](#)

^o Татарское происхождение московской системы проведения переписи было среди других историков подчёркнуто Милюковым и Кулишером, последний не без оснований высказывал предположение о первоначальном китайском влиянии. [Назад](#)

^p Алтайские слова 'ям' (yam), 'почта', и 'ямси' (jamči), 'смотритель почтовой станции', появились в русском языке как 'ям' (jam) и 'ямщик' (jamshchik). В течение монгольского периода ям являлся особым налогом на содержание конно-почтовых станций. Когда в начале XVI века Герберштейн пользовался

московской государственной почтой, он должен был передать отведённых ему лошадей 'смотрителю почтовой станции, который на их языке называется 'ямщик' (jamschnik) [sic!]'! Почтовая станция называлась 'яма' (jama). В XVI веке почтовая канцелярия сначала называлась 'Ямская изба' (jamskaja izba), а затем 'Ямской приказ' (jamskoj prikaz). [Назад](#)

¶ Вернадский уместно говорит о влиянии через замедленное действие. [Назад](#)

6.F. Структура и изменение моделей плотности мира Востока

Таким образом, Древняя Греция, Древний Рим, Испания и Россия прошли через институциональный раскол. В Древней Греции, Древнем Риме и Испании маятник качнулся в зад и вперёд. В царской России обратное движение (вдали от какого-либо деспотического государства) прошло близко к переходу страны обратно в западную орбиту. Изменения, произошедшие в каждом из этих случаев, были огромны, но их характер нельзя чётко понять без чёткого определения затронутых институциональных структур. Мы пытаемся сделать это в нашем исследовании. Приступив к анализу структуры и изменений с позиции различной гидравлической и бюрократической плотности, мы можем сделать следующие основные выводы.

6.F.1. Структура

6.F.1.a. Плотность подтипов гидравлического общества

Есть два подтипа гидравлически плотных областей: один с экономически преобладающей и непрерывной гидравлической системой (плотный С1), а другой с экономически преобладающей, но прерывистой гидравлической системой (плотный С2). Есть два подтипа гидравлически неплотных областей: один с организационно преобладающей гидравлической системой, которая включает в себя главные и региональные плотные части (неплотный L1), а другой без главных плотных частей (неплотный L2). И есть два подтипа периферии гидравлического общества: один из них содержит значительные гидравлические компоненты (периферийный M1), а другой не имеет таких компонентов (периферийный M2). Седьмой подтип, околупериферийный, соответствует окраине гидравлического мира, поскольку общества этого типа используют очевидные методы по-Восточному деспотического управления

государством. Но так как его господствующие социальные институты имеют безусловно негидравлический характер, он должен быть помещён на окраину этого мира с внешней стороны.

6.F.1.b. Различная частота встречаемости

Гидравлически плотные подтипы гидравлического общества, C1 и C2, не являются самыми распространёнными из них. Нельзя назвать менее развитыми другие подтипы, если термин 'развитые' означает, что они обязательно в конечном итоге станут плотными. Среди исторически значимых гидравлических обществ, и особенно среди своих более крупных образцов, плотные модели являются скорее исключением, чем правилом.

6.F.1.c. Снижение важности собственно гидравлической экономики

Снижение важности собственно гидравлической экономики становится очевидным, когда агроуправленческий мир рассматривается в его пространственной и временной целостности. Вряд ли можно сомневаться в том, что общества этого мира имели большую гидравлическую плотность во время своего формирования и основной фазы, чем во время более поздних и второстепенных этапов эволюции.

На стадии формирования возникали сравнительно небольшие гидравлические содружества в умеренно засушливых и засушливых природных условиях. И если наша генетическая гипотеза верна, мы можем смело предположить, что пока в течение этой фазы ряд периферийных гидравлических обществ возник благодаря диффузии, несколько таких обществ возникли благодаря распаду более крупных неплотных гидравлических единиц, которые после этого практически не существовали. Следовательно, выраженное как в абсолютных единицах, так и в отношении к общему числу собственно гидравлических обществ, большинство периферийных гидравлических обществ появились не во время фазы формирования, а после неё.

Эта особенность развития сопровождается другой, которая, хотя и независимо от первой, усугубляет её последствия. По причинам, которые в Старом Свете тесно связаны с распространением кочевых завоевателей, а во всём мире связаны с уменьшением заинтересованности в гидравлическом производстве, собственно гидравлические общества стремятся к уменьшению, а не к увеличению своей гидравлической мощности.

Конкретные модели плотности промышленного и гидравлического общества развиваются по-разному. Индустриальные общества стремятся стать более индустриальными без необходимости стать промышленно плотными. С другой стороны, агроуправленческие общества достигают наивысшего коэффициента своей гидравлической плотности на относительно ранней стадии своего роста. После этого коэффициент сохраняется или снижается. Взятые во всей своей полноте, агроуправленческое общество несомненно движется не к более высокому, а к более низкому уровню гидравлической плотности.

6.F.2. Способность к социальным изменениям

Наш анализ плотности проясняет и структуру, и изменения. И он проясняет изменения - или отсутствие изменений - не только в пределах того же социального типа, но и изменения, направленные от одного типа общества к другому.

1) Формирование гидравлического общества несомненно зависит от наличия собственно гидравлической экономики как необходимого условия.

2) Сохранение гидравлического общества обеспечивается множеством факторов, среди которых гидравлическое предприятие может иметь малое значение, за исключением кризисных ситуаций, вызванных воздействием сильных внешних негидравлических сил.

3) В конкретной гидравлической области крупные контролируемые правительством производственные и защитные водные сооружения могут обслуживать лишь часть политически доминирующей территории. Неравномерная диффузия социальных институтов данного общественного строя, которая характеризует гидравлический мир, также характеризует и современное индустриальное общество. До Второй мировой войны США являли собой выдающийся образец индустриального общества. Но в то же время из приблизительно 3000 округов только около 200, то есть примерно 7 процентов, были классифицированы как собственно промышленные округа^a.

4) История гидравлического общества свидетельствует о бесчисленном множестве восстаний и дворцовых переворотов. Но нигде, насколько нам известно, внутренние силы не добились успеха в преобразовании какого-либо моноцентричного агроуправленческого общества в полицентричное общество западного типа.

5) Более конкретно: ни в Старом, ни в Новом Свете никакая крупная подлинно гидравлическая цивилизация не смогла самопроизвольно развиться в индустриальное общество, как это делали при негидравлических условиях

страны постсредневекового Запада. В периферийной гидравлической цивилизации поздней Византии усиление крупной частной собственности привело лишь к социальному параличу. В России после тяжелых атак *извнесли* частной собственности (и сопутствующие им силы свободного труда) в 1917 году возобладали на несколько месяцев над системой деспотической государственной власти.

^a Детальное рассмотрение этого явления см. в ['Структура американской экономики']. [Назад](#)

Глава 7. Модели сложности имущественных отношений в гидравлическом обществе

Не все гидравлические общества включают в себя независимые влиятельные собственнические силы. Когда такие силы присутствуют, они выглядят более опасными для периферии, чем для гидравлического центра, хотя даже в этом случае рост сильной частной собственности углубляет социальную дифференциацию и периодические политические кризисы.

Следовательно, институциональный анализ гидравлического общества должен иметь дело не только с плотностью агроуправленческого аппарата этого общества, но и со сложностью развития его имущественных отношений. Изучив основные модели гидравлической и бюрократической плотности, мы теперь рассмотрим основные модели сложности связанных с частной собственностью и предпринимательством отношений, которые возникают под сенью агроуправленческого деспотизма.

7.А. Отношение между людьми, называемое 'собственностью'

Собственность является официально признанным правом личности распоряжаться конкретным объектом. Подобно другим правам, право, называемое 'собственностью', включает в себя больше, чем отношения между человеком и вещью. Оно включает в себя отношения между собственником и другими лицами, которые, благодаря привилегии первого владельца, не могут распоряжаться рассматриваемым объектом.

Это отношение также включает в себя представителей правительства, которые, с одной стороны, разделяют ограничения, налагаемые на частных лиц, не являющихся владельцами, а с другой стороны, имеют отношение к сохранению существующих норм собственности. Таким образом, в дополнение к тому, что она является юридическим и социальным институтом, собственность является политическим феноменом. И разновидности права собственности в различных обществах, даже если они формально похожи, не обязательно должны быть одинаковыми по существу.

Прочная собственность^a развивается при социальном строе, который является настолько сбалансированным, что владельцы собственности могут распоряжаться своими объектами с максимальной свободой. Слабая собственность развивается при социальном строе, который не является настолько сбалансированным.

В предыдущих главах описаны те особенности гидравлического общества, которые, делая государство непомерно сильным, стремятся сделать частную собственность чрезмерно слабой. Конечно, слабость не есть полное отсутствие. Гидравлическое общество породило множество форм частной собственности, у которых, насколько позволяет внешнее сравнение, были аналоги в других обществах. Некоторые из этих форм имели различную степень развития в различных гидравлических цивилизациях, и эти различия настолько регулярны и очевидны, что мы можем определить несколько подтипов сложности имущественных (и социальных) отношений.

^a В исходной форме эта концепция уже была использована сэром Генри Мэном в его книге 'Деревенские общины на Востоке и Западе'. [Назад](#)

7.В. Объекты права собственности

Принципы движимой и недвижимой собственности приносят очевидные трудности, но имеют большие достоинства для нашего исследования. Недвижимая собственность (особенно земля) является основой частного предпринимательства в главной отрасли гидравлической экономики: земледелии, а движимая собственность (орудия труда, сырьё, товары, деньги) является основой двух наиболее важных второстепенных отраслей этой экономики: промышленности (ремесленной деятельности) и торговли. Люди тоже могут стать объектом имущественных отношений. Как и во многих других институциональных образованиях, в гидравлическом обществе также известно рабство. Но в отличие от движимой и недвижимой собственности, рабство при агроуправленческом деспотизме не приводит к созданию особых моделей

независимого предпринимательства. Мы рассмотрим особенности этого типа рабства в следующей главе, которая касается классов.

7.C. Потенциальная область действия права собственности

Обладатель прочной собственности может распоряжаться своей собственностью по-разному.

Он может задействовать свою собственность так, как захочет, пока не нарушает прав других членов сообщества. Он может активно использовать её либо в экономической сфере (для получения средств к существованию и материальной выгоды), либо в сфере физического принуждения (для содействия своим имущественным или политическим интересам или интересам своей группы), либо может использовать её пассивно, расходуя на собственное содержание и удовольствия. Время от времени он может принимать решение не использовать её вообще. Он может сделать из палки лук, чтобы использовать его для охоты или набегов, или орудие для копания земли. Он может использовать участок земли для выращивания того, что захочет, или для выпаса скота, или для охоты, или может позволить этой земле пустовать.

Обладатель прочной собственности, чья активно используемая собственность приносит прибыль, потому что он эффективно использует её в одиночку, с другими людьми или благодаря другим людям, свободен наслаждаться этими выгодами в полной мере. Он владеет телёнком так же, как и коровой. Он свободен отчуждать своё имущество по собственному желанию. И он свободен решать, кто станет наследником его имущества, когда он умрёт.

7.D. Три главные модели сложности в гидравлических цивилизациях

7.D.1. Простая, полусложная и сложная модели собственности

Обладатель слабой собственности может наслаждаться лишь жалким подобием этих привилегий, но это не лишает его желания действовать настолько свободно, насколько он может. Он использует свои скромные права относительно движимой и недвижимой, пассивной и активной собственности. В сфере движимой и активной собственности эти права становятся институционально важными, когда обладатель такой собственности использует

её независимо и для профессиональных целей в промышленности и торговле. Те, кто вовлечены в ремесленничество или торговлю, совершают решительный шаг вперёд, когда начинают заниматься своей деятельностью профессионально, то есть отдавать ей всё своё рабочее время. Однако такое продвижение не приводит к серьёзным социальным изменениям до тех пор, пока профессиональные ремесленники и торговцы составляют лишь новую группу в классе правительственных чиновников. Только тогда, когда они используют свою собственность, чтобы работать профессионально и независимо, они превращаются в новый класс. Разница заключается не в одном только способе производства, который может не измениться вообще, но и в политической (и политически обусловленной социальной) позиции производителей и торговцев.

Земля подвергается профессиональной обработке (то есть крестьянами, которые посвящают большую часть своего времени земледелию) с того момента, как земледелие становится необходимой основой существования. И признаки частной (независимой) земельной собственности возникают сравнительно рано. Но собственники земли, которые часто не обрабатывают свою землю сами, во многих обществах Востока не имеют возможности расширять сферу частной аграрной собственности, так как большая часть земли в той или иной форме регулируется государством. Только тогда, когда владение свободной (нерегулируемой) землёй становится преобладающей формой землевладения, частная земельная собственность становится социальным феноменом, сравнимым с преобладанием независимого профессионального ремесленничества и торговли.

Независимая активная собственность развивается неравномерно в своих движимой и недвижимой формах. Эти эволюционные различия являются достаточно ясными и регулярными для того, чтобы допустить разграничение между по меньшей мере тремя основными моделями сложности имущественных отношений в гидравлическом обществе.

- 1) Когда независимая активная собственность играет второстепенную роль и в движимой, и в недвижимой формах, мы сталкиваемся с относительно простой моделью собственности. Мы будем называть такую структуру простым (simple) гидравлическим обществом.
- 2) Когда независимая активная собственность сильно развита в промышленности и торговле, но не в земледелии, мы сталкиваемся с полусложной моделью собственности. Мы будем называть такую структуру полусложным (semicomplex) гидравлическим обществом.
- 3) Когда независимая активная собственность сильно развита в промышленности и торговле, а также и в земледелии, мы сталкиваемся с самой сложной моделью собственности, которая встречается в гидравлическом обществе. Мы будем называть такую структуру сложным (complex) гидравлическим обществом.

7.D.2. Дополнительные замечания

7.D.2.a. 'Простое I' и 'простое II'

Насколько значительного успеха может достичь частная независимая собственность в промышленности и торговле? И когда частная собственность на землю преобладает над всеми другими формами землевладения? Мы попытаемся ответить на оба вопроса, когда обсудим особенности полусложной и сложной форм Восточной собственности.

Однако в первую очередь должен быть решён другой вопрос. Существуют ли условия, при которых в гидравлическом обществе профессиональных представителей промышленности и торговли вообще нет или с практической точки зрения почти нет? Такие условия, конечно, существуют. Они встречаются в основном в гидравлических племенах, которые по этой и другим причинам представляют собой самый примитивный вариант простого гидравлического общества. Мы отделим племенной тип простого гидравлического общества, 'простое I', от типа простого гидравлического общества с централизованной государственностью, 'простого II'.

Таблица 4. Модели сложности имущественных отношений в гидравлическом обществе (схема)

Модели собственности	Сферы имущественного развития			
	В земледелии		В промышленности и торговле	
	Профессионально	Преимущественно с частными земельными владениями	В основном ¹ профессионально	На основании частной собственности и в основном ¹ независимо
Простое I	(+) ²	-	-	+ ³
Простое II	+	-	(+)	-
Полусложное	+	-	+	(+)
Сложное	+	(+)	+	+

Значения:

+ Признак значителен в тексте далее (7.Е)	1 - Смысл оговорки объясняется в
- Признак незначителен или отсутствует эволюционно новый признак	2 - Скобки указывают на
производители-торговцы	3 - Фермеры-ремесленники и

7.D.2.b. Сложность имущественных отношений и гидравлическая плотность

Взаимосвязи между моделями сложности имущественных отношений с одной стороны и моделями гидравлической плотности с другой стороны устанавливаются не так легко. Возникновение основанных на праве собственности предпринимательства и социальных классов обусловлено целым рядом факторов, среди которых гидравлическая плотность является только одним из факторов, да и то таким, который в данном регионе имеет тенденцию изменять свои свойства очень медленно и обычно только из-за изменения отношений с другими регионами.

Однако это не означает отсутствие важных взаимосвязей между гидравлической плотностью и сложностью имущественных отношений. Из двух основных эволюционных стадий, которые гидравлическая собственность может пройти, по меньшей мере первая - переход от простой к полусложной модели - может быть значительно замедлен, если не блокирован полностью, когда лежащий в основе аграрный строй является гидравлически плотным. Как и взаимосвязь между ростом простого гидравлического общества с централизованной государственностью и прогрессом профессиональной промышленности и торговли, мы уточним эту взаимосвязь, когда будем систематично обсуждать характеристики простой, полусложной и сложной моделей Восточной собственности.

7.Е. Неспецифические и специфические аспекты условий владения собственностью племенных гидравлических обществ

7.Е.1. Неспецифические аспекты

Земледельческие племена обращаются со своей собственностью по-разному, и это верно как для гидравлических, так и для негидравлических сообществ. В более простых земледельческих общинах Меланезии, Южной Америки и Африки движимое имущество находится в частной собственности, а земля - нет. Аналогичные тенденции встречаются также у значительных североамериканских племён^a, однако в Меланезии и Западной Африке прослеживается более дифференцированная модель. Как правило, земля считается общей собственностью деревни, но в отношении возделываемой земли присутствуют основы кровной, семейной или индивидуальной собственности.

Условия землевладения в гидравлических племенах сходны до некоторого предела. У более мелких племён экваториальной Африки, занимающихся ирригацией, землю можно покупать и продавать. К ним относятся племена сук и эндо. У племени эн-джемуси земля изначально выделялась вождём, но теперь, когда раздел после смерти отца чрезмерно уменьшает земельный надел, собственник может увеличить свои владения путём покупки, как это делают в племени сук, или, следуя более ранней имущественной модели, получить дополнительный участок земли у вождя. У американских индейцев пуэбло общинные модели землевладения преобладали до настоящего времени. В районе Рио-Гранде неиспользуемые сельскохозяйственные земли возвращались городу, чтобы вождь города (касик) или правитель перераспределили их. Среди гидравлически периферийных индейцев хопи клановая система землевладения была очень популярной, и вождь деревни, который теоретически был владельцем всех деревенских земель, наиболее часто утверждал свой авторитет при урегулировании земельных споров.

Таким образом, и в негидравлических, и в гидравлических небольших земледельческих общинах формы землевладения различны, и тенденция к общинному контролю является сильной, но не всеобщей. Соответствующие сходства могут быть обнаружены также и по отношению к движимой собственности. Оружием, а также орудиями труда, которые используются для охоты и сбора урожая, гидравлические соплеменники обычно владеют индивидуально, а продукты, полученные таким образом, являются настолько скоропортящимися, что недолгое владение ими не способствует развитию классовых различий, какими бы ни были методы распределения.

При таких условиях производство и торговля также не приводят к значительному социальному разделению. Это совершенно ясно в отношении торговли. Обмен частными товарами осуществляется в частном порядке, но это не требует специальной подготовки или всего рабочего времени. Как и в небольших негидравлических земледельческих общинах, в гидравлических племенах существует торговля, но нет профессиональных торговцев^b.

^a У Ирокезов есть поговорка: 'Земля не может быть куплена и продана, как и вода и огонь'. [Назад](#)

^b Среди индейцев пуэбло обмен товарами между различными деревнями или с другими племенами осуществляют отдельные лица или группы торговцев. Похожие на рынок сборища являются организованными, обычно женщинами, и, по-видимому, спонтанно. О более ранних условиях см. [Эспехо, Бандельер, Парсонс, Хэкетт], о недавних изменениях см. [Парсонс]. О племени чагга см. [Виденман, Гутман]. [Назад](#)

7.Е.2. Специфические аспекты

Условия производства не так просты. Основанная на праве собственности ремесленная деятельность используется в первую очередь для удовлетворения личных потребностей земледельцев, и те, кто, по причине владения определёнными навыками или наличия доступа к определённым материалам, производят товары для обмена, обычно уделяют этому часть рабочего дня, их основные усилия по-прежнему направлены на земледелие. Эта модель преобладает и в негидравлических, и в гидравлических племенах, и она принципиально не изменяется при наличии нескольких профессиональных ремесленников, таких как кузнецы^c.

Другое дело - крупномасштабные сооружения. Малым земледельческим сообществам негидравлического типа обычно не хватает организационной интеграции для реализации таких предприятий, и некоторые гидравлические племена, такие как сук и эндо, не используют для негидравлических целей организационные методы, которые они применяют для гидравлических работ, как это делают с удивительным успехом американские индейцы пуэбло. Конечно, орудия труда строителей пуэбло являлись частной собственностью, но их строительные материалы находились в распоряжении общины, и работа выполнялась общинными рабочими. Такие меры не способствуют ни развитию промышленности, основанной на праве частной собственности, ни росту группы лиц, чья сила обусловлена частной промышленной собственностью и предпринимательством. Наоборот. Эти меры расчищают путь для таких моделей различных видов деятельности, которые замедляют рост негосударственных собственнических сил в промышленности, а также в других сферах общества.

В сфере гидравлических работ действие подобных антисобственнических сил проявляется регулярно. Примитивный крестьянин, используя свои собственные орудия труда, возделывает землю, которая может быть или не быть общинно регулируемой, и семена для его посевов могут принадлежать ему лично или его роду. При негидравлических условиях больше ничего не требуется. В

гидравлических условиях собственно возделывание земли происходит по аналогичной схеме, а подготовительные операции - нет. Орудия труда находятся в частной собственности, но сырьё для изготовления гидравлических установок (земля, камень и, возможно, древесина) либо является общинной собственностью, то есть принадлежит всем или никому, либо становится общественным, если оно находится на земле, принадлежащей конкретному человеку, семье или роду. А каналы и каналы, конечный результат согласованных усилий сообщества, не становятся собственностью отдельных земледельцев или семей земледельцев, которые участвуют в работе, но, как и вода, которая поступает по каналам и каналам на личные поля, находятся под контролем (в собственности) руководящего органа сообщества^d. Эту особенность имущественных отношений можно различить в примитивных гидравлических общинах горного племени сук, чьи ирригационные каналы являются собственностью племени, а не отдельной личности. В ирригационных деревнях племени эн-джемуси ирригационные каналы также являются собственностью племени, и это в равной мере характерно для более крупных, построенных общиной ирригационных сооружений индейцев пуэбло.

Чтобы оценить эти факты должным образом, мы обязаны помнить, что обсуждавшиеся до сих пор общины представляют собой небольшие земледельческие общества, то есть сообщества, в которых основной единицей племенной деятельности почти всегда является деревня. В негидравлических условиях старосты малых поселений, как правило, не имеют власти над какой-либо важной собственностью, принадлежащей общине и управляемой общиной. Однако такая собственность является отличительным признаком гидравлической деревни и в большинстве случаев находится в ведении вождей, руководящих церемониями и практической деятельностью^e.

Такое развитие имущественных отношений имеет ещё один аспект, который уже отмечался, но который в данном контексте принимает новое значение. В небольших негидравлических земледельческих обществах староста, который осуществляет незначительное функциональное руководство, не заставляет общинников возделывать свои собственные поля. У небольших гидравлических племён староста, даже если его руководящая роль признаётся открыто, не всегда обладает такими привилегиями^f. Однако у индейцев пуэбло, которые в большинстве случаев сочетали плотное гидравлическое земледелие с большими негидравлическими сооружениями, общинники возделывали поля вождей даже в деревнях с населением лишь в несколько сотен жителей.

У крупных гидравлических племён, таких как чагга, наличие принадлежащих вождю полей нельзя считать чем-то особенным, поскольку такое земельное устройство встречается в больших негидравлических сообществах. Но в больших гидравлических племенах принадлежащие вождю поля обычно являются обширными, и работа на них (и в доме вождя) выполняется не ограниченным числом слуг, а всеми трудоспособными мужчинами-соплеменниками^g. Ещё одна особенность имущественных отношений является

вполне характерной: привилегированное требование вождя на воду для ирригации, доступную племени.

Исключительная концентрация земельных, водных и трудовых (земледельческих и промышленных) ресурсов в руках вождей не усиливает личную, семейную или клановую собственность^h. Это не приносит пользы социальному положению частных ремесленников, численность которых в больших гидравлических племенах несколько возрастаетⁱ. Это также не благоприятствует частным профессиональным купцамⁱ. Особенно это затрудняет распространение частной собственности в сфере, которая часто является важной второстепенной отраслью натурального хозяйства: в скотоводстве.

Племенная история многих европейских цивилизаций показывает, как при аграрной экономике рост поголовья крупного рогатого скота является одним из факторов установления социального лидерства. Также ценится изобилие животных в Восточной Африке, и это богатство, охотно выставленное напоказ, является важным средством определения социального положения владельца, особенно в скотоводческих общинах, таких как масаи^k. Но такой особенности не было у племени чагга. Поголовье крупного рогатого скота, который в своеобразных условиях района проживания чагга в основном откармливался в стойлах, существенно возросло, и некоторым соплеменникам принадлежало не меньше восьмидесяти голов. Но в обществе чагга владельцы больших стад не обязательно имели высокий социальный статус, хотя они, безусловно, пользовались дополнительной материальной выгодой. Вождь племени чагга благодаря своим квазидеспотическим правам легко находил повод для обвинения видных скотовладельцев в каких-либо злодеяниях или в чём-то другом и для конфискации части или всех принадлежавших им животных. И пастухи чагга, вместо того чтобы хвалиться своим растущим поголовьем крупного рогатого скота, становились всё более скрытными и боязливыми. Преждевременная сдача скота в аренду бедным соплеменникам для его кормления стала удобным способом скрывать ценную, но небезопасную собственность. Животных передавали их временным хранителям украдкой ночью, и сыновьям владельцев, которые первоначально играли важную роль в процессе передаче, порой даже не сообщали о том, где размещался скот. Дандас писал, что сведения о местонахождении скота были настолько секретны, что владелец не говорил о нём даже своим сыновьям. Эта тенденция крепла с ростом власти вождей, которая имела место до установления колониального правления. Эта тенденция ещё более усилилась, когда при колониальном правлении вожди начали повышать общий налог на крупный рогатый скот.

В таких условиях частное богатство не обязательно и даже не в первую очередь обеспечивает общественную значимость^l. Среди особенностей, которые на более ранней стадии благоприятствовали власти вождей, богатство, вероятно, было желательным, но не обязательным фактором, и собственность вождя, безусловно, росла не пропорционально тому богатству, которым он или его

предки владели изначально, а пропорционально его возраставшей агроуправленческой и военной власти. В свои помощники правитель выбирал людей, которые занимали видное положение в своей местности, или - и в большей степени - людей, чьи личные навыки соответствовали их работе. В обоих случаях выбор приводил к значительному улучшению материального положения избранного, ибо вождь наделял служивших ему людей крупным рогатым скотом и женщинами. В сущности, Меркер пришёл к заключению, что только лица, занимавшие руководящие должности, были богатыми.

^c Упомянутые Бичем гончары, очевидно, посвящают ремеслу только часть своего времени. [Назад](#)

^d Небольшие каналы, которые требуют труда лишь нескольких человек или группы родственников, являются собственностью тех, кто их делает. [Назад](#)

^e Хорошо изучено руководящее влияние касика и военного вождя у индейцев пуэбло. Менее ясна ситуация с горным племенем сук. Бич признавал, что общинной дисциплине способствовали гидравлические работы, но не смог обнаружить какого-либо руководящего светского лидера или каких-либо исполняющих эти обязанности религиозных лидеров: шаманов. Однако старейшина играл видную роль в двух важнейших земледельческих церемониях: одна имела отношение к расчистке земли, а другая - к открытию ирригационных каналов. Сэр Чарльз Элиот ставит под сомнение справедливость описанной Бичем анархической картины и делает это со ссылкой на военные потребности. Без сомнения, необходимость военного руководства существует почти во всех независимых сообществах, но военный аргумент Элиота будет в равной степени справедлив и для маленьких негидравлических земледельческих общин, чьи вожди редко занимают более чем чисто символическое положение. У индейцев пуэбло племенное лидерство определённо связано с лидерством в общинной деятельности, где гидравлические работы занимают первое место. Развивая замечание Элиота, мы полагаем, что у горного племени сук присутствовали ростки производственного влияния, особенно в делах, касавшихся наиболее важной собственности племени: его гидравлических сооружений. [Назад](#)

^f Вождь занимает явно сильную позицию в племени эн-джемуси, но ничто не свидетельствует о наличии возделываемых для него общинных полей. [Назад](#)

^g Вождь племени чагга требует выполнения барщины от взрослых мужчин племени, от женщин и от мальчиков-подростков. Эти три группы выполняют для вождя земледельческие работы: срезание кустарника (мужчины), сжигание (мужчины), рыхление (женщины), полив семян (мужчины), грабление и прополка (женщины), полив (мужчины) и сбор урожая (женщины); строительные работы: рубка и перевозка деревьев (мужчины), собственно

строительство (мужчины), ношение тяжёлой соломы для кровли (женщины), выращивание растений для изгородей и т.д. (мальчики). [Назад](#)

^h До недавних колониальных времён большая часть всех земель племени чагга контролировалась сперва кланами, а затем всё больше и больше вождём. Клань уступили вождю часть своего влияния на банановых угодьях, которые, вероятно, первыми подверглись культивации и потребовали определённой ирригации. Поля пальчатого проса, которые всегда требовали интенсивной ирригации, выделялись и распределялись самим вождём. То же было с полями кукурузы на равнинах, и это распределение являлось одной из важных обязанностей вождя. О том, как недавние колониальные события коснулись контролируемого вождём выращивания кукурузы, см. [Гутман]. [Назад](#)

ⁱ У племени чагга единственными профессиональными ремесленниками являются кузнецы и, возможно, кожевники. Кузнецы живут в специальных местах и могут вступать в брак только с женщинами из семей кузнецов. [Назад](#)

^j У племени чагга торговля находится в руках женщин даже в большей степени, чем у индейцев пуэбло. [Назад](#)

^k У скотоводческого племени сук, люди которого смотрели сверху вниз на людей земледельческого (горного) племени сук по причине бедности последних, изобилие крупного рогатого скота представляется решающим условием, приведшим к установлению общинного неравенства. Некий советник (Karõle), имевший репутацию самого богатого в племени сук, достиг таких политических высот, какие только были возможны в недифференцированных условиях его племени; он стал самым важным советником в своём кругу. Но публичное влияние советников было крайне незначительным, и сомнительно, что у скотоводческого племени сук кто-либо из советников оказывал большое влияние скрытно, так как нам не известны никакие общинные предприятия, предоставлявшие возможность реализовывать общепринятые дисциплинарные методы. Вероятно, не случайно, что у горного племени сук, более бедного, но находившегося на начальной гидравлической стадии, лица, нарушившие племенные законы, преследовались более жестоко, чем у более богатых жителей равнин. Наказания за преступления в горах были гораздо жёстче, чем на равнинах. [Назад](#)

^l Гутман пишет, что богатые соплеменники могли отказывать бедным в пользовании ирригационной водой, но в более позднем и более детальном исследовании он описывает уравнительную систему, когда водой снабжались все члены данного гидравлического сегмента.

Он также описывает определённую знать, которая открыто владела крупным рогатым скотом и помогала вождю занять должность. Но не приводятся никакие подробности в отношении этого инцидента, который произошёл в начале XIX века, то есть перед тем, как было полностью установлено лидерство вождя в общинных делах. И ранг лидеров кланов не определялся их богатством, хотя,

будучи однажды выбранными, некоторые из них, вероятно, имели возможности для улучшения своего экономического положения. Член клана становился церемониальным лидером потому, что был самым старым мужчиной в клане, а политический лидер, оратор, достигал своего положения не на основании своего возраста или своего богатства, а благодаря своей политической практичности. [Назад](#)

7.Е.3. 'Простое I'...

Очевидно, что в гидравлических племенах, как и в негидравлических аграрных племенах, развивается частная собственность. Оба типа представляют собой недифференцированные формы собственности (как в ремесленничестве и торговле) и имеют тенденцию к регулируемым формам (как в земледелии относительно земли). Но в то же время могут наблюдаться существенные различия. В гидравлических условиях политическая собственность возникает уже в небольших гидравлически плотных сообществах (земли вождей в деревнях индейцев пуэбло). В более крупных племенах политическая собственность расширяется односторонне, и это замедляет рост частной собственности и наносит ей урон в важных сферах деятельности (таких как выпас скота).

Различие между односторонним накоплением собственности в руках власть имущих и плюралистическими моделями роста собственности в негидравлических аграрных племенах в полной мере отражает различия в характере и весе политического влияния¹¹. В германских племенах времён Цезаря и Тацита вождь не мог ограничить или обложить налогом богатство своей знати, хотя и признавался высокопоставленным политическим лидером и ожидаемо посвящал большую часть своего времени правительственным обязанностям. Он также не мог требовать выполнения барщины или уплаты налогов от своих соплеменников, которые посчитали бы такое заявление оскорблением и которые, как и знать, участвовали в общественных обсуждениях дел племени.

Таким образом, в племенных гидравлических обществах форма собственности является простой, но простой с определённой тенденцией к преобладанию политической формы собственности, основанной на власти. Эта тенденция возрастает с увеличением размера общины. И она становится решающим фактором в простых гидравлических содружествах, которые являются управляемыми уже не примитивным (племенным) правительством, а государством.

^m Выше подробно рассмотрено, как в большинстве негидравлических общин племенная согласованность требуется в основном для военных и церемониальных целей, в то время как главы гидравлических племён осуществляют особые, жизненно важные агроуправленческие функции помимо исполнения функций военного и/или религиозного руководства. [Назад](#)

7.F. Модели собственности в простом гидравлическом обществе с централизованной государственностью

7.F.1. Государственность по сравнению с примитивным правительством

Основным аспектом государственности считается контроль над определённой территорией. Этот аспект действительно важен, но он имеет малое значение в данном контексте, так как не является специфичным. (Как правило, примитивные правительства тоже притязают на контроль над своей территорией.) Также не помогает критерий независимости. (Примитивные правительства тоже стремятся к установлению независимости и, как и государства, не всегда в состоянии достичь её.)

Различия между примитивным правительством и государством кажутся несущественными, пока мы ограничиваемся сравнением внешних отношений. Но они становятся существенными, если сравнивать внутренние состояния. В примитивных правительствах задействованы в основном непрофессионалы, то есть те, кто посвящают большую часть своего времени не гражданским, военным или религиозным делам общины, а своим собственным: охоте, рыболовству, земледелию или набегам. В работе государства задействованы в основном профессионалы, то есть те, кто посвящают большую часть своего времени государственным делам. С точки зрения человеческих отношений государство означает правление профессионалов.

Некоторые общественные функции, такие как поддержание внутреннего порядка и организация обороны, являются жизненно важными для сохранения всех типов общества. Следовательно, политическая деятельность человека так же важна, как деятельность тех, кто участвует в охране продовольствия и жилья, и профессионализация правительства является столь же важным аспектом социальной дифференциации, как и профессионализация тех экономических и интеллектуальных видов деятельности, которыми при более примитивных условиях занимаются только лица, при других обстоятельствах занимающиеся преимущественно этой деятельностью.

Само собой разумеется, что имеющее признаки государственности правительство с его гражданскими и военными чиновниками, отдающими всё свое время службе, его солдатами и блюстителями порядка может уделять гораздо больше времени и энергии административным и принудительным мероприятиям, чем примитивное правительство. Это и есть потенциал власти государства, контроль этого потенциала со стороны надёжных и эффективных неправительственных сил является единственной гарантией против роста тотально мощного (и тотально коррумпированного) аппаратного государства.

Многие марксисты, следуя данной Марксом и Энгельсом интерпретации западного государства и игнорируя их акцент на особенности деспотизма Востока, характеризуют государство как институт, который *всегда* служит особым интересам правящего класса, опирающегося на право собственности. Эта интерпретация, которая сегодня в своей советской версии является частью чрезвычайно распространённого и чрезвычайно мощного политического мифа, не является истиной даже для современных парламентских правительств, чей плутократический потенциал она сводит к общим законам и чью способность к росту и демократизации она отрицает. Она также не подходит ни для государств западного абсолютизма и западного феодализма, ни для подлинно демократических государств Древней Греции. И совершенно абсурдно применять её к аграрным и промышленным аппаратным государствам, которые характеризуются не сильным влиянием неправительственных собственнических сил на государство, а полным отсутствием такого влияния.

7.F.2. Ступени профессионализации правительства

7.F.2.a. Власть вождей племени чагга и древнее государство Гавайских островов

Различие между примитивным правлением и государственностью станет совершенно очевидным, если мы сопоставим отдельного главу деревни пуэбло, полностью занятого своими обязанностями и пользующегося поддержкой общины, и большим штатом правительственных чиновников в фараонском Египте, имперском Китае или Османской империи. Почти полное преобладание непрофессионалов в первом случае является столь же явным, как почти полное преобладание профессиональных аппаратных служащих во втором. Разница будет менее очевидной, но, возможно, ещё более информативной, если мы сравним режимы больших гидравлических племён, таких как чагга, с государственным устройством какой-либо цивилизации, находившейся на начальной неолитической гидравлической стадии, такой как Гавайские острова в древности.

Впечатляют абсолютистские деяния вождя племени чагга: он убивает^a, следит, захватывает скот своих подданных^b и содержит в своём дворце столько девушек, сколько хочет^c. Кроме того, и что более важно, он являлся предводителем трудовых и боевых сил племени^d. Тем не менее его возможность властвовать над жизнями своих подданных ограничивается небольшим числом его служащих, полностью занятых своими обязанностями. Тот из них, кто занимает самый высокий пост, является лицом, которое лучше всего можно назвать премьер-министром вождя, и на него ложится большая часть исполнительной работы. Ниже этого племенного визиря находятся некоторые помощники и советники, акида (akida), которые получают приказы вождя, передают их людям, используя для этой цели специальных помощников, а также организуют исполнение приказов и наблюдают за исполнением. Эти приказы относятся, например, к рытью и чистке каналов, работам на вождя, уплате налогов и религиозным делам. Акида, которые, скорее всего, проводят значительную часть своего времени во дворце вождя, вероятно, имеют по одному помощнику, но профессиональное чиновничество на этом заканчивается. Главы кланов могут давать советы вождю, находясь в его дворце для этой цели, а большая часть решений 'на месте' принимается кланом. Горнист, фактический руководитель барщины, выбирается членами своего клана и только утверждается вождём. Очевидно, что он не является наёмным чиновником, полностью занятым своими обязанностями.

Также вождь не имеет в своём распоряжении профессиональных охранников или блюстителей порядка. Воины, которые его защищают (что особенно требуется в ночное время), являются обычными людьми племени, которые возвращаются домой после своего дежурства.

Верховного главу правительства племени чагга иногда именуют 'монархом' или 'королём'^e. Однако большинство наблюдателей называют его 'вождём'. С другой стороны, древних гавайских правителей иногда называют 'вождями', но в более научных трактатах они обозначаются как 'короли'. Предпочитаемые титулы отражают общее убеждение в том, что правитель племени чагга руководит более примитивной формой правления, чем гавайский правитель. Это убеждение выглядит обоснованным. В первом случае мы имеем дело с примитивным правительством, у которого есть элементы зарождающейся государственности, во втором - с находящимся на начальной стадии, но настоящим государством.

Гавайские короли располагали гораздо более дифференцированным штатом высокопоставленных помощников, чем вожди племени чагга. В дополнение к главному советнику, гавайский правитель имел главного военного руководителя, главного управляющего, казначея и экспертов по земельным вопросам. Нет никаких доказательств того, что главы кланов действовали в качестве его советников или что его охранники уделяли службе лишь часть своего времени. Помимо телохранителя, король имел для приказаний отряд

вооружённых людей во главе с палачом - официальных террористов, которые всегда были готовы обвинять, арестовывать и убивать во имя короля.

В гавайском правительстве профессионалы были не только в высшем эшелоне власти. Ниже руководящих чиновников первоначально находились самые важные конохики (konohiki). В отличие от акида племени чагга, которые проводили большую часть времени возле своего вождя, конохики, скорее всего, жили и исполняли обязанности в основном в районах своей юрисдикции, руководя строительной, организационной и накопительной деятельностью режима. Они вели учёт населения, мобилизовывали барщинных работников, руководили гидравлическими предприятиями, контролировали земледелие, собирали налог, сохраняя некоторую его часть для собственного пользования и для пользования своих подчинённых, но большую часть отдавая высшим инстанциям, в конечном счёте - королю.

Очевидно, что конохики и их помощники были полностью занятыми своими обязанностями чиновниками, которых поддерживало правительство. Эта выполнявшая организационные и накопительные функции сеть чиновников, покрывавшая сельскую местность, вероятно, более любого другого политического института способствовала тому, чтобы сделать из древнего правительства Гавайских островов примитивное агробюрократическое гидравлическое государство.

^a Чтобы продемонстрировать свою верность, сановник племени чагга был готов сжечь свою сестру, когда его вождь приказал сделать это. [Назад](#)

^b Утверждают, что в качестве наказания за предполагаемое преступление вождь Мапфулуке захватил скот одного из своих тестей. Позже - и совершенно неожиданно - он вернул какую-то часть скота. [Назад](#)

^c Гутман подсчитал, что однажды вождь собрал более 5 процентов девочек из всех рядовых семей. Эти молодые особы затем были отданы его жёнам, но вождь сохранил свои сексуальные права над ними: ни одна из них не вступила в брак нетронутой, вождь использовал их по своему желанию. [Назад](#)

^d Вождь племени чагга принимал главные решения, касавшиеся гидравлической барщины и прочей крупномасштабной деятельности, не связанной с религией. Он командовал своими соплеменниками на войне, определял всем места жительства и устанавливал даты сева и уборки урожая. [Назад](#)

^e Лоуи называет его главой монархической системы. [Назад](#)

7.F.2.b. Последствия, касающиеся собственности

Управляя гораздо более плодородной территорией и гораздо более многочисленным населением (население крупнейшего гавайского королевства по численности в пять раз превышало население крупнейшего племени чагга^f), гавайские правители находились в лучшем положении для учреждения и содержания корпуса постоянных чиновников. И это многочисленное чиновничество, в свою очередь, позволило им более полно контролировать собственность своих подданных. На Гавайских островах полномочия правительства на территории государства не ограничивались никакими клановыми правами, как это имело место у племени чагга. Глава клана также не был посредником между собиравшими налоги чиновниками и отдельными людьми, платившими налоги, как в стране чагга. Более того, гавайский режим функционировал настолько хорошо, что элита аппаратного государства была способна 'выкачивать' более половины всей сельскохозяйственной продукции. Согласно одной оценке, обычные рабочие в среднем не получали более одной трети прибыли от своей работы^g.

В меньшем масштабе разница между этими типами правления проявляется также в сфере экономического обращения. Рынки племени чагга контролировались жёнами вождя и региональными чиновниками, но рыночный налог на сельскохозяйственные продукты и соль собирался представителем одного конкретного клана^h. На Гавайских островах мы не находим никаких следов такой разделённой власти. Должностные лица, которые одобряли сделки и облагали налогом товары, выполняли функции кассиров-контролёров, то есть были правительственными чиновниками.

Таким образом, короли Гавайских островов обладали гораздо более грозной властью над жизнями и собственностью своих подданных, чем вожди племени чагга. Разница во внешних формах почтения замечательно отражает разницу самодержавных аспектов власти. Как уже упоминалось, мужчины племени чагга относились к своему правителю с большим уважением, но в отличие от гавайцев они не исполняли перед ним классический ритуал полного подчинения: падения ниц.

^f В XVIII веке приблизительно 300 000 гавайцев были объединены в несколько независимых государств, самое большое из которых, собственно Гавайи, насчитывало более 85 000 человек. Данные Линда хорошо согласуются с оценкой, сделанной Эллисом в 1826 году. Эллис полагал, что предложенная самыми первыми наблюдателями общая численность, составлявшая 400 000 жителей, была несколько выше фактической численности населения его времени, хотя повсюду встречались следы покинутых деревень и многочисленные огороженные земли, которые ранее возделывались, а тогда лежали брошенными. В 1826 году на архипелаге насчитывалось от 130 000 до 150 000 человек. Форнандер, хотя и предлагая меньшие цифры, чем Кук и Кинг,

не видел никаких действительных оснований для того, чтобы допускать большую или более быстро убывающую численность населения после 1778 и до 1832 года, когда первая регулярная перепись дала приблизительно правильную численность - 130 000 человек, чем после 1832 и до 1878 года, когда перепись выявила только 44 088 человек, исключая иностранцев. В начале XIX века население Бали составляло около 760 000 человек, некоторые из главных королевств острова имели население более 100 000 человек каждое. Крупнейшие племена чагга насчитывали менее 20 000, 10 000 или 5000 человек соответственно. [Назад](#)

§ Блэкмен считает эту оценку мнением осторожных наблюдателей. [Назад](#)

h Клановый чиновник получал горсть облагаемых налогом товаров. Торговавшие женщины имели право пнуть его один раз, но не могли помешать ему завладеть платой, которая на хорошо посещаемом рынке становилась в итоге довольно значительной ношей. [Назад](#)

7.F.3. Простые модели земельной, промышленной и торговой собственности

На ранних стадиях развития гидравлических обществ с централизованной государственностью частная собственность на землю не обязательно отсутствует, её истоки уходят корнями гораздо глубже, чем предполагали первые исследователи-институционалисты в XIX веке. Но большая часть всей пахотной земли является регулируемой, и таким образом удерживается от того, чтобы перейти в частную собственность, даже после возникновения частной независимой собственности, прежде всего в промышленности и торговле. По этой причине мы будем обсуждать проблемы гидравлического землевладения позже. Что же касается простых моделей гидравлической собственности, то здесь нам всего лишь необходимо констатировать, что в рамках этих моделей существует много форм землевладения, но эти регулируемые земли всегда преобладают (и обычно со значительным перевесом) над землями, находящимися в частной собственности (свободными).

Однако опирающиеся на право собственности независимые ремесленное производство и торговля должны быть рассмотрены сейчас, потому что, как мы видим, их возникновение создаёт изменение в моделях собственности и общества. Такой процесс не является равномерным.

Он развивается неравномерно в сферах

А. промышленности, в

А.1. добывающей промышленности (горном деле, разработке карьеров, некоторых видах производства соли)

А.2. перерабатывающей промышленности

А.2.а. строительстве

А.2.б. других отраслях

а также в

В. торговле, во

В.1. внешней торговле

В.2. внутренней торговле, имеющей дело с

В.2.а. легко контролируемые товары (такими как соль, изделия из железа, чай, вино, масло и т.д.)

В.2.б. другими товарами.

Во всех собственно гидравлических обществах и в большинстве периферийных гидравлических обществ правительство вовлечено в обширное строительство. Используя многочисленную рабочую силу, аграрное аппаратное государство владеет тем, что составляет монополию всех крупномасштабных строительных работ. Часто оно также управляет теми добывающими отраслями, которые обеспечивают основную часть всех видов сырья для крупных государственных сооружений. Другие отрасли добывающей промышленности, такие как горное дело и некоторые виды производства соли, могут быть либо непосредственно управляемыми правительством, либо - и особенно в условиях денежной экономики - контролируемые посредством монопольной выдачи лицензий.

Таким образом, опирающаяся на право собственности независимая деятельность не имеет шансов одержать победу в наиболее важном секторе гидравлической промышленности: крупномасштабном строительстве. Крупные добывающие предприятия также не имеют шансов свободно функционировать. Только в секторе перерабатывающих отраслей, не связанных со строительством, опирающееся на право собственности свободное ремесленное производство имеет шанс занять важную позицию. Действительно, помимо чеканки монет только немногие виды работ, такие как производство оружия и некоторых предметов роскоши, могут находиться под непосредственным управлением правительства, в то время как большинство других видов ремесленной деятельности полностью выполняются частными независимыми предпринимателями.

Однако свободное частное предприятие не обязательно означает крупное предприятие. Крупномасштабное производство чрезвычайно уязвимо в финансовом плане и, кроме находящихся под защитой правительства предприятий, не процветает под сенью тотальной власти. Многие частные независимые виды ремесленной деятельности, появившиеся в некоторых гидравлических обществах, были по существу ограничены небольшими мастерскими и маломасштабной деятельностью.

Развитие крупной частной торговли может быть замедлено в условиях большой гидравлической и бюрократической плотности (компактности), но оно не блокируется управленческим господством государства, это господство в отношении строительной промышленности проявляется во всех собственно гидравлических обществах, а также во многих периферийных гидравлических обществах. Выше уровня 'производитель-торговец' коммерческие дела ведутся на значительном расстоянии на суше или на море. Это способствует крупномасштабной деятельности, особенно когда торговля, которую ведут таким способом, оказывается менее заметной и поэтому менее уязвимой в финансовом отношении, чем неподвижные и заметные промышленные предприятия.

Когда закон убывающей административной отдачи побуждает государство к тому, чтобы ограничить свою собственную торговую деятельность, независимые купцы стремятся проникнуть и во внешнюю, и во внутреннюю торговлю, и правительственные попытки поддержать прямой и косвенный контроль в обоих секторах на особом уровне или восстановить его на прежнем уровне базируются главным образом на краткосрочном расчёте¹.

Гидравлическое общество перерастает простые модели собственности, когда частное независимое ремесленное производство оказывается значительным в перерабатывающей промышленности (конечно, за исключением крупномасштабного строительства), а крупные независимые купцы становятся не менее деятельными, чем вся управляемая и контролируемая правительством торговая отрасль.

Почти полное отсутствие соответствующих статистических данных заставляет нас сформулировать наши критерии общими словами. В некоторых отраслях относительные пропорции очевидны. В других мы можем по крайней мере установить преобладающие тенденции.

¹ Именно поэтому политика правительства в Китае, Индии и на Ближнем Востоке так сильно колебалась. Исследователь китайской истории вспомнит обсуждения, которые управляющие в эпоху правления династии Хань вели относительно способа контроля продажи соли и изделий из железа. Проблема возникла до правления династии Хань, и разные решения были найдены в разное время. История управления в Индии не так хорошо задокументирована,

как в Китае, но то, что мы знаем об индийской финансовой политике, предполагает похожие колебания.

История государственной и частной торговли в больших гидравлических странах Ближнего Востока всё ещё находится на начальной стадии, и попытки, подобные сделанной недавно Леемансом, обнаруживают институциональную важность этого явления, а также трудности, связанные с его исследованием. Относящиеся к Ближнему Востоку сведения вновь показывают, что крупномасштабная торговля легко может вестись частными независимыми купцами, в отличие от больших гидравлических сооружений и крупного негидравлического строительства. [Назад](#)

7.F.4. Разновидности простых моделей гидравлической собственности и гидравлического общества

7.F.4.a. Гавайи

Гавайский архипелаг настолько отдалён от более южных регионов полинезийского мира, что после раннего периода смелых экспедиций все дальнейшие сношения с южными группами, видимо, прекратились, ибо никаких доказательств этого нет ни в одной из древних легенд, песен или родословных за пятьсот лет.

Отношений между различными гавайскими королевствами также не было достаточно для того, чтобы стимулировать развитие торговли выше уровня 'производитель-торговец'. Внутреннее экономическое обращение состояло в основном в передаче излишков сельской продукции крестьянами и рыбаками местным и центральным представителям правительства. Обмен между отдельными лицами совершался либо в виде подарков, либо в виде обмена, в обоих случаях без помощи профессиональных посредников. Рынки и ярмарки предоставляли широкие возможности для такой деятельности. В описании Эллиса того, что в те времена считалось самыми видными ярмарками, нет никаких ссылок на профессиональных купцов. Единственный профессиональный субъект, отмеченный наблюдателем, был правительственным чиновником, который наблюдал за торговлей и собирал налог с сделок между теми, кто обменивались товарами. Когда в начале XIX века контакт с внешним миром открыл новый рынок сбыта сандалового дерева, возникшую в результате международную торговлю контролировали только король и его помощники, а не независимые частные гавайские купцы.

Неразвитые условия экономического обращения отражают неразвитые производственные условия, а они, в свою очередь, тесно связаны с нехваткой подходящего сырья. На вулканических островах Гавайи нет руды для получения металлов, и этот недостаток сдерживал островитян, пока они были отделены от технически более развитых цивилизаций, на начальной стадии неолитической жизни. На архипелаге имелись полезные растения (например, таро и кокосовая пальма), но не было ни одной из распространённых в мире зерновых культур и никаких животных, которых можно было бы использовать, чтобы облегчить труд человека. Окаменевшая лава была единственным важным материалом, пригодным для обработки.

Технические навыки, которые гавайцы развили в этой природной и культурной среде, достойны восхищения. Однако даже предельная изобретательность произвела лишь скромную дифференциацию в ремесленной деятельности. Специалисты строили каноэ и дома, изготавливали сети, лески, ткань тапа и многие другие изделия, однако экономическое и политическое положение этих ремесленников не слишком ясно. Некоторые из них вполне могли работать за свой собственный счётⁱ. Но ни гавайская традиция, ни свидетельства первых негавайских (сторонних) наблюдателей не наводят на мысль, что эти частные ремесленники могли по важности сравниться с мастерами, которые служили королю и его чиновникам. Правительство, которое контролировало огромный процент излишка производимой в стране продукции, было в состоянии поддерживать многих ремесленников (рое lawelawe). Высший рое lawelawe был членом центрального правительства. Скорее всего, он руководил промышленной деятельностью, осуществлявшейся в интересах правительства и, очевидно, за счет использования барщинного труда. Кроме того, он был ответственным за многочисленных ремесленников, которые постоянно трудились при дворе. Кепелино писал, что в резиденции вождя (короля) было много рабочих или рое lawelawe каждой профессии.

Таким образом, в древности на Гавайских островах профессиональные ремесленники чаще всего являлись теми, кто при поддержке правительства и под руководством правительственных чиновников работали для правителя и служивших ему людей. Такое сочетание, наряду с полным отсутствием независимых профессиональных купцов, создало в древности на Гавайских островах крайне недоразвитый вариант простой модели гидравлической собственности и гидравлического общества.

ⁱ Некоторым профессиям покровительствовали определённые боги. [Назад](#)

7.F.4.b. Перу инков

Элита империи Инков обладала природными ресурсами, которые были богаче ресурсов Гавайских островов, но беднее ресурсов Египта, Месопотамии, Китая или Индии. Для земледельцев района Анд век металла наступил относительно поздно, и даже тогда они не выплавляли железо. Они также не приручали животных для использования в сельском хозяйстве. Конечно, в гидравлических цивилизациях отсутствие пригодных к труду животных имеет меньшее значение для выращивания сельскохозяйственных культур^k, чем для перевозок, которые являются основой для распространения военного и политического контроля, для сбора налогов, а также для роста торговли. Но хотя по сравнению с ослом, мулом, волком, лошастью и верблюдом - важнейшими пригодными к труду животными Старого Света - лама и являлась полезной из-за своей шерсти, она была плохим средством передвижения. Отсутствие судоходных рек, в дополнение к неровной береговой линии, препятствовало экспериментам в области морских перевозок, за исключением примитивных плотов, а нехватка передовых культурных соседей мешала развитию международной торговли гораздо более сильно, чем в случае фараонского Египта.

Таблица 5. Факторы, стимулировавшие торговлю и местное разделение труда в промышленности

Гидравлические цивилизации	Пригодные к труду животные	Судоходные реки и суда	Передовые культурные соседи, способствующие развитию международной торговли
Перу инков	(-)	-	-
Фараонский Египет (особенно Древнее и Среднее царство)	+	+	(-)
Различные государства Древнего Китая	(+) ¹	+	+
Шумер	+	+	+

Значения:

+ Присутствует 1 - Волы использовались для вспашки только в конце правления династии Чжоу.

- Отсутствует

( ) Развитие ограничено

Наш анализ выявил ряд факторов, стимулировавших торговлю и местное разделение труда в промышленности. В таблице 5 показана неравномерность развития этих факторов для ряда крупных простых гидравлических

цивилизаций. Хотя эти факторы отнюдь не являются исключительно формирующими признаками, но помогают нам в исследовании неравномерности развития торговли и промышленности этих цивилизаций.

В области Анд перевозкам дополнительно препятствовали пустынные условия на больших участках побережья и высокие и крутые склоны в стратегически важных горных районах. По этим причинам эффективная связь на дальние расстояния осуществлялась в основном по суше, а не по воде и в исключительной степени зависела от дорог, которые строились и контролировались всемогущим гидравлическим государством. Иностранцев было мало, возможно, торговля солью и рыбой в северной пограничной зоне частично велась профессиональными торговцами. Но такое развитие было настолько периферийным и имело такое малое значение, что серьёзные учёные, такие как Минс, полностью его игнорировали. Внутри империи правительственные чиновники руководили пересылкой огромного количества товаров - кукурузы, бобов, хлопка, древесины, изделий из металлов, тканей и т.д. - вдоль побережья, на Альтиплано и из одной области в другую, а мелкие производители-торговцы занимались товарообменом на многочисленных ярмарках, которые регулярно проводились по всей стране. Но нет никаких доказательств того, что какой-нибудь частный орган конкурировал с правительством в перевозках на дальние расстояния и распространении товаров. Торговля существовала в основном на локальном уровне. Но почти не было независимых профессиональных торговцев.

Сфера производства у инков была гораздо более дифференцированной, но частные ремесленники оставались незначительными по сравнению с мастерами, работавшими на правительство. Шахты управлялись либо местными главами прежде независимых территорий, либо неместными представителями имперского чиновничества¹. В обоих случаях они находились под контролем профессиональных чиновников, которые в той или иной степени были частью всеобщего агроуправленческого аппарата.

Более точная информация существует в отношении некоторых аспектов перерабатывающих отраслей. Крупными строительными бригадами управляли видные чиновники инков, и модели организации труда Гавайских островов, фараонского Египта и раннего Китая предполагают также наличие специальных чиновников, скорее всего, ответственных за постоянных государственных рабочих и тех ремесленников, которые в течение двух или самое большее трёх месяцев^m исполняли производственную трудовую повинность в государственных мастерских. Среди постоянных ремесленников, которые имелись в распоряжении правительства, было, очевидно, много серебряников, а также немало плотников. Ткачи, сапожники, дровосеки и медники упоминаются как работавшие на дому после выполнения своих барщинных обязательств. Из описания Гарсиласо не ясно, работали в прошлом все или большинство из них исключительно по своей специальности или же некоторые или даже большинство из них были фермерами-ремесленниками. Если предположить, что

большинство из них были профессиональными ремесленниками, то ещё более примечательно, что ранние отчёты о сельской и городской жизни не упоминают о них. Только в качестве постоянных государственных работников или членов промышленной барщины ремесленники становились чем-то значительным в обществе инков.

'Девственницы', которых чиновники выбрали из числа молодых и привлекательных женщин империи, обеспечивали режим уникальной, но в высшей степени полезной рабочей силой. 'Избранницы' находились под строгим надзором в специальных домах, где большую часть своего времени ткали, пряли и готовили напитки^l. Государь включал некоторых из них в свой гарем и отдавал других видным сановникам. Но всегда было большое количество 'девственниц', заключённых в 'домах'. Вероятно, таких заведений было много в империи Инков: в некоторых содержались по двести жилищ, в 'доме' в городе Каксас их было пятьсот, в 'доме' на озере Титикака - тысяча, в 'доме' в Куско обычно находилось более полутора тысяч. С экономической точки зрения 'дома' инков представляют собой интересную параллель с текстильными мастерскими в Европе в XVII и XVIII веках. Лишь в немногих мастерских работало больше женщин, чем в 'домах' инков, и многие женщины нередко работали только часть года.

Несмотря на бесспорное техническое развитие, общество инков не способствовало росту значительных независимых классов, опирающихся на право частной собственности. Льготные земли, которые инки распределяли среди некоторых членов правящей группы, не создали полноценной земельной собственности, а профессиональные частные предприятия практически отсутствовали в сферах транспорта и торговли, которые в других цивилизациях благоприятствовали возвышению независимых богатых купцов. Профессиональные частные ремесленники, которые, конечно, существовали, даже в перерабатывающей промышленности оставались незначительной силой по сравнению с многочисленными ремесленниками, которые постоянно или временно совершенствовали свои навыки в государственных мастерских и 'домах'. Несмотря на интересную, хотя и слабую тенденцию развития частного ремесленного производства, империя Инков представляет собой простую модель гидравлической собственности и гидравлического общества.

^k Для подхода, который признаёт решающую роль гидравлических операций в развитии земледелия, не достаточно предложенной Лоуи и приводящей к иным выводам типологии натурального хозяйства: охота, земледелие с использованием мотыги или палки, земледелие с использованием плуга и скота, а также животноводство без земледелия (кочевое скотоводство). На Ближнем Востоке, в Индии и Китае использовали плуг и пригодных к труду животных, как в Европе и Японии, и поэтому следует искать другую причину различий между стационарными гидравлическими цивилизациями и другими аграрными

цивилизациями, которые не были стационарными, и самой убедительной причиной, какую только можно найти, является наличие или отсутствие гидравлического земледелия. [Назад](#)

¹ Хуан Поло де Ондегардо писал о местной добыче золота, руководимой из Куско. [Назад](#)

^m Время, потраченное на значительные сверхурочные работы, вычиталось из сроков барщинного труда в следующем году. [Назад](#)

ⁿ Два испанца, которые дали Педро Санчо де ла Ос непосредственный отчет о храме на озере Титикака, упоминали только о приготовлении женщинами священного вина, если летописец записал их рассказ правильно. Но, независимо от точности первоначального отчета, представляется маловероятным, что тысяча 'избранных' женщин храма на озере Титикака круглый год не делали ничего, кроме чичи, да ещё в регионе, где традиционными были разведение лам и производство шерсти. Наши сомнения подтверждают комментарий Анонима (Anónimo) о двойкой деятельности женщин в Каксасе и описание Гарсиласо учреждения в столице Инков. Очевидно, что девственницы должны были готовить чичу и некоторую церемониальную пищу, но в качестве основной работы (el principal ejercicio) они пряли и ткали. По всей стране было много других 'домов' того же типа. Их жилища занимались той же хозяйственной деятельностью. Они пряли и ткали, производя огромное количество ткани для инков. [Назад](#)

7.F.4.c. Фараонский Египет

Уникально пригодная к эксплуатации река предоставляла элите фараонского Египта прекрасное средство для внутренних коммуникаций, поэтому перевозка грузов была хорошо развитой уже на заре письменной истории. Но недостаток сырья не вынуждал вести регулярную внешнюю торговлю, которой также не способствовали передовые культурные соседи. Корабли и вьючные животные позволили египтянам установить некоторые внешние контакты, но до конца Среднего царства эти контакты были временными и заведовало ими главным образом правительство.

Частные купцы появились во время Нового царства и особенно во времена империи. Но они часто были связаны с храмами и, очевидно, не могли противостоять государству. По словам Кееса, в течение длительного периода Нового царства фараон оставался единственным крупным купцом.

Конечно, иноземные купцы торговали в Египте, но местные посредники получали даже меньше возможностей во внутренней, чем во внешней торговле.

На местных рынках производители-торговцы непосредственно обменивали свои товары, в основном на другие товары. Рыночный чиновник во времена Нового царства важно именовался 'Писцом мены'.

В ремесленном производстве имелось больше возможностей для развития частного предпринимательства. Независимо от того, в какой степени данные переписи Древнего царства подразумевают наличие независимых профессий в течение этого периода⁹, примеры Гавайских островов и Перу инков показывают, что профессиональные ремесленники занимались своей деятельностью и в гидравлических обществах с централизованной государственностью, которые были технически менее развиты, чем Древнее царство. И ряд записей времён Среднего и Нового царства определённо свидетельствуют о наличии частных ремесленников.

Эти египетские частные ремесленники были более значительными, чем их коллеги в империи Инков, но, как и последние, они, вероятно, в основном занимались удовлетворением ежедневных нужд мелких потребителей. Могли ли они хотя бы численно сравниться с множеством ремесленников, которых правительство и храмы нанимали для перерабатывающих отраслей на постоянной или временной основе? Даже это нельзя считать бесспорным. Но не может быть никаких сомнений в том, что в экономическом отношении они были менее значительными.

Правительство в основном занималось тремя видами промышленной деятельности: (1) добывающие и подготовительные работы, требовавшие многочисленной рабочей силы, некоторые из них - квалифицированной, но в большинстве - неквалифицированной; (2) крупные строительные предприятия, требовавшие сочетания квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы; (3) перерабатывающие отрасли, в которых работали в основном квалифицированные ремесленники, собранные вместе в больших или небольших мастерских.

Скорее всего, во всех трёх секторах квалифицированные ремесленники, среди которых были очень способные умельцы, являлись преимущественно государственными рабочими. Вероятно, они находились полностью во власти тех, кто руководил работами. В побочных отраслях они работали под руководством специально назначавшихся старшин.

На основании тщательно взвешенных доказательств Кеес делает вывод, что экономическая жизнь фараонского Египта представляла собой не очень подходящую почву для сословия *независимых* свободных ремесленников. Он считает, что идея свободной ремесленной деятельности плохо подходила для экономической картины Древнего царства, кроме наличия скромных производителей, удовлетворявших скромные потребности. После периода Среднего царства, в течение которого дворы наместников стали видными центрами искусств и ремесленной деятельности, при Новом царстве ремесленников всё больше вынуждали вступать в мастерские, работа которых

регулировалась государством, и подвергали их жёсткому контролю со стороны государственных складов, которые выделяли сырьё.

Документальные свидетельства Нового царства показывают, что государственные ремесленники стремились к продвижению на более высокие должности. Их старшины считали себя довольно уважаемыми представителями бюрократической иерархии.

Подведём итог: власть фараонов была настолько всеобъемлющей, что частному независимому ремесленному производству не удалось добиться значительного прогресса, а независимая профессиональная торговля добилась ещё меньшего в течение длительной периода этой эпохи. Преобладание государственной торговли и вес управляемого правительством производства вместе с господством регулируемой государством земельной собственности создали и поддерживали в фараонском Египте исторически и институционально важный вариант простой модели гидравлической собственности и гидравлического общества.

° Кеес не решается принять интерпретацию этих данных Э. Мейером в качестве доказательства существования свободных ремесленников и купцов. [Назад](#)

7.F.4.d. Древний Китай

Самые древние китайские надписи, тексты предсказаний времён династии Шан, упоминают множество раковин, которые, по всей вероятности, использовались как средства обмена. Но эти раковины не имеют очевидного отношения к профессиональным купцам. Также купцы не играют заметной роли в надписях и литературных текстах времён династии Чжоу. Хотя в раннем Китае, безусловно, была торговля, профессиональных торговцев там было мало или не было вообще.

Сведения о крупных купцах, которые перемещались по суше, относятся к началу позднего периода правления династии Чжоу, периоду Вёсен и Осеней (721-481 годы до нашей эры). Но те из них, о которых есть самые полные данные, настолько тесно сотрудничали со своими правителями, что их вполне можно рассматривать как торговцев, связанных с правительством.

В течение последнего периода правления династии Чжоу, в эпоху Сражающихся царств, независимые купцы приобретали всё большее значение, настолько, что в IV веке до нашей эры в государстве Цинь были приняты меры по ограничению их деятельности. К тому времени, когда Цинь объединило

Поднебесную в единую империю, великий объединитель Цинь Шихуанди опустошил ряды купцов, приговорив их охранять границы, сначала самих купцов, а затем их сыновей и внуков. Эта политика демонстрирует экономическое значение и политическую слабость негосударственных профессиональных торговцев в конце правления династии Чжоу.

Первые китайские записи, которые так мало говорят о профессиональных торговцах, содержат более чёткие сведения о ремесленниках. Прекрасные бронзовые изделия эпохи правления династии Шан и раннего периода правления династии Чжоу обнаруживают необыкновенное производственное совершенство. Однако, в отличие от положения дел в феодальной Европе, китайское ремесленное производство развивалось не в многочисленных отдельных манориальных поместьях или в контролировавшихся гильдиями бюргерских городах, а в крупных административных центрах, контролировавшихся Сыном Неба, удельными правителями или их высокопоставленными чиновниками. Чиновники-ремесленники, 'сотня ремесленников', упоминаются в старейших литературных текстах, а также в древних надписях на бронзовых изделиях. По-видимому, государственные ремесленники применяли свои навыки под высшим руководством министра труда, ssü-kung, и вместе с людьми из народа, которые в рамках своей барщинной повинности составляли неквалифицированную рабочую силу крупных государственных строительных предприятий.

Работавшие на правительство ремесленники преобладали до периода Вёсен и Осеней, и, возможно, только в течение последовавшего за ним периода Сражающихся царств частные ремесленники становились всё более важными.

У нас нет убедительных доказательств того, что в эпоху правления династии Чжоу и первых имперских династий частные купцы или ремесленники организовывали независимые профессиональные корпорации (гильдии)^p. В этом отношении замедленное развитие вызывает удивление, если мы вспомним, что частное ремесленное производство и особенно частная торговля процветали в конце периода правления династии Чжоу и после него. Какими бы ни были причины этого отклонения, мы, вероятно, можем смело предположить, что простое общество Востока преобладало в Древнем Китае до конца раннего периода правления династии Чжоу (722 года до нашей эры), а также, вероятно, в первые века позднего периода правления династии Чжоу.

^p Мастерские, производившие одинаковые товары, по-видимому, располагались в одной местности с конца периода правления династии Чжоу или с периода ранней империи Хань, а возможно, что и раньше этого времени. Но выражение 'hang', обозначающее улицу с лавками (мастерскими), продававшими одинаковые товары, стало общеупотребительным только после периода правления династии Суй, и только в конце периода правления династии Тан или

даже позже китайские купцы начали организовывать настоящие купеческие ассоциации. [Назад](#)

7.F.4.e. Шумер

Земледельческие цивилизации Нижней Месопотамии возникали в таких условиях, когда нехватка некоторых промышленных материалов способствовала развитию обмена между внутренними районами. Аллювиальный ландшафт, который благодаря полноводным рекам предоставлял идеальные возможности для гидравлического развития, не имел камней, древесины и металлов. Однако эти материалы, необходимые для технического, военного и политического роста, были доступны в смежных областях, и с точки зрения богатства, безопасности и власти стимулы к получению их были огромны.

Древние гавайцы не получали извне сырьё, которого им не хватало на родине; индейцы Анд и первые египтяне создавали городские цивилизации главным образом на основе своих собственных ресурсов. Благополучная городская жизнь шумеров развивалась благодаря тому, что они преуспели в создании и поддержании сложной системы международных отношений и обмена.

Необходимое сырьё могло быть добыто организованным насилием: войной. Но это не всегда уместно, особенно если источники сырья являются удалёнными и хорошо защищёнными. Во многих случаях искомый товар приходилось приобретать мирным путём, в первую очередь - торговлей.

Для торговли на дальние расстояния требуются услуги специалистов по перевозкам и обмену. В Нижней Месопотамии купцы появились рано. Хотя почти во всех других простых цивилизациях Востока торговцы играли незначительную роль, они явно упомянуты в шумерских протоисторических надписях, найденных в городе Фара, а в более поздних и более детальных надписях они изображены важными профессионалами своего дела.

Развитие городских центров управления и религии также привело к довольно передовому разделению промышленного труда, и шумерские надписи содержат много ссылок на ремесленников, которые занимались своим делом профессионально. Насколько развитыми были частная собственности и частное предпринимательство в древности в Нижней Месопотамии?

Тщательные исследования Деймеля говорят о том, что с самого начала исторического периода⁴ шумерские храмовые города, вероятно, предоставляли меньше возможностей независимым ремесленникам, чем в древности Гавайи, Перу и фараонский Египт. Как и другие члены храмовой общины, ремесленники

получали землю и выполняли барщинную повинность, которая, по предварительным подсчетам Шнейдер, могла длиться около четырёх месяцев ежегодно. Некоторые ремесленники работали постоянно в храмовых мастерских, равно как и некоторые рабы (в основном женщины). Однако большинство всех ремесленников, вероятно, работали для храмов благодаря действию надомной системы: храмовые склады снабжали их сырьём, которое они обрабатывали на дому за плату. Положение этих мастеров не отличалось от положения многих европейских ремесленников, которые в первые века промышленного капитализма работали таким же децентрализованным образом на своих торговых и промышленных нанимателей.

Все ли ремесленники древней Месопотамии работали на дому? И занимались ли кто-нибудь из них своим ремеслом независимо? Ответить на второй вопрос легче, чем на первый. Тот факт, что все (или некоторые?) рабочие делали храмам определённые 'подарки', подобные налогам, лучше всего объясняется предположением, что они были в состоянии производить нечто за свой счёт¹.

Частная деятельность шумерских купцов была, видимо, гораздо более обширной. Без сомнения, эти купцы не были независимыми от города или храмов. Им тоже выделяли земельные участки, но гораздо большие, чем ремесленникам, на самом деле такие же, как средним чиновникам или офицерам². Они могли иметь свои поля, обрабатываемые для них арендаторами, наёмными рабочими или рабами; их земельные владения, вместо того чтобы препятствовать их торговой деятельности, вероятно, предоставляли им дополнительные средства для деловых предприятий. Как купцы они подчинялись либо верховной власти города-государства, либо храму, второй по значимости единице власти. И очевидно, что в основном они торговали для 'дворца' или храмов.

При совершении сделок крупный купец (*gal damkar*) и обычные купцы, дамкары, пользовались значительной свободой, кроме того, им позволялось торговать за свой счёт. Они могли иметь деловые отношения с правителем, с царицей, с членами правящей семьи¹ и с менее высокопоставленными лицами. Очевидно, возможности для накопления богатства были огромными.

Таким образом, в отличие от Гавайских островов в древности, а также от Древнего Китая и фараонского Египта, Шумер пережил очень раннее развитие частного предпринимательства в сфере торговли. И хотя ремесленники страны, даже если занимались надомной работой, были тесно связаны с храмовой экономикой, купцы, которые являлись не торговыми чиновниками и не правительственными коммерческими посредниками, а чем-то средним, были связаны с ней гораздо меньше. Немногие простые гидравлические общества двигались так заметно в сторону основанной на праве собственности независимой торговли, как это происходило в Древнем Шумере.

^q Согласно Деймелю, древние шумеры, видимо, так же зависели от храмов во времена написания текстов, найденных в городе Фара, как триста или четыреста лет спустя, когда Урукагина правил Лагашем. Население тогда тоже служило храмам и жило при них. [Назад](#)

^r Шнейдер предполагает, что ремесленники, работавшие на дому для храмов, кроме этого и, возможно, уже за вознаграждение выполняли заказы и от других членов храмового сообщества. [Назад](#)

^s Согласно надписям, собранным Хасси, дамкар храма богини Бау получал 19 ган (gan) земли. С одного гана могли прокормиться не меньше двух человек, с двух ган - небольшая семья. Высокопоставленный управитель храма, упомянутый в материалах Хасси, получал 43 гана. Другой текст даёт гораздо более высокие суммарные оценки площади земельных наделов, выделявшихся высшим чиновникам: 90 ган и даже 138,75 ган. Командиры военных отрядов или другие выдающиеся воины получали 23, 24, 26 или 18 ган, а служивший при храме земледелец (энгар, engar) - 17,75 ган. Среди ремесленников плотнику выделялся 1 ган, изготовителю колесниц - от 1 до 2 ган, кожевнику - 3 гана, повару и пекарю - от 2,25 до 6 ган. [Назад](#)

^t Принцы и принцессы пользовались услугами ряда ремесленников, слуг и рабов. [Назад](#)

7.F.5. Истоки бюрократического капитализма

Крупные купцы Шумера, имевшие собственные средства и непосредственно торговавшие со своим государем, занимали позицию, сильно отличную от позиции торговцев фараонов. Представители фараонов, торговавшие с Пунтом, Финикией, Месопотамией и Кипром, распоряжались правительственной собственностью для пользы правительства. Они часто осуществляли обмен товаров под видом дипломатических 'подарков', но у них был острый глаз на то, что касалось ценности. Они задавали конкретные вопросы, тщательно исследовали предложенные им вещи, критиковали неполноценные подарки и подчёркивали необходимость взаимного сотрудничества. Какие бы подарки они ни получали во время или в конце своих путешествий, они получали их как слуги царя, а не как независимые предприниматели. Короче говоря, они были правительственными торговыми чиновниками, не слишком отличавшимися своим положением от членов советского торгового представительства.

В отличие от таких торговых чиновников связанные с правительством купцы использовали в основном или исключительно свой собственный капитал, служа своим государям, которые хотя и предоставляли им отличные возможности для ведения торговли, могли также устанавливать условия (цены, доходы), в

соответствии с которыми можно было пользоваться этими возможностями. Обращаясь к определению, которое сперва нравилось китайским коммунистам, а теперь приводит их в замешательство, эти купцы были 'бюрократическими капиталистами'.

В более широком смысле определение 'бюрократические капиталисты' применимо к нескольким группам: (1) сборщики налогов, которые для правящей бюрократии выступали в качестве финансовых посредников; (2) служившие и не служившие представители этой бюрократии, которые в силу своего политического положения принимали участие в частных предприятиях, таких как торговля, ростовщичество и откуп налогов; (3) частные предприниматели, которые как торговые посредники или подрядчики занимались предпринимательством для правящей бюрократии; (4) частные предприниматели, которые связывали себя с отдельными представителями бюрократии, чтобы обеспечить успех своих сделок. Следовательно, бюрократические капиталисты - это собственники капитала, которые выступают в качестве торговых или финансовых посредников для аппаратного государства независимо от того, являются ли они представителями чиновничества, господствующей религии или богачами, которые не относятся ни к одной из этих категорий.

В письменных свидетельствах Древнего Китая нет ясных сведений о торговых чиновниках, хотя вполне вероятно, что в эпоху правления династии Шан и на начальном этапе правления династии Чжоу некоторые чиновники ранних удельных царств занимались коммерческими делами. Эти сведения являются более чёткими относительно наличия связанных с правительством торговых посредников. Действительно, такие люди были достаточно видными для того, чтобы оправдать нашу предварительную классификацию Китая в эпоху правления династии Чжоу - вплоть до периода Весен и Осеней - как пример простого общества Востока.

В Перу инков эта проблема не возникала всерьёз. Чиновники пограничных районов могли обменивать принадлежавшие правительству товары на товары, произведённые за границей, и некоторые операции могли совершаться частным образом. Но общество инков, похоже, не особо нуждалось в торговых чиновниках и ещё меньше - в связанных с правительством торговых посредниках.

Шумерские надписи содержат много ссылок на внешнюю торговлю (внутри страны всё в основном сводилось к товарообмену). К сожалению, однако, тексты оставляют многие вопросы без ответов. Какие виды торговых сделок использовались в многочисленных правительственных экспедициях, которые предпринимались для приобретения камня, древесины, металла, битума и другого сырья? Являлось ли большинство всех купцов в основном торговыми чиновниками или правительственными торговыми посредниками? Но какие бы ответы ни были получены на эти вопросы, характер древнего шумерского

общества не даёт достаточного основания для того, чтобы рассматривать как независимых предпринимателей купцов, упомянутых в древнейших из до сих пор расшифрованных надписей.

7.Ф.6. Гидравлическая 'губка'

Большинство гидравлических цивилизаций, которые достигли значительной имущественной дифференциации, предположительно, сохраняли простые формы собственности на более ранних этапах. В некоторых случаях, таких как Индия, простые условия владения собственностью и простое общество довольно быстро уступали место полусложным формам. В других случаях, таких как Египет и Нижняя Месопотамия, они преобладали на протяжении тысячелетий. В области Анд они господствовали (по-прежнему или снова?), когда появились конкистадоры.

Изменения в сохранении простых моделей собственности приобретают новое значение, как только они оказываются связанными с изменениями гидравлической плотности. Гидравлические центры Перу, Египта и Нижней Месопотамии породили плотные системы гидравлического земледелия, в то время как многие из удельных государств Индии, Китая и, по существу, Мексики зависели от неплотного или периферийного типа Восточного земледелия. В данном контексте мы не ссылаемся на Гавайи, потому что на этом архипелаге сохранение чрезвычайно простых моделей Восточной собственности, очевидно, имело место из-за исключительной комбинации внутренних и внешних условий. Однако в первых случаях контраст в моделях гидравлической плотности является слишком необычным, чтобы отбросить его как нечто незначительное. По всей вероятности, первые независимые гидравлические сообщества в зоне Анд занимались торговлей за пределами своих границ, и на этой ранней стадии в ней участвовали не только торговые чиновники, но и связанные с правительством частные купцы, которые в некоторой мере могли вести дела за свой счёт. Но история Шумера показывает, что при сильных гидравлических режимах основная часть всех торговцев может оставаться связанной с правительством даже в изолированных городах-государствах. Таким образом, не исключено, что в области Анд (как в Шумере и фараонском Египте, но, возможно, с более заметными отклонениями) ещё до инков преобладали простые модели власти, собственности и классового общества.

В Перу такие условия могли существовать всё время, пока в этом регионе была гидравлическая цивилизация с централизованной государственностью. В Египте они просуществовали дольше, чем длилась относительная изоляция гидравлически плотной долины Нила. А в Нижней Месопотамии они сохранялись даже после того, как плотный гидравлический центр был включён

в крупные и неплотные гидравлические образования. Лееманс предполагает высокое развитие частной собственности и торговли, когда вторая Шумерская империя под властью Третьей династии Ура в течение короткого периода постиралась до Средиземного моря, Ассирии и Персии. Однако, в соответствии с тем же влиянием, государственная торговля снова преобладала при последнем правителе Ларсы Рим-Сине, при победившем его вавилонском царе Хаммурапи и во время правления касситов, длившегося четыре века.

Очевидно, что в этих плотных гидравлических обществах сконцентрированный бюрократический аппарат действовал как мощная гидравлическая 'губка', чья способность поглощать жизненно важные функции промышленности и торговли была при прочих равных условиях сильнее, чем у менее плотных гидравлических сообществ.

7.G. Полусложные модели гидравлической собственности и гидравлического общества

Но такие плотные и самовоспроизводящиеся простые гидравлические общества не слишком многочисленны. Во многих гидравлических цивилизациях агроуправленческое аппаратное государство, защищая основную часть пахотных земель от перехода в частную собственность, не так серьёзно ограничивало рост ремесленного производства и торговли, бывших неправительственными, профессиональными и основанными на праве собственности.

7.G.1. Примеры

7.G.1.a. Месоамерика до её завоевания конкистадорами

Возвышение независимых профессиональных ремесленников и купцов в ацтекской Мексике ярко контрастирует с положением дел в Перу инков. Полное отсутствие пригодных к перевозке животных было помехой для жителей Месоамерики, но этот недостаток был в значительной степени компенсирован рядом других экологических преимуществ. Эта местность для межтерриториальных связей подходила гораздо больше; судоходные озёра, реки и доступное протяжённое побережье стимулировали товарооборот благодаря применению лодок. Шумеры пользовались аналогичными преимуществами, и

нам не следует удивляться тому, что, подобно шумерам, у ацтеков и их предшественников тольтеков были частные профессиональные купцы и велась обширная международная торговля. Эти условия также способствовали техническому и региональному разделению промышленного труда. Но ни города-государства, ни более крупные территориальные единицы Мексики до её завоевания конкистадорами не были гидравлически плотными, как их шумерские аналоги. Таким образом, профессиональные ремесленники и купцы Мексики не были столь же зависимыми от гидравлического государства. Земельные участки выделяли им кальпулли, местные стратифицированные общины, обладавшие ограниченной автономией, и, видимо, ни одна из этих социальных групп не занималась длительной трудовой повинностью. Кроме упоминаний о домах, в которых собрали женщин^a, у нас есть мало фактов, свидетельствующих о существовании государственных мастерских^b. Согласно текстам Суриты и другим ранним источникам, ремесленники на занимались барщинным трудом, но платили часть своей продукции в качестве налога. Кроме времени, которое они тратили на возделывание своих полей, многие мексиканские ремесленники, предположительно, занимались ремесленной деятельностью за свой счёт, изготавливая вещи, которые продавались на рынках, содержащихся крупными общинами.

Мелкие торговцы, вероятно, были независимыми, поскольку были незначительными^c. Но занимавшиеся межтерриториальной торговлей крупные купцы (почтека) были близки к правительственному аппарату. Имея разрешение сдавать в аренду свои земельные участки и платить налог вместо выполнения трудовой повинности, почтека могли посвящать торговле всё своё время. Они служили правительству в качестве дипломатов и шпионов. Иногда они руководили военными кампаниями от имени своего государя. Тезозомок говорил, что собственные братья царя и его дяди были почтека.

Очевидно, что эти крупные купцы были частью правящего класса. Но они не были торговыми чиновниками. Будучи богатыми, они использовали свои собственные средства и, скорее всего, торговали преимущественно за свой счёт. Они могли также собирать налоги для правительства, одновременно являясь бюрократическими капиталистами в узком смысле этого понятия. Однако это не было общепринятой практикой, и мы знаем, что, как правило, налоги собирались чиновниками, посвящавшими службе всё своё время.

И есть ещё меньше доказательств того, что мексиканские почтека и/или их помощники торговали в основном по заказам правителя и храмов, как это делали шумерские дамкары. Таким образом, как бы социально и политически близкими к господам ни были ассоциации почтека, в профессиональном отношении они, вероятно, не являлись частью государственного аппарата. По этой причине и из-за независимости ремесленников мы считаем ацтекскую Мексику полусложным гидравлическим обществом.

Точное положение ремесленников майя определить не легко. Безусловно, им давали поля (*milpa*), и, вопреки существовавшей в ацтекской Мексике практике, они, скорее всего, получали наделы не от глав полуавтономных кальпулли, а от региональных представителей центрального правительства. Среди простых людей майя, которые строили дома для господ, также могли быть ремесленники, но в письменных свидетельствах нет ясности по этому вопросу. В них содержится ещё меньше ясности по поводу управляемых правительством мастерских, которые, как и в Мексике, вероятно, существовали. Но, как и в Мексике, ремесленники майя, скорее всего, производили изделия и торговали преимущественно за свой счёт.

Не имея обширного агроуправленческого чиновничества, правители майя не поддерживали сложную государственную торговлю. Некоторые богатые люди были членами правящего класса, но сомнительно, что абсолютно все крупные купцы майя были так же социально близки к светским и жреческим лидерам, как почтека. Согласно Ланда, богатые люди жили рядом с правителями и жрецами, но не в том же квартале. Могло ли случиться, что процесс формирования неправительственной группы профессиональных купцов, опиравшихся на право собственности, достиг более значительных результатов в гидравлически периферийных низинах Юкатана, чем в гидравлическом центре Мексики?

^a Согласно историку Торквемаде, дома с женщинами, 'монахинями', были широко распространены. Диас дель Кастильо, который наблюдал традиционное общество ацтеков прежде, чем оно распалось, утверждал, что в ряде стран Центральной Америки существовали 'женские монастыри'. В самой Мексике он знал только один, в столице. [Назад](#)

^b Диас дель Кастильо упоминал об управляемых правительством пекарнях. Бернардино де Саагун сообщал о лицах, которые изготавливали обувь для господ. Осуществлялась ли работа в государственных мастерских несшими службу людьми, которые работали исключительно для государя, хотя и были потомственными членами кальпулли? То ли имел в виду Торквемада, когда говорил, что определённая работа была сделана ремесленниками для господ? Или мы столкнулись с остаточными формами промышленной барщины, которая перестала быть институционально значимой, хотя по-прежнему использовалась? [Назад](#)

^c Видимо, они торговали едой, тканями и какао в скромных масштабах и для непритязательных покупателей. [Назад](#)

7.G.1.b. Индия, Китай, Ближний Восток

В Индии полусложные модели гидравлической собственности и гидравлического общества преобладали на протяжении большей части её письменной истории. В Китае и на Ближнем Востоке простые модели собственности порождали более сложные формы и с разными результатами. Китай находился на полусложном уровне по крайней мере дважды, первый раз - в течение последних столетий периода правления династии Чжоу, второй раз - с конца V по VIII века нашей эры. На Ближнем Востоке сложные модели собственности, возможно, преобладали только на определённой фазе римского правления, в то время как полусложные формы имели место как до, так и после этого периода.

Таким образом, различные формы полусложной гидравлической собственности и полусложного гидравлического общества преобладали в Индии почти с начала письменной истории до XIX века, в Китае в целом около пяти веков, а на Ближнем Востоке в течение двух длительных периодов, охватывающих две тысячи лет или более.

7.G.1.c. Византия и Россия

В византийском обществе не было недостатка в частных ремесленниках и купцах. По сути, византийская торговля была обширной и процветающей в середине и в конце первого тысячелетия. Но у византийских ремесленников и купцов уже не было той свободы действий, которой их предшественники пользовались в греческих городах Западной Азии и в Риме до победы бюрократического абсолютизма. Административные и финансовые ограничения обременяли ремесленников и торговцев Византии до XI века, сдерживая их в рамках своеобразного ущербного варианта полусложной модели гидравлической собственности.

В постмонгольской России частная собственность на землю развивалась неравномерно и, поскольку касалась крестьян, очень поздно. Профессиональное и свободное ремесленное производство медленно восстанавливалось от упадка, вызванного монгольским игмом. В торговле имелись гораздо большие возможности для тех, кто её контролировал, и элита аппаратного государства Московии стремилась манипулировать ей непосредственно через торговых чиновников или косвенно через торговых посредников. В сфере внутренней торговли правительственные служащие прежде всего приобретали воск, мёд и другие товары, закупаая их по низким ценам, которые сами устанавливали, и продавая по чрезмерно высоким ценам своим и иностранным торговцам. Если они отказывались покупать товары, их к этому принуждали. Правительство также продавало товары, которые получало в качестве налогов или дани, и,

очевидно, с таким же пренебрежением к покупателям эти товары навязывались купцам, которые, хотели они того или нет, должны были приобретать их по установленной царём цене^d.

Иностранные купцы тоже должны были подчиняться правительственным постановлениям. Оказавшись в Российском государстве, они должны были показывать все свои товары чиновникам, которые оценивали их, и не могли торговать с частными лицами, пока царю не предоставлялась возможность купить то, что он хотел.

Но Московское государство было не в состоянии управлять основной массой всего крупномасштабного товарооборота, как это было в фараонском Египте или в Перу инков. Царь в полном объёме пользовался услугами ряда богатых купцов, особенно гостей (gosti). Эти бюрократические капиталисты, которые собирали налоги и таможенные сборы для правительства, обычно действовали в качестве царских торговых советников и посредников.

Вне сферы собственно государственной торговли последней занимались, среди прочих, помещики (pomeshchiki). Эти владельцы должностной земли продавали излишки хлеба и другой продукции своих владений за свой счёт, образуя таким образом своеобразную группу бюрократических капиталистов. Монастыри, которые подчинялись государству и были связаны с ним, также участвовали в торговых операциях, нередко в крупномасштабных.

Все это не оставляло места для профессиональной и независимой торговли. Гости и другие малочисленные привилегированные купцы контролировали крупную часть рынка, понимая, что свободная торговля нигде не будет разрешена. Таковым, по крайней мере, было мнение обычных купцов, которые играли явно подчинённую роль и жестоко ненавидели гостей.

Привилегированные купцы Московии в те времена могли накопить большое богатство, но ни это богатство, ни их полуофициальное положение не защищали их от конфискации со стороны деспотической элиты. Флетчером описан случай, когда три необыкновенно энергичных и смелых брата основали процветающее торговое дело, которое принесло им 300 000 рублей деньгами, не считая земель, скота и других ценностей. Флетчер приписывает причину этого первоначального успеха отчасти тому, что братья жили дальше чем за тысячу миль от Москвы. Некоторое время у них были хорошие отношения с властями, которые поручили им содержание некоторых гарнизонов вдоль сибирской границы. Царь был согласен пользоваться их средствами до тех пор, пока они не приобрели землю в Сибири. В итоге правительство стало отбирать их богатство по частям, иногда по 20 000 рублей сразу, иногда больше, пока в конце концов их сыновья, современники Флетчера, не обеднели и не остались лишь с малой частью имущества отцов, а всё остальное перешло все в царскую казну.

Частная собственность и основанное на праве собственности предпринимательство сильно страдало от этой безжалостной политики. Крайние

притеснения простых людей, согласно Флетчеру, лишали их желания заниматься своими ремёслами: те, кто больше всего имели, подвергались большей опасности лишиться не только своего имущества, но также и жизни. И если кто из них имел что-либо, то старался скрыть всё, что мог, иногда отдавая это монастырям, иногда зарывая в землю или пряча в лесу, как делали при нашествии врагов. Флетчер писал, что иногда видел, как люди раскладывали свои товары, чтобы полюбоваться ими, оглядывались и смотрели на каждую дверь, словно боялись, как бы их не застиг врасплох какой-нибудь неприятель.

В таких условиях большинство простых людей предпочитали немедленное удовлетворение своих нужд долгосрочным планам: 'Это заставляет народ (хотя и способный к любому тяжёлому труду) предаваться лени и пьянству, живя бедно'. Трудно найти более красочную и более удручающую картину существования движимой частной собственности в каком-либо ущербном полусложном обществе Востока.

^d Правительство извлекало особенную выгоду из квазимонопольной продажи меха, зерна и древесины. [Назад](#)

7.G.2. Насколько могущественными могли стать владельцы движимой активной частной собственности в полусложных гидравлических обществах?

Насколько обширной может быть власть крупных купцов, потенциально самых богатых представителей движимой собственности в полусложных гидравлических обществах? Могут ли они в каком-либо случае господствовать над абсолютистским правительством или управлять им? Безусловно, богатые купцы могут контролировать абсолютистские правительства, и это может случаться даже в странах, которые содержат элементы гидравлического управления государством. Элементы. До тех пор, пока такие правительства могут сохранять частную собственность юридически и экономически слабой, формы собственности и власти будут оставаться гидравлически околопериферийными. Так бывает всегда, когда интересы частной собственности господствуют в обществе, и так бывает даже тогда, когда присутствуют крупные гидравлические предприятия и/или квази-Восточные методы политического контроля. В городе-государстве Венеции строились огромные защитные водные сооружения, но Венеция оставалась негидравлической аристократической республикой, где крупная торговая собственность была максимально стабильной и защищённой.

Карфагенское общество в IV и III веках до нашей эры имело ряд присущих Востоку социальных институтов. Карфагенянам, конечно, было известно ирригационное земледелие. Их правительство было достаточно сильным, чтобы обложить налогом крестьян Ливии, бывшей их аграрной окраиной^e. Раздражая своих римских врагов, они падали ниц (символ тотального повиновения) не только перед своими богами, как это принято у других народов, но и перед своими ближними. Но, как мы уже видели в Японии, применение ирригационных методов и традиция падать ниц могут наблюдаться также в околопериферийных областях гидравлического мира; и в Карфагене торговые интересы явно имели первостепенное значение^f, а частная собственность была ключевым средством для достижения высокого политического положения^g. Поэтому на основании наших знаний мы можем утверждать, что по крайней мере во времена Аристотеля богатые купцы, скорее всего, господствовали в карфагенском обществе и что подобные околопериферийные формы, по всей вероятности, возникали в ряде других мест, особенно - хотя и не обязательно - на географической периферии гидравлического мира.

В независимых содружествах, основанных на торговле, богатые купцы, которые также могут быть крупными собственниками земли, безусловно, способны достичь видного социального и политического положения. Но, признавая эту возможность, мы обязаны спросить: насколько обширной может быть власть хозяев независимой торговой собственности в полусложных обществах Востока?

^e Гзель предполагает, что обычно правительство требовало 25 процентов урожая в качестве налога. Полибий указывает, что в чрезвычайных ситуациях могли забирать до 50 процентов. [Назад](#)

^f Мейер называл карфагенское правительство 'торговым самодержавием'. [Назад](#)

^g Аристотель, который отметил, что в Карфагене высшие должности, такие как царская и полководческая, покупались, считал это плохим. 'Закон, который позволяет это злоупотребление, делает богатство более значимым, чем добродетель'. Подробнее об этом см. [Гзель]. [Назад](#)

7.G.2.a. Различные варианты развития

При полусложных моделях собственности основные пахотные земли не являются частными, поэтому крупные купцы должны добиваться высокого социального положения прежде всего за счёт своего движимого имущества. В ряде случаев их совокупное богатство бывало огромным, но даже при власти

рациональных деспотов, таких как цари Вавилонии, торговая собственность в целом оставалась сферой применения фрагментирующих законов наследования, обширного налогообложения, а также нередко и правительственного регулирования количества волов, телег и батраков, поскольку перевозки имели большое значение. Ранее уже было сказано, но из-за важности этого вопроса необходимо повторить, что владельцы активной движимой собственности могли организовывать гильдии, и часто государство вынуждало их делать это, но ни купцы, ни ремесленные гильдии не были объединены в независимый политический механизм на локальном или национальном уровне.

Благородные торговцы ацтекской Мексики, предположительно, довольствовались тем, что были коммерческим придатком светских и религиозных правителей, и ничего не известно о каких-либо предпринятых ими попытках установить господство в мексиканском обществе. Положение богатых майя, которые селились близко к кварталам государственной элиты, но не в самих кварталах, соответствовало внешней стороне системы власти. Простым людям, очевидно, богатым или влиятельным, иногда удавалось занять политические позиции, считавшиеся более высокими, чем их социальное положение, но официальная иерархия время от времени отчищалась от самозванцев и выскочек, которые не были сведущими в оккультных знаниях высшего класса.

В Старом Свете периферийные гидравлические общества Византии и России сильно отличались от общества майя, но их частные торговцы также не добились политического господства. В Византии купцы оставались политически и социально ограниченными до XI века, хотя и были богатыми каждый по отдельности. Собственники, которым удалось парализовать абсолютистский аппарат на заключительном этапе византийской истории, были не купцами или ремесленниками, а крупными землевладельцами.

В Московской Руси купцы немногим отличались от экономически полезных домашних животных; в Китае, когда полусложные модели собственности преобладали в конце периода правления династии Чжоу и в середине первого тысячелетия нашей эры, крупные купцы также не достигли политической значимости.

7.G.2.b. Индуистская Индия

Подобное развитие в ранней Индии особенно поучительно, потому что арийское завоевание было совершено группой народов, которые хотя и осознавали важность ирригационных каналов, ценили крупный рогатый скот, торговлю и торговцев. В Ведах о купцах сказано с уважением^h. В одном из гимнов Атхарваведы-самхиты купцы молятся богу Индре как подлинному купцу.

Великие эпосы, которые были созданы значительно позднее, подтверждают относительно высокое и влиятельное положение ведийского купца в государстве, которое Хопкинс называет арийским. Однако эпосы не оставляют сомнений в том, что, в отличие от знати и жрецов, купцы вместе с арийскими крестьянами считались 'народом'. Таким образом, каким бы ни был в доисторические времена статус незнатных арийских людей, вайши, в ведийскую эпоху они подчинялись князьям. Именно в эту эпоху - или даже в последовавший за ней буддийский период - стали появляться профессиональные ассоциации купцов.

Конечно, рост этих органов ничего не доказывает относительно их политической независимости. В простых обществах Востока, а зачастую и в более сложных условиях, профессиональные корпорации являлись полезным для правительства орудием. Эпосы воспевают заботу царей о купцах, особенно во времена войн и кризисов; но главной причиной политической значимости купцов могла быть их ценность как заговорщиков во вражеских странах.

Не может быть никаких сомнений в том, что касается процветания торговли и торговцев в буддийский период, как и в социальной значимости связанных с правительством главных купцов, сеттхи (setthi). Однако это не доказывает утверждения, что купцы как социальная группа в крупных центрах тогдашней индуистской Индии были в состоянии обычным образом заметно влиять на политические решения своих правительств или контролировать эти решения.

Эти правительства не обязательно являлись монархиями. На северо-востоке Индии, родине буддизма, было несколько республик, в которых правители обсуждали государственные дела на собраниях, многочисленных и периодических. Но купцов не допускали на эти собрания. Скучная информация, которую мы имеем о восьми из десяти республик, перечисленных Т. У. Рис-Дэвидсом, показывает, что все они находились во власти кшатриев, представителей касты воинов. Будда считал их собрания древними, и вполне может быть, что модель арийского обществаⁱ просуществовала несколько дольше в северо-восточной области, где гидравлическая деятельность хотя и была очень выгодной, но не настолько важной, как в более засушливой западной части Индо-Гангской равниныⁱ. Однако ирригационное земледелие и гидравлические предприятия частично присутствовали на северо-востоке, и аристократические республики явно двигались к монархической форме власти, которая уже была широко распространена во времена Будды^k, а после переходного периода потрясений и завоеваний заняла господствующее положение в центральных областях арийской культуры.

В беспокойном и изменчивом индийском обществе в этот важный период многие правительства пользовались услугами сеттхи. Несомненно, сеттхи, люди со средствами, часто советовали и помогали правителю в экономических вопросах. Их положение, хотя и не такое, как у чиновников, было особым и передавалось по наследству, а вакансии заполнялись царём.

Термин 'сеттхи' означает 'лучший, глава'. Очевидно, что сеттхи был представителем торгового сообщества, но важно отметить, что он не действовал как законный делегат организованной купеческой власти. Он также не был постоянно - или прежде всего - связан с делами гильдий. Само название, возможно, подразумевает главенство над некоторым промышленным или торговым классом; один известный сеттхи, упомянутый в 'Джатаках', по-видимому, имел некоторую власть над своими собратьями-торговцами. Но эта власть, даже если и была реальной, зиждилась на некотором основании, чья организационная эффективность до сих пор чётко не установлена. Конечно, в буддийской и постбуддистской Индии были купеческие корпорации, но К. А. Ф. Рис-Дэвидс предостерегает от переоценки степени синдикализации торговцев. Повторим её вывод: 'Нет ни одного примера, описанного в ранних буддийских документах, который указывал бы на какую-либо корпоративную организацию, по существу подобную гильдии или союзу Ганзы'.

Всё это не исключает возможности политической значимости купцов в некоторых по-Восточному околопериферийных городах или городах-государствах Индии классического периода, но это подчёркивает необходимость самого тщательного изучения источников, приводимых для доказательства такой значимости.

Известный санскритолог Хопкинс цитирует непальскую легенду III или IV века нашей эры, предлагая её в качестве особенно ценной информации о политической власти купеческой гильдии¹. По его мнению, эта легенда отмечает, что Тханой управляла сильная купеческая гильдия. Обращаясь к выпуску 'Bombay Gazetteer', на который ссылается Хопкинс, мы находим, что их претензии имели значительно более скромный характер: 'Сильная купеческая гильдия управляла *городской торговлей*'. Речь идёт о городе Сопара, одном из нескольких населённых пунктов, расположенных на побережье Тханы, к югу от современного Бомбея. Обращаясь к самой легенде, мы находим, что эти купцы были далеки не только от того, чтобы контролировать правительство города, но даже не контролировали городскую торговлю. Один могущественный единоличник доминировал над 500 купцами, которые пытались монополизировать рынок, и его положение не изменилось после того, как обе стороны предстали перед царём, который, бесспорно, был полновластным правителем города и купцов.

Индийский вариант развития поучителен в нескольких отношениях. Республики кшатриев показывают, что гидравлические режимы не обязательно бывают монархическими, но их конечные фазы также подчёркивают тенденцию к концентрации власти, что свойственно таким режимам. Также стоит отметить жребий купцов. В период становления арийского общества завоевателей торговцы имели значительный социальный авторитет. Но впоследствии их положение ухудшилось, и это произошло несмотря на то, что они были хорошо организованы.

^h Менее почитаемыми, хотя столь же преуспевающими были пани (pani), предприниматели, которые наживались либо на торговле, либо на ростовщичестве. [Назад](#)

ⁱ О первоначальной роли военной аристократии см. [Хопкинс, Кит]. [Назад](#)

^j Ольденберг сожалеет о том, что при изучении ведической и буддийской Индии пренебрегают ростом влияния брахманов на западе Индии и большой восприимчивостью востока (east) Индии к антибрахманской направленности буддизма. [Назад](#)

^k О деспотическом характере этих индийских монархий см. [Лоу, Фик]. [Назад](#)

^l 'Поздняя литература вплоть до нашего времени содержит частые ссылки на такие организации, но никакого тщательного рассмотрения их не было найдено' [Хопкинс]. [Назад](#)

7.G.2.c. Древняя Месопотамия

Добились ли большего успеха купцы великой Западно-Азиатской колыбели Восточной торговли, древней Нижней Месопотамии? В шумерских легендах говорится о старейшинах и подобных собраниям сходках, на которых легендарный король Гильгамеш выслушивал советы перед принятием решений. Что подразумевают эти истории? Боас убедительно доказывает, что мифы содержат как фиктивные, так и реалистичные детали, и что реалистичные подробности могут быть преувеличены или превращены в свою противоположность. Поэтому очень возможно, что протошумерские собрания были подобны военным собраниям арийских завоевательных республик на северо-востоке Индии. Крамер предполагает существование военной аристократии в период формирования доисторического Шумера. Но какой бы ни была институциональная особенность этих легендарных собраний, подобные им сходки не доминировали в шумерских городах-государствах, когда появилась письменная история. По словам Якобсена, политическое развитие на начальном историческом этапе, скорее всего, находилось под влиянием одной руководящей идеи: концентрации политической власти в руках как можно меньшего числа людей. В каждом из ранних городов-государств Месопотамии один человек, правитель, объединял в своих руках главные политические силы: законодательную, судебную и исполнительную. Для каждой из них царь использовал деспотический государственный аппарат благодаря посредничеству эффективной светской и жреческой бюрократии, дворцовых и

храмовых управителей и людей умственного труда, которых Крамер называет новым ядром правящей касты.

Знаменательно, что есть очень мало свидетельств о собраниях в простом гидравлическом обществе исторического Шумера, если такие свидетельства есть вообще. В Вавилонии ситуация была обратной. Вавилонские надписи упоминают о собраниях, о старейшинах и - в том же контексте - о купцах. Могло ли случиться, что рост вавилонской торговли также усилил власть её представителей, крупных купцов?

Возможную величину и границы купеческой власти показывают ассирийские купеческие колонии, которые процветали в Каппадокии в начале второго тысячелетия до нашей эры. Эти ассирийские поселения были созданы в регионе, который состоял из ряда удельных правительств, хотя и не имел политического единства.

Ассирийские торговцы, которые обосновались далеко к северу от своей родины, не жили внутри каппадокийских городов. Окружённые стеной участки были предназначены для коренного населения и дворцов правителя. Кроме того, местные власти осматривали товары торговцев во дворце, а также, по-видимому, первыми выбирали любые товары, которые те хотели продать. Присутствие подобных местных властей не означало, что колонии были независимыми от ассирийской метрополии. В конце концов они зависели от Ассура, где выносились решения по судебным делам и устанавливалось право взимать налоги, поэтому власти Ассура и в конечном счёте царь были высшим ассирийским начальством в торговых центрах.

В этих всеобъемлющих рамках колонии занимались своими судебными вопросами на общих собраниях всех колонистов, каруме (karum), и этот орган также принимал решения относительно других проблем общины. Очевидно, что члены этих ассирийских купеческих колоний пользовались большей автономией, чем торговцы Ассирии, Шумера или Вавилонии после окончания шумерского периода, но они не господствовали в каппадокийских городах и не были политически независимыми в своих кругах.

Вавилонский абсолютизм, как и абсолютизм Шумера, базировался на плотной агроуправленческой экономике; и частная собственность, вероятно, играла второстепенную роль в земледелии, а также в торговле^m. В любом случае ни один серьёзный институциональный аналитик не утверждает, что собрания, а благодаря им и купцы, контролировали вавилонское правительство. Царь и его свита господствовали в управлении, в армии и в налоговой системе. Царь также был законодателем. Более того, он и его чиновники занимали стратегические позиции в судебной системе. На царской службе царские судьи вели дела в соответствии с царской юридической практикой. Но царские судьи, которые часто сочетали административную, военную и юридическую деятельность, при разрешении местных вопросов полагались в основном на местные собрания.

Эти органы в первую очередь имели дела с правовыми вопросами. Действуя под контролем царя, они составляли разновидность гражданских присяжных^u.

Членами этих собраний были 'старейшины', 'знать', 'купцы' (подчинённые главе купцов) и 'люди городских ворот'. Согласно Кюку, эти наименования относятся к отдельным группам, которые действовали либо в по отдельности, либо вместе. Независимо от того, является ли интерпретация Кюка правильной или нет, и что бы ни означали термины 'старейшины', 'знать' и 'люди городских ворот', для наших целей нам достаточно знать, что собрания, по существу, являлись судебными органами, а среди их членов были купцы, возглавляемые *akil tamgari*.

В ранней Вавилонии *akil tamgari*, предположительно, был руководителем ведомства торговли или ведомства финансов, то есть главой финансовой бюрократии. Он главенствовал над рядовыми купцами, которые предпринимали торговые экспедиции, время от времени совершавшиеся исключительно в интересах короны^o. Таким образом, он был видным чиновником, благодаря которому абсолютистский режим осуществлял контроль над торговцами страны.

Иногда собрание занималось вопросами, которые касались целого города, и поэтому его представители от купцов участвовали в обсуждении важных дел местного значения. Но так как собрание проходило под председательством царского наместника или городского префекта, а его участники в основном выступали в качестве гражданских присяжных, само собрание, конечно, не контролировало городское правительство, а купцы, которые подчинялись *akil tamgari*, не могли свободно контролировать даже сферу своей профессиональной деятельности: торговлю в стране.

^m Вероятно. Причины второй части нашего предположения были приведены выше, причины первой будут приведены ниже, когда мы будем обсуждать масштабы частной земельной собственности. Доктор Исаак Мендельсон в личном общении высказал уверенность, основанную на независимой экспертизе надписей, что в обеих сферах вавилонской экономики частная собственность была более распространённой, чем совокупная собственность государства и храмов. Без сомнения, о фактах по данному вопросу должны принимать решение специалисты по этому периоду истории, поэтому наша предварительная классификация вавилонского общества открыта для любого уточнения, которое могут внести будущие исследования. Но если принять как аргумент, что сектор частной собственности превышал государственный сектор, всё равно нет необходимости изменять нашу оценку подчинённого политического положения вавилонских купцов. В том же личном общении доктор Мендельсон отверг трактовку вавилонского общества как демократического. [Назад](#)

ⁿ Иногда они также занимались политическими преступлениями, но упоминаемый Якобсеном случай относился не к деянию, а лишь к словам: 'крамольные высказывания'. [Назад](#)

^o Был ли царский глава купцов, *rab tamqar sa šarri*, который упоминается в неовавилонских надписях, преемником *akil tamgari*? Его деятельность не ясна. Эбелинг отводит ему место среди высших чиновников, добавляя, что он, вероятно, вёл торговые и денежные дела царя. [Назад](#)

7.G.2.d. Выводы

Извлекаемые из этого уроки очевидны. Могущественные группы богатых купцов могли контролировать правительства своих стран, и это могло происходить даже в сообществах, которые занимались значительной гидравлической деятельностью. Но, насколько нам известно, такое развитие событий не приводило ни к чему, что можно было бы назвать правлением гидравлических купцов. Крупные купцы Венеции вели торговлю в социальных условиях, где гидравлические институты относились к околопериферийному типу. И Карфаген, хотя и имевший более гидравлический характер, чем Венеция, вполне можно отнести - с самого начала или в конечном счёте - к околопериферийной зоне гидравлического мира.

Подобные Карфагену или Венеции торговые содружества процветали в большом количестве на географической окраине гидравлических обществ, и нет никаких причин, почему такие содружества не должны были создавать независимые гетерогенные анклавные территории также и внутри определённых зон гидравлического мира. Поэтому мы не отвергаем предположение Макса Вебера о том, что независимые торговые сообщества могли процветать в буддийской Индии. Но представленные доказательства не являются окончательными, а в ряде случаев их пересмотр показывает, что положение купцов было далёким от политического господства.

Дальнейшие исследования политической роли купцов в институционально периферийных регионах, безусловно, углубят наше понимание многообразия, которое существовало на периферии и в околопериферийных зонах гидравлического мира. Они также могут пролить больше света на ограничения движимой частной собственности даже в тех гидравлических обществах, где основанная на частной собственности торговля стала более важной, чем торговля, управляемая правительством и связанная с правительством.

7.H. Сложные модели собственности в гидравлическом обществе

7.Н.1. Крупное гидравлическое землевладение в прошлом и настоящем

Ограничения недвижимой собственности в гидравлическом обществе являются столь же значительными - и столь же недооценёнными. Первые исследователи-институционалисты, которые рассматривали деспотическое государство как единственного крупного собственника земли, имели тенденцию вообще игнорировать проблему частной земельной собственности. Современные наблюдатели, которые отмечают парализующее влияние крупного заочного землевладения на Востоке, склонны рассматривать в качестве основной особенности гидравлического общества то, что во многих случаях является лишь особенностью гидравлического общества в процессе его изменения. И они легко интерпретируют в терминах прошлых (феодалных) или настоящих (капиталистических) западных социальных институтов то, что на самом деле является специфическим развитием Востока^а.

Далее об этом будет сказано в нашей заключительной главе. В данном случае мы, по существу, имеем дело с первопричинами современного развития: масштабами и особенностями частной земельной собственности до распада гидравлического общества.

^а Упомяну только одну ключевую проблему: учреждение частного крестьянского землевладения посредством радикальной земельной реформы имеет одно значение, когда осуществляется обособленными силами относительно децентрализованного постфеодалного или индустриального общества, и совсем другое значение, когда осуществляется контролируруемыми правительством силами распадающегося гидравлического строя или к тому же силами тоталитарного государства советского типа. Основные изменения в системе землевладения, которые произошли в современной Японии, в России при царе или при большевиках, в Индии при Неру или в коммунистическом Китае, часто рассматриваются как более или менее идентичные, хотя по своей социальной сути и влиянию являются совершенно разными феноменами. [Назад](#)

7.Н.2. Контролируемые правительством и частные земли в гидравлическом обществе

Масштабы и особенности частной земельной собственности в гидравлическом обществе могут быть рассмотрены надлежащим образом, только если мы

вспомним масштабы и особенности гидравлической государственной власти. В большинстве гидравлических обществ деспотический режим сохранял частную земельную собственность в незначительном объёме. Но во всех гидравлических обществах деспотический режим ограничивал степень свободы допустимых частных земель.

7.Н.2.а. Типы контролируемой правительством земли

Чтобы установить масштабы частной земельной собственности, мы должны уточнить объём контролируемой правительством земли. Последняя включает в себя три основных типа: (1) управляемая правительством земля, (2) регулируемая правительством земля и (3) распределяемая правительством земля.

Земля, которую правительственные меры предохраняют от отчуждения в пользу частных собственников земли или от отчуждения самими частными собственниками земли, является регулируемой землёй в широком смысле этого слова, и в этом смысле вся правительственная земля является регулируемой. В узком смысле термин 'регулируемая земля' будет применяться главным образом к той части контролируемой правительством земли, которая управляется не правительством, а владельцем, работающим на правительство или платящим правительству налог или арендную плату. Термин 'управляемая правительством земля' будет применяться к земле, которую возделывают под руководством правительственных чиновников для непосредственной и исключительной пользы правительства. Термин 'распределяемая земля' будет применяться к земле, которая временно или на неопределённый срок распределяется для чиновников (должностная земля), представителей господствующей религии (церковная или храмовая земля) или некоторых выдающихся лиц, которые взамен не выполняют какие-либо специальные светские или религиозные функции (льготная земля).

7.Н.2.а.і. Управляемая правительством земля

Управляемая правительством государственная земля составляла незначительную часть всей регулируемой земли, так как крестьяне, обрабатывавшие государственные поля, также нуждались в земле для собственного существования. Начиная с определённого уровня развития агрономии, а также за исключением некоторых стратегически важных регионов, гидравлическое государство предпочитало уплату земельного налога с полей,

которые возделывались частным порядком, той продукции, которую оно получало с полей государственных.

Хотя условия в имперском Китае и благоприятствовали частной собственности на землю, там сохранялись земледельческие колонии для содержания армии, в основном в пограничных районах, но иногда также и в критических внутренних районах: в местах, где проводилось усмирение, и вдоль жизненно важных путей связи. Обработка земли в этих колониях выполнялась либо солдатами (в этом случае землю обычно называли 'гарнизонными полями', t'un-t'ien), либо гражданскими лицами (в этом случае землю часто называли 'лагерными полями', yin-t'ien). Вместе эти два типа полей иногда составляли не меньше одной десятой части всех пахотных земель, но во время правления большинства династий доля этих полей была намного меньше.

Кроме военных колоний были правительственные владения для выращивания специальных культур, а также парки и сады для наслаждений правителей. Эти уединённые пристанища часто строились барщинными рабочими, но обычно о них заботились профессиональные земледельцы, дворцовые рабочие и рабы^b, поэтому это были управляемые правительством земли. Но несмотря на это примечательное свойство, они были незначительными в пространственном отношении. Это были крошечные острова в море крестьянских хозяйств, чьи арендаторы или собственники поддерживали правительство не продукцией своих собственных или государственных полей, а своими налоговыми платежами.

^b Королевские и императорские сады и парки были описаны многими авторами. О районе мексиканских озёр см. [Иштлильшочитль], о фараоновском Египте см. [Эрман и Ранке], о древней Месопотамии см. [Мейснер, Контено], об исламском Ближнем Востоке см. [Мец], о мусульманской Испании см. [Леви-Провансаль], об Индии см. ['Джатаки', Смит], о Китае в эпоху правления династии Чжоу см. [Легг]. [Назад](#)

7.Н.2.а.ii. Регулируемая правительством земля

Самый важный тип контролируемых правительством земель, пожалуй, наименее чётко определён: крестьянская земля, которая не управляется правительственными чиновниками, не распределяется между группами лиц, которым земельная собственность может быть подарена, и не является собственностью земледельцев. Этот тип земель не может быть просто приравнен к землям сельских общин, так как не все крестьяне, которые владеют регулируемой землёй, живут в объединённых деревенских общинах, то есть в

общинах, которые распределяют и перераспределяют землю. И не все сельские общины находятся под контролем правительства.

С точки зрения настоящего исследования регулируемая крестьянская земля является землёй, которую владелец не может свободно отчуждать. Часто, особенно когда земля периодически перераспределяется, владельцу может быть разрешено сдавать её в аренду другим жителям деревни^c, но он не может продать её^d. В других случаях он может продать её, но только другим жителям деревни, то есть крестьянам-общинникам. В Византии ранние директивы были восстановлены и усилены в 922 году законом, который позволял крестьянам продавать землю следующим группам лиц в таком порядке: (1) родственникам, владевшим совместным имуществом с продавцом, (2) другим лицам, владевшим совместным имуществом с продавцом, (3) лицам, чья земля прилегала к продававшейся земле, (4) соседям, которые имели совместные финансовые обязательства с продавцом, (5) другим соседям. Эти правила не позволяли крупному землевладельцу приобретать крестьянскую землю, за исключением деревень, в которых он уже владел землёй. Пока эти правила действовали, они защищали большую часть крестьянской земли от расширявшихся сил крупного землевладения.

Подобные принципы применялись и в индуистской^e и мусульманской Индии. Опираясь на правоохранительную силу государства, индийская сельская община защищала малое земледелие от вторжения капиталистических интересов, сохраняя для сельских жителей право майората, право преимущества при покупке и право уже занятого места.

Случаи Византии и Индии, которые могут быть дополнены примерами других цивилизаций, демонстрируют негативное влияние регулируемой земли на рост частной земельной собственности. Везде, где по-Восточному деспотическое государство сохраняло основную часть земли как регулируемую, частная собственность на землю занимала второстепенное и часто несущественное положение.

^c Это было принято среди членов кальпулли в ацтекской Мексике. [Назад](#)

^d Детальное описание регулируемой сельской общины в царской России, 'общины' (obshchina) или 'мира' (mir), см. в [Гакстгаузен]. [Назад](#)

^e Отчуждаемость земли расценивается как символ собственности, хотя это может быть только признаком гибкой формы владения. Интерпретация Йолли учитывает как (внешне) регулируемое, так и (внутренне) изменчивое состояние деревенской земли. Он предполагает, что в целом деревни были отрезаны от внешнего мира, но в отдельных деревнях существовала частная земельная собственность. [Назад](#)

7.Н.2.а.iii. Распределяемая правительством земля

Деспотический режим, который способен регулировать всю или большую часть земли, также способен выделять земельные наделы любому лицу или группе лиц. Случаи такого земельного распределения могут отличаться по цели и продолжительности, но обычно сочетаются вместе два аспекта. Лица, которые служат правительству, могут владеть своими должностными землями всю жизнь или даже передавать их по наследству. Другие могут занимать свои посты только на короткий срок; в таких случаях срок владения их должностными землями такой же короткий. Внезапное обретение и внезапная потеря должностных земель особенно затрагивают людей, несущих военную службу.

Более стабильным является владение землями, подаренными тем, кто служит богам. Долговечным религиозным учреждениям, таким как храмы и мечети, почти всегда разрешено сохранять свои земли на неопределённый срок.

Льготная земля предоставляется по разным причинам разным лицам. Получатели дара могут сильно различаться из-за своих благих деяний или просто потому, что они родственники, друзья или фавориты правителя^f. Во всех случаях земля передаётся им безоговорочно. Получатели дара не возмещают служением доходы, которые дают льготные земли. Это также верно для владельцев пенсионной земли. Но кем бы ни был бенефициар, хозяином распределённой земли остаётся правительство.

Церковная (храмовая) земля обычно находится под контролем и/или под управлением светских правительственных чиновников. Так было в фараонском Египте, в Египте в эпоху правления династии Птолемеев, в Вавилонии и, конечно, в Перу и Мексике до их завоевания конкистадорами. В исламском мире прямой или косвенный государственный контроль над различными типами религиозной собственности сохранялся со многими обстоятельными изменениями до недавнего времени.

Контроль над должностной землёй обеспечивался оперативным правительственным контролем над землевладельцами. Нормально функционирующий деспотический режим определяет судьбу своих несущих службу людей и отведённых им земель. Когда в конце периода правления династии Чжоу канцлер государства Цинь провозгласил заслуги, а не наследование необходимой основой несения службы^g, он не встретил заметного сопротивления; и проходившее повсюду в Китае во время позднего периода правления династии Чжоу сокращение площади должностных земель, которыми управляли их владельцы, было принято столь же кротко. Ни одна организованная группа землевладельцев (подобных баронам) не восстала

против императора-объединителя Китая, когда он решительно и окончательно отказался от системы должностных земель в её полном объеме. Также не встретило какого-либо сильного сопротивления решение Акбара заменить в большинстве случаев назначение должностных земель платой. Акбар пошёл далеко, но не так далеко, как турецкий султан Сулейман, который наглядно продемонстрировал, что хорошо функционирующий деспотизм может упразднить владение должностными землями так же легко, как и учредить его.

Льготная земля может быть предоставлена без каких-либо ограничений во времени. В этом случае владение землёй может закончиться с падением правящей династии. В фараонском Египте это, скорее всего, было правилом, и не исключено, что в древнем Перу предоставленные в дар земли постигла бы та же участь, если бы режим инков оказался смещён другими местными правителями. Часто льготная земля предназначалась для содержания получателя дара во время его жизни, но смерть дарителя могла прекратить владение землёй раньше смерти получателя. Вероятно, тем же было обусловлено предоставление земли в дар на Гавайских островах в древности.

^f ['Джатаки']: дар царскому цирюльнику, дар брахману, дар принцессе, награда за находку ценной антилопы, награда за пение сложенных особым размером стихов, награда за полезные советы, дар аскетам, дар охотнику, дар брату или сыну царя, дар сеттхи, дар хорошему советнику. [Назад](#)

^g Знать, которую он всё больше и больше ограничивал, скорее всего, ненавидела его, но его меры не привели ни к какому организованному бунту землевладельцев, подобных баронам. [Назад](#)

7.Н.2.в. Частная земля

7.Н.2.в.i. Определения

Очевидно, что земля, которая управляется, регулируется или распределяется правительством, не является собственностью частных собственников земли и не может рассматриваться в таком аспекте, даже если продлевается срок владения ей. Не достаточно ни постоянного владения (наследственные арендаторы также пользуются этой привилегией), ни права отчуждения (владельцам регулируемых земель иногда разрешается отчуждать их в пределах своей социальной группы). Только когда собственник имеет право и на не ограниченное во времени владение своей землёй, и на отчуждение её лицам, не относящимся к его

социальной группе, мы сталкиваемся с тем, что, в соответствии с установившейся практикой, может быть названо полной частной земельной собственностью.

7.Н.2.б.ii. Истоки

Простые люди и знать ранней Греции, Германии, Галлии и Англии владели своей землёй не вследствие решения самодержавного правителя, а вследствие дифференциации внутри родового общества, которая породила разные модели частной собственности и политического руководства. В гидравлическом обществе существенным было то, что правитель и его чиновники устанавливали личное землевладение путём передачи индивидуальным собственникам земель, которые ранее была контролируемые правительством земли.

Обычно отдельные лица становились собственниками земли благодаря подаркам или продаже. Целые группы лиц становились собственниками земли благодаря постановлению правительства. После того как участок земли признавался частной собственностью, в рамках установленных правительством социальных ограничений его можно было передавать от одного частного собственника другому. Масштабные превращения регулируемой земли в частную были сравнительно редкими в истории обществ Востока. Они, скорее всего, имели место только там, где были хорошо развиты опирающиеся на частную собственность ремесленное производство и торговля.

7.Н.2.с. Типы земельной собственности

7.Н.2.с.i. Крестьянская земельная собственность

Кто же тогда являются потенциальными собственниками земли в гидравлическом обществе? Как и в других аграрных обществах, в обществах Востока ключевой фигурой в базовом натуральном хозяйстве является крестьянин. Поэтому мы можем ожидать, что он играет важную роль в расширяющемся секторе частной земельной собственности, и действительно, в Китае установление свободной частной земельной собственности привело к появлению большого класса крестьян-собственников.

7.Н.2.с.ii. Крупное бюрократическое землевладение

Но китайский вариант развития является скорее исключением, чем правилом. В большинстве случаев собственниками были не крестьяне, а не являвшиеся крестьянами собственники, которые сразу явно возникали в частном земельном секторе. Очевидно, что чем сложнее становится гидравлическое общество, тем больше социальных групп стремятся стать собственниками земли. Но одна группа среди них является исключительной: гражданские и военные чиновники правительства и их родственники, бюрократическое дворянство.

При простых условиях владения собственностью мало кто ещё являются достаточно богатыми, чтобы купить землю. И даже там, где есть богатые купцы или торговцы, основная доля излишка продукции и, следовательно, основная доля покупательной способности остаются в руках правящего класса. Кроме того, правитель всегда стремится дарить землю представителям правящего класса.

Поэтому крупное бюрократическое землевладение имеет тенденцию возникать во всех типах гидравлического общества, независимо от их сложности. Оно полностью преобладает в тех простых гидравлических обществах, в которых частная земля вообще является важной. Во многих полусложных гидравлических обществах оно является важной особенностью. И оно имеет решающее значение в сложных гидравлических обществах, где частные земли имеют больший вес, чем земли, контролируемые государством.

Данные о земельной собственности в фараонском Египте неопределённые даже для Нового царства. Несколько утверждений, которые являются необычными, по существу свидетельствуют о принцах, визирях (чати) и других представителях правящего класса как о владельцах частных земель.

В ацтекской Мексике частными землями владели правители, их чиновники, а также некоторые купцы. В индуистской Индии брахманы, как и жрецы во многих других гидравлических обществах, не жили на обширных, постоянно выделенных храмам землях. Следовательно, в индуистской Индии передача земли в дар отдельным брахманам имела специальное назначение, и не удивительно, что такие акты совершались в большом количестве. Многие брахманы только осуществляли право владения, но некоторые, предположительно, имели земли в собственности по крайней мере во время последней фазы индуистского правления. В византийском Египте могущественные землевладельцы, которые обладали крупными имениями, чаще всего были чиновниками; и эта картина повторилась в исламскую эпоху. Среди лиц, которые в период мамлюков приобретали частные земли, выделялись фактические или бывшие владельцы должностной земли. В Османской империи некоторые должностные земли стали частной собственностью бывших владельцев.

В средней Византии чиновникам на некоторое время запретили без специального императорского разрешения покупать земли, пока они занимали должности. Запрет тормозил рост бюрократического землевладения, но не предотвратил его. В царской России указ 1762 года превратил помещиков (*помешчiki*), которые были владельцами должностной земли, в собственников земли. В позднем имперском Китае правительственным чиновникам было запрещено покупать земли в той местности, где они несли службу. Ничего не было сказано о покупке земли за пределами этой области, и имеющиеся данные позволяют предположить, что среди собственников земель было много служивших и не служивших представителей правительственного класса.

7.Н.2.с.iii. Другие социальные группы

Конечно, представители других социальных групп также имели земли в собственности, если располагали необходимыми средствами и им было это позволено. В полусложных и сложных гидравлических обществах особенно стремились приобретать землю богатые купцы, и сведения об ацтекской Мексике, Индии и Китае ясно показывают, что они делали это. Более того, меры, применявшиеся династией Хань, показывают и то, насколько хорошо может укорениться этот тип крупного землевладения, и то, как безжалостно правящая бюрократия может бороться с ним. Конечно, даже люди скромного достатка могли покупать землю. В традиционном Китае представители всех слоёв общества владели небольшими участками земли.

7.Н.2.с.iv. Крупное заочное землевладение (общая тенденция)

Иногда не являвшийся крестьянином собственник земли, который по тем или иным причинам лишался своих владений, мог обеспечить своё содержание, лично занявшись земледелием⁴. Однако обычно собственники земли, не являвшиеся крестьянами, поручали обрабатывать землю арендаторам. Часто первые становились крупными заочными землевладельцами.

В средневековой и постсредневековой Европе аренда земли и крупное заочное землевладение также были широко распространены. Однако многие крупные землевладельцы лично управляли своими большими имениями (*Güter*) или нанимали для этой цели управляющих.

Редкость крупномасштабного земледелия в гидравлическом обществе обусловлена в первую очередь высокой урожайностью, достигаемой

трудоёмкими методами, которые частично требуются для ирригационного земледелия и частично стимулируются им. Эти методы обеспечивают исключительные преимущества для маломасштабного крестьянского земледелия на основе семейного труда. Преимущества настолько поразительны, что господствующий гидравлический экономический менталитет (*Wirtschaftsgesinnung*) препятствует развитию крупномасштабных и манориальных методов, даже когда они могли бы приносить прибыль.

Значение этой формы землевладения для гидравлического общества в процессе его изменения очевидно. Укрепление крупного землевладения в постфеодальной Европе побудило многих собственников крупных ферм обрабатывать свои земли по-научному. Недавний рост крупного землевладения во многих гидравлических странах усилил накопительное рвение крупных заочных землевладельцев, но не увеличил рациональность обработки земель арендаторами.

^h О брахманах, которые возделывали свою землю с помощью или без помощи батраков, см. ['Джатаки']. [Назад](#)

7.Н.2.с.v. Крупное заочное землевладение (традиционная Россия)

Интересный вариант крупного заочного землевладения возник в царской России. Помещики (*romeshchiki*) московской и постмосковской России были настолько заняты военной или гражданской службой, что не могли уделять много внимания земледелию, как это делала владевшая землями знать Англии или Германии. В результате до 1762 года крупномасштабное земледелие с применением научных методов было крайне редким в среде владевшей землёй российской аристократии и, несмотря на некоторое распространение, оставалось редким ещё долгое время после этой даты.

Барон Гакстгаузен, который написал своё знаменитое исследование сельской местности России в 1840 году, был поражён разницей между крупными землевладельцами в России и в остальной части Европы. Хотя и не знакомый с особенностями деспотизма Востока, он ясно распознал, что владевшей землёй российской аристократии не хватало феодальной традиции: 'Русские, великорусские дворяне, в настоящее время не являются земельными (поместными) дворянами и, по всей вероятности, никогда ими не были, у них не было замков, не было рыцарства и частных междоусобиц. Они всегда были служилыми дворянами, они всегда жили при дворах великих и мелких князей и в городах, несли военную, придворную или гражданскую службу. Те из них, кто жили в сельской местности, мирно занимались земледелием, но в

действительности либо таких было мало, либо они были больными. Даже сегодня у большинства великорусских дворян нет сельских резиденций, нет манориальных хозяйств, как в остальной части Европы. Все принадлежащие знати земли - пахотные угодья, луга, леса - отданы деревенским общинам крестьян, которые работают на них и платят за это господину. Даже если хозяин владеет загородным домом и живет в нём, у него всё равно нет манориального хозяйства, он охотнее живёт как *рантье*. Большинство дворян имеют загородные дома, но живут в городе и приезжают в эти дома только на несколько недель или месяцев. Это старинный образ жизни русской аристократии!

Своеобразная отчуждённость российских дворян от земель, которыми они владели, вместе с фрагментирующим законом наследования удерживала их от того, чтобы стать настоящей земельной аристократией, какую Гакстгаузен видел в Центральной и Западной Европе. Он считал, что ни в одной крупной европейской стране нет менее прочной системы землевладения, чем в Великороссии.

Именно на этом фоне мы должны рассматривать два великих аграрных преобразования, совершённые царской бюрократией во второй половине XIX века и в начале XX века: освобождение крепостных от их бывших крупных землевладельцев (в 1861 году) и реформы Столыпина (в 1908 году). В обоих случаях сопротивление было огромным, и в обоих случаях новые меры были приняты представителями одного и того же правящего класса, который объединял в себе основную часть всех крупных землевладельцев.

7.Н.2.с.vi. Пограничные случаи регулируемого и частного землевладения

Крупное заочное землевладение быстро становится очевидным, быстрее, чем станут заметными конкретные имущественные особенности отдельного участка земли. Насколько много лиц из числа получивших землю в дар в фараонском Египте или в буддисткой Индии задавались целью упрочить владение землёй? Насколько много лиц задавались целью установить право собственности? Документальные свидетельства часто не могут предоставить определённую информацию об этом. И даже если они наводят на мысль о праве собственности, то насколько защищённым было это право? Сегре, сравнивая развитие имущественных отношений при абсолютизме Востока и в Древней Греции в классический период, приходит к выводу, что частная собственность, в некотором смысле приближаясь к классической форме собственности, не могла существовать, пока государь мог пользоваться возможностью либо приостанавливать действие права на землю, либо приостанавливать действие права на привилегии, либо изменять эти права по собственному желанию.

Считалось, что собственность брахманов защищена от конфискации. Но это не мешало индусским правителям захватывать земли брахманов за измену, которую царский суд устанавливал без труда, когда это было необходимо для царя. В фараонском Египте частная земельная собственность была, возможно, более обширной, чем в индуистской Индии, но столь же ненадёжной. На самом деле она была только исключительной передачей царских привилегий, передачей, которая, само собой, могла быть отменена в любое время и часто отменялась с приходом новой династии. В таких случаях трудно провести чёткую грань между владением и собственностью.

Ещё одна трудность проистекает из того факта, что в некоторых гидравлических обществах право на отчуждение частной собственности на землю распространяется неравномерно. Не являющиеся крестьянами крупные землевладельцы могут свободно покупать землю у других крупных землевладельцев, тогда как крестьяне, которые живут в условиях регулируемого сельского строя, не пользуются соответствующим правом отчуждения. В гидравлическом обществе такие смешанные модели создают основную классификационную проблему только тогда, когда, как в поздней Византии и в России после 1762 года, земли, принадлежащие крупным землевладельцам, составляют значительную часть (возможно, более половины) всех обрабатываемых земель. Когда дело обстоит именно так, мы можем говорить о зарождающейся сложной модели гидравлической собственности и гидравлического общества.

7.Н.2.d. Пределы частной земельной собственности в различных подтипах гидравлического общества

Рассмотренные категории правительственных и частных земель позволяют нам продвинуться за пределы нашего гипотетического начального положения и с большей точностью и более обоснованно установить связь между ростом движимой и недвижимой частной собственности в различных гидравлических цивилизациях. Зачатки частной земельной собственности присутствовали даже в таких гидравлических обществах, где основанные на частной собственности промышленность и торговля не имели большого значения, но эти зачатки не предполагали крупных размеров такого землевладения. Это подтверждает правильность нашей концепции простых моделей гидравлической собственности и гидравлического общества. В гидравлических цивилизациях со значительной долей движимой собственности и предпринимательства частная земельная собственность нередко оставалась второстепенным признаком, иногда незначительным. Это подтверждает правильность нашей концепции полусложных моделей гидравлической собственности и гидравлического общества. Кроме того, это подтверждает наше предположение об относительной редкости сложной формы, такой, когда недвижимая частная собственность

является настолько же значительной в земледелии, насколько движимая частная собственность, со своей спецификой и своими ограничениями, является значительной в промышленности и торговле.

На основании этих результатов мы кратко рассмотрим масштабы частной земельной собственности в некоторых важных гидравлических цивилизациях. В этом обзоре должны быть упомянуты снова те важные данные, которые приводились при обсуждении наших ключевых критериев. Но теперь они появляются в новом контексте, а в ряде случаев дополняются важной информацией. В соответствии с нашими ранее установленными концепциями, мы будем продвигаться от простых к полусложным, а в конечном итоге к сложным моделям собственности и общества.

7.Н.2.d.i. Простые гидравлические общества

Гавайи. Конечно, на Гавайских островах в древности было известно частное владение землёй. Но сомнительно, существовала ли земельная собственность в полном объёме, так как король возвращал себе имения даже самых могущественных удельных 'вождей', наместников, после смерти владельцев, а при вступлении на престол нового короля все земли острова перераспределялись.

Перу инков. Как уже говорилось выше, владение льготными землями осуществлялось в частном порядке и на неопределённое время, но владельцы таких земель не имели права отчуждать их. Таким образом, они были не собственниками, а постоянными обладателями льготных земель.

Шумер. В конце шумерского периода возникла подлинная частная земельная собственность. Однако правительства первых храмовых городов, скорее всего, осуществляли строгий контроль пахотных земель. В расшифрованных на данный момент письменных свидетельствах не выявлено наличие даже такой формы частного владения землёй, которая документально подтверждена для общества инков.

Фараонский Египет. Дополнительно к собственно правительственным и к распределяемым правительством землям (храмовым и должностным) существовали частные земли, которые можно было отчуждать, но правитель в любое время мог отменить право владения этими землями. Вообще говоря, частная земельная собственность была скорее исключением, чем правилом.

7.Н.2.d.ii. Полусложные гидравлические общества

Индия. Многочисленные надписи, относящиеся к последнему этапу южной индуистской Индии, свидетельствуют о том, что уже в буддийский и постбуддийский периоды большинство деревень подчинялись райятвари, то есть крестьяне находились под непосредственным контролем государства. Это означает, что частная земельная собственность могла существовать только в немногочисленных (не очень больших) деревнях.

Месопотамия. Наличие частной земельной собственности в конце шумерского периода и в вавилонском обществе очевидно. Стала ли она преобладающей формой землевладения? Доказательство этого привело бы нас к тому, что модель этого периода следовало бы классифицировать не как полусложную, а как сложную. Однако имеющиеся данные демонстрируют в лучшем случае полусложные модели собственности. В лучшем случае. Если бы государственная торговля была сравнима или превышала частную торговлю в течение длительного периода вавилонской эпохи, мы столкнулись бы с развитым простым или зарождающимся полусложным случаем.

Тексты позднего Шумера - периода правления Третьей династии Ура - часто упоминают как частную собственность поля, а также дома и сады. Но хотя храмы больше не были единственными организациями, которые использовали предоставленную в аренду землю, они по-прежнему наиболее часто упоминались в этом планеⁱ. Относительно Вавилонии Мейснер считает, что лучшие и крупнейшие участки земли находились в руках правительства и храмов. Оставшаяся земля и была частной собственностью. Проведённый Шаве анализ условий аренды в этот период как будто подтверждает мнение Мейснера: в Вавилонии в первую очередь сдавались в аренду земли государственных и храмовых владений, и лишь затем - земли частных лиц.

Кюк подчёркивает особое состояние земли, которая стала частной благодаря подарку царя. В то же время среди особенностей, которые привели к дифференциации в землевладении при власти касситов, он упоминает появление (или возрождение?) общин, которые характеризует как племенные и родовые, но которые также сравнивает с российским 'миром' (mir), то есть с чисто административным типом сельской общины. Особенности сельских сообществ при касситах по-прежнему неясны, но мы знаем, что они были связаны с правительственным аппаратом через некоторых своих руководителей и что они регулировали земельные владения своих членов способами, не сильно отличавшимися от тех, что применялись в мексиканских калпулли и айлью инков.

Если то, что персы нашли в Месопотамии, свидетельствует о неовавилонских условиях, то в последний период истории Вавилонии по-прежнему преобладали два типа контролируемой правительством земли. В персидской Месопотамии были (1) государственные земли, которые в значительной степени выделялись отдельным лицам, (2) большие участки земли, принадлежавшие храмам, (3)

земли, которыми владели отдельные лица. Земельные владения первых двух категорий были, очевидно, очень обширными: количество сделок с большей частью земель, принадлежавших государству и храмам, было не столь велико, как при продажах других земель. Нам опять не хватает статистических данных, но приведённое выше утверждение свидетельствует о том, что процесс 'приватизации' продвинулся дальше в сфере движимой, а не земельной собственности.

Персия. Персы очень много использовали контролируемые правительством земли (и вне греческих городов это была основная часть всей обрабатываемой земли), как вавилоняне и шумеры до них. Они выделяли их членам царского дома и друзьям царя (очевидно, как льготные земли), чиновникам, солдатам-переселенцам и лицам, обязанным предоставлять воинский контингент для армии (очевидно, как должностные земли). Зная условия, при которых люди владели должностной землёй при других деспотиях Востока, у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что эта земля, подобно регулируемой крестьянской земле, являлась тем, чем её считал Ростовцев: государственной землёй.

Владение должностной землёй в Персии не было феодальным социальным институтом и не способствовало установлению феодального строя у парфян. Крупные парфянские землевладельцы не были полуавтономными владельцами феодалов, которые тратили большую часть своего времени на личные дела. Вместо этого они были правительственными чиновниками, чем очень походили на своих персидских предшественников¹.

Эллинистические монархии Ближнего Востока. Частная земельная собственность имела в основном в греческих городах, которых было мало в Египте, но много в Западной Азии. За пределами этих греческих анклавов земля находилась под контролем правительства и связанных с правительством храмов.

Правители-селевкиды упрочили положение значительных частных земельных владений посредством дарения и продажи при условии, что получатель объединял свою землю с некоторым городом и создавал из этого 'город-землю', и, конечно же, правители выделяли должностные земли солдатам и, вероятно, гражданским чиновникам.

Цари Пергама, похоже, вообще не сокращали площадь царской земли. Подобно Птолемеям, они должны были одаривать чиновников правом пользования (которое могло быть отменено) имениями на земле царя.

В Египте в эпоху правления династии Птолемеев под частной землёй изначально подразумевались дом, сады и виноградники, и даже дом и сад находившегося под покровительством монарха крестьянина были частными. Греки иногда называли это собственностью, но это было, как и всё остальное при Птолемеях, не собственностью, а пользованием ей, и собственность или

законные имения в любой земле Египте, кроме греческих городов, всегда принадлежали царю.

Именно в свете этого утверждения мы должны рассматривать существование некоторых 'частных' наделов земли. Ростовцев предполагает, что этот тип землевладения существовал в фараонском Египте, и то, что мы знаем о раннем периоде, подтверждает его предположение. Но, во-первых, мы должны помнить о нестабильности, которая во времена фараонов вообще была характерна для земельной собственности, а во-вторых, свободный смысл, который птолемеевская (греческая) элита Египта вкладывала в термин 'частное'.

'Частная' земля, распространение которой поощрялось Птолемеями, была регулируемой бессрочной арендой земли, то есть арендой заброшенной земли на длительный период (сто лет) или на неограниченный срок. Права на этот вид собственности могли передаваться путём отчуждения или наследования и в определённой мере охранялись так же, как право собственности. Развивая бессрочную аренду земли, Птолемеи усилили тенденцию к росту земельной собственности. Но до наступления римской эпохи эта тенденция, скорее всего, не выходила за пределы относительно прочной формы владения землёй.

Римский переходный период. При римлянах частная собственность возникла в крупном масштабе. Причины такого исключительного развития и его ограниченного успеха рассматриваются ниже в связи с обсуждением сложных моделей собственности.

Исламский Ближний Восток (первые века). Арабские завоеватели Египта и Сирии сохранили большинство социальных институтов Византии, включая модели землевладения. По очевидным причинам многие бывшие владельцы имений бежали, а те, кто остались, потеряли право собирать налоги для правительства. Рядом с ними знатные арабы обосновались в брошенных частных имениях и старых государственных владениях. Эти новые владельцы покупали и продавали землю, а также передавали свою собственность, катиа, по наследству. Но катиа представляли собой форму бессрочной аренды земли, поэтому сомнительно, могли ли владельцы увеличить их площадь посредством свободной покупки крестьянской земли. Их византийским предшественникам делать это запрещал закон, и новое арабское государство, безусловно, стремилось так же защищать регулируемые государством деревни, как и византийские чиновники, и было, вероятно, лучше подготовлено к этому. Несомненно, площади владений катиа увеличивались, но сами владения оставались в руках ограниченной правившей группы. Большинство арабских соплеменников жили в военных лагерях, и только после нескольких поколений катиа распространились в деревнях.

Нет необходимости проследивать здесь постепенный подъём новой системы земельной собственности, чьи бенефициары были и сборщиками налогов, и владельцами должностных земель. Эта система четко и последовательно проявляется в обществе мамлюков.

Общество мамлюков. В начале правления мамлюков практически вся обрабатываемая земля Египта была разделена на двадцать четыре единицы, которые либо непосредственно контролировались султаном, либо распределялись как должностные земли. Частная земля, мульк, практически отсутствовала^k. Её последующий рост был достигнут в основном благодаря сложному процессу, когда от владельца должностной земли требовалось уступить часть её казне, прежде чем он покупал её у правительства напрямую или через посредника.

Но хотя система мульков продолжала расти до конца периода мамлюков, мульки оставались только одним из типов земель, которые чиновники (обычно военные чиновники) могли контролировать. Помимо своей должностной земли и своих мульков они могли обладать пенсионной землёй, а также могли быть управителями вакуфов, на которых они обосновывались и которые, по всей вероятности, давали им и их семьям стабильный доход.

Османская империя. Турецкие султаны демонстративно установили гегемонию государственной земли, официально упразднив большую часть частной земельной собственности^l. Скорее всего, некоторые особые собственники земли существовали с самого начала, а местная знать (аяны) приобретала мульки, возможно, путём присвоения должностных и других земель. Но до недавнего переходного периода большая часть земли находилась под контролем правительства, которое выделяло часть её как должностные земли или вакуфы и облагало налогом оставшуюся землю, пользуясь посредничеством своих налоговых откупщиков^m.

Откупщики налогов имели много привилегий. В неарабских провинциях они могли передать вакантное крестьянское хозяйствоⁿ жителю другой деревни, но только после того, как предложили его крестьянам деревни, к которой земля этого хозяйства была прикреплена. В арабских провинциях их положение к XVIII веку стало таким же, как положение владельцев военных должностных земель. В Египте они получали одну десятую часть всей деревенской земли, называвшуюся 'васия'. Они могли продавать землю васии, но только другим откупщикам налогов и только вместе с одновременной передачей покупателю соответствующих юридических полномочий. В арабских провинциях феллахи могли отчуждать свою землю другим феллахам. Относительно арабских территорий Гибб и Боуэн категорически утверждают, что лицо, ответственное за сбор налогов, не могло лишить феллаха его земли, кроме случая неуплаты налогов. Таким образом, в неарабских и арабских провинциях большинство крестьян были наследственными владельцами распределяемой или регулируемой государственной земли.

Привилегии откупщиков налогов и владельцев распределяемых земель представляют важную проблему, но все они возникают в условиях контролируемой правительством земли. Поскольку земли этого типа составляли основную часть всех обрабатываемых площадей, мы вправе сказать, что для

исламского Ближнего Востока вплоть до XIX века была характерна полусложная модель Восточной собственности и Восточного общества.

Общество майя. Система землевладения у майя неясна. Там, вероятно, имелась некоторая индивидуальная земельная собственность, но основная часть обрабатываемой земли, скорее всего, была общей (регулируемой).

Мексика до её завоевания конкистадорами. Сведения из ранних источников сходятся в том, что основная часть всех земель этой области, как на Юкатане и в Перу, была контролируемой правительством. Подавляющее большинство всех крестьян (и горожан) жили в регулируемых сообществах (кальпулли). Но были и некоторые частные земли, передававшиеся по наследству (*tierras propias patrimoniales*), которые обрабатывали крестьяне майеке (*maueques*), прикреплённые к этим землям.

Согласно Сурите, частная земля существовала с давних времён. Благодаря чему она возникла, благодаря дарениям или продажам? И как свободно могли распоряжаться ей те, кому она принадлежала? Местным чиновникам разрешалось продавать земли кальпулли, если те не были обременены обязательствами, и, как было сказано выше, покупатели этих наделов, которые поэтому являлись отчуждаемыми, были либо членами правящих семей, либо какими-нибудь чиновниками или купцами. Однако большинство земель кальпулли были обременены серьёзными и долговременными обязательствами, поэтому их уступка предполагала содержание либо самих членов кальпулли, либо чиновников местного или центрального правительства, гарнизонов или храмов. В результате объём земель, доступных для продажи, был, вероятно, мал.

Неясно, в какой мере появление *tierras propias patrimoniales* зависело от продажи земли кальпулли. Некоторые или, возможно, даже многие из этих частных владений вполне могли быть подарками, сделанными правителями видным деятелям. В отличие от аллодиальных имений феодальной Европы, *tierras propias patrimoniales* оставались под юрисдикцией правительства, и, в отличие от крепостных крестьян аллодиальных или феодальных имений, мексиканские майеке служили правительству 'во время войны или по необходимости'. Это определение является всеобъемлющим. В ацтекской Мексике, как и в других гидравлических обществах, правительство в одностороннем порядке определяло, в каком виде работ оно нуждалось.

Не являясь должностными землями, частные владения не оставались целостными по воле правительства. А не являясь аллодиальными или феодальными имениями, они не передавались по наследству по воле владельца или по майоратному праву. На самом деле частные земли древней Мексики были так же похожи на льготные земли других обществ Востока, как непохожи на прочную земельную собственность феодальной и постфеодальной Европы. По всей вероятности, они составляли меньший процент всех обрабатываемых земель, чем частные земли в Вавилонии или в раннем исламском обществе.

Согласно одной оценке, частных владений в древней Мексике было мало. Согласно другой, они в совокупности составляли немногим больше 10 процентов от общей посевной площади^o.

ⁱ Многочисленные ссылки Хакмана на сведения о полях, к сожалению, часто являются расплывчатыми относительно имущественного положения этих полей. [Назад](#)

^j Согласно Кристенсену, парфянское правительство было деспотическим по форме по крайней мере до тех пор, пока Парфянская монархия была единой. Изменился ли политический строй, когда монархия распалась на несколько удельных царств? Конечно, это возможно, но ни в коем случае не бесспорно. На основе сопоставимых случаев более вероятным кажется, что возникшие позднее небольшие парфянские царства были небольшими деспотиями Востока с определёнными господствовавшими семьями, наследственно владевшими высшими должностями в правительстве и обладавшими весьма значительными площадями должностных земель. [Назад](#)

^k Поляк предполагает, что в начале эпохи мамлюков имелись многочисленные частные земли в Сирии. [Назад](#)

^l Это относится главным образом к обрабатываемой земле и пастбищам. Крестьянские хозяйства и земля вокруг них всегда были мульками, виноградники и фруктовые сады также обычно считались мульками. [Назад](#)

^m Гибб и Боуэн цитируют официальный отчёт, согласно которому в прошлом сипахи со временем превращали в частную собственность ту государственную землю, которой владели. К сожалению, ссылка не указывает ни приблизительную дату, ни степень распространённости этого явления. [Назад](#)

ⁿ Хозяйство, чей владелец умирал, оставалось без наследников. [Назад](#)

^o Эта цифра была предложена в пояснительной записке о землевладении в Мексике до её завоевания конкистадорами, подготовленной к настоящему исследованию доктором Паулем Кирхгоффом. [Назад](#)

7.Н.2.d.iii. Сложные модели гидравлической собственности и гидравлического общества

Обществ Востока, в которых частных земель было меньше, чем контролируемых правительством, очень много. Частные земли были

незначительными в высших цивилизациях Южной Америки и Месоамерики, когда их захватили испанцы. Они оставались второстепенными в Индии, Шумере, Вавилонии, Персии, эллинистических монархиях Ближнего Востока и исламском обществе. На ранних этапах китайского общества с централизованной государственностью они были столь же несущественными, как и в Америке до её завоевания конкистадорами, и когда Китай под воздействием сил Внутренней Азии временно избавился от свободных форм земельной собственности, господствовавшей в конце правления династии Чжоу и во времена правления имперских династий Цинь и Хань, регулируемые модели землевладения возобладали вновь.

Таким образом, наше исследование подтверждает мысль, которую мы предварительно высказали в начале нашей дискуссии о гидравлическом землевладении. До недавнего периода институционального распада и перемен частные земли, возможно, преобладали на Ближнем Востоке при власти римлян; а в Китае они, безусловно, преобладали с конца первого тысячелетия до нашей эры до V века нашей эры, а затем, после почти трёхсотлетнего перерыва, начался новый период, длившийся уже до нашего времени.

Римский Ближний Восток. Действительно ли в таких классических гидравлических странах, как Египет, при власти римлян развились сложные модели собственности? Несомненно, римские завоеватели учреждали частную земельную собственность в терминах провинциального римского права, и в византийском Египте до арабского завоевания крупными имениями, безусловно, владели могущественные землевладельцы, динаты. Но насколько широко была распространена земельная собственность в период возникновения Римской империи? И в какой степени она преобладала в V и VI веках?

Под влиянием римлян частные земельные владения возникали посредством дарений, передачи земель клерухий (военной должностной земли), а также продажи и дарений других государственных земель. Это сильно отличалось от условий эпохи эллинизма, но даже те учёные, которые подчёркивают качественные различия, обычно также осторожно указывают на количественные ограничения. Значительную часть бывших земель клерухий правительство вернуло себе сразу же после завоевания, а из частных имений, которые временно возникли в результате дарений или продаж, большинство в скором времени снова стали императорской собственностью. Таким образом, основная часть лучших земель по-прежнему входила в императорские владения и именовалась императорской землёй². А так в основном это были большие имения, которые подверглись конфискации, частной землёй, скорее всего, владели немногочисленные собственники. Это в высшей степени верно для Египта и Малой Азии. Более значительная доля крупных имений, вероятно, была в Сирии и Палестине.

Существование частной земельной собственности, предположительно, достигло второго пика накануне арабского завоевания, особенно в византийском Египте.

Чем в действительности были условия землевладения в Египте в этот период? Крестьяне, которые из-за крайне сильного финансового давления всё более неохотно занимались земледелием (многие даже убегали из своих деревень), стали объектом сложных реформаторских мер. Правительственный контроль в форме обязательной постоянной аренды земли (эпиболия, *epibolē*) становился всё более и более строгим. Всё больше крестьян становились постоянными владельцами земли, которую им было запрещено покидать. Как колонны они были прикреплены к земле, которая с тех пор стала их частным владением в рамках жёстко регулируемой деревенской общины. Продолжавшиеся финансовые тяготы побуждали население многих деревень смотреть с надеждой на церковь и на могущественных покровителей, прежде всего представителей правящего класса. Эти люди, которых до 415 года называли 'патронами', не оказывали влияние всюду, многие деревни оставались непосредственно подчинёнными казне и имперской администрации. Они также не включали своих крестьян в типичные крупномасштабные манориальные хозяйства, хотя из-за отсутствия лучшего термина их владения обычно называют 'имениями'.

В эдикте 415 года, в котором признавалось положение крупных землевладельцев, также подтверждались претензии правительства на финансовые и барщинные обязательства, которые ранее выполняли владевшие землёй колонны. Владельцы новых имений получили право собирать со своих колоннов налоги для правительства. Но хотя эта обязанность наделила новых крупных землевладельцев значительной властью, государство сохранило свои финансовые права без уступок: ставка налогообложения была одинаковой для всех. Таким образом, в ключевом финансовом аспекте владельцы имений не получили привилегий: нет никаких доказательств, что их налоговая ставка была меньше, чем у других^а.

При Юстиниане (точнее, в 538 году) византийское правительство ожидало получить налоговые поступления из Египта, которые превзошли бы те, что упоминались во времена Августа. Этот факт вызывает ряд вопросов, которые пока ещё не решены. Однако для наших целей достаточно знать, что византийское правительство было способно обложить египетских крестьян таким обширным налогом и сделать это так, как удавалось римлянам в период правления их могущественного первого императора.

Конечно, в Египте в конце византийской эпохи были крупные объекты частной земельной собственности: имения. Эти имения возникли при бюрократическом правительстве, ими в основном владели крупные бюрократические землевладельцы, и они явно были организованы по-бюрократически^б.

Все это нам известно. Однако мы не знаем, являлись ли эти имения Египта частной собственностью, арендованной имперской или церковной собственностью или арендованной собственностью владельцев мелких хозяйств. Мы также не знаем, составляла ли площадь этих имений более половины площади возделываемых земель до арабского завоевания. Закон

запрещал владельцам имений приобретать крестьянские земли по собственному желанию, и, согласно Джонсону, нет доказательств, что этот закон когда-либо был лишь формальным. Имущественное положение крупных землевладельцев, даже если оно касалось собственности, было юридически ограниченным. Едва ли нужно повторять, что свобода в деревни была ограничена даже более строго.

Известные на сегодняшний день исторические данные показывают, что в таких странах Ближнего Востока, как Египет, частная земельная собственность не преобладала в начале римского периода, и эти данные дают мало оснований полагать, что этот тип собственности позже распространился настолько, что даже привёл к временному установлению сложных моделей собственности и общества.

Китай. Подлинные исторические документы утверждают, что в IV веке до нашей эры в государстве Цинь традиционная система регулируемых полей была отменена и что с тех пор землю можно было покупать и продавать свободно. Записи, касающиеся имперских династий Цинь и Хань, сообщают, что после объединения Китая частная земельная собственность в целом преобладала. Когда в I веке до нашей эры купцы накопили значительную движимую и недвижимую собственность, правительство приняло жёсткие финансовые меры, чтобы уменьшить их богатства, и изданный в 119 году до нашей эры эдикт запрещал им владеть землей, но этот эдикт не повлиял на передачу земли между представителями других классов и даже для купцов, скорее всего, действовал только временно.

К сожалению, исторические источники оставляют необъяснёнными важные аспекты аграрного развития как для первого периода сложных имущественных отношений, так и для более позднего регулируемого аграрного строя, который установился в V веке нашей эры и просуществовал до середины VIII века. Однако имеющейся информации достаточно, чтобы осветить по крайней мере основные тенденции в эти периоды. В течение последнего тысячелетия династии завоевателей резервировали земли для поддерживавших их соплеменников и некоторых китайцев, которые присоединились к их победоносным армиям, но для основной массы своих китайских подданных они сохранили частную земельную собственность. Было подсчитано, что в течение последнего этапа правления (маньчжурской) династии Цин земли, которыми владели представители маньчжурских, монгольских и китайских знамён, составляли около 4 процентов всех земель, а частная земельная собственность - почти 93 процента⁵.

Хотя до этого этапа неправительственные земли временами могли составлять не более половины всех земель, а многообразие статей законов давало право преимущества при покупке (в первую очередь) родственникам, кажется очевидным, что Китай в поддержании частной собственности на землю продвинулся дальше, чем любая другая крупная цивилизация Востока.

Причины такого необычного развития отнюдь не ясны. Но некоторые факты наводят на размышления. В Китае решающие изменения произошли после середины первого тысячелетия до нашей эры, когда одновременно возникли несколько важных культурных факторов: пахота на волах, использование железа и искусство верховой езды. Мы не решаемся отклонить это стечение обстоятельств как несущественное. Ни один из этих факторов не возник в гидравлических областях Америки до её завоевания конкистадорами, а на Ближнем Востоке и в Индии они возникали порознь в ходе затяжного развития. В обоих регионах использование пригодных к труду животных для пахоты было известно со времён зарождения письменной истории, тогда как использование железа распространилось позже, а искусство верховой езды ещё позднее. Могло ли быть, что одновременное появление новых методов земледельческого производства, применения военной силы и быстрой связи (и гарантии того, что два последних фактора оказывали поддержку правительственному контролю) побудило элиту китайского общества к уверенным экспериментам с чрезвычайно свободными формами земельной собственности? Какой бы ни была причина решающего шага, однажды возникшие условия оказались политически работоспособными и полезными в агрономическом и финансовом отношении.

Китайский вариант развития, требующий дальнейшего исследования, замечателен не только своей успешностью, но также и своими географическими ограничениями. Скорее всего, он повлиял на некоторых юго-западных соседей, особенно на Сиам. Но вопреки многочисленным культурным связям с более отдалёнными азиатскими странами, китайская система частной земельной собственности оставалась главным образом ограниченной областью своего возникновения.

^p После нескольких десятилетий дополнительных исследований Белл подтверждает то, на что Моммзен осторожно обратил внимание в 1885 году, то есть, что императорские владения составляли значительную часть всех площадей в Римской империи, как и в более ранние времена. Джонсон и Уэст упоминают о сохранении почти всех пахотных земель в собственности римской короны, и Джонсон полагает, что объём частной земельной собственности в римские времена был незначительным. [Назад](#)

^q Во II и III веках сборщики налогов, предположительно, входили в основные городские группы или являлись индивидуальными предпринимателями, которые исполняли свои налоговые обязанности, возложенные на них в качестве литургии. Правительство использовало эти литургические обязанности для уничтожения экономической мощи групп, опиравшихся на право собственности, и передавало финансовые задачи крупным бюрократическим землевладельцам, которые, имея лучшие политические связи, преуспели там, где потерпели неудачу частные предприниматели. Но эти землевладельцы ни в

кчем случае не были крупными феодалами, которые могли присваивать основную часть тех излишков крестьянской продукции, которые они собрали. С IV по VI века сборщикам налогов в Византии обычно предоставлялась комиссия около 2 процентов со сбора пшеницы, 2,5 процента со сбора ячменя и 5 процентов со сбора вина и свинины. Мы не знаем, устанавливались ли такие ставки в Египте, но нам известно, что египетский сборщик налогов имел право на плату в размере от одной восьмой до одной двенадцатой части денежного налога, который он собирал, то есть на комиссию в размере от 8 до 15 процентов. Манипуляциями он мог увеличить свою долю с 10 до 20 процентов от денежного налога. [Назад](#)

^r Белл считает, что, в отличие от феодального поместья на Западе, являвшегося уменьшенной копией королевства, в которое оно входило, имение византийского Египта воспроизводило в уменьшенном масштабе бюрократическую империю, частью которой оно было, его организация и иерархия чиновников были созданы по образцу имперской бюрократии. Действительно, имея дело с папирусными документами этого периода, иногда невозможно быть уверенным, являлись ли лица, чьи звания упоминаются в них, имперскими чиновниками или слугами некоей влиятельной семьи. Это взаимоналожение званий, далеко не случайное, отражает взаимоналожение должностей. Владельцы этих имений были если не исключительно, то по большей части служившими или не служившими представителями правящего класса, которые даже в роли крупных землевладельцев действовали как получиновики: как сборщики налогов и руководители гидравлических и негидравлических барщинных работ. [Назад](#)

^s Оценка, используемая доктором Баком, определяет долю частной земельной собственности равной 92,7 процента, а долю земель, выделенных маньчжурской знати, вместе с незначительными 'землями короны' равной 3,2 процента, государственные земли (предназначенные для содержания школ, религиозных целей - государственного культа) равными 4,1 процента. Эти данные являются приблизительными. Они не берут в расчёт частные наследственные и храмовые земли, которые, согласно тому же источнику, составляли менее 0,05 процентов. [Назад](#)

7.Н.3. Насколько свободной является частная земельная собственность в гидравлическом обществе?

Таким образом, частная земельная собственность была во многих гидравлических цивилизациях, но, за исключением недавнего короткого переходного периода, общая площадь частных земель была менее обширной, чем общая площадь государственных земель. Более того. Даже там, где частная земельная собственность преобладала, неизменно встречались препятствия, не

позволявшие ей достигнуть такой свободы, которая возможна в полицентричном негидравлическом обществе.

7.Н.3.а. Сравнение деспотически налагаемых и демократически устанавливаемых ограничений частной собственности

Конечно, ни в одном обществе собственник не распоряжается своим имуществом полностью. Даже в условиях прочной собственности владелец кирпичей, который может продавать их, хранить или использовать для строительства своего дома, не может бросать их в своего соседа. Подчёркивание ранними римлянами суверенной позиции собственника не является правомерным в социальном отношении, хотя и показательным в отношении финансовом.

Но даже в финансовом отношении обладатель прочной собственности может нести расходы. В большинстве свободных стран некоторые государственные чиновники должны иметь содержание, и когда дело обстоит именно так, гражданам приходится за счёт своей собственности удовлетворить эту потребность. Вклады от частной собственности на содержание правительства будут использоваться только для утверждённых первоочередных целей, когда опирающиеся на право собственности силы общества могут держать правительство в подчинённом положении. Такие вклады будут увеличиваться и будут потрачены более свободно, когда несовершенно контролируемое правительство частично определяет свой собственный бюджет. Они будут определяться в одностороннем порядке и прежде всего с учётом интересов тех, кто находится у власти, когда государство сильнее, чем общество, мешает владельцам собственности защищать свои интересы. Именно при условиях первого типа мы видим прочную, хотя и не абсолютную, собственность. А при условиях третьего типа собственность является слабой. В гидравлическом обществе недвижимая собственность, как и движимая собственность, остаётся слабой, даже когда частная земельная собственность по количественным показателям превосходит государственное землевладение.

7.Н.3.б. Ограничения, налагаемые на свободу наслаждаться, использовать, передавать и объединяться

Деспотизм Востока в одностороннем порядке ограничивает свободу собственника земли в том, чтобы наслаждаться плодами его собственности,

принимать решения о её использовании, свободно завещать её (используя завещания) и защищать её посредством политической организации.

Агродеспотическое правительство требует плату со всех землевладельцев либо для собственного использования, либо для использования особо привилегированными лицами или учреждениями (храмами, мечетями, церквями), а также определяет земельный налог в одностороннем порядке, согласно своим собственным рациональным нормам (рациональным нормам правителей). Аренда земли может стратифицировать сферу имущественных отношений, и изменение влияния местных и центральных органов власти может изменить распределение государственных доходов в рамках бюрократического строя. Но ни одно из условий не влияет на фундаментальное соглашение, которое вынуждает собственников и/или владельцев земли в большинстве случаев уступать значительную часть своих доходов представителям государства.

Напрямую это соглашение направлено на те плоды, которые приносит действующая земельная собственность. Косвенно оно также влияет (и накладывает ограничения) на цели, для которых может быть использован данный участок земли. Правительство основывает свои финансовые требования на предположении, что крестьянские арендаторы (или собственники) вырастят урожай, способный пронести определённый доход. Это требование заставляет земледельца выращивать нормативный урожай или находить приемлемую замену. Иногда - особенно при регулируемом аграрном строе - правительство может чётко предписать выращивание некоторых растений или деревьев (рис, кукуруза, оливки, конопля, хлопок или тутовые деревья), и в этих случаях свобода собственника определять, как должна использоваться его земля, равна нулю. Однако часто правительство довольствуется предписанием того, сколько должно быть уплачено за землю. В обоих случаях результатом является незрелый тип плановой экономики, которая существенно ограничивает свободу выбора и действий земледельца.

Ограничения на свободу завещать собственность и объединяться для её защиты были рассмотрены в одной из предыдущих глав. Гидравлические законы наследования фрагментируют частную земельную собственность. Неспособность собственников земли укрепить своё имущественное положение посредством независимых политически эффективных национальных организаций видна как в сложных, так и в полусложных и простых гидравлических обществах.

Это не подразумевает утверждение, что преобладание частной земельной собственности и распространение крупного землевладения в таких цивилизациях, как традиционный Китай, были социально неуместными. Не были. Но распространение крупного землевладения, которое существенно изменило отношения между служившим и не служившим (дворянским) сегментами правящего класса, не привело к укреплению земельной

собственности или к появлению независимых организаций собственников земли. С финансовой, правовой и политической точек зрения частная земельная собственность была так же слаба в момент окончательного упадка традиционного китайского общества, как и при его зарождении.

7.I. Влияние частной собственности на гидравлическое общество

7.I.1. Сохранение гидравлического общества зависит от поддержания правительством своих имущественных отношений

На основании этих фактов кажутся оправданными некоторые общие выводы. Во-первых, в гидравлическом обществе, как и в других институциональных образованиях, известна частная собственность. Человеческое существование на протяжении любого длительного периода времени невозможно без всеобщего понимания и упорядочения отношений между людьми и предметами или услугами. Даже заключённый имеет свою одежду, пока носит её, и многие рабы имели не только свою одежду, но также некоторые другие вещи. Крепостной в дополнение к своей земле имел много разных вещей.

В большинстве случаев владение и, конечно же, собственность признаются традицией. Где существует закреплённое в письменном виде право, важные формы собственности могут быть признанными и регулироваться специальными законами.

Это справедливо для всех обществ, включая те, в которых господствуют деспотические режимы. Самые простые соображения рациональности требуют, что даже тем, кто создают и изменяют законы деспотично и в одностороннем порядке, следует подчёркивать свою юридическую силу, не отменяя законы без необходимости. Показатель рациональности правителя является тем выше, чем более строго он сам соблюдает правила, которые наложил на своих подданных. Это также касается правил, связанных с частной собственностью.

Деспот Востока может покупать и продавать землю. Он может иметь частных ремесленников, производящих для него товары, и иногда может щедро платить им. Он может делать покупки у купцов без посредников. Во всех этих случаях он может установить низкую цену, хотя необходимости в этом для него нет. В Московской Руси это, скорее всего, было правилом, а в индуистской Индии классического периода купцы должны были соглашаться с любой ценой, которую считал подходящей царский оценщик. Но тот факт, что правитель и его чиновники платили за определённые товары и услуги, не опровергает деспотический характер режима. Он только показывает, что в общем и целом

деспотический режим действует на основании правовых и имущественных правил, которые он установил.

Что верно для деспотизма Востока, не менее верно и для современного промышленного аппаратного государства. Для поверхностного наблюдения может быть достаточно наличия законов, касающихся собственности. Но только нереалистичный аналитик станет называть правительство Гитлера демократическим, потому что оно поступило с еврейской собственностью в соответствии с Нюрнбергскими законами. Или будет отрицать абсолютистский характер раннего советского государства, потому что оно покупало зерно по установленной правительством цене у крестьян, производивших продукцию индивидуально.

7.1.2. Возрастающая сложность имущественных отношений и возрастающая сложность общества

В дополнение к тому, что гидравлическая собственность является существенным признаком гидравлического общества, она также характеризуется разнообразием форм. Значительные частная собственность и предпринимательство могут появиться в промышленности и торговле, и частная собственность может распространяться и даже преобладать в земледелии. Представители полусложных и сложных моделей собственности поддерживают друг с другом и с государством отношения, существенно отличающиеся от тех, которые поддерживают представители простых моделей собственности. Этот факт позволяет нам на основании различных моделей собственности распознать различные подтипы социального строя в целом.

7.1.3. Малая собственность является значительным экономическим стимулом при отсутствии политической власти

7.1.3.a. Стимулы, присущие частному владению и собственности

Технические преимущества, получаемые от методик, которые могут быть использованы только крупными бригадами, сравнимы с тем, что достигается за счёт индивидуальных усилий или в результате труда нескольких родственников, работающих вместе, или превосходят эти достижения. Но когда технические

преимущества незначительны или отсутствуют, стимулы для индивидуальной деятельности имеют тенденцию становиться более эффективными.

Индивидуальная деятельность не обязательно базируется на собственности. Человек, занимающий какой-либо участок земли, может быть только его владельцем, но в домашинную эпоху при соизмеримых технических условиях такой человек мог работать продуктивнее члена бригады, который работал по найму. Поэтому повсюду в гидравлическом мире мы находим крестьян, которые обрабатывали свои земли индивидуально, а не коллективно; а где использование пригодных к труду животных увеличивало преимущества индивидуального земледелия, маломасштабный крестьянский труд также заменял единственную уместную в данном случае систему коллективного земледелия: систему государственных полей. В ремесленном производстве и торговле частное предпринимательство в основном базировалось на частной собственности. В земледелии частных владений обычно было достаточно для того, чтобы заставить крестьянина действовать с большой осторожностью. Аренда земли, как и крестьянская собственность, породила земледелие, которое по своей интенсивности сравнимо с садоводством.

Конечно, желание арендатора стать собственником земли является чрезвычайно сильным. Даже при самом удручающем финансовом положении большинство собственников-крестьян цепляются за свои поля в надежде на то, что неразумное налоговое давление ослабнет прежде, чем они будут вынуждены отказаться от своей собственности.

Основанное на праве собственности ремесленное производство выпускало много прекрасных товаров (текстиль, изделия из дерева, кожи и металла), которые восхищают исследователя гидравлической цивилизации, и гидравлические крестьяне, которые обрабатывали свои поля индивидуально, превосходили крепостных крестьян средневековой Европы в мастерстве и производительности. Так было тогда, когда эти крестьяне являлись лишь наследственными владельцами регулируемых земель, и так было даже тогда, когда они были арендаторами или частными собственниками земли. На самом деле не так уж и маловероятно, что причиной исключительной интенсивности земледелия в традиционном Китае было то, что частная крестьянская земельная собственность была распространена более, чем в любой другой крупной гидравлической цивилизации^a.

^a Феодалы Японии не занимались крупномасштабным маноориальным земледелием, как европейские феодалы; и японские крестьяне обрабатывали свои земли индивидуально в условиях, более напоминавших аренду, а не крепостное право. На базе сильно усовершенствованной ирригационной экономики они также занимались полусадоводческим сельским хозяйством. Это нельзя объяснить исключительно географической схожестью. У своих континентальных соседей японцы не переняли ни систему частной

земельной собственности, ни полууправленческий бюрократический абсолютизм Китая. Но в рамках феодальной структуры власти и феодальных общественных отношений японская знать давала своим крестьянам настолько сильный имущественный стимул, насколько в целом позволяла модель их общества. [Назад](#)

7.1.3.b. Собственность нищих

Малая частная собственность, имеющая владельца или собственника, занимала видное положение в гидравлических обществах полусложного типа. Она занимала гораздо более видное положение в сложных обществах Востока, особенно в аграрной сфере. Породила ли она в любом из этих случаев важную политическую силу?

С позиции полицентричного общества, основанного на праве собственности, вопрос является вполне разумным. Мелкие собственники (ремесленники и крестьяне) играли всё более заметную политическую роль в Древней Греции классического периода. Независимые ремесленники выделялись во многих гильдейских городах средневековой Европы и вместе с крестьянами составляли существенную часть демократических правительств Швейцарии. В ряде преимущественно аграрных штатов США, в которых нет превосходства гигантских ферм и крупномасштабного производства, голосование фермеров является решающим фактором. Хотя на сегодняшний день фермеры составляют менее 15 процентов рабочей силы Америки, они организованы лучше, чем когда-либо, и продолжают быть важной политической силой на региональном и национальном уровнях.

Нет необходимости подчёркивать потенциальное политическое значение рабочих - группы, у которой существенным экономическим качеством является способность работать. Свободные рабочие стали политической силой в ряде городов-государств Древней Греции на заключительном этапе их независимости. Организованные как профессионально, так и политически, представители этой формы индивидуальной собственности в некоторых промышленно развитых странах, таких как Австралия, Швеция и Англия, принимали на себя политическое руководство даже в вопросах национальной экономики, и во многих других странах, включая США, их политическое положение быстро улучшается.

В гидравлическом мире малая собственность и рабочие не играли соизмеримой роли. Что касается рабочих, проблема проста. Лично свободные наёмные работники существовали во многих гидравлических цивилизациях. Неквалифицированные рабочие были по большей части неорганизованными. Квалифицированные рабочие часто бывали организованы в местные

обособленные профессиональные союзы. Но даже когда они не находились под строгим контролем правительства, то учреждали лишь политически несущественную форму самоуправления: демократию нищих.

А крестьяне-собственники? Владели ли они землёй, являлись ли её собственниками, но они оставались представителями фрагментированного вида собственности и предпринимательства. В лучшем случае им было разрешено решать их преимущественно местные вопросы в рамках сельского варианта демократии нищих: сельской общины.

С позиции абсолютистской бюрократии собственность ремесленников и крестьян была собственностью нищих, собственностью, которая была экономически фрагментированной и политически бессильной^b.

^b Разве крестьяне представляли собой экономическую и политическую угрозу в первый период советского режима? Задолго до 1917 года Ленин подчёркивал опасность любой частной собственности (включая крестьянскую землю) для социалистического режима, и он не изменил своего мнения после того, как его партия установила свою диктаторскую власть при поддержке крестьян, которым 'дали' землю. Он настаивал на том, что собственность превращает людей в диких зверей, и называл мелкую буржуазию и мелких крестьян скрытой средой, порождающей капитализм, а значит, неотъемлемой опасностью Советского государства. В 1918 году, а затем в 1921 году Ленин видел в этих мелкобуржуазных силах главного врага своего режима. Накануне утверждения плана первой пятилетки Сталин повторил формулировку Ленина, согласно которой мелкие производители являются последним капиталистическим классом. Он настаивал на том, что этот класс выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов постоянно и непрерывно. Нет никаких доказательств того, что Ленин и Сталин основывали свои суждения на серьёзном изучении политического положения мелких крестьянских землевладельцев при абсолютистской государственной власти. Псевдонаучные обвинения Сталина в 1928 году служили только подготовке советской бюрократии и советского народа к тотальной ликвидации частной крестьянской собственности. [Назад](#)

7.1.4. Даже когда владельцам частной торговой собственности позволено становиться богатыми, они политически несостоятельны

При определённых условиях представители деспотизма Востока находили экономически целесообразным предоставлять выполнение основной части торговых операций частным предпринимателям. Когда это случалось,

некоторые купцы сказочно богатели, а кое-кто из них занимал видное социальное положение.

Мы не исключаем возможности того, что крупные купцы как социальная группа могли участвовать в работе деспотических правительств, но имеющиеся у нас доказательства не подтверждают документально такое развитие событий в качестве важного признака какого-либо крупного полусложного или сложного гидравлического общества. В Вавилонии, в буддистской Индии, в Месоамерике до её завоевания конкистадорами, на исламском Ближнем Востоке и в имперском Китае владельцы крупной купеческой собственности оставались политически несостоятельными, даже если и использовали свою собственность в крупномасштабных операциях.

7.1.5. Проблемы богатства в рамках правящего класса

В рамках правящего класса возникают проблемы собственности совсем иного рода. В простых гидравлических обществах почти весь избыток народной продукции присваивается правителем и служащими ему людьми. И даже когда промежуточным социальным группам, таким как купцы, разрешается получать значительную прибыль от своих сделок, правящий класс продолжает монопольно распоряжаться большей частью богатства страны. Придворные и чиновники могут получать свою долю этого богатства либо в качестве доходов от выделенных (должностных или льготных) земель, либо в качестве платы (в натуральной форме или деньгами). В обоих случаях доход основывается на возможности правительства контролировать землю и облагать налогом людей. И в обоих случаях он становится частной (бюрократической) собственностью. Получатели дохода могут использовать его полностью для потребления или же оставить какую-то часть в качестве сбережений или инвестиций. Оба вида пользования порождают проблему бюрократического гедонизма, второй вид - дополнительную проблему крупного бюрократического землевладения и бюрократического капитализма.

7.1.5.a. Бюрократический гедонизм

Бюрократический гедонизм может быть определён как использование богатства, не вызывающее зависти высших чиновников или сильного возмущения деспота. Такой гедонизм может дополняться возможностями сбережения и инвестирования. Хотя представители правящего класса в целом стремятся наслаждаться своей собственностью настолько долго, насколько приятным

является наслаждение, при различных обстоятельствах они выражают это желание по-разному. Но желание весело тратить средства и хорошо жить преобладает везде, даже в тех сложных гидравлических обществах, где возможность быть собственником земли поощряет экономию и бережливость^c. Часто бюрократическое жизнелюбие эффектно демонстрируется, особенно среди высокопоставленных и находящихся под постоянной угрозой чиновников, таких как визири, канцлеры или премьер-министры.

^c Удовольствия бюрократического потребления в позднем имперском Китае были изображены с мельчайшими подробностями в таких романах, как 'Сон в красном тереме'. [Назад](#)

7.1.5.b. Крупное бюрократическое землевладение и бюрократический капитализм

Даже сильно любящий роскошь чиновник обычно пытается сохранить часть своего дохода. Ведь он не может быть чиновником вечно, его семье всегда необходимо питаться, а его детей нужно будет обучить для достижения наиболее желательной цели: правительственной карьеры. Таким образом, вдумчивый чиновник зарывает в землю изделия из драгоценных металлов и камней. Или поступает лучше, превращая некоторую часть своей пассивной частной собственности в собственность активную. Он покупает землю для сдачи в аренду и/или с выгодой использует свои средства как правительственный подрядчик (особенно как сборщик налогов), как ростовщик или как партнёр в частном коммерческом предприятии. На базе своей бюрократической собственности он становится крупным бюрократическим землевладельцем и/или бюрократическим капиталистом.

Конечно, есть и другие люди, которые также являются крупными землевладельцами. Там, где землю можно свободно отчуждать, мелкие собственники стремятся приобрести её. И при таких условиях также могут существовать небюрократические капиталисты. Но так как обладающий исключительным могуществом государственный аппарат превосходит все другие силы гидравлического общества в накоплении земледельческих и неземледельческих доходов, чиновники явно фигурируют в качестве откупщиков налогов, а там, где землю можно покупать, и в качестве собственников земли.

В имперском Китае преобладание частной земельной собственности позволяло чиновникам вкладывать в неё значительную часть своих доходов. Недавнее исследование чиновничества и бюрократического дворянства в Китае в XIX

веке показало, что в конце правления династии Цин действительные и бывшие чиновники, обладатели официальных титулов, а также обладатели высоких аттестационных степеней совместно получали земельную ренту в размере 165 миллионов таэлей ежегодно и около 81,5 миллионов таэлей от предпринимательской деятельности. В то же время все обладатели более низких аттестационных степеней совместно получали около 55 миллионов от первого источника доходов и 40 миллионов от второго^d. Эти данные выявляют то, что намного большая часть доходов чиновников-учёных с ренты поступала в верхний эшелон этой социальной группы, который был преимущественно бюрократическим (численность действительных и бывших чиновников вместе с квазичиновниками превосходила численность обладателей высоких аттестационных степеней в отношении три к одному)^e.

При деспотизме Востока, как и при западном (Occidental) деспотизме, сферы крупного землевладения и чиновничества накладываются друг на друга. Но внешне схожие структуры глубоко отличаются по своей институциональной сущности. В обществе Востока крупные бюрократические землевладельцы получали свою политическую власть главным образом от абсолютистского правительства, в работе которого они сами или их занимавшие должности родственники принимали активное участие. Только в качестве чиновников представители агробюрократического дворянства были организованными в политическом плане. Крупные знатные землевладельцы постфеодальной Европы или Японии не обязательно занимали государственные должности. И им не были нужны правительственные жалованья для периодического восстановления своей земельной собственности, так как их поместья оставались нетронутыми благодаря праву первородства и майорату.

Земли бюрократического (Восточного) дворянства могли способствовать государственной карьере некоторых дворян и тем самым давали новую возможность получить власть, но по существу эти земли были собственностью для доходов. С другой стороны, земли феодального (западного, Occidental) дворянства были причиной сохранения организованной политической власти, независимой от государственной власти, а порой открыто конфликтующей с ней. До известной степени несхожая с гидравлической собственностью (бюрократической и любой другой), феодальная собственность была в значительной степени собственностью для власти, дополнительно являясь землёй для доходов.

^d Эти и многие другие проливающие свет данные были взяты из всестороннего исследования китайского дворянства в XIX веке доктором Чанг Чунг-Ли (университет штата Вашингтон, Сиэтл), который великодушно разрешил включить их в настоящую работу. Чиновники и обладатели аттестационных степеней рассматриваются как один класс, потому что во время последнего периода имперского Китая они составляли общественную группу, шэньши (см.

ниже, гл. 8). Их доход от предпринимательской деятельности являлся главным образом результатом инвестиций в национальные банки, ломбарды и торговлю солью. Исследование доктора Чанга показывает, что шэньши, привилегированная группа с управленческими возможностями и обязанностями, получали в совокупности от занятий государственными, профессиональными и дворянскими делами больший доход, чем с ренты или от торговой деятельности. [Назад](#)

^e До Тайпинского восстания чиновники, офицеры и владельцы официальных титулов вместе составляли 67 процентов верхнего эшелона, после Тайпинского периода эта цифра увеличилась до 75 процентов. [Назад](#)

7.1.6. Выводы, приводящие к новым вопросам

7.1.6.a. Гидравлическая собственность: собственность для дохода по сравнению с собственностью для власти

Является ли гидравлическая собственность крупной или малой, принадлежит ли она или не принадлежит представителю правящего класса, она обеспечивает материальные преимущества. Но это не позволяет её владельцам контролировать государственную власть посредством опирающихся на право собственности организаций и их деятельности. Во всех случаях она является не собственностью для власти, а собственностью для дохода.

7.1.6.b. Важность - и границы - частной собственности для ключевых классовых различий внутри гидравлического общества

Это не означает отрицание важности собственности в установлении социальных (классовых) различий. Возникновение опирающихся на право собственности ремесленного производства и торговли и распространение частной земельной собственности приводит к появлению новых социальных элементов, групп и классов. Таким образом, не только разумно, но и необходимо показать, каким образом модели социальной дифференциации взаимосвязаны с моделями частной собственности.

Однако совершенно очевидно, что в гидравлическом обществе проблема социальной дифференциации включает в себя нечто большее, чем вопрос

наличия частной собственности или её пределов. Однажды возникшее, бюрократическое богатство является частной собственностью, но оно порождается государственной собственностью и коренится в ней, а его внутрибюрократическое распределение базируется на политических условиях, которые не могут быть объяснены терминами частной собственности.

Глава 8. Классы в гидравлическом обществе

8.А. Необходимость в новой социологии классов

Современный институциональный анализ возник в обществе, которое было окончательно сформировано в условиях собственности. Следовательно, первые исследователи современной социологии классов видели основные сегменты (слои населения) общества как определяемые главным образом основными типами частной собственности и соответствующими типами доходов. Согласно Адаму Смиту, вся годовая продукция земли и труда каждой страны, естественно, разделяется на три части: ренту с земли, заработную плату трудящихся и прибыль с капитала - и составляет доход трёх различных слоёв населения: тех, кто живут на ренту, тех, кто живут на заработную плату, и тех, кто живут на прибыль с капитала. Это - три больших первоначальных составных слоя каждого цивилизованного общества, от дохода которых в конечном счёте получается доход всякого другого слоя населения. Представители правительства до некоторой степени содержатся за счёт государственной прибыли с капитала и государственных земель, но большая часть их расходов покрывается за счёт трёх основных слоёв населения, которые платят часть из своих доходов государству в форме налогов.

Согласно этой точке зрения, представители правительства составляют не один из основных слоёв общества, а один из второстепенных и производных слоёв. И всякий раз, когда возникают конфликты по поводу собственности, гражданское правительство становится оружием имущих классов против экономически непривилегированных групп. Снова обратимся к Смиту: 'Гражданское правительство, поскольку оно учреждено для защиты собственности, в действительности учреждено для защиты богатых от бедных или тех, кто имеют какую-либо собственность, от тех, кто не имеют её совсем'^a.

Это утверждение, которое было написано в период необузданных собственнических привилегий, представляет собой грубую экономическую интерпретацию государства. Оно не учитывает власть как независимый определяющий фактор класса или социально-экономическую значимость государства в гидравлических цивилизациях, с которыми был знаком Смит^b.

Преемники Смита определяли особенность азиатского общества более чётко, но они тоже рассматривали 'Азию' в качестве остаточной категории в социально-экономической системе, в которой частная собственность и получаемые от неё доходы считались решающими факторами формирования класса.

Несмотря на очевидные недостатки, собственническая концепция классов значительно стимулировала социальные науки вплоть до начала XX века. Без сомнения, эта концепция имеет важное значение для понимания обществ, в которых господствует прочная независимая частная собственность, и также является по-прежнему важной для понимания некоторых второстепенных аспектов обществ, основанных на власти. Но её безоговорочное применение к формациям первого типа является недостаточным. А её использование в качестве основного способа для объяснения формаций второго типа является совершенно неадекватным.

Рост больших правительств во многих современных промышленных странах и расцвет тоталитарных государств в СССР и Германии позволяют нам рассматривать государственную власть как значительный определяющий фактор классовой структуры и в наше время, и в прошлом. Это также позволяет нам более чётко, чем раньше, увидеть важность власти в становлении правящего класса в гидравлическом обществе.

^a Смит дополняет это заявление цитатой из своих 'Лекций': 'Пока есть собственность, не может быть ни одного правительства, конечной целью которого не являлось бы обеспечение безопасности богатства и защита богатых от бедных'. Он дополнительно ссылается на 'Гражданское правление' Локка: 'Правительство не имеет никакой другой цели, кроме защиты собственности'. [Назад](#)

^b В ряде случаев Смит пытается устранить несоответствие, ограничивая свою схему 'цивилизованными' обществами. Но он не делает никаких попыток, чтобы создать концепцию класса, которая адекватно отражала бы конкретное положение государства и его представителей в восточном (Eastern) или в западном мире. [Назад](#)

8.В. Классовая структура в гидравлическом обществе

8.В.1. Ключевой критерий: отношение к государственному аппарату

Первые исследователи основанной на праве собственности социологии класса рассматривали азиатское государство как гигантского собственника земли. Действительно в большинстве гидравлических обществ основная часть всей обрабатываемой земли является регулируемой; и хотя принадлежащее государству имущественное право на регулируемые поля скрыто за фасадом, казалось бы, самоуправляемой сельской общины, оно действует негативно, когда правительство препятствует покупке этих полей посторонними лицами, и позитивно, когда правительство выделяет или продаёт землю (или деревни) по собственному желанию. Однако классическая формулировка, безусловно, неудовлетворительна по крайней мере в одном отношении: государство ведёт надзор за ирригационной водой, которая в гидравлических обществах является основным фактором производства.

Является ли деспотическое государство собственником больших скоплений воды? Такое требование выдвигалось во многих, но не во всех гидравлических цивилизациях. Я предпочитаю рассматривать государство как орган, который контролирует крупные водные ресурсы страны, но не является их собственником.

Такой же подход может быть принят и в отношении земли. Некоторые гидравлические государства, такие как имперский Китай, допускали преобладание частной земли в течение длительного периода времени, и в этом случае государство ограничивало имущественное положение собственников с помощью обременительного налогообложения, директив относительно того, какие сельскохозяйственные культуры следует выращивать, и фрагментирующего закона наследования. Таким образом, гидравлическое государство, которое часто было собственником основной части всех обрабатываемых земель, обычно сохраняло земельную собственность слабой. Такое положение дел тоже лучше всего рассматривать как один из видов контроля.

В гидравлическом обществе первое крупное деление на слой высших привилегированных людей и слой низших непривилегированных людей происходит одновременно с ростом непомерно сильного государственного аппарата. Элита и бенефициары этого государства, правители, составляют класс, отличный от массы простых людей и находящийся на социальной лестнице выше этих людей, которые, хотя и являются лично свободными, не наделены привилегиями власти. Представители государственного аппарата являются правящим классом в самом недвусмысленном значении этого понятия, а остальная часть населения составляет второй основной класс, управляемый^a.

Внутри правящего класса разные люди и группы сильно различаются по своим возможностям принимать решения и работать с подчинёнными. В гражданской администрации, как и в армии, основные директивы принимаются на самом высоком уровне. Но, опять же, как и в армии, второстепенные решения принимаются людьми на среднем уровне. А решения, связанные с

непосредственным исполнением распоряжений и постановлений, принимаются низшими чиновниками и рядовыми служащими иерархии власти. Такие решения могут быть незначительными с точки зрения начальника, но они часто являются жизненно важными для простых людей, на судьбу которых они влияют.

Аналогия между низшими слоями аппаратной иерархии и мелкими предпринимателями капиталистического общества очевидна. Мелкий капиталист оказывает незначительное влияние на условия поставок, сбыта или финансирования, за исключением случаев, когда он объединяется с другими мелкими капиталистами, но, объединяясь с ними или нет, он обычно может выбирать, где и что он хочет покупать и/или производить. На самом деле он принимает много мелких решений относительно мелких дел, которые являются его сферой деятельности. Аналогичным образом средние и даже низшие чиновники в гидравлическом обществе являются, как и высокопоставленные руководители, частью аппарата власти и в соответствующей степени тоже пользуются преимуществами, которые получают в основном от неограниченного влияния режима.

С точки зрения дохода низших членов аппаратной иерархии можно сравнить с сотрудниками капиталистического предприятия, которые не получают ничего от того избытка продукции, в создании которого они участвуют. Поэтому в рамках основанной на праве собственности социологии класса их следует рассматривать как простых людей, а не как членов высшего класса. Однако такой подход не отражает человеческие отношения, которые обычно особым образом характеризуют процессы бюрократического строя. Эти процессы делают самых низких представителей аппаратного государства участниками применения тотальной власти. В отличие от служащих торгового или промышленного предприятия, которые работают при рыночных условиях, предполагающих взаимные уступки, а следовательно, некоторое официальное равенство, даже самые мелкие представители аппарата работают на основе принуждения, то есть в условиях некоторого официального неравенства. Их положение в иерархии власти обеспечивает всех чиновников определённым социально-политическим статусом, а кое-кого из низших чиновников - особыми возможностями личного обогащения. Как представители деспотического государства даже самые низшие чиновники пробуждают в простых людях смесь подозрительности и страха. Поэтому они занимают социальную позицию, которая с точки зрения власти, престижа, а иногда и доходности помещает их вне массы управляемых людей и выше этой массы.

Население завоёванной страны рассматривает оккупационную армию как единое целое, хорошо зная, что власть рядовых солдат крайне ограничена. Так же и подданные гидравлического деспотизма видят в представителях аппарата единое целое, даже если ясно, что отдельные представители очень различаются по силе, богатству и социальному статусу.

^a Макс Вебер обратил внимание на тот факт, что в условиях высшей бюрократической власти вся масса населения низводится до уровня управляемых, которые видят себя противостоящими бюрократически стратифицированной правящей группе, которая на самом деле - и даже официально - может всецело занимать самодержавную позицию. [Назад](#)

8.В.2. Разнородная обусловленность социальных групп

Правящий класс подвергается дифференциации с самых ранних времён гидравлических цивилизаций. Управляемый класс обычно не дифференцирован в простых гидравлических обществах. Но в полусложных и сложных гидравлических обществах он всегда подвергается дифференциации.

Группы двух классов обусловлены по-разному. Внутри правящего класса положение в иерархии власти является основным определяющим фактором, а богатство, хотя иногда и значительное, остаётся второстепенным. Внутри управляемого класса типы и объём активной собственности являются основными определяющими факторами социального статуса, в то время как различия в отношениях с правительством в этом аполитичном мире имеют тенденцию к тому, чтобы играть незначительную роль или вообще не играть никакой роли.

8.С. Правящие

8.С.1. Представители аппарата

8.С.1.а. Базовая вертикальная структура

Правящий класс гидравлического общества прежде всего олицетворяют представители аппарата, его активное ядро. Практически во всех гидравлических странах этих людей возглавляет правитель, который имеет личную свиту (свой двор) и посредством корпуса ранжированных чиновников контролирует своих многочисленных гражданских и военных мелких

чиновников и руководит ими. Эта иерархия, которая включает в себя государя, ранжированных чиновников и мелких чиновников, является базовой для всех по-Восточному деспотических режимов. Горизонтальный рост, который имеет место при определённых условиях, усложняет базовую вертикальную структуру.

8.С.1.а.і. Правитель и двор

Произвольная жестокость деспота и его столь же произвольное великодушие являются основной мыслью многих документальных свидетельств. Его произвольная жестокость демонстрирует то, что, с учётом очевидных физических и культурных ограничений, он может возвысить или погубить любого, если того захочет. Его произвольное великодушие демонстрирует то, что, с учётом очевидных экономических ограничений, он может делать расточительные траты, не будучи ограниченным каким-либо конституционным органом. Пресловутое очарование дворов правителей Востока является лишь экономическим выражением деспотического контроля правителя над его подданными.

В своём лице правитель сочетает высшее управленческое влияние и множество магических и мифических символов, которые выражают устрашающие (и якобы полезные) свойства аппарата власти, который он возглавляет. Из-за незрелости, слабости или некомпетентности он может разделить своё управленческое превосходство с помощником: регентом, визирем, канцлером или премьер-министром. Но получившая возвышение власть этих людей обычно не длится долго. Она редко оказывает влияние на символическое значение верховной власти. И она сходит на нет, как только правитель становится достаточно сильным, чтобы реализовывать присущий его положению самодержавный потенциал.

Исключительная значимость прихотей и поступков правителя придаёт исключительную значимость лицам, которые могут повлиять на него. В дополнение к визирю, а иногда и превосходя визиря, наилучшими возможностями влиять на правителя обладают люди его личного окружения: его жёны и наложницы, его кровные родственники и родственники по браку, его придворные, слуги и фавориты. В условиях деспотического самодержавия любой из них может временно и без разумных причин получить в свои руки чрезмерную власть.

8.С.1.а.іі. Ранжированные чиновники

Говоря о чиновниках, мы имеем в виду лиц, которые назначены выполнять определённого типа правительственные задания. У оседлых народов физическое выполнение регулярных служебных обязанностей, связанных с такими заданиями, обычно постоянно сосредоточивается в 'кабинетах' или 'бюро'. И обычно владелец такого кабинета ведёт учёт своих дел.

С лингвистической точки зрения слово 'бюрократия' является уродством. Но важность некоторых его коннотаций сделало это слово популярным, несмотря на неодобрение пуристов. С семантической точки зрения бюрократ является человеком, который 'управляет посредством бюро'. В определённом смысле этот термин также применяется к любому чиновнику, который использует секретарские приёмы (канцелярщину), чтобы задержать работу, набить себе цену или бездельничать на работе. Когда Сталин критиковал бюрократию, он делал особый акцент на бюрократии и канцелярщине, то есть чиновниках, которые довольствуются пустословием о руководстве вообще, неисправимых бюрократах и бездельниках.

Конечно, бюрократические бездельники могут вызывать раздражение и быть вредными, и от них страдают даже правительства, служащие обществу и контролируемые им. Но бюрократия становится действительно опасной только тогда, когда её канцелярии представляют собой организационные центры беспощадной тотальной власти. По этой причине усилия Сталина скрыть бюрократического Франкенштейна Советского режима за полушутливым фасадом неэффективных бездельников являются не более чем неуклюжей попыткой тоталитарного мифотворчества.

Ранжированные чиновники включают в себя гражданских и военных должностных лиц с официально признанным статусом. Они не включают в себя мелких бюрократических чиновников. Гражданские чиновники очень похожи на своих военных коллег в том, что обе категории могут отдавать распоряжения и способны выполнять ограниченные промежуточные решения; обе категории являются частями центрально управляемых органов; обе категории безоговорочно (и обычно посвящая этому всё своё время) служат своему правителю; обе категории пользуются поддержкой правительства, получая либо заработную плату, либо доходы, которые им приносят выделяемых государством должностные земли.

Армия, по существу, является инструментом принуждения и как таковая не обязана быть бюрократическим институтом. Но руководство централизованно управляемыми армиями Восточного типа предполагает значительное организационное планирование, которое в цивилизациях, где применяется грамота, обычно осуществляется посредством множества бюро. Многие офицеры являются и воинами, и администраторами; но часто военные чиновники функционально отделены от бюрократических чиновников (военные канцеляристы, *Militärbeamte*). В любом случае эти офицеры являются не

феодалными рыцарями, а правительственными служащими, в этом качестве являясь частью ранжированного чиновничества.

8.С.1.а.iii. Мелкие чиновники

Мелкие чиновники бюрократической иерархии являются либо писцами, либо неквалифицированными помощниками. Писцы ответственны за основную часть всей секретарской работы двора, центрального правительства и провинциальных и местных служб. Неквалифицированные помощники исполняют обязанности привратников, посыльных, слуг, тюремщиков и - в полувоенной роли - блюстителей порядка.

Во всех значительных агробюрократических деспотиях было много мелких чиновников. В течение последнего периода имперского Китая около 40 000 ранжированных (гражданских) чиновников имели в своём распоряжении более 1 200 000 конторских служащих и более 500 000 посыльных, то есть всего более 1 700 000 мелких чиновников или чуть более сорока мелких чиновников на одного ранжированного чиновника.

8.С.1.б. Горизонтальный рост

Бюрократическая сеть может охватывать большие территории. Но пока центральное правительство назначает большую часть ранжированных чиновников и руководит провинциальными бюро, никаких особых проблем горизонтальной власти не возникает, даже когда региональным чиновникам из-за расстояний или политической целесообразности предоставляется относительная свобода для ведения своих дел.

Макс Вебер был поражён той относительной свободой, с которой центральное правительство имперского Китая контролировало провинциальную бюрократию, и действительно, в соответствии с законом убывающей административной отдачи, региональным и местным чиновникам была предоставлена значительная свобода при принятии решений в вопросах, касавшихся частных дел. Но, как признавал сам себе Вебер, центральное правительство назначало и перемещало этих чиновников по собственному желанию, и это определяло характерные особенности их деятельности.

Конечно, время от времени династическая власть приходила в упадок, и когда внутренний кризис бывал серьёзным, чиновники, занимавшие высокие посты в

провинции, временно становились полуавтономными или даже автономными хозяевами областей, которыми они руководили. Но, исключая периоды распада власти, самые выдающиеся провинциальные сановники были всего лишь видными представителями централизованно учреждённой и централизованно манипулируемой ранжированной бюрократии.

8.С.1.в.и. Сатрапы

Персидская империя в эпоху правления династии Ахеменидов отличалась от Китайской империи и по своему возникновению, и по своему устройству. Объединение Китая было подготовлено веками институционального роста, и центральные области китайской культуры были достаточно населёнными и мощными для того, чтобы относительно легко осуществлять своё господство над окраинными и колонизированными регионами. Наоборот, одно поколение персов установило своё правление в четырёх крупных странах, лежавших за пределами их родины, и каждая из этих стран имела вполне определённую культуру: Мидия (549 год до нашей эры), Лидия (546 год до нашей эры), Вавилония (538 год до нашей эры) и Египет (525 год до нашей эры). Персы упразднили правившие фамилии во всех четырёх регионах и, кроме того, изменили политическую карту, вырезая представителей этих фамилий в ряде провинций, каждой из которых управлял сатрап.

Неоднородность и масштабы их новых приобретений вынудили персидских завоевателей наделить своих сатрапов исключительной свободой при решении политических вопросов. Сатрап мог занимать свой пост в течение длительного периода, а иногда преемником мог стать его сын. Более того, он назначал подчинённых ему сатрапов (полусатрапов), а также, возможно, местных чиновников, которые обычно являлись коренными жителями. Он содержал наёмные войска и свою личную охрану. Он командовал набором рекрутов для народного ополчения на своей территории. Он управлял сбором налогов со своих провинций. Он поддерживал дипломатические отношения с соседними государствами. И он мог организовывать военный поход против соседней страны, однако обычно это делалось с разрешения Великого царя. Окружённый своим двором, он управлял с царской роскошью. Этот квазимонархический статус сатрапа активно поощрялся персидским государем, который, видимо, считал это очень хорошим способом поддерживать свой престиж в отдалённых регионах.

И всё же в некоторых важных аспектах Великий царь осуществлял строгий контроль над своими сатрапами. Совершенно очевидно, что он был господином, а сатрап был служившим человеком, который ему полностью подчиняться. Центральная система связи и тайных донесений, инспекции столичных чиновников и присутствие персидских гарнизонов в стратегически важных

точках мешали сатрапу достигнуть военной или финансовой независимости. Сатрапии облагались налогами согласно централизованно разработанным принципам и определённым обязательствам перед столицей. Доходы от этого налогообложения ежегодно отправлялись сатрапами в Сузы, где оставшиеся после оплаты ежегодных расходов излишки пополняли казну царя в качестве резервного фонда.

Великий царь считал своих сатрапов не феодалными вассалами, а высокопоставленными удельными наместниками. Царь был господином всех своих подданных, а сатрап - его представителем, они могли произвольно вмешиваться в дела повсюду, где хотели, а не только там, где вмешательства требовали интересы царства.

Таким образом, Персидская империя была бюрократическим государством (канцелярским государством, ein Beamtenstaat), и административная и военная свобода действий сатрапа не разрушала основную структуру бюрократической иерархии, частью которой являлся сам сатрап.

8.C.1.b.ii. Подчинённые князья, кураки, раджи

Сатрап мог быть коренным жителем региона, который находился в его юрисдикции. Но это было не типично. Только в Киликии Великий царь разрешил представителю ранее правившей фамилии стать губернатором заново провозглашённой провинции. Князья, добровольно принимавшие персидское владычество, обычно продолжали править как вассалы. Подобно сатрапам и полусатрапам, они обязаны были нести военную службу у Великого царя и платить ему дань, но они, предположительно, пользовались большей политической и культурной свободой, чем многие другие местные правители, оказавшиеся под властью могущественных гидравлических империй.

Основатели империи Инков позволяли вождям, сдавшимся им добровольно, занимать посты чиновников, но эти кураки подчинялись правителям инков^a. Кроме того, святыни высших божеств покорённых регионов перевозили в Куско, а новым подданным навязывались основные особенности религии инков. Пока видимость местного правления сохранялась хоть в какой-то мере, кураки являлись неотъемлемой частью имперского чиновничества, используемой для всех практических целей^b.

В мусульманской Индии некоторые местные вожди и правители (раи, gāīs, раджи) тоже, пусть и с некоторым отличием, входили в правящую элиту. Радже было разрешено сохранять многие второстепенные признаки его прежней власти, если он приносил клятву безоговорочного политического (и финансового) повиновения своему новому повелителю. Морленд писал, что

занимаемое вождём положение зависело от его лояльности, а это прежде всего означало своевременную выплату дани. Раджи были более или менее свободными в том, чтобы определять, каким образом на их территориях следовало собирать дань. В эпоху правления Акбара шесть старейших провинций, которые составляли ядро империи, были почти полностью в ведении центрального правительства, тогда как отдалённые провинции являли собой смешанную картину, причём одни возглавляли назначенные центром чиновники, а другие - раджи.

Персидские сатрапы, кураки инков и раджи мусульманской Индии составляют ряд примеров в иерархии политического подчинения. Отношения между сатрапом или куракой и его государем определённо не были договорными; по существу, как и формально, правитель требовал тотального повиновения. Положение некоторых раджей учитывало элементы договорного соглашения; но выражалось это скорее фактически, чем формально. Только в сфере наименее закреплённых за ними обязанностей деспотический повелитель под видом общих целей допускал квазидоговорные отношения.

Очевидно отличие от феодальных моделей подчинения. При феодальном режиме договорные отношения имеют важное значение, это характеризует суть феодального строя. При гидравлическом деспотизме отношения тотального подчинения характеризуют суть бюрократической системы, эти отношения также преобладают при горизонтальном росте этой системы. Только при слабо зависимой периферии квазидоговорные (квазифеодальные) признаки создают видимость таких отношений.

Социология гидравлического деспотизма показывает существенные различия между обычным представителем централизованно управляемой бюрократии и сатрапом (или куракой), а также между последними и раджей или слабо зависимым союзником. Во всех случаях определяющей силой является аграрное аппаратное государство, но степень функциональной зависимости создаёт важные подгруппы в системе деспотической власти.

^a Обычно их сыновей брали в качестве заложников в Куско, где обучали образу жизни инков. [Назад](#)

^b Они возглавляли отряды барщинных работников численностью 10 000, 5000, 1000 или 500 человек. Возглавлявшие отряды численностью 100 человек были, очевидно, самыми низшими чиновниками. Как и более высокие чиновники, они могли принимать ритуальное участие в общинном земледелии, но главным образом они контролировали тех, кто возглавляли отряды численностью 10 человек и работали с крестьянами в качестве бригадиров, а также руководили ими. [Назад](#)

8.С.1.б.iii. Градации власти в современных тоталитарных государствах

Аналитикам современных промышленных аппаратных государств в равной степени интересны различия между чиновниками тоталитарных центров и главами стран-сателлитов. В этих случаях также важно признать и высшую роль метрополии, и структурные дифференциации, которые характеризуют их горизонтальный рост^с. Также важно признать тенденцию к усилению порабощения в периоды империалистического роста и империалистической согласованности. Вчерашние квазинезависимые союзники могут оказаться зависимыми союзниками сегодня и сателлитами, сатрапами или обычными чиновниками завтра.

В гидравлическом обществе эта тенденция имеет свой аналог при регрессивных процессах, которые в конечном итоге могут привести к замене единого деспотического режима несколькими подобными системами. Фараонский Египет временно распался на ряд квазинезависимых территорий, Китай после правления династии Тан подвергся ещё более серьёзному расчленению. Но в обоих случаях новые политические единицы сохранили деспотические методы управления государством, а термин 'феодальный', который с некоторой художественной вольностью может применяться к отношениям между ослабленным центром и его крупными субрегионами, полностью недопустим для характеристики субрегионов, которые в действительности являются не чем иным, как обособленными уменьшенными копиями крупной деспотической модели.

Механизм управления современных аппаратных государств делает такое разделение крайне сложным, так как деспотическая метрополия существует сама по себе. Отступничество Югославии Тито стало возможным благодаря исключительным геовоенным обстоятельствам. Очевидно, что горизонтальный рост современного аппаратного государства не идентичен подчинению территорий сатрапов, раджей или зависимых союзников в гидравлическом обществе, хотя и выявляет поучительные параллели.

^с В 1921 году Сталин характеризовал горизонтальные градации в недавно созданном СССР следующим образом: 'Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан), и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), - целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации как общей формы государственного союза советских республик'. Сталин считал это якобы добровольное объединение переходным шагом на пути к будущему высшему единству, и в

самом деле, насколько это касалось тогдашних автономных и независимых республик, он и его соратники успешно работали над достижением этого: 'Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранён и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится всё более и более осязательной'. [Назад](#)

8.С.2. Подклассы, связанные с представителями аппарата

Манипуляторы деспотического государственного аппарата являются ядром господствующего класса, но не господствующим классом в целом. Необходимо учитывать биосоциальное дополнение - родственников по крови и по браку, а часто и функциональное дополнение - людей, которые имеют полу-, квази- или преофициальный статус.

8.С.2.а. Связи, основанные на родстве

8.С.2.а.і. Правящая фамилия

Полигамия была официально признанным социальным институтом в подавляющем большинстве гидравлических обществ^d, и по понятным причинам государь имел уникальные возможности пользоваться этим. Его многочисленные родственники (по крови или по браку) обычно обладали высоким социальным статусом и также пользовались значительными материальными преимуществами. От целого ряда обстоятельств зависело, привлекал ли их деспот к работе в правительстве и в какой роли. Но когда их привлекали, у них был отличный шанс занять видное влиятельное положение.

В империи Инков потомки государей по мужской линии объединялись в айлью, число которых увеличивалось с укреплением династии. Члены этих айлью формировали полезный придворный круг образованных мужчин, обученных имперской идеологии и заинтересованных в её сохранении. Когда предоставлялась возможность, императоры выбрали своих высших руководителей из этой группы.

У некоторых китайских династий, таких как Хань, семья супруги играла огромную политическую роль, и у династии завоевателей Ляо представители

Хсяо, клана супруги, несомненно, пользовались большим доверием, чем представители имперского клана Елюй. Но независимо от того, много или мало родственников государя по крови или по браку было в бюрократической иерархии, представители этих двух групп обычно являлись важной составляющей правящего класса.

^d Интересные исключения: христианская Византия и Россия.

Распространённость моногамии в Византии и России показывает, что эта форма брака, несмотря на ограничения, наложенные на правителей, тем не менее совместима с основными политическими, экономическими и социальными тенденциями деспотизма Востока. [Назад](#)

8.С.2.а.ii. Бюрократическое дворянство

На менее высоком уровне семьи ранжированных чиновников являются столь же важными. Как и родственники государя, хотя и не совсем по тем же причинам, представители слоя общества, который можно назвать 'бюрократическим дворянством', не обязательно несли службу. Одни были слишком молодыми, другие - слишком старыми, третьи - неумелыми, также среди них были женщины, а те, кто имели квалификацию, могли не найти государственную должность, во-первых, потому что обычно кандидатов было больше, чем вакансий, во-вторых, потому что некоторые из вакансий могли быть заняты не сыновьями чиновников, а посторонними лицами.

Масштабы и форма семейных владений являются важными дифференцирующими факторами. Пассивное движимое богатство (золото, драгоценности и т.д.) уменьшается быстрее, чем земельная собственность, которая, хотя и подвергается фрагментации из-за равного деления между наследниками, может оставаться неизменной в течение жизни владельца, если получаемая с неё рента достаточно велика, чтобы владелец мог содержать на неё себя и свою семью. Таким образом, гидравлические общества с сильно развитой частной земельной собственностью обеспечивают бюрократическое дворянство оптимальными, хотя и постепенно уменьшающимися, возможностями жить за счёт накопленного семейного богатства. Китайцы, говоря, что какая-нибудь семья может выйти из грязи в князи за три поколения и опуститься в грязь за следующие три, отлично изображают тенденцию уменьшения богатства, которая характеризует бюрократическое дворянство гидравлического общества, в отличие от феодального дворянства. Столь же важной является быстрота, с которой возврат на государственную службу может восстановить (или увеличить) благосостояние семьи. Несомненно, если представители обедневшей дворянской семьи служили в течение трёх

поколений, состояние семьи (и земельные владения) к концу третьего поколения бывало довольно значительным. Но часто одному представителю семьи, который нёс правительственную службу, даже в течение ограниченного времени удавалось восстановить семейную собственность. Лично я знаю один случай, когда в Китае такой трюк удался за три года работы в окружном суде.

О политической важности бюрократического дворянства свидетельствует тот факт, что представителям этой социальной группы часто предлагали выполнять вспомогательные административные, судебные и жреческие функции. В фараонском Египте выгодные места при храмовой службе часто давались детям знати. На судебных собраниях Вавилонии некоторые знатные люди занимали служебные должности, другие же участники собраний имели статус, схожий с дворянским.

Фик предполагает, что в буддийской Индии существовало 'дворянство земли', которое сформировала часть домовладельцев, гахапати. По его мнению, эти домовладельцы не были ни воинами (кшатриями), ни брахманами; скорее всего, они принадлежали к низшей землевладельческой знати или частично, но не полностью совпадали с ней. Трактровка Фиком статуса домовладельцев вызывает сомнения. Дютуа считает их представителями третьей касты, вайшьи^e. Тексты, которые перевёл Фик, ясно показывают, что домовладельцами могли быть брахманы; и это действительно соответствовало их обычному положению, когда, после завершения своего образования, они женились и создавали семьи.

Классификация Фика выглядит обоснованной в следующем: домовладелец не пользовался особыми привилегиями и, хотя главным образом жил за пределами своих земельных владений, обычно принадлежал к низшему дворянству, то есть к сегменту правящего класса, который был менее значимым, чем владевшие должностями кшатрии, брахманы или вайшьи. Но землю в дар в основном получали светские служащие и брахманы, и не служившие представители этих групп, безусловно, составляли бюрократическое или жреческое дворянство. Это было в том случае, когда они владели подаренной землёй наследственно или пожизненно, иного быть не могло.

В византийском Египте родственники видных чиновников, скорее всего, стремились занять должность, как только предоставлялась возможность. Продолжая жить в своих имениях, они выполняли множество полуофициальных функций в своих местностях.

Государство инков принимало сложные меры для содержания заслуженных сановников и других отличившихся лиц. Выделенные им земли также предназначались для пособий их потомкам. Это говорит о том, что, как и в других гидравлических цивилизациях, в обществе инков процветало многочисленное бюрократическое дворянство. В Мексике до её завоевания конкистадорами льготные земли также выделялись на длительное время, причём не только родственникам правившей фамилии, но и семьям ранжированных чиновников.

В Китае письменные свидетельства о людях, которые добились социального признания из-за бюрократического положения их семей, известны ещё со времён правления династии Чжоу, и по крайней мере со времён правления династии Тан родственники ранжированных чиновников пользовались законно установленными преимуществами с учётом степени родства. Таким образом, они представляли собой бюрократическое дворянство согласно нашему определению.

Несколько иным образом западные авторы применяют термин 'дворянство' к шэньши, носителям пояса, социальной группе, которая частично, но не полностью совпадала с бюрократическим дворянством настоящего исследования. Насколько нам известно, наименование 'шэньши' содержится только в официальных документах последних династий. Списки шэньши включали коренных жителей конкретного региона, которые были чиновниками в то время или прежде, а также лиц, которые ранее достигли учёной степени либо чаще всего благодаря экзаменам, либо за счёт покупки, но на тот момент не имели должности.

Экзаменационная система появилась в китайской истории относительно поздно; а классификация обладателей аттестационных степеней как социальной группы появилась ещё позднее. Но независимо от времени возникновения, бюрократическая ориентация шэньши ясна. Как указано выше, статус шэньши определялся отношением не к земельным владениям, а к правительственной службе^f. Верхние эшелоны иерархии шэньши состояли из настоящих или бывших чиновников и обладателей высоких аттестационных степеней, которые ожидали назначения на должность в ближайшее время. Гораздо более многочисленными были низшие шэньши, которые, обладая низшими аттестационными степенями, могли долго ждать назначения на должность. Тем не менее, подобно обладателям высоких аттестационных степеней, которые ещё не поступили на государственную службу, представители низших шэньши занимались всеми видами полуофициальной деятельности, такими как содействие местным общественным работам, местной обороне и мерам безопасности, управление организациями материальной помощи и социального обеспечения, а также сборами пожертвований и взносов для правительства^g. И они, конечно же, были всегда готовы занять правительственную должность, которая, в дополнение к открывающемуся пути к значительному политическому и социальному влиянию, была несравненно более полезной в материальном плане. Средний гражданский чиновник, имеющий должность, мог получать около 1700 таэлей за свою службу^h. Средний представитель низших шэньши, вероятно, имел годовой доход около 200 таэлей за дворянскую службу.

Для некоторых гидравлических обществ наше мнение о существовании бюрократического дворянства является всего лишь предположением, для других оно весьма убедительно. Но даже там, где документальные свидетельства скудны, наличие привилегированных членов правящей фамилии и столь же или чуть менее привилегированного бюрократического дворянства

кажется наглядным. Занимавшие должности чиновники стремились поделить преимущества своего социального положения со своими родственниками. И в пределах своих возможностей они, конечно, делали это.

^e В этот период касты, джати, уже существовали. Но джати, число которых позже увеличилось до нескольких тысяч, не идентичны четырём основным варнам: кшатриям, брахманам, вайшьям и шудрам. Использование слова 'варна' ('цвет') как обозначение для этого крупного деления восходит к временам создания 'Ригведы', то есть к периоду, когда арийцы, люди 'светлого цвета', покорили коренных дасью, людей 'тёмного цвета'. После этого периода термин 'варна' обозначал социальный слой независимо от действительного различия цвета кожи или просто класс или слой общества. Смит вслед за Шамашастри предлагает эти термины или некоторое эквивалентное понятие. Правила каст, джати, которые наиболее явно регламентировали питание и брак, с возрастающей косностью формировали четыре слоя общества, из которых, однако, только брахманы сохранились повсюду в Индии вплоть до современности. Четыре оригинальные касты не существовали никогда и нигде, и в настоящее время термины 'кшатрии', 'вайшьи' и 'шудры' не имеют точного значения как классификация существующих каст. На севере Индии названия 'вайшья' и 'шудра' не используются, за исключением книг, в которых описаны споры по вопросам кастового старшинства. На юге все индусы, не являющиеся брахманами, попадают под определение 'шудры', в то время как наименования 'кшатрии' и 'вайшьи' практически неизвестны. Сплочение, социальный подъём и сохранение касты брахманов в индуистской и мусульманской Индии является одним из важнейших аспектов долгой и сложной истории индийского общества. [Назад](#)

^f В анализе китайского дворянства, опубликованном в 1946 году, Х. Т. Фэй подчёркивал и имущественный, и бюрократический аспекты дворянства, но его формулировка второго пункта остаётся несколько расплывчатой: 'Пока один из членов семьи крупного землевладельца не становился представителем *чиновничества или группы учёных*, их положение в дворянской среде не было прочным' (курсив мой). В 1948 году в книге, которую он написал до перехода в коммунистический лагерь, Фэй, определяя дворянство, упоминает об их связях с правительственной службой *перед тем*, как они становились землевладельцами: 'Дворяне могли быть вернувшимися со службы чиновниками, родственниками чиновников или просто имевшими образование собственниками земли'. Чтобы в полной мере оценить заявление Фэя, следует помнить, что он резко отвергал любую идею крупного самовоспроизводящегося землевладения в Китае. Закон наследования разрушал даже крупные владения, и главным способом приобретения земли традиционно была правительственная служба. Это означает, что большая часть крупных собственников земли в Китае, и особенно важные и имевшие образование крупные собственники земли, были

крупными бюрократическими землевладельцами, то есть типичными представителями бюрократического дворянства.

Эберхард в недавно сделанном определении китайского дворянства прежде всего упоминает их земельную собственность; он снова обращается к имущественному аспекту, особенно когда описывает дворянский класс как объединение 'собственников земли, учёных и политиков *в один и тот же класс*', где обычным было то, что 'представители всех трёх видов деятельности происходили *из одной семьи*' (курсив в оригинале). Эберхард не считает себя квалифицированным для того, чтобы писать о Египте, Месопотамии и Индии, и он не учитывает идеи Рюстова об эллинистическо-Восточном султанате и бюрократическом государственном рабстве поздней Римской империи. Не имея важнейших средств для сравнительного изучения Восточного правительства и Восточной собственности, он остаётся в неведении относительно уникального характера (и прочности) первого и уникального характера (и слабости) второй. [Назад](#)

^g Некоторые из этих задач, такие как строительство и ремонт местных дорог, ирригационных каналов и речных дамб, сбор пожертвований и взносов для правительства, относятся к промежуточному типу работ, которыми в гидравлическом обществе иногда занимались бюрократы, а иногда частные лица. Эти частные лица в основном были представителями бюрократического правящего класса, и их работа носила полуофициальный характер, когда подкреплялась правительственным влиянием при сборе средств и мобилизации людей. [Назад](#)

^h Эти оценки были сделаны на основании данных, имеющихся в работе Чанга. [Назад](#)

8.С.2.а.iii. Родственники низших гражданских чиновников и рядовых солдат

Есть ещё родственники низших гражданских чиновников и рядовых солдат. О повседневной жизни этой многочисленной социальной группы мы знаем мало. В XVII веке в Китае бюрократический мошенник Ли Сан жил роскошно, потому что мог зарабатывать деньги благодаря не только своему собственному опыту правительственного служащего, но и опыту своего отца и своего деда. Его успех, пусть кратковременный и исключительный, указывает на преимущества, которые могли извлечь из своего положения умные и амбициозные родственники низших гражданских чиновников.

Семьи профессиональных солдат составляли более или менее аналогичную социальную группу. Кодекс Хаммурапи отражает некоторые трудности этих людей, а сравнительное исследование птолемеевских клерухий и жизни

крестьянских солдат византийских фем, вероятно, выявило бы аналогичные обстоятельства.

По большей части родственники этих низших гражданских и военных чинов обладали столь же скромными экономическими возможностями, как и основная масса ремесленников и крестьян. Но в политическом и социальном плане они разделяли двойственный престиж представителей своих семей, которые несли службу. Социальное положение, которым в полицейском государстве пользуются отец, жена или сын полицейского, даёт некоторое представление о месте, которое занимали родственники низших чиновников в по-Восточному деспотическом государстве.

8.С.2.в. Связи, основанные на полу-, квази- или предчиновничьем статусе

Не все родственники представителей аппарата разделяют в той же степени социальные привилегии их родичей-чиновников. Относительная близость к бюрократическим активистам и особенности сложившейся системы родства определяют специфичное положение бенефициаров внутри правящего класса. Но каковы бы ни были различия, это положение при прочих равных условиях имеет своим источником ту значимость, которой аппаратное государство наделяет своих чиновников.

В ином смысле это верно и для социальных групп, которые имеют полу-, квази- или предчиновничий статус. Хотя они не являются чиновниками как таковыми, представители таких групп работают на правительство в качестве экономических посредников, или им предоставляется чиновничий или квазичиновничий статус, потому что как служители господствующей религии они необычайно укрепляют безопасность режима.

8.С.2.в.і. Светские получиночники (торговые и финансовые агенты)

Лица, которые посвящали всё своё время или большую часть своего времени службе правительству в качестве экономических посредников (дамкаров, сеттхи), иногда считаются чиновниками. В этом случае нет необходимости подтверждать их статус. Однако часто торговые посредники не считались чиновниками, а финансовые посредники (откупщики налогов) считались чиновниками редко, если вообще рассматривались как часть бюрократической иерархии. Но хотя этим людям было отказано в официальных званиях, их рассматривали как слуг правительства. В этой роли власть поддерживала их и

наделяла влиянием, иногда даже правом принуждения, и им платили или предоставляли комиссию в качестве компенсации за службу. В Египте в эпоху правления Птолемеев откупщики налогов получали вознаграждение в размере 5, а затем 10 процентов от собранных средств; в Византии - в размере 1 процента, 2,5 или 5 процентов; в мусульманской Индии - до 10 процентов. В Египте при турках-османах им выделялось в дополнение к денежным доходам около 10 процентов всех пахотных земель деревни, так называемая 'васия'.

Конечно, торговые посредники и откупщики налогов могли преуспеть, собирая и утаивая суммы выше установленной квоты. Но при этой тенденции, с которой энергично боролись сильные правители, нет различия между экономическими посредниками и торговыми или финансовыми чиновниками, которые в равной степени стремились собирать и утаивать более, чем следовало.

Торговые и финансовые посредники являлись частными предпринимателями в том плане, что те и другие использовали частные средства, а для некоторых дел - и работников, нанятых частным образом. Но, действуя от имени правительства, они пользовались преимуществами правительственного влияния и при необходимости могли мобилизовывать правительственных служащих, чтобы добиться желаемого. Население уважало и боялось их не как частных лиц, а как 'продолжение' правительственной власти.

Если же эти лица были чиновниками или представителями бюрократического дворянства, которые стремились увеличить своё богатство за счёт полуофициальной деятельности, их бюрократическое положение являлось прочным априори. В любом случае из-за характера своей деятельности, опиравшейся на поддержку правительства, они были получиновиками, им отводилось место в рамках правящего класса, хоть часто и на его периферии.

8.С.2.б.ii. Религиозные квазичиновники (служители господствующей религии)

В предыдущей главе мы рассмотрели методы, с помощью которых агродеспотическое государство тесно связывает себя с господствующей религией и её служителями. В Китае и в раннем фараонском Египте правительственные чиновники выполняли многие важные задачи господствовавшего культа. В других цивилизациях Востока правительство назначало жрецов господствующей религии и с точки зрения управления относилось к ним как к светским чиновникам (гражданским канцеляристам, *Staatsbeamte*).

Религиозные служители ислама жили по большей части за счёт пожертвований (вакуфов), которые напрямую или косвенно контролировались правительством. В этом отношении они были более тесно связаны с государством, чем брахманы

индуистской Индии, которые только иногда получали земли в дар. Однако в обоих случаях государство навязывало населению священный закон господствующей религии, которая одаривала религиозных служителей возможностями квазичиновничьего влияния.

Конечно, любой религиозный служитель пользуется особым благоговением среди верующих, но его авторитет может быть ослаблен или усилен общими условиями, в которых он действует. Жрецы второстепенных непривилегированных религий могли испытывать трудности при утверждении своего влияния даже среди своих последователей, которые постоянно подвергались пренебрежительным ценностным суждениям недружественного окружения. Жрец господствующей религии не сталкивался с такими трудностями. Напротив. Уважение правителей укрепляло его престиж, и укрепляло тем более, чем более сильным было правительство. При гидравлическом деспотизме служители господствующей религии, даже если их не назначали чиновниками, на социальном уровне имели квазичиновничий статус.

8.C.2.b.iii. Лица, имеющие предчиновничий статус (проходящие обучение и кандидаты на служебные должности, имеющие аттестационные степени)

Сложности идеологии и письменности - а большинство поднявшихся выше племенного уровня гидравлических цивилизаций имели письменность - приводили к тому, что обучение службе становилось затягивавшимся процессом, и те, кто участвовали в нём, часто составляли особую группу. Если их принимали в официальные 'училища' или 'университеты', их тщательно отбирали в ограниченном количестве. Так было в ацтекской Мексике и в Византии, при мамлюках, в Османской империи, а также в определённые периоды китайской истории, такие как времена правления династии Хань.

Там, где учащиеся получали образование в храмах и/или у жрецов, их обучение не было конкретно бюрократическим, но их численность также ограничивалась. Там, где конкурсные экзамены были открытыми для общества в целом, как было в эпоху правления двух последних китайских династий, было много учащихся и обладателей низших аттестационных степеней. Подвергавшиеся длительному и интенсивному процессу воспитания, сами учащиеся могли стать даже более восприимчивыми к выгодам и превосходству бюрократической жизни, чем ранжированные чиновники. Самосознание бюрократического класса могло затем усиливаться, если имевшим аттестационные степени лицам разрешалось выполнять некоторые полуофициальные функции. Те представители китайских шэньши, которые имели аттестационные степени, но не получили должности, были классическим примером предбюрократической социальной группы.

8.С.2.б.iv. Сравнительный комментарий (профессиональные идеологи в СССР)

В гидравлическом обществе правители редко манипулировали духовной доктриной, даже если они были верховными жрецами. В Советском Союзе православие больше не является господствующей религией, хотя оно и разрешено; и когда открыто выражаемые советские замыслы претворятся в жизнь, церковь будет полностью заменена светской государственной доктриной. Типичные носители этой доктрины являются элитой аппаратного государства, они и только они объясняют и изменяют её. Высокопоставленные идеологи страны являются высокопоставленными представителями правящей бюрократии; и основная масса всех профессиональных интеллектуалов является правительственными чиновниками так же, как и эти бюрократы.

Мало кто из выдающихся артистов и писателей могут заниматься своей работой, не занимая служебную должность. Но и они следуют государственным директивам, выполняют государственные заказы, им платят, словно высшим чиновникам, а так как они хорошо и безоговорочно служат государству, то пользуются привилегиями высших чиновников. Что касается практической стороны дела, они имеют квазичиновничий статус.

Это различие имеет важное значение. В то время как в гидравлическом обществе связанные с идеологией (религией) квазичиновные служащие многочисленны и относительно свободны в том, что касается доктрины, в СССР квазичиновные интеллектуалы очень малочисленны и не имеют никакой свободы в вопросах доктрины. Тотальное управленческое государство является идеократическим. Его господство включает в себя контроль над идеями общества. Оно национализирует идеологию, а также идеологов.

8.С.2.с. Разделённые на подклассы, но остающиеся целым

Наше исследование показывает, что даже в простейших условиях правящий класс гидравлического общества делится на несколько групп. При более дифференцированных условиях он становится довольно сложным объектом. Насколько осознают своеобразие и превосходство своего классового положения представители различных групп?

Вероятно, классовое сознание является менее общим и, конечно, менее динамичным фактором, чем пытается нас убедить марксизм. Но не может быть никаких сомнений в том, что элита гидравлического общества, пользующаяся

исключительными привилегиями, которые дают власть, доходы и статус, сформировала одну из наиболее сознательных в классовом отношении групп в истории человечества.

Конечно, их классовая сознательность не всегда выражала себя в образах, которые подчёркивали их величие как ранжированных чиновников. Служилые люди Османской империи гордились тем, что являлись 'рабами' своего султана. Процветание правящего класса, как они представляли себе это, обеспечивалось самодержавным правителем этого класса. Политические идеологи индуистской Индии подчёркивали значимость царя как высшего защитника господствующей религии. Процветание правящего класса, как они представляли себе это, обеспечивалось жрецами-советниками этого класса. Конфуцианские философы воздали должное своему государю, обладавшему абсолютной властью, но они превозносили джентльмена-учёного, который благодаря своему обучению предполагал стать джентльменом-бюрократом. Процветание правящего класса, как они представляли себе это, обеспечивалось получившими должное образование чиновниками этого класса.

Конфуцианство представляет социально-политический аспект этого вопроса с необычайной ясностью. Обозначив джентльмена-учёного как 'цзюнь-цзы', Конфуций подчёркивал политическую особенность своего идеального человека. Цзюнь-цзы был сведущ в культурной традиции наследственного (знатного) чиновничества, но его подготовка имела преимущественно политическую цель. Слово 'цзюнь-цзы' изначально подразумевало 'правителя', 'мужчину, занятого делами правления'. Закончив необходимое обучение, цзюнь-цзы был готов служить правительственным чиновником. Он был готов управлять 'маленькими людьми', массой населения.

Разделение двух групп правящего класса находит выражение в китайских терминах 'ши' (shih) и 'мин' (min). Ши были лицами, которые после обучения этическим, военным и церемониальным дисциплинам получали право служить своему правителю и делали это всегда, когда возможно. Мин были 'народом', которым управлял государь и несшие службу представители шиⁱ. Важность гражданской и военной подготовки менялась с течением времениⁱ. Но прославление ши продолжалось до конца имперской эпохи.

Какой бы ни была терминология, различие между ши и мин действует во всех гидравлических обществах. Во всех подобных обществах потенциальные и фактические правители прекрасно знают о своём превосходстве над управляемой массой и своём отличии от этой массы - простых людей, народа.

ⁱ 'Шу-цзин' ('Книга истории') часто упоминает чиновников как ши, также, как и 'Ши-цзин' ('Книга песен'). В более узком смысле термин 'ши' означает низших ранжированных чиновников. Как лица, прошедшие надлежащее обучение, ши часто упоминаются, особенно в конфуцианских трудах. Окончательной

проверкой их образования была государственная служба. Конечно, дружбы с ши следовало добиваться даже тогда, когда он не служил.

Часто ши сопоставлялись с мин. Первые изящно служили в царском фамильном храме или при дворе, пока вторые смотрели на них и восхищались ими. Взятые вместе ши и мин составляли всё население. В периоды волнений страдали обе группы. [Назад](#)

^j Конфуций в первую очередь интересовался подготовкой ши к гражданской службе, и это заметно повлияло на раннюю традицию. [Назад](#)

8.D. Управляемые

8.D.1. Группы простых людей, чье социальное положение основано на право собственности

Ниже правящего класса располагается огромный мир простых людей. Его представители имеют отрицательное качество: не участвуют в делах государственного аппарата. Они также имеют положительное качество: не являются рабами.

Китайская традиция различает три основные группы простых людей: крестьяне, ремесленники и купцы. Эта последовательность отражает порядок их появления на исторической сцене, но сомнительно, задумывались ли об этом те, кто перечислил их именно так. Более вероятно, что это связано с их относительной экономической значимостью, в аграрной цивилизации земледелие играло роль корня (rên), а ремесленное производство и торговля - роль ветвей (mò)^a.

Роль корня и роль ветвей соответствуют двум основным формам собственности: недвижимой и движимой. В нашем обзоре моделей сложности имущественных отношений мы довольно подробно обсуждали рост, развитие и социальное положение трёх только что упомянутых групп, и нет необходимости повторять здесь наши выводы. Однако, чтобы исследование стало законченным, в данной главе мы рассмотрим положение самой низшей социальной группы: рабов. Роль рабов в гидравлическом обществе была очень ограниченной. Почему?

^a Китайская классификация, которая ставит ши перед крестьянами, ремесленниками и купцами, не рассматривает класс лиц, чье общественное положение опирается главным образом на земельную собственность. [Назад](#)

8.D.2. Рабы

Крестьяне деревенских общин, собственники-земледельцы и фермеры-арендаторы - те, кто лично получают прибыль от своих трудов, - с большой осторожностью обращаются с почвой, водными ресурсами и растениями. Но нельзя ожидать такой заботы от тех, кто находятся в полном рабстве, то есть не только являются лично несвободными, но и не обладают ни семьёй, ни имуществом. Это верно для аграрных районов в общем и особенно актуально для областей, где уровень агрономии в значительной степени определяется ирригационным земледелием.

В основанном на ирригации гидравлическом земледелии рабский труд применялся мало. Когда временами предоставлялась возможность использовать легкодоступный рабский труд в земледелии (или в ремесленном производстве), такой труд оставался вспомогательной рабочей силой. Чтобы обеспечить необходимое старание, рабам обычно давали долю того, что они производили, а иногда они могли вступать в брак.

Расходы на надзор тормозили использование большого числа рабов для наиболее типичных государственных работ в гидравлическом обществе: строительства и обслуживания каналов, набережных, дорог и стен. Только в пространственно ограниченных предприятиях, таких как шахты и карьеры, при строительстве дворцов и храмов, а также для перевозок крупных грузов рабский труд можно было легко контролировать и, следовательно, выгодно использовать.

Это объясняет, почему государственные рабы находились прежде всего при дворе, в государственных учреждениях, мастерских и шахтах, а также на строительных работах особых типов. Это объясняет, почему рабы, являвшиеся частной собственностью, использовались в основном для домашних работ у богатых людей, которые могли позволить себе роскошь быть расточительными. Это объясняет, почему редкие попытки использования рабов для более сложных задач требовали от их государственных и частных хозяев предоставления значительных поощрений или приводили к замене полурабами тех, кто находился в полном рабстве.

Конечно, победоносная война могла обеспечить большой запас рабов. И хотя завоеватели земледельческих районов обычно спешили определить большую часть своих крестьянских пленников на земледельческие работы, занимаясь которыми они принесли бы наибольшую прибыль своим новым хозяевам, некоторых пленников могли оставить в качестве государственных рабов или продать частным лицам.

Ацтеки, которые часто воевали со своими соседями, мало использовали рабский труд в своих общинно организованных деревнях, кальпулли. Но в качестве жертв для важных государственных церемоний многие пленники служили целям зрелищного террора, важного средства поддержания единства разнородной Ацтекской империи.

В древней Месопотамии войны между независимыми государствами также были важным источником рабов; в Вавилонии рабы в некоторой степени использовались в земледелии и ремесленном производстве. Но здесь рабский труд тоже оставался второстепенным и обычно использовался в условиях полурабства: рабы могли приобретать имущество и вступать в брак. В фараонском Египте рабство, по-видимому, обрело некоторую важность только во времена Нового царства, когда крупные войны и завоевания наводнили страну несвободными иноземными работниками.

После изучения истории древней Месопотамии и Древнего Египта во всей их полноте Уэстерман пришёл к выводу, что в этих цивилизациях рабский труд был преимущественно домашним; Мейер, оценивая рабство на Ближнем Востоке, утверждает, что едва ли где-нибудь на Востоке рабство играло важную экономическую роль. Недавнее исследование Мендельсона о рабстве на Востоке в древности подтверждает ранее сделанные выводы. Тот рабский труд, который использовался в земледелии, не имел большой значимости. В целом рабы использовались прежде всего для домашних работ.

Исследования других стран Востока приводят к тем же выводам. Много рабов было в Индии, Китае и в исламском мире, но ни в одной из этих крупных цивилизаций рабский труд не доминировал в земледелии или ремесленном производстве^b.

Некоторые рабы и вольноотпущенники достигали значительного положения благодаря деспотам Востока, другим частные рабовладельцы поручали важные задачи, связанные с надзором. Но их карьерные достижения не отражают условий их социальной группы. Хотя домашние рабы в гидравлическом обществе в большинстве своём не являлись покупными рабами, они были лично несвободными и зависели от милости своих хозяев. В случае рабынь обычно воспринималось как должное, что они были наложницами хозяев.

В обществе, где были поляризованы тотальная власть и тотальное повиновение, люди, которые испытывали недостаток личной свободы во всём, не вызывали зависти. Тот факт, что в некоторых гидравлических цивилизациях и в богатых семьях они порой бывали многочисленны, не сильно улучшал их положение.

^b О рабском труде в Индии см. [К. А. Ф. Рис-Дэвидс, Фик]. Аппадораи не соотносит свои выводы об использовании рабов в поздний период индуистской Южной Индии со своим анализом земледелия и промышленности. Но его

описание этих двух отраслей экономики предполагает то, на что доктор К. А. Ф. Рис-Дэвидс явно обращала внимание при исследовании буддистской Индии. В обеих областях рабский труд был незначительным. О рабском труде в китайском общества в целом см. [Виттфогель], в эпоху правления династии Хань - см. [Уилбур]. О рабском труде в Аббасидском халифате см. [Мец], в домонгольской Персии см. [Шпулер]. [Назад](#)

8.Е. Модификации классовой структуры, которые появляются в обществах завоевателей

Рабство затрагивает нижнюю ступень общества Востока, завоеватели - верхнюю. Конечно, завоевание может изменить традиционную социальную структуру завоёванной области настолько сильно, что мы вправе рассматривать институциональный результат как общество завоевателей. Социология завоевания особенно подчёркивает связь завоевания с возникновением стратифицированных обществ ('первичное завоевание' в наших терминах), и этот процесс, безусловно, заслуживает внимания, хотя он и не слишком хорошо описан в исторических документах. Но завоевание может содействовать дифференциации уже стратифицированных обществ ('вторичное завоевание' в наших терминах), и этот процесс, который более полно описан в исторических документах и обычно включает в себя более свежие события, заслуживает особого внимания.

8.Е.1. Завоевание, приводящее к формированию стратифицированных обществ (первичное завоевание)

Войны между независимыми политическими содружествами так же стары, как человеческая жизнь. Но методы удержания определённого народа в постоянном подчинении возникли только тогда, когда постоянное подчинение стало и полезным, и целесообразным. Была ли эта возможность сперва использована завоевателями, и во всех ли случаях они прибегали к ней? Или же сперва возрастание благоприятных условий производства приводило к появлению местной влиятельной группы, племенной знати или профессионального чиновничества?

Лоуи, считающий внутренние условия достаточными для создания наследственных или почти наследственных классов, осторожно оценивает возможный диапазон внутренней дифференциации и завоеваний, заявляя, что эти два фактора не обязаны быть взаимоисключающими.

В ряде случаев документально подтверждается в высшей степени эндогенное развитие, но вряд ли можно сомневаться в том, что в других случаях завоевание порождало заметную социальную стратификацию, очень часто усиливая и развивая находившуюся на начальной стадии эндогенную дифференциацию. Завоевания такого типа - первичные завоевания, - очевидно, происходили во всём гидравлическом мире, в Древней Греции и в Древнем Риме, в Японии и в средневековой Европе. Это общий, а не специфичный социальный фактор, поэтому он не может считаться причиной порождения различных моделей власти, собственности и классов, которые были характерны для этих цивилизаций^a.

^a Об истории связи завоеваний с происхождением классовой структуры см. [Рюстов]. Это явление систематически рассмотрено с социологической точки зрения Гумпловичем и Оппенгеймером, оба выдвигали тезис о том, что классовая дифференциация обычно порождается завоеваниями. Этот тезис убедительно оспаривается антропологами Маклеодом и Лоуи. Рюстов, не рассматривая их аргументы, в основном принимает первый тезис относительно завоеваний, но допускает возможность социальной дифференциации в результате внутреннего мирного развития и признаёт, что порождённые завоеваниями общества имеют несхожие структуры. Хотя он предполагает, что эти общества можно назвать 'средневековыми' или 'феодальными' в самом широком смысле, он отмечает, что термин 'феодальный' в его политическом и более узком смысле подходит в основном для средневековой Европы, что в Древнем Риме богатая крестьянская аристократия сформировала господствующий класс, а в Египте с древнейших времён плановая экономика обрекала массы населения на государственное рабство.

Поэтому вызывает сожаление, что Эберхард, согласный с теорией А. Рюстова о факторе власти, который порождает феодальные общества посредством сверхстратификации, и считающий идеи Рюстова пока что самой законченной теорией происхождения феодализма, не ознакомил своих читателей со структурным разнообразием феодальных обществ по Рюстову. Эберхард не видит никаких принципиальных различий между Восточным и западным феодализмом. Но феодальной системе по Эберхарду, опирающейся главным образом на земельные владения, которые принадлежали вассалам в качестве феодалов, мы вынуждены противопоставить реальность Востока и концепции Рюстова о 'духовном феодализме' Египта с его правящим классом жрецов и плановым государственным рабством, чтобы понять ошибочность мнения Эберхарда как с точки зрения институциональных фактов, так и с точки зрения доктора Рюстова, на авторитет которого он ссылается. [Назад](#)

8.Е.2. Завоевание, приводящее к дальнейшей дифференциации стратифицированных обществ (вторичное завоевание)

Вторичное завоевание не всегда приводит к созданию общества завоевателей. Основная часть всех завоевателей может остаться на своей родине, а их вождям может быть достаточно удалённого контроля либо посредством назначения своих сограждан для управления теми, кого они покорили, либо посредством использования местных коллаборационистов, либо посредством создания стратегически расположенных гарнизонов. Управление с помощью сатрапов, курак или раджей обычно является конечным результатом военного завоевания и включает в себя значительную горизонтальную градацию власти. Но получающийся в итоге институциональный строй не является обществом завоевателей в терминах настоящего исследования.

Под обществами завоевателей я понимаю только те случаи, когда завоеватели поселяются на захваченных ими землях, не ликвидируют и не изгоняют коренное население и являются достаточно многочисленными для того, чтобы создать особый сплочённый правящий орган чужеземцев, обособленный от новых подданных и находящийся выше их органов управления.

Зарождавшиеся общества завоевателей возникали в результате первичных завоеваний. Развившиеся общества завоевателей появлялись во многих частях мира при различных обстоятельствах. Их росту неизбежно способствовали привлекательность той страны, которую они стремились завоевать, а также военная сила и подвижность самих завоевателей. Земледельческие цивилизации (особенно с богатой гидравлической экономикой) были весьма соблазнительными целями, и до наших времён могучие кочевые племена (особенно племена скотоводов, которые могли ездить верхом и использовали седло и стремя) с наибольшим успехом захватывали именно их.

8.Е.3. Классовые изменения в династиях завоевателей гидравлических стран

8.Е.3.а. Китайцы не всегда ассимилировали своих завоевателей

История великих народов, обладающих устойчивой культурой, таких как китайцы, показывает, с какой быстротой их завоеватели-'варвары' перенимали многие особенности их образа жизни. Легкомысленные обобщения этого культурного факта породили широко распространённую легенду о том, что китайцы всегда ассимилировали своих завоевателей. Однако реальность противоречит этой легенде. Вместо отказа от своих привилегий власти, престижа и доходов завоеватели неизменно стремились сохранить их всевозможными политическими, военными и правовыми способами. И там, где

они находили желательным поступать подобным образом, они также сохраняли особые признаки своей собственной культурной традиции.

Сравнительный анализ показывает, что миф об ассимиляции не подтверждается правлением ни одной из четырёх крупных династий завоевателей Китая, даже последней. Маньчжуры уже переняли многие китайские обычаи до завоевания Китая, но в их случае, как и в других, основные различия в политическом и социальном статусе сохранялись до конца^b.

^b При завоевании культурные изменения тесно взаимосвязаны с политическими изменениями. Поэтому наши выводы о Китае наводят на мысль относительно обществ завоевателей в целом: полное культурное слияние, очевидно, происходило только тогда, когда исчезновение социального разрыва позволяло исчезнуть также и культурному разрыву, то есть после того, как период завоевания подходил к концу. [Назад](#)

8.Е.3.в. Способы сохранения гегемонии завоевателей

Причины этого легко понять. Завоеватели-'варвары' во многом зависели от гражданского управления местных специалистов и бюрократов. Но они защищали свою политическую, социальную и экономическую гегемонию посредством назначения своих сограждан начальниками над местным чиновничеством, посредством объединения своих соплеменников-солдат в специальные регулярные войска, лагеря, орды или знамёна, посредством запрета или ограничения смешанных браков с покорённым населением, а также посредством сохранения своей племенной религии даже в тех случаях, когда в целях поддержания престижа правитель и его помощники участвовали в крупных церемониях покорённых народов^c.

Арабские воины, бывшие военной опорой династии Омейядов, утратили свою социальную значимость, когда эта династия пала^d, так же как в Китае кидани, чжурчжэни, монголы и маньчжуры потеряли своё привилегированное положение, когда соответственные династии завоевателей (Ляо, Цзинь, Юань и Цин) утратили власть.

^c Например, так было у маньчжуров, чьи императоры исполняли традиционные китайские жертвоприношения, хотя в стенах своего дворца продолжали поклоняться своим племенным богам. [Назад](#)

^d Омейяды не покорили Ближний Восток, но сплотили земли, завоёванные первыми халифами. [Назад](#)

8.Е.3.с. Удвоение классов

Таким образом, общества завоевателей имели любопытную тенденцию удваивать социальные слои. Как правило, экзогенный высший класс (знать) доминировал над местной бюрократией, а племенные воины становились характерным слоем плебейских низших чинов в политической иерархии. Заново организованные знамёна, лагеря или орды заменяли бывшие регулярные войска и имели определённое превосходство над теми местными войсками, которые новый режим решал сохранить.

8.F. Множество социальных противоречий при слабой классовой борьбе

По очевидным причинам представители деспотического государства имеют важное значение для любого изучения классовой структуры, и не потому, что служащие аппарата занимаются организацией основной части населения, к которой они, конечно, сами не относятся, а потому, что государственная власть больше, чем любой другой фактор, определяет судьбу представителей правящего класса и простых людей. Это станет совершенно ясно, когда мы рассмотрим три основных типа социальных противоречий, которые возникают в гидравлическом обществе: противоречия между представителями разных слоёв простых людей, противоречия между простыми людьми и государством, противоречия между представителями различных групп правящей системы.

8.F.1. Социальное противоречие и классовая борьба

Социальное противоречие не идентично классовой борьбе. Конфликт может считаться социальным, когда затрагивает представителей различных социальных групп и возникает преимущественно из-за их социального положения. Но социальный конфликт, который ограничен небольшим числом лиц, не может быть обоснованно назван классовой борьбой. Термин 'класс' означает социально однородную группу индивидов, обычно относительно большую, а социальный конфликт приобретает характер классового конфликта

только тогда, когда его участники представляют собой характерную репрезентативную часть такой группы.

Классовая борьба приводит к массовым акциям. Такая борьба может достигнуть точки, когда будет брошен вызов существующим социальным и политическим условиям. Маркс, который, возможно, изучал классы больше, чем любой другой учёный-социолог XIX века, подчёркивал этот аспект рассматриваемого вопроса, говоря, что всякая классовая борьба есть борьба политическая.

8.F.2. Тотальная власть парализует классовую борьбу

Смысл всего этого имеет далеко идущие перспективы для понимания гидравлического общества. Аграрному деспотизму, который является достаточно сильным для того, чтобы не допустить создание независимой политической организации, нет необходимости терпеть массовые акции как средство решения социальных конфликтов. Представители аппарата легко контролируют светские и религиозные разновидности демократии нищих. Они с подозрением относятся к любому объединению социально недовольных лиц. И обычно они спешат разрушить зарождающиеся массовые движения.

Во время среднего периода эпохи правления династии Цин, в 1746 году, некоторые арендаторы провинции Фуцзянь объединились для того, чтобы запросить пересчёт своей арендной платы. Видимо, это было не что иное, как спор между двумя группами частных лиц, но местные чиновники быстро вмешались, арестовали и наказали вожаков. Последующий указ обвинил провинциальных чиновников в том, что глупый народ устраивает собрания и нарушает закон.

Происходившее в эпоху правления династии Хань обсуждение государственного и частного предпринимательства в производстве соли и изделий из железа привело к протесту против частных предприятий, где работали более тысячи рабочих, так как такое скопление трудовых ресурсов давало возможность осуществлять предательские действия. В конце имперского периода в одном указе явно отмечалось, что всегда существовал закон данной династии, запрещающий создание вообще любых обществ и объединений. Утверждение имело большое значение и своей враждебностью по отношению к народным объединениям, и своим безразличием к существовавшим ремесленным и торговым гильдиям. Очевидно, что правительство не считало эти организации политически важными обществами и объединениями.

Такое отношение исключало политические массовые акции (классовую борьбу) как законную форму социального протеста. И это исключение касалось и правящего класса. Конфликты между представителями разных групп этого

класса часто имели политическую окраску в том плане, что влекли за собой противоречивые требования касательно привилегий, обеспечиваемых властью, но они редко приводили к открытым политическим массовым акциям. История гидравлического общества наводит на мысль, что классовая борьба, далёкая от того, чтобы быть хронической болезнью всего человечества, является роскошью полицентричных открытых обществ.

8.G. Противоречие между представителями разных слоёв простых людей

В простых гидравлических обществах крестьяне составляют почти всё управляемое население, они же остаются самым многочисленным слоем простых людей в полусложных и сложных гидравлических обществах. Насколько возможно социальное противоречие между ними и другими слоями простых людей?

У бедных (и арендующих земли) земледельцев могут быть столкновения с богатыми (имеющими земельную собственность и зажиточными) земледельцами, с торговцами или с ростовщиками. Однако возможность таких разногласий минимальна в регулируемых деревенских общинах, которые преобладают в большинстве гидравлических обществ. Ибо в этих общинах либо не существует аренды земли, либо она является незначительной; и экономические различия между находящимися в одинаковом положении крестьянскими семьями невелики. Кроме того, ограниченная экономическая гибкость среднего представителя общины ограничивает степень, в которой он может иметь дела - и столкновения - с не являющимися крестьянами простыми людьми: ремесленниками, торговцами и/или ростовщиками^a.

Число деревенских конфликтов увеличивалось с возрастанием объёма частной земельной собственности. В царской России крупные крестьянские восстания вспыхнули в XVIII веке, когда помещики (pomeshchiki) стали собственниками земель, которыми прежде владели за службу, а крестьяне, поощряемые самыми разными слухами, надеялись стать собственниками земель, которые они обрабатывали. Реформа помещичьего (pomeshchik) землевладения 1762 года сопровождалась серьёзными крестьянскими волнениями, которые достигли своего апогея в крупном восстании под предводительством Пугачёва (1772-1775 годы).

Имеется много документальных свидетельств о конфликтах, возникавших на почве ростовщичества зерном или деньгами и на почве тяжёлых условий аренды, в Египте в период правления династии Птолемеев и в период римского владычества, в традиционном Китае и, конечно же, во многих гидравлических обществах в процессе их изменения.

Современные исследования часто сосредоточены на этих связанных с собственностью конфликтах и, как следствие, уделяют мало внимания исключительной силе бюрократической власти и бюрократической собственности, лежащих в основе напряжённых отношений между различными группами бедных и богатых простых людей и усложняющих эти отношения. Но насколько бы сильно не ошибались авторы этих исследований относительно характера гидравлического общества, они дают нам ценные сведения о конфликтах, возникавших на почве собственности, и освобождают нас от необходимости повторять здесь то, что эти авторы тщательно, хотя и односторонне, изложили по этому вопросу.

Рост частной собственности и предпринимательства в ремесленном производстве и торговле создавали условия, которые приводили к разнообразным социальным конфликтам между простыми людьми в городах. В средневековой Европе такие конфликты велись с большой решительностью. Нередко социальные движения принимали масштабы массовой (и классовой) борьбы, которая в одних городах вынуждала купцов разделять политическое руководство с ремесленниками, а в других обеспечивала гегемонию ремесленных гильдий.

Отличие от гидравлического мира поразительно. Хотя гильдии гидравлического общества имеют гораздо более долгую историю, чем гильдии западные, они если и занимались воинственной политической деятельностью подобного масштаба, то крайне редко^b.

^a У. К. Смит в своей статье 'Восстания низших классов в империи Великих Моголов' ничего не говорит о социальных конфликтах между простыми людьми. Несколько раз он упоминает крупных землевладельцев как участников классовой борьбы с крестьянами. Но в одном случае он только предполагает существовании таких лиц, в других случаях он использует термин 'крупные землевладельцы' как эквивалент термину 'заминдар'. До XVIII века заминадры были преимущественно платившими дань раджами, и знать, которая, согласно Смигу, забирала себе примерно одну треть сельскохозяйственной продукции страны, делала это в виде так называемых 'налогов' или 'доходов'. То есть представители этой знати были на самом деле правительственными чиновниками, жившими на государственные доходы. Эта модель совершенно отличается от системы землевладения феодальной Европы, и вызывает сожаление, что Смит, который знал об этом, всё-таки назвал существовавшие в Индии условия феодализмом.

Очевидно, что крестьяне участвовали в восстаниях разного рода, но те, которые можно считать восстаниями из-за проблем светского характера, в основном возникали из-за налоговых конфликтов. Как и следовало ожидать, в стране, где господствовали правители-иноверцы, религиозные конфликты часто сливались со светскими, и во многих случаях первые, вероятно, выражали сущность

вторых или усиливали их интенсивность. Но у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что некоторые конфликты действительно - или в первую очередь - были религиозными. В 1672 году члены одной небольшой секты восстали против представителей власти, нанесли поражение местной службе охраны порядка и нескольким отрядам регулярных войск и какое-то время контролировали город Нарнаул. Смит, который рассматривает это событие как отчаянную классовую борьбу, не упоминает о какой-либо проблеме светского характера, которая оправдала бы подобную классификацию.

И после этого были столкновения, которые в основном касались национальных или территориальных вопросов. Патанское восстание, которое Смит считает, возможно, самым грозным народным движением в период правления Великих Моголов, было длительной жалкой попыткой гордых пограничных племён противостоять стремлению навязать им господство могольского государства. А то, что произошло в районе Киштвара, явно представляло собой борьбу полунезависимой группы местных правителей с посягательствами моголов. Главные герои восстания в Киштваре, местные заминдары, защищали своего государя, который в итоге был вновь возведён на трон. Тот факт, что низшие классы также боролись и страдали, а райоты и жители окрестностей Кашмира жаловались на суровость могольского командующего, едва ли является причиной для того, чтобы отнести это происшествие к восстаниям низших классов этого периода. [Назад](#)

^b Ср. выше, гл. 4. Купцы карими в Египте в эпоху правления мамлюков наживали огромные состояния благодаря международной торговле пряностями и банковскому делу, и их торговля с такими странами, как Йемен, иногда могла повлиять на внешнюю политику правительства мамлюков, которое получало от этого большие доходы. Но несмотря на их экономическую значимость, купцам карими не удалось добиться независимого политического положения, сравнимого с положением купеческих гильдий феодальной Европы. [Назад](#)

8.Н. 'Народ' против представителей аппарата

Диспропорция между интенсивностью социальных противоречий и частотой классовых столкновений становится особенно очевидной, когда мы рассматриваем отношения между двумя основными классами гидравлического общества: 'народом' и представителями аппарата. В обычных ситуациях простые люди периодически страдают от требований, предъявляемых к ним представителями деспотического государства. Обычно угнетённые или эксплуатируемые люди не осмеливаются противостоять открыто, а часто даже не осмеливаются сопротивляться скрытно. Общеизвестное стремление вовсе избегать каких-либо контактов с опасными органами правительства, присущее

подданному страны Востока, подчёркивает признание этим подданным поражения в противостоянии, которое он никогда не осмелится начать.

Однако не всегда возможно избежать контактов. Простой человек может не обращаться со своими жалобами в суд или магистрат, но часто он должен исполнять служебные повинности, и обычно он должен платить налоги. Он может с горечью возмущаться обоими требованиями и, будучи не в состоянии защитить себя конституционными средствами, выражать притворное согласие. Но за этим фасадом он будет бороться с представителями аппарата, используя все способы косвенного и пассивного сопротивления их приказам.

Выполняя свою барщинную работу, он будет работать настолько медленно, насколько позволит контроль (или палка, или кнут) надсмотрщика. Уплачивая свой налог, он будет стремиться скрыть некоторую часть своего имущества. И часто он будет отдавать свою налоговую долю только после того, как его жестоко избьют. Писатели фараонского Египта высмеивали этот аспект битвы за земельный налог, и сделанный в XIX веке доклад показывает, что позиция египетского крестьянина в этих вопросах осталась неизменной: 'Все феллахи гордятся рубцами от ударов, которые получают за утаивание своей налоговой платы, и часто приходится слышать, как они хвастаются количеством ударов, которые вытерпели бы прежде, чем отдали свои деньги'^a.

Когда налогообложение становится необыкновенно обременительным, крестьянин может сократить свои посевные площади, а если тяжёлые налоги не отменят, может стать финансовым беженцем^b, полностью отказавшись от своих полей. Он может скитаться в отчаянии, искать работу повсюду или превратиться в бандита или бунтовщика^c.

Как было сказано выше, открытые конфликты между крестьянами и правительством были редки там, где землевладение являлось регулируемым; и даже в имперском Китае конфликты принимали большие масштабы главным образом в периоды распада, бывшие началом династического краха.

Конфликты между простыми людьми в городах (или группами простых людей) и правительством возникали в другом контексте. Они слишком часто затрагивали налоговые вопросы, но административный (и гарнизонный) характер большинства гидравлических городов обычно позволял предотвращать вооружённые восстания, к которым могли прибегнуть недовольные горожане. Отдельные купцы или ремесленники защищались как могли против запрещающих постановлений и финансовой эксплуатации; и гильдии ремесленников и торговцев, которые возглавляли назначавшиеся правительством или находившиеся под правительственным надзором чиновники, нередко обращались к представителям власти для пересмотра чрезмерных требований. Иногда ремесленники переставали работать, а купцы закрывали свои лавки; иногда толпа могла взбунтоваться^d. Правительственные чиновники, которые отвечали за поддержание минимума рациональности правителей, должны были прислушиваться к подобным предупреждениям. И

действительно, они часто делали это. Но с наибольшей готовностью они делали это в случаях, когда затрагивалась частная, а не государственная коммерческая деятельность, и любая случайная мягкость с их стороны не мешала им в полной мере принудительно применять своё влияние в важных ситуациях, например, по отношению к ремесленникам и рабочим, которые выполняли барщинную работу, или по отношению к отдельным лицам, чьё богатство они хотели бы изъять.

В подавляющем большинстве случаев ремесленник или купец, чьё благосостояние возбуждало жадность ранжированного или мелкого чиновника, действовал осмотрительно. При всякой возможности он откупался, чтобы не оказаться в безвыходном положении. Очевидно, что любезная ложь или умело предложенная взятка вовсе не являются оружием в борьбе за свободу. И бесконечные мелкие конфликты между бюрократическим охотником и его мелкобуржуазной или капиталистической дичью показывают с безошибочной ясностью, что в этой охоте простые люди в городах могли выжить, но не могли выиграть.

Государственное управление в традиционном Китае давало большую свободу действий владельцам частной собственности, чем абсолютистские режимы в большинстве других гидравлических цивилизаций, но и под сенью китайской государственности капиталистические предприниматели были осторожными, как и везде. Указ 1898 года, принятый недолговечным реформаторским правительством, возлагал вину за это на чиновников, особенно - в некоторой степени лицемерно - на мелких чиновников. Когда какая-нибудь компания находилась в трудном положении, требования и вымогательства мелких чиновников являлись неизменно такими продолжительными и непомерными, что приводили купцов в уныние, и те не смели более подвергать риску торговое предприятие, вызывая тем самым застой в торговле.

Скрытые конфликты между государственными рабами и их бюрократическими хозяевами были многочисленными и, вообще говоря, незаметными. Как и домашние рабы частных собственников, несчастные невольники правительства пытались облегчить свою судьбу хитростями и хорошо замаскированными приёмами, и, как и домашних рабов, их использовали в основном поодиночке или небольшими группами, что лишало их возможности массового восстания.

Война рабов, которая началась в Южной Месопотамии в 869 году, обрела свою первоначальную силу из-за необычайно большого количества рабов, трудившихся на необычайно крупных частных предприятиях по производству соли, к востоку от Басры. Масштабы этих предприятий сделали их идеальной питательной средой для массовых акций. Восстание, которое длилось около четырнадцати лет, в основном обязано своим временным успехом тому, что за эти годы государство Аббасидов сотрясали гражданские войны между некоторыми полководцами и занимавшими высокие посты местными чиновниками, а также между теми и другими и халифатом.

^a Лейн добавляет: 'Аммиан Марцеллин наделяет египтян своего времени точно таким же характером'. Аммиан жил в IV веке нашей эры. [Назад](#)

^b Основателя династии Моголов Бабура приводили в ярость индийские крестьяне, типичные финансовые беженцы, которые прятались в лесах и, полагаясь на своё недоступное положение, часто переходили к восстанию, отказываясь платить налоги. [Назад](#)

^c В китайской историографии описано много таких случаев. Инцидент, который произошёл в эпоху правления династии Мин, описан с некоторым восхищением. Между 1436 и 1448 годами арендатор Тэн Мао-Чи стал влиятельным человеком среди своих односельчан, которых он, скорее всего, заставлял работать на себя. Его влияние значительно возросло за счёт руководства движением, сторонники которого побуждали арендаторов не делать традиционный подарок своим крупным землевладельцам, когда им платили арендную плату. Крупные землевладельцы обратились к местному магистрату, и вполне могло быть, что некоторые из них были судейскими или чиновниками, так как в эпоху правления династии Мин эти группы людей чрезвычайно успешно присваивали крестьянские земли. Как бы то ни было, магистрат послал вооружённые силы, но их победили Тэн и его повстанческая армия, которая в конечном итоге насчитывала несколько десятков тысяч человек. Вскоре его власть распространилась более чем на двадцать округов, и он получил дополнительную поддержку от людей, бежавших от невыносимого гнёта жадных и жестоких чиновников. Последующие события показали, что одной из основных причин их недовольства был непомерный барщинный труд. После нескольких военных побед повстанцы потерпели поражение, и Тэн вместе с некоторыми из своих последователей был обезглавлен. Один эпизод, произошедший в середине борьбы, характеризует как стойкость правительства, так и ограниченные требования восставших. Ведя переговоры с отважным чиновником, повстанцы, согласно отчёту, просили только о том, чтобы им сохранили жизни и освободили от трудовой повинности на три года. Если бы им гарантировали это, они бы сложили оружие и снова стали бы законопослушными людьми. В конце правления династии правительство, вероятно, было бы более готово к компромиссам, а повстанцы менее стремились бы подчиниться. В течение последнего периода правления династии Мин повстанцы появлялись повсюду; и многие локальные конфликты слились в финальной битве за свержение династии. [Назад](#)

^d О Египте при мамлюках ср. [Поляк]. Членами индийской секты, которые в 1672 году подняли восстание, были, предположительно, ювелиры, плотники, чистильщики, кожевники и другие лица низкого происхождения (простые люди?). Некоторые, по-видимому, занимались земледелием. Смит предполагает, что городские сектанты были рабочими или бедными торговцами: '...мелкие торговцы и рабочие, либо неимущий пролетариат, либо люди с очень

незначительной профессиональной собственностью'. Второй используемый им источник сообщает о торговле 'в малом масштабе' или, согласно другому переводу, 'их торговля велась за счёт небольших капиталов'. В мусульманской Индии, как и повсюду, неимущие лица, конечно, принимали участие в городских восстаниях, но в данном случае приведённые сведения указывают на ремесленников, которые владели собственными средствами производства, а не на пролетарский элемент.

Другое восстание, произошедшее в то же время, носило ещё менее пролетарский характер. Согласно Смит, город Патна был захвачен в 1610 году пролетарской толпой, чей лидер выдавал себя за популярного героя Хосроя. После успеха этого переворота множество представителей низшего класса присоединились к нему. Эти пролетарии даже организовали небольшую армию из собственных людей, которые были настолько глупы, что выступили против армии высшего класса, наступавшей под командованием разгневанного наместника. Эти сведения сильно расходятся с фактами, как указано в собственных источниках Смита. Популярный герой Хосрой был старшим сыном падишаха, который находился в тюрьме после того, как совершил вооружённую попытку захватить трон. Восстание Хосроя опиралось в первую очередь на поддержку представителей имперской армии, и какое-то время шансы Хосроя на успех были значительными. Поэтому не удивительно, что самозванец нашёл сторонников в рядах пехотинцев и всадников. Патну и её крепость захватили эти солдаты, а не пролетарская толпа, и нет никаких конкретных доказательств того, что те 'жалкие людишки', которые позже присоединились к восстанию, были пролетариями. Джахангир огульно применил термин 'жалкие' к повстанцам, в том числе к лицам, имевшим самый высокий политический и социальный статус. [Назад](#)

8.I. Социальные конфликты внутри правящего класса

За исключением крестьянских восстаний, чьи участники иногда - и особенно в гидравлических обществах с сильно развитой частной земельной собственностью - бросали вызов влиянию чиновничества, только социальные конфликты внутри правящего класса имели определённые политические черты. Военные мятежи инакомыслящих членов правящей семьи или честолюбивых полководцев и наместников против слабого монарха обычно приводили к конфликтам между людьми разных рангов и должностей в иерархии власти. Но они происходили лишь случайно и с большими интервалами, а когда происходили, имели тенденцию быстро превращаться в военные испытания на прочность между двумя или более независимыми территориями или регионами.

Гораздо более частыми и гораздо более трудноразличимыми являются тайные конфликты, возникавшие между ранжированными чиновниками и мелкими

бюрократическими чиновниками, между различными группами ранжированных чиновников, между чиновниками и бюрократическим дворянством, а также между чиновниками и деспотом и его личным окружением, двором. Эти конфликты обычно были связаны с политической властью или влиянием, и, хотя большинство из них имели отношение лишь к небольшому кругу лиц, некоторые конфликты касались привилегий больших групп, малых групп или слоёв в рамках бюрократического строя. Но несмотря на то, что такие конфликты могли затрагивать интересы значительного числа лиц, у них отсутствовала организационная слаженность, характерная для крупных социальных движений древнего, средневекового и современного Запада.

8.I.1. Ранжированные чиновники против мелких чиновников

Вообще говоря, ранжированные чиновники определяют действия своих мелких чиновников, выполняющих работу секретарей и слуг. Но часто административная (или финансовая, или полицейская) проблема может быть решена либо в пользу ранжированных чиновников, либо в пользу подчинённых им мелких чиновников. Двойкие ситуации такого рода присущи всем организациям, функционирование которых имеет вертикальную градацию. Но в гидравлических условиях эти ситуации были особенно важными, поскольку действия аппаратчиков (*apparatchiki*) не проверялись эффективными внешними силами, а те, кто участвовали в конфликтах, располагали ресурсами необыкновенно могущественного государственного аппарата.

Ранжированные чиновники, так же, как и мелкие чиновники, стремились к максимальному контролю над частностями, касавшимися процедур и персонала, отчасти ради власти, отчасти ради увеличения своей доли в правительственных доходах. Общественное положение не было важной проблемой, хотя мелкие чиновники за счёт увеличения своей власти также повышали свой социальный престиж. Критическое рассмотрение китайского правительства при правлении маньчжуров наводит на мысль, что мелкие чиновники в течение некоторого времени присваивали себе около 30 процентов правительственных доходов. Так как эта оценка была сделана представителем ранжированного чиновничества, она может быть завышенной, но она указывает на масштаб экономической проблемы, вызванной ежедневной борьбой между чиновниками-господами и их плебейскими помощниками.

В этой борьбе мелкие чиновники могли получать - и получали - преимущество благодаря хорошему знанию местных дел, своей осведомлённости о скрытых сторонах службы, а также своему непосредственному контролю за конечным исполнением всей административной работы. Чиновники могли получать - и получали - преимущество благодаря различным методам наблюдения, контролю

за наймом и увольнением служебного персонала, а в серьёзных случаях - благодаря праву осуществлять всевозможные наказания.

Официальный китайский отчёт за 1899 год показывает, как в упорной борьбе между ранжированными чиновниками и мелкими чиновниками некоторые служащие могли стать зависимыми от находившихся на стратегических постах писцов: 'Во всех делах продвижения, перевода, назначения, поощрения или выговора, а также в вопросах, касавшихся налогов и судебных решений, провинциальные чиновники стремились путём подкупа добиться благосклонности секретарей различных министерств. Требования последних особенно обediaли чиновников, которые были ответственны за передачу дохода или поставку меди и красящих материалов центральному правительству. Со дня выполнения чиновниками поставки до момента получения чиновниками расписок секретари находили много причин для вымогательства. Запрашиваемые суммы достигали сотен и тысяч таэлей. Это было известно как 'Министерство расходов', и деньги собирались без особых усилий скрывать сей факт'.

Блюстители порядка применяли свою власть в другой плоскости и, конечно же, пользуясь другими способами. Они контролировали доступ в правительственные здания, арестовывали людей и охраняли тюрьмы. Таким образом, они могли облегчить участь заключённого или сделать его более несчастным, могли определять силу порки, могли заявлять о сопротивлении при аресте. Очевидны возможности применять власть и получать материальную пользу в таких ситуациях.

Те ранжированные чиновники, которые хотели сохранить свой контроль над многочисленной массой хорошо устроившихся мелких чиновников, пускали в ход все административные и дисциплинарные средства, которых были им позволены. В эпоху правления династии Цин китайские чиновники пытались ограничить длительность службы мелких чиновников. И хотя такой контроль укрепил власть ранжированных чиновников над низшими служащими, издержки, вызванные ухудшением навыков и опыта последних, были весьма значительными.

Мелких чиновников, которые злоупотребляли своей властью с явным ущербом для правительства, следовало строго наказывать. Эта сторона дела чётко определена в 'Артхашастре', в династических уставах Китая, а также в других наставлениях по агродеспотическому управлению государством. Для писцов и блюстителей порядка, которые были нечестными или прибегали к вымогательству, последний свод законов имперского Китая установил наказания, варьировавшиеся от штрафа до постоянной ссылки и казни через удушение. Приводимые в связи с этим законом случаи показывают, что высшие чиновники наказывали без колебаний, когда считали это нужным.

В борьбе между чиновниками и мелкими чиновниками последних никогда нельзя было подчинить полностью. Но они не могли нарушить структуру

бюрократического аппарата, что позволяло ранжированным чиновникам оказываться со временем хоть и не полными победителями, но теми, кто обладает высшим юридическим, административным и экономическим влиянием.

8.1.2. Бюрократическая конкуренция

8.1.2.а. Модели конкуренции различны в различных обществах

Конкуренция в рыночной сфере является лишь одной из многих форм конкуренции. И гидравлическое и феодальное общества отличаются от капитализма не тем, что в них отсутствует конкуренция, а тем, что их формы конкуренции - иные.

Средневековая крепостническая система Запада снижала конкуренцию в большинстве деревень до незначительного уровня, в то время как феодальные рыцари открыто и яростно конкурировали со своими соратниками за земли и славу. Гильдии строго ограничивали конкуренцию для ремесленного производства, но не для крупномасштабной и международной торговли.

В регулируемых деревнях общества Востока имелось мало возможностей для экономической конкуренции. В традиционном Китае рост частной крестьянской земельной собственности стимулировал конкуренцию в экономической сфере, разумеется, без превращения китайского сельского хозяйства в капиталистическое. В гидравлических обществах всех типов представители правящего класса боролись за власть, престиж и доходы, и это справедливо не только для ранжированных чиновников, но, с соответствующими поправками, и для мелких бюрократических чиновников.

Внутри капиталистической системы мы находим конкуренцию на уровне работодателей и на уровне работников. Но хотя развитие этой системы повышает качество товаров и численность участвующих в их производстве лиц, оно сокращает количество конкурирующих и ведущих между собой переговоры участников благодаря росту корпораций и профсоюзов. Кроме того, правовые средства контроля имеют тенденцию ограничивать методы конкурентной борьбы, которая обычно является более сильной на начальном, а не на позднем этапе развития капиталистической экономики.

Различие между этими тремя типами конкуренции проявляется также в различии их результатов. Средневековый рыцарь, совершив роковую ошибку в ходе соперничества с другими рыцарями (на поле боя), мог утратить свою

жизнь, но его имущество и честь обычно оставались нетронутыми. Современный бизнесмен, совершив роковую ошибку в ходе соперничества с другими бизнесменами (в рыночной сфере), может потерять свою собственность, но это в редких случаях запятнает его честь, и он, конечно же, не утратит свою жизнь. Чиновник аграрного деспотизма, совершив роковую ошибку в ходе соперничества с другими чиновниками (в бюрократических или дворцовых интригах), скорее всего, потеряет свою честь, свою собственность и свою жизнь. Там, где власть фрагментирована и сбалансирована, наказание за роковую ошибку ограничено. В условиях тотальной власти оно является тотальным.

8.I.2.b. Бюрократическая конкуренция в гидравлическом обществе

Все бюрократические организации имеют некоторые общие технические признаки, и некоторые методы внутрибюрократической конкуренции проявляются повсеместно у служащих, контролируемых и правящих слоёв бюрократии. Однако необходимо распознать за знакомыми деревьями особенности того леса, частью которого они являются^a.

Положение чиновников западного (Occidental) абсолютизма очень схоже с положением чиновников абсолютизма Востока, поскольку оно касается шансов стремительного взлёта или падения, но при западном абсолютизме есть небюрократические пути достижения социальной значимости. И правительственные чиновники открытого современного общества имеют установленные законом права, которые гарантируют, что проигравший во внутрибюрократической битве не должен пострадать более, чем лишившись возможности бюрократического продвижения.

В условиях тотальной власти бюрократическая жизнь настолько же подвержена конкуренции, насколько и опасности. Статистическое исследование жизни чиновников в эпоху правления династии Хань, первой долго правившей династии имперского Китая, показывает, что среди тех, чью карьера можно подробно проследить, около 21 процента чиновников в то или иное время содержались в тюрьме за провинности, совершённые в течение их чиновничьей карьеры, и около 35 процентов умерли насильственной смертью после окончания службы. Более 12 процентов были убиты или умерли после пыток в тюрьме, 14 процентов были казнены, а 9 процентов покончили жизнь самоубийством^b.

^a Общие идеи военного дела возникли в ходе военных кампаний феодальной Европы так же, как в гидравлических и современных промышленных

обществах. Но никто, знакомый с институциональной спецификой, не станет по этой причине отрицать особенности организации и методов действий, которыми отличаются эти три модели. [Назад](#)

^b Изучение Китая XIX века наводит на мысль, что в конце имперского периода карьере чиновника всё ещё окружали многие опасности, хотя характер этих опасностей изменился в некоторых отношениях. На основе Тун-хуа-лу (Tung-hua-lu) доктор Гельмут Вильгельм предполагает, что между 1821 и 1895 годами почти каждый высокопоставленный чиновник подвергался наказанию хотя бы один раз в течение своей карьеры. Чрезвычайно суровые наказания (казни, изгнания, порабощения, телесные наказания или лишения свободы) применялись почти в 22 процентах случаев, доведённых до сведения императора, увольнения - в 42 процентах случаев, а более лёгкие наказания (выговоры, штрафы, и/или понижения в должности) - в остальных случаях. Обзор, в котором учтены маньчжурские и китайские чиновники, был сделан Сесилом Кодди, Робертом Кроуфордом, Чэнь-и Ваном и Линкольном Вонгом под руководством доктора Вильгельма в Университете штата Вашингтон, Сиэтл. [Назад](#)

8.1.3. Гражданские чиновники против военных чиновников

Бюрократическая конкуренция возникает не только между представителями одного и того же служебного или административного ведомства, но и между представителями различных ветвей государственного аппарата. По понятным причинам армия создаёт особые проблемы среди этих ветвей.

8.1.3.a. Самодержец и армия

Армия в качестве компактной машины узаконенного принуждения играет разные роли на разных фазах гидравлического общества. В период становления верховный военный лидер также способен контролировать новую политическую экономику, так как его организационное и дисциплинарное положение предоставляет ему уникальную возможность возглавить формирующийся агроуправленческий аппарат. Будучи однажды утверждён, всеобщий политический аппарат стремится к преобладанию над различными отраслями, поскольку его руководители благодаря своему контролю над персоналом и средствами связи проникают во все сферы, которые, независимо от их экономического веса или военно-силового потенциала, остаются разобщёнными и таким образом стратегически уступают координирующему центру. Чтобы конкретизировать наш ранее выдвинутый тезис, мы можем

сказать: не технический специалист, не гидравлический управленец, не глава службы безопасности, не командующий армией, а руководитель всепроникающего политического аппарата является тем, кто удерживает высшую власть над разобщёнными техническими специалистами, управленцами, начальниками службы безопасности и полководцами. Только в периоды политического распада и гражданской войны энергичный полководец захватывает контроль над всей страной или на разделённых территориях несколько полководцев одновременно становятся военными и политическими лидерами: бюрократическими главнокомандующими.

Агроуправленческий деспот обычно хорошо осведомлён о могучем потенциале, которым обладают вооружённые силы, и поэтому он принимает все возможные меры предосторожности, чтобы держать их в повиновении. Он является верховным командующим вооружённых сил, во-первых, потому что принимает ключевые решения, касающиеся организации и личного состава этих сил и (также нередко) их снабжения, во-вторых, потому что возглавляет централизованный аппарат средств связи и разведки.

Подобные социостратегические преимущества благоприятствуют политическим руководителям современных индустриальных аппаратных государств. Это во многом объясняет, почему в 1930-х годах Сталину удалось ликвидировать недовольных руководителей Советской армии и двух начальников ГПУ подряд и почему в 1944 году национал-социалистический центр одержал победу над генералами, которые пытались свергнуть Гитлера.

8.1.3.b. Гражданские чиновники против военных чиновников

Военные чиновники, как и их гражданские коллеги, являются частью обширного чиновничества, и нередко обязанности обеих групп пересекаются. Когда основные гражданские и военные задачи одновременно выполняются одними и теми же высшими чиновниками (наместниками, сатрапами и т.д.), конфликты между военными и гражданскими чиновниками происходят только на более низких уровнях власти. Однако часто эти две сферы деятельности представлены двумя отдельными группами, и тогда подобные конфликты возникают в верхних эшелонах иерархии власти.

Вне периодов становления, упадка и кризиса в гидравлическом мире военные лидеры имеют возможность занять важное положение при нескольких условиях: (1) во всех центральных и периферийных районах, которые расположены между сильными соседними государствами и требуют сильной защиты по международным причинам; (2) в периферийных районах, так как меньшая значимость управленческой бюрократии увеличивает вес армии; (3) в

обществах завоевателей, где армия является существенным фактором не только для установления режима, но и для его сохранения.

Ряд государств буддийской Индии попадают в первую категорию, средняя и поздняя Византия и постмонгольская Россия - во вторую, многочисленные общества завоевателей Старого и Нового Света - в третью.

Борьбу между гражданским и военным чиновничеством можно отчётливо проследить в нескольких гидравлических цивилизациях. В фараонском Египте чиновники, которые занимались собственно военным ремеслом (передовой командный состав), были в течение длительных периодов времени подчинены военным администраторам, то есть чиновникам, которые вели военные записи и организовывали снабжение и оснащение армии. Но в иной ситуации передовой командный состав мог успешно служить противовесом представителям гражданской администрации. Фараон назначал некоторых из них на важные государственные посты, где на них как на новых людей, занимающих подчинённое социальное положение, можно было положиться в том, что они будут отстаивать его интересы против амбиций ранжированных гражданских чиновников.

При мамлюках военный командный состав, который состоял исключительно из мамлюков, оставался в стороне от местной бюрократии и занимал более высокое положение. Его представители имели возможность - и пользовались возможностью - лишать гражданских чиновников собственности, сажать их в тюрьму и казнить, когда считали, что последние превышали свои полномочия.

В течение последнего периода Римской республики успешные полководцы поднимались на вершину политической иерархии, а во времена империи армия играла доминирующую роль на протяжении многих веков, хотя эта роль и была различной в разное время.

Острогорский считает борьбу между конкурирующими силами столичной гражданской аристократии и провинциальной военной аристократии основной тенденцией византийского общества. Смысл этого утверждения становится ясным, если мы вспомним, что византийская гражданская аристократия была канцелярским дворянством (Beamtenadel), то есть аристократией чиновников, и что обе группы конкурировали в рамках канцелярского государства (Beamtenstaat), то есть бюрократического государства, чей чиновничий корпус постоянно разрастался и, являясь правящим слоем, выдвигал всё более высокие требования.

Внутриправительственная борьба в Китае в эпоху правления династии Тан и в аналогичные периоды истории других гидравлических цивилизаций была в значительной степени борьбой между гражданской и военной ветвями ранжированного чиновничества.

8.1.4. Бюрократические активисты против бюрократического дворянства

Конфликты между занимающими должности чиновниками и представителями бюрократического дворянства напоминают внутрибюрократическую борьбу в том, что тоже часто связаны с интригами и махинациями соперничающих придворных клик. Однако у этих конфликтов есть важные особенности. Деятельные чиновники обладают властью; представители бюрократического дворянства способны оказывать влияние. Занимающие должности исполнители имеют отличные возможности для накопления богатства; бюрократические рантье имеют прекрасные возможности для сохранения по крайней мере в течение своей жизни того богатства, которое у них есть. Этих различий в положении активных чиновников и бюрократических дворян вполне достаточно для того, чтобы объяснить природу конфликтов, возникающих между представителями этих групп.

Если заинтересованными оказываются лица одного и того же ранга, то при прочих равных условиях обладание властью восторжествует над возможностью оказывать влияние, а занимающий должность исполнитель - над рантье. Однако нередко местный чиновник низкого ранга может стать в оппозицию к представителям дворянства, которые способны одержать победу, потому что принадлежат к бюрократически могущественной семье. Изучение могущественных семей в гидравлическом обществе показывает решающую роль, которую власть играет в этом обществе при определении статуса, влияния и доходов.

Дворянско-бюрократический конфликт может затронуть только одного дворянина, человека, так сказать, пытающегося посредством собственного влияния уменьшить свои налоговые обязательства или увеличить свои земельные владения. Иногда конфликт может затронуть всех представителей местного дворянства, пытающихся приспособить местную политическую жизнь к своим интересам. Представители дворянства могут влиять на максимум рациональности правителя (и в действительности олицетворять этот максимум), могут драматизировать свои намерения, привлекая простых людей к выступлениям против местных чиновников. Для поддержки своих интересов на местном уровне они могут даже обратиться к высокопоставленным представителям иерархии власти.

В провинции Аньхой после Тайпинского восстания дворяне вместе с другими собственниками земли какое-то время были способны ежегодно обманывать правительство, присваивая себе значительную долю прибыли от земельных доходов. Местные чиновники временно мирились с этим, так как боялись, что настойчивые требования полных налоговых выплат могут побудить народ, подстрекаемый владевшими землями дворянами, к восстанию против недавно прибывшего чиновника-магистрата. Однако в конце концов некоторые храбрые

представители бюрократии предложили восстановление уничтоженного кадастра с целью восстановления государственного контроля над доходами.

С другой стороны, некоторые представители дворянства в определённом регионе провинции Чжэцзян были недовольны местным чиновником-магистратом из-за его вымогательства. Они обратились к его начальнику с просьбой о понижении этого чиновника в должности.

В имперском указе от 14 апреля 1890 года выражено сожаление по поводу общепринятой среди провинциального дворянства и учёных практики примешивать свои интересы к государственным делам, а иногда даже оказывать давление на власть. Первые оправдывали свои действия, заявляя, что этим способствовали государственному благу. Однако согласно официальной точки зрения эти действия на самом деле были направлены на эгоистические цели. Издание указа показывает, что местные чиновники, временно находившиеся в неблагоприятном положении, в итоге благодаря поддержке центрального правительства одержали победу над дворянством.

Во времена политического упадка дворянство отстаивало свои права по-разному, но при сильном режиме чиновники обычно добивались выполнения своих требований. Последнее происходило в ранней и средней Византии и в России в XIX веке, где обсуждение условий освобождения крепостных показали относительную силу бюрократического и собственнического (дворянского) крыла правящей знати. Рассуждая теоретически, основную выгоду при отмене крепостного права в 1861 году могли получить либо (бюрократические) собственники земли, либо абсолютистское государство и его чиновники, либо крестьяне. Фактически же правительство в одностороннем порядке определило, что Редакционная комиссия должна была состоять из чиновников различных ведомств, которые должны были заниматься крестьянскими делами совместно с рядом опытных собственников земли. Таким образом, условия отмены крепостного права были урегулированы путём бюрократических обсуждений; и обе группы, бюрократические собственники земли и чиновники, представили соответствующие аргументы, которые были основаны не на каком-либо идеальном представлении, а на признании нужд собственников земли или государства. Бюрократическую сущность земельных интересов знати выражал граф Панин, человек, который в итоге возглавил Комиссию. Панин владел огромными имениями и 21 000 крепостных, но также играл заметную роль в юридических делах правительства. Под давлением царя и своих помощников Панин легко подчинил собственнические устремления знати её бюрократическим интересам.

Отношения между бюрократическими активистами и бюрократическим дворянством, схожим с рантье, напоминают модели конфликтов, происходящих в крупных корпорациях современного индустриального общества. Акционеры компании, которые не входят в её штат, имеют право на ежегодном собрании прокомментировать политику компании или задать вопросы. Но такое

нерегулярное желательное участие далеко от эффективного контроля. Довольные своими дивидендами, большинство акционеров готовы оставить фактическое управление лицам, исполняющим должностные обязанности. При принятии решений и в отношении персонала эти лица наделены высшей властью в корпорации; и даже если первоначально у них имелся малый капитал, им доступны несравненно большие возможности для улучшения своего материального положения, чем акционерам.

В отличие от акционеров корпорации, которые имеют право собираться, чтобы открыто высказывать своё мнение, а также прибегать к правовым действиям, представители гидравлического дворянства, даже если им принадлежали значительные площади земли, не могли свободно объединяться или собираться. Возможности организованных акций были ограничены чиновниками, которые, контролируя большую часть производственного излишка страны и монопольно обладая правом принуждения, не имели никаких трудностей для поддержания бюрократических интересов вопреки имущественным интересам правящего класса. И они поступали так, даже когда одновременно являлись чиновниками и крупными собственниками земли, как в случае с графом Паниным.

Таким образом, конфликты между бюрократическим дворянством и ранжированными чиновниками ещё раз наглядно демонстрируют уникальное властное положение, которым пользовались в гидравлическом обществе представители государственного аппарата.

8.1.5. Конфликты между самодержцем и другими представителями правящего класса

Самодержца уподобляли животворящему солнцу, лютым зверям и безжалостной силе молнии, бури и наводнения. Для своих подданных он в самом деле воплощал все эти качества, и те подданные, которые действовали от его имени, стремились исполнять его желания и влиять на них.

Но хозяин механизма является также его слугой. В практическом плане самодержец зависит от лиц, которые выполняют его приказы. Придворная история Востока содержит описания бесконечных попыток повлиять на самодержца и столь же бесконечных попыток правителя господствовать над всеми личностями и безликими (бюрократическими) силами. В результате возникают многочисленные конфликты. Рассматривая противоречивые отношения самодержца с его родственниками, с одной стороны, и с его ранжированными чиновниками, с другой стороны, мы можем выделить несколько типов конфликтов, а также несколько основных способов, которыми противоборствующие стороны пользуются для достижения соответствующих целей.

8.I.5.a. Самодержец против своих родственников

8.I.5.a.i. Родственники по крови

Родственники правителя (те, кто являются ими в зависимости от господствующих моделей родства) постоянно готовы использовать своё социально привилегированное положение в политических целях. Провозглашение преемника, чьё положение находится вне установленной традиции наследования, или смена правителя при его жизни являются рискованными предприятиями, но попытки совершить это предпринимались часто, и не всегда они оказывались безуспешными.

Серьёзные проблемы могут возникнуть даже тогда, когда поддерживается установленная традиция. Как самодержцу контролировать своего наследного принца? Как контролировать своих родственников? Императоры династии Хань предоставляли им много имущества, но мало власти. Такая политика не может устранить все конфликты, но будет значительно ограничивать их, давая определённое преимущество самодержцу.

8.I.5.a.ii. Родственники по браку

Положение родственников правителя по браку является столь же двойственным. Они добиваются политической значимости, потому что одна из женщин их рода - жена правителя. Таким образом, они обоснованно заинтересованы в самом правителе, который со своей стороны может доверять им больше, чем своим кровным родственникам. Правители династии Хань почти всегда держали своих кровных родственников подальше от службы, но многие представители семьи императрицы получали высокие посты в бюрократической системе. Императоры Ляо были менее пристрастными, но они тоже часто обращались к своим родственникам со стороны жены, когда нужно было назначать людей на ключевые политические должности. Конечно, такая политика имеет свои опасности. Родственники по браку, которые обладают большой властью, могут низвести правителя до роли марионетки в течение его жизни. Или после его смерти они могут объявить одного из детей правителя его преемником, а затем править вместо него. В течение длительного времени в эпоху правления династии Ляо империей правили вдовствующие императрицы.

Как самодержец контролировал своих родственников по браку? Ограничения политического евнухизма приводили к уменьшению влияния жён правителя, и меры, применявшиеся для охраны наследника, также имели очевидные преимущества. Правитель народа тоба дошёл в крайности: он убивал свою жену после того, как она рожала ему наследника. Но такие радикальные средства применялись редко. Чаще же вместо убийства матери своего сына (или сыновей) правитель наполнял гарем юными рабынями. Их родственники обычно были людьми низкого происхождения, и хотя некоторые из них могли достигнуть высокого социального статуса, как группа они несли гораздо меньшую угрозу, чем знатные и занимающие прочное общественное положение семьи его жён. Некоторые китайские императоры являлись сыновьями бывших 'певчих девушек', а большинство халифов^с и турецких султанов - сыновьями бывших рабынь.

Проблемы, которые создавали родственники по крови, резко контрастируют с проблемами, которые создавали родственники по браку. В отношении первых правитель мог свести основания для враждебности к минимуму; в отношении вторых он мог, при оптимальных условиях, полностью ликвидировать эти основания.

^с У всех халифов Аббасидов, кроме трёх, матери были рабынями. [Назад](#)

8.I.5.b. Самодержец против ранжированных чиновников

8.I.5.b.i. Ещё одна проблема самодержавия

Попытка деспота контролировать своих родственников является лишь частным случаем его общих попыток контролировать служащих ему людей. Ни один из этих вариантов не указывает на отсутствие самодержавной власти. С другой стороны, правитель, в чьих руках сосредоточена вся власть над важными государственными решениями, отнюдь не находится за пределами влияния тех, кто ему служит. А поскольку интересы чиновничества часто предполагают принятие одного решения, а интересы правителя - другого, существует значительное пространство для конфликтов. Излишне говорить, что господство государя будет тем более полным, чем более полно он определяет выбор своих гражданских и военных чиновников и контролирует их исполнительную деятельность.

Тот факт, что правитель во время мира или войны может настаивать на нерациональной линии поведения, даже если это ставит под угрозу само существование государства, подчёркивает, до какой степени власть сосредоточена в его руках. Тот факт, что его незначительные решения могут серьёзным образом влиять на престиж, доход и безопасность его чиновников, подчёркивает уникальную политическую чувствительность правящего класса в условиях тотальной власти.

8.I.5.b.ii. Человеческие (социальные) отношения выражаются посредством институциональных мер

Деспот устанавливает горизонтальный контроль, давая равные полномочия двум или более чиновникам. Он поддерживает вертикальный контроль посредством сложной системы отчётности и надзора. И он демонстрирует свою высшую власть благодаря безжалостным методам наказаний и поддержания дисциплины. Таким образом, он способен противостоять стремлениям своих ранжированных чиновников к большему влиянию (в качестве советников и составителей воззваний), к большей свободе (в качестве представителей исполнительной власти и судей), к увеличению богатства (в качестве манипуляторов государственными доходами) и к получению больших социальных преимуществ (в качестве бенефициаров и обладателей наследственных привилегий).

Получаемые в итоге институциональные меры являются не только организационными и техническими, как полагают некоторые эксперты. Они скорее выражают человеческие (социальные) отношения между двумя важнейшими противоборствующими сторонами правящего класса. Эти отношения всегда смещены в пользу деспота, и так бывает даже там, где чиновники пользуются наследственными привилегиями. Особенно наглядно это проявляется там, где правитель назначает своих чиновников без необходимости считаться с самовоспроизводящейся (знатной) бюрократией.

8.I.6. Самодержавные методы контроля бюрократического персонала

8.I.6.a. Осуществляемый правителем контроль над наследственным чиновничеством (бюрократической знатью)

Представители наследственных (знатных) чиновничьих семей обычно имеют наследственные притязания на служебную должность, но не обязательно имеют притязания на особую должность или должность соответствующего ранга. Если наследственный служащий совершил серьёзную ошибку или предательство, правитель может полностью отменить семейную привилегию и поработить или уничтожить виновника. Правитель, который ограничен в выборе своих чиновников определённой группой лиц, тем не менее утверждает свою власть путём возвышения или понижения в должности представителей этой группы по собственному желанию.

8.I.6.b. Самодержавные методы ослабления или уничтожения способности ранжированного чиновничества к самовоспроизведению

Но сам деспотизм бывает разным. Деспот может уменьшить социальную однородность ранжированных чиновников путём назначения посторонних лиц, может назначать людей низкого происхождения на более высокие должности, чем чиновников из высшего общества, может отдавать предпочтение жрецам, знати из 'варваров', евнухам или чиновникам-рабам. В руках государя такие методы становятся оружием для утверждения его самодержавной власти против стремлений и бесконечных политических интриг ранжированного чиновничества.

8.I.6.b.i. Жрецы

Включение в ряды правительства профессиональных религиозных служащих является важным средством предотвращения однородности чиновничества. У майя жрецы, предположительно, регулярно исполняли обязанности чиновников. В Индии ведущее положение воинов-правителей, кшатриев, было ослаблено назначением на правительственные должности брахманов и институтом пурохит. От домашнего жреца монарха, бывшего главным советником своего государя, можно было ожидать, что он будет способствовать выбору жрецов на должности чиновников всякий раз, когда это позволят обстоятельства. Даже при мусульманских правителях Индии бывали случаи, когда брахман становился их государственным секретарём. Значимость жрецов среди советников царя, вероятно, во многом объясняет, почему в индуистской и мусульманской Индии у евнухов было мало возможностей занять положение высокопоставленных советников, которое они достигали в других цивилизациях Востока.

8.I.6.b.ii. Простые люди (общие замечания)

Профессиональные чиновники господствующей религии являлись представителями правящего класса, и правитель, который держал на службе их или по тем же причинам своих родственников по крови или по браку, уравнивал стремление бюрократии к самовоспроизведению, не опираясь на народ.

В более широком смысле народ включал в себя простых людей и рабов. Но характерной особенностью социальной подвижности при агроуправленческом деспотизме было то, что при режиме такого типа рабов (и евнухов) более систематично назначали на ключевые политические позиции, чем простых людей.

Наследственные чиновники и жрецы, занимая правительственные посты, придавали большое значение уровню образования, необходимому для выполнения их бюрократических задач, так что у их господина было мало оснований сбрасывать со счетов предварительную подготовку, которая с точки зрения эффективности и престижа казалась в высшей степени желательной. Эта предварительная подготовка давала серьезные аргументы против неизбежного назначения простых людей на государственные посты.

В Индии шудрам как социальной группе не разрешали изучать священные книги, вайшьи были не столь ограничены. Но сколько из них на самом деле получили такое же всестороннее образование, какое было у брахманов или кшатриев? У майя богатые простолюдины занимали правительственные должности, но, как отмечалось выше, время от времени иерархию чиновников очищали от тех, кто не разбирались в оккультных знаниях высшего класса. Конфуций признавал, что простые люди могут быть учениками^d, но, как и их знатные коллеги, они должны были хорошо ознакомиться с традициями и светским и религиозным церемониалом, прежде чем их могли принять на службу.

^d Как известно, один из них, Цзы-кунг, был предпринимателем. О видном положении Цзы-кунга среди последователей Конфуция см. [Крил]. [Назад](#)

8.I.6.b.iii. Простые люди: социальные последствия и ограничения китайской экзаменационной системы

Китайская экзаменационная система часто рассматривается как социальный институт, который на протяжении всего периода имперского правления давал простым людям доступ к государственной службе. Поскольку участие в экзаменах базировалось не на приглашении сверху, а на добровольных заявлениях возможных кандидатов, вполне может показаться, что китайская бюрократия этого периода формировалась в значительной степени из народа.

Китайская экзаменационная система и в самом деле дала возможность некоторым квалифицированным простым людям влиться в ряды бюрократии, но её социальные последствия были гораздо скромнее, чем то, что преподносит нам популярная легенда. Как же было на самом деле? Вопрос является достаточно важным для понимания социальной подвижности в гидравлическом обществе, и это оправдывает приводимое ниже краткое изложение функции и ограничения китайской экзаменационной системы.

Прежде всего, китайская экзаменационная система обеспечивала абсолютистское правительство Китая кандидатами на должности чиновников только в течение сравнительно позднего ограниченного периода. В эпоху правления династии Чжоу и, вероятно, в эпоху правления династии Шан основная часть всех чиновников занимала должности благодаря тому, что должности занимали их предки. В эпоху правления династии Хань (206 год до нашей эры - 220 год нашей эры) вступление в правительственную должность зависело главным образом от назначения, исходящего от императора или особого чиновника; кроме того, занимавшие должности отцы могли рекомендовать собственных сыновей. Метод 'рекомендуемых сыновей' (jên tzü) благоприятствовал самовоспроизведению отдельных бюрократических семей, в то время как назначение способствовало самовоспроизведению ранжированного чиновничества в целом. Изучение биографических данных, включённых в династические истории времён правления династии Хань, даёт глубокое понимание последствий этих процедур, которые на самом деле являются бюрократическим вариантом аристократического принципа кооптации. Опираясь на этот источник, мы находим, что не более чем 8 процентов всех чиновников, чьё социальное происхождение известно, были простыми людьми, остальные были родственниками императора (в основном родственниками по браку), представителями других знатных семей или - и их было подавляющее большинство - родственниками чиновников.

Период распада, который закончился в 589 году нашей эры, изменил ранние правительственные модели. Хотя войны и завоевания предоставили возможности для возвышения людям из социальных низов, ограниченное число семей смогло сохранить своё положение в государственном аппарате. При власти проникших в страну династий северокитайских завоевателей преобладала знать, происходившая из Внутренней Азии; а на юге местные семьи наследственных чиновников (shih chia) также занимали видное положение. Биографические данные, относящиеся ко времени правления южной династии Цзинь (216-419 годы), показывают, что около 9,5 процента всех

чиновников, чьё социальное происхождение известно, вероятно, были простыми людьми^e.

Широко обсуждаемая экзаменационная система была учреждена только во времена второй единой империи, когда недолго правила династия Суй (581-618 годы). Она была полностью разработана во время правления следующей династии - Тан, то есть возникла спустя почти семнадцать веков после начала правления династии Чжоу и спустя почти восемь веков после начала имперской эры. И даже в течение первой половины своего тринадцативекового существования её влияние на социальный состав имперской бюрократии было серьезно ограничено узаконенной социальной дискриминацией, наследственными претензиями на должности (привилегии инь) и, при династиях завоевателей, имевшей политическое значение 'варварской' знатью господствовавшего народа.

Китайская экзаменационная система была учреждена не демократическими силами, а деспотическим правителем в одностороннем порядке. Безусловно, ранжированные чиновники повлияли на первоначальный план, и они реализовали его после того, как система была учреждена. Любой, кто имел право на участие в экзаменах, мог взять на себя инициативу подать заявление, и это являлось значительным отличием от предыдущей системы назначения чиновников. Однако даже при экзаменационной системе в конечном счёте император и его чиновники решали, кто и как будет назначен. Правительство определяло заранее, сколько может быть присвоено учёных степеней; и даже обладатели самой важной степени, цзиньши, изначально допускались к службе только после того, как проходили своего рода испытание на гражданской службе.

Требование иметь законченное классическое образования давало членам чиновничьих семей и, конечно же, родственникам правящей фамилии огромное культурное и социальное преимущество. Это преимущество усиливалось мерами, которые, с одной стороны, ограничивали доступ к службе простых людей, а с другой стороны, предусматривали узаконенные претензии родственников высших и средних чиновников на служебные должности.

Уставы династии Суй, которые положили начало экзаменационной системе, явно исключали ремесленников и купцов из числа людей, имевших право занимать должности. Подобная политика дискриминации преобладала и в эпоху правления династии Тан, а также с некоторыми изменениями в эпоху правления династии Сун. Так как торговля более, чем любая другая деятельность, предоставляла простым людям условия для накопления богатства и получения образования, дискриминация в отношении купцов лишала возможности пополнить ряды правительства именно тех простых людей, которые имели значительно лучшие способности для подготовки к экзаменам^f.

Кроме того, уставы, которые ограничивали ремесленников и купцов, давали дополнительные преимущества бюрократии. На основании своего положения в

правительстве высшие и средние чиновники получали 'покровительственную' (инь, уи) привилегию, позволявшую одному или нескольким сыновьям чиновников^g начинать гражданскую службу без сдачи экзамена. Эта привилегия, которая восстановила в новом обличье освящённые веками исключительные права чиновников, возникла в эпоху правления династий Суй и Тан, то есть как только возник сам институт экзаменов. Система инь претерпела значительные изменения в течение правления династии Сун, но продолжала играть значительную роль и в ту эпоху, и во времена, когда правили первые две из четырёх великих династий завоевателей, Ляо и Цзинь.

Монголы с крайней подозрительностью относились к своим китайским подданным. Поэтому любым другим методам отбора они предпочитали явное назначение своих китайских чиновников на должности. В течение большей части своего правления монголы не проводили экзамены, и когда в конце концов их возобновили, число степеней цзиньши оставалось гротескно низким: в среднем оно составляло не более семидесяти (включая степени, полученные 'варварами'). Монголы также сократили квоту инь для сыновей и внуков до одного человека по сравнению с десятью и двадцатью бенефициарами в эпоху правления династии Сун и шестью в эпоху правления династии Цзинь. Но они благоволили обладателям привилегии инь в том, что позволили им начать службу с пятого ранга в бюрократической иерархии, то есть с более высокого уровня, чем при династии Тан^h. Императоры династий Мин и Цин низвели привилегию инь до тени её былой значимости. Они предоставляли её только потомкам высших чиновников, и получавшие привилегию бенефициары могли достичь высокого положения, только если они уже сдали экзамены.

Роль обладателей степени цзиньши указывает на одну важную функцию экзаменационной системы. Глубокое знание китайских традиций, необходимое для экзаменов, пропитывало сознание студентов социальной философией правящей бюрократии и великими традициями её полууправленческой и абсолютистской государственности. Таким образом, конкурентная экзаменационная система была отличным средством тщательного воздействия на сознание амбициозных простых людей и принуждения талантливых сыновей чиновников и семей бюрократических дворян, которые подчинялись одной из самых всесторонних профессионально-идеологических подготовок.

В течение первых шести веков для простых людей экзамены были доступны с серьёзными ограничениями, а в течение последних шести веков этих препятствий не было. Но насколько много простых людей на самом деле смогли подняться до положения правительственного чиновника имперского Китая благодаря этой методике? Опять же, биографические данные, включённые в каждую династическую хронику, дают нам бесценную, хотя и выборочную, информацию. Эти биографии многочисленны, фактически более многочисленны, чем любое другое собрание соответствующих сведений в любой другой аграрной цивилизации, и они касаются в основном высших и

средних чиновников, которые включены в списки не из-за своего ранга, а из-за своих достижений.

Наша предварительная попытка определить социальный фон официальных биографий, относящихся к эпохам правления некоторых из наиболее важных имперских династий, показывает, что в эпоху правления династии Тан (618-907 годы) из всех чиновников, чьё социальное происхождение поддаётся определению, около 83 процентов происходили из высшего общества: около 70 процентов - из семей чиновников, а оставшиеся 13 процентов - из правящей фамилии или других знатных семей. Почти 7 процентов были 'варварами' (правящая фамилия Тан была по крайней мере частично турецкого происхождения). И менее 10 процентов были простыми людьми.

Соответствующие данные для эпохи правления династии Сун (960-1279 годы) приводят к выводу, что минимальная доля чиновников, происходивших из высшего общества, составляла около 85 процентов: 72 процента происходили из семей чиновников, 13 процентов - из правящей фамилии. Около 15 процентов были простыми людьми.

Наше исследование биографий эпохи правления монгольской династии (1234-1368 годы) приводит к выводу, что около 85 процентов всех чиновников, чьё социальное происхождение поддаётся определению, происходили из высшего общества: 74 процента - из семей чиновников, 11 процентов - из правящей фамилии. Около 15 процентов происходили из простых людей.

Местные правители династии Мин вовсе не стремились восстановить домонгольские привилегии бюрократии. Контроль над чиновниками они осуществляли сверху посредством политического евнухизма. А поступление простых людей на государственную службу они сделали более доступным, лишив привилегию инь прежней значимости и отменив дискриминацию ремесленников и купцов, которую поддерживали правительства династий Суй, Тань и Сун. В эпоху правления династии Мин 77 процентов чиновников, чьё социальное происхождение поддаётся определению, происходили из высшего общества: 63 процента - из семей чиновников, 14 процентов - из правящей фамилии. И около 23 процентов происходили из простых людей.

Маньчжурские правители благоволили стремлению бюрократии к самовоспроизведению не более, чем их предшественники из династии Мин. Контроль над своими китайскими чиновниками они осуществляли сверху посредством местной знати, чьё политическое положение было укреплено благодаря сохранению их наследственных привилегий. И маньчжурские правители, как и правители династии Мин, облегчили для простых людей доступность сдачи экзаменов и получения служебных должностей благодаря сокращению привилегии инь и не прибегая к дискриминации ремесленников и купцов. Особенно маньчжурские правители боролись с покупкой учёных степеней, так как эта борьба являлась способом предотвратить превращение шэньши (чиновников и обладателей степеней) в социально однородную массу.

Имперский указ 1727 года содержал резкую критику многих лиц, которые получили служебные должности благодаря экзаменам. 'Если возможности служебной карьеры необходимо полностью предоставить тем, кто получает должности на основе экзаменов, им просто следует сплотиться и работать для своих частных интересов, а не для интересов общественных. Это несёт большой вред общественному благополучию и благосостоянию народа. А систему покупки должностей необходимо соответствующим образом расширить'.

Согласно результатам недавнего анализа социального происхождения кандидатов на получение степени цзиньши, процент кандидатов, чьи предки не были ни чиновниками, ни обладателями учёных степеней, сильно возрос в течение XIX векаⁱ. А исследование шэньши в XIX веке показывает, что лица, которые вошли в эту социальную группу благодаря не экзаменам, а покупке учёной степени, составляли около 32 процентов мелкого дворянства в течение первой половины XIX века и около 36 процентов после 1854 годаⁱ.

Результаты нашего анализа подтверждаются для эпохи правления династии Сун двумя списками лиц, получивших учёную степень цзиньши в 1148 и 1256 годах соответственно; эти списки, хотя и не содержащие полные сведения о социальном происхождении^k, дополнительно проливают свет на нашу проблему. Предполагая, что в течение тридцати лет, с 1142 по 1171 годы, почти 4500 человек^l сдали экзамены; что все эти лица и такое же количество людей, которые, по-видимому, поступили на службу другими способами, добились правительственных должностей; что по крайней мере половина всех лиц, ставших цзиньши, принадлежали к правящему классу как родственники императора, действующие чиновники или представители бюрократического дворянства^m; что средняя продолжительность службы была около двадцати летⁿ, мы получаем, что среди 33 000 гражданских и военных чиновников^o в общей сложности 9 процентов могли происходить из простых людей. Эти цифры значительно ниже 15 процентов, предложенных в нашем более раннем анализе. Чтобы объяснить это расхождение, нам следует предположить, что император династии Сун назначал на должности простых людей, не имевших преимуществ учёных степеней, чаще, чем было предложено выше.

Многие подробности китайской экзаменационной системы всё ещё нуждаются в уточнении, но следующее видится определённым: если императоры династий Суй и Тан учредили экзаменационную систему по крайней мере отчасти для того, чтобы изменить социальный состав ранжированного чиновничества, то следует сказать, что достигнуть этой цели с помощью экзаменационной системы не удалось. Экзамены обеспечивали амбициозное ядро правящего класса одной из самых интенсивных интеллектуально-доктринальных подготовок; экзамены вливали различные порции 'свежей крови' в ранжированное чиновничество. Но они не разрушили тенденцию к социально-политическому самовоспроизведению, которая господствовала в мыслях и действиях этой социальной группы.

^e В 1935-1936 годах в Пекине я проводил изучение социального происхождения чиновников, перечисленных в биографических разделах официальной истории нескольких имперских династий. В 1938 году я обобщил результаты предварительного анализа наших изысканий следующим образом: 'Некоторые порции 'свежей крови', возможно, были получены из низших слоёв общества благодаря экзаменационной системе, но в целом правящее чиновничество в социальном плане более или менее воспроизводило само себя. Китайская экзаменационная система имела вполне определённую функцию, но, как и в случае семьи, эта функция никоим образом не представляла из себя то, что до сих пор преподносит нам популярная легенда'.

С 1939 в рамках проекта по изучению истории Китая, Нью-Йорк, исследовались несколько аспектов китайского чиновничества, включая систему инь. Был детально изучен отбор чиновников в эпоху правления династии Ляо и во многом уточнён более ранний статистический анализ биографий эпохи правления династии Хань. По нескольким причинам до сих пор не удалось настолько же полно обработать биографии, относящиеся к эпохам других крупных династий, но так как проблема социальной подвижности является очень важной, я чувствую себя вправе представить некоторые приведённые выше результаты моего первоначального пробного исследования вместе с некоторыми из наших более поздних изысканий. [Назад](#)

^f В эпоху правления династии Сун правительственные должности могли быть предоставлены лицам, которые пожертвовали своё зерно на помощь голодающим. Эта политика, которая была равнозначна косвенной продаже должностей, дала некоторым купцам шанс начать государственную службу. Но это, скорее всего, практиковалось только в связи с особой чрезвычайной ситуацией. [Назад](#)

^g Их число варьировалось в разные периоды. [Назад](#)

^h Действительно, монголы повысили с седьмого ранга до пятого уровень в официальной иерархии, с которого могли начинать службу претенденты с привилегией инь. Первоначально имевший привилегию инь сын отца, занимавшего должность одного из трёх высших рангов, мог начать свою карьеру с седьмого ранга, а имевшие привилегии инь сыновья отцов, занимавших должности четвёртого или пятого рангов, могли начать службу с восьмого ранга, в то время как обладатели известной степени цзиньши могли подавать заявки на должности только низшего или девятого ранга. Чиновники с привилегией инь могли дослужиться до высших постов, включая пост первого министра, и хотя в эпоху правления династии Тан этот высший пост в большинстве случаев занимали обладатели учёной степени цзиньши, многие сыновья с привилегией инь, вероятно, достигли постов среднего или верхнего среднего уровня. [Назад](#)

ⁱ См. неопубликованное исследование чиновничества эпохи правления династии Цин, выполненное доктором Ч. К. Яном для проекта по изучению современной истории Китая, институт Дальнего Востока и России при Вашингтонском университете, Сиэтл. [Назад](#)

^j Для получения дополнительных сведений о положении шэньши в конце периода правления династии Цин см. ниже, а также гл. 7 выше. [Назад](#)

^k Дополнительную информацию об этих двух списках см. в [Краке]. Второй список имеет существенные пробелы, и оба, подобно династическим биографиям, содержат только выборочные данные, касающиеся чиновничьего происхождения сторонников империи. Вдумчиво изучая это происхождение, Краке рассматривал только родственников по прямой линии до третьего колена (прадедов) включительно. Однако помимо таких лиц в списке 1256 года регулярно упоминаются братья дипломантов, которые имели учёные степени или занимали должности. В двух случаях, когда предок не по прямой линии занимал государственную должность, пять и семь братьев соответственно тоже имели должности. И в обоих списках отмечены братья, дяди, двоюродные деды и прапрадеды, которые были главами семей. В отличие от Краке, мы считаем, что дипломанты, у которых были такие родственники, происходили из чиновничьей среды, и в результате мы добавим ещё шестнадцать случаев для 1148 года и двадцать для 1256 года к тому количеству дипломантов, происходивших из чиновничьей среды, которое указывает Краке. Это повышает процент дипломантов, чьё чиновничье происхождение известно, с 43,7 до 49,5 процента в первом случае и с 42,1 до 45,6 процента во втором. [Назад](#)

^l Точное количество, согласно Краке, составляет 4428 человек. [Назад](#)

^m В своём исследовании, вышедшем в 1947 году, доктор Краке проводит существенное различие между дипломантами, происходившими из чиновничьей среды, и дипломантами, не происходившими из чиновничьей среды. Поэтому ожидаемо, что наши показатели оказываются несколько выше, чем его. Все дипломанты 1148 года, которые являлись членами императорской семьи Чжао, перечислены в списке династии Сун как имевшие родственников, которые занимали служебные должности, и поэтому они учтены доктором Краке. Однако в списке 1256 года перечислены только имена дипломантов Чжао, которых было двадцать семь. Доктор Краке последователен в том, что не учитывает их, но мы одинаково последовательны в том, что учитываем их. Таким образом, мы получаем, что 50,3 процента всех дипломантов 1256 года принадлежали к правящему классу. Ввиду ограниченного характера данных о происхождении чиновников, содержащихся в обоих списках, приведённая нами выше оценка, согласно которой по крайней мере половина всех дипломантов цзиньши принадлежали к правящему классу, является, вероятно, вполне умеренной. Я хотел бы воспользоваться возможностью, чтобы поблагодарить господина Фан Чао-ина, обратившего моё внимание на упомянутых в списках императорских родственников, и профессора Тун-цу Чу за его тщательную

перепроверку сведений социального характера, содержащихся в двух списках династии Сун. [Назад](#)

ⁿ Доктор Краке предполагает, что (гражданские) чиновники служили в среднем около тридцати лет каждый (экзамены сдавали мужчины обычно в возрасте от двадцати до пятидесяти лет). Последний упомянутый факт свидетельствует о том, что часть кандидатов оставались физически и умственно полноценными до пятидесяти лет, но это ничего не говорит нам о политических условиях, которые определяли или сокращали срок карьеры чиновника при деспотизме Востока. Не имея соответствующих статистических сведений об эпохе правления династии Сун, я возвращаюсь к биографическим данным эпохи правления династии Хань, которые были подробно проанализированы при работе проекта по изучению китайской истории. Среди чиновников эпохи правления династии Хань, о которых доступна подобная информация, около 45 процентов находились на службе в течение менее чем десяти лет, более 18 процентов - от десяти до девятнадцати лет. Это наводит на мысль, что средний срок службы был не более десяти лет. В конце Северного периода империи Сун, в 1119 году, численность владельцев привилегии инь была значительно, хотя и временно, снижена из-за предоставления её только гражданским и военным чиновникам, которые занимали должность в течение более чем четырнадцати и девятнадцати лет соответственно. Очевидно, что эти сроки пребывания на службе не считались слишком короткими (иначе срок не имел бы такой ограничительной важности) или слишком долгими (иначе они были бы недостижимыми). Если предположить, что средний срок пребывания на службе в эпоху правления династии Сун был определён более длительным, чем в эпоху правления династии Хань, и немного более длительным, чем указано для 1119 года, средняя оценка в двадцать лет покажется вполне разумной. [Назад](#)

^o В Китае традиционно в качестве правительственных служащих (po kuan) рассматриваются как гражданские, так и военные чиновники; и на протяжении всего имперского периода гражданские чиновники неоднократно занимали военные посты, а военные чиновники - гражданские посты. (Об эпохе правления династии Сун см. [Краке]). Принимая в качестве аргумента средний срок службы равным тридцати годам (неправдоподобно высокая оценка на основании наших данных) и рассматривая только гражданских чиновников (согласно Краке, около 11 000 человек), мы находим, что в качестве сдавших экзамены дипломантов простые люди могли составлять 20,4 процента всего гражданского чиновничества. Если принять средний срок службы равным двадцати годам, то показатель сократится до 13,6 процента. Наш расчет основан на комбинировании численности гражданских и военных чиновников в эпоху правления династии Сун, выполненном Цинь Ю-фу и представленном Краке в предпоследнем примечании его исследования. [Назад](#)

8.I.6.b.iv. Евнухи: принцип

Совсем другой метод укрепления самодержавной власти правителя над его чиновниками давало привлечение кастрированных людей - политических евнухов.

Вероятно, сперва кастрация применялась для крупных одомашненных животных. В древней Америке, где таких животных не было, нет никаких свидетельств евнухизма. Однако на Ближнем Востоке упоминания о кастрированных животных появились в середине второго тысячелетия до нашей эры, а возможно, что и раньше². Кастрация человека как форма наказания использовалась в Ассирии во второй половине второго тысячелетия до нашей эры. Но применение политического евнухизма на Ближнем Востоке и в Китае явно подтверждается только начиная с первого тысячелетия до нашей эры⁴.

По всей видимости, евнухов использовали в качестве охранников гаремов, прежде чем они стали политическими функционерами. Легко заметить, что правитель, который мальчиком знал евнухов как личных слуг своей матери, имел склонность полагаться на таких вызывающих доверие слугителей, когда приходил к власти и сталкивался со сложной и чуждой ему бюрократией. Будучи кастрированными во взрослом (обычно за совершение преступления) или в детском (обычно после распродажи имущества бедных родителей) возрасте, евнухи, в отличие от обычных чиновников, не происходили из известных семей. Не имеющие социальных корней, они были обязаны своему правителю всем, что имели и чего достигли, и поэтому их собачья верность господину была результатом не только их положения, но и их отчуждённости от обычных представителей чиновничества или открытой враждебности по отношению к ним. Персидские государи из династии Ахеменидов, которые использовали исключительно политических евнухов, рассказывали гостям из Греции, что эти люди были самыми надёжными подручными, какие только могли быть у правителя.

Деспоты Востока охотно использовали евнухов во многих полуличных и полуполитических сферах дворцовой жизни и собственно в управлении государством. Часто евнухам поручали сбор секретной информации. Нередко они отвечали за личную безопасность своего государя (как начальники его телохранителей), а порой на них возлагали командование важными сухопутными или морскими военными силами или ответственность за царскую казну.

Такие меры оказывались весьма удовлетворительными, ведь хотя евнухи и были искалечены телесно и духовно, они сохраняли свои интеллектуальные возможности и способность действовать. Одному из них, Цай Луню, приписывают изобретение бумаги; а самый выдающийся китайский историк Сыма Цянь завершил свою большую историческую работу после того, как был кастрирован. Евнухи полководцы и флотоводцы, похоже, были не менее изобретательными и смелыми, чем те полководцы и флотоводцы, которые не

подвергались осклоплению. Коварство евнухов на политической арене временами удивляло мастеров дворцовых интриг на Востоке. Причиной этого был страх, а причиной страха - то, что они находились ближе всех к нервным центрам деспотической власти.

^p Несколько отрывков в 'Текстах пирамид' рассматриваются как возможные ссылки на кастрацию, но Берлинский словарь и такие выдающиеся египтологи, как Зете, указывают на проблематичный характер такой интерпретации. С осторожностью, проявленной такими авторитетными источниками, следует отнестись также к отрывку 1462с. Надписи, в которых упоминается дань волами из Сирии, возникли при фараоне Тутмосе III (XV век до нашей эры). Таким образом, в середине второго тысячелетия до нашей эры кастрация животных была известна в Египте и, очевидно, также в Западной Азии, но у нас нет столь же надёжных свидетельств о кастрации людей. [Назад](#)

^q Мейснер не уверен, что упоминаемые в законах Хаммурапи гирсекумы были евнухами. Законы карали прелюбодеяние смертью, в то время как Среднеассирийские законы разрешали кастрацию за прелюбодеяние и другие сексуальные преступления. Таблицы, на которых записаны эти законы, возникли в XII веке до нашей эры, а появление самих законов можно отнести к XV веку до нашей эры. Упоминания в ассирийских текстах тех, кого можно считать политическими евнухами, содержатся в надписях, сделанных при Адад-нирари II (911-891 годы до нашей эры) и Саргоне II (724-705 годы до нашей эры), но поскольку это касается графических изображений безбородых мужчин, Мейснер предупреждает, что они не обязательно указывают на евнухов. [Назад](#)

8.I.6.b.v. Евнухи: несколько исторических фактов

Итак, узаконенный евнухизм, скорее всего, вовсе отсутствовал в древней Америке. Домашний евнухизм был известен во многих крупных регионах Восточных обществ в Старом Свете. Политический евнухизм имел малое распространение в индуистской Индии, где имевшие огромное влияние жрецы составляли наиболее важную группу кандидатов на получение правительственных должностей, не являвшихся кшатриями. В Китае и на Ближнем Востоке евнухизм временами становился грозным оружием самодержавия для надзора и контроля за деятельностью ранжированных чиновников.

В Китае евнухи выступали в роли политических советников и возглавляли армии во второй половине эпохи правления династии Чжоу, то есть в то время, когда ранжированные чиновники всё ещё представляли собой наследственную

(знатную) бюрократию. У основателя Китайской империи Цинь Шихуанди самым близким спутником в конце жизни был евнух Чжао Гао. После смерти императора Чжао Гао удалось уничтожить главного советника Ли Сы и многих других видных чиновников. Этот евнух был настолько могущественным, что после того, как второй император был доведён им до самоубийства, нового императора выбрал сам Чжао Гао, а не один из высокопоставленных чиновников.

Первые государи имперской династии Хань, правившей в течение длительного периода, вскоре начал использовать евнухов для укрепления своего самодержавного правления. Во время правления вдовствующей императрицы Люй Чжи (188-180 годы до нашей эры) евнух Чан Ши-чин издавал указы и отдавал приказы. Во время правления императора Вэнь-ди (180-157 годы до нашей эры) два евнуха пользовались значительным влиянием. Император У-ди (141-87 годы до нашей эры) оставлял решение политических вопросов своим доверенным евнухам, когда удалялся в свой гарем, и два евнуха, Хун Гун и Ши Сянь, играли важную роль в правительстве императора Юань-ди (48-33 годы до нашей эры).

При этих правителях ранней империи Хань отдельные евнухи занимали видное положение. В период поздней империи Хань (25-220 годы нашей эры) евнухи объединились в могущественную группу. Их влияние заметно возросло во второй половине I века нашей эры, а во II веке они держали в своих руках 'царства и знать, их уста произносили повеления Неба'. В качестве подручных императора, его жён или их родственников евнухи временами пользовались почти неограниченным контролем над бюрократией.

Аналогичные процессы также характерны для времён типично китайских династий Тан и Мин. Значимость политических евнухов в эпоху правления династии Тан во многом повлияла на учреждение экзаменационной системы, а в эпоху правления династии Мин - на ограничения привилегии инь. При императорах династии Мин⁴ евнухи возглавляли специальные органы, осуществлявшие надзор за столичными чиновниками и простыми людьми. Евнух Лю Цзинь, самый известный из 'Восьми тигров' (евнухов), систематически преследовал своих бюрократические противников и был настолько же беспощаден в своих делах с представителями бюрократического дворянства. Хотя Лю был в конечном счете казнён, евнухи сохраняли своё могущество, пока династия не пала под совместным натиском китайских повстанцев и маньчжурских захватчиков.

Императоры династии Сун меньше полагались на политический евнухизм, чем правители династий Хань, Тан и Мин, но в начале XII века евнух Тун Гуань достиг самого высокого воинского звания и был назначен главой верховного совета обороны империи.

В Западной Азии евнухизм процветал в эпоху правления Ахеменидов. Он пережил спад в эллинистических монархиях, но снова приобрёл большую силу, когда Римская империя приобрела ярко выраженные черты Востока.

Резким контрастом с ранними традициями было то, что императоры Клавдий, Нерон, Вителлий и Тит включали евнухов в своё окружение. Клавдий находился под влиянием двух евнухов, Посида и Халота; Нерон, который 'женится' на евнухе Споре, назначил евнуха Пелаго главой террористического отряда. При императорах Гелиогабале и Гордиане присутствие евнухов стало постоянным признаком правительства. Диоклетиан предоставил им видное место в своей новой дворцовой иерархии.

Из восемнадцати рангов византийского чиновничества евнухи могли занимать восемь, в том числе видный титул патрикия, а евнухи-патриции занимали более высокое положение, чем обычные патриции.

Рансиман называет использование евнухов великим оружием Византии против феодального стремления сосредоточить власть в руках наследственного дворянства, которое принесло столько неприятностей Западу. Так как евнухизм был уже полностью узаконен в Византии в IV веке, он не мог быть учреждён в качестве оружия для борьбы с феодальными стремлениями, которые, конечно, не были проблемой для бюрократического режима Восточного Рима, а проблемой на Западе стали только несколько столетий спустя. Ближе к сути дела предположение, что евнухи являлись для императора правящим классом, которому он мог доверять. Как и повсюду, политические евнухи Византии составляли всецело заслуживающую доверия руководящую группу внутри абсолютистской бюрократии. И они действовали настолько хорошо, что Византия стала 'раем для евнухов'. Евнухами были выдающиеся полководцы Нарсес, Соломон и Никифор Уран, евнухами были флотоводцы Евстафий Циминеан и Никетас, командовавший византийским флотом в битве за Сицилию в 963 году. После военной и политической катастрофы при Манцикерте евнух Никифор Логофет руководил реформой армии. Исключая императора, ни религиозные, ни светские чиновники, какое бы высокое положение они ни занимали, в принципе не были по своему статусу близки к евнухам. Большая часть Константинопольских патриархов были евнухами. Временами евнухи получали неограниченную власть над государем. Констанций II (умер в 361 году нашей эры) был настолько подчинён евнуху Евсевию, что историк Аммиан сострил: 'Говоря по правде, он имел большое влияние на Констанция'⁵.

Политический евнухизм процветал во времена Аббасидского халифата и после него в центрах мусульманской власти. Начиная с IX века халифы назначали евнухов на важные посты при дворе, в армии и во флоте. Военачальник Аббасидов Мунис, полководец Саманидов Фаик и флотоводец Тамил были евнухами. О том, насколько высоко в военной иерархии евнухи могли подняться в те времена, свидетельствует тот факт, что, когда военно-морские

силы Аббасидского и Фатимидского халифатов сражались друг с другом в 919 году, обоими флотами командовали евнухи.

^r Возвышение евнухов в эпоху правления династии Мин началось вскоре после основания династии (1368 год). В 1403 году на евнухов была возложена защита северной границы, а в 1406 году евнух Ченг Хо командовал большой императорской флотилией, которая посетила Индию, Аравию и Восточную Африку. [Назад](#)

^s Аммиан Марцеллин: '...Евсевий ... - если говорить правду - имел большое влияние на Констанция'. [Назад](#)

8.I.6.b.vi. Личные ведомства деспота не являются зарождающейся партией

В условиях прогрессирующей индустриализации и интенсивных средств связи между различными сегментами общества и правящим центром всепроникающая сверхорганизация, подобная коммунистической или фашистской государственным партиям, предоставляет уникальные средства для сохранения тотальной самодержавной власти.

Деспотизм Востока не нуждается в такой сверхорганизации. Разобщённые крестьянские и городские общины, а также отдельных чиновников, не имевших современных средств для коммуникации и потенциального заговора, можно было довольно хорошо контролировать с помощью почты и службы тайных донесений, ставленников правителя и специальных слоёв чиновничества, таких как евнухи. В ведении службы тайных донесений находились ключевые административные и военные центры страны, в ведении евнухов - в основном двор, а зачастую и столица. Интересно отметить, что евнухи ни разу не сформировали очень многочисленную группу. Во многих гидравлических обществах ограниченного числа доверенных лиц было достаточно, чтобы обеспечить самодержавное положение правителя.

8.I.6.b.vii. Племенная знать династий завоевателей

Во многих обществах Востока, но не во всех. Упомянем только одно исключение: даже в гидравлических обществах Старого Света, в которых

имелся узаконенный евнухизм, политические евнухи не имели большой значимости в обществах завоевателей.

Мы уже указывали на своеобразие роли, которую играли в Восточных обществах завоевателей знать и простые люди победившего народа. Простые люди-чужестранцы были идеальным средством принуждения, а чужеземная знать, которая по своему положению находилась выше местной бюрократии, формировала социальную элиту, чье возвышение и безопасность зависели от их лояльности по отношению к правителю и их способности контролировать местных чиновников. Представители чужеземной знати регулярно командовали кадровой армией и обычно занимали стратегически важные гражданские посты. Они были политическими посредниками, отстаивавшими точно так же, как и евнухи, интересы династии завоевателей, которые по существу были тождественны их собственным.

Почему халифы Омейяды мало использовали политических евнухов? Для объяснения этого интересного явления обращались к религии. Но то, что происходило в эпоху правления династии Аббасидов, показывает, что теологические трудности можно было легко преодолеть, если этого хотел правитель. Более вероятно, что Омейяды, будучи династией завоевателей, находили вполне приемлемым то, что опорой их самодержавной власти были главным образом их соплеменники-арабы: знать и простые люди.

Киданьская элита империи Ляо установила свое господство над северо-восточной частью Китая, не породив чрезмерных противоречий между оседлыми подданными и победившими их скотоводами. Тем не менее они предусмотрительно сберегли для себя ключевые руководящие посты, и император лично управлял стратегическими средствами связи и высшим командованием. Единственный высокопоставленный китаец, которому полностью доверяли (из-за его больших достижений в войне против империи Сун), не способствовал перемещению центра влияния в китайский сектор правительства. Наоборот, он получил имя одного из кланов киданей, символ того, что его признали представителем знати 'варваров'-завоевателей. Когда последний император Ляо, находясь в отчаянии и уже лишившись значительной части своего царства, предложил командование остатками своих восточных (eastern) сил китайцу, его избранник отказался, вежливо и с горечью отметив, что при старой системе китайцы не участвовали в важных военных и государственных делах. Действительно, при старой системе важные военные и гражданские решения принимались чужеземным правителем и его 'варварской' знатью. Не удивительно, что евнухи были незначительными людьми в обществе Ляо, в исторических документах не упомянут ни один евнух Ляо, в руках которого было сосредоточено реальное политическое влияние.

В эпоху правления маньчжурской династии наличие маньчжурской знати также сделало евнухов ненужными. Тайпинское восстание (1850-1863 годы) ослабило, но не уничтожило гегемонию родовых аристократов, и краткая попытка

модернизировать правительство в 1898 году, которую предприняли китайские реформаторы при маньчжурском императоре-отступнике, был подавлена вдовствующей императрицей. Своими первыми реставрационными указами она открыто назначила ряд маньчжуров на руководящие посты. Таким образом, даже маньчжуры, которые переняли китайскую культуру в большей степени, чем любая из трёх предыдущих династий завоевателей, полагались не столько на евнухов, сколько на 'варварскую' знать. Эта знать была так же близка к созданию квазипартии, как и любая доминирующая группа в правящем классе повсюду в гидравлических обществах[†].

[†] Политические евнухи появились на время при императоре Ши-цзу (умер в 1661 году). Но эта тенденция внезапно прекратилась и не имела продолжения, исключая только период правления последней вдовствующей императрицы. Однако даже эта выдающаяся женщина-деспот стремилась укрепить свою власть не путём усиления евнухизма, а путём восстановления маньчжурского контроля над китайским чиновничеством. [Назад](#)

8.I.6.b.viii. Рабы

В тех обществах, которые не были обществами завоевателей, евнухи являлись грозным оружием самодержавной политики. Однако рабы (и бывшие рабы) могли служить так же, поскольку и они не имели социальных корней. И они могли добиваться своих целей ещё более эффективно, так как более естественная анатомия делала их более подходящими для того, чтобы всюду олицетворять власть деспота.

Некоторые ранние римские императоры держали освобождённых рабов (вольноотпущенников) на важных политических постах; но позднейшие императоры предпочитали евнухов, которые, в отличие от рабов, традиционно ассоциировались с властью деспотизма Востока.

Использование рабов в качестве служащих правителю людей было больше распространено на исламском Ближнем Востоке, где быстро меняющиеся условия военных и политических союзов очень способствовали экспериментам с наёмными солдатами. В отличие от Омейядов, которые поддерживали свой завоевательный строй в основном с помощью местных сторонников, Аббасиды всё больше полагались на наёмников. В конце концов они стали покупать турецких рабов, особенно для личной охраны халифа. Саманиды и сельджукские правители Персии последовали примеру Аббасидов. В Мамлюкском султанате инородная элита из бывших рабов-воинов сохранялась путём систематического пополнения вакансий рабами, купленными за границей.

При поступлении на официальную службу этих рабов торжественно освобождали, но они оставались замкнутым социальным слоем. В Османской империи принесённых в дань мальчиков, рабов и тех, кто имели рабское происхождение, готовили к тому, чтобы они стали кадровыми воинами и высокопоставленными руководителями.

Этим турецким чиновникам-'рабам' предлагалось много стимулов: значительные доходы, почести, продвижение по службе, а порой также возможность вступить в брак. Они были не покупными рабами, но очень привилегированными полурабами, если их не освобождали полностью. Но даже в качестве бывших рабов они по-прежнему были тесно связаны с правителем⁴. Имевшие во многих отношениях более выгодное положение, чем подавляющее большинство свободного населения, они почитали за честь быть его личной собственностью.

Но те отличия, которыми они наслаждались, не отменяли основной недостаток их положения - присущую им безродность. Правда, на пике своей карьеры они могли бы пригласить некоторых своих родственников, чтобы разделить с ними свою славу и богатство, но это было скорее исключением, чем правилом. В любом случае - и это было в интересах правителя - счастливые родственники почти всегда были людьми незнатными и, таким образом, не устанавливали никаких связей с амбициозным и самовоспроизводящимся (знатным) бюрократическим дворянством.

Их безродность ещё более усугублялась, если правитель набирал своих чиновников-рабов из детей неверных, в частности, из детей христиан. Конечно, им давалось всестороннее мусульманское образование, но полученная ими особая подготовка увеличивала разрыв между ними и верующими высшего класса, от которых они уже были отделены случайностью своего происхождения.

Социальные последствия системы чиновников-рабов с наибольшей ясностью проявились в Турции. Во времена расцвета османского владычества административные и военные служащие не породили слой наследственного чиновничества и не позволили наследственным вождям народной кавалерии, которые содержали себя за счёт должностных земель (хассы, зеаметы и тимары), достигнуть чего-то большего, чем второстепенное и подчинённое положение в системе власти.

В этой структуре присутствовали⁵ политические евнухи, но они лишь поддерживали монументальное самодержавие, которое по сути было правлением класса рабов. Чиновники этого правительства были настолько тщательно дисциплинированными и настолько сплочёнными даже в сфере гражданской деятельности, что Макиавелли не видел никаких шансов подорвать турецкий режим путём сотрудничества с инакомыслящими (сегодня мы сказали бы: пятой колонной), как можно было сделать в феодальной Франции. 'Иначе обстоит дело в государствах, подобных Франции: туда нетрудно проникнуть,

вступив в сговор с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда найдутся недовольные и охотники до перемен. По указанным причинам они могут открыть завоевателю доступ в страну и облегчить победу'. Не так с турками. 'Как сказано выше, приближённые султана - его рабы, и так как они всем обязаны его милостям, то подкупить их труднее, но и от подкупленных от них было бы мало толку, ибо по указанной причине они не могут увлечь за собой народ. Следовательно, тот, кто нападет на султана, должен быть готов к тому, что встретит единодушный отпор, и рассчитывать более на свои силы, чем на чужие раздоры'.

Рассматривая борьбу между верховным правителем и служащими ему людьми, мы не сильно удивляемся тому, что занимавшие должности турецкие чиновники в конечном итоге добились наследственного или полунаследственного владения землёй, но в течение значительного периода султан был в состоянии успешно блокировать эти тенденции, поддерживая класс не имевших социальных корней чиновников-рабов^w.

^u Турецкое слово 'кул' ('kul'), как и арабское слово 'мамлюк' ('mamluk'), означает 'раб'. [Назад](#)

^v В Мамлюкском султанате евнухи были ответственны за подготовку мамлюков. Турецкие султаны сделали главного белого евнуха начальником Дворцовой школы, где получали образование военные и административные руководители государства. Другой высокопоставленный белый евнух охранял сокровища в личной казне султана. Помимо того, что главный белый евнух отвечал за Дворцовую школу и гарем и выполнял обязанности главного церемониймейстера, он также был доверенным лицом султана. [Назад](#)

^w Диктатор нового классового общества в СССР осуществляет высший контроль над ранжированными аппаратчиками (apparatchiki) различными методами, в том числе периодической чисткой занявших прочное положение групп чиновников ('старой гвардии', 'старых кадров') и привлечением простых людей с подходящими техническими и политическими навыками. С точки зрения высшего диктатора, от чиновников можно ожидать тем большую надёжность, чем меньше они связаны с любой привилегированной группой, сохраняющей признаки социальной сплочённости. Великая чистка тридцатых годов ликвидировала основную часть старых большевиков, а последующие чистки - многих других лиц, занимавших видные места в партии, правительстве и армии. Вышинский, который до установления режима был меньшевиком, идеально подходил для судебного преследования старых большевиков. Никакие узы товарищества не смягчали его выпады, а неортодоксальное прошлое делало его чрезвычайно уязвимым и чрезвычайно услужливым перед высшим руководством партии. [Назад](#)

8.I.7. Регулярные чиновники, контролирующие группы и народ

Чиновники-рабы были одним из наиболее эффективных средств, созданных правителями гидравлических государств. Политические евнухи или родовая знать общества завоевателей могли контролировать регулярное чиновничество, ослабить или ограничить его возможности, но чиновники-рабы могли заменить евнухов. Несмотря на очевидные различия, эти три группы были очень схожи в одном. Каждая из них представляла собой контролируемую группу, которая, с точки зрения самодержца, была явно более эффективной, чем простые люди, которых можно было включить в ряды чиновничества. Скорее всего, подобную функцию выполняли жрецы, которые в древней Америке, Индии и других местах занимали важные государственные посты.

Регулярные чиновники были далеки от народа и занимали более высокое положение. Но и представители контролируемых групп, особенно близкие к деспоту, были также далеки от народа. Доброжелательный регулярный чиновник или представитель бюрократического дворянства мог завести квазипатриархальные связи с местным населением. Гораздо менее вероятным было то, что такие связи заводили чиновники-жрецы, чиновники-рабы, дворяне-иностранцы или евнухи.

8.J. Повышение социального статуса

Политические карьеры евнухов, рабов, бывших рабов и простых людей в гидравлическом обществе имеют дополнительное значение. Они показывают, что социальная (вертикальная) подвижность в открытых и сбалансированных обществах означает одно, а в обществах, существующих под сенью тотальной власти, означает совсем другое. Очевидно, что существует более одной модели социальной подвижности. И любое обсуждение этого явления будет приемлемым лишь в той степени, в какой факты соответствуют конкретным институциональным условиям.

8.J.1. Источники и движущие силы процесса повышения социального статуса

В открытых и основанных на праве собственности обществах простой человек может подняться выше своего первоначального социального положения благодаря политическим или экономическим достижениям. Представители

высшего класса могут попытаться предотвратить его восхождение, но не могут запретить это. Они могут лично отторгать влиятельного парвеню или нувориша, но обычно дети или внуки такого выскочки добиваются общественного признания. Таковой была общая модель в демократических городах-государствах Древней Греции. И это становится всё более характерным для таких современных индустриальных стран, как Англия, Скандинавия, Австралия и США.

Эта модель спонтанной демократической социальной подвижности коренным образом отличается от моделей социальной подвижности, которые характеризуют гидравлическое общество. В гидравлическом обществе представители более низких классов, которые вступили в правящий класс, редко выходили из рядов видных и свободных простых людей. В Китае число лиц, которые могли получить одну из высоких аттестационных степеней, тщательно ограничивалось, и даже эта китайская модель ни в коем случае не была типичной для большинства цивилизаций Востока. В общем, деятельные простые люди имели мало возможностей стать членами правящего класса. Евнухи, вольноотпущенники и рабы, достигшие политической значимости, изначально занимали положение ниже свободных простых людей. Это верно и для рабынь, которые в гареме правителя могли стать матерями будущих правителей.

Представители этих групп достигали высокого положения не потому, что преодолевали признанные барьеры богатства и власти за счёт собственных усилий, а потому, что их правитель был достаточно силен, чтобы выбрать того, кого хотел, и назначать выбранного по своему желанию на ту должность, на какую хотел. То, что было вертикальной подвижностью в гидравлическом обществе, являлось результатом манипуляций сверху.

Конечно, есть активная составляющая и в пассивном поведении, так же как есть пассивная составляющая в активном поведении^a. Но это не отменяет обоснованность вывода, согласно которому при деспотизме Востока социальная подвижность была по существу пассивным процессом.

Конечно, можно сказать, что в определённых сложных и полусложных обществах Востока некоторые простые люди бедного и скромного происхождения достигали богатства и значимости внутри своего класса, повышая свой социальный статус способом, который является типичным для основанных на праве собственности открытых обществ. Довольно верно. Однако во многих гидравлических обществах такие модели почти полностью отсутствуют, а там, где встречаются, не приводят к пополнению рядов правящего класса.

^a Ср. [Виттфогель]. Это исследование является попыткой определить потенциальное влияние объекта на действия, которым он подвергается. [Назад](#)

8.J.2. Критерии повышения социального статуса (соответствие со знаком 'плюс'...)

Тотальная власть утверждает себя расчётливо и разборчиво. И она помогает утвердиться тем, от кого можно ожидать удовлетворения потребностей аппаратного государства. При таком ходе развития событий кандидат должен обладать соответствием со знаком 'плюс'. ...Что это за 'плюс'?

Те, кого выбирают для продвижения по службе, могут быть необычайно талантливыми, и это, конечно, желательно. Но все они должны преуспеть в ключевом аспекте тоталитаризма: тотальном и искусном подбострастии. Этот навык мог выражаться либо ловкими идеологическими или церемониальными способами (как это имело место в конфуцианском Китае и индуистской Индии), либо прагматично и открыто (как это имело место во многих других гидравлических цивилизациях). Но суть была везде одинакова; и высшие манипуляторы тотальной власти считали бы себя глупцами, если бы не требовали наличия у подданных этого навыка, который, с точки зрения правителей, имел жизненно важное значение.

8.J.3. Повышение социального статуса на рабской плантации

Социальная подвижность в гидравлическом обществе не идентична социальной подвижности на обрабатываемой рабами плантации. Тем не менее некоторые особенности последней интересны для сравнения с первой. Собственник плантации может возвысить самых низких рабов до уровня своих старших работников или личных слуг, но осознание этой возможности не способствует пробуждению духа независимости среди их товарищей. Напротив. Тот факт, что продвижение по службе предлагается по существу тем, кто безропотно покорны, побуждает меркантильное большинство рабов проявлять театральное подбострастие.

8.K. Тотальный правящий класс - монополярная бюрократия

8.K.1. Правящий класс гидравлического общества и высшие классы других стратифицированных обществ

С другой точки зрения, особенность социальной подвижности в гидравлическом обществе свидетельствует об особенностях его правящего класса. Фактически этот правящий класс является замкнутым классом. Люди низших классов могут пополнить его ряды только по желанию признанных представителей этого класса. В этом отношении он подобен феодальной знати и отличается от высших классов современного индустриального общества, основанного на праве собственности.

Особенность гидравлического варианта закрытого правящего класса обусловлена главным образом тем, как этот класс организован. Активное ядро правящего класса гидравлического общества является жёстко сплочённым органом, в этом отношении оно отличается не только от современной буржуазии, но и от феодальной знати. Даже там, где в предпринимательских монополиях собраны видные представители верхушки буржуазии, мы не находим, что класс бизнесменов полностью формально и иерархически организован так, как это было с вассалами феодальных стран. Организационное единство крупных феодалов достигало своего пика в их совместных (национальных) военных действиях, но масштабы этих действий и дисциплинарный контроль со стороны верховного лидера были очень ограниченными. По большей части феодалы решали свои собственные военные, экономические и социальные вопросы независимо друг от друга.

Люди, несшие службу при гидравлическом деспотизме, были организованы как постоянно действующий и высокоцентрализованный аппарат. В отличие от высшего буржуазного класса, который не имеет признанного лидера, и также в отличие от крупных феодалов, чей признанный лидер был первым среди равных при явно децентрализованном строе, представители гидравлического государственного аппарата считали своего правителя верховным лидером, который всегда безоговорочно определял их должности и задачи.

До возникновения современного индустриального аппаратного государства представители гидравлического правительства были единственным важным примером правящего класса, чьё оперативное ядро постоянно функционировало как организованный, централизованный и полувоенный элемент системы.

8.К.2. Авторитарные органы власти не обязательно используют тотальную власть

Даже грозный авторитарный орган власти не может достигнуть тотального господства до тех пор, пока значительные компенсационные силы оказывают на него сдерживающее или контролирующее влияние. В Афинах в эпоху

правления Перикла и в современной индустриальной демократической стране армия является авторитарной организацией, её командиры требуют беспрекословного подчинения, и у них есть средства для того, чтобы обеспечить такое подчинение. Но в каждом конкретном случае армия подчиняется решениям всеобщего демократически созданного политического органа власти.

Очевидно, что ни одно общество не обходится без авторитарных элементов, но в демократическом обществе такие элементы доступны наблюдению и контролю. Осознание этого факта имеет важное значение для правильной оценки эффектов (и ограничений) авторитарных моделей в Большом Бизнесе, Большом Трудовом Союзе и Большом Правительстве, которые появляются в современных цивилизациях, основанных на праве собственности.

Абсолютистским правительствам позднефеодальной и постфеодальной Европы пришлось столкнуться с такими силами, как организованная знать, церковь, гильдии и растущие капиталистические средние классы. Эти правительства были достаточно авторитарными, и они упорно стремились применять исключительную (тотальную) власть. Но в целом они не смогли достигнуть этого, потому что были не в состоянии добиться монополии в социальном руководстве.

8.К.3. Монополия против конкуренции в социальном руководстве

Социальное руководство могут осуществлять несколько групп или классов, которые по-разному совмещены друг с другом. Или одна группа или класс может осуществлять его монопольно. Очевидно, что поведение группы, которая осуществляет монопольное руководство, отличается от поведения группы, которая, несмотря на превосходство в силе, не способна подавить своих противников.

В постфеодальной Европе и Японии государственная власть и активная (предпринимательская) собственность породили несколько высших классов, и ни одному классу не удалось добиться исключительного (тотального) превосходства. В последнее время собственники земли и капитала сталкиваются с новым типом противников: собственниками особого вида имущества, рабочей силы. Сегодня рабочие открыто оспаривают политическое и социальное руководство старых высших классов.

Развитие гидравлического общества шло другим курсом. Там рост имущих классов - ремесленников, купцов и собственников земли - не приводил к росту конкурирующих высших классов. В полусложных и сложных гидравлических обществах ранжированные чиновники принимали как нечто неизбежное, а в какой-то мере и как нечто желательное, наличие богатых людей, которые были

отделены от правительства. Но даже когда эти люди были достаточно многочисленны для того, чтобы представлять собой некий класс, они не конкурировали с бюрократическим высшим классом в социальном и политическом руководстве. Не конкурировали, потому что не имели возможности участвовать в серьёзной политической борьбе. Ни на начальном этапе, ни позже эти владельцы независимой малой или крупной собственности не добились успеха в координации своих сил для создания политически эффективной национальной организации, противостоящей правительству.

По всей вероятности, представители аппарата не были хорошо осведомлены о той угрозе, которую может представлять организация, противостоящая правительству. Большинство гидравлических обществ образовались раньше сбалансированных аграрных обществ, сформировавшихся в Древней Греции, Древнем Риме, средневековой Европе и средневековой Японии, и образовались вдали от этих сбалансированных обществ. И в большинстве простых гидравлических обществ независимые имущие социальные группы были слишком слабы, чтобы их политическая воля проявилась или на общих политических собраниях, или в создании корпораций, подобных штатам средневековой Европы. Демократические племенные традиции, где они существовали, по-видимому, отменялись либо тогда, когда они становились серьёзной угрозой для элиты агроуправленческого режима, либо раньше. Это могло произойти в протошумерском обществе, но даже в этом случае доказательства являются недостаточными. Как правило, представители недавно возникших деспотических государств сохраняли то состояние политической раздробленности, в котором находились владельцы движимой и недвижимой частной собственности, иногда применяя к ним насилие, но чаще не прибегая к каким-либо неуместным физическим или политическим действиям.

В период позднего Средневековья и в постсредневековые времена по-Восточному деспотические государства Ближнего Востока и Россия сосуществовали с европейскими государствами, для которых были характерны многочисленные политические организации. Но кроме Российской империи и Турции в XIX веке найдётся мало примеров того, как западные модели сознательно перенимались в этих соседних восточных (Eastern) странах. Христианские крестоносцы ослабили абсолютистскую власть поздней Византии, но тем, кто владел собственностью, не удалось создать независимые и эффективные феодальные или бюргерские корпорации. В Турции и России различные политические организации появились только тогда, когда промышленная революция и влияние западной власти создали совершенно новую национальную и международную обстановку.

8.К.4. Монополия социального руководства проявляется в деспотизме Востока как монополия бюрократической организации ('монополистическая бюрократия')

Свобода конкуренции касается свободы создавать организации, а также свободы использовать бюрократические методы для развития и сохранения организационных связей, когда это позволяют обстоятельства. Объединявшиеся в корпорации бароны и бюргеры феодального мира использовали бюрократические средства в малой степени. Но история средневековой церкви показывает, что в ту эпоху могущественная неправительственная организация могла при желании выстроить впечатляющие бюрократические структуры.

В современных странах Центральной и Западной Европы, в Америке, Австралии и Японии многие мелкие и крупные бюрократические структуры существуют вне правительства и независимо от него. Крупные аристократические землевладельцы в тех странах, где они до сих пор существуют, могут использовать бюрократические методы для защиты своих интересов. Купцы, промышленники и банкиры управляют крупными предприятиями с бюрократически организованным персоналом, и когда они объединяются для достижения всеобщих политических целей, то создают или поддерживают бюрократически организованные лобби или партии. Фермеры тоже всё чаще и чаще прибегают к бюрократически скоординированным действиям. А профсоюзы и рабочие партии набирают экономическую и политическую значимость, потому что эффективно используют бюрократические методы для реализации организационного потенциала, заложенного в сосредоточении рабочих на крупных заводах.

Из всех этих видов развития расширение крупных торгово-промышленных предприятий до размеров монополистических гигантов подвергалось особому критическому разбору некоторыми аналитиками, которые видели в этом процессе настолько значительную особенность нашего времени, что решили именовать всю эпоху периодом 'монополистического капитализма'.

Концепция 'монополистического капитализма' является настолько же провокационной, насколько и обманчивой, но её недостатки помогают нам увидеть в правильном свете особенности монополистической бюрократии Востока. Современные гигантские предприятия действительно огромны по размерам и по влиянию и, безусловно, подавляют или поглощают много средних и мелких конкурентов. Но лишь в редких случаях они могут предотвратить действия других гигантов в иных отраслях экономики. И они не могут предотвратить возникновение крупных социальных противников, таких как Большое Правительство и Большой Трудовой Союз. Поэтому термин 'монополистический капитализм' является неправильным для институционального устройства, в котором множество социальных сил, несмотря на монополистический уклон, уравнивают друг друга таким образом, чтобы предотвратить возможность исключительного руководства любой из этих сил.

Никакие подобные ограничения не ослабляют монопольные претензии тотального аппаратного государства. Элита гидравлического общества не допускает существования ни одного значительного бюрократически организованного противника. Они применяют методы исключительного руководства, безжалостно и непрерывно действуя как подлинно монополистическая бюрократия.

Глава 9. Расцвет и закат теории азиатского способа производства

Таково гидравлическое общество, как это вытекает из нашего исследования. Это общество сохранялось на протяжении тысячелетий, пока в конечном итоге не пострадало от сильного воздействия растущей западной промышленности и торговли. После этого пришли в действие цепные реакции, которые дали старому строю новую форму и новое направление. Позволяет ли наш анализ традиционного гидравлического общества понять эти недавние события?

Здесь читатель, который следовал за нами до сих пор, может задать несколько вопросов. Понятие гидравлического общества, может спросить читатель, выглядит в высшей степени продуктивным для изучения прошлого. Но является ли оно также полезным для оценки настоящего и будущего? Не является ли 'феодалная' интерпретация жизненных условий Востока в равной степени подходящей? Безусловно, это указывает на решительное осуждение пагубного наследия, и это осуждение уже широко распространено на Востоке (East) и на Западе.

Это вполне может иметь место. Однако в нашей ситуации законность и срок действия вряд ли могут быть решающими критериями. История социальной и расовой демагогии показывает, что ложные лозунги извращают мысли и дела людей, и тем более губительно, чем более часто и более настойчиво они произносятся. Приравняв Восток к феодальной Европе, мы теряем из виду основные различия. А не обращая внимания на существование крупных обществ незападного типа, мы рискуем отказаться от свободы исторического выбора, потому что оказываемся парализованными фикцией однонаправленного и непреодолимого развития человечества.

Такая опасность не является результатом деятельности живших в XIX веке приверженцев идеи однонаправленного развития, чьи ошибки легко узнаваемы. По сути, она является продуктом современного марксизма-ленинизма, который сочетает в себе идеологические и политические средства для ликвидации теории общества Востока и концепции многонаправленного развития человечества.

Будучи нераспознанным, это воздействие марксизма-ленинизма может блокировать анализ гидравлического общества в процессе его изменения, но

блокировать не при помощи открытой аргументации, а создавая разлагающую атмосферу двойственности и недоверия. Правильно распознанное, оно даст новый импульс изучению фактов и потенциальных возможностей многообразного и изменяющегося мира.

9.А. Старые и новые теоретические построения идеи однонаправленного развития игнорируют гидравлическое общество

9.А.1. Жившие в XIX веке приверженцы идеи однонаправленного развития

Приверженцы идеи однонаправленного развития, жившие в XIX веке, игнорировали гидравлическое общество не потому, что избежали реального бюрократического деспотизма, а потому, что их вдохновляли колоссальные результаты промышленной революции. Обобщая опыт быстро менявшегося западного мира, они наивно постулировали простой, однонаправленный и прогрессивный ход общественного роста.

Предполагали, что человек неуклонно движется к свободе (Гегель), к всеобщей гармонии (Фурье), к справедливому и рациональному обществу (Конт), к общему счастью (Спенсер). Археологи начали определять длительность 'веков', когда в основном использовались камень, бронза или железо; этнологи располагали отдельные признаки примитивной жизни в виде следующих друг за другом стадий. Определяя палеолит и неолит в качестве предшественников медного века, Лаббок завершил в 1865 году то, что Томсен начал в 1836 году. А в 1877 году Морган сформулировал свою часто цитируемую типологическую последовательность: древний каменный век (дикость), новый каменный век (варварство) и железный век (цивилизация).

9.А.2. Негативная критика

Живших в XIX веке эволюционистов, безусловно, следует похвалить за их усилия, потраченные на поиск структуры и упорядоченного изменения в бурном потоке истории. Но их работа вряд ли может считаться удовлетворительной, потому что они смогли изобразить высшие цивилизации лишь как однонаправленно прогрессирующие, игнорируя участь более половины населения земного шара. Выдвигавшаяся против их идей критика не улучшила

положение, потому что также не принимала во внимание свойственный гидравлическому миру застою.

Богатство новых антропологических и археологических данных позволило учёным, таким как Боас, продемонстрировать, что жившие в XIX веке теоретики ошиблись, предполагая одиночный однонаправленный эволюционный путь развития. Но появление новых идей сопровождалось упорным нежеланием опираться на факты западной и Восточной институциональной истории для новой многонаправленной модели развития человечества. Боас писал: 'Законы развития, исключая наиболее обобщённые формы, не могут быть установлены, и детальное протекание процесса развития не может быть предсказано. Всё, что мы можем сделать, это ежедневно смотреть на то, что мы делаем, и судить об этом, опираясь на то, что мы узнали, и соответственным образом определять наши действия'. Правда, даже это осторожное высказывание предполагает некое 'протекание процесса развития'. Но вместо того, чтобы попытаться определить его характер, Боас ограничился импрессионистической ежедневной оценкой опыта человека.

9.А.3. Теоретический вакуум

Аргументы Боаса имеют большой вес как в рамках антропологии, так и за её пределами. И его отрицающие развитие воззрения получили широкую поддержку среди учёных-социологов, в основном в первые десятилетия XX века. Наблюдая этот агностицизм, занимающийся социологией знания учёный мог бы быстро распознать получаемый в результате теоретический вакуум. И он мог бы предсказать, что крупные конфликты и кризисы будут порождать новые вопросы и в конечном счёте новые ответы.

Предложенная Шпенглером концепция разобщённых цивилизаций, которые растут и распадаются, как живые организмы, настолько очевидно базировалась на биологических, а не исторических предпосылках, что не могла удовлетворить социологов. Попытка Тойнби также не удалась, но по другой причине. Будучи по профессии историком, Тойнби подошёл к судьбе человечества исторически. Но отсутствие резко очерченных ключевых понятий было помехой для его анализа. Излишняя детализация не позволила ему распознать основные модели социальных изменений. Излишние особенности отдельных обществ не позволили ему распознать общие институциональные знаменатели, которые выявили бы в его классификации более крупные единицы. В области таксономии дотошный человек (splitter) склонен заблуждаться так же, как и поверхностный человек (lumper). Увлекающие нас деревья, которые усеивают пейзаж Тойнби^a, не раскрывают характер леса, частью которого они являются.

^a Добавим, что этот пейзаж был богатым и наводил на многие мысли. Попытка Тойнби увидеть в жизни обществ структурированность и некий процесс получит признание даже у тех, кто находят основные результаты его социально-исторических исследований интеллектуально проблемными или морально парализующими. [Назад](#)

9.А.4. Распространение новой, марксистско-ленинской идеи однонаправленного развития

Но спрос на новые перспективы в исторических исследованиях возник ещё до появления 'Постижения истории' Тойнби. Экономические и политические потрясения, начиная с Великой депрессии, показали, что романтические рассуждения Шпенглера выглядят так же нереально, как и поиски социологических методов, для которых характерны сверхметодология, сверхрасчленённость и сверхколичественные данные.

Поражённые жёсткой прямоотой, с которой сторонники марксизма-ленинизма обсуждали горячие проблемы дня, многие писатели приняли важные элементы советской схемы общественного развития вместе с марксистско-ленинским объяснением капитализма и империализма. Они не стеснялись называть традиционные институты Китая, Индии и Ближнего Востока 'феодальными'. Они поставили знак равенства между постмонгольской Россией и западным феодализмом. И они были убеждены, что коммунистическая Россия - а в последнее время также и континентальная часть Китая - достигли более высокого социалистического или протосоциалистического уровня развития, потому что восторжествовали и над 'феодализмом', и над капитализмом.

9.А.5. Необходимость в перепроверке взглядов Маркса, Энгельса и Ленина на азиатскую систему и деспотизм Востока

Если это так, то ни один ответственный исследователь гидравлического общества не будет отрицать важность рассмотрения идей Маркса, Энгельса и Ленина, касающихся азиатской системы, деспотизма Востока и общественного развития. Очевидно, что такая проверка необходима с точки зрения нашего исследования. И это очень драматично, так как Маркс и Энгельс, и даже Ленин в своих работах до октября 1917 года, принимали саму азиатскую концепцию, которую высшие жрецы марксистско-ленинской идеологии отвергают сегодня.

9.В. Маркс, Энгельс и Ленин принимают азиатскую концепцию

9.В.1. Маркс разделяет взгляды своих классических предшественников относительно институциональной структуры и эволюционного положения Востока^a

Предложенная Марксом концепция азиатского общества была построена в основном на взглядах таких классиков экономической теории, как Ричард Джонс и Джон Стюарт Милль, которые в свою очередь развили обобщённые идеи Адама Смита и Джеймса Милля. Адам Смит указал на сходство гидравлического предприятия в Китае и 'некоторых других форм правления в Азии' и отметил, в частности, накопительную силу правителей Китая, Древнего Египта и Индии. Джеймс Милль считал 'азиатскую модель правления' одним из общих институциональных типов и отвергал вынужденные аналогии с европейским феодализмом. Ричард Джонс описал всеобщую картину азиатского общества в 1831 году, когда Марксу было тринадцать лет. А Джон Стюарт Милль поместил это общество в сравнительную схему в 1848 году, когда авторы 'Манифеста коммунистической партии', несмотря на случайные ссылки на Восток (East), никак не проявили осведомлённости о специфичном азиатском обществе. И только после того, как Маркс возобновил своё исследование трудов классиков экономической теории в Лондоне^b, он проявил себя энергичным сторонником азиатской концепции.

С 1853 года до самой смерти Маркс поддерживал азиатскую концепцию вместе с азиатской терминологией прежних экономистов. В дополнение к формуле 'деспотизм Востока' он применял для всего институционального строя обозначение 'общество Востока', использованное Джоном Стюартом Миллем, а также (и с явным предпочтением) обозначение 'азиатское общество', использованное Ричардом Джонсом. Он выражал свою особую обеспокоенность относительно экономического аспекта азиатского общества, говоря об 'азиатской системе' земельной собственности, особом 'азиатском способе производства' и, более кратко, 'азиатском производстве'.

В 1850-х годах понятие особого азиатского общества поразило Маркса как некое открытие. Временно отказавшись от партийной политики, он интенсивно занимался изучением промышленного капитализма как самостоятельного социально-экономического и исторического явления. Относящиеся к этому периоду труды Маркса, среди которых была первая редакция 'Капитала', которую он написал в 1857-58 годах^c, показывают его сильную заинтересованность азиатской концепцией. В этой первой редакции, как и в окончательном варианте своего главного сочинения, он систематически сравнивает определённые институциональные особенности трёх главных типов

аграрного общества (Азия, классическая античность, феодализм) и современного промышленного общества.

^a Марксистские авторы редко заботятся о том, чтобы проследить истоки азиатской концепции Маркса [см. письмо Каутского к Плеханову]. В моих ранних работах я указывал на географа Риттера и на Гегеля, оказавших возможное влияние на Маркса, но тогда я не сознавал фундаментальной зависимости Маркса от классиков экономической теории. [Назад](#)

^b В Лондоне Маркс возобновил свои экономические и социально-исторические исследования, читая 'Основы политической экономии' Милля (с сентября 1850 года), 'Исследование о природе и причинах богатства народов' Смита (март 1851 года), 'Вводную лекцию по политической экономии' Джонса (июнь 1851 года), 'Историю завоевания Мексики' и 'Историю завоевания Перу' Прескотта (август 1851 года), 'Путешествия' Бернье (май-июнь 1853 года), 'Историю Британской Индии' Джеймса Милля (вероятно, упоминается 7 июля 1853 года). [Назад](#)

^c В своем первоначальном виде эта редакция впервые появилась в печати в двух томах в 1939 и 1941 годах соответственно. Маркс переработал и опубликовал её часть в 1859 году под названием 'К критике политической экономии'. В предисловии к этой книге он сделал своё самое систематичное заявление о социальной структуре и изменениях, заявление, которое закончилось перечислением четырёх основных социально-экономических формаций, азиатского, античного, феодального и капиталистического способов производства. С лета 1863 года Маркс реорганизовывал и перерабатывал эту раннюю редакцию в то, что потом назвал 'Капиталом'. История соответствующих теорий, которые Маркс планировал издать в качестве четвёртого тома 'Капитала', в конце концов была опубликована как отдельная работа под названием 'Теории прибавочной стоимости'. [Назад](#)

9.В.2. Азиатская интерпретация Марксом Индии, Китая и постмонгольской России

В данном контексте нам не нужно рассматривать каждый аспект взглядов Маркса на азиатское общество. Для наших целей достаточно подчеркнуть его азиатскую интерпретацию трёх стран, которые сегодня вновь заметны на мировой политической арене: Индии, Китая, и России.

9.В.2.а. Индия ('азиатское общество'...)

В двух статьях, опубликованных в 'Нью-Йорк дейли трибюн' в 1853 году^d, Маркс обсуждал характер азиатского общества и возможности его прогрессивного разложения. В этих статьях в качестве примера 'старого азиатского общества' он привёл Индию и индусов, имеющих некоторые важные социальные институты, которые являются общими для 'всех людей Востока'. Он утверждал, что 'климат и территориальные условия' сделали 'искусственную ирригацию посредством каналов и гидротехнических сооружений основой земледелия Востока'. И он заметил, что контроль над водными ресурсами 'был неизбежен на Востоке, где для того, чтобы возникли добровольные объединения, препятствующие централизованной власти правительства, уровень цивилизации был слишком низким, а территориальные границы - слишком большими'.

Таким образом, появилась необходимость водных работ, управляемых государством, которые, согласно Марксу, породили азиатское государство. И 'рассредоточенное' положение 'людей Востока' и их агломераций в форме 'самообеспечивающихся' деревень (сочетающих маломасштабное земледелие и домашнее ремесленное производство) позволили сохранять такой жизненный уклад в течение долгого времени.

Фактически, второе утверждение требует оговорки. Идеологически оно является самым весомым. Только тогда, когда мы имеем в виду представление Маркса о роли 'рассредоточенных' деревень на Востоке, мы можем полностью понять характеристику деспотизма Востока, данную собственно Марксом, а также Энгельсом и Лениным.

^d В переписке с Энгельсом Маркс далеко продвинулся в разъяснении своей концепции 'азиатского' или 'Восточного' общества. [Назад](#)

9.В.2.в. Китай (... 'азиатское производство' и частное крестьянское землевладение)

Живя в Англии, где он провёл большую часть своей взрослой жизни, Маркс уделял больше внимания условиям жизни в Индии, а не в Китае. Но с 1850-х годов он считал Китай, как и Индию, страной, характеризующейся 'азиатскими' социальными институтами, и находил, что 'экономическая структура китайского общества зависит от сочетания маломасштабного земледелия и домашнего производства' (1859 год). В третьем томе 'Капитала' при обсуждении влияния английской торговли на Индию и Китай он снова обратил на это внимание. Но

там же он указал на отсутствие общинной системы землевладения в тогдашнем Китае. В Индии и Китае 'широкий базис способа производства образован единством мелкого земледелия с домашней промышленностью, причём в Индии к этому присоединяется ещё форма *деревенских общин, базирующаяся на общинной собственности на землю, которые, впрочем, были первоначальной формой и в Китае*'. И, отметив медленное разложение самодостаточной сельской экономики в тогдашней Индии (где вмешательство Британии было непосредственным) и ещё более медленное разложение этой экономики в Китае ('где никакая прямая политическая власть не способствовала этому разложению'), он пришёл к выводу, что, 'в противоположность английской, русская торговля оставляет незатронутой экономическую основу *азиатского производства*'.

Уже в 1850-х годах Маркс был осведомлён о том, что китайская корона разрешила большинству крестьян 'владеть своими землями, которые в очень ограниченной степени находились в полной собственности'. И только что процитированный отрывок из 'Капитала' ясно показывает, что, по его мнению, исчезновение 'общинной земельной собственности' в Китае существенно не подрывало 'экономических основ азиатского производства'.

9.В.2.с. Россия ('деспотизм Востока'... сохранён)

Насколько мне известно, Россия была впервые названа 'полуазиатской' страной в статье, подписанной Марксом, но написанной Энгельсом, которая появилась в 'Нью-Йорк дейли трибюн' 18 апреля 1853 года. 5 августа 1853 года, и на этот раз в статье, которая была действительно написана Марксом, он противопоставил определённые 'полувосточные (semi-Eastern)' результаты развития, происшедшего в царской России, 'полностью восточному (Eastern)' ходу событий в Китае. С самого начала термин 'полуазиатская', применявшийся Марксом и Энгельсом к России, указывал не на географическое положение этой страны, а на её 'традиции и социальные институты, характер и жизненные условия'.

В статьях 1853 года институциональная особенность России не обсуждается детально. Однако в 1881 году Маркс говорил об изолированных деревнях России и сильно централизованной форме деспотизма, которая при таких условиях возникала повсюду. Незадолго до этого то же подчёркивал Энгельс. Действительно, марксистская интерпретация России получила наибольшее распространение благодаря двум заявлениям, сделанным Энгельсом в 1870-х годах. Первое из них, написанное в 1875 году, гласит: 'Подобная полная изоляция отдельных деревенских общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для деспотизма Востока; от Индии до России, везде, где

преобладала эта общественная форма, она всегда порождала деспотизм, всегда находила в нём свое дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий'. Второе, содержащееся в его критике Дюринга, выражает ту же мысль более кратко: 'Древние общины там, где они продолжали существовать, составляли в течение тысячелетий основу самой грубой государственной формы, деспотизма Востока, от Индии до России'.

Как долго длился деспотизм Востока в России? Маркс настаивал на том, что 'общие черты придал' ему Пётр I, нисколько не собиравшийся его ликвидировать. И он ожидал, что освобождение крепостных послужит укреплению абсолютистского режима, потому что разрушит власть знати над крепостными и самоуправление сельских общин.

Маркс не объяснил, как современный капитализм в России мог бы развиваться при Восточном правлении. Его неспособность сделать это является одним из самых серьёзных недостатков в его трактовке периферийных и переходных моделей гидравлического общества. Но с точки зрения его взглядов на положение капитализма на Востоке он был последовательным, когда в 1881 году считал современный российский квазизападный капитализм хищной посреднической силой.

9.В.3. Маркс предупреждает о том, что нельзя путать контролируемый государством аграрный строй Азии с рабством или крепостничеством

Возвращаясь к общей проблеме азиатского способа производства, мы можем сказать: независимо от того, что Маркс думал о точном характере земельной собственности на Востоке, он определённо не считал его феодальным. В 1853 году, когда Энгельс отмечал, 'что жители Востока не продвинулись ни к земельной собственности^e, ни даже к феодальной форме землевладения', Маркс предупреждал о слишком радикальном предположении об отсутствии земельной собственности на Востоке. Но хотя после этого он увидел некоторые свидетельства частного землевладения в Индии, а позже признал его также и в Китае, он не называл эти системы землевладения 'феодальными'.

Слишком упрощая сложную модель имущественных отношений, Маркс тем не менее распознал основную тенденцию, когда отметил, что при 'азиатской системе' государство 'было реальным крупным землевладельцем'. Позже он уточнил это раннее замечание. В третьем томе 'Капитала' он пояснил, что при азиатской системе существовала 'не частная земельная собственность, а частное и общинное владение и использование земли'.

Эта точка зрения привела Маркса к тому, что он спутал азиатско-египетское землевладение с системами, основанными на рабстве и крепостничестве, и это было самой большой ошибкой, какую можно было сделать при анализе земельной ренты. И это защитило его от того, чтобы рассматривать индийских заминдаров как аналог крупных европейских феодальных землевладельцев. Он классифицировал традиционных заминдаров как 'местных сборщиков налогов'. И он высмеял попытку приравнять назначаемых британскими властями землевладельцев-заминдаров к земельному дворянству Англии: 'Курьёзное подобие английского землевладельца представлял собой заминдар, получавший только одну десятую долю дохода, а остальные девять десятых отдававший правительству'^f.

^e Энгельс имеет в виду частную земельную собственность, как можно видеть из предыдущего письма Маркса, который, обсуждая точку зрения Бернье, прямо говорит о частной собственности (Privatgrundeigentum). [Назад](#)

^f По причинам, которые будут рассмотрены ниже, индийское коммунистическое издание 'Статей об Индии' Карла Маркса (цитируется по изданию Маркса 1951 года), которое связывает ссылки на 'феодальное' землевладение со взглядами Маркса на азиатскую систему, не содержит ни этого отрывка, ни отрывка, опубликованного 7 июня 1858 года, также касающегося индийской земельной системы. [Назад](#)

9.В.4. 'Всеобщее рабство'

Таким образом, на Востоке государство обладало высшей властью над трудом и собственностью своих подданных. Маркс рассматривал деспота как действительного и явного координатора труда населения для гидравлических и других общественных работ и считал отдельных крестьян, владевших землёй, 'по существу собственностью, рабами' главы общества Востока. Равным образом он говорил о 'всеобщем рабстве на Востоке'. В отличие от частного рабовладения классической античности, незначительность которого на Востоке была ему ясна, и в отличие от децентрализованных моделей феодального управления, которые также были ему ясны, Маркс рассматривал связь между деспотизмом Востока и самой важной группой населения как один из типов *всеобщего* (государственного) рабства^g.

^g В одном эллиптическом замечании, сделанном в 1887 году, Энгельс говорил, что 'классовое угнетение' во времена азиатской древности и классической

античности имело форму 'рабства'. Так как Энгельс, как и Маркс, признавал незначительность частного рабства на Востоке (см. ниже), он, очевидно, ссылаясь на 'всеобщее рабство' деспотизма Востока. Его утверждение о том, что в обоих случаях рабство влекло за собой 'не столько отчуждение людей от земли, сколько присвоение самих людей', подходит для Востока, но не для классической античности. [Назад](#)

9.В.5. На протяжении многих лет Ленин также поддерживал азиатскую концепцию

Трудно согласовать эти заявления с 'феодалной' интерпретацией Востока, предлагаемой сегодня людьми, называющими себя 'марксистами'. Трудно даже представить такое толкование с позиций ленинизма. Начав как ортодоксальный марксист, Ленин отстаивал идею особой 'азиатской системы' в течение двух десятилетий, говоря точнее, с 1894 по 1914 годы.

9.В.5.а. 'Азиатский деспотизм', совокупность черт 'с особыми экономическими, политическими и социологическими признаками'

Молодой Ленин присоединился к социально-демократическому движению в 1893 году. В 1894 году, после усердного изучения трудов Маркса и Энгельса, он признал 'азиатский способ производства' в качестве одной из четырёх основных антагонистических экономических форм общества. В своей первой важной книге 'Развитие капитализма в России', изданной в 1899 году, он начал с того, что объявил азиатские условия развития своей страны азиатчиной (Aziatchina), 'азиатской системой'. И он назвал царский контроль над землёй и крестьянами 'фискальным землевладением'.

В 1900 году он назвал правительство традиционного Китая 'азиатским' и отверг приравнивание европейских социальных институтов к азиатским как 'фарисейское'. В 1902 году он отметил сокрушительный характер азиатского угнетения. В 1905 году он осудил 'проклятое наследие крепостничества (bondage), азиатчины (Aziatchina), надругательство над человеком' и противопоставил отсталое развитие 'азиатского капитализма' всестороннему и быстрому развитию капитализма европейского. В 1906 и 1907 годах он участвовал в страстной полемике с Плехановым, которая подчёркивала его понимание азиатской системы и её последствий для 'полуазиатской' России. В 1911 году он вновь акцентировал внимание на своеобразии 'системы Востока', 'азиатской системы', и инертности Востока.

В 1912 году, по случаю китайской революции, он признал 'азиатскую' особенность традиционного Китая, говоря об 'азиатском Китае' и 'азиатском' президенте Китая. В 1914 году в споре с Розой Люксембург он определил 'азиатский деспотизм' как 'совокупность черт' с особыми 'экономическими, политическими и социологическими признаками' и объяснил его большую стабильность 'совершенно патриархальными, докапиталистическими чертами и ничтожным развитием товарного хозяйства и классовой дифференциации'. Осенью того же года он написал статью о Марксе для энциклопедии Гранат, в которой ещё раз перечислил четыре основные социально-экономические формации по Марксу: 'азиатский, античный, феодальный и современный буржуазные способы производства'.

Таким образом, с 1894 по 1914 годы Ленин поддерживал основные идеи концепции Маркса об азиатском обществе, азиатском способе производства и деспотизме Востока.

9.В.5.в. Ленин конкретизирует сделанную Марксом полуазиатскую интерпретацию царской России

Однако Ленин подошёл к азиатской проблеме более строго и в более широком смысле, чем Маркс. Маркс определял особенности докапиталистических обществ для того, чтобы углубить своё понимание капиталистического общества, и его комментарии азиатского способа производства прежде всего служили именно этой цели. Но он не использовал азиатскую концепцию ни для её анализа, ни для оказания влияния на своё социально-политическое окружение.

Ленин был намного меньше заинтересован в макроисторических сравнениях. Живя в обществе, которое Маркс характеризовал как полуазиатское, и ведя борьбу с государством, которое Маркс характеризовал как по-Восточному деспотическое, Ленин был крайне заинтересован в применении азиатской концепции к своему непосредственному окружению. Большинство его ссылок на 'азиатские' жизненные условия относятся к России.

Следуя идеям Маркса и Энгельса, Ленин назвал российское общество 'полуазиатским', а царский режим - 'деспотизмом Востока'. Западные социалисты ненавидели Бисмарка из-за его антисоциалистических мер; и некоторые российские социалисты, такие как Рязанов, приравнивали русской абсолютизм к прусскому⁴. Но Ленин считал репрессивное государство Бисмарка 'карликом' по сравнению с русским абсолютизмом, который он назвал 'монстром', вероятно, вспомнив высказывание Маркса о татарском деспотизме.

^h Западная интерпретация исторической России была предложена учёным Рязановым, который, возможно, лучше, чем любой другой русский социалист, ознакомил западных марксистов со взглядом Маркса на Россию как на азиатскую страну. Рязанов объяснил подъём московского самодержавия как спонтанную реакцию на 'татарскую опасность', сравнимую с реакцией Австрии на 'турецкую опасность'. Аналогия явно неверна, так как австрийцы никогда не жили при турецком 'иге'. Но Рязанов сделал это отправной точкой для приравнивания российского абсолютизма к австрийскому и поставил в один ряд прусский абсолютизм и царскую Россию. [Назад](#)

9.В.5.с. Ленин считал термин 'феодалная' неподходящим для традиционной России

Ленин выразил своё согласие с азиатской концепцией положительно, используя такие термины, как 'азиатчина' (Aziatchina) и 'азиатская', и отрицательно, не желая применять термин 'феодалная' к традиционной России. Российские крестьяне жили в условиях крепостничества (krepostnichestvo), буквально - 'прикрепления'ⁱ, и Ленин таким образом обозначал российскую систему землевладения. Мы переводим это как 'неволя' (bondage).

Ленин ясно обозначил свою позицию в 1902 году, когда критиковал первый проект программы РСДРП за то, что 'почти намеренно' был запутан вопрос о приписывании средневековой России 'феодалного периода'. Отмечая, что вопрос о целесообразности термина 'феодализм' по отношению к средневековой России ставится под сомнение, он обнаружил, что этот термин 'наименее применим к России'. В 1905 году он снова, ссылаясь на Россию, настаивал на том, что вместо слова 'феодализм' нужно использовать слово 'крепостничество' (krepostnichestvo). В 1911 году он извинился за использование термина 'феодалный' по отношению к России как 'не вполне точного, общеевропейского, выражения'.

ⁱ Читатели, не знакомые с русским языком, предупреждены о том, что не следует полагаться на официальные коммунистические переводы произведений Ленина и Сталина. Эти переводы почти всегда интерпретируют крепостничество (krepostnichestvo) как 'феодалный'. Игнорируя различие, которое на протяжении многих лет Ленин считал необходимым, они искажают его точку зрения на российское общество в те годы. [Назад](#)

9.С. Отступление от истины

Означает ли всё это, что Маркс, Энгельс и Ленин принимали классическую концепцию азиатского общества в полном объёме и без колебаний? Это не так. Несколько раз Ленин был близок к отходу от своей первоначальной позиции касательно азиатского общества, прежде чем полностью отказался от неё в 1916 году. Но начало регрессивной тенденции было положено до Ленина. Примечательно, что первый марксист, который принял концепцию азиатского общества, первым же искажил её: сам Маркс. Также примечательно, что он искажил её, отбросив идею бюрократического правящего класса.

9.С.1. Маркс

9.С.1.а. Маркс 'мистифицирует' характер правящего класса

В своём стремлении определить классовое господство Маркс, как и Адам Смит и его последователи, задался вопросом: кто контролирует ключевые средства производства и 'излишек', созданный ими? И он обнаружил, что этими преимуществами в эпоху античности пользовались 'рабовладельцы', в феодальном обществе - 'крупные феодальные землевладельцы', в современном индустриальном обществе - 'капиталисты', а в азиатском обществе - 'государь' или 'государство'. Таким образом, в своей схеме для трёх типов общества, основанных на частной собственности, Маркс установил правящий класс как основных бенефициаров экономических привилегий, в то время как в отношении общества Востока, где господствует правительство, он удовлетворился тем, что назвал одного человека, правителя, или институциональную абстракцию, 'государство'.

Это была странная формулировка для человека, который обычно стремился определить социальные классы и осудил как мистификацию 'овеществление' применения таких понятий, как 'товар' и 'государство', когда лежащие в основе человеческие (классовые) отношения оставались необъяснёнными^a.

Можно ли сказать, что Маркс не знал о каких-либо лицах, которые в азиатском обществе пользовались излишками вместе с правителем? Подобное возражение недопустимо. Маркс досконально изучил 'Основы политической экономии' Джона Стюарта Милля, который дополнительно к членам семьи правителя и его фаворитам включал в число бенефициаров дохода азиатского государства 'различных правительственных чиновников'. И в свой исторический обзор теорий прибавочной стоимости он вставил *дословно* замечание Джонса, что 'избыточные доходы от земли, единственные доходы, которые изымались у

крестьян в значительном количестве, распределялись (в Азии, особенно в Индии) государством и его чиновниками'. Ему также был известен комментарий Бернье о том, что в Индии на государственные доходы содержалось большое число служивших людей.

Интерес Маркса к классовой проблеме, данные в его распоряжении и его возражение против мистификации социальных отношений приводят к одному и только одному выводу. Всё это предполагает, что со своей собственной точки зрения Маркс должен был объявить функционерскую бюрократию господствующим классом деспотизма Востока. Но ничего подобного Маркс не сделал. Вместо того, чтобы разъяснить характер Восточного правящего класса, он скрыл его. По сравнению с догадками Бернье, Джонса и Милля мистификация (овеществление) Марксом природы правящего класса в обществе Востока была шагом назад.

^a Когда Маркс обсуждал 'фетишистский' характер товаров, он довёл до шаблонности идею, уже сформулированную его классическими предшественниками. Он не слишком галантно признал это в первом томе 'Капитала'. Он был более великодушным в третьем томе, где отметил, что воздействие ложной 'персонификации вещей и овеществление производственных отношений' было 'большой заслугой классической экономики'. [Назад](#)

9.С.1.в. Дальнейший регресс

Маркс сделал этот шаг назад в 1850-е годы, в то самое время, когда он признал классическую концепцию азиатского общества. В 60-е и 70-е годы этот регресс продолжился. Сравнение первого тома 'Капитала' и его сочинений 1853 и 1857-58 годов показывают, что на начальном этапе он более строго обращался с гидравлическим аспектом деспотизма Востока. Многочисленные отрывки в 'Капитале' и 'Теориях прибавочной стоимости', которые выявляют контраст между Восточными условиями и античными, феодальными и/или капиталистическими, показывают и более позднее решение Маркса рассматривать азиатское общество как особую институциональную структуру, и его нежелание обсуждать управленческий аспект деспотизма Востока.

В трудах позднего периода он подчеркнул техническую сторону крупномасштабных водных сооружений там, где ранее подчёркивал их политическое назначение. Теперь он совместно рассматривал контроль водных ресурсов 'в Египте, Ломбардии, Голландии и т.д.', тогда как ранее отличал централизованные и деспотические правительства Востока от 'добровольных

ассоциаций' Фландрии и Италии, основанных на частном предпринимательстве. Теперь он упоминал об агрогидравлической функции одного государства, Индии, тогда как ранее говорил о его 'экономической функции' как свойственной 'всем азиатским правительствам'.

Часто цитируемый отрывок из первого тома 'Капитала' явно показывает проблему правящего класса в обществе Востока. На самом деле, однако, этот отрывок делает вопрос неясным, вводя то, что с марксистской точки зрения является наиболее своеобразным фактором экономического господства. Приложением к фразе 'регулирование воды в Египте' является следующее примечание: 'Необходимость вычислять периоды подъёма и спада воды в Ниле создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия'. Делая астрономию основой экономического руководства, Маркс отбросил стандартный критерий: контроль над средствами производства. А подчёркивая наследственный ('кастовый') статус 'руководителей' более, чем их классовую принадлежность, он ещё сильнее запутал суть дела^b.

Сверх того, в третьем томе 'Капитала' он утверждал, что 'так же, как в деспотических государствах, труд по надзору и всестороннее вмешательство правительства' требуются для 'выполнения общих задач, вытекающих из природы *всякого* [так!] общества, а также специфических функций, вытекающих из противоположности между правительством и народными массами'.

Написав это, Маркс скрыл специфические управленческие функции деспотического государства Востока, которые в 50-х годы так сильно заинтересовали его.

^b За высказыванием следует цитата из 'Рассуждений о переворотах на поверхности земного шара' Кювье, которая связывает необходимость в астрономии с ежегодными подъёмами воды в Ниле и сезонными земледельческими работами египтян. [Назад](#)

9.С.2. Энгельс

9.С.2.а. Азиатское общество - да! (Основная позиция Энгельса)

Регресс Маркса в трактовке азиатского общества известен мало. Регресс Энгельса обсуждался широко. Действительно, частые ссылки на некоторые отрывки из его книги 'Происхождение семьи, частной собственности и государства' скрывают тот факт, что с 1853 года до своей смерти в 1895 году Энгельс в основном поддерживал теорию общества Востока.

Уже отмечалась та роль, которую вначале играл Энгельс при разъяснении понимания Марксом гидравлического аспекта Востока и справедливости 'азиатской' интерпретации Индии и России^с. В своей критике Евгения Дюринга ('Анти-Дюринг') он пошёл дальше Маркса, предполагая, что выполнение важных 'социально-административных функций' может привести к формированию 'правлящего класса'. И он подчеркнул эту точку зрения, отметив, что каждое из множества 'деспотических правительств в Персии и Индии, последовательно расцветавших, а потом погибавших, знало очень хорошо, что оно прежде всего - совокупный предприниматель (Gesamtunternehmerin) в деле орошения речных долин, без чего там невозможно было бы какое-либо земледелие'. В своей критике Дюринга, а также в своей книге о семье Энгельс противопоставлял 'домашнее рабство' Востока 'рабочему рабству' античности. И в отрывке, вставленном в третий том 'Капитала', опубликованный в 1894 году, через одиннадцать лет после смерти Маркса, он описал крестьян Индии и России как эксплуатируемых, из которых безжалостно 'выжимали налоги их деспотические правительства'.

^с См. выше. Так как ни Маркс, ни Энгельс не объяснили, каком образом под влиянием иностранного капитализма по-Восточному деспотическое правительство может поддерживать современные капиталистические формы частного предпринимательства, Энгельс придумал новую концепцию, когда в 1894 году назвал новую буржуазию России господствующей силой. Он не уточнил эту точку зрения и не согласовал её с заявлением, сделанным четырьмя годами ранее, о несовместимости деспотизма Востока и капитализма: 'Турецкое, как и любое другое Восточное господство, несовместимо с капиталистической экономикой; нажитая прибавочная стоимость ничем не гарантирована от хищных рук сатрапов и пашей. Отсутствует первое основное условие буржуазного накопления - безопасность личности торговца и его собственности'. Заявление Энгельса, сделанное им в 1894 году, также противоречит вставке в третий том 'Капитала', в которой он описал деспотическое правительство России как великого эксплуататора крестьянства. Но несмотря на разные смысловые акценты, различные высказывания Энгельса о посткрепостнической России имели одну общую черту: все они подразумевали, что царский деспотизм всё ещё оставался жизнеспособной структурой. [Назад](#)

9.С.2.в. Азиатское общество - да и нет! ('Анти-Дюринг')

Эта перспективная тенденция была прервана двумя крупными отклонениями: одно проявляется в 'Анти-Дюринге', другое - в 'Происхождении семьи, частной собственности и государства'.

В 'Анти-Дюринге' Энгельс высказал идею двойного происхождения государства и его правящего класса. В первом случае эти две силы возникли из-за чрезмерной политической власти, во втором - из-за роста частной собственности и основанного на частной собственности производства. Первый ход развития предусматривал возрастание важных социально-административных функций и способность руководящих лиц противостоять общественному контролю до такой степени, что первоначальные 'слуги' общества становились его 'хозяевами'.

В этом контексте Энгельс упоминает 'Восточного деспота или сатрапа, греческого родового вождя, кельтского главу клана и прочих'. Два приведённые им примера из западного мира напоминают идеи Маркса о социальном господстве, основанном на военно-политической функции. Согласно Марксу, этот тип господства вскоре уступил господству, основанному на частной собственности и на порождённом этой собственностью труде (рабском и крепостном труде). Только при деспотизме Востока повсюду на длительный срок распространилось социальное господство, основанное на общественной деятельности.

Хотя Энгельс в 'Анти-Дюринге' дважды отметил огромную живучесть деспотизма Востока ('тысячи лет'), он не разобрал этот момент ни на одном примере. Но сперва он перечислил деспотов Востока, а позже, говоря о деспотических режимах Персии и Индии, отметил их 'социально-административную' функцию: их 'первой обязанностью было общее поддержание ирригации на всём протяжении долин'. Энгельс даже отметил, что господство, основанное на социально-административной функции, объединяло 'отдельных правящих лиц в правящий класс'.

До этого момента изложение Энгельса, несмотря на отсутствие проницательности, было правильным с научной точки зрения и согласовывалось с той версией классической концепции общества Востока, которой придерживался Маркс. Столь же правильным и опять же согласованным с соответствующими идеями Смита, Милля и Маркса было его утверждение о втором способе происхождения классов и государства: рост производства, основанного на рабском труде, и частной собственности на рабов привели к росту правящего класса, опиравшегося на частную собственность; и это развитие открыло путь для эволюции, которая вела от Древней Греции классического периода и Римской империи к 'современной Европе'. И это также привело к появлению типа государства, которое из-за непримиримых противоречий в новой экономике, основанной на частной собственности,

использовалось имущими классами для того, чтобы защитить своё привилегированное положение.

Нет нужды критиковать здесь примитивные идеи о связи между богатством и государственной властью, которые Маркс разделял с Джоном Локком, Адамом Смитом и другими. В данном контексте нам интересно только то, что Энгельс в начале 'Анти-Дюринга' указал на две различные модели социального развития ('наряду с этим социально-административным процессом образования классов совершался ещё и другой'), а в конце этой же книги неожиданно отказался от этой идеи многонаправленного развития. Там он говорил о государстве и классовом господстве, как если бы они были результатом исключительно противоречий, обусловленных частной собственностью. И он достиг высшей точки в своём отклонившемся от истины изложении, перечислив только три классовых общества, основанных на рабстве, крепостничестве и наёмном труде соответственно.

9.С.2.с. Азиатское общество - нет! ('Происхождение семьи, частной собственности и государства')

В часто цитируемой книге Энгельса о семье, которая связывает основные идеи 'Древнего общества' Моргана и некоторые марксистские взгляды, азиатское общество как важной социальной строй вообще не упоминается. Здесь Энгельс обсуждает происхождение государства, как если бы он никогда не слышал о 'социально-административном' государстве в целом и о деспотизме Востока в частности.

Это упущение нельзя приписать какому-либо отсутствию интереса к обществам 'варварского' типа, ибо Энгельс подробно остановился на условиях 'варварства'^d в Древней Греции, Древнем Риме и кельтском и германском обществах в Средние века. Нельзя объяснить это и общим исключением вопросов, имеющих отношение к Востоку. Хотя и более небрежный в этом отношении, чем Морган (Энгельс воздержался от рассмотрения соответствующей истории 'азиатских' народов по 'пространственной' причине), он упоминал Азию, азиатов и социальные институты Востока; и, как уже упоминалось, он противопоставил 'домашнее рабство' Востока 'рабочему рабству' античности. Но, равнодушный к тому, что ранее он обозначил как 'новое разделение труда', то есть такое разделение, которое после естественного разделения труда внутри сообщества^e вызвало рост 'функциональных' правительств и правящих классов, опиравшихся на власть, а также равнодушный к тому, что он и Маркс писали о эксплуататорской природе деспотизма Востока, Энгельс тогда категорически утверждал, что *'из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное*

разделение общества на два класса - господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых'.

Обществом, основанным на рабстве, управляет государство рабовладельцев, так же как обществами феодального и капиталистического типов управляли государства феодальной знати и государства капиталистов соответственно. Во всех этих обществах экономическое господство приводило к политическому господству. А экономическое господство, как подчёркивал Энгельс, затрагивало *частную собственность на важнейшие средства производства*.

Таким образом, причина общественного лидерства и эксплуатации в основном коренилась в частной собственности. Деспотическая элита функционерского государства, чьи безжалостными методами эксплуатации Энгельс однажды так красноречиво описал, оставалась незамеченной. 'С появлением *рабства*, достигшего при цивилизации своего наивысшего развития, произошло *первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы*. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. *Рабство - первая форма эксплуатации*, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в Средние века, наёмный труд в Новое время. Таковы три великие формы порабощения, характерные для трёх великих эпох цивилизации'.

Ссылки на 'цивилизацию' не исправляют представление об однонаправленной модели развития человечества, возникающее после прочтения этих предложений. Но они показывают: Энгельс осознавал то, что делал, или лучше - что скрывал. В терминологии Энгельса 'цивилизация' была идентична преобладанию частной собственности. Благодаря своей уточняющей оговорке он неискренне признал, что его утверждение не подразумевает 'варварский' мир деспотизма Востока.

^d Маркс и Энгельс переняли термины 'варварство' и 'цивилизация' не у Адама Смита, а у Фурье. В 1846 году Энгельс высоко оценил предложенные Фурье четыре стадии развития: дикость, патриархат, варварство и цивилизация. С неослабевающим энтузиазмом он высоко оценил эту типологию в 'Анти-Дюринге'. Даже в 1884 году, когда Энгельс перенял схему эволюции, предложенную Морганом, он продолжал ссылаться на 'блестящую критику цивилизации, которая встречается в различных местах произведений Шарля Фурье'; и он отметил тот факт, что Фурье, как и Морган, видел в частной земельной собственности ключевой признак цивилизации.

Под влиянием Моргана Маркс и Энгельс изменили эти категории, но не отказались от них. Имея в виду именно эти категории, Энгельс в 1848 году говорил о таких 'полуварварских' странах, как Индия и Китай, в 50-е годы говорил о 'варварском' и 'получивилизованном' Китае, а Маркс в 50-е годы называл индийские деревенские общины 'полуварварскими',

полуцивилизованными', жизненные условия Китая - 'варварскими', 'полуварварскими' и 'патриархальными', а русского царя - 'варваром'. [Назад](#)

^e В этой же работе Энгельс ссылаясь на 'первобытное разделение труда в земледельческой семье'. Маркс рассматривал разделение труда по половому и возрастному признакам в его первобытной форме. [Назад](#)

9.C.2.d. Регрессивные тенденции в якобы прогрессивных воззрениях

9.C.2.d.i. Маркс защищает научную объективность от всех чуждых рассуждений

Это не красивое изречение. Отцы-основатели 'научного социализма', которые утверждали, что в своей политической практике базируются на самой передовой теории социального развития, нанесли ущерб, а не помогли делу истины, когда столкнулись с самым важным историческим проявлением тотальной власти. Почему? Разве у Маркса было так мало уважения к научной истине, что он легко исказил её? Конечно, это было не так. Тщательность, с которой он регистрировал свои собственные экономические взгляды, и сложный путь, на котором он выражал противоположные мнения, демонстрируют, что он полностью осознавал требования науки.

И сам Маркс был откровенным по этому вопросу. Комментируя научное поведение Мальтуса и Рикардо, он осудил всех, кто отказались от научной истины и интересов человечества в целом ради особых интересов любого рода. Ученый, считал Маркс, должен искать истину в соответствии с имманентными потребностями науки, независимо от того, как это влияет на судьбу любого социального класса: капиталистов, собственников земли и рабочих. Маркс высоко оценил Рикардо за эту позицию, которую он назвал 'не только научно честной, но и научно обязательной'. По тем же причинам он осудил как 'низкого' любого, кто подчинял научную объективность посторонним целям: '...человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из собственных интересов самой науки, пусть даже и ошибочных, а извне, из чуждых науке и внешних для неё интересов, - такого человека я называю 'низким' (gemein)'^f.

Маркс был абсолютно последовательным, когда настаивал на отказе от приспособления науки к интересам любого класса и писал о таком отказе: 'Это - стоицизм, это объективно, это научно'. Он также был абсолютно последовательным, когда пришёл к выводу, который с точки зрения ленинско-сталинской партийности звучит еретически гуманно: 'Поскольку это возможно без греха против его науки, Рикардо всегда филантроп, каким он и был в

практической жизни'. И он был столь же последовательным, когда заклеил противоположное поведение 'грехом против науки'.

^f В этом контексте немецкое слово 'gemein' ('низкий'), как и соответствующее английское слово 'mean', имеет дополнительное значение 'vicious', 'shabby'. [Назад](#)

9.C.2.d.ii. 'Грех против науки', совершённый Марксом и Энгельсом

С учётом этих строго сформулированных принципов, регресс Маркса в анализе азиатского общества приобретает особое значение. Очевидно, что концепция деспотизма Востока содержит элементы, которые парализовали его поиски истины. Как участник группы, которая намеревалась установить тотальное управленческое и диктаторское государство и была готова к использованию 'деспотических мер' для достижения своих социалистических целей, Маркс вряд ли мог помочь, признав некоторые тревожные сходства между деспотизмом Востока и государством, описанным в его программе.

Представитель классической экономической теории Джон Стюарт Милль, который в своих 'Основах политической экономии' писал о государстве Востока, предупреждал в той же книге об опасности всепроникающего государства, интеллектуального элитарного деспотизма ('правительство овец, возглавляемое их пастырем, как ничто иное столь сильно отражает интерес пастыря, касающийся процветания его стада'), 'политического рабства' и 'господствующей бюрократии'. Побудили ли эти и другие академические увещевания Маркса в 50-е годы к тому, чтобы скрыть бюрократический аспект деспотизма Востока? Этого мы не знаем. Но мы знаем, что в 60-е и 70-е годы писатели-анархисты выступали с гораздо менее академической по духу критикой против марксистских принципов государственного социализма.

Когда Маркс писал окончательную версию первого тома 'Капитала', он находился в открытом конфликте со сторонниками Прудона. А с конца 60-х годов он и Энгельс были явно обеспокоены заявлением сторонников Бакунина о том, что государственный социализм неизбежно приведёт к деспотическому господству привилегированного меньшинства над остальным населением, включая рабочих. В 1873 году Бакунин продолжил нападение в своей книге 'Государственность и анархия', в которой настаивал, что представляемое Марксом социалистическое государство, 'с одной стороны, порождает деспотизм, а с другой - рабство'. Марксистская теория - 'ложь, за которую кроется деспотизм управляющего меньшинства, тем более опасная, что она является как выражение мнимой народной воли'.

Политические решения, предлагавшиеся анархистами, были бесспорной утопией. Но их критика оказалась точной, насколько можно судить по интерпретации Марксом Парижской коммуны (которую анархисты считали шутовской инверсией его ранних идей), а также из-за секретности, которой в 1875 году Маркс и Энгельс окутали свои идеи государственного социализма и диктатуры пролетариата. В своём личном экземпляре 'Государственности и анархии' Маркс сделал обширные примечания, но он никогда не отвечал на едкие аргументы Бакунина публично.

Проблема деспотизма Востока наиболее серьёзно смущала Энгельса в первые годы после появления книги Бакунина. Его вставки в третий том 'Капитала', касавшиеся эксплуататорских деспотических режимов России и Индии, были сделаны в 90-е годы, когда, по собственному утверждению Энгельса, его больше не беспокоили анархисты^g.

^g О более поздней оценке Энгельсом анархистской критики как проблемы прошлого см. его предисловие к 'Критике Готской программы', изданной в 1891 году: 'Эти соображения теперь отпадают'. [Назад](#)

9.C.2.d.iii. От прогрессивного утопизма к утопизму реакционному

Авторы 'Манифеста коммунистической партии' обвиняли 'утопических' социалистов в том, что те давали 'фантастическое описание будущего общества'. Но Маркс и Энгельс сделали то же самое, когда изобразили своё социалистическое государство. Отцы 'научного социализма', которые реалистично, хотя и несовершенно, проанализировали проблемы капиталистической экономики, оказались не в состоянии совершить подобное для анализа проблем диктаторского и функционерского государства, социалистический вариант которого они стремились установить. Подменив научное исследование 'фанатической верой', они допустили ту самую ошибку, за которую так жестко критиковали ранних утопистов.

И их постигла та же участь. Утопические взгляды, которые в убеждениях Маркса и Энгельса первоначально имели прогрессивное ('революционное') качество, лишились 'всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания', когда появились новые прогрессивные социальные силы. Их важность оказалась 'в обратном отношении к историческому развитию'. В итоге они стали совершенно 'реакционными'.

Социалисты, бывшие сторонниками утопического государства, также достигли финальной черты, в иных обстоятельствах и гораздо более удивительным

образом. Их экономический и функциональный подход к истории стимулировал социальные науки XIX и начала XX веков. А их социальная критика стимулировала борьбу против чудовищных условий, которые были характерны для ранних фаз современной промышленной системы. Но в процессе осуществления их первоначальное видение утратило своё прогрессивное качество. В теоретическом плане этот реакционный потенциал проявился довольно рано в регрессивном отношении Маркса и Энгельса к азиатскому варианту управленческого и бюрократического деспотизма. В практическом плане этот реакционный потенциал проявился в колоссальном масштабе, когда через девять месяцев после падения полууправленческого аппаратного государства царской России большевистская революция проложила путь к восхождению тотального управленческого аппаратного государства в СССР.

9.С.3. Ленин

9.С.3.а. Ленин ещё больше искажил уже искажённую Марксом версию азиатской концепции

9.С.3.а.і. Последовательное игнорирование управленческого аспекта деспотизма Востока

Факторы, которые всё более искажали взгляды Маркса и Энгельса на деспотизм Востока, привели к ещё более регрессивным результатам в случае с Лениным.

В течение первых двадцати лет своей политической карьеры Ленин в целом поддерживал версию Маркса о классической концепции азиатского общества, но с самого начала его отношение к ней было необычно избирательным. Он никогда не упоминал об управленческой функции деспотизма Востока, хотя, конечно, знал о соответствующих заявлениях Энгельса в 'Анти-Дюринге' (откуда он часто брал цитаты), а в 1913 году ознакомился с письмами Маркса и Энгельса, в которых подчёркивалась эта функция. Не ослабляло его нежелание исследовать функциональную сторону азиатского деспотизма и осознание того, что этот аспект подчёркивали Каутский, чьим 'ортодоксальным' марксизмом он восхищался, и Плеханов, которого он считал ведущим авторитетом в области марксистской философии даже после того, как разошёлся с ним в политических взглядах.

Таким образом, Ленин закрыл глаза не только на важнейшие факты традиционных азиатских государств, но и на существенные черты царского

режима, чью управленческую деятельность он мог наблюдать вблизи. В своей книге 'Развитие капитализма в России' (1899 год) он совершил удивительный трюк, описывая рост промышленности, опирающейся на частную собственность, на своей родине без указания размеров предприятий, управляемых государством, которые в течение почти двухсот лет господствовали в российской крупномасштабной промышленности и, претерпев значительные изменения, всё ещё играли важную роль.

Пренебрегая управленческой ролью царского деспотизма, Ленин серьёзно искажил картину экономического строя России. Преуменьшая значимость эксплуататорской роли деспотизма, он искажил эту картину ещё больше. В 1894 году Энгельс отмечал сильное влияние налогообложения на российских крестьян. А несколько лет спустя Даниельсон (Николай-он) и Милюков показали, что правительство за счёт прямых и косвенных налогов лишало российских крестьян около 50 процентов их дохода. Хотя Ленин был детально знаком с работой Даниельсона, он не упомянул о косвенных налогах, которые были многочисленными и тяжёлыми, и эта методика привела его к проблематичному выводу, что у крестьян, о которых он имел подробные данные, налоги поглощали лишь около 15 процентов или 'одну седьмую часть валового расхода'.

9.С.3.а.ii. Путаное представление о правящем классе России

Ленинское толкование правящего класса при деспотизме Востока было в такой же степени неудовлетворительным. Регресс Маркса в этом отношении, хотя и чрезвычайно важный для интерпретации управленческого деспотизма в целом, не повлиял серьёзно на его анализ современного западного общества, который в конце концов был его главной заботой. С другой стороны, обсуждение Лениным правящего класса при деспотизме Востока было чем угодно, но не академическими рассуждениями. И это относилось к тому самому обществу, которое он стремится привести к революции.

Если, как предполагал Ленин, царизм был вариантом деспотизма Востока и при деспотизме Востока крупное землевладение возникло из нефеодальной формы государственной зависимости, то Ленину следовало бы понимать, что царское общество контролировалось не феодальными или постфеодальными собственниками земли, а бюрократами; если таково было его мнение, Ленину следовало бы изложить его. Если же это было не так, Ленину следовало бы указать на существенные причины для отказа от такой точки зрения.

На самом деле он не сделал ни того ни другого. Вместо этого он описывал российский правящий класс и так и этак. Иногда он говорил о 'диктатуре бюрократии' и видел её чиновников, стоящих 'над безгласным народом, как

тёмный лес'. Иногда он говорил о царском правительстве как о правительстве, имеющем 'буржуазные' тенденции и раболепствующем перед 'тузами-капиталистами и дворянами'. Чаще всего он описывал его как правительство, подчинённое господству помещичьей знати.

9.С.3.в. Трактовка истины, данная политическим стратегом

Наблюдая эти несоответствия, мы можем задаться вопросом: как революционный лидер, чьи идеи о правящем классе были настолько размыты, мог захватить власть? Но нам достаточно вспомнить извращённую интерпретацию Гитлером обстановки в Германии и его сокрушительные победы над своими внутренними врагами, чтобы понять, что огромных политических успехов можно достигнуть, опираясь на идеи, которые в лучшем случае являются полурациональными.

Акцент, который Ленин делал на необходимости объективной и абсолютной истины, не предотвратил его от требования того, чтобы социалистические писатели и художники следовали принципу партийности (*partinost*). На протяжении всей своей карьеры он сам поступал так, даже если это означало отказ от элементарнейших правил научной обоснованности.

Конечно, несостоятельность определения Лениным российского правящего класса не имела никакого научного обоснования. И его ловкая словесная акробатика во время и после дебатов в Стокгольме, касавшихся азиатской реставрации в России, предвещала его дальнейшую готовность полностью затемнять правду^h.

^h Плеханов в 1906 году сравнил Ленина с блестящим юристом, который с целью воздвигнуть оплот для сложного судебного дела бросает вызов логике. [Назад](#)

9.С.3.с. Угроза азиатской реставрации (1906-07 годы)

Готовясь к Стокгольмскому съезду РСДРП в 1906 году, Плеханов, выступая перед меньшевиками, оспаривал план Ленина о национализации земли. И дебаты на самом съезде, и последующие высказывания Ленина показывают, что его серьёзно озадачила аргументация Плеханова, который, ссылаясь на

азиатское наследие России, предупреждал о возможности азиатской реставрации.

Можно кратко передать причину опасений Плеханова. Воодушевлённый опытом 1905 года, Ленин считал, что РСДРП смогла бы захватить власть, если бы сплотила под своими лозунгами малочисленный российский рабочий класс и многочисленное крепкое крестьянство. Чтобы заручиться поддержкой крестьянства, он предложил сделать национализацию земли частью революционной программы. Плеханов заклеил идею социалистического захвата власти как преждевременную, а план национализации земли - как потенциально реакционный. Такая политика вместо отмены прикрепления земли и земледельцев к государству оставила бы 'неприкосновенным это наследие старого полуазиатского порядка' и тем самым облегчило бы восстановление этого порядка.

Это было ужасной исторической перспективой, которую Ленин попеременно обозначал как 'реставрацию азиатского способа производства', 'реставрацию нашего старого полуазиатского порядка', реставрацию российской 'полуазиатской национализации', 'восстановление полуазиатских порядков', 'возврат к азиатчине (Aziatchina)' и "азиатскую" реставрацию России.

Плеханов, развивая свою тему, придерживался идеи Маркса и Энгельса о том, что при монгольском правлении Россия стала полуазиатской и что, несмотря на значительные изменения, Россия сохранила эти черты даже после освобождения. Он отметил, что в конце концов в 1762 году помещики (pomeshchiki) стали собственниками своей прежней земли, которую они получали за службу, без каких-либо дальнейших обязательств служить правительству, а крестьянам их землю по-прежнему выделяли государство и помещики (pomeshchiki). Возмущаясь поразительно несправедливой ситуацией, крестьяне хотели восстановления старой системы государственного контроля над землёй.

Плеханов, который признавал революционный аспект этой ситуации, в то же время боялся того, что рассматривал как её реакционные последствия. Благодаря реставрации старой российской экономики и старого русского правительственного строя 'сильно, очень сильно повернулось бы назад колесо русской истории'. Ссылаясь на пример китайского государственного деятеля Ван Аньши, который якобы стремился сделать государство собственником всех земель, а государственных чиновников - распределителями всей продукцииⁱ, Плеханов восклицал: 'Мы не только не ждём ничего, кроме зла, от затей русских Ван Аньши, но употребим все усилия для того, чтобы сделать такие затеи экономически и политически невозможными'. 'Нам не нужно китайщины (Kitaishchina)' - не нужна китайская система.

Имея в виду этот опыт, Плеханов боролся с программой Ленина по установлению диктаторского правительства, опирающегося на небольшое пролетарское меньшинство, которое мало что смогло бы сделать для

предотвращения реставрации. Вместо этого он выступал за муниципализацию земли, меру, которая 'в органах общественного самоуправления, владеющих землею, создаёт оплот против реакции'.

Оказался ли бы 'оплот' муниципализации достаточно прочным для того, чтобы противостоять значительно более сильной власти нового государства, которое Ленин намеревался создать? Вряд ли. Оказался ли бы он достаточно прочным для того, чтобы удержать в нужных рамках один из вариантов старорежимной деспотической бюрократии, представителей которой Плеханов, видимо, считал бенефициарами возможной будущей реставрации? Это не так маловероятно, как представлял дело Ленин.

Но каким бы ни был эффект муниципализации, Плеханов, конечно, обоснованно указал на азиатское наследие России и подчеркнул, что 'необходимо разрушить ту экономическую основу, благодаря которой наш народ всё больше и больше сближался с азиатским народом'. Такая формулировка привела к тому, что Плеханов в той же дискуссии в соответствии с взглядами Маркса и Энгельса прямо сказал, что деспотизм Востока в России хотя и очень сильно ослаблен, но всё ещё сохраняется после отмены крепостного права. И он лишь сделал логический вывод из этой посылки, когда предупредил, что упадок долгожданной революции приведёт к азиатской реставрации.

Важность аргументов Плеханова объясняет, почему Ленин продолжал возвращаться к ним на Стокгольмском съезде, в последующем 'Письме к петербургским рабочим', в объёмной брошюре по аграрной программе партии, изданной в 1907 году, и в обзоре этой брошюры для польской социалистической печати. Очевидно, что сама азиатская интерпретация русского общества бросала вызов его революционным планам, которые до той поры были для него марксистской аксиомой.

Но хотя Ленин был сильно обеспокоен этим фактом, он не мог отказаться от азиатской концепции в тогдашней атмосфере русского марксизма. Несмотря на агрессивное неприятие аргументов Плеханова, он признал реальность азиатского наследия России, когда утверждал, что 'непозволительно смешивать французскую реставрацию на основе капитализма с реставрацией 'нашего старого полуазиатского порядка''. Он признал это, когда отметил, что 'оболочка' старого строя 'очень сильна в крестьянской реформе' и что даже после 80-х годов XIX века буржуазное развитие сельской России продвигалось 'невероятно медленно'. И он признал это, когда заявил, что национализация земли 'устраняет экономические основы азиатчины (Aziatchina) гораздо радикальнее', чем муниципализация.

Это важные подтверждения. И они становятся ещё более важными, если мы вспомним убеждённость Ленина в том, что из-за отсталости России протосоциалистическая революция была обречена на провал, потому что не была поддержана социалистической революцией в одной или нескольких

промышленно развитых странах Запада. 'Единственная гарантия от реставрации - социалистический переворот на Западе'. С учётом только что процитированных заявлений пугающая российская реставрация могла быть только азиатской реставрацией.

Плеханов в полном соответствии с социалистическими учениями, которые Ленин также признавал, осудил план Ленина по захвату власти как 'утопический' и сослался на замечание Наполеона, что генерал, который рассчитывает на благоприятное стечение обстоятельств, - плохой генерал. Но Ленин был полон решимости играть по-крупному. И именно по этой причине во время Стокгольмского съезда и сразу после него он преуменьшал и затемнял азиатское наследие России.

В своей заключительной речи в Стокгольме и в своём обзоре последующей брошюры в польской печати он обсуждал проблему реставрации без упоминания возможности азиатской реставрации. В своём 'Письме к петербургским рабочим' он упомянул об этой проблеме, но принизил её значимость, называя азиатский способ производства в России явлением прошлого. Если пугающая реставрация произойдёт, она не будет реставрацией азиатского способа производства или даже реставрацией типа производства, который был в XIX веке. 'В России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим капиталистический способ производства'.

Это утверждение кажется фантастическим, учитывая замечание Ленина, сделанное в 1905 году, что в России до тех пор был развит лишь ограниченный 'азиатский' капитализм, и он не повторил его в своей брошюре, изданной в 1907 году. Действительно, как было отмечено выше, он признал в этой брошюре, что сельское хозяйство России продвигалось по буржуазному пути 'невероятно медленно'. И его утверждение о том, что 'средневековое землевладение' являлось препятствием для роста буржуазного земледелия в России, объясняет, что он имел в виду, когда говорил, что всё ещё необходимо устранить основы азиатчины (Aziatchina).

Лидер, который в течение одного года обращался с фактами, касавшимися ключевой проблемы, четырьмя различными способами (игнорируя, изрекая двусмысленности, отрицая их важность и признавая их важность), не слишком уверен в своём курсе. После Стокгольмского съезда Ленин всё чаще избегал обозначения 'азиатский', даже когда имел дело с азиатскими социальными институтами. Он всё чаще называл 'азиатское' наследие 'средневековым', 'патриархальным' или 'докапиталистическим'. И хотя он продолжал говорить о российской 'неволе' (bondage) (krepostnichestvo), он всё чаще упоминал российский 'феодализм'¹.

ⁱ Плеханов построил свой аргумент на сведениях, представленных Реклю. Для исторически более правильной оценки намерений Ван Аньши см. [Уильямсон]. [Назад](#)

^j Ленин использовал термин 'государственный феодализм' для азиатской системы землевладения в своей брошюре, изданной в 1907 году, называя Плеханова и 'вслед за ним' Мартынова лицами, которые использовали эту формулировку. Мартынов действительно говорил в Стокгольме: '... наш феодализм прежде всего есть феодализм государственный', но я не нашёл ни одной подобной фразы в речи Плеханова. Но даже если Плеханов иногда использовал эту формулировку, на протяжении 1906 года он продолжал настаивать на том, что институциональное наследие России было не феодальным, а полуазиатским. [Назад](#)

9.С.3.d. Дальнейшие колебания (1907-14 годы)

Несмотря на эти колебания, Ленин придерживался концепции, которую, по-видимому, ему нечем было заменить. Осенью 1910 года он снова сблизился с Плехановым, а в январе 1911 года продемонстрировал свою неизменную приверженность взглядам на азиатскую систему, характеризуя Россию, описанную в сочинениях Толстого, как землю, где 'Восточный строй, азиатский строй' преобладал до 1905 года, который явился 'началом конца 'Восточной' неподвижности'^k. В 1912 году он описывал традиционный Китай в 'азиатских' терминах; в 1914 году он говорил об азиатском деспотизме России как о живой реальности.

^k Эта периодизация вновь появилась в статье, опубликованной в 1916 году Зиновьевым, тогда - ближайшим соратником Ленина, который писал, что анализ, сделанный Энгельсом в старости, был встречен общим одобрением российских социалистов. Революция 1905 года, добавил он, породила новую ситуацию. Далее, подъём политически сознательного пролетариата и процаристский поворот буржуазии 'изменили всю социальную структуру России, относительную силу различных классов'. Царское самодержавие тогда столкнулось с новым врагом; но Зиновьев не отрицал, что в 1916 году оно ещё существовало. [Назад](#)

9.С.3.e. Полное отступление (1916-19 годы)

9.С.3.е.i. 'Империализм как высшая стадия капитализма' Ленина (1916 год)

С Первой мировой войной внезапно прекратилась приверженность Ленина к азиатской концепции. В октябре 1914 года он выразил надежду на то, что война позволит радикальным социалистам положить начало всеобщей политической и социальной революции. А в 1915 году он был убеждён, что гигантский катаклизм уже приближается. Чтобы подготовить своих последователей к их дерзкой революционной роли, он написал две небольшие книги, которые свидетельствуют о решающем повороте в его социально-исторических взглядах: 'Империализм как высшая стадия капитализма' в 1916 году и 'Государство и революция' в 1917 году.

В книге 'Империализм как высшая стадия капитализма' Ленин изобразил капитализм 'монопольной' и империалистической системой, которая, как показало её бесплодное и стационарное состояние, достигла конца своего исторического пути. Вслед за Гильфердингом, он отводит 'финансовому капиталу' ведущую роль в кредитной системе современной страны и вследствие этого в её экономике. Следующим логическим шагом, как можно предположить, была бы демонстрация того, что эти идеи имели силу не только для Западной Европы и Америки, но и для России, главной мишени его теоретического и политического интереса. В случае России такая демонстрация была бы простой и поучительной, поскольку было общеизвестно, что царское правительство имело высший контроль над российской кредитной системой. 'Азиатская' интерпретация русского общества предполагала, что именно это обстоятельство давало царской бюрократии высший контроль над экономикой страны.

Ленин признал логическую посылку, но увернулся от заключения. Он отметил ключевую финансовую позицию царского правительства, но сделал это без выделения и без объяснения её последствий для экономики, как сделал это для Запада, где господствовала частная собственность. Не подчеркнув управленческие функции российского государства в прошлом, он также не подчеркнул их в настоящем. Таким образом, он скрыл существенный институциональный признак, который может связывать 'полуазиатское' прошлое страны либо с социалистическим государством, либо с 'азиатским' будущим.

9.С.3.е.ii. 'Государство и революция' (1917 год)

Книга 'Государство и революция' была продолжением обмана. В этом трактате Ленин объяснял необходимость замены существовавшего государства, в

котором у власти находился правящий класс, новым типом государства, которое, как и Парижская коммуна, контролировалось бы снизу. Он обосновал это важное решение не изучением исторических фактов, а соответствующими замечаниями Маркса.

Чтобы обосновать свою претензию на восстановление марксистской ортодоксальности, Ленин обещал представить 'совокупность' взглядов Маркса и Энгельса о государстве. Для этого 'все, или по крайней мере все решающие, места из сочинений Маркса и Энгельса по вопросу о государстве должны быть непременно приведены в возможно более полном виде'.

Читатель, заинтересованный конкретными идеями конкретного автора, захочет в первую очередь, чтобы его ознакомили с главным трудом этого автора, если эти идеи обсуждаются там, а затем и с его другими соответствующими работами. А как поступил Ленин в 'Государстве и революции'? Как показывает его замечание, сделанное в 1907 году, приход русской революции все ещё должен был ликвидировать экономические основы деспотизма Востока. Как показывает его замечание, сделанное в 1912 году, 1905 год был лишь 'началом конца' стационарного 'Восточного' состояния России. И как показывает его замечание, сделанное в 1914 году, он всё ещё считал, что современную 'государственную систему России' характеризует 'совокупность черт, которые дают в сумме понятие 'азиатского деспотизма''. Таким образом, когда в 1916-17 годах Ленин обещал представить всем важные замечания Маркса и Энгельса о государстве, мы вправе ожидать, что наряду с идеями Маркса об имущественных основах государства он представит его идеи о функциональных основах и об имеющей к этому отношении российской государственной системе. Мы вправе ожидать, что он процитирует 'Капитал', главный труд Маркса, который содержит много важных ссылок на азиатское государство, как и другие его сочинения, которые касаются этой темы. И, конечно, мы вправе ожидать, что он также процитирует сочинения Энгельса, уделяя при этом особое внимание его замечанию о деспотизме Востока в России, сделанному в 1875 году.

Но ничего подобного Ленин не сделал. В книге, в которой он якобы собирался представить все ключевые замечания Маркса о государстве, 'Капитал' даже не упоминается. И все другие замечания Маркса и Энгельса о функционерском государстве в целом и деспотизме Востока в России в частности Ленин также проигнорировал. Получалось, что идея Маркса и Энгельса о функционерском деспотическом государстве исчезла. Единственный вид государства, на который ссылался Ленин, было изученное Марксом и Энгельсом и основанное на частной собственности государство не-Восточного типа.

В соответствии со своей избирательностью Ленин привёл некоторые высказывания, которые касались трёх основанных на частной собственности социальных строев из марксистской схемы: античности, феодализма и капитализма. И эти высказывания он чаще всего находил не у Маркса, а в

последних разделах 'Анти-Дюринга' Энгельса и в самой слабой социально-исторической работе Энгельса: 'Происхождение семьи, частной собственности и государства'.

9.С.3.е.iii. Лекция Ленина 'О государстве' (1919 год)

В 1916 году, когда Ленин систематизировал свои записи для книги 'Государство и революция', русский абсолютизм, хоть и ослабленный, по-прежнему существовал. Летом 1917 года, когда он закончил книгу, царь был свергнут; большевики пытались осуществить программу Ленина, разработанную в 1905-06 годах, включая национализацию земли, которая, по мнению Плеханова, значительно повысила бы шансы азиатской реставрации.

Таким образом, Ленин ввёл в заблуждение своих читателей по ключевым вопросам революции, которую он поддерживал. И он продолжал действовать в том же ключе и после Октябрьской революции, и позже, когда большевики укрепляли свою монопольную управленческую власть. Венцом его идеологического поворота стала лекция 'О государстве', произнесённая 11 июля 1919 года.

В книге 'Государство и революция' Ленин не приводил цитаты из 'Капитала', но по крайней мере цитировал некоторые второстепенные труды Маркса. В своей лекции 'О государстве' он не упомянул ни имени Маркса, ни слова 'марксизм'. Вместо этого он ссылаясь на Энгельса как на единственного авторитета в вопросах 'современного социализма'. И он рекомендовал Энгельса не из-за его многочисленных идей об азиатском государстве и деспотизме Востока в России, даже не из-за его 'Анти-Дюринга', но только из-за его популяризации идей Моргана в 1884 году. Ленин говорил: 'Я надеюсь, что по вопросу о государстве вы ознакомитесь с сочинением Энгельса 'Происхождение семьи, частной собственности и государства'. Это - одно из основных сочинений современного¹ социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе'.

Но даже если Ленин рекомендовал каждую фразу из книги как заслуживающую доверия, он искажил некоторые из ключевых идей этой книги. Два примера представляют особый интерес для нашего исследования, оба касаются значения рабства и служат укреплению веры в то, что развитие общества было однонаправленным процессом.

Как говорилось выше, Энгельс указал в своей книге о семье, что рабство не является особенно важным элементом производства ни на 'Востоке', ни в средневековой Европе (на Востоке было только 'домашнее рабство', а германские племена, минуя 'трясину' рабства, сразу шагнули из примитивного

'состояния' в феодально-крепостной строй). Но Ленин отмёл эти важные ограничения и определил 'рабовладельческое общество' как практически универсальную фазу развития. 'Через это прошла *вся* современная цивилизованная Европа - рабство было вполне господствующим 2 тысячи лет тому назад. Через это прошло громадное большинство народов остальных частей света'. И один якобы общий тип основанного на частной собственности строя обязательно приводил к следующему: рабовладельческое общество - к крепостному обществу; крепостное общество - к капитализму; а капитализм - к социализму.

Эта однонаправленная схема развития не оставляла места для азиатского общества и азиатской реставрации. Вернее, она 'научно' демонстрировала то, что большевистская революция, сокрушая порочные силы частной собственности, положила начало неизбежному очередному этапу прогресса человечества: социализму.

¹ Обратите внимание, что Ленин не использовал формулировку 'научный социализм', который обычно ассоциируется с марксистским социализмом. [Назад](#)

9.С.3.f. Последний период жизни Ленина: вновь возникает угроза азиатчины (Aziatchina)

Если бы Ленин полностью отбросил свои прежние убеждения, наш рассказ о Большом Мифе можно было бы на этом закончить. Но Ленин был 'субъективным социалистом'. И хотя режим, который он возглавлял с момента его создания, мало походил на то протосоциалистическое правительство, которое представляли себе Маркс и сам Ленин до Октябрьской революции, он продолжал декларировать свои прежние убеждения. Таким образом, хотя ради захвата власти он предал свои социалистические принципы, нет никаких сомнений в том, что он сделал это с нечистой совестью. И нет никаких сомнений в том, что он испытывал тревогу, когда скрывал азиатский вопрос.

В книге 'Государство и революция' Ленин косвенно признал существование деспотизма Востока, важной 'варварской' системы угнетения и эксплуатации, путём присоединения уточняющей фразы 'в истории цивилизованных обществ' к своему замечанию о государстве, основанном на частной собственности. Это мало что дало для нейтрализации обманчивого эффекта его основного тезиса, но показало осознание им его 'греха против науки'.

В своей лекции 'О государстве' Ленин использовал термин 'неволя' (bondage) (krepostnichestvo) там, где Энгельс использовал термин 'феодализм'. И он

завершил своё обсуждение невольничьего (bondage) государства словами: 'Это и было крепостническое государство, которое в России, например, или в совершенно (sovershenno)^m отсталых азиатских странах, где до сих пор крепостничество господствует - по форме оно отличалось, - было или республиканское, или монархическое'. Очевидно, что Ленин всё ещё знал, что 'азиатские страны' имели особую форму неволи (bondage). И он всё ещё проводил различие между 'совершенно' отсталыми азиатскими странами и другими (полуотсталыми, полуазиатскими?) странами, в число которых он включил и Россию. Он снова сделал важные допущения, но снова так тщательно их спрятал, что они едва узнаваемы.

С точки зрения логики Ленина большевистский захват власти осенью 1917 года имел мало шансов на то, чтобы положить начало протосоциалистическому и социалистическому развитию. По его собственному мнению, 'относительные' внутренние гарантии, предоставляемые государством типа Коммуны (без бюрократии, без полиции, без постоянной армии), могут предотвратить страшную реставрацию только в том случае, если новый режим поддержит революция в каких-либо промышленно развитых странах Запада. Поэтому Ленин был вне себя от радости, когда в ноябре 1918 года вспыхнула революция в Германии.

Но произошедшее 15 января 1919 года убийство двух немецких коммунистических лидеров, Карла Либкнехта и Розы Люксембург, сурово продемонстрировало слабость революционных сил на Западе, чьей помощи жаждал Ленин. Он был глубоко потрясён. Через пять дней в странной речи перед Вторым Всероссийским съездом профсоюзов он оценил достижения большевистской революции. Он отметил, что Французская революция в своём чистом виде длилась всего лишь год, но осуществила великие дела. Большевистская революция за то же время сделала ещё больше. Эти бессвязные предложения, однако, едва скрывали его страх перед тем, что большевистская революция, подобно Французской революции до неё, взяла курс на реставрацию.

Мы не знаем точно, какой тип реставрации представлял тогда Ленин, но знаем, что 21 апреля 1921 года, сразу после Кронштадтского восстания, он акцентировал внимание на антисоциалистической и антипролетарской опасности, присущей новой советской бюрократии. Эта бюрократия была не буржуазной силой, а чем-то более худшим. Его сравнительная шкала социальных строев свидетельствует о том, что он имел в виду: 'Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к *мелкому производству*, по отношению к *связанному с распылённостью мелких производителей бюрократизму*'.

Заявление Ленина может озадачить тех, кто не знаком с марксистским определением деспотизма Востока. Но им следует вспомнить о мнении Маркса и Энгельса, что самодостаточные, разрозненные и изолированные сельские

общины образуют прочную и естественную основу деспотизма Востока. И им следует вспомнить заявление Ленина, сделанное в 1914 году, что 'ничтожное развитие товарного хозяйства' было экономической причиной большой стабильности азиатского деспотизма.

Несколькими параграфами ниже Ленин пошёл ещё дальше, характеризуя новую советскую бюрократию, как будто чтобы развеять все сомнения относительно того, куда он клонит. На свой вопрос: 'Каковы экономические корни бюрократизма?' - он ответил: 'Главным образом, эти корни двойкие: с одной стороны, развитая буржуазия... нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судебском и т. д. Этого у нас нет... У нас другой экономический корень бюрократизма: *раздробленность, расплывчатость мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между земледельцем и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними*'.

Правда, Ленин не вешал ярлыки на явления, которые описывал. Но все подробности, которые он упоминал, конкретизируют разрозненность и изоляцию деревень, которыми правил новый режим. Эзоповым языкомⁿ Ленин явно выразил своё опасение, что азиатская реставрация имела место и новый тип деспотизма Востока находился в процессе становления.

Не удивительно, что в конце своей политической карьеры Ленин несколько раз называл институциональное наследие России 'бюрократическим' и 'азиатским'. Он отмечал, что российское общество 'до сих пор не выбралось' из своей 'полуазиатской' бескультурности. Он противопоставил 'азиатский' способ торговли русского крестьянина 'европейскому' способу. И он критиковал советский режим за то, что тот не может 'обойтись без особенно махровых типов культур добуржуазного порядка, т.е. культур чиновничьей, или крепостнической' (bondage). Невольничья (bondage) культура - не феодальная культура. А незадолго до инсульта, который полностью удалил его с политической арены, он зашёл так далеко, что написал: советский государственный аппарат 'в наибольшей степени представляет из себя пережиток старого... Он только слегка подкрашен сверху'^o.

^m Формулировка Ленина напоминает различие, сделанное Марксом между 'совершенно' восточными (Eastern) проблемами в Китае в пятидесятые годы и 'полувосточными' (semi-Eastern) проблемами, вызванными царской Россией. [Назад](#)

ⁿ Первоначально Ленин использовал 'эзопов' (рабский) язык, обращаясь к тем, кто находились в положении угнетённых правительством, таким образом, чтобы правители не поняли то, что он говорил. Теперь же, как глава нового правящего социального слоя, он использовал те же самые приёмы, чтобы скрыть значение своих слов от тех, кто оказались в положении управляемых. [Назад](#)

° 'Мы переняли старый государственный аппарат'. 'Наш аппарат, ... в сущности, унаследован от старого режима'. [Назад](#)

9.С.4. Сталин

Как и первый римский император Август, основоположник Советского Союза Ленин, поддерживал на словах то, что уничтожал на деле. Но слова тоже имеют свою историю, и при режиме, подгоняющем идеи под жёсткие рамки, слова официальных идеологов доктрины нелегко отбросить. Не случайно, что в СССР аргументы, защищающие концепцию азиатского общества, продолжали звучать публично, пока 'субъективные социалисты' (представители 'старой гвардии') публично боролись с подъёмом новой тоталитарной бюрократии. И не случайно, что Сталин, который унаследовал и развил зарождавшееся аппаратное государство Ленина, также унаследовал и развил готовность Ленина к уничтожению неудобной истины, даже если эта истина была произнесена Марксом и Энгельсом или самим Лениным.

9.С.4.а. Возражения 'старой гвардии'

В 1925 году Рязанов, который был тогда директором Института Маркса и Энгельса, опубликовал статью 'Маркс о Китае и Индии', в которой идеи Маркса об азиатском обществе и азиатском способе производства рассматривались совместно. В том же году крупный экономист Варга заявил, что контролируемые государством производственные и защитные водные работы были основой китайского общества, а правящий класс Китая составляли обученные администраторы, учёные, а не владельцы частной собственности, такие как собственники земли. В 1928 году 'Программа Коминтерна', которая была разработана под руководством Бухарина, признавала в экономике колониальных и полуколониальных стран 'преобладание феодально-средневековых отношений или отношений 'азиатского способа производства'; и Варга в статье, опубликованной в 'Большевике', теоретическом журнале Коммунистической партии Советского Союза, вновь определил традиционный Китай как азиатское общество и отметил, что в этом обществе крестьяне, как собственники, так и арендаторы, занимали совершенно иное положение, чем крепостные в феодальном обществе. В 1930 году он публично критиковал чиновника Коминтерна Иолка и тех редакторов журнала 'Проблемы Китая', которые приняли его сторону, за то, что они называли азиатский способ производства азиатским вариантом феодального способа производства: если бы Маркс был такого мнения, 'он так бы и сказал'. Изменение, предложенное

Иолком, приводило по меньшей мере к 'ревизии марксизма'. Поэтому Варга потребовал, чтобы лежащая в основе проблема стала темой организованной дискуссии.

Такая дискуссия действительно состоялась в Ленинграде в феврале 1931 года, то есть вскоре после принудительной коллективизации, которая весьма укрепила новых аппаратчиков (apparatchiki), руководимых Сталиным, но до чисток, которые беспощадно истребили 'старую гвардию'. Эта дата объясняет, почему Рязанов, Варга, Бухарин и Мадьяр (ведущий молодой сторонник азиатской концепции) не были приглашены для участия. И она также объясняет, почему те, кто называли великие азиатские цивилизации 'феодальными', высказывались с определённой сдержанностью, когда выступали против защитников 'теории азиатского способа производства'.

9.С.4.в. Половинчатая критика теории общества Востока

9.С.4.в.и. Ленинградская дискуссия (1931 год)

С политической точки зрения, сторонники 'феодальной' интерпретации общества Востока занимали сильную позицию, ибо с 1926 года Сталин неоднократно называл аграрный строй Китая 'феодальным'. Но высказывания Сталина скорее были неопровержимыми, чем убедительными, когда он говорил о феодальных условиях Китая. Он не доказывал свои идеи ссылками на известные факты китайской экономики и китайского общества. Он также не объяснял, как рассматривать высказывания Маркса, Энгельса и Ленина об азиатской системе и азиатском способе производства.

Это отсутствие направленности находит своё отражение в заявлениях Коминтерна о Китае, Индии и других азиатских странах. И это объясняет осторожность, с которой те, кто делали акцент на 'феодальной' точке зрения Сталина, действовали во время ленинградской дискуссии. Было нелегко отстаивать партийную линию, которая оказалась чревата серьёзными доктринальными трудностями.

Однако в ходе ленинградской конференции несколько моментов было чётко выявлены.

1) Критики азиатской концепции отвергли как немарксистскую идею о том, что функционерская бюрократия могла быть господствующим классом.

2) Они отвергли азиатско-бюрократическую интерпретацию китайского дворянства².

3) Они утверждали, что теория азиатского способа производства ставит под угрозу работу Коминтерна в колониальных и полуколониальных странах Азии³.

Выступавшие за феодальную интерпретацию Востока укрепили свою позицию, ссылаясь на те высказывания Энгельса и Ленина, где азиатское общество игнорировалось. Защитники теории азиатского способа производства, со своей стороны, цитировали утверждения Маркса, Энгельса и Ленина, в которых поддерживалась эта теория. Но они не упоминали о Восточной интерпретации России Марксом или Энгельсом и уклонялись от ленинской концепции азиатчины (Aziatchina) и его комментариев о возможности азиатской реставрации.

В этой битве цитат защитники 'азиатской' теории не выглядели совсем плохо. Выразители партийной линии, которые до конференции, конечно, консультировались с Политбюро, явно не были проинструктированы о том, как обходиться с предложенной Марксом концепцией азиатского способа производства, представленной в предисловии к его работе 'К критике политической экономии'. Таким образом, Годес и Иолк, которые осмелились отмежеваться от 'азиатского' пункта в программе Коминтерна, продолжали точно цитировать знаменитое прононциаменто Маркса⁴.

Их доктринальная неуверенность нашла своё выражение также в их партийном поведении. Вначале Иолк утверждал: 'Я хочу предостеречь от этой теории, самое важное политически разоблачить её, а не установить 'чистую истину' относительно того, существовал ли 'азиатский способ производства' или нет'. Но его презрение даже к проявлению научной объективности было столь же преждевременным, сколь и неблагоприятным. Годес тактично перефразировал комментарий Иолка, и напечатанные протоколы дают лишь выхолощенную версию оригинального заявления⁵. Кроме того, хотя Годес и Иолк упрекали некоторых представителей 'антифеодального' лагеря в склонности к 'троцкизму', Годес предостерег от навешивания троцкистских ярлыков на всех представителей группы.

Конечно, эта сдержанность была вызвана не тем, что Троцкий никогда не ссылался на азиатскую концепцию в своей борьбе против Сталина⁶. Такая случайность не могла бы остановить большевистского пропагандиста. Но если бы сторонники 'феодализма' осудили весь 'азиатский' лагерь как троцкистов, они довели бы дискуссию до финальной стадии, достигать которой в то время господствовавшие идеологические стратеги, видимо, не хотели. Даже грубый Иолк счёл нужным сказать, что защитники азиатской концепции не повторяли буржуазные теории. Он просто сказал, что 'их ошибочные установки объективно отражают чуждые влияния'.

Таким образом, политическая оправданность сторонников теории азиатского способа производства не была подвергнута сомнению. Их ересь была незначительной, и это не лишало их хорошей коммунистической репутации.

^p Именно поэтому я был избран объектом критики как автор, подчёркивающий 'азиатские' черты китайского дворянства. Я действительно сделал это, когда описывал эту социальную группу при обсуждении не служивших слоёв бюрократического господствующего класса. Для понимания моей ранней точки зрения см. главу 8. [Назад](#)

^q Годес указывал, что идея 'исключительной специфичности' (незападного характера) Востока, подразумеваемая в теории азиатского общества, имела тенденцию поощрять некоторых азиатских националистов отвергать доктринальное влияние коммунистов, а в идее застойности Азии есть признание 'мессианской' роли европейского капитализма. На мысль о таком 'мессианском' аргументе наводила оценка Марксом британского правления в Индии. Позиция Маркса сильно смущала Коминтерн, как можно видеть из горячих дискуссий по проблемам 'индустриализации' и 'деколонизации' в колониальных и полуколониальных странах. [Назад](#)

^r Иолк свёл его важность к минимуму, но Годес подверг его за это критике. [Назад](#)

^s Слова Иолка в печатном докладе о ленинградской конференции подчёркивают только политическое значение азиатской теории. К счастью, однако, редакторы совершили ошибку в своей работе. Они воспроизвели не только перефразированное Годесом заявление Иолка, которое показало, что Иолком был поднят вопрос об истине, но и цитирование точных слов Иолка в речи другого участника конференции. [Назад](#)

^t Во вводных главах своей книги о русских революциях 1905 и 1917 годов Троцкий кратко объяснил управленческую и эксплуататорскую особенность царского режима, который, по его мнению, был близок к 'азиатскому деспотизму'. Но в 20-е и 30-е годы он не обсуждал китайское общество в 'азиатском' контексте и не использовал критерии деспотизма Востока, когда критиковал бюрократический деспотизм Сталина. В 1938 году Троцкий написал обзор о том, в чём он придерживался идей Маркса. В своём обсуждении типов общественных отношений он упоминает только три: рабство, феодализм и капитализм, так же, как это сделали Сталин в том же году и Ленин в 1919 году. [Назад](#)

9.C.4.b.ii. Важность дискуссии 1931 года

С точки зрения непосредственных результатов ленинградская конференция была неубедительной. С точки зрения исследователя социологии знаний, она была весьма полезной. Эта конференция была единственным случаем, когда, по моим сведениям, советские идеологи обсуждали политическое значение теории азиатского общества с какой-либо степенью откровенности. Особенность конференции подчёркивается двумя фактами: в отличие от других обсуждений спорных вопросов (экономических, литературных или биологических), о ленинградской конференции не извещали в международной коммунистической прессе, а проблемы, затронутые на конференции, не вызвали всестороннего обсуждения в коммунистических партиях за пределами СССР.

Резюмируем эти проблемы. Теория азиатского общества ставила под угрозу коммунистическое руководство в Азии, потому что изображала 'капиталистический' Запад способным не только на репрессивные, но и конструктивные действия. Она ставила под угрозу коммунистическое руководство, потому что позволяла националистическим лидерам в Азии отказаться от доктрины, выработанной Москвой в качестве руководящих принципов. И она ставила под угрозу попытки коммунистов односторонне выделить второстепенные, хотя и серьёзные, проблемы собственности и таким образом скрыть основную проблему бюрократического правящего класса и повсеместного государственного рабства.

Деликатный характер этих проблем требовал осторожных методов. Но высшее руководство мирового коммунизма знало, что при любых отсрочках концепция управленческо-бюрократического 'азиатского' государства в конечном счёте должна исчезнуть.

9.С.4.с. Идеологические сумерки

Идеологическое разрушение теории азиатского способа производства происходило не без отклонений. Китайские коммунисты отвергли концепцию азиатского способа производства для традиционного Китая ещё до ленинградской конференции. Они предприняли этот шаг в 1928 году на своём Шестом национальном конгрессе (проходившем в Москве) в резолюции по аграрным отношениям и борьбе за землю в Китае, формулировка резолюции показала, что они больше стремились воспользоваться 'феодальными' взглядами Сталина, чем отдать должное 'азиатским' комментариям Маркса о Китае⁴. Правда, в первом проекте этой резолюции использовалась концепция азиатского способа производства. Но эта жалкая попытка, которая, скорее всего, была предпринята Цюй Цюбо и не привела ни к чему, только подчеркнула отсутствие серьёзной марксистской традиции в китайском коммунистическом движении.

В других частях марксистско-ленинского мира идея азиатского общества существовала в идеологических сумерках, которые длились до появления в 1938 году работы Сталина 'О диалектическом и историческом материализме', а в некоторых англосаксонских странах даже после этого.

Было бы интересно показать, каким образом в течение 1930-х годов советские писатели пытались найти 'феодальное' объяснение явлений, которые, как они знали, Маркс считал проявлением азиатского способа производства. Обратите внимание на усилия Пригожина (1934 год)^v, Гриневича (1936 год)^w и Струве (1938 год)^x. Было бы интересно показать, как даже в самом Коминтерне азиатскую концепцию всё ещё можно было использовать. Обратите внимание на статью Мадьяра 'Бедствия от наводнений в Китае' в журнале Коминтерна 'Инпрекор', опубликованную 3 сентября 1931 года^y, и на похвалу Марксу ('блестящее понимание индийской проблемы'), сделанную Фоксом в 1935 году в том же журнале^z. Было бы интересно показать, как английский марксизм, четыре раза упомянутый в книге Бёрнса 'Введение в марксизм', расширял гидравлическую интерпретацию Востока. Обратите внимание на акцент, который делал на управленческих и деспотических особенностях обществ Востока Гордон Чайлд в книге 'Человек создаёт себя'^a. И было бы интересно показать, как в США некоторые писатели, чьё мышление основывалось на азиатско-гидравлической концепции Маркса, влияли на немарксистских исследователей Востока. Обратите внимание на впечатление, которое произвели книга Цзи Чаодина 'Ключевые экономические районы в китайской истории, проявившиеся в ходе развития общественных работ по управлению водными ресурсами' и мои работы на Оуэна Латтимора^b.

Но подробный обзор этого многостороннего процесса выходит за рамки настоящей книги. Для нашего исследования достаточно констатировать, что в течение 1930-х годов, особенно в англосаксонском мире, марксизм в его наиболее активной прозелитской форме воспроизводил и распространял азиатско-гидравлическую интерпретацию цивилизаций Востока.

^u В своем исследовании о Мао Цзэдуне Шварц упомянул два теоретических решения Шестого съезда КПК, один - отклонение троцкистского акцента на капиталистических отношениях в китайских деревнях, другой - отклонение интерпретации китайского общества как азиатского общества. К сожалению, 'Документальная история китайского коммунизма' (1952 год), которую Шварц редактировал совместно с Джоном К. Фэрбэнком и К. Брандтом, не содержит сведений о последнем пункте. Согласно книге, 'единственным новшеством в 'теоретической области' была новая оценка революционной ситуации'. Это упущение тем более печально, так как всего лишь несколько лет назад доктор Фэрбэнк в своей книге 'США и Китай' посвятил целую главу обсуждению 'Китая как общества Востока'. [Назад](#)

^v Пригожин рассматривал азиатский способ производства как особый тип феодализма и говорил о 'так называемом азиатском способе производства'. [Назад](#)

^w См. ['Большая советская энциклопедия', статья 'Китай'], где Гриневич говорит о 'бюрократическом феодализме' и 'бюрократическом деспотизме' имперского Китая. [Назад](#)

^x См. десять особенностей азиатского способа производства по Струве. [Назад](#)

^y Скрываясь под тонкой завесой 'феодалного' словоблудия ('феодалная раздробленность' Китая), Мадьяр подчёркивал 'огромное значение' гидравлических работ и организационной деятельности, которые привели к 'деспотизму Востока китайских правящих классов'. [Назад](#)

^z Фокс, который в 1930 году опубликовал полное собрание заявлений Маркса об азиатском способе производства, в обзоре на книгу 'Введение в марксизм' обратил внимание на идеи Маркса, касавшиеся Индии. Любопытная случайность - если это случайность - заключается в том, что в этой книге, где рассмотрены 52 сочинения Маркса, Энгельса и Сталина, которая была распространена в США так же, как и в Великобритании, воспроизведены две основные статьи Маркса об Индии, но не упомянута лекция Ленина 'О государстве'. [Назад](#)

^a В этой книге Чайлд признал значимость 'реалистической концепции истории' Маркса. И хотя его представление о 'городской революции' является ухудшенным вариантом идеи Маркса и Энгельса (изначально - Адама Смита) о разделении города и деревни, а его представлению об 'остановленном развитии' обществ Востока не хватает остроты суждений Джонса, Милля и Маркса об этом феномене, его акцент на ключевом значении гидравлической деятельности для укрепления обществ Востока в Египте, Месопотамии и в ранней Индии определённно является следствием классической азиатской концепции. [Назад](#)

^b В своей книге 'Границы Китая во Внутренней Азии' (завершённой в 1939 году) Латтимор рассказал, что книга Цзи Чаодина прежде всего впечатлила его сведениями о 'важности для истории Китая ирригации и каналов для транспортировки'. В той же книге он заявил, что более двух тысячелетий назад ранний феодализм в Китае был вытеснен бюрократически управляемой империей, и добавил, что 'исходные факторы' этой трансформации были 'авторитетно классифицированы Виттфогелем'. [Назад](#)

9.C.4.d. Сталин 'редактирует' Маркса

Однако, пока этот процесс имел поддержку у ряда социальных историков, для новой тоталитарной бюрократии России это было динамитом. Вероятно, Сталин почувствовал опасность уже в конце 1920-х годов, но, вероятно, он также чувствовал, как трудно отказаться от ключевой идеи Маркса, которую по-прежнему поддерживали авторитетные старые большевики. Важно отметить, что только после Великой чистки (1935-38 годы), которая ликвидировала большую часть этих традиционалистов, Сталин решился наложить руки на ключевое заявление Маркса об азиатском способе производства.

Но разве сам Сталин не был старым большевиком? Сталин, действительно, прошёл школу ортодоксального марксизма. В 1913 году он писал, что в России в 1830-е годы господствовали 'грубо азиатские общественно политические порядки', и говорил о современной России как о 'стране полуазиатской'. Но Сталин писал эти строки под влиянием Ленина. И хотя иногда он использовал термин 'азиатский', чтобы охарактеризовать очень жестокие особенности своей кавказской родины, сомнительно, проявлял ли он когда-либо значительный интерес к теории азиатского общества, предложенной Марксом. Во время съезда партии в Стокгольме в 1906 году Сталин превзошёл Ленина, защищая полную передачу ('чёрный передел') земель помещиков крестьянам, но возможность азиатской реставрации, которая так глубоко волновала Ленина и Плеханова, не вызывала с его стороны никаких комментариев. В своём первом популярном изложении марксизма, написанном в 1906-07 годах, он перечислил рабство, 'неволю' ('bondage') и капитализм как типы общества, находящиеся выше уровня примитивного коммунизма, матриархата и патриархата.

С середины 1920-х годов Сталин начал подчёркивать 'феодальный' характер аграрного строя Китая. В 1926 году он говорил о 'феодально-средневековых пережитках' Китая, а в 1927 году разработал стандартную формулу 'феодальных пережитков' со ссылкой на 'феодально-средневековые методы эксплуатации и угнетения' в Китае и 'феодально-бюрократическую машину' Китая.

Существует мало оснований полагать, что полное согласие Сталина с азиатской концепцией в ранние годы предотвратило бы его последующий отказ от неё. Ленин отказывался от заветных идей, когда того требовала стратегия. Но отсутствие у Сталина сильных 'азиатских' убеждений, безусловно, облегчило ему выдвигание 'феодальной' точки зрения, так же как отсутствие у него проницательности в целом облегчило ему возможность достичь своих целей, не заботясь о логическом постоянстве.

Как отмечалось выше, Энгельс в своих наиболее проблематичных 'неазиатских' заявлениях не отрицал социально-эволюционное значение экологического фактора, который он и Маркс подчёркивали в своих ранних заявлениях об азиатском обществе. И ни Энгельс, ни Ленин не искажали программное заявление Маркса о четырёх антагонистических способах производства, изложенных в его знаменитом предисловии к работе 'К критике политической экономии'.

Сталин сделал и то и другое. Он отверг 'географическую среду' как 'определяющую причину общественного развития, ибо то, что остаётся почти неизменным в продолжение десятков тысяч лет, не может служить главной причиной развития'^с. И вместо того, чтобы обойти программную декларацию Маркса стороной, как это делали другие, он нагло обратился к ней и её искажил. С видом понтифика представляя свою однонаправленную схему развития, которая включала только три типа классовых обществ (рабовладельческий, феодальный и капиталистический), он льстиво похвалил 'гениальную формулировку существа исторического материализма, данную Марксом в 1859 году в историческом предисловии к его знаменитой книге 'К критике политической экономии'. И он процитировал 'исторический' пассаж слово в слово, но только до фразы, которая содержит упоминание Марксом азиатского способа производства. Таким образом Сталин продемонстрировал всем заинтересованным лицам, что Маркс, когда это необходимо, тоже может быть 'отредактирован' татарским способом: с помощью мясницкого тесака.

^с Отвергая окружающую среду и рост населения в качестве важных факторов, определяющих общественное развитие, Сталин был внимателен к аргументу Бухарина, которого незадолго до его казни в 1938 году Вышинский публично осмеял как 'теоретика в кавычках' (см. главу 5). В главе 1 настоящего исследования я отметил, что при марксистском взгляде на отношения между человеком и природой недооценивается культурный фактор, но, несмотря на это ограничение, предложенная Марксом концепция исторически меняющегося характера природы сильно отличается от статической точки зрения, которую поддерживал Бухарин, а вслед за ним и Сталин. Очевидно, что Ленин и Плеханов были ближе к точке зрения Маркса, чем к точке зрения Бухарина. [Назад](#)

9.С.4.е. Запоздалая реакция англо-саксонского мира

Верховный судья марксистско-ленинского учения заявил, что азиатская концепция больше не должна смущать сознательного человека. Однако весной 1939 года^d был издан и переведён на многие языки 'Краткий курс истории ВКП(б)', как раз тогда, когда в мире царил напряжённость от ужаса приближающейся катастрофы. Начавшаяся в сентябре 1939 года обширная война помешала политическим стратегам Советского Союза оказать давление в вопросах доктрины. На самом деле за эти годы они сделали существенные идеологические уступки народам СССР, а также западным демократическим правительствам.

Этого достаточно для того, чтобы объяснить, почему в 1940 году ведущий британский теоретик марксизма-ленинизма Р. П. Датт в книге 'Индия сегодня' и

во введении к книге 'Статьи об Индии' Карла Маркса с энтузиазмом повторял идеи Маркса об азиатском обществе в целом и об индийском обществе в частности^e. Этого также достаточно для того, чтобы объяснить, почему в 1942 году Чайлд в другом важном социально-историческом исследовании, 'Что произошло в истории', продвинулся в своём обсуждении особенностей 'обществ Востока' ещё дальше, чем в 1936 году. В своём втором исследовании он отметил, что бронзовый век и железный век породили четыре различных институциональных строя: основанные на ирригации аграрные общества, в которых излишки продукции 'оказывались в руках относительно узкого круга жрецов и чиновников'; классические греко-римские цивилизации, в которых первичные производители продукции и ремесленники были в основном обедневшими или порабощёнными людьми; европейский феодализм; современный 'буржуазный капиталистический' мир. Семантически эти четыре строя идентичны четырём основным антагонистическим социальным формациям Маркса.

^d В СССР книга стала продаваться в рассрочку осенью 1938 года. [Назад](#)

^e Датт охарактеризовал соответствующие статьи Маркса, написанные в 1853 году, как 'наиболее плодотворные из его работ и как отправную точку для современной мысли по соответствующим вопросам'. Идеи Маркса об Азии, которые в течение полувека оставались почти неизвестными, в настоящее время, по мнению Датта, начинают 'всё больше и больше влиять на текущее видение индийских вопросов. Сегодня современные исторические исследования всё больше и больше подтверждают основные положения этого подхода'. Одобрительный отзыв Т. А. Биссона на книгу 'Индия сегодня', в том числе об 'азиатских' аргументах Маркса, был опубликован в журнале 'Амеразия'. [Назад](#)

9.С.4.f. Разгром пресловутой теории азиатского способа производства

Когда война закончилась, время идеологических сумерек также закончилось. Датт, который за несколько лет до этого энергично заявлял о применимости теории азиатского способа производства к научному анализу Индии и Китая, больше не обсуждал эту теорию, которую он когда-то находил единственно полезной^f.

Цзи Чаодин тоже потерял интерес к гидравлико-бюрократической теме, которая легла в основу его исследования 'Ключевые экономические районы в китайской истории, проявившиеся в ходе развития общественных работ по управлению водными ресурсами'. Ни в качестве сотрудника китайского националистического правительства, ни в качестве высокопоставленного

чиновника китайского коммунистического режима он не разрабатывал свои ранние 'азиатские' доводы.

И Латтимор, который в 1930-е годы был настолько впечатлён моими собственными и Цзи Чаодина гидравлично-бюрократическими взглядами, который ещё в 1944 году считал свободно используемые термины 'полуфеодальный' и 'феодальные пережитки' неясными с научной точки зрения, в конце 40-х характеризовал традиционные общества Азии как 'феодальные'^g.

По-другому обстояли дела у Чайлда. Чайлд, который с 30-х годов отождествлял свои взгляды с интерпретацией истории Марксом, который в 40-х годах начал ссылаться на социологический авторитет Сталина, который в 1951 году высоко оценил Сталина как 'ведущего представителя марксизма сегодня', Чайлд определил критерий, который делает недавние изменения его взглядов идеологически вполне понятными. Ранее говоривший о четырёх основных типах классовых обществ, Чайлд в 1951 году упомянул только три: классический, средневековый и современный^h. Ранее заявлявший, что '*жрецы и чиновники*' контролировали излишки продукции на Востоке, Чайлд в 1953 году приписал эту прерогативу - прерогативу правящего класса - 'обожествлённому царю и *очень малочисленному классу знатных собственников земли*'. В новой формулировке акцент на частной собственности заменил акцент на бюрократических функциях, которые Чайлд чётко признавал ранее.

За 'железным занавесом' вынужденный отход от теории азиатского общества является частью интеллектуальной трагедии, чья глубину и масштабы трудно понять стороннему наблюдателю. Высказанное в 1942 году недовольство тем, что 'в течение длительного времени' молодые советские востоковеды были слишком заинтересованы проблемой социально-экономического характера Востока, которая включала проблему 'так называемого азиатского способа производства', свидетельствует о тенденции, которая явно сохранялась и позднее. В 1950 году в официальном докладе о последних исследованиях советского востоковедения в качестве выдающегося достижения в этой области упоминался 'разгром пресловутой теории 'азиатского способа производства''.

^f В 1942 году Датт ещё придерживался своей прежней позиции, хотя и слегка отклонился от неё. Он отошёл от неё после окончания войны. Хотя он по-прежнему в отдельных случаях ссылался на труды Маркса об Индии, невозможно сделать никаких 'азиатских' выводов из его нечётко сформулированных замечаний. Рассмотренные по отдельности, разрозненные комментарии Датта о 'феодальных' условиях в Индии не могли создать новую, 'неазиатскую' картину. Однако Датт прославлял Сталина, великого теоретика марксизма и автора 'Краткого курса истории ВКП(б)', послушно похвалил примитивно однонаправленный исторический очерк Ш. А. Данге 'Индия, от первобытного коммунизма к рабству' и в 1952 году напечатал в своём журнале в полном объёме советскую дискуссию о восточных (Eastern) странах, очень

специфичную из-за её акцента на 'феодалных пережитках' и 'феодалной' или 'полуфеодалной' особенности сельских районов Индии. Всё это, вместе взятое, безусловно, способствовало феодальной интерпретации традиционной Индии. [Назад](#)

§ В 1936 году Латтимор, тогдашний редактор журнала 'Пасифик аффэрс', опубликовал библиографию китайского советского движения, подготовленную сотрудниками американского совета Института тихоокеанских отношений. Авторы библиографии придерживались точки зрения, которая 'характеризует китайскую экономику как 'полуфеодалную' с 'позиций, принятых официальными документами Коминтерна и Коммунистической партии Китая', но они также указали, что Мадьяр, который поддерживал идею 'азиатского способа производства', хотя официально и был подвергнут за это критике, 'оказал значительное влияние' на исследование этой проблемы в СССР.

Как было отмечено выше, Латтимор в своей книге 'Границы Китая во Внутренней Азии' (1940 год) придерживался 'бюрократической', а не феодальной интерпретации общества имперского Китая. А в марте 1944 года он всё же причислил концепцию Сталина о 'феодалных пережитках' к числу 'важнейших коммунистических положений', которые 'должен поддерживать коммунистический писатель', обсуждающий китайское общество. Комментируя ряд недавних советских исследований Китая, он возражал против 'особого акцента на 'феодалных' взглядах' относительно Китая 'после наступления христианской эры' и считал, что 'социальные данные несколько затемняются такими свободно используемыми терминами, как 'полуфеодалный' и 'феодалные пережитки'. В 1948 году члены исследовательской группы под руководством Латтимора опубликовали обзор истории Синьцзяна, в котором к типично гидравлическим условиям этой области применялись различные 'феодалные' термины: 'полуфеодалные аграрные отношения', 'исключительно феодальная система в прошлом', 'пережитки феодального землевладения'. А в 1949 году сам Латтимор говорил о 'феодалном землевладении' Азии. Конечно, Латтимор свободен в том, чтобы поддерживать любые социально-исторические идеи, которые ему нравятся, и изменять их любым способом, который он считает нужным. Но, ввиду его предыдущих заявлений относительно политически мотивированного и научно вредного характера феодальной интерпретации Китая, допустимо попросить Латтимора объяснить его недавнюю точку зрения в свете его же более ранней оценки. [Назад](#)

^h В своём исследовании, выполненном в 1951 году, Чайлд утверждал, что Маркс развил свои социально-исторические концепции 'на основе исторических данных, полученных при изучении цивилизованных обществ: классического, средневекового и современного'. Ссылаясь на термин 'цивилизованные' так же, как в подобных обстоятельствах делали Энгельс и Ленин, Чайлд обошёл 'варварское' общество Востока, которое, безусловно, повлияло на социально-историческое мышление Маркса, а также оказалось серьёзной проблемой для исследований самого Чайлда. [Назад](#)

9.D. Три формы запрета теории азиатского способа производства

Закат теории азиатского способа производства был таким же необычным, как и её расцвет. В 1748 году Монтескьё открыл область исследования, которая в качестве важного вопроса включала проблему деспотизма Востока. В 1848 году Джон Стюарт Милль, опираясь на труды своих предшественников в сфере классической экономики, выработал новую концепцию общества Востока. А в 1850-е годы Маркс, который пытался предсказать социальное развитие в будущем благодаря определению его прошлого, выдвинул идею специфического азиатского способа производства.

Однако управленческо-бюрократический смысл азиатской концепции вскоре смутил её нового приверженца, Маркса. Кроме того, этот смысл всё больше и больше беспокоил его друга Энгельса. И они предприняли полный идеологический отход от этой концепции в рамках общественно-политического движения, которое под знаменем марксизма-ленинизма занималось установлением тоталитарного 'социалистического' государства. То, что сто лет назад казалось идеей, на многое проливающей свет, и какое-то время было общепринятой марксистской концепцией, в конечном счёте стало 'так называемой' 'пресловутой' теорией азиатского способа производства.

Возникший в результате идеологический запрет имеет три основные формы. Он является явным и официальным в коммунистических странах мира. Он является тайным и ограниченным в большинстве индустриальных обществ, основанных на частной собственности. И он является тонко замаскированным и тревожно успешным во многих некоммунистических странах Востока.

Третья форма запрета будет привлекать наше внимание, когда мы будем обсуждать институциональные и идеологические аспекты гидравлического общества в процессе изменения. Первая форма запрета в значительной степени находится вне нашего влияния. Она есть часть общего интеллектуального запрета, который является результатом тотальной управленческой власти, и незначительные отклонения не ослабляют её существенным образом. Могут быть сделаны различные попытки для улучшения идей, высказанных Энгельсом в 1884 году, Лениным в 1919 году и Сталиным в 1939 году. Конечно, они тоже будут оплотом тотального управленческого режима, который порождает их, и тоже будут оставаться противоречивыми. Однако беспомощную жертву можно задушить даже порванной тряпкой. Для всех практических целей официального запрета достаточно, чтобы держать людей идеологически парализованными за 'железным занавесом'.

Вторая форма запрета привлекает наш наиболее непосредственный интерес. В индустриальных обществах, основанных на частной собственности, некоторые

элементы советской схемы развития широко распространены, но схема в целом является настолько неестественной, что понимание её сути обычно приводит к отказу от неё. В этом случае критическое объяснение служит насущной цели. При рациональной трактовке значительных идей, как и при контроле значительных водных ресурсов, мероприятия, имеющие защитный и производственный характер, идут рука об руку.

Глава 10. Общество Востока в процессе изменения

Понимание специфичности гидравлического общества является камнем преткновения для любой однонаправленной схемы развития человечества. Оно имеет решающее значение в формировании многонаправленной модели социальной эволюции. И оно является отправной точкой для любого институционального анализа недавних перемен на Востоке (East).

Многие учёные, которые, изучая цивилизации Востока, находили их сильно отличающимися от феодальных обществ, часто не придавали значения тем результатам своих исследований, которые касались эволюционного развития. Другие, используя сравнительный метод, воспринимали гидравлическое общество как часть многонаправленной модели развития. Джон Стюарт Милль был одним из первых, кто сделал это явно. Соответствующие наблюдения Макса Вебера, хотя и разрозненные, являются глобальными по масштабу и новаторскими по сути. Использование Чайлдом идей Маркса больше спутало, чем уточнило лежащие в их основе концепции. Но даже в версии Чайлда эти концепции оказались чрезвычайно продуктивными. А тот факт, что они были приняты очень дружелюбно, указывает на необходимость углубления нашего понимания социальной структуры, социальной функции ('типа') и социальных изменений ('развития').

Такое положение дел придаёт особую важность недавнему исследованию закономерностей эволюционного развития, проведённому археологами, такими как Дж. О. Брю и Г. Р. Уилли, и недавним попыткам установить принципы многонаправленного развития, предпринятым учёными-философами, такими как Дж. С. Хаксли, и этнологами, такими как Дж. Х. Стюард^a.

Принимая и дополняя концепцию многонаправленного развития в ходе настоящего исследования, я коротко подчеркну некоторые ключевые аспекты, которые могут помочь в разъяснении положения и перспектив гидравлического общества в процессе изменения.

^a Уилли упоминает следующих исследователей параллелизма в эволюционном развитии на территориальном уровне: Беннет, Ларко Хойл, Стронг, Бёрд, Армиллас, а также и себя (мы могли бы добавить: Кольер, Адамс и Палерм). И он выделяет Стюарда за то, что тот выполнил сравнительные оценки в мировом масштабе. [Назад](#)

10.A. Основные концепции типов общества и социального развития

10.A.1. Типы общества

10.A.1.a. Существенные, специфические и неспецифические элементы общества

Общественные изменения являются упорядоченными и легко узнаваемыми. Этот тезис предполагает наличие социальных сущностей, чью структуру и процессы преобразования можно понять. На этот тезис опирается и настоящее исследование. В целом оно допускает принцип Джона Стюарта Милля о единообразии сосуществования, который постулирует поддающиеся определению связи между основными аспектами общества. Но оно отвергает предположение о необходимости сосуществования.

Среди идеологических, технических, организационных и социальных особенностей, которые проявляются в любом обществе, некоторые являются существенными для нормального функционирования общества, некоторые - нет. Среди существенных особенностей некоторые являются специфическими, некоторые - нет. Особенности третьей группы не являются ни существенными, ни специфическими.

Агроуправленческий деспотизм имеет существенное значение для гидравлического общества и, насколько мы знаем, специфичен для него. Феодальная система ограниченного несения службы на определённых условиях (а не безусловное повиновение), вассалитет (а не бюрократия) и феодалы (а не должностные земли) имели существенное значение для средневековых обществ Европы и Японии. В других регионах это случалось так редко, что подобные условия можно считать специфическими для данных обществ.

Барщинный труд является одним из существенных элементов гидравлических и феодальных обществ, крепостничество (прикрепление крестьянина к его земле или деревне) является существенным для общества Древней Греции, основой которого был труд илотов, для феодального общества и для простых и

полусложных обществ Востока. То есть оба социальных института являются существенными для более чем одного типа общества и ни для одного из них не являются специфичными.

Управляемые государством крупные сооружения для ирригации и борьбы с наводнениями, скорее всего, являются существенными для всех первичных гидравлических обществ и остаются существенными для центральных областей вторичных гидравлических обществ. Но в обоих случаях они не являются специфичными. Гидравлические системы строили в Древней Греции и в Древнем Риме, и различные виды гидравлических предприятий возникали также в постфеодальных западных обществах. Рабство, скорее всего, являлось существенным для земледелия Древнего Рима в конце республиканского и начале имперского периодов. Оно также применялось во многих других обществах, но не было столь существенным.

Многочисленные элементы общества, касающиеся технологий, обычаев, искусства и веры, широко распространены и не являются ни существенными, ни специфическими для власти, общественного положения и собственности, то есть для ключевых социальных отношений в любом обществе. Эти элементы могут выполнять существенную культурную функцию, ведь человеческая жизнь затрагивает не только общественные, но и культурные аспекты; и взаимосвязи этих элементов в пределах специфичного социального строя могут определять их внешнее проявление. Но так как они могут сочетаться с несколькими типами обществ, они являются более или менее изменчивыми. Лёгкость, с которой некоторые элементы китайской культуры, такие как письменность, конфуцианство и архитектура, мигрировали в Японию, и упорство, с которым китайские бюрократические модели власти, собственности и социальных классов не принимались японским обществом, иллюстрируют эту точку зрения. Аналогичная миграция социально несущественных элементов характеризовала отношения между Древней Грецией классического периода и Западной Азией, между Киевской Русью и Византией, между христианской и мусульманской частями Испании, а также между негидравлической Европой и гидравлическими областями в целом. Сравнение германской части Швейцарии и гитлеровской Германии замечательно демонстрирует то, что у цивилизаций могут быть многочисленные общие технологические, художественные, литературные и религиозные особенности, но с точки зрения социальной структуры эти цивилизации чужды друг другу. Признание этих фактов даёт многое для корректировки идеи о необходимой связи между *всеми* возможными аспектами одного социального организма^b.

Тогда очевидно, что отдельные культурные черты конкретной цивилизации не всегда чётко и верно раскрывают свою специфическую социальную структуру. Рассмотрение уникальных и специфически существенных институциональных особенностей также не обязательно проясняют эту структуру. Специфическое проявление является скорее исключением, чем правилом. Обычно существенный элемент становится специфическим благодаря своей

масштабности и/или благодаря типу социальной конфигурации, в которой он встречается. Барщина использовалась не только в гидравлических обществах; принудительный труд тех, кто не были рабами, применялся и в других типах общества. Но для агрогидравлических цивилизаций, в отличие от феодального общества, специфичным является то, что барщинный труд навязывается массе населения государством.

Но существенные признаки, специфичны они или нет, обычно не многочисленны. И они не встречаются во множестве комбинаций. Важным фактом истории является то, что ключевые институты власти, собственности и общественных отношений образуют лишь ограниченное число стабильных общественных типов.

Гидравлическое общество и есть такой стабильный общественный тип. Благодаря своей масштабности и живучести оно играет заметную роль в истории людей. Но это всего лишь один из нескольких типов стратифицированных обществ, который возник ещё до появления современного индустриального мира. И беглый взгляд на другие типы обществ поможет нам более чётко определить особенность гидравлического общества.

^b Идея Конта, охотно процитированная Миллем. Односторонний экономический вариант этого тезиса см. в [Маркс]. [Назад](#)

10.A.1.b. Доиндустриальные стратифицированные общества

10.A.1.b.i. Скотоводческое общество

Скорее всего, гидравлические общества с централизованной государственностью предшествовали всем другим стратифицированным цивилизациям; но, по всей видимости, первые гидравлические общества вскоре столкнулись с социальными группами, которые сочетали негидравлическое земледелие с обширным животноводством и находились под властью племенной аристократии. По-видимому, арийские завоеватели Индии вели именно такой полускотоводческий образ жизни.

Однако только после первой великой кавалерийской революции, когда люди научились ездить на лошадях и верблюдах, они получили лёгкий доступ в степные области и основали могущественные общества, в основном базировавшиеся на скотоводстве. Взаимодействуя с гидравлическими и

негидравлическими оседлыми соседями, стратифицированные общества скотоводов^c оказали на ход истории значительное влияние, последствия которого до недавнего времени сохранялись в основном во Внутренней Азии и на Ближнем Востоке^d.

^c Мы не имеем возможности обсуждать здесь вероятные подтипы стратифицированных скотоводческих обществ. Акцент Макса Вебера на социальных особенностях обществ скотоводов, разводивших мелкий рогатый скот, как это практиковалось в раннем еврейском обществе, указывает на возможность по меньшей мере одного подтипа. [Назад](#)

^d Почему Маркс не включил отмеченные Миллем стратифицированные скотоводческие общества в свой список прогрессивных эпох экономической общественной формации? Когда Маркс в 1857-58 годах написал первый набросок своей основной работы, он считал, что две последние формации из названных им четырёх основных формаций были связаны между собой благодаря исторической эволюции, в то же время он считал всю шкалу четырёх формаций прогрессивной только в типологическом плане. Формации Маркса напоминают 'миры' Гегеля, которые представляют собой стадии поступательного движения не в историческом плане и не с точки зрения реальной эволюции, а в плане типологическом, то есть как образцы более низкой или более высокой степени свободы. Формации Маркса различаются в зависимости от уровня частной собственности, которую они представляют. Азиатское общество сохранило общинную собственность примитивных обществ, то есть частная собственность на средства производства в таком обществе не играла практически никакой роли. Общества Древней Греции и Древнего Рима располагали частной собственностью, но часть земли оставалась общинной собственностью, государственной собственностью, (*ager publicus*). Средневековое общество пошло ещё дальше по пути сокращения общинной собственности. А в современном буржуазном обществе частная собственность на средства производства полностью преобладает.

В этой схеме Маркс проигнорировал факт, о котором знал: в некоторых азиатских странах имела частная земельная собственность. Кроме того, его трактовка античной и феодальной земельной собственности была крайне неестественной. Включение в этот список другого стратифицированного общества, основанного на частной собственности (скотоводческого), сделало бы его типологию ещё более искусственной. [Назад](#)

10.A.1.b.ii. Некоторые типы античных обществ

Высшие аграрные цивилизации Древней Греции и Древнего Рима, которые существовали бок о бок с самовоспроизводящимися цивилизациями Востока (East) в течение почти тысячелетия, не были ни гидравлическими, ни феодальными. Их также нельзя отнести к отдельному крупному типу обществ, которое было насыщено рабским трудом и в конечном счёте благодаря этому разрушалось.

Сплочённый верхний социальный слой сохранял свою гегемонию на Крите, в Спарте, Фессалии, а также при различных условиях в Риме, в то время как в греческих городах-государствах афинского типа слабо объединённая аристократия со временем лишилась своего политического господства. В Спарте местные крепостные возделывали поля для своих иноземных господ, а свободных крестьян Рима в конечном счёте повсеместно заменили рабы. С другой стороны, в городах-государствах афинского типа земледелие оставалось преимущественно в руках свободных крестьян, а увеличение объёма рабского труда в первую очередь повлияло на городскую промышленность.

Не стремясь разобраться во всех институциональных тонкостях, мы, вероятно, вправе утверждать, что до распространения эллинизма цивилизации Древней Греции и Древнего Рима, а также Испании и Франции включали в себя несколько типов общества. Среди них общество спартанского типа, основой которого был труд илотов, примечательно как стабильностью своей целостной модели, так и незначительностью рабского труда.

10.A.1.b.iii. Феодальное общество

Общества Древней Греции и Древнего Рима независимо от своей первоначальной формы со временем переняли черты Востока. Аграрные общества Европы и Японии эти черты не переняли. На самом деле эти последние укрепили специфические феодальные отношения, которые на аграрном уровне не имели себе подобных ни по своей полицентричности, но по своей способности к росту. Именно этот феодальный строй привёл к непрочному полицентричному типу абсолютизма и в конечном счёте к полицентричному индустриальному обществу, основанному на частной собственности.

Сходство между феодальными цивилизациями Европы и Японии очевидно. В обоих случаях наряду с правителями существовали подчинённые им многочисленные феодалы (вассалы), которые несли только ограниченную службу на определённых условиях и не являлись представителями бюрократического государственного аппарата. Но эти две институциональные структуры не были идентичны. На западной оконечности Евразии земледелие носило дождевой характер и было экстенсивным, и это способствовало

развитию манориальной экономики, которая привела к образованию центров крупномасштабного земледелия. На восточной оконечности материка земледелие носило ирригационный характер и было интенсивным, что явно благоприятствовало маломасштабному производству. Кроме того, существовавшие в Европе независимая церковь и города с их гильдиями не имели аналогов в Японии.

Таким образом, мы находим в средневековой Европе на ранней стадии и в Японии упрощённую форму феодального общества, при которой правитель разделял социальное превосходство исключительно со своими вассалами. В Европе это упрощённая форма породила более сложную форму, при которой правитель был вынужден считаться с могущественным объединённым духовенством и различными бюргерскими союзами.

Эти два варианта не исчерпывают подтипы феодального общества. В средневековой Швеции и в Киевской Руси окончательные социальные отношения, выраженные в феодальной инвеституре и жаловании земель, так никогда и не развились. Поэтому мы можем рассматривать их как принадлежащие к третьему подтипу: периферийным феодальным обществам.

10.A.1.b.iv. Громоздкое гидравлическое общество

Гидравлическое общество превосходит все другие типы стратифицированных доиндустриальных обществ по численности господствующих лиц, продолжительности и степени их господства. Это во многом объясняет, почему этот тип содержит так много подтипов. В таксономическом плане гидравлическое общество является громоздким гигантом. Разве поэтому мы не должны рассматривать некоторые из его основных подтипов как важные обособленные социальные структуры?

Такое решение было бы оправданным, если бы мы столкнулись с основными структурными различиями в социальных отношениях и социальном превосходстве. Однако никаких подобных различий мы продемонстрировать не можем, так как агроуправленческий деспотизм и монополярная бюрократия преобладают во всех известных подтипах обществ гидравлического мира. В результате произвольное расщепление будет затенять ключевой социально-исторический факт: гидравлическое общество препятствует развитию всех других аграрных обществ в плане их масштабов и институционального разнообразия.

Биологи-таксономисты, столкнувшись с подобными проблемами, отказались дробить большие роды просто потому, что они содержат большее число видов, чем некоторые другие роды, и могут выглядеть несбалансированными или

громоздкими. Зная, что биологический мир характеризуется неравенством, они понимают, что научная классификация должна верно отражать это неравенство.

10.A.1.b.v. Остальные стратифицированные доиндустриальные общества

Проблема классификации остаточных элементов, другая озабоченность биотаксономистов, также полезна для нашего исследования. По оценкам, менее 2 процентов от общего числа видов птиц всего мира остаются до сих пор неизвестными. Такой оптимальной показатель достигнут лишь для нескольких родов млекопитающих, бабочек, жуков, моллюсков и так далее. Большинство биологов считают, что в своей работе они продвинулись настолько хорошо, что могут установить для области своих исследований основные контуры изучаемой структуры (системы) и изменений (эволюции).

Рассматривая стратифицированные доиндустриальные цивилизации во всей их полноте, насколько много специфичных обществ сможем мы различить? Если предположить, что Греция и Рим в античную эпоху включали в себя по меньшей мере два типа, мы получаем как минимум пять таких структур. И есть веские основания полагать, что существуют и другие. Негидравлические части Средиземноморья в период классической античности и в доклассический период вполне могли быть изучены дополнительно. То же касается некоторых районов Азии, Африки, островов Тихого океана и Америки, которыми обычно пренебрегают.

Но хотя и был бы получен весь материал для возможных новых открытий, мы должны предостеречь от завышения их исторической значимости. Документальные свидетельства наблюдений, относящиеся к прошлому и настоящему, показывают, что на уровне развития, который находится выше уровня примитивной племенной жизни и ниже уровня современного индустриального общества, подавляющее большинство всех людей жило в уже определённых нами институциональных условиях: в стратифицированных скотоводческих обществах, в гидравлических обществах, в нефеодалных обществах, основанных на труде илотов, свободных крестьян или на рабстве, или в феодальных обществах.

10.A.2. Социальные изменения

10.A.2.a. Формы

Судьба этих различных типов общества поучительна по нескольким причинам. Как было указано выше, стратифицированные скотоводческие общества обогатились различным опытом. В некоторых выращивали сельскохозяйственные культуры; некоторые стали преимущественно земледельческими. Таковым вполне могло быть происхождение ранней племенной аристократии у греков, и это определённо было основой германского племенного общества. Другие этнические группы скотоводов контактировали с гидравлическими цивилизациями. Некоторые сливались с ними полностью, некоторые после периода завоевания или порабощения отступали в степь. Некоторые из них, без временного воздействия Востока, оставались на своих умеренно засушливых пастбищах, пребывая в состоянии эволюционного застоя, пока под влиянием современных соседних обществ не стали терять своё институциональное своеобразие.

Высшие аграрные общества Древней Греции и Древнего Рима нападали на страны Востока. Но хотя их завоевания принесли материальные преимущества многим гражданам этих обществ и значительно усилили власть избранных, ценой, которую пришлось заплатить, было обширное перенимание этими обществами черт Востока. Это преобразование является ярким примером 'диверсионного' (*внешне обусловленного*) изменения, которое сопоставимо с 'эволюционным' (*внутренне обусловленным*).

Феодальное общество было достаточно сильным для того, чтобы сдерживать себя от влияния гидравлического общества. Оно было достаточно открытым для того, чтобы положить начало торговому и производственному образу жизни. Среди высших цивилизаций оно является исключительным случаем социального развития.

Гидравлическое общество является исключительным случаем социального застоя. Возникающее, вероятно, различными способами и при благоприятных условиях развивающее полусложные и сложные модели собственности и социальной стратификации, гидравлическое общество не отбрасывает свои основные социальные структуры только под воздействием *внешних* сил.

10.A.2.b. Ценности

Эти факты свидетельствуют о том, что морфология социальных изменений далеко не проста. Они также показывают, что за проблемами формы лежат важные проблемы ценностей, которые наивный или политически мотивированный эволюционный оптимизм не в состоянии видеть или не желает видеть.

Социальное изменение не идентично эволюции. Эволюция, то есть преобразование, осуществляемое в основном внутренними силами, это лишь одна из форм социальных изменений. Не менее важным является диверсионное изменение, то есть преобразование, осуществляемое в основном под воздействием внешних сил.

Кроме того, ни эволюционное, ни диверсионное изменение не является неизбежно прогрессивным: оно не обязательно улучшает положение человека. Контроль человека над природой является чрезвычайно важным фактором для цивилизации, но в качестве критерия прогресса он должен быть рассмотрен вместе с отношением человека к своим ближним и к своим собственным убеждениям (светским и религиозным). Эти три вида отношений налагаются друг на друга, и любые два из них могут находиться как в состоянии конфликта, так и в состоянии гармонии.

Тот, кто принимает желаемое за действительное, может быть напуган подобными конфликтами. Но реалист, который допускает трагедию как неизбежный элемент жизни, допустит возможность различных ценностных эволюционных изменений при различных исторических обстоятельствах. Он поймёт, что одновременный прогресс во всех трёх отношениях случается реже, чем об этом гласят легенды, и что с точки зрения человеческих ценностей эволюция может быть прогрессивной, двойственной или откровенно регрессивной. Для человека с техническим складом ума возникновение западного абсолютизма и раннего индустриализма будет выглядеть впечатляюще прогрессивным. По нашему мнению, такая эволюция, вероятно, уничтожила столько же ценностей, сколько и создала. Для поборника советской власти диверсионное изменение, которые заложили основу московского деспотизма, будет выглядеть преимущественно прогрессивными. Но с точки зрения человеческих ценностей это изменение было однозначно регрессивным.

Процессы, которые преобразуют данное общество в общество другого типа, можно считать *первичными* социальными изменениями. По очевидным причинам их количество ограничено. *Вторичные* социальные изменения могут породить новые подтипы той же целостной структуры или привести к круговому процессу, который в конечном итоге восстановит первоначальный социальный строй или его разновидность. Они могут, хотя и не обязательно, носить очистительный (регенеративный) характер. Таковыми были некоторые династические изменения и многие институциональные реформы.

Восстанавливающие изменения происходят во всех институциональных структурах. Особенно часто они происходят в тех обществах, которые самовоспроизводятся в течение длительных периодов времени. Поэтому гидравлическое общество, чей уровень развития находится выше уровня развития примитивных цивилизаций, предоставляет богатые возможности для изучения общественного застоя и круговых изменений.

10.В. Гидравлическое общество в процессе изменения

10.В.1. Четыре аспекта самовоспроизведения гидравлического общества

10.В.1.а. Потенциал для институционального и культурного роста

Центры власти гидравлического общества превосходили все другие аграрные содружества в способности покорять удалённые территории и управлять ими. После локального периода 'самообразования' эти центры достигали территориальных или национальных масштабов там, где имелась возможность для этого. При особо благоприятных условиях за территориальным 'процветанием' следовали 'имперская' экспансия и 'слияние'^a. Гидравлическое общество, существовавшее на протяжении тысячелетий, имело уникальные возможности исчерпать созидательный потенциал каждой из этих стадий. История культуры гидравлической цивилизации показывает, насколько тщательно эти возможности были реализованы.

Однако увеличение размеров социокультурной единицы не обязательно приводит к соответствующему институциональному и культурному росту. Свободное взаимодействие между многочисленными независимыми единицами оказывается более стимулирующим, чем изоляция островного или оазисного типа. Оно также оказывается более стимулирующим, чем имперское слияние, при котором имеется тенденция передавать в единый центр право инициативы для экспериментов и изменений. Это, вероятно, объясняется тем фактом, что передовые области гидравлической цивилизации обычно достигали пика своей созидательной активности тогда, когда являлись частью группы слабо связанных территориальных государств.

Практически все великие китайские идеи о 'пути' (дао), обществе, правительстве, человеческих отношениях, военном деле и историографии сформировались в классический период удельных государств и в начале имперского периода. Учреждение экзаменационной системы и придание конфуцианству психологического уклона последовали за воссоединением империи, переносом экономического центра в долину Янцзы, а также началом постройки искусственного Нила: Великого канала. Другие значительные изменения произошли в более поздние периоды имперского Китая в области драмы и популярного романа, но они отчасти были вызваны новым влиянием, полным подчинением Китая двумя 'варварских' династиям завоевателей. И ни одно из них не поколебало конфуцианскую основу китайской мысли.

Аналогичной была кульминация созидательной активности в Индии. Особенности религии, государственного управления, права и семьи возникли и достигли своей 'классической' зрелости либо когда территорию Индию покрывала сеть независимых государств, либо на ранней стадии имперского объединения.

Ближневосточные общества завоевателей, в которых доминировали арабы, сразу возникали на имперском уровне. В этом случае большинство значительных идей, связанных с правом, управлением государством и судьбой отдельного человека, были сформулированы в течение начального и в начале среднего периодов исламского общества.

^a Термины 'самообразование', 'процветание' и 'империя' в последнее время используются для того, чтобы различать 'периоды' в развитии обществ ('типов культуры'). За периодом 'самообразования' в местном масштабе могут следовать 'процветание' или 'классический' период (рост и развитие на региональном или территориальном масштабе), а в конечном итоге следует периодом межтерриториальной экспансии: 'империя' или 'слияние'. [Назад](#)

10.В.1.в. Застой, подражательность и регресс

В рамках данной структуры любое созидательное изменение не может длиться бесконечно. Потенциал роста общества зависит от его природной и культурной среды, но когда возможности развития и дифференциации уже в значительной степени реализованы, созидательный процесс имеет тенденцию замедляться. Развитие превращается в застой. И в определённый момент результатом застоя становится стереотипное повторение (подражательность) или прямой регресс. Новые завоевания и территориальные экспансии благоприятствуют заимствованию черт чужой культуры. Но последующие изменения не обязательно затрагивают существующую модель общества и культуры. В итоге они также будут подвержены застою, подражательности и регрессу.

Тенденция к подражательности и регрессу может сливаться с тенденцией к снижению гидравлической интенсивности и усилению ограничений в личностной сфере, и это слияние происходило в завоевательных обществах Востока в Старом Свете. С точки зрения управленческих действий, личной свободы и культурного созидания большинство гидравлических обществ позднего 'имперского' периода, скорее всего, функционировали на более низком уровне, чем тот, которого они достигали в дни регионального и раннего 'имперского' процветания.

10.В.1.с. Живучесть гидравлического общества

Но независимо от того, понижался ли институциональный и культурный уровень или периодические регенеративные изменения восстанавливали раннее 'классическое' состояние, гидравлическое общество сохранялось как институциональная структура. Господствуя благодаря своей монополюльной бюрократии, оно продолжало накапливать технические и интеллектуальные навыки, необходимые для самовоспроизведения. Его чиновники часто обладали знаниями и хитростью. Его крестьяне выращивали свой урожай с большей тщательностью, чем это делали крепостные в Европе^b, а его ремесленники производили самые изысканные изделия. Эти социальные группы реагировали на различные стимулы, но не требовали политической независимости или народной формы правления.

Иррациональные особенности гидравлического деспотизма также не препятствуют самовоспроизведению монополюльной бюрократии. Оцененный по нормам рациональности населения, государственный аппарат может иметь численность, слишком большую с экономической точки зрения. Его оборонительные возможности могут быть слишком большими с военной точки зрения. И его элита может иметь органы поддержания внутреннего порядка, слишком большие с точки зрения благоразумия. Но пока режим поддерживает минимум рациональности элиты, он будет стабильно функционировать. И он будет удерживать себя от влияния открытых обществ с гораздо более высоким коэффициентом рациональности до тех пор, пока его элита правит вооружёнными силами.

^b Японское земледелие, базировавшееся на маломасштабной ирригации и имевшее в качестве стимула китайский пример, в эпоху феодализма было таким же интенсивным, как и китайское земледелие. [Назад](#)

10.В.1.d. Социальное изменение, зависящее от внешнего влияния

Один важный эволюционный результат этого факта уже обсуждался нами. Поскольку аграрная монополюльная бюрократия предохраняла гидравлическое общество и саму себя от развития общества полицентричного типа, то ясно, что, когда происходило такое преобразование, оно происходило только благодаря прямому или косвенному влиянию внешних сил.

Западный Рим был раздавлен племенами захватчиков с севера, а мавританская Испания пала от феодального воинства Пиренейского полуострова. В обоих случаях внутренний кризис способствовал институциональной победе агрессоров. Напавшие на Византию европейцы были достаточно сильны, чтобы свергнуть разлагающийся абсолютистский режим, но слишком слабы, чтобы положить начало полицентричному строю с союзами баронов, могущественными городскими гильдиями и независимой церковью, подобными существовавшим в то время на их феодальной родине. Внешние негидравлические силы должны были полностью пропитать гидравлическое общество для того, чтобы достичь его полного диверсионного преобразования.

10.В.2. Новейшие модели внешнего влияния

Привело ли влияние торгового и промышленного Запада к такому преобразованию? Джон Стюарт Милль был убеждён, что это возможно. Цивилизованные (промышленные) нации заставили бы все другие страны следовать тем курсом, которым промышленные нации двигались в плане технологии, материального достатка, личной безопасности и добровольного сотрудничества. Маркс также был убеждён, что в таких колониальных странах, как Индия, Англии предстоит выполнить двоякую миссию: разрушительную и созидательную, - с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии. И даже если он ожидал, что индусы смогут пожать плоды созревания элементов нового общества только после того, как достигнут свободы благодаря вытеснению промышленным пролетариатом правящих ныне в Великобритании классов или благодаря своим собственным усилиям, он с энтузиазмом говорил о западных нововведениях, особенно отметив политическое единство, современные средства связи (телеграф, железные дороги, пароходы), армию, обученную по западному образцу, свободную прессу, частную собственность на землю^с и класс современных общественных служащих.

Что касается царской России, он был ещё более оптимистичным. Хотя ему было хорошо известно о Восточном наследии России, он всё же считал возможным то, что Россия преодолет порог капиталистической системы, а затем подчинится суровым законам этой системы, как и другие западные нации.

Милль и Маркс выражали мнение, которое разделяли многие их современники. Но очевидно, что они не знали, как их предсказания могли бы сбыться. Насколько мне известно, Милль не уточнил своё заявление, сделанное в 1848 году, а Маркс, который в 50-х годах представлял разложение старого сельского строя Индии, которому способствовала Британия, как *свершившийся факт* и единственную социальную революцию, пережитую когда-либо Азией, отмечал в третьем томе 'Капитала', что это разложение протекает очень медленно.

Конечно, с тех пор многое произошло на Западе, как и на Востоке (East), и многое было сказано об изменении (и неизменности) Востока. Неестественные интерпретации событий, даваемые Коминтерном, не означают, что нет необходимости в подлинно научном анализе. Такой анализ очень нужен, поскольку затронутые вопросы являются сложными и важными.

^c Маркс называл гнусными заминдари и райятовари - формы землевладения, которые создали англичане; но он по-прежнему приветствовал их как 'две различные формы частной собственности на землю, то есть то, чего так жаждет азиатское общество'. [Назад](#)

10.В.2.а. Модели взаимоотношений

Начнем с того, что современное развитие в гидравлическом мире не происходит по одной модели. Различные типы взаимоотношений с Западом и различные внутренние условия влияющей стороны и стороны, испытывающей влияние, неизбежно воздействуют на конечный результат. Таким образом, на основании различной интенсивности культурных контактов и различной степени военной агрессии и политического контроля мы можем выделить по крайней мере четыре модели взаимоотношений между торговым и промышленным Западом и различными странами мира Востока.

Тип 1: Отчуждённая независимость (пример: Таиланд^d). Таиланд потерпел лишь незначительное военное поражение от рук Запада, и не было никакого прямого или лёгкого косвенного западного вмешательства во внутренние дела страны. Также до недавнего времени не было многочисленных контактов любого рода с Западом. В результате Таиланд оставался независимым и более или менее отчуждённым гидравлическим обществом, которое было свободно перенимать или игнорировать западные социальные институты и западную культуру.

Тип 2: близость и независимость (самый главный пример: Россия). Россия была географически и культурно близка к Западной Европе. Но, в отличие от Османской империи, её политика не находилась под решительным влиянием иностранных советников; и, в отличие от Китая, её главные города не были вынуждены терпеть поселения иностранцев. Три военные катастрофы - Крымская война, война с Японией и Первая мировая война - глубоко потрясли Россию, но не низвели её до колониального или полуколониального положения. Минимальное прямое иностранное вмешательство сочеталось с максимальным мирным взаимодействием.

Тип 3: полная и простая зависимость (ярчайшие примеры: Мексика, Перу, Индонезия и Индия). Все эти страны потерпели полное военное поражение от рук Запада, что привело к их полному политическому порабощению (колонизации).

Тип 4: ограниченная и сложная зависимость (главные примеры: Османская империя и Китай). Обе страны потерпели тяжёлые военные поражения от рук Запада, обе подверглись существенному политическому и экономическому вмешательству со стороны ряда иностранных держав. Но турецкие и китайские правительства сохранили свои армии и по-прежнему принимали политические решения, хотя и под большим давлением извне.

^d До 1939 года назывался 'Сиам'. [Назад](#)

10.В.2.в. Влияющая сторона

На культурном уровне взаимообмен отнюдь не был односторонним процессом. В XIX и начале XX веков западный мир ощутил сильную привлекательность русской литературы. А задолго до Тургенева, Достоевского и Толстого исламской архитектурой и поэзией и индийской и китайской философией восхищались в географически отдалённых западных странах и изучали их. Однако в сфере технологий, государственного управления, собственности и социальных классов влияние было по существу односторонним, и стороной, испытывавшей влияние, бесспорно, было гидравлическое общество.

Но эти виды влияния не были ни идентичными, ни статичными. В XVI веке, когда испанцы захватили Америку, Европа только что рассталась с феодальным образом жизни, и на всём континенте укреплялись абсолютистские правительства. В XVII веке, когда голландцы и англичане распространяли свое господство в Южной Азии, капиталистическая элита стала социально значимой в некоторых экономически развитых странах. Но только в течение XVIII и XIX веков новый буржуазный средний класс во всей полноте достиг социально-политической значимости, а представительное правление возобладало в западном мире.

Эта временная шкала, упрощённая по необходимости, проливает свет на колониальную историю трёх основных областей гидравлических обществ. Завоевание Америки было организовано не частными торговыми авантюристами, а абсолютистской властью, которая чрезвычайно усилилась благодаря войне против мавров и своему финансовому контролю над овцеводческой экономикой Испании. Колонизация Индонезии и Индии

осуществлялась небольшими группами привилегированных предпринимателей, которые при поддержке правительства и квазиправительственной Ост-Индской компании были ближе к подлинному монополистическому капитализму, чем некоторые недавно возникшие формации, которые обозначаются теми же терминами.

Голландская Ост-Индская компания была ликвидирована в 1798 году, а голландская колониальная политика была либерализована после революции 1848 года, которая в некоторой степени сдвинула центр тяжести также и в голландском обществе. Британская Ост-Индская компания потеряла свою монополию в Индии в 1813 году (после наполеоновских войн), а свою монополию в торговле с Китаем - в 1833 году (после принятия билля о реформе). Американская империя Испании распалась прежде, чем на Пиренейском полуострове сказалось конституционное развитие XIX века. Ещё стоит отметить, что на поздней стадии испанского абсолютизма, особенно в период правления Карла III (1759-88 годы), поощрялось частное предпринимательство в виде акционерных обществ, которые до этого не играли никакой роли в Испании.

Во всех этих случаях западное влияние на традиционно гидравлические цивилизации приводило к прямому колониальному господству. В других случаях сразу несколько торговых и производственных источников влияния боролись за контроль над экономически привлекательной Восточной территорией. При таких обстоятельствах отношения между меняющимися условиями в промышленных странах и формой и интенсивностью вмешательства были сложными. Тем не менее можно установить определённые причинно-следственные связи. Только после промышленной революции Запад оказался способным навязать политику открытых дверей географически удалённой Китайской империи, и только со второй половины XIX века западные советники выступили с серьёзными предложениями по установлению конституционного и представительного правления в Турции и Китае.

10.В.2.с. Институциональные различия в целевых обществах

Как показывает всё наше исследование, эти условия также сильно различались в гидравлических странах.

Гидравлические сооружения Мексики относились к типу 'неплотные L2'. В Турции метрополия постепенно утрачивала контроль над своими гидравлическими провинциями. В Киевской Руси не было ни одного агрогидравлического сооружения, и татарское иго не произвело никаких изменений в этом плане. В доиспанском Перу и в Сиаме крупномасштабная частная племенная торговля не играла никакой роли; в Индонезии и Османской

империи она была крайне ограниченной. В Московской Руси на деятельность предпринимателей, кроме бюрократических капиталистов, также налагались сильные ограничения. В ацтекской Мексике процветала независимая торговля, а в Китае она достигла большого объёма.

В некоторых из этих стран были существенные социальные группы, которые, если бы у них была возможность, могли бы превратиться в современный средний класс. И в некоторых странах существовали формы частной земельной собственности, которые, под воздействием промышленного общества, основанного на частной собственности, также могли бы иметь дальнейшее развитие в современном полицентричном обществе. Каким образом и в какой степени были реализованы эти возможности?

10.В.3. Социальные итоги

Отслеживая итоги недавнего западного влияния, нам не нужно подробно рассматривать Таиланд^e. Достаточно сказать, что, несмотря на ряд технических и политических нововведений, в занимающем независимое и отчуждённое положение Таиланде до сих пор не получили должного развития ни местный средний класс^f, ни подлинно представительная система правления.

^e По понятным причинам мы должны в данном контексте вообще воздержаться от обсуждения развития Японии. Эта страна никогда не была гидравлической, и японское общество быстро превратилось из простого феодального в современное полицентричное индустриальное общество. [Назад](#)

^f Китайское сообщество предпринимателей, которое имело много признаков зарождающегося среднего класса, всё больше исключается из экономической жизни Таиланда. Если нынешняя тенденция не изменится, то эта социальная группа не будет играть никакой роли в процессе развития страны, к которой она во всём остальном хорошо подготовлена. [Назад](#)

10.В.3.а. Россия

Как и Таиланд, Россия оставалась политически свободной, но пострадала гораздо серьёзнее от военных нападений. Как и китайские мандарины, элита российского общества была сильно встревожена поражениями своей армии, но,

географически находясь ближе к Западу, русские быстрее поняли институциональные и культурные основы его военно-технической силы. Поэтому они содействовали развитию западных форм прочной собственности, частного предпринимательства, публичных обсуждений и местного самоуправления. Они вводили эти институты с неохотой, потому что считали их необходимыми и допустимыми для дальнейшего управления, но не желали их господства.

Нами уже обсуждались недостатки отмены крепостного права. Земства (zemstvos), выборные органы местного самоуправления, после краткого периода расцвета (1864-66 годы) были строго ограничены. Но даже в своей неполноценной форме они обладали гораздо большей силой, чем различные виды демократии нищих при гидравлическом деспотизме. Граф Витте был вполне прав, утверждая, что самодержавие и земства (zemstvos) не могли существовать в течение любого длительного периода времени².

Действительно, абсолютистская бюрократия продолжала главенствовать. Но её авторитет был ослаблен войной с Турцией в 1877-78 годах и сильно подорван бедствиями Русско-японской войны в 1904-05 годах.

Государственный контроль и чрезмерное налогообложение сильно препятствовали росту новой экономики. Но частная собственность оказалась в безопасности, и частное предпринимательство, которое уже к середине XIX века было значительным в некоторых отраслях лёгкой промышленности, стало активно развиваться во многих сферах.

Между 1893 и 1908 годами 2965 миллионов рублей российского капитала были вложены в промышленность по сравнению с 874 миллионами рублей иностранного капитала. В 1916-17 годах контролируемый правительством иностранный капитал преобладал почти полностью в горнодобывающей промышленности; но положение русского капитала было столь же прочным, он преобладал в большинстве других отраслей промышленности. В химической промышленности он составлял 50 процентов от всего капитала, в металлургической и металлообрабатывающей - 58 процентов, в деревообрабатывающей - 63 процента, в текстильной - 72 процента. Государственный банк сохранял главенство в кредитной системе, но появилось много частных банков. Частные банки в 1913 году увеличили свой собственный капитал и депозиты до 3375 миллионов рублей по сравнению с 1289 миллионами рублей в 1909 году.

Это расширение новой российской экономики было достигнуто не с помощью принудительного труда и эффективного полицейского террора, а с помощью всё более свободного рабочего класса и в атмосфере шедшего на убыль деспотизма. Возьмём тяжёлую промышленность России: за два десятилетия до Первой мировой войны добыча угля в Российской империи увеличилась в четыре раза, а если исключить Польшу - в шесть раз. С 1893 по 1913 году выпуск меди увеличился почти в девять раз. Между 1890 и 1913 годами выпуск железа

внутри империи увеличился в шесть раз, в важнейших промышленных центрах юга России он увеличился в двадцать раз. Возьмём лёгкую промышленность: по сравнению с 1890 годом в 1913 году в хлопковой отрасли было в два с половиной раза больше веретён, использовалось в три раза больше хлопка-сырца и производилось в два с половиной раза больше хлопчатобумажной пряжи.

Первая русская революция принесла важные изменения в политической сфере. Царский манифест, обнародованный в октябре 1905 года, хотя и подтверждал принцип абсолютистской власти, гарантировал значительные конституционные ограничения и противовесы. Макс Вебер, который был прекрасно осведомлён об отсутствии решающих аспектов западного развития в России и делал акцент на 'азиатском' или 'монгольском' духе царского режима^h, безусловно признавал огромный прогресс, достигнутый благодаря введению даже ограниченной конституцииⁱ. И действительно, парламент, который мог влиять на утверждение бюджета и открыто критиковать правительство; политические партии, которые могли обращаться к населению; пресса, которая пользовалась почти полной свободой слова; система образования, которая быстро расширялась^j; простые люди, более десяти миллионов которых смогли вступить в кооперативные общества; рабочие и прочие служащие, которые могли принимать участие в управлении фондами медицинского страхования, хотя поддержание свободных профсоюзов наталкивалось на препятствия, - всё это, вместе взятое, представляло серьёзную проблему для старого моноцентричного общества.

После 1905 года антиабсолютистские силы России все ещё не были достаточно могучими, чтобы самостоятельно создать открытое полицентричное общество. Но когда Первая мировая война парализовала царскую армию, они были достаточно сильны, чтобы весной 1917 года установить недолго просуществовавшее, но действительно антиабсолютистское и демократическое правление.

^g Поэтому царь Николай II был прав, когда резко упрекнул представителей земств (zemstvos), лелеявших бессмысленные мечты о совместном руководстве внутренними делами страны. [Назад](#)

^h Вебер говорил о коварной монгольской лживости царской бюрократии и об истинно монгольской лживости режима. Он критиковал царскую полицию за использование самых хитрых средств самой коварной азиатской лживости. [Назад](#)

ⁱ Вебер использовал не совсем подходящее обозначение: 'псевдоконституция'. [Назад](#)

^j Как и в других странах, которые вошли в индустриальный век, в России энергично внедрялось общее образование. В 1874 году из ста новобранцев грамотными были приблизительно 21,4 процента, в 1894 году - 37,8 процента, в

1904 году - 55,5 процента, а в 1914 году - 67,8 процента. В 1918 году среди промышленных рабочих в возрасте не старше двадцати лет 77,1 процента причислялись к категории грамотных, в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет - 64,8 процента, в возрасте старше пятидесяти - 43,4 процента. Высокий уровень грамотности среди молодых рабочих отражает вступление в действие закона 1908 года об общем начальном образовании. На основании этого закона почти все дети должны были посещать школу к 1922 году. Флоринский утверждает, что прогресс был медленнее, чем ожидалось, но он тоже считает, что модернизация и расширение школьной системы были впечатляющими. Согласно последним дореволюционным оценкам, 78 процентов всех россиян должны были быть грамотными к концу 1930-х годов. Война и революция замедлили осуществление этих планов, но последующая политика в некоторой степени ускорила ход процесса. Советская перепись 1939 года утверждала, что грамотность в это время достигла 81,1 процента. [Назад](#)

10.В.3.в. Колонизированные гидравлические страны

Опыт России показывает, что даже в независимом государстве, управляемом деспотической бюрократией, ростки полицентричного общества могут быстро развиваться при благоприятных международных условиях. Но этого не было в гидравлических областях, которые в качестве колоний полностью оказались под влиянием западных держав. Испанские, голландские и английские колонизаторы, а также португальские и французские, о чьей деятельности мы упоминать не будем, не пытались основательно модернизировать свои владения на Востоке. Соответственно своим особым интересам, они вводили западные институты выборочно и в ограниченной форме.

Причины этого найти не трудно. Главные области гидравлических цивилизаций, будучи густонаселёнными и в основном расположенными в тропических и субтропических регионах, предоставляли мало возможностей для массовой иммиграции европейцев. Следовательно, завоеватели обычно довольствовались созданием в своих гидравлических колониях сильного административного аппарата, а также любых государственных или частных механизмов, которые считали целесообразными для экономической эксплуатации.

Испанцы придерживались этого курса в агроуправленческих районах Америки^k. Аналогичным образом действовали голландцы в Индонезии и англичане в Индии. В результате получалась система человеческих отношений, которая, несмотря на свои отличия от традиционного гидравлического общества, была далека от того, чтобы быть точной копией системы человеческих отношений в Испании, Голландии или Англии.

Сохраняли ли колонизаторы традиционный сельский строй в искажённой форме, как это сделали испанцы в Перу и Мексике, оставляли ли его практически нетронутым, как это сделали голландцы в Индонезии, превращали ли общинные земельные владения в частную собственность, как это сделали англичане в Индии, но административная элита удерживала деревни в политически бесправном положении. Избавлялись ли колонизаторы от местных купцов (Мексика и Ява), препятствовали ли росту их деятельности (Перу), относились ли к ним терпимо (Индия), но новые господа мало что сделали для того, чтобы изменить доставшееся им моноцентричное общество.

Связанные с негидравлическими абсолютистскими или аристократическими режимами, колониальные правительства являли собой любопытную смесь западного (Occidental) абсолютизма и абсолютизма Востока. Они были именно этим, несмотря на то - или, возможно, из-за того, - что продолжали использовать местных сановников (князей, касиков, кураков), которые с некоторыми изменениями сохраняли давние агроуправленческие модели политического, социального и религиозного контроля.

Положение дел было приблизительно таким вплоть до промышленной революции, которая стимулировала распространение представительных правительств в Европе, а также повлияла на колониальные режимы там, где такие режимы сохранялись. Важно отметить, что Индия оставалась колонией до 1947 года, в то время как американские владения Испании получили свою независимость вскоре после наполеоновской эпохи.

В постколониальных Мексике и Перу быстро были учреждены парламентские республики. Но нововведения пошли на пользу в первую очередь бюрократии, а в ещё большей степени армиям, которые в этих странах, как и в других бывших испанских колониях, обладали необычайной политической и экономической властью.

В Индонезии и Индии администрация была в руках гражданских лиц, что отражает изменение социальных и политических условий в Голландии и Англии. В обеих странах возрос контроль населения над правительством, и, несмотря на особенности колониального правления, это обстоятельство также повлияло на отношение колониальных чиновников к местному населению. Правда, голландцы позволили индонезийцам занимать постоянные гражданские должности только в XX веке, и даже тогда они неохотно наделяли их властью. Тем не менее накануне Второй мировой войны индонезийцы занимали 60,6 процента всех низших государственных должностей, 38 процентов всех государственных должностей среднего ранга и 6,4 процента всех высших государственных должностей.

В Индии подобная тенденция возникла гораздо раньше и привела к значительно более серьёзным результатам. Через год после прохождения билля о реформе, который сильно укрепил английский средний класс, гражданские должности в Индии стали доступны для всех индусов, независимо от касты, вероисповедания

или национальности. Закон 1833 года был не более, чем декларацией общего принципа, но последующие события воплотили этот принцип в реальности. Англичане сохраняли свой контроль над центральным правительством, но усиливали индийское влияние на местные и провинциальные органы управления, пока в 1935 году провинции не получили полное самоуправление.

Большое количество индусов и индонезийцев постоянно отправлялось в Европу для обучения. Поэтому демократические процедуры были хорошо известны в Индии и Индонезии до того, как обе страны получили независимость. Действительно, первые акты новых правительств показали, что они хотят содействовать парламентскому правлению, политическим партиям и свободным ассоциациям рабочих, предпринимателей, крестьян и интеллигентов.

Каково эволюционное значение всего этого? В какой степени несовершенные формы демократии Мексики и Перу и технически развитые формы демократии Индии и Индонезии выявляют подъём новых сил, нацеленных на замену старых моноцентричных обществ подлинно полицентричной системой человеческих отношений?

В Мексике и Перу испанское колониальное господство не способствовало росту частного предпринимательства или подъёму современного среднего класса, за исключением короткого периода. В независимых республиках по-прежнему правил верхний эшелон власти. В Мексике возможности обладать властью и богатством, присущие бюрократической или военной карьере, приводили к дальнейшему замедлению распространения независимого частного предпринимательства, хотя и не блокировали его. В Перу индейцы имели гораздо меньше возможностей заниматься деятельностью, свойственной среднему классу, чем в Мексике. Тем не менее гидравлическое и управленческое прошлое мешало появлению крупных частных предприятий в сельском хозяйстве и промышленности. В Перу высший класс предпринимателей был (и остаётся) сильно взаимосвязан с иностранным капиталом. И хотя некоторые из его представителей получали выгоду от тесной связи с правительством, социальная группа в целом не может рассматриваться как вариант андского бюрократического капитализма¹.

В империи Инков не было класса купцов, когда пришли испанцы. В Мексике испанцы, скорее всего, уничтожили видных купцов-почтека. Португальцы и их преемники, голландцы, подавляли яванскую торговлю, и местные купцы и судостроители лишились своей профессии. После этого голландцы получили контроль над большей частью крупных предприятий в Индонезии и позволили группе чужеземцев с Востока, китайцам, работать на уровне посредников в роли торговцев и ростовщиков. Когда Индонезия стала свободной, голландцы были ликвидированы как управляющие и в значительной степени также как предприниматели. Китайцы остались не заслуживавшими доверия чужаками^m. И в собственных рядах индонезийцев никогда не возник значительный промышленный, торговый или банковский средний класс, который мог бы

сократить разрыв между многочисленным крестьянским населением и образованной и в основном бюрократической элитой. Таким образом, в Индонезии демократическая оболочка покрывает социальную структуру, которая гораздо ближе к моноцентричной гидравлической модели прошлого, чем к современному полицентричному промышленному обществу.

Развитие Индии отличается от индонезийского по нескольким важным аспектам. До прихода англичан в Индии существовали некоторые капиталистические предприятия, вероятно, их было не так много, как сказано в новейшей легенде, но и не так мало, как утверждал Бернье, который оценивал могольскую Индию по западным (Occidental) стандартам. Хотя англичане нанесли вред деловой активности местного населения, они не запретили её. Во время колониального периода индийские предприниматели организовали ряд отраслей обрабатывающей промышленности, в первую очередь - переработку хлопка, и некоторые отрасли тяжелой промышленности, особенно сталелитейную, и к тому времени, как Индия обрела независимость, частный сектор экономики значительно вырос. Однако, по всем оценкам, этот сектор - и современный средний класс, который отражает его рост, - ещё мал.

Конечно, англичане также ввели частную собственность на землю. Но, вопреки ожиданиям Маркса, эта реформа мало чем помогла росту западного общества в Индии. Частное землевладение преобладало в нескольких гидравлических обществах, в меньшей степени оно имелось во многих остальных. Это приводило к бюрократическому и крупному заочному землевладению. В целом англичане признавали прежних владельцев должностной земли, джагирдаров, в качестве собственников земли. В некоторых регионах они назначили прежних сборщиков налогов, заминдаров, собственниками земель, которые находились в их финансовой юрисдикции; во многих других случаях они передали арендаторам-крестьянам, райятвари, в полную собственность земли, которые те обрабатывали. Но земельная реформа, которая не защищает крестьян-собственников с помощью соответствующих образовательных, политических и экономических мер, особенно в сфере кредитования, обычно приносит им лишь временную пользу. Новые индийские крестьяне-собственники вскоре пали жертвой ростовщиков. В итоге многие из них были вынуждены продать свою землю чиновникам, заминдарам или другим богачам, которые в качестве заочных землевладельцев забирали себе половину или более половины урожая в качестве арендной платы. В 1950 году около 80 процентов земель находились в руках заочных землевладельцев или, другими словами, четыре пятых всех земельных площадей обрабатывали люди, которые этими землями не владели. Вместо вестернизации индийских деревень англичане навязали им одну из самых худших черт землевладения Востока: бюрократическое и крупное заочное землевладение.

^k А также в негидравлических регионах. Решительная политика в центре и чрезвычайная сила государства в колониальных обществах в этих регионах во многом ответственны за сохранившуюся значимость правительственной бюрократии и за исключительную мощь её принудительной ветви - армии. [Назад](#)

^l Всестороннее исследование неравномерного роста современного среднего класса в различных областях современной Латинской Америки см. в [Кревенна]. [Назад](#)

^m В Индонезии, как и в Таиланде и других странах Юго-Восточной Азии, существует значительное китайское бизнес-сообщество. Но, как и в Таиланде, китайские капиталисты Индонезии считаются иностранцами, и по этой причине они не могут выполнять политические функции рассматриваемого местного среднего класса. [Назад](#)

10.В.3.с. Полузависимые (полуколониальные) страны

Новейшая история Ближнего Востока (приблизительно охватывающего территорию бывшей Османской империи) и континентального Дальнего Востока (Китай) демонстрирует развитие гидравлических стран, которые хотя и не были колонизированы, но явно находились под давлением со стороны промышленного Запада. В обоих случаях несколько великих держав боролись за контроль над территориями, но ни одна не была достаточно сильна, чтобы установить свою гегемонию. В обоих случаях негативные последствия вмешательства Запада, которые были тяжёлыми, в некоторой степени смягчались тем, что целевые регионы оставались независимыми, а их правительства играли активную роль в модернизации своих стран.

На Ближнем Востоке ряд военных поражений ослабил влияние Константинополя над турецкими провинциями, где местная элита стремилась укрепить своё положение, во-первых, за счёт отмены привилегий таких связанных с правительством чиновников, как сборщики налогов и владельцы должностной земли, во-вторых, отдав большую часть земли тем, кто её возделывал. Как и в Индии, многие плохо образованные и плохо организованные крестьяне, имевшие плохое техническое оснащение, вскоре были вынуждены продавать свою недавно приобретённую собственность богачам: бывшим сборщикам налогов, гражданским и военным служащим, деревенским шейхам и богатым горожанам свободных профессий, не связанных с правительством.

В результате этого процесса бюрократическое и крупное заочное землевладение до сегодняшнего дня преобладает в Египте, Сирии, Ираке, Ливане и других частях Ближнего Востока^u. И введение некоторых технических новшеств шло

рука об руку с сохранением квазигидравлических моделей общества, которые слабо стимулировали рост современного среднего или рабочего классов или грамотного и политически организованного крестьянства.

В центральной области Османского владычества, Анатолии, всё происходило иначе. Этот регион подвергся серьёзному и непосредственному вмешательству со стороны великих держав в большей степени, чем отдалённые провинции, которые постепенно откололись от империи. Последствия капитуляций Османской империи, которые давали привилегированным иностранцам судебную и экономическую экстерриториальность, были особенно очевидны в Константинополе, где проживало большинство османских бенефициаров. Вкупе с иностранным контролем долгов Турции и деятельностью Международного совета эти последствия сильно снизили уровень экономики и международный престиж страны.

Но арена наибольшего унижения Турции также стала ареной самого сильного политического и интеллектуального возрождения. В 1876 году в Константинополе была временно принята парламентская конституция. Позже в старой метрополии началось реформистское движение младотурков. И в этой же метрополии Кемаль Ататюрк и его последователи заложили основы нового национального турецкого государства.

Нынешняя Турция не имеет почти никакого среднего класса в современном понимании этого термина. Но на политическом уровне была создана многопартийная система, а на социально-экономическом уровне были поддержаны частная собственность и предпринимательство. Поэтому опытные наблюдатели считают, что в Турции нарушен традиционный порочный круг бюрократической власти, эксплуатации и привилегий.

Внешние политические колебания указывают на сложность этого процесса. Но о нём можно сказать многое. Развитие современной Турции, которая является одновременно независимой и тесно связанной с Западом, показывает значительное сходство с Россией в конце XIX и начале XX веков, а также значительное несходство с докоммунистическим Китаем.

Если бы наличие крупных сегментов частной собственности и предпринимательства являлось решающим фактором для преобразования гидравлического общества в полицентричное западное общество, то ни одна страна не была бы лучше подготовлена к переходу на этот путь развития, чем Китай. В Китае частная земельная собственность существовала значительно дольше, чем в Турции или царской России, а традиции частной ремесленной деятельности и торговли, включая крупную торговлю, были столь же древними. Но случай Китая бесспорно демонстрирует, что появление современного среднего класса западного типа зависит от чего-то большего, чем крупная частная собственность и предпринимательство.

С 1840 года Китай испытывал давление извне. Неравноправные договоры, международные концессии, экстерриториальность и иностранный контроль над морской таможней ослабили абсолютистское правительство настолько, что внутренние враги смогли свергнуть его и провозгласить республику. Но события, которые последовали за революцией 1911 года, показали и политическое единство страны, и её социальную инертность. Китай, хотя и распался временно на ряд удельных режимов во главе с бюрократическими военачальниками, не породил прочный современный средний класс, и это несмотря на то, что немало местных бизнес-сообществ в концессиях и за рубежом поддерживали усилия доктора Сунь Ятсена, направленные на модернизацию.

Эта ситуация не изменилась коренным образом, когда в 1927-28 годах Гомиьдан под руководством Чан Кайши совершил непрочное воссоединение самого Китая. Продолжавшееся вмешательство других стран, усугублявшееся действиями руководимых СССР коммунистов, помешало Националистическому правительству получить полный контроль над страной. И хотя современные буржуазные силы временно оказывали некоторое влияние на центральное правительство, они оставались слабыми в администрациях провинций, где по-прежнему в значительной мере господствовала традиционная агроуправленческая бюрократия.

Но, несмотря на все эти препятствия, развитие Китая не прекратилось. Всё больше внедрялись западные технологии; западные идеи нашли своё выражение в образовании, в возрастающей роли женщин, а также в относительно свободной прессе. Сбросив иноземные оковы, страна смогла бы значительно ускорить своё культурное и социальное преобразование.

Вторая мировая война положила конец многим западным привилегиям, которые нанесли урон Китаю. Но облегчение пришло слишком поздно. Оно произошло во время войны, когда японцы, занимая промышленные города и порты, открытые по договорам для внешней торговли, роковым образом ослабили современный средний класс Китая. Оно произошло во время войны, когда коммунисты смогли основательно проникнуть в слабо интегрированное и жестоко обременённое китайское общество.

Когда в Турции закончился период полузависимости, дорога к современному некоммунистическому обществу была чиста и открыта. Когда этот период закончился в Китае, возможности для диверсионного изменения, хотя и расширенные западными державами, были заблокированы коммунистами.

¹¹ Кук не интерпретирует отношения между положением бюрократии и крупным заочным землевладением в этих странах как следствие традиционного бюрократического правления. Но он также признаёт, что в Османской империи

пересекаются сферы гражданской и военной службы, религиозного управления и земельной собственности. [Назад](#)

10.В.3.d. Возникает новая эволюционная сила: советский коммунизм

В 1920-е годы Советский Союз был слишком слаб для того, чтобы решительно влиять даже на такие страны, как Турция, которой он оказал значительную экономическую помощь. В 30-е годы он стал играть важную роль в международной дипломатии. А после Второй мировой войны он открыто конкурировал с Западом за мировое лидерство.

Таким образом, подъем СССР предоставляет наследникам гидравлических обществ новую альтернативу. Там, где стремившиеся к институциональным изменениям страны прежде видели только одну цель, теперь они видят две, и это произошло из-за большевистской революции. В чём эволюционный смысл этой революции?

10.В.4. Гидравлическое общество в переломный момент

10.В.4.a. Эволюционная проблема, лежащая в основе большевистской революции

Среди главных стран мира Востока, которые порвали со своим агродеспотическим прошлым, первой отвергнувшей западное общество страной была Россия. Это имеет решающее значение, потому что до 1917 года Россия далеко продвинулась в своей вестернизации, а после 1917 года стала самым влиятельным источником антизападных действий в Азии и в других регионах.

О степени вестернизации России весной 1917 года свидетельствует политическая значимость кадетов - партии среднего класса, эсеров - крестьянской партии, а также меньшевиков, все эти партии стремились к парламентскому и демократическому правлению. Не большевиков, а именно эти партии после Февральской революции поддержало большинство крестьян, рабочих и солдат. Основная масса крестьянства была за эсеров; основная масса рабочих была либо за эсеров, либо за меньшевиков. (В апреле 1917 года Ленин признал, что в большинстве советов рабочих депутатов большевики находились в меньшинстве.) И среди солдат, которые в основном были выходцами из

крестьянства, ситуация была аналогичной. Даже на выборах в Учредительное собрание, которые состоялись осенью 1917 года, за эсеров проголосовало больше солдат, чем за большевиков. На самом деле эсеры получили тогда 58 процентов от общего числа голосов.

Интеллигенция были ещё менее склонна следовать за большевиками. Интеллигенты, настроенные процаристски, были политически дискредитированы, а либералы и социалисты были одинаково чужды царизму и большевизму. Не удивительно, что после Февральской революции демократические партии преобладали не только в гражданском правительстве и армии, но и в первых советах, в новых крестьянских организациях и в профсоюзах⁹.

В своей аграрной программе эсеры предлагали распределить всю отчуждённую землю между сельскими тружениками. Это было гораздо более привлекательно для крестьян, чем требование Ленина: после национализации всей земли крупные имения должны работать как образцовые хозяйства под контролем Совета батрацких депутатов и на общественный счёт⁹.

Что касается войны, все демократические группы, выдвигая различную аргументацию, отвергали сепаратный мир с Германией. И хотя большевики внесли в дебаты резкую антикапиталистическую ноту, они тоже изначально не поддерживали такую идею. В своих Апрельских тезисах Ленина обозначил условия революционной войны. Хотя он решительно возражал против господствовавшей политики революционного оборончества, но убеждал проявлять предельную терпимость по отношению к массам, которые честно признавали войну только по необходимости, а не ради завоеваний. И позже, в июне, он отверг сепаратный мир, который, по его мнению, являлся бы соглашением с немецкими разбойниками, потому что они грабят так же, как и другие.

Лозунг Ленина о рабочем контроле над промышленным производством становился всё более популярным в заводских комитетах. Но до Октябрьской революции это не привело к господству большевиков в профсоюзах.

Очевидно, что в России в 1917 году существовала по-настоящему открытая историческая ситуация. Если бы новое руководство защищало и развивало новые формы свободы поистине революционным путём, имелись бы не гипотетические, а реальные шансы завершить превращение России в полицентричную демократическую страну. Но у нового руководства не было ни опыта, ни решимости. Боясь оттолкнуть своих западных союзников, они продолжали войну, вести которую у них не было сил. И боясь нарушить правильную законную процедуру, они откладывали столь необходимую земельную реформу до открытия Учредительного собрания, которое оказалось не в состоянии функционировать.

Таким образом, большевики получили свой серьёзный шанс в основном из-за невыполнения другими своих обязательств. После Июльского восстания Ленин, пересмотрев свою прежнюю позицию, решил, что в войне против немцев *должен быть предложен немедленный и безусловный мир*. А вскоре он сделал столь же крутой поворот на внутреннем фронте. Отбросив свой обычный план по превращению крупных земельных угодий в образцовые хозяйства, он полностью принял (его противники говорили: 'Украл') эсеровскую программу распределения земли между крестьянами, программу, которую он незадолго до этого отвергнул и всё ещё не одобрял, открыто давая это понять. Также он отбросил принцип поддержки партии большинством населения, который до этого времени считал основной предпосылкой для захвата власти. Видя, что большинство населения не одобряло и считало запутанной политику Временного правительства, которое всё ещё имело голоса избирателей, Ленин со своей стороны сплотил меньшинство городских и сельских активистов, которое оказалось достаточно сильным, чтобы поставить его самого и его партию у руля советской диктатуры.

Более благоприятные международные условия и более отзывчивые и полезные демократические союзники могли бы склонить чашу весов в пользу противоположной стороны. Но ситуация была иной, политическая слабость прозападных сил России парализовала диверсионную революцию в стране и открыла путь для развития совершенно иного типа.

° Это были меньшевики, а не большевики, которые на первых порах контролировали быстро растущие профсоюзы. [Назад](#)

Р При выдвижении этого требования в своих Апрельских тезисах Ленин повторил принцип марксизма, который был особенно разработан ведущим ортодоксальным марксистом Каутским. Суть этой политики - удерживать земли крупных имений от крестьян. [Назад](#)

10.В.4.в. СССР - азиатская реставрация России?

К чему это привело? Конечно, не к социалистическому строю в понимании Маркса и в дооктябрьском понимании Ленина. Как показано в главе 9, сам Ленин в конце жизни считал, что Россия движется по пути азиатской реставрации. Пессимизм Ленина логически вытекал из его ранних взглядов и позднего опыта. Он вытекал из его знания об упорстве Маркса в вопросе примитивного демократического контроля над протосоциалистическим государством, как показала Парижская коммуна. Он вытекал из его признания идеи Маркса и Энгельса о том, что рассредоточенные сельские общины

составляли экономическую основу деспотизма Востока в целом и царизма как его варианта в частности. Он вытекал из его собственного мнения о том, что есть только одна абсолютная гарантия того, как предотвратить превращение долгожданной русской революции в азиатскую реставрацию - победа социализма в промышленно развитых странах Запада, и только одна относительная гарантия - строгое соблюдение демократического контроля над новым революционным правительством (без бюрократии, без армии, без органов внутреннего надзора). И он вытекал из событий, произошедших после Октябрьской революции: в крупных промышленных странах Запада не произошла ни одна социалистическая революция, а Советский режим быстро создал новую бюрократию, постоянную армию и органы внутреннего надзора.

Бухарин и его 'левые' друзья яростно вступали против новой бюрократической централизацией и угрожающего порабощения рабочего класса ещё весной 1918 года. Коммунистическая партия нападала на частичное возрождение бюрократии в своей программе, обнародованной в 1919 году. А в 1921 году Ленин описал новую советскую бюрократию таким образом, что было возможно одно и только одно толкование: новая бюрократия была чудовищной силой, которая двигала Россию к азиатской реставрации. В 1922 году 'непролетарские' и 'чуждые' представители новой бюрократической машины оказались настолько сильны, что Ленин уже не был уверен, они или малочисленная 'старая партийная гвардия' держали нити в своих руках. 'Кто кого контролирует?' Только безраздельный авторитет 'старой гвардии' всё ещё препятствовал полной победе новых 'чуждых' социальных сил. И этот авторитет мог быть подорван небольшой внутренней борьбой в этом слое. Он был подорван вскоре после смерти Ленина.

Конечно, это вовсе не означает, что советское общество изначально имело протосоциалистическую особенность, которую потеряло к 1922 году или вскоре после этого. Запоздалые предупреждения Ленина указывают на проблему, но они же демонстрируют, что он не желал полностью осознать реальное положение дел. Согласно утверждениям Маркса и дооктябрьским утверждениям Ленина, социализм есть экономическое планирование плюс эффективный общественный контроль над планированием. Большевики не допустили такого контроля, когда после совершённого ими революционного захвата власти занимались экономическим планированием в постоянно растущем масштабе. По меркам марксизма-ленинизма, в Советской России были отдельные социалисты, но никогда не было социализма.

Но не было и азиатской реставрации. Вполне понятно, почему в 1921 году Ленин рассматривал новую советскую бюрократию как силу, господствовавшую над разрозненными и рассредоточенными мелкими производителями. В конце Гражданской войны, в 1920 году, крупная промышленность производила чуть более 10 процентов от довоенного объёма продукции, и большинство промышленных рабочих вернулись в свои деревни. Страна в основном зависела от фрагментированной крестьянской экономики и

кое-какого маломасштабного производства^а, сохранившегося в деревнях и в пришедших в упадок городах^б. Ленин зашёл так далеко, что сказал в 1921 году: 'Пролетариат деклассирован'.

Эти обстоятельства объясняют, почему между 1921 и 1923 годами Ленин объяснял сущность новой бюрократии терминами, которые марксисты использовали для определения деспотизма Востока. Эти обстоятельства объясняют, почему он говорил о полуазиатском отсутствии культуры в стране и об азиатском способе торговли крестьян. Впрочем, его вера в то, что представители нового государственного аппарата создавали новый вариант старой азиатской системы России, была глубоко ошибочной.

Она была ошибочной, потому что он недооценил экономический менталитет представителей нового аппарата. Этим людям не удовлетворяло господство над миром крестьян и ремесленников. Они знали о потенциале современной промышленности. Одержимые квазирелигиозной социалистической мечтой^с, они стремились реализовать её в первую очередь в рамках того максимума производства продукции, который был ранее в России, и, начиная с плана первой пятилетки, далеко превзойти эти показатели.

Таким образом, хотя элита Советской России сохранила ключевую особенность агродеспотического общества, монопольное положение своей правящей бюрократии, она совершила гораздо большее, чем сохранение этого общества. Ещё до коллективизации сельского хозяйства советские аппаратчики (apparatchiki) располагали механизированной системой связи и промышленностью, которые делали их полууправленческое положение отличным от полууправленческого положения агрогидравлической бюрократии и потенциально превосходящим его. Национализированный промышленный аппарат нового полууправленческого строя предоставил им новые средства организации, пропаганды и принуждения, которые позволили им ликвидировать мелких крестьянских производителей как экономический класс. Выполненная коллективизация превратила крестьян в сельскохозяйственных рабочих, которые трудятся для одного хозяина: нового аппаратного государства^д.

Аграрный деспотизм старого общества, которое в лучшем случае было полууправленческим, сочетал тотальную политическую власть с ограниченным социальным и интеллектуальным контролем. Промышленный деспотизм всецело развитого и тотально управленческого аппаратного общества сочетает тотальную политическую власть с тотальным социальным и интеллектуальным контролем.

Помня о том, как Ленин подчёркивал значимость аппарата в качестве средства захвата и удержания тотальной власти, я называю подлинно деспотическое государство 'аппаратным государством'. Этот термин охватывает и аграрные, и промышленные формы тотального этатизма. Есть ли какое-либо марксистское определение, которое может быть применено специально для нового промышленного аппаратного общества?

Это новое аппаратное общество называют 'неофеодализмом' и 'государственным капитализмом'. Оба определения не подходят. 'Феодализм' однозначно не соответствует наиболее централизованному политическому строю из всех известных до сих пор, а 'государственный капитализм' не соответствует формации, которая исключает частные средства производства и открытый рынок товаров и рабочей силы.

Маркс явно переоценил гнетущую атмосферу общества Востока, которое он считал системой всеобщего рабства. С долей иронии, но вполне уместно это обозначение, однако, может быть использовано для нового промышленного аппаратного общества. Мы можем с уверенностью сказать, что Октябрьская революция, независимо от провозглашённых ей целей, породила основанную на промышленном развитии систему всеобщего (государственного) рабства.

^q В 1920 году маломасштабное производство России всё ещё производило около 44 процентов от объёма продукции 1913 года. [Назад](#)

^r Города потеряли от одной трети до более половины своего населения. [Назад](#)

^s Обсуждение марксизма-ленинизма как светской религии см. в [Гурьян]. [Назад](#)

^t Новаторский анализ Советского Союза как нового классового общества см. в [Мейер]. [Назад](#)

10.В.4.с. Коммунистический Китай - продукт подлинной азиатской реставрации?

А что насчёт коммунистического Китая? В отличие от России, которая в XX веке добилась больших успехов на пути индустриализации, Китай всё ещё является преимущественно земледельческой страной, где коммунисты вышли на политическую арену спустя некоторое время после Первой мировой войны. И там не существовало многочисленного современного китайского среднего класса, когда коммунисты предприняли решающую попытку прийти к власти после Второй мировой войны. Разве поэтому не является достоверным утверждение, что Мао Цзэдун и его последователи создали аграрный деспотизм, который, несмотря на внешние изменения, породил нечто очень схожее с великими деспотическими режимами китайского прошлого?

Действительно, немало сторонних наблюдателей посчитало временное отступление Мао в сельские регионы аграрным отклонением от промышленно-ориентированного марксизма-ленинизма. Но такая интерпретация не учитывает

ни стратегические цели Коминтерна, ни причины, которые вынуждали китайских коммунистов придерживаться этих целей во время аграрного периода своей деятельности.

Человек является идеологическим животным; он действует в соответствии со своими внутренними убеждениями, какая бы сфера жизни, религиозная или светская, ни находилась под угрозой. Всесторонняя философско-политическая система взглядов, такая как коммунизм, предоставляет своим сторонникам карту мира, арсенал оперативных директив (руководство к действию), знамя и мощный политический миф. Это вдохновляет тех, кто слепо разделяет эту систему взглядов, и парализует тех противников, которые находятся под впечатлением от неё.

С точки зрения китайских коммунистов, советская идеология оказалась в высшей степени эффективной. Правда, некоторые особенности эволюционной схемы были скорректированы, а новый протосоциалистический или социалистический строй не вписывается в марксистскую концепцию социализма. Но эти изменения затрагивают аспекты коммунистической доктрины, которая, вероятно, никогда не была реальной для коммунистов Китая или, если на то пошло, для коммунистов отсталых стран в целом. Мы можем увидеть трагедию в успехе Ленина, чьи эзоповы предупреждения против неоазиатских тенденций в советском обществе выявляют болезненное осознание отречения от принципов его социалистической системы взглядов. Но подобной трагедии нет в успехе Мао, потому что нет подобного осознания. Мао не предавал принципы социализма, которых официально придерживался, по той простой причине, что для него эти принципы не имели никакого значения.

Хотя сомнения Ленина не беспокоили китайских коммунистов, стратегия власти Москвы привлекала их безмерно. Имелась революционная система, популярная и привлекательная, которая вместе с надлежащей организованностью и надлежащими действиями могла привести к окончательной победе. Это произошло в России. Будучи правильно адаптированной (а коммунистический анализ глобальных условий является очень детальным), она может оказаться столь же успешной в других странах. Эта система требовала проведения индустриализации во всех районах коммунистического господства, но не по академическим причинам, а потому что в конечном счёте успех коммунистов в социально-политической сфере напрямую зависел от успеха коммунистов в производственной сфере.

Очевидна связь этих идей с долгосрочными перспективами китайских коммунистов. Любой на месте Мао Цзэдуна, кто рассматривал бы укрепление в сельских местностях в качестве неизменного принципа, а не в качестве временного стратегического плана, был бы не коммунистом, сделавшим шаг в сторону, а простым дураком. Он был бы подобен человеку, который всегда предпочитает палку пистолету, потому некогда в лесах у него для борьбы была только палка.

Но Мао не дурак. Он и его последователи никогда не считали себя лидерами крестьянской партии⁴, чьи действия были мотивированы и ограничены интересами деревень. Когда обстоятельства гражданской войны заставляли китайских коммунистов работать в сельской местности, они всегда предполагали вернуться в города. И когда они завладели городами, то сделали именно то, что большевики сделали после Октябрьской революции. Они восстановили, укрепили и развили все промышленные отрасли; они особенно стремились контролировать современное производство и механизированные средства связи. Таким образом, они были так же мало заинтересованы в азиатской реставрации, как и бюрократическая элита советского аппарата.

Учитывая должным образом особенности своей родины, находившейся в положении отсталой и полуколониальной страны, китайские коммунисты быстро установили новый полууправленческий строй, который отличается и по структуре, и по целям развития от полууправленческого строя аграрного деспотизма. Последующая коллективизация в сельской местности, при которой распределение земли осуществлялось более быстрыми темпами, чем это было в СССР, показывает решимость китайских коммунистов в том, чтобы без промедлений двигаться от полууправленческого к тотальному управленческому строю. Какими бы отклонениями ни сопровождалась эта гигантская операция (таких отклонений много, и иногда они являются пугающими), не вызывает сомнений основная тенденция к кристаллизации тоталитарной системы власти, экономики и классовой структуры.

⁴ Латтимор утверждал, что в течение десяти лет, предшествовавших Японо-китайской войне, китайские коммунисты, отрезанные от городов и лишённые связи с городскими рабочими, стали крестьянской партией. [Назад](#)

10.С. Куда движется Азия?

По очевидным причинам создание коммунистического режима в Китае повлияло на колониальные и бывшие колониальные страны Востока гораздо более непосредственно, чем создание СССР. Россия, в которой власть захватил Ленин, казалась восточным (Eastern) наблюдателям европейской страной, одной из тех, которые до недавнего времени осуществляли империалистический контроль над бескрайними просторами Азии. Китай, в котором власть захватила партия Мао, по-прежнему считался страной Востока, одной из тех, которые серьёзно пострадали от западного и японского империализма.

Конечно, сторонники коммунистического антиимпериализма взывали к национальным революционерам Азии и до того, как китайские коммунисты

захватили материковую часть Китая. Советский Союз установил дружественные отношения с Турцией Ататюрка ещё в 1920 году и с Сунь Ятсеном и его кантонским правительством в 1923 году. А Неру выделялся на организованном коммунистами Первом съезде Лиги против империализма в Брюсселе в 1927 году.

Но хотя в 1920-е годы азиатские национальные революционеры были способны игнорировать советское завоевание Грузии и Туркестана, они не могли оставаться полностью слепыми к экспансии Москвы в Восточной Европе после Второй мировой войны и особенно к оккупации Пекином Тибета, большой страны во Внутренней Азии, чьё право быть свободной Мао Цзэдун публично признавал в 1930-е годы. Они ответили на эти действия, обратившись к идеям полуантиимпериализма^a, чьи сторонники всегда готовы атаковать шаткие силы старого, теряющего влияние капиталистического империализма, тогда как тотальную колониальную политику коммунистической России и коммунистического Китая критикуют с неохотой.

Такое поведение ясно показывает, что враждебность по отношению к западному империализму есть лишь одна из причин популярности коммунистических режимов в некоммунистической Азии. Другой чрезвычайно веской причиной является тяга к коммунистической системе управленческого этатизма и восхищение ею.

Политолог, принимающий во внимание только формы правления, может утверждать, что после освобождения большинство некоммунистических стран Востока признавали парламентскую форму правления только на словах и что в некоторых азиатских странах, таких как Индия, ведущие политические деятели очень серьёзно относятся к своим демократическим взглядам. Совершенно верно. Но политолог, глубоко исследующий феномен власти, знает, что в различных институциональных условиях одна и та же форма правления может иметь совершенно разные сущности. Римский сенат в пору расцвета республики имел мало общего с правительственным органом, который, называясь так же, действовал во времена империи; и сентиментальная забота Августа о славных традициях Рима не восстановила республику, ибо Август был достаточно осторожен и сохранил верховный центр власти вне действовавших органов управления и над ними.

Куда движется Азия? Отвечая на этот вопрос, мы должны помнить, что капиталистической колонизации в течение трёхсот лет своего господства не удалось развить на Востоке полицентричные общества, опирающиеся на прочный средний класс, организованных рабочих и независимое крестьянство. Мы должны помнить, что большинство конституций новых суверенных азиатских стран прямо или косвенно провозглашают этатизм в качестве основного признака своих форм правления^b. Мы должны помнить, что во многих случаях - мы исключаем Ататюрка - стремление к этатизму подкреплялось демократическо-социалистическими принципами, а в

большинстве из этих случаев - мы исключаем Сунь Ятсена - те, кто провозглашали себя демократическими социалистами, также провозглашали себя почитателями Маркса.

Исследователью Азии, естественно, хочется знать, насколько серьёзно азиатские социалисты принимают азиатские идеи Маркса: его теорию азиатского способа производства, которая выделяет частную собственность в качестве ключевой потребности для преодоления устоев азиатского общества, находящегося под гнётом государства; его концепцию многонаправленного развития, которая предостерегает от применения любой простой схемы однонаправленного развития; его определение социализма, которое включает в себя общественный контроль в качестве одного из важнейших элементов, в результате чего оказывается невозможным назвать коммунистическую Россию и коммунистический Китай социалистическими или протосоциалистическими странами; его Восточную интерпретацию царской России, которая вынудила Плеханова и Ленина обсуждать опасность азиатской реставрации.

Может показаться странным, но эти идеи безразличны для азиатских социалистов, как и для азиатских коммунистов. И это верно для ораторов социалистических партий, как и для социалистов, таких как Неру, которые не принадлежат ни к одной подобной организации. Неру, считающий проделанный Марксом общий анализ социального развития в высшей степени правильным, по-видимому, не был впечатлён проделанным Марксом анализом социального развития Индии, который он вряд ли мог не заметить, так как труды Маркса на эту тему распространены в Индии в нескольких изданиях.

Конечно, официальные представители различных азиатских социалистических партий резко нападают на русский коммунизм и китайский коммунизм из-за их тоталитаризма. Но, не обращая внимание на мнение Маркса об азиатском обществе и социализме, они игнорируют то, что с точки зрения 'научного социализма' могло бы быть решающим критическим критерием. И они скрывают мрачный подтекст социального прошлого своих стран, называя это прошлое 'феодальным' и помещая его в грубую схему однонаправленного развития.

Такие методы нельзя оправдать утверждением, что демократические марксисты Европы также пренебрегают азиатскими идеями Маркса. Хотя европейские социалисты не высказывали политические мнения, которые высказывал Плеханов, они, безусловно, признавали выдвинутую Марксом концепцию азиатского способа производства. Действительно, Роза Люксембург, которую высоко оценил ведущий индийский социалист Мета, открыто обсуждала гидравлический и застойный характер обществ Востока.

Но даже если европейские социалисты пренебрегли этими обществами, которые были для них второстепенной проблемой, это не оправдывает азиатских социалистов. Связанные в первую очередь с Азией, они должны были обратить особое внимание на то, что Маркс говорил по этому поводу. Но вместо того

чтобы сделать это, они упорно отстраняются от выдвинутой Марксом и Энгельсом теории азиатского общества.

Это упущение не спасает азиатских социалистов от противостояния чрезмерному росту бюрократии в своих регионах и от неприятия российского и китайского коммунистических режимов. Однако оно приводит к молчаливой поддержке политики, которая пытается как можно скорее отвергнуть то, чего, согласно Марксу, больше всего жаждет азиатское общество, - частную земельную собственность.

И вовсе не исключено, что это косвенно поощряет положительную оценку управленческого этатизма СССР и коммунистического Китая. В 1930-е годы Неру рассматривал Советский Союз как страну, управляемую представителями рабочих и крестьян и в некотором роде самую передовую страну в мире. В 1940-е годы он одобрительно цитировал мнение Тагора о том, что СССР свободен от возмутительных различий между классами, а советский режим базируется не на эксплуатации, а на сотрудничестве. А в 1950-е годы он уравнивал деспотические элиты коммунистической России и коммунистического Китая с их народами и изображал Мао и его помощников людьми, движущими к свободе тех, кем они правят^е.

Как и его индийский коллега, премьер-министр Бирмы У Ну не может не знать об опасности коммунистической экспансии. Но в 1954 году он с гордостью отметил внутреннюю и внешнюю силу режима Мао. Он высоко оценил китайских коммунистов за упразднение коррупции и за улучшение положения бесчисленных погранных миллионов людей. Он сказал это о режиме, лидеры которого открыто и неоднократно признавали проблемы коррупции. И он сказал это в то время, когда предпринятая Мао политика насильственного кооперирования ломала хребет китайскому крестьянству.

Исключая Японию, которая никогда не была гидравлической цивилизацией, и полностью признавая региональные различия, мы видим, что большинство некоммунистических народов Востока институционально амбивалентны и находятся под влиянием полу- или криптокоммунистической идеологии, которая за счёт усиления авторитета марксизма-ленинизма, как показала ленинградская дискуссия 1931 года, ведёт к ослаблению их политической независимости.

Означает ли это, что впитавшие эту идеологию страны одна за другой перестанут сопротивляться политической эрозии, которой их подвергает стратегия коммунистов? Такой поворот вполне возможен. И хотя его последствия повлекли бы за собой гораздо большее, чем азиатскую реставрацию, в одном отношении он заслуживает это определение: это оказалось бы впечатляющим проявлением регрессивного социального развития.

^a Отличным примером этой полуантиимпериалистической позиции является 'Азия и западное господство' Паниккара. Индийский автор очень откровенен в своей критике западного империализма в Азии и очень мягок в отношении коммунистического империализма. Цитируя Латтимора, Паниккар находит добрые слова также и для царского империализма, который он, очевидно, считает предвестником современного советского империализма. [Назад](#)

^b Принцип этатизма торжественно провозглашён в статье 2 конституции Турции. Семантически этот принцип также определён в конституциях националистического Китая, Индии, Бирмы и Индонезии. [Назад](#)

^c Дополнительно к этому изданию: в последнее время оценка режима Мао со стороны Неру претерпела значительные изменения. [Назад](#)

10.D. Куда движется западное общество, туда движется человечество?

Может ли Запад предотвратить такое развитие событий, которое способно расширить систему бюрократического государственного рабства до масштабов двух третей человечества? История добольшевистской России показывает, что страны Восточного типа, которые являются независимыми и находятся в тесном контакте с Западом, могут активно продвигаться к полицентричному и демократическому обществу. Как сказано выше, диверсионное преобразование такого рода начиналось во многих некоммунистических странах Востока, и оно может носить судьбоносный характер в определённый момент времени и при определённой возможности. Но настанет ли это время? И будет ли такая возможность?

Время уже на исходе. И возможность, если она должна иметь какой-то шанс на успех, предполагает влияние Запада, который хорошо информирован о бюрократическом тоталитаризме и чья позиция по отношению к последнему являлась бы решительной. Но сегодня позиция Запада таковой не является.

Общественное мнение в ведущих западных странах амбивалентно относительно формы и функции управленческой бюрократии, как и относительно формы и функции частной собственности и предпринимательства. Вторая промышленная революция, которую мы сейчас переживаем, сохраняет принципы полицентричного общества благодаря крупным бюрократизированным комплексам, которые взаимно контролируют друг друга в горизонтальной плоскости^a, самые главные: Большое Правительство, Большой Бизнес, Большое Сельское Хозяйство и Большой Трудовой Союз. Но разрушение одного важного неправительственного комплекса может привести к падению других. При фашизме и национал-социализме ликвидация Большого Трудового Союза настолько укрепила Большое Правительство, что в конечном итоге под угрозой

оказались Большой Бизнес и Большое Сельское Хозяйство^b. А в Советской России ликвидация Большого Бизнеса и Большого Сельского Хозяйства быстро позволила Большому Правительству подчинить себе рабочих.

Этот опыт должен предупреждать нас об опасностях, свойственных неконтролируемому бюрократическому господству. До какой степени мы можем доверять представителям любой Большой группы использование высшей тотальной власти, как только они получают её, чтобы служить интересам народа, а не своим собственным? До какой степени мы можем доверять суждениям служащих и не служащих представителей нашей сегментированной бюрократии, которые рассматривают коммунистическую монопольную бюрократию как прогрессивную форму тоталитаризма?^c

Западные писатели, преподаватели и практикующие политики, которые не понимают смысл нашего институционального и культурного наследия, плохо подготовлены к раскрытию своего творческого потенциала. И они также плохо подготовлены к борьбе с коммунистическим тоталитаризмом. Впрочем, необходимая военная готовность и смелая экономическая политика, возможно, являются лишь двумя из нескольких важных аспектов. Столь же важным является продуманное внедрение институциональных изменений. И самым важным является всестороннее понимание многообразного хода истории и возможностей и обязанностей, которые оно налагает на свободного человека, потому что это понимание является самым фундаментальным.

Без сомнения, мы находимся в центре открытой исторической ситуации, и, без сомнения, существует свобода эффективного выбора. Но наши прошлые промахи и нынешние дискуссии показывают, что мы до сих пор не использовали наши возможности грамотно. Мы не использовали в полном масштабе антитоталитарные силы в западном мире. И, не в состоянии совершить это, мы мало сделали для усиления антитоталитарных сил в гидравлических обществах, находившихся в процессе изменения.

Но пока царство свободы стремительно сокращается, растёт желание защищать и расширять его. Потрясённые решительной переоценкой нашего положения, мы всё ещё можем узнать, как прийти к победе, а не к поражению. Новое понимание ситуации, которое включает в себя полное осознание, убедительное обсуждение и дерзкое применение новых методов, может изменить облик военной и идейно-политической кампании. Оно может изменить облик исторического кризиса. В конце концов, готовность пожертвовать и желание взять на себя правильно оцененный риск совместных действий против тотального врага зависят от правильной оценки двух простых сущностей: рабство и свобода.

Источником духовной силы для примерных граждан классической Греции была решимость двух их соотечественников, Сперхия и Булиса, противостоявших соблазну тотальной власти. По пути в Сузы эти спартанские посланники были встречены Гидарном, высокопоставленным персидским чиновником, который

предложил им добиться могущества на своей родине, если они предадутся Великому Царю, его деспотическому повелителю. В интересах Греции и на благо всех свободных людей Геродот сохранил их ответ. 'Гидарн! - сказали они. - Твой совет, кажется, не со всех сторон одинаково хорошо обдуман. Ведь ты даёшь его нам, имея опыт лишь в одном; в другом же у тебя его нет. Тебе прекрасно известно, что значит быть рабом, а о том, что такое свобода - сладка ли она или горька, ты ничего не знаешь. Если бы тебе пришлось отведать свободы, то, пожалуй, ты дал бы нам совет сражаться за нее не только копьем, но и секирой'.

^a Уменьшение вертикального контроля снизу (избирателями, акционерами и рядовыми членами профсоюзов) идет рука об руку с увеличением контроля в горизонтальной плоскости. Последний не является новым (ср. историю фабричного законодательства в Англии). Но хотя его значимость возрастает, недавние коммунистические и фашистские революции показывают, что его способность предотвратить тоталитарное накопление власти ограничено. [Назад](#)

^b Перед окончанием Второй мировой войны были сделаны некоторые попытки проанализировать институциональные тенденции итальянского и немецкого фашизма, но сравнение с коммунистическим тоталитаризмом было поверхностным - или его вообще избегали. В последние годы наблюдается незначительный интерес к сравнительным исследованиям современного тоталитаризма, которые включают фашизм. Вопросом о роли Москвы в приходе Гитлера к власти также пренебрегают. [Назад](#)

^c Когда Джон К. Фэрбэнк подчеркнул различие между фашистско-консервативной и коммунистическо-прогрессивной формами тоталитаризма, он кратко высказал в печати мнение, разделяемое сегодня многими интеллектуалами и чиновниками. [Назад](#)